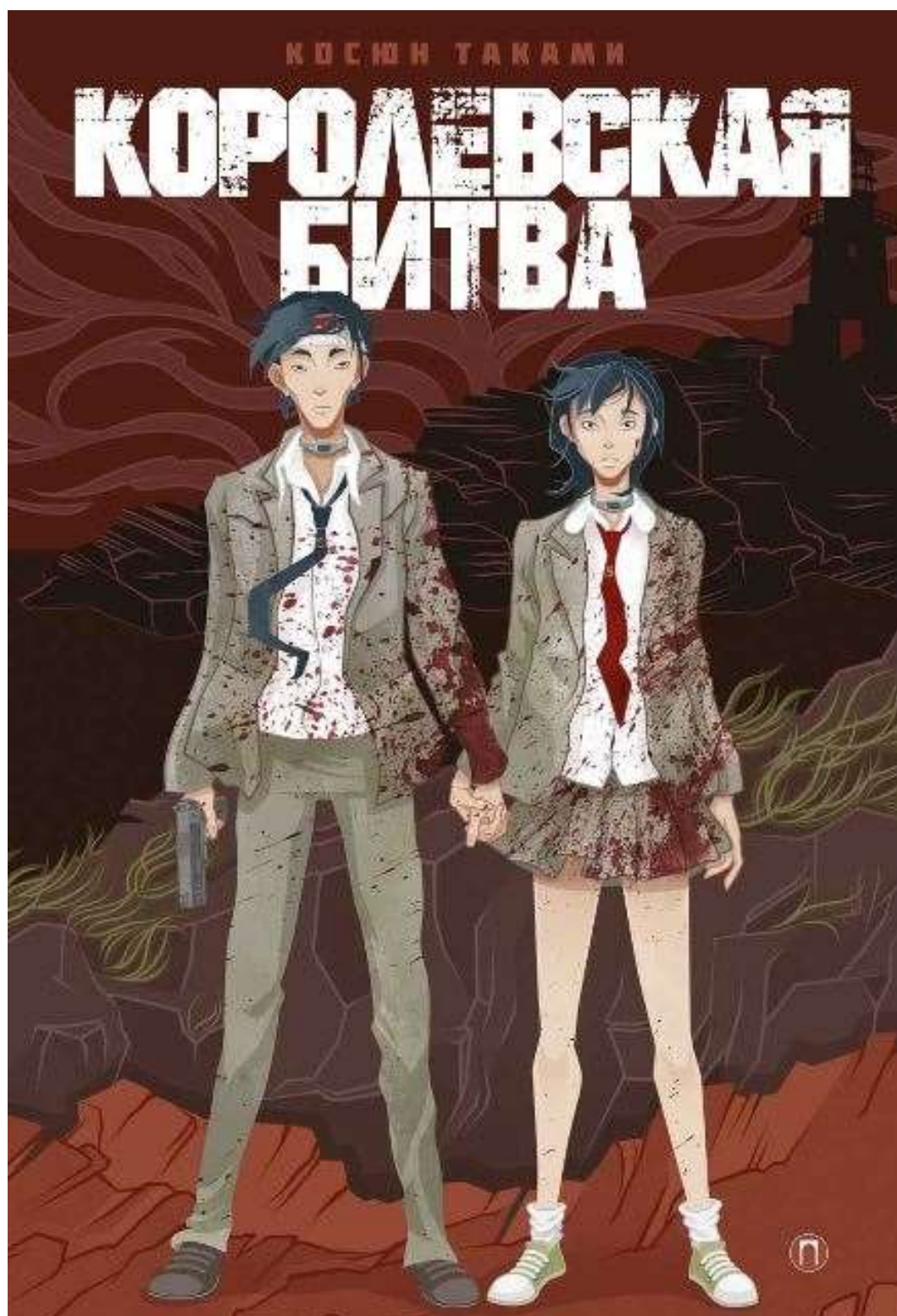

Косюн Таками

Королевская битва

Аннотация

Пустынный остров, сорок два школьника. Все вооружены. Задача — истребить друг друга. Домой вернется только один — последний выживший. А если через семьдесят два часа в живых останется больше одного участника игры, то умрут все.

Это в Японии недалекого будущего игра такая. Веселая и добрая. Которую придумали, захватившие власть националисты, желающие возродить самурайский дух нации. Называется «Королевская битва».

Роман японского писателя Косюна Таками кажется на первый взгляд очень жестоким. Как, собственно, и скандально известный одноименный фильм режиссера Фукасаку, вызвавший волну негодования у чиновников Министерства образования Японии и запрещенный к показу в Америке. Но это только на первый взгляд. Потому что, по сути, «Королевская битва», пропитанная духом войны, призвана показать, что есть жестокость, бессмысленность и беспощадность. Безусловная заслуга Таками в том, что он, в отличие от многих, не поет осанну насилию и «крутым парням». Он показывает, насколько эта реальность отвратительна.

Ученик — это вам не мандарин.

Кинпати Сакамото, учитель третьего класса "Б"

*Бродяги, детка, похожи на нас —
рождены беглецами.*

Брюс Спрингстин, «Рождены бежать»

Так тяжело любить!

Мотохару Сано, «Так тяжело любить»

Все последние недели в воздухе буквально висело что-то злое — здесь царила атмосфера подозрительности, страха, неуверенности и затаенной ненависти... Казалось, ты все время только и делаешь, что шушукаешься с кем-то по уголкам кафе, прикидывая, не полицейский ли шпик вон тот тип за соседним столиком.

...Не знаю, смогу ли я передать, как сильно меня все это задело.

Если кому-то это кажется мелочью, то зря. Читателю необходимо понять главное ощущение того времени — кошмарную атмосферу ненависти и подозрительности.

Джордж Оруэлл, «Памяти Каталонии»

Посвящаю эту книгу всем, кого люблю.

... Пусть даже не все это оценят

Таками, К.

ТРЕТИЙ КЛАСС "Б", МЛАДШАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА ГОРОДА СИРОИВЫ

Список учеников

МАЛЬЧИКИ

1. Ёсио Акамацу
2. Кэйта Иидзима
3. Тацумити Оки
4. Тосинори Ода
5. Сёго Кавада
6. Кадзуо Кирияма
7. Ёситоки Кунинобу
8. Ёдзи Курамото
9. Хироси Куронага
10. Рюхэй Сасагава
11. Хироки Сугимура
12. Ютака Сэто
13. Юитиро Такигути
14. Сё Цукиока
15. Сюя Нанахара
16. Кадзуси Ниида
17. Мицуру Нумаи
18. Тадакацу Хатагами
19. Синдзи Мимура
20. Кёити Мотобути
21. Кадзухико Ямамото

ДЕВОЧКИ

1. Мидзуо Инада
2. Юкиэ Уцуми
3. Мэгуми Это
4. Сакура Огава
5. Идзуми Канаи
6. Юкико Китано
7. Юмико Кусака
8. Каёко Котохики
9. Юко Сакаки
10. Хироно Симидзу
11. Мицуко Сома
12. Харука Ганидзава
13. Такако Тигуса
14. Маёми Тэндо
15. Норико Накагава
16. Юка Накагава
17. Сатоми Нода
18. Фумиё Фудзиёси
19. Тисато Мацуи
20. Каори Минами
21. Ёсими Яхаги

Введение

[Тирада фаната профессиональной борьбы в параллельном мире]

Чего? Королевская Битва? Какая такая «Королевская Битва»? А, брось, не говори мне, что ты ничего про нее не знаешь! Чего ради ты тогда профессиональную борьбу посмотреть пришел? Название приема? Название турнира? Нет, Королевская Битва — это такое особое состязание по профессиональной борьбе. Чего? «Сегодня»? Сегодня, здесь, ты хочешь сказать? Нет, сегодня ее в программе нет. Она только на огромных аренах по большим праздникам проводится. Ой, смотри, там Такако Иноуэ. Хотя ладно. Значит, Королевская Битва. Она по-прежнему Всеяпонской лигой профессиональной борьбы проводится. Короче, Королевская Битва — это... ну, знаешь, обычно в профессиональной борьбе сходятся один на один или там парами... а в Королевской Битве на ринг сразу десять — двенадцать борцов выскакивают. И тогда твоя воля нападать на кого хочешь, на одного, сразу на десятерых — без разницы. Неважно, сколько борцов кого-то прижмут... Чего? Ты чего, даже не знаешь, в каком смысле «прижмут»? Когда твои лопатки прижаты к коврику, тебе считают: раз-два-три — и ты проигрываешь. Тут все как обычно. Игроков также могут штрафовать, а временами кто-то нокаут получает. Ну да, и тут тоже счет идет. Еще тебя могут дисквалифицировать за нарушение правил. Большинство борцов в Королевской Битве проигрывает, когда их лопатками к коврику прижимают. Ну, давай же, Такако, давай! Жми, жми! Да ладно, сейчас дорасскажу. Короче, которые проигрывают, должны покинуть ринг. В игре все меньше борцов остается. В самом конце — только двое. Один на один — очень крутая схватка. Одного из этих двоих в конечном итоге лопатками к коврику прижимают. Тогда в ринге остается только один борец, и он победитель. Он выигрывает, понятно?

Ему дают огромный кубок и денежный приз. Ну чего, понял? А? Чего? Как насчет тех игроков, которые были друзьями? Ну, поначалу они, понятное дело, друг другу помогают. Но в конце концов им приходится бороться друг с другом. Правила нарушать нельзя. И, между прочим, именно так порой классные матчи и получаются. Вот помню — как-то раз вечные партнеры Тротил и Динамит остались последними игроками. Или, еще помню, то же самое — закадычные друзья Скотина и Птеродактиль. Хотя тогда что-то вроде облома вышло. Не помню кто, но один из этих парней специально на лопатки лег, чтобы его партнер выиграл — типа в знак дружбы... Ну да, бывает и наоборот — ты можешь объединяться с игроками, с которыми раньше враждовал. Но в тот самый момент, когда ты с кем-то объединился и собираешься кого-то еще придавить, этот самый «друг» может подло тебя предать и победить. Чего? Какую Королевскую Битву я бы сейчас хотел посмотреть? Ну, раз там такая уйма федераций, я бы хотел посмотреть Королевскую Битву с участием первых номеров всех федераций. Пусть там будут Кэйдзи Муто, Синя Хасимото, Мицухару Мисава, Тосиаки Кавада, Нобухико Такада, Масакацу Фунаки, Акира Маэда, Великий Сасукэ, Хаябуса, Кэндзи Такано, еще Гэнъитиро Тэнрю, Рики Тосю, Тацуми Фудзинами, да и Кэнго Кимура тоже бы не помешал. Забавно было бы Ёдзи Андзё и Супердельфина добавить. На самом деле они вполне могли бы двумя последними остаться. Если брать женщин, то первым делом, конечно, Такако, а потом пусть будут Адза Конг, Манами Тоёта, Кёко Иноуэ, Юмико Хотта, Акира Хокуто, Тёлка Накано, еще, конечно, Бомба Кансаи, еще Милашка Судзуки, еще Хикари Фукуока, Маюми Одзаки, Синобу Кандори, Тигуса Нагаё, а еще... Чего? Ты чего, никого из них не

знаешь? Да ты куда вообще пришел? Профессиональную борьбу смотреть? Ох, нет, нет, Такако, отбейся! Давай, Такако, давай! Вот так... вот так... хорошо, хорошо.

Пролог Докладная записка

Государственная докладная записка внутреннего хождения номер 00387461 за 1997 год (совершенно секретно)

Отправитель: инспектор секретариата центрального командования тактической группой особого назначения и советник по боевым экспериментам оборонительной армии особого назначения

Адресат: ответственный инспектор программы номер 12 (боевой эксперимент номер 62 от 1997 года)

(20 мая, 18:15)

Нами получены подтверждения факта проникновения в операционную систему центрального правительства. В момент осуществления данного проникновения, 12 марта, оно зафиксировано не было. В настоящее время мы изучаем дополнительную информацию о возможных повторных проникновениях в систему.

Ведется расследование для установления личности подозреваемого, его цели и вероятной утечки информации. Однако, ввиду весьма высокого уровня компьютерных навыков подозреваемого, нами прогнозируется существенная задержка в выдаче результатов упомянутого расследования.

Инспектор тактических сил особого назначения и отдел боевых экспериментов специальной оборонительной армии были проинформированы о том, что данные по боевому эксперименту номер 68 могли быть искажены. Как следствие, нами незамедлительно была рассмотрена возможность отсрочки выполнения программы номер 12 до конца 1997 года.

Однако, ввиду того, что подготовка к выполнению программы номер 12 уже завершена, а также ввиду того, что не существует никаких указаний на то, что вышеупомянутая информация каким-либо образом просочилась в гражданскую среду, нами сделано заключение, что данная программа должна выполняться в полном соответствии с графиком. Тем не менее нами будет обсуждаться пересмотр графика программ, следующих за номером 12, а также внесение изменений в дизайн устройства «Гвадалканал».

Как инспектору, ответственному за проведение эксперимента, вам, инспектор программы номер 12, надлежит приступить к исполнению своих обязанностей с предельной осторожностью.

Кроме того, данный инцидент проникновения в операционную систему классифицируется нами как совершенно секретная информация и впредь должен рассматриваться как таковая.

Часть 1
Начало игры
Осталось 42 ученика

0

Автобус въезжал в Такамацу, столицу префектуры Кагава, зеленые пригороды постепенно сменили городские улицы, освещенные разноцветными неоновыми огнями, фарами встречных машин и шахматными клеточками окон конторских зданий. Группа хорошо одетых мужчин и женщин, оживленно переговариваясь, поджидала такси перед уличным ресторанчиком. Усталые юнцы сидели на корточках на автостоянке у магазина «24 часа» и курили. Рабочий на велосипеде остановился у перекрестка, ожидая зеленого сигнала светофора. Для майского вечера было довольно зябко, а потому этот мужчина надел поверх рубашки поношенную куртку. Как и все остальные мимолетные впечатления, рабочий так и исчез за окном автобуса, проглоченный басовым гулом мотора. Цифровой дисплей над головой шофера переключился на 8:57.

Сюя Нанахара (ученик номер 15 третьего класса "Б" младшей средней школы города Сироивы, что в префектуре Кагава) всюду глазел на городские улицы, наваливаясь на Ёситоки Кунинобу (ученика номер 7), который сидел у окна. Когда же Ёситоки стал рыться у себя в сумке, Сюя воззрился на свою правую ногу, протянутую в проход. Затем он пошевелил пальцами ног, ощупывая старенькие кеды. Раньше такие кеды не так сложно было достать, но теперь они стали редкостью. Парусина порвалась на правой пятке, и отдельные нити торчали в стороны, точно усы у кота. Вообще-то обувная компания была американской, но конкретно эти кеды изготовили в Колумбии. В нынешнем, 1997 году, в Народной Республике Дальневосточная Азия не особенно ощущалась нехватка товаров. Собственно говоря, товаров там было просто завалилось, но импортные вещи в последнее время достать было сложно. Впрочем, могло ли быть иначе в стране, проводящей политику изоляционизма. Тем более что США — во всех учебниках их называли Американской империей — считались враждебным государством.

Из дальнего конца салона автобуса, освещаемого тусклыми лампами дневного света под закопченными панелями потолка, Сюя наблюдал за своими одноклассниками — их было сорок один человек. Все они были взволнованы и оживленно болтали. Со времени их отбытия из родного городка Сироивы не прошло и часа. Проводить первую ночь учебной экскурсии в автобусе казалось не слишком приятно, и что было еще хуже, на эту экскурсию их, вроде как, насильно погнали. Однако все успокоились, когда автобус, оставив позади мост Сэто, по шоссе Санё направился к месту их назначения, острову Кюсю.

Впереди, вокруг господина Хаясиды, их классного руководителя, сидели шумные девочки: Юкиэ Уцуми (ученица номер 2), староста девочек, очень симпатичная со своими косичками; Харука Танидзава (ученица номер 12), ее партнерша по волейбольной команде, самая высокая девочка в классе; Идзуми Канаи (ученица номер 5), девочка из состоятельной семьи, дочь члена горсовета; Сатоми Нода (ученица номер 17), прилежная отличница, она носила очки в металлической оправе, которые

очень подходили к ее умному и спокойному лицу; и Тисато Мацуи (ученица номер 19), всегда тихая и замкнутая. Все они были вполне обычными девочками. Можно было бы назвать их «нейтралками». Девочки, вообще-то, склонны объединяться в группировки, но поскольку ни одной конкретной и сколько-нибудь долго существовавшей компании в младшей средней школе города Сироивы не имелось, то так их характеризовать было бы не совсем верно. Если в нашем классе что-то такое и было, так это группировка «гопниц» — или, более точно и официально, малолетних преступниц, — во главе с Мицуко Сомой (ученицей номер 11). В эту компанию также входили Хироно Симидзу (ученица номер 10) и Ёсими Яхаги (ученица номер 21). Сюя не мог их видеть со своего места.

Сиденье сразу за кабиной водителя было слегка приподнято, и на нем то и дело подпрыгивали Кадзухико Ямамото (ученик номер 21) и Сакура Огава (ученица номер 4). Сюе были видны только головы этой самой дружной парочки в классе. Судя по этим головам, Кадзухико и Сакура все время смеялись. Они были очень смешливы, и любая мелочь могла их развеселить.

Чуть за ними в проход выступало солидное тело в школьной форме. Тело это принадлежало Ёсио Акамацу (ученику номер 1). Самый крупный мальчик в классе, Ёсио был очень робок и пуглив, а потому всегда становился мишенью шуток и оскорблений. В данный момент он сосредоточенно склонился над какой-то карманной видеоигрой.

Ближе к Сюе сидели спортсмены Тацумити Оки (ученик номер 3, гандбольная команда), Кадзуси Ниида (ученик номер 16, футбольная команда) и Тадакацу Хатагами (ученик номер 18, бейсбольная команда). Они держались вместе. Сам Сюя еще в начальной школе играл в бейсбол в Лиге юниоров и был там известен как звездный бомбардир. Какое-то время он дружил с Тадакацу, но потом раздружился. Отчасти из-за того, что перестал играть в бейсбол, но главным образом из-за того, что вместо этого начал играть на электрогитаре, а это занятие считалось «непатриотичным». Такие вещи в особенности нервировали матушку Тадакацу.

Да, рок был в этой стране вне закона. (Хотя, конечно, кое-какие лазейки имелись). Так, электрогитара поступила к Сюе вместе с утвержденным правительством ярлыком, на котором значилось: «Упадочническая музыка строго запрещена», а упадочнической музыкой был как раз рок.

«Если вдуматься, — размышлял Сюя, — то я не только увлечения поменял, но и друзей».

Тут он услышал, как за спиной у верзилы Ёсио Акамацу кто-то тихо смеется. Этим весельчаком был Синдзи Мимура, один из новых друзей Сюи. Синдзи носил короткую стрижку и затейливое кольцо в левом ухе. Синдзи стал его одноклассником на втором году учебы, но Сюя уже о нем слышал: Синдзи Мимура, по прозвищу Третий, был игроком стартовой пятерки школьной баскетбольной команды. Как спортсмены, они с Сюей были на равных, хотя Синдзи считал, что он лучше. Впервые оказавшись вместе на баскетбольной площадке во время занятий физкультурой, они составили грозный дуэт, а потому было вполне естественно, что они быстро достигли взаимопонимания и подружились. Впрочем, помимо спорта, Синдзи еще много чем увлекался. Да, если не считать математики и английского, оценки у Третьего были так себе, зато широта его знаний о реальном мире просто поражала, и зрелостью своих воззрений он

существенно превосходил сверстников. Загадочным образом у Синдзи неизменно находился ответ на вопрос, связанный с той заграничной информацией, которую в их стране вроде бы никак было не получить. И он всегда знал, что сказать, когда ты не в духе, например: «Знаешь, брось так переживать, мне все равно хуже». Но при этом Синдзи не страдал высокомерием. Он всегда улыбался и отшучивался. Никогда он не бывал занят только собой, любимым. В целом Синдзи Мимура был отличным парнем.

Синдзи сидел рядом со своим приятелем еще по начальной школе, Ютакой Сэто (учеником номер 12). Ютака был у них в классе главным шутником. Сейчас он наверняка опять сострил, раз Синдзи смеялся.

Позади них сидел Хироки Сугимура (ученик номер 11). Его долговязое тело едва умещалось на небольшом сиденье, он читал какую-то книжку в мягкой обложке. Хироки всерьез занимался боевыми искусствами, а потому буквально излучал суровость и крутизну. Он был не слишком разговорчив, но когда Сюя узнал его получше, оказалось, что он удивительно славный малый. Хироки был просто застенчив. Теперь Сюя с ним дружил. Вероятно, сейчас Хироки читал книжку китайской поэзии, которая так ему нравилась. (Китайские переводные книжки достать было несложно. Ничего удивительного — Народная Республика объявляла Китай «частью нашей великой родины»).

Как-то раз Сюя, продираясь со словарем через какой-то американский роман в мягкой обложке (откопанный им в магазине старой книги), набрел на такую фразу: «Друзья приходят и уходят». С Тадакацу они уже друзьями не были. Точно так может прийти время, когда он уже не будет дружить с Синдзи и Хироки.

А может и не прийти.

Тут Сюя взглянул на Ёситоки Кунинобу, который рылся у себя в сумке. С Ёситоки Сюя по-прежнему дружил. И вряд ли мог когда-нибудь раздружиться. В конце концов, они были друзьями, еще когда писали в свои кровати в том католическом заведении с напыщенным названием «Дом милосердия», где содержались сироты или другие дети, которые по тем или иным причинам не могли оставаться со своими родителями. Пожалуй, эти дети почти обречены были стать друзьями.

«Быть может, нашему режиму следует прикрываться религией?» — подумал Сюя. По сути, в этой стране, с уникальной системой национал-социализма, управляемой исполнительной властью, называемой «Диктатор» («Это также называют „махровым фашизмом“, — с кривой усмешкой заметил однажды Синдзи Мимура. — Что может быть кошмарнее?»), не было государственной религии. Вера в политическую систему была здесь сродни религиозной, но она ни одной традиционной религией не поддерживалась. Соответственно, религиозная практика допускалась лишь в умеренных дозах и также не поощрялась. А потому занимались ею лишь немногие истинно верующие, да и то по-тихому. Сам Сюя никогда никакого религиозного рвения не проявлял, но тем не менее вырос в католическом заведении вполне нормальным и здоровым мальчиком. И считал, что ему следует это ценить. Существовали и государственные приюты для сирот, однако они совсем скудно финансировались. Кроме того, насколько он знал, приюты эти фактически являлись спецшколами для подготовки солдат оборонительных частей особого назначения.

Тут Сюя оглянулся. На самом дальнем сиденье расселась компания гопников, куда входили Рюхэй Сасагава (ученик номер 10) и Мицуру Нумаи (ученик номер 17). Еще

там был... Сюя не мог разглядеть выражения лица мальчика с длинными, зачесанными назад и прилизанными волосами, сидевшего повернувшись к правому окну. Хотя остальные гопники (Рюхэй оставил между собой и вожаком два свободных места) оживленно разговаривали и то и дело смеялись очередным грязным шуткам, этот мальчик оставался совершенно неподвижен. Возможно, он спал. Или, как Сюя, любовался огнями большого города.

Сюя был не на шутку ошарашен тем, что этот мальчик — Кадзуо Кирияма (ученик номер 6) — решил поучаствовать в таком детском занятии, как учебная экскурсия.

Кирияма был признанным вожаком шпаны их района, компании, в которую входили Рюхэй и Мицуру. Он без всяких оговорок был крут. Одного роста с Сюей, Кадзуо мог запросто наезжать на старшеклассников и даже задираить членов местной якудзы. Он был легендарной личностью в префектуре. И тот факт, что его отец был президентом ведущей корпорации, не вредил его репутации. (Впрочем, ходили слухи о том, что Кадзуо был внебрачным ребенком. Сюю это мало интересовало, а потому он не потрудился разузнать поточнее). Но оставалось еще и многое другое. Кадзуо был лучшим учеником класса "Б", и конкуренцию ему с трудом мог составить лишь Кёити Мотобути (ученик номер 20), который вечно недосыпал — так усердно занимался учебой. На спортивной площадке Кадзуо также превосходил почти всех в начальной школе города Сироива. Здесь с ним всерьез могли состязаться только бывший звездный бейсболист Сюя Нанахара и нынешний звездный баскетболист Синдзи Мимура. Выходило, что Кадзуо был безупречен во всех отношениях.

«Но как, — недоумевал Сюя, — мог мальчик столь безупречный в итоге стать вожаком шпаны?» Хотя вообще-то его это не касалось. И все же было у Сюи некое ощущение, почти тактильное, что Кадзуо на деле какой-то другой. Какой именно — Сюя толком не знал. Но другой. В школе Кадзуо никогда ничего такого не делал. В отличие от Рюхэя Сасагавы, он никогда не издевался над кем-то вроде Ёсио Акамацу. Но была в нем какая-то... холодная отчужденность. По крайней мере, так казалось Сюе.

В классе Кадзуо словно бы отсутствовал. Мысль о том, что он «сосредоточен на учебе», казалась совершенно абсурдной. На всех уроках Кадзуо тихо сидел за столом, вероятно думая о чем-то, никакого отношения к урокам не имеющем. Сюя подозревал, что, если бы в этом государстве не было всеобщего среднего образования, Кадзуо скорее всего вообще бы в школу не ходил. Или же просто показывался там по какой-то своей прихоти. «В любом случае, — думал Сюя, — я был уверен, что он пропустит такую детскую ерунду, как учебная экскурсия. А он взял и поехал. Что, тоже по прихоти?»

— Сюя!

Сюя таранился на панели с лампами дневного света в потолке, размышляя о Кадзуо Кирияме, когда в поток мыслей внезапно ворвался задорный голосок. Перегнувшись с сиденья по другую сторону прохода, Норико Накагава (ученица номер 15) протягивала ему хрустящий целлофановый пакет. Целлофан искрился в белом свете как лед, а через него проглядывали светло-коричневые кружочки — скорее всего домашнее печенье. Сверху был повязан бантик из золотой ленточки.

Норико Накагава была еще одной «нейтралкой» вроде девочек из компании Юкиэ Уцуми. Ее темные глаза лучились добротой, а круглое девчачье личико обрамляли

черные волосы до плеч. Миниатюрная и веселая, Норико в целом была вполне обычной девочкой. Если и было в ней что-то особенное, так это то, что она лучше всех в классе писала сочинения по литературе. (Именно так Сюя с ней и познакомился. Он проводил перемены за сочинением текстов для своих песен на полях тетрадок, а Норико просила дать их ей почитать). Обычно Норико держалась в компании Юкиэ, но сегодня она немного опоздала, и ей не осталось ничего другого, кроме как занять свободное место.

Протягивая руку за пакетом, Сюя недоуменно поднял брови. Норико почему-то засмушалась и стала объяснять:

— Это печенье я испекла по просьбе моего брата, но немного осталось. Оно вкуснее, пока свежее. Я решила принести его для тебя и Господина Нобу.

«Господин Нобу» — это прозвище Ёситоки Кунинобу. Еситоки, несмотря на свои доверчивые глаза, странным образом казался взрослым и мудрым, а потому прозвище очень ему подходило. Больше никто из девочек его так не звал, однако Норико запросто обращалась к мальчикам по их прозвищам. Никто из них не обижался, и это лишний раз подтверждало, насколько обезоруживала ее беззлобная веселость. (У Сюи тоже имелось прозвище, связанное со спортом и созвучное с известной маркой сигарет. Впрочем, как и Синдзи Мимуру, Третьего, в лицо никто его так не звал). «Между прочим, — подумал Сюя, — я уже не первый раз это подмечаю, но она единственная девочка, которая зовет меня по имени».

Услышав, что Норико его упомянула, Ёситоки тут же вмешался.

— Правда? Для нас? Спасибо огромное! Если ты сама эти печенюшки приготовила, могу поклясться, что они очень вкусные.

Ёситоки выхватил у Сюи пакет, быстро развязал золотую ленточку и вынул печенюшку.

— Ух ты! Колоссально!

Слушая, как Ёситоки расхваливает кулинарные таланты Норико, Сюя улыбался. «Ведь у него все на лице написано», — думал он. С того самого момента, как Норико обратилась к Сюе, Ёситоки не сводил с нее глаз, то горбясь, то выпрямляя спину и страшно нервничая.

* * *

Это случилось полтора месяца назад, во время весенних каникул. Сюя с Ёситоки тогда отправились удить черного морского окуня в водоеме у дамбы, который обеспечивал городское водоснабжение. И Ёситоки признался Сюе:

— Знаешь, Сюя, я тут кое в кого влюбился.

— Да? И в кого?

— В Накагаву.

— В смысле — из нашего класса?

— Угу.

- В которую? У нас две Накагавы. В Юку Накагаву?
- Нет. В отличие от тебя, мне толстушки не нравятся.
- Да ты что? По-твоему, Кадзуми толстушка? Она просто немножко полная.
- Извини. В общем... гм... это Норико.
- Угу. Что ж, она славная.
- Еще бы не славная. Ты что, сомневался?
- Да нет, что ты, брось.

* * *

Конечно, с Ёситоки все было понятно. Тем не менее Норико, казалось, не замечала его чувств к ней. «Может, до нее такие вещи не сразу доходят? — подумал Сюя. — Учитывая ее беспечную натуру, это неудивительно».

Сюя взял печенюшку из пакета в руках Ёситоки и внимательно ее осмотрел. Затем он взглянул на Норико.

— Значит, потом они теряют свой вкус?

— Да, — кивнула Норико, и взгляд ее стал до странности напряженным. — Это правда.

— Стало быть, ты уверена, что сейчас они очень вкусные.

Эту манеру поддразнивать других Сюя усвоил от Синдзи Мимуры. И в последнее время к неудовольствию своих одноклассников частенько себе позволял. Однако Норико лишь радостно рассмеялась и сказала:

— Вкусные, вкусные.

— Брось, Сюя, — снова вмешался Ёситоки. — Я ведь уже сказал тебе, что они колоссальные. Правда, Норико?

Норико улыбнулась.

— Спасибо. Ты такой славный.

Ёситоки вдруг замер, точно через него пропустили электрический ток, и явно потерял дар речи. Молча глядя на свои колени, он снова сунул руку в пакет.

Сюя ухмыльнулся и стал жевать свою печенюшку. Теплая сладость и аромат обволакивали все во рту.

— Замечательно, — похвалил он.

— Спасибо! — воскликнула Норико. Все это время она внимательно за ним наблюдала.

Конечно, Сюя мог ошибаться, но все же ему показалось, что благодарность Норико в его адрес несколько отличалась по тону от благодарности в адрес Ёситоки. Ну да... верно, и ведь она глаз с него не сводила, пока он ел печенюшку. Правда ли, что это

были остатки от того, что она испекла для брата? Может, она их еще для кого-то испекла? Или он сильно заблуждается?

И тут Сюя почему-то подумал о Кадзуми. Она была на класс старше, и до прошлого года занималась вместе с Сюей в музыкальном кружке.

Да, в Народной Республике Дальневосточная Азия играть рок-музыку в школьных кружках было запрещено, однако когда их руководительница госпожа Мията отсутствовала, они все же отваживались играть рок. Именно этим музыкальный кружок всех его членов в первую очередь и привлекал. Кадзуми Синтани была там лучшей саксофонисткой, а когда дело доходило до рока, то она превосходила и всех парней. Высокого роста (примерно 170 сантиметров, как и Сюя), Кадзуми была немного пухленькой, но благодаря замечательному взрослому лицу, подобранным в узел волосам и альтовому саксофону смотрелась просто потрясающе. Сюю ее внешность мгновенно сразила на повал. Затем Кадзуми научила его брать сложные гитарные аккорды. («Я немного играла на гитаре, прежде чем взяться за саксофон», — пояснила она). С тех самых пор Сюя, когда только мог, упражнялся в игре на гитаре и ко второму году стал лучшим гитаристом в кружке. Причем главной причиной его успехов было желание, чтобы Кадзуми послушала, как он может играть.

И в один прекрасный день, когда им после уроков случилось остаться в музыкальном классе наедине, Сюя спел ей под гитару свой вариант «Летнего блюза», чем произвел на Кадзуми сильное впечатление. «Это так классно, Сюя, — сказала она. — Просто здорово». В тот день Сюя первый раз в жизни купил себе банку пива и отметил это выдающееся событие. Все было отлично. Однако три дня спустя, когда Сюя решил сделать признание и сообщил Кадзуми, что она ему нравится, Кадзуми извинилась и сказала, что уже встречается с одним парнем. Закончив среднюю ступень, она вместе со своим приятелем перешла в старшую школу с музыкальным уклоном.

Это напомнило Сюе о его разговоре с Ёситоки на рыбалке во время весенних каникул. Поделившись своими чувствами к Норико, Ёситоки тогда спросил:

— А ты все еще на Кадзуми зависаешь?

— Пожалуй, я теперь на всю жизнь на ней завис, — ответил Сюя.

Ёситоки явно был озадачен.

— Но ведь у нее уже есть приятель, верно?

Мощно метнув серебристую донку, точно бейсбольный мячик с дальней части поля, Сюя ответил:

— Это ничего не значит.

Ёситоки по-прежнему рассматривал свои колени, и Сюя забрал у него пакет с печеньем.

— Может, ты Норико немного оставишь?

— Ах, да-да, извини.

Сюя вернул пакет Норико.

— Прошу прощения.

— Ничего-ничего. Я не хочу. Вы можете все себе забрать.

— Правда? Ну, что же это нам одним такое удовольствие.

И тут Сюя впервые взглянул на парня, сидящего рядом с Норико. Скрестив руки на груди и закрыв глаза, Сёго Кавада (ученик номер 5) привалился к окну. Казалось, он спал. Волосы его были подстрижены коротко, как у буддийского монаха, хотя небритой физиономией Сёго скорее напоминал бандита. «Ух ты, — подумал Сюя. — У него уже всю бороду растёт». Пожалуй, для ученика младшей ступени средней школы Сёго выглядел слишком взрослым.

Что ж, одно Сюя знал о нём наверняка: в третий класс "Б", где учились те же ребята, что и втором, Сёго Кавада перевелся в прошлом апреле из Кобе. По загадочным обстоятельствам — из-за травмы или болезни (болезненным он, мягко говоря, не выглядел, так что скорее всего у Сёго была травма), Сёго вынужден был пропустить целый год, поскольку шесть с лишним месяцев не мог ходить в школу. Другими словами, он был на год старше Сюи и его одноклассников. Так Сюе рассказали, хотя сам Сёго ни с кем этим не делился.

Вообще-то ничего хорошего Сюя о Сёго не слышал. Ходили слухи, что в своей прежней школе Сёго был крутым гопником и что его госпитализация была результатом страшной драки. В пользу такой версии говорили шрамы у него на теле. Длинный рубец, словно бы от ножа, тянулся над его левой бровью. А когда они оказались в раздевалке физкультурного зала (между прочим, Сёго был сложен как классный боксер-средневес), Сюя с изумлением заметил шрамы на его руках и спине. Мало того, на левом плече у Сёго имелись два одинаковых круглых шрама. Выглядели эти шрамы совсем как пулевые ранения, хотя трудно было поверить, что такое возможно.

Всякий раз эти слухи сопровождались неизбежным заключением: «Рано или поздно он наверняка с Кадзуо столкнется». Сразу же после того, как Сёго перевелся в их школу, этот придурок Рюхэй Сасагава попытался его припугнуть. Что за этим последовало, никто толком не знал, но видели лишь, что Рюхэй побледнел, отступил и с воплями отправился искать помощи у Кадзуо. Кадзуо, однако, лишь равнодушно взглянул на свою шестерку. Сёго он ни слова не сказал. И до этих самых пор им удавалось избегать стычки. Складывалось впечатление, что Кадзуо вообще никакого интереса к Сёго не проявляет. В результате в классе "Б" царил мир. Что ж, им повезло.

Из-за разницы в возрасте и нелестных слухов все избегали Сёго. Но Сюя не любил судить о людях, основываясь на слухах. Как кто-то когда-то сказал, если не можешь разобраться сам, нет смысла слушать то, что говорят другие.

Сюя указал подбородком на Сёго.

— Интересно, он спит?

— Не знаю... — Норико оглянулась.

— Не хотелось бы его будить.

— По-моему, такие парни печенью не очень любят.

Норико захихикала. Сюя собрался было к ней присоединиться — но тут они услышали голос:

— Да, спасибо.

Сюя опять взглянул на Сёго. Звучный бас гудел у него в голове.

Хотя голос этот Сюе был незнаком, он явно принадлежал Сёго. Тот по-прежнему не открывал глаз, но, судя по всему, не спал. Сюя вдруг понял, что практически не слышал голоса Сёго, хотя этот парень перевелся к ним в школу больше месяца тому назад.

Норико взглянула на Сёго, затем на Сюю. Сюя в ответ пожал плечами и сунул себе в рот еще печенюшку.

Какое-то время он продолжал болтать с Норико и Ёситоки, но в конце концов...

* * *

Было без малого десять вечера, когда Сюя заметил что-то странное.

В автобусе творились решительно непонятные дела. Ёситоки, сидевший справа от Сюи, внезапно заснул и теперь негромко похрапывал. Тело Синдзи Мимуры клонилось в проход. Норико Накагава тоже спала. Никто даже не разговаривал. Казалось, все спали. Вообще-то любой, кто сверх меры заботился о своем здоровье, мог бы прямо сейчас отходить ко сну, но все-таки это была учебная экскурсия, которую они давно ждали. Почему все, к примеру, не пели? Разве не было в этом автобусе одной из тех отвратительных, ненавистных для Сюи машин — караоке?

Впрочем, Сюю тоже одолевала сонливость. Он оцепенело огляделся... а потом голова его так отяжелела, что он уже едва мог ею двигать. Сюя осел на сиденье. Глаза его, точно улитки, проползли по узкому автобусу к зеркалу заднего вида в центре большого ветрового стекла, за которым был мрак... Сюя даже сумел различить в этом зеркале крошечное отражение шофера.

Странное дело — лицо шофера скрывала какая-то маска. А от этой маски вниз тянулась трубка вроде шланга. Выше и ниже ушей голову шофера обтягивали тонкие ремешки. «Что это? — сонно подумал Сюя. — Зачем?» Если не считать тянущегося вниз шланга, штукавина напоминала аварийную кислородную маску, какие раздают в самолетах.

«Вот классно, — подумал Сюя. — Значит, внутри этого автобуса скоро будет нельзя дышать? Типа — дамы и господа, ввиду проблем с мотором наш автобус сейчас совершит аварийную посадку. Пожалуйста, пристегните ремни, наденьте кислородные маски и следуйте инструкциям членов экипажа. Да, не слабо».

Справа донеслось какое-то поскребывание. Сюе пришлось нешуточно напрячься, чтобы туда взглянуть. Тело казалось страшно тяжелым. Его словно погрузили в прозрачное желе.

Сёго Кавада встал и пытался открыть окно. Но там либо скопилась ржавчина, либо сломался запор. Окно никак не желало открываться. Тогда Сёго треснул левым кулаком по стеклу. «Он пытается разбить стекло, — подумал Сюя. — Зачем? К чему вся эта суета?»

Но стекло не разбилось. А потом левая рука Сёго внезапно обмякла и опустилась вниз. Сам он осел на сиденье. Сюе показалось, что тот же самый бас, который он недавно слышал, произнес глухое проклятие.

И почти сразу вслед за этим он также заснул.

Примерно в то же самое время семьи учеников третьего класса "Б" младшей средней школы города Сироивы навестили люди, подкатившие к домам на черных седанах. Встревоженные поздним визитом, родители испытали потрясение, когда эти люди предъявили им документы, где стояли государственные печати со значком персика.

В большинстве случаев родители молча кивали, думая о своих детях и о том, что скорее всего больше никогда их не увидят. Были, однако, и те, кто отчаянно протестовал. Таких в лучшем случае вырубали электрошоковыми дубинками, а в худшем — прошивали свежими пулями из блестящих автоматов. Отбывая из этого брэнного мира, родители всего лишь на шаг опережали своих детей.

* * *

К тому времени автобус, выделенный для учебной экскурсии третьего класса "Б", давно уже развернулся на 180 градусов и направился к городу Такамацу. Въехав туда, шофер долго петлял по улицам, прежде чем наконец остановился и выключил мотор.

Мужчина лет под пятьдесят с проседью в волосах выглядел как совершенно типичный шофер автобуса. По-прежнему не снимая противогаза, он с легкой жалостью повернулся к ученикам класса "Б". Но как только под окном появился другой мужчина, лицо его окаменело. Он поднял руку в своеобразном салюте Республики, затем открыл дверцу. Сквозь сон Сюя слышал, как в автобус вбегают солдаты в противогазах и походном обмундировании.

Бетонный пирс под голубоватым лунным светом сиял как выбеленная кость. Рядом с пирсом в иссиня-черном море лениво покачивался корабль, которому предстояло доставить «игроков» на место.

Осталось 42 ученика

1

На мгновение Сюе показалось, будто он сидит в знакомой ему аудитории.

Конечно, это не была привычная аудитория третьего класса "Б", хотя там тоже имелась кафедра, классная доска, а слева — высокая стойка с большим телевизором. Были также ряды столов и стульев из фанеры и стальных трубок. В уголке стола, за которым сидел Сюя, кто-то ручкой вывел антиправительственную надпись: «Диктатор любит женщин в военной форме». Он заметил за другими столами остальных учеников. Мальчики были одеты в строгие форменные костюмы, а девочки — в матроски и плиссированные юбки — здесь были все его одноклассники, которые лишь несколько мгновений тому назад (так, по крайней мере, казалось) вместе с ним ехали в

автобусе. Странно было то, что все они — развалившись на столах или сгорбившись на стульях — крепко спали.

Сюя, сидя за столом у окна с матовыми стеклами, которое выходило в коридор (если предположить, что это здание имело ту же планировку, что и их школа), оглядел аудиторию. Слева, чуть впереди от него, виднелась спина Ёситоки Кунинобу. Позади Ёситоки сидела Норико Накагава, а впереди — Синдзи Мимура. Все они развалились на своих столах, посапывая в глубоком сне. У окна с левой стороны на стол склонилось крупное тело Хироки Сугимуры. Только увидев Хироки, Сюя внезапно сообразил, что все ученики сидели на местах, соответствующих их порядковым номерам, — точно так же, как в школе в городе Сироива. А в следующий миг Сюя так же внезапно понял, почему эта аудитория вызывает у него такое странное ощущение. Окна со стороны Хироки были забраны чем-то темным. Стальными листами? Листы эти слегка переливались в тусклом свете ламп дневного света, висящих под потолком. За окнами с матовыми стеклами, что выходили в коридор, тоже была чернота. Наверное, они тоже были чем-то забраны. Совершенно невозможно было понять, ночь сейчас или день.

Сюя взглянул на свои наручные часы. Один час. Ночи? Дня? Еще там значилось «Четв/22». Отсюда вытекало, что, если только кто-то не повозился с его часами, со времени странного приступа сонливости прошло либо три часа, либо пятнадцать. Ладно, пусть будет три или пятнадцать. Но все же...

Сюя посмотрел на своих одноклассников.

Что-то здесь не так. Ситуация была предельно странной. Но что-то особенно его раздражало.

И Сюя тут же понял, что. Над воротником у Норико виднелась серебристая металлическая полоска, аккуратно обернутая вокруг ее шеи. Под строгим форменным пиджаком Ёситоки полоска была едва заметна, но Сюя все же сумел ее различить. Такие же полоски были на шеях у Синдзи Мимуры и Хироки Сугимуры.

Тут в голову Сюе пришла еще одна мысль. Правой рукой он потянулся к своей шее.

Сюя ощутил что-то твердое и холодное: такая же штуковина, судя по всему, была и у него на шее.

Сюя немного подергал за полоску, но она сидела плотно и не подавалась. Стоило ему это осознать, как он почувствовал, что задыхается от гнева. Стальные ошейники! Проклятье! Стальные ошейники! Как будто мы собаки!

Он еще немного повозился с ошейником, затем бросил это занятие и наконец задумался...

Как же учебная экскурсия? Сюя заметил у стола свою спортивную сумку. Вчера вечером он небрежно бросил туда одежду, полотенце, толстую тетрадку и фляжку бурбона. У всех остальных столов тоже стояли сумки.

Внезапно у входа раздался громкий шум, и дверь скользнула в сторону. Сюя поднял голову.

В аудиторию вошел мужчина.

Коренастый, но крепко сложенный. Ноги мужчины были совсем короткими, как будто служили всего лишь придатком к его туловищу. Светло-бежевые широкие

брюки, серый пиджак, красный галстук и черные кожаные туфли. Одежда выглядела поношенной. К отвороту его пиджака был приколот красноречивый значок персикового цвета. Щеки у мужчины были розовыми как у младенца. Но что особенно привлекало внимание, так это его прическа. Он носил волосы до плеч, точно женщина в полном расцвете лет. Его облик напомнил Сюе Джоан Баэз с пиратской кассеты, купленной им на черном рынке.

Мужчина встал у кафедры и внимательно оглядел аудиторию. Наконец глаза его остановились на Сюе, который был единственным, кто проснулся (если предположить, естественно, что это был не сон).

Они добрую минуту смотрели друг на друга. Затем — потому, наверное, что остальные стали просыпаться — мужчина отвернулся от Сюи. Изумленные охи одних быстро выводили других одноклассников из глубокой дремы.

Сюя снова оглядел аудиторию. Ученики просыпались и терли руками глаза. Все были в полном недоумении. Сюя обменялся взглядом с Ёситоки Кунинобу, когда тот обернулся. Слегка наклонив голову, Сюя указал на свой ошейник. Ёситоки тут же коснулся своей шеи. Ощущение явно его потрясло. Помотав головой, он повернулся к кафедре. Норико Накагава тоже изумленно посмотрела на Сюю. Сюя лишь пожал плечами в ответ.

Как только стало ясно, что все проснулись, мужчина радостным голосом объявил:

— Вот и отлично! Надеюсь, вы все хорошо выспались!

Никто не откликнулся. Молчали даже записные шутники, Ютака Сэто (ученик номер 12) и Юка Накагава (ученица номер 16).

Осталось 42 ученика

2

С широкой ухмылкой на физиономии длинноволосый мужчина пристроился за кафедрой и с энтузиазмом продолжил:

— Прекрасно, просто прекрасно. Тогда я перейду к вступлению. Для начала я ваш новый инструктор. Меня зовут Кинпацу Сакамоти.

Мужчина, представившийся как Сакамоти, повернулся к классной доске и крупными буквами написал там свое имя. «Кинпацу Сакамоти»? — подумал Сюя. — Он что, шутит? Учитывая ситуацию, это скорее всего псевдоним".

Внезапно со своего места встала Юкиэ Уцуми, староста девочек класса.

— Не понимаю, что здесь происходит, — сказала она.

Все посмотрели на Юкиэ. Судя по тому, как покачивалась пара ее длинных косичек, она была очень взвинчена, однако в голосе ее звучала обычная уверенность. Похоже, Юкиэ ошибочно заключила, будто они попали в аварию или пережили еще что-то в таком духе, отчего все потеряли сознание.

— Что здесь происходит? — продолжила Юкиэ. — Мы все ехали на учебную экскурсию. Верно, ребята?

Стоило ей только оглядеться, как последовала лавина возгласов:

— Верно!

— Где мы?

— Ты тоже заснул?

— Сколько сейчас времени?

— Мы все спали?

— Черт, у меня нет часов.

— Ты помнишь, как выбрался из автобуса и пришел сюда?

— Кто этот тип?

— Ни черта не помню.

— Это ужасно. Что происходит? Я боюсь.

Наблюдая, за тем, как Сакамоти следит за ними, Сюя в очередной раз медленно оглядел помещение. Несколько учеников хранили молчание.

И прежде всего — тот, что сидел позади Сюи в середине последнего ряда. Кадзуо Кирияма. Его спокойные глаза под зачесанными назад волосами бесстрастно взирали на мужчину за кафедрой. Взгляд Кадзуо был так невозмутим, что в нем даже не было никакого намека на гнев. И он не обращал ни малейшего внимания на отчаянные призывы кружка его приверженцев: Рюхэя Сасагавы, Мицуру Нумаи, Хироси Куронаги (ученика номер 9) и Сё Цукиоки (ученика номер 14).

Молчала также Мицуко Сома, сидящая во втором ряду у окна. Выглядела она при этом предельно скучающей. Мицуко сидела далеко от своей «группировки», куда также входили Хироно Симидзу и Ёсими Яхаги. Никто из девочек (или, раз уж на то пошло, мальчиков) даже не пытался к ней обратиться. (А слева от Сюи Хироно и Ёсими оживленно переговаривались). Хотя Мицуко обладала ослепительной внешностью поп-идола, ее лицо всегда сохраняло до странности безразличное выражение. Со сложенными на груди руками она смотрела на Сакамоти. (Сидящий позади нее Хироки Сугимура разговаривал с Тадакацу Хатагами).

В предпоследнем ряду у окна сидел Сёго Кавада. Он также молча взирает на Сакамоти. Потом Сёго достал жевательную резинку и кинул ее в рот. Энергично работая челюстями, он не сводил глаз с инструктора.

Сюя посмотрел перед собой. Норико Накагава то и дело на него оглядывалась. Ее темные глаза были полны тревоги, а веки подрагивали. Сюя перевел взгляд на Ёситоки, но тот оживленно переговаривался с Синдзи Мимурой. Тогда Сюя снова посмотрел на Норико, слегка сжал губы и кивнул. Это, похоже, оказало на девочку успокаивающий эффект. Тревоги в ее глазах поубавилось.

— Ладно, ладно, а теперь тихо. — Сакамоти несколько раз хлопнул в ладоши, призывая всех к порядку. Гомон тут же улегся. — Позвольте я объясню ситуацию. Все вы здесь сегодня за тем... — тут он выдержал эффектную паузу, — чтобы убивать друг друга.

Ни звука. Немая сцена. Все застыли. Лишь Сёго продолжал жевать свою резинку. Выражение его лица нисколько не изменилось. Но Сюе показалось, что на губах Сёго мелькнула легкая усмешка.

Не переставая улыбаться, Сакамоти продолжил:

— Ваш класс был выбран для проведения Программы этого года.

Кто-то отчаянно закричал.

Осталось 42 ученика

3

Каждый ученик средней школы в Народной Республике Дальневосточная Азия знал, что такое Программа. Про нее даже рассказывалось в учебниках четвертого класса. Ниже цитируется выдержка из «Краткой энциклопедии Народной Республики Дальневосточная Азия»:

"Программа п. 1. Перечень порядка событий и другой информации [...] 4. Боевая имитационная программа, проводимая силами наземной обороны нашего государства, введенная с целью безопасности. Официально известна как «Программа боевого эксперимента номер 68»". Первая Программа была осуществлена в 1947 году. Для проведения Программы, в исследовательских целях ежегодно выбираются пятьдесят третьих классов средней школы (до 1950 года выбиралось 47 классов). Ученики всех классов вынужденно сражаются друг против друга, пока не остается один. Информация о результатах данного эксперимента, включая затраченное время, хранится. Последнему уцелевшему из каждого класса даруется пожизненная пенсия и фотография Великого Диктатора с его автографом. В порядке отклика на протесты и волнения, вызванные экстремистскими элементами и имевшими место в течение первого года введения Программы в действие, 317-й Великий Диктатор произнес свою знаменитую «Апрельскую речь»".

«Апрельскую речь» дети заучивали наизусть в первом классе младшей средней школы. Вот небольшая выдержка оттуда: "Дорогие товарищи, работающие на благо Революции и строящие наше родное государство! *[Две минуты бурных аплодисментов. Звучат здравицы в честь 317-го Великого Диктатора]*. Итак, друзья. *[Одна минута бурных аплодисментов]*. Бесстыдные империалисты шныряют по нашей Республике, занимаясь вредительством. Они уже подвергли позорной эксплуатации граждан других государств, обманывая их, подвергая идеологической обработке и превращая их в марионеток, служащих целям гнусной империалистической системы. *[Единогласный возглас возмущения]*. Теперь они ухватятся за малейшую возможность вторгнуться в земли нашей родной республики, самого развитого всенародного государства в мире, демонстрируя свои грязные планы по уничтожению нашего народа. *[Гневные возгласы из толпы]*. Учитывая эти тревожные обстоятельства, Программа боевого эксперимента номер 68 жизненно необходима для нашего государства. Конечно, я испытываю глубокую скорбь при мысли о тысячах, даже десятках тысяч молодых людей, погибающих в самом расцвете своих пятнадцати лет. Но если их жизни послужат великой цели сохранения независимости нашего народа, разве не сможем мы тогда сказать, что их кровь,

смешавшись с дорогой землей, препорученной нам нашими предками, пребудет с нами вечно? [*Минута бурных аплодисментов*]. Как все вы знаете, в нашем государстве нет призыва на обязательную военную службу. Наши армия, флот и оборонительные силы особого назначения полностью состоят из пламенных патриотов. Все наши солдаты — молодые добровольцы, негибаемые борцы за торжество Революции и процветание нашего великого государства. Они ежедневно и еженощно рискуют своей жизнью. Мне бы хотелось, чтобы вы рассматривали Программу как своеобразный призыв на военную службу. Программа жизненно важна для защиты нашего государства и т. д. и т. п."

Пожалуй, достаточно. (На самом деле у каждого железнодорожного вокзала вербовщик сил особого назначения попросту подходил к потенциальным кандидатам с броской фразой, напоминавшей пароль: «Риса со свиной не хотите отведать?») Сюя впервые услышал о Программе еще задолго до школы. К тому времени он уже наконец-то свыкся с «Домом милосердия», куда Сюю доставил друг его родителей после того, как оба они погибли в результате автокатастрофы. (Все родственники отказались его принять. Сюя слышал, что так вышло из-за того, что его родители занимались какой-то антиправительственной деятельностью, однако подтверждения этому он так никогда и не получил.) Кажется, ему тогда стукнуло пять лет. Он смотрел телевизор в детской комнате вместе с Ёситоки Кунинобу, который оказался в «Благотворительном доме» еще раньше Сюи. Их любимый мультик про роботов как раз закончился, и заведующая приютом, госпожа Рёко Анно (дочь прежнего заведующего) переключила канал. Сюя машинально продолжал смотреть на экран, но, как только он увидел там мужчину в строгом костюме, ему сразу же стало ясно, что это всего-навсего скучное шоу под названием «Новости», программа, которую в разное время крутили по всем каналам.

Мужчина что-то такое читал с бумажки. Сюя не мог точно припомнить, что он тогда прочел, но это всегда звучало примерно одинаково и скорее всего так:

"Правительство и силы обороны особого назначения докладывают о том, что Программа в префектуре Кагава закончилась вчера днем в 3 часа 12 минут. Прошло три года со времени проведения здесь последней Программы. Испытуемым стал третий класс "Д" средней школы номер 4 города Дзэнцудзи. Предварительно засекреченным местом проведения Программы стал остров Сидакадзима, что в четырех километрах от Тадоцу-тё. Победитель определился через 3 дня, 7 часов и 43 минуты. Кроме того, проведенное сегодня изъятие и вскрытие трупов установило следующие причины смерти всех 38 учеников: 17 из них погибли от пулевых ранений, 9 — от ножевых ранений, 5 — от ударов тупым предметом и 3 — от удушения..."

Затем на экране появилось изображение «победителя» Программы, девочки в грязной, изорванной матроске. Зажатая меж двух здоровенных солдат оборонительных сил особого назначения, она смотрела в камеру, и лицо ее подергивалось от нервного тика. Сюя до сих пор отчетливо помнил, как на ее подергивающееся лицо временами наплывало что-то отдаленно похожее на улыбку.

Теперь он понимал, что тогда впервые видел перед собой душевнобольную. Но в то время он понятия не имел, что с этой девочкой происходит. Сюя лишь ощутил необъяснимый испуг, как будто ему явилось привидение.

Кажется, он тогда спросил: «Что это, госпожа Анно?» А та лишь покачала головой и ответила: «Так, ничего». Затем госпожа Анно отвернулась от Сюи и прошептала: «Бедная девочка». Ёситоки Кунинобу к тому времени в телевизор уже не смотрел, так как был занят поеданием мандарина.

По мере того как Сюя вырослел, подобное сообщение — раз в два года, без всякого предупреждения — представлялось ему все более зловещим. Из всего множества учеников средней школы пятьдесят третьих классов ежегодно приговаривались к гарантированной смертной казни. Если во всех классах было по сорок учеников, получались две тысячи, однако реальное число составляло тысячу девятьсот пятьдесят. Хуже того, это была не просто массовая казнь. Ученикам приходилось убивать друг друга, сражаясь за звание победителя. Более жуткого варианта игры в «стулья с музыкой» нельзя было себе представить.

И тем не менее... противодействовать выполнению Программы было невозможно. Более того, невозможно было протестовать по поводу любых действий правительства Народной Республики Дальневосточная Азия.

А потому Сюя решил смириться. Разве не так поступало большинство «резервистов» из третьих классов средней школы? Значит, это наша особая форма призыва на военную службу? Ладно. У нас прекрасная родина Сильных Рисовых Побегов? Тоже ладно. Сколько всего средних школ было в республике? Даже в условиях снижения темпов рождаемости твои шансы все равно оставались менее одного к восьмистам. Если без обиняков, то вероятность попасть под Программу приблизительно равнялась вероятности попасть под машину. Помня, как ему всегда не везло в лотерею, Сюя прикидывал, что здесь его билет тоже не выиграет. В местной лотерее он никогда ничего серьезнее рулона туалетной бумаги не выигрывал. Значит, и в Программе нипочем не выберут. Так что отвалите, ребята.

С другой стороны, порой в школе он слышал, как кто-то (обычно заплаканная девочка) говорил: «Моя двоюродная сестра оказалась в Программе...» И тогда темный страх снова его душил. Еще он страшно злился — кто имеет право так пугать бедную девочку?

Однако уже через несколько дней та бедная, заплаканная девочка начинала улыбаться. Тогда страх и гнев Сюи тоже постепенно слабели и улетучивались. Тем не менее его никогда не покидало чувство беспомощности и смутное недоверие к правительству.

Вот так обстояли дела.

И когда в этом году Сюя перешел в третий класс средней школы, он, как и другие его одноклассники, предположил, что все будет хорошо. Собственно говоря, что им еще оставалось делать?

Но вышло иначе.

* * *

— Этого не может быть!

Стул загрохотал, когда кто-то вскочил на ноги. Обладателя визгливого голоса Сюя определил прежде, чем бросил взгляд на стол позади Хироки Сугимуры. Кёити Мотобути, староста мальчиков класса. Лицо его не просто побледнело. Оно даже как-то посерело, составляя некий сюрреальный контраст с его очками в серебристой оправе. Теперь Кёити напоминал один из шелкографических оттисков Энди Уорхола. Оттиски эти приводились у них в учебниках как «типичный образчик упадочнического искусства американских империалистов».

Некоторые одноклассники надеялись, что Кёити сумеет выдать какую-то подходяще-рациональную форму протеста. Убивать приятелей, с которыми ты только вчера тусовался? Нет, невозможно. Здесь какая-то ошибка. Эй, староста, разве ты для нас все это дело не уладишь?

Но Кёити капитально их разочаровал.

— М-мой отец — ответственный за охрану окружающей среды в п-правительстве префектуры. Как мог класс, в к-котором я учусь, быть выбран для П-программы?..

Дрожь в голосе старосты выдавала его безумную взвинченность.

Мужчина по фамилии Сакамоти ухмыльнулся и покачал головой.

— Вот так так, — сказал он. — Ты Кёити Мотобути, верно? Ты должен знать, что такое равенство. Все люди рождены равными. Должность твоего отца в правительстве префектуры никаких особых привилегий тебе не дает. Ты такой же, как все. Послушайте меня, ученики. Кто-то вышел из богатой семьи, кто-то из бедной. Вы все должны понимать, что сами по себе чего-то стоите. А значит, Кёити, давай не впадать в иллюзию, будто ты какой-то особенный. Потому что никакой ты не особенный!

Сакамоти так рявкнул последнюю фразу, что Кёити буквально рухнул обратно на стул. Инструктор некоторое время сверлил Кёити глазами, а затем на его физиономии снова расплылась улыбка.

— Ваш класс будет упомянут в сегодняшних утренних новостях. Разумеется, поскольку проведение Программы засекречено, подробности останутся в тайне до конца игры. Но, должен вам сказать, ваших родителей уже обо всем известили. Все по-прежнему выглядели растерянными и ошарашенными. Одноклассникам убивать друг друга? Немыслимо.

— Значит, вы все еще не верите в реальность того, что происходит?

Сакамоти с озадаченным видом почесал в затылке. Затем повернулся к двери.

— Эй, парни! — крикнул он. — Марш сюда!

Тут дверь скользнула в сторону, и в класс вбежали трое мужчин в камуфляже, тяжелых ботинках и со стальными шлемами со значком персика под мышками. Сразу же стало понятно, что это солдаты сил особого назначения. За плечом у каждого висела винтовка со штыком, а к поясу была пристегнута кобура с пистолетом. Один солдат, высокий, с вьющимися волосами, казался каким-то бесшабашным. Другой был среднего роста, с привлекательным мальчишеским лицом. На губах третьего играла легкая усмешка. Они принесли большой нейлоновый пакет наподобие черного спального мешка. Из пакета местами что-то выпирало, вызывая ассоциацию с ананасами.

Сакамоти отошел к окну, и трое мужчин положили пакет на кафедру. Внутри пакета, судя по всему, было что-то мягкое, поскольку оба его конца свесились с кафедры.

— Позвольте мне представить вам этих людей, — объявил Сакамоти. — Они окажут вам немалую помощь при выполнении Программы. Итак, господин Тахара, господин Кондо и господин Номура. А теперь, господа, не будете ли вы так любезны показать этим школьникам, что там внутри?

Бесшабашный, по фамилии Тахара, подступил к кафедре, взялся за молнию и раскрыл пакет. Оттуда хлынуло что-то красное...

Не успел Тахара до конца расстегнуть молнию, как одна из девочек в переднем ряду пронзительно завизжала, и к ней тут же присоединились остальные. Загрохотали столы и стулья, а к девичьему хору добавились восклицания мальчиков.

Сюя затаил дыхание.

Внутри полуоткрытого пакета находилось тело господина Масао Хаясиды, их классного руководителя. Вернее, теперь это был их бывший классный руководитель. Собственно говоря, он также был бывшим господином Хаясидой.

Тонкий синевато-серый костюм учителя насквозь пропитался кровью. От его больших черных очков, за которые его прозвали Стрекозой, осталась только половина. Соответственно только половина осталась от головы господина Хаясиды. Из-под единственной линзы в потолок тупо таращился багровый глаз. Серая масса — должно быть, мозги учителя — липла к остаткам волос. Словно испытывая облегчение от возможности наконец-то вырваться на свободу, левая рука господина Хаясиды, все еще с часами на ней, выскользнула из пакета и свесилась с кафедры. Ученики в переднем ряду могли видеть, как секундная стрелка все еще ходит по кругу.

— Так, ну ладно, а теперь тихо. Тихо. Молчать!

Сакамоти хлопнул в ладоши, но девочки не прекратили своего визга.

Внезапно солдат по фамилии Кондо достал пистолет.

Сюя ожидал предупредительного выстрела в потолок, однако вместо этого солдат схватил пакет с телом господина Хаясиды и скинул его с кафедры. Затем Кондо схватил труп за шею и поднял его повыше. Он выглядел совсем как герой научно-фантастического фильма, борющийся с гигантским червем.

Наконец солдат всадил две пули в голову господина Хаясиды. Остатки головы разлетелись по сторонам. Крупнокалиберные пули разорвали кости черепа и мозги, клочья которого забрызгали лица и школьную форму учеников в переднем ряду.

Эхо пистолетных выстрелов затихло. От головы господина Хаясиды почти ничего не осталось.

Солдат бросил тело учителя сбоку от кафедры. В классе воцарилась гробовое молчание.

Осталось 42 ученика

Большинство учеников, поначалу вскочивших со своих мест, робко опустились обратно. Необаятельный солдат по фамилии Номура отволоч пакет с телом господина Хаясиды в угол аудитории, затем опять присоединился к двум остальным. Сакамоти снова занял свое место за кафедрой.

Тишину в классе внезапно нарушили чьи-то стоны, и кого-то вырвало на пол. По аудитории стала растекаться кислая вонь.

— Слушайте все, — заговорил Сакамоти, скребя в затылке. — Как видите, господин Хаясида решительно воспротивился приписке вашего класса к Программе. Все получилось так внезапно, и нам правда очень жаль, однако...

В аудитории снова воцарилась тишина. Теперь ученики все осознали. Это была реальность. Никакая не ошибка и не розыгрыш. Им действительно предстояло убивать друг друга.

Сюя отчаянно попытался трезво все обдумать. Запредельность всей ситуации просто ошеломляла. Голова шла кругом из-за страшного трупа господина Хаясиды и той роли, которую он сыграл в этом фильме ужасов.

Они должны как-то спастись. Но как?.. Ага, все верно... сперва он встретится с Ёситоки... с Синдзи и Хироки... но как на самом деле проводилась Программа? Подробности никогда не оглашались. Ученикам давали оружие, чтобы они убивали друг друга. Только это и было известно. Но могли они друг с другом поговорить? Как руководство следило за игрой?

— Я... я... — В мысли Сюи вторгся знакомый голос. Он поднял голову и открыл глаза.

Ёситоки Кунинобу привстал со своего места и теперь смотрел на Сакамоти с видом человека, не уверенного в том, что ему стоит продолжать. Судя по всему, Ёситоки плохо владел собой. Сюя весь напрягся. «Не надо, Ёситоки! — мысленно взмолился он. — Не надо их провоцировать!»

— Да? Что такое? Спрашивай, о чем хочешь.

Сакамоти изобразил дружелюбную улыбку, и Ёситоки, точно кукла, продолжил:

— Я... у меня... нет родителей. Так кого вы уведели?

— Да-да. — Сакамоти кивнул. — Припоминаю, что у вас в классе был кто-то из сиротского приюта. Должно быть, ты Сюя Нанахара. Так-так, из твоего личного дела следует, что ты порой высказывал опасные мысли. Таким образом...

— Я Сюя Нанахара, — вмешался Сюя. Сакамоти взглянул на него, затем снова на Ёситоки. Тот, все еще ошарашенный, посмотрел на Сюю.

— Ах, прошу прощения. Был еще один. Значит, ты Ёситоки Кунинобу. Что ж, я навел на заведующую тем учреждением, где вы оба выросли. Да-да, припоминаю... очаровательная женщина. — Сакамоти двусмысленно улыбнулся. Хотя улыбка изображала радость, в ней было что-то отвратительное.

Лицо Сюи застыло.

— Что вы сделали с госпожой Анно? — спросил он.

— Как и господин Хаясида, она была весьма несговорчива. Ни в какую не желала примириться с вашей припиской к Программе. Тогда, исключительно ради того, чтобы ее утихомирить, — спокойно продолжал Сакамоти, — мне пришлось ее изнасиловать. О, не волнуйтесь. Могу вас заверить, что она осталась жива.

Сюя побагровел от гнева и вскочил со своего места. Однако, прежде чем он успел что-то сказать, Ёситоки воскликнул:

— Я тебя убью!

Ёситоки Кунинобу встал во весь рост, выражение его лица изменилось. Он всегда и со всеми был дружелюбен. Что бы ни случилось, невозможно было представить себе Ёситоки разгневанным. Тем не менее такое случалось. Сейчас на лице у него то же самое выражение, что и в тех немногих случаях, когда он бывал по-настоящему разъярен. Никто из класса таким его, пожалуй, еще не видел, но Сюе довелось дважды. Первый раз — в четвертом классе начальной школы, когда пса Эдди, любимца всего «Дома милосердия», прямо перед воротами переехала машина. Ёситоки тогда бешено бросился вслед за уносящимся прочь автомобилем. Второй раз — год назад, когда один мужчина попытался использовать долг учреждения, чтобы подобраться к госпоже Анно. После того как она сумела выплатить деньги и тем самым отвергла его ухаживания, мужчина публично ее обругал, явно желая, чтобы его слышали все обитатели «Благотворительного дома». Не вмешайся тогда Сюя, наглый ухажер лишился бы как минимум передних зубов, хотя Ёситоки тоже бы наверняка прилично досталось. Ёситоки был невероятно добр, и даже когда его дразнили или оскорбляли, он обычно отшучивался. Но когда причиняли боль тому, кого он по-настоящему любил, реакция Ёситоки бывала предельно резкой. И за это Сюя его обожал.

— Я убью тебя, ублюдок! — продолжал кричать Ёситоки. — Убью и с дерьмом смешаю!

— Ну и ну. — Сакамоти это явно позабавило. — Ты серьезно, Ёситоки? Ты ведь знаешь, что человек должен отвечать за свои слова.

— А ну выйдем! Я тебя точно убью! Ты меня на том свете помнить будешь!

— Прекрати, Ёситоки! Прекрати!

На отчаянный призыв Сюи Ёситоки не обратил никакого внимания.

Тут Сакамоти заговорил до странности добрым голосом, словно желая умиротворить ученика.

— Послушай, Ёситоки. Знаешь, что ты сейчас делаешь? Ты оглашаешь свою оппозицию правительству.

— Я тебя убью! — Ёситоки не унимался. — Убью тебя, гад, убью!

Сюя не мог больше сдерживаться, но как только он снова собрался выкрикнуть Ёситоки предостережение, Сакамоти покачал головой и дал знак стоявшим у кафедры трем солдатам сил особого назначения.

Вместе они составляли вокальную группу, что-то вроде «Четырех новичков». Мужчины в камуфляже, Тахара, Кондо и Номура, дружно подняли правые руки и приняли театральные позы. Но в руках у них были пистолеты. Вокальная группа спела бы теперь что-то вроде: «Ах, детка, детка, прошу, проведи со мной эту ночь...»

Сюя заметил, как Ёситоки весь напрягся.

Три пистолета выстрелили одновременно. Стоя в проходе, Ёситоки затрясся, словно танцуя буги-вуги.

Все произошло так внезапно, что ни у Норико Накагавы, сидевшей сразу позади Ёситоки, ни у всего остального класса даже не было времени пригнуться.

Грохот выстрелов еще не затих, а Ёситоки уже медленно качнулся вправо и рухнул в проход между своим столом и тем, за которым сидела Идзуми Канаи. Идзуми дико заверещала.

Троица солдат так и осталась стоять, вытянув вперед руки. От каждого из стволов вверх тянулся легкий дымок. Затем между ножек стола Сюя разглядел повернутое к нему лицо — до боли знакомое. Выпученные глаза Ёситоки, устремленные куда-то в пол, по-прежнему были открыты. Затем его правая рука судорожно задергалась.

Ёситоки!

Сюя вскочил со своего места, чтобы к нему подбежать, однако Норико Накагава, которая сидела ближе, оказалась быстрее.

— Ёситоки! — воскликнула она и наклонилась к нему.

Беспшашный Тахара прицелился в девочку и нажал на спусковой крючок. Норико полетела вперед, точно ей сделали подножку, и упала на Ёситоки. Тот все еще дергался.

Тахара тут же перевел пистолет на Сюю. В голове у Сюи лихорадочно металась мысли, но тело его замерло. Двигались только глаза. Он заметил, как из икры Норико льется кровь.

— Без моего разрешения из-за стола не вставать, — обращаясь к Норико, процедил Сакамоти. Затем он взглянул на Сюю и добавил: — То же самое касается и тебя. Сядь на место.

Сюя приложил все силы, чтобы оторвать взгляд от окровавленной ноги Норико и дергающегося под ней Ёситоки. Он посмотрел Сакамоти прямо в глаза. От страшного шока жилы у него на шее до отказа натянулись.

— Что за дьявольщина здесь происходит? — выпалил Сюя, не двигаясь с места. Тахара по-прежнему целился ему в лоб. — Что вы такое творите!? Мы должны оказать помощь Ёситоки... и Норико...

Сакамоти скривился и покачал головой.

— Брось, сядь на место, — повторил он. — Ты тоже, Норико.

Норико, совсем бледная от пережитого ужаса, медленно перевела взгляд на Сакамоти. Казалось, ее переполняет скорее гнев, нежели сильная боль от пулевого ранения. Девочка яростно засверкала глазами на инструктора.

— Пожалуйста, окажите какую-то помощь Ёситоки, — произнесла она, намеренно подчеркивая каждое слово.

Правая рука Ёситоки продолжала дергаться. Однако прямо у них на глазах это подергивание все слабело. Было очевидно, что, если Ёситоки прямо сейчас не оказать помощь, его ранения станут смертельными.

Сакамоти глубоко вздохнул, затем обратился к бесшабашному:

— Господин Тахара, будьте так любезны оказать ему помощь.

Прежде чем они смогли сообразить, что он имеет в виду, Тахара опустил пистолет и нажал на спусковой крючок. Раздался грохот. Голова Ёситоки Кунинобу лишь раз дернулась, и что-то оттуда плеснуло прямо в лицо Норико.

Потрясенная девочка немо раскрыла рот. Все ее лицо было залито темно-красной влагой.

Тут Сюя понял, что его рот тоже раскрыт.

Хотя часть головы Ёситоки была теперь снесена, он по-прежнему тупо глазел на все тот же участок пола. Однако он уже не дергался. Лежал неподвижно.

— Вот видите? — сказал Сакамоти. — Он все равно умирал. Мы оказали ему помощь. А теперь прошу вас вернуться на свои места.

— Боже... — Норико смотрела на обезображенную голову Ёситоки, — Боже мой...

Сюя тоже был потрясен и не мог оторвать глаз от лица лежащего между ножек стола Ёситоки. Разум его был так парализован, словно у него, как у Ёситоки, только что мозги разлетелись на кусочки. Сумбурные воспоминания о Ёситоки метались в его ошалелой голове. Небольшие путешествия, которые они предпринимали вдоль реки, порой делая привалы. Дождливый день, проведенный за старой настольной игрой. Как они подражали Джейку и Элвуду, героям фильма «Братья Блюз», тоже сиротам (удивительное дело, но фильм этот был дублирован и, хотя у актеров были просто жуткие голоса, стал хитом на черном рынке). И, наконец, лицо Ёситоки, совсем недавно, когда он сказал: «Знаешь, Сюя, я тут кое в кого влюбился». А потом...

— Вы что, оглохли? — поинтересовался Сакамоти. Да, Сюя был глух к его словам. Он неотрывно смотрел на Ёситоки.

То же самое происходило и с Норико. Если бы они и двинулись, то пошли бы по следам Ёситоки. Стоящий рядом с Сакамоти Тахара навел пистолет на Норико, а двое других взяли на прицел Сюю.

— Господин Сакамоти, — внезапно произнес спокойный, даже слегка беспечный голос. Только благодаря этому голосу Сюя снова пришел в себя — или, по крайней мере, молча повернул голову в сторону говорящего.

Впереди, перед опустевшим стулом Ёситоки, с поднятой рукой сидел Синдзи Мимура. Норико тоже медленно перевела взгляд на него.

— Что? Так-так, посмотрим. Ты, должно быть, Синдзи Мимура. В чем дело?

— Норико, судя по всему, ранена. Я подумал, не смогу ли я помочь ей вернуться на свое место.

Несмотря на всю тяжесть их положения, Третий говорил своим обычным голосом.

Сакамоти слегка наморщил лоб, но затем кивнул.

— Ладно, валяй. В конце концов, нам надо двигаться дальше.

Синдзи кивнул, встал и направился к Норико. Подойдя к ней, он достал из кармана аккуратно сложенный носовой платок и нагнулся. Для начала Синдзи вытер залитое

кровью Ёситоки лицо Норико. Та едва на это отреагировала. Затем Синдзи предложил Норико встать и взял ее под правую руку.

Наконец, повернувшись спиной к Сакамоти, Синдзи взглянул на Сюю, который так и остался стоять. Под четко очерченными бровями Синдзи его глаза, в которых всегда читалось легкое веселье, теперь были предельно серьезны. Он поднял правую бровь и еле заметно покачал головой. Его левая ладонь пошла вниз, словно бы что-то толкая. Сперва Сюя этого знака не понял. Тогда Синдзи его повторил.

По-прежнему потрясенный, Сюя наконец-то сообразил, что Синдзи просит его успокоиться. Глядя Синдзи в глаза, он медленно опустился на стул.

Синдзи кивнул. Затем, усадив Норико, он вернулся на свое место.

Из правой ноги Норико по-прежнему текла кровь. Белые носки и спортивные тапочки стали теперь красными, словно Норико носила один сапожок Санта-Клауса.

Мало-помалу Норико тоже приходила в себя. Она потянулась к Синдзи, желая его поблагодарить. Но тот, словно бы видя затылком, пожал плечами и удержал ее от этого жеста. Тогда Норико подалась назад и снова увидела справа от себя тело Ёситоки. Она молча смотрела на него. Глаза девочки были полны слез.

Сюя тоже смотрел на труп, хотя его частично скрывали столы. Да, это был именно труп. Никаких сомнений. Трудно было это осознать, но теперь Ёситоки, рядом с которым Сюя провел десять лет своей жизни, стал трупом.

Глядя на выпученные глаза Ёситоки, Сюя ощутил, как гнев его становится все более отчетливым, пульсируя во всем теле. Этот гнев нарастал, разливаясь по всему его телу так, что Сюю почти сводило судорогой. Чувства, притупленные первоначальным шоком, постепенно выходили на поверхность. Повернувшись к Сакамоти, Сюя оскалил зубы.

А того вид ученика, похоже, позабавил. Сюя уже был на грани того, чтобы взорваться точно так же, как Ёситоки. Но затем...

Синдзи Мимура вмешался в самый критический момент, прося его успокоиться... Сюя тут же вспомнил, как считанные секунды тому назад получил от него знак. Все верно... если он сейчас вспылит, он, разумеется, кончит как Ёситоки. А что еще более важно... девочка, которую Ёситоки так обожал, теперь серьезно ранена. Если он прямо сейчас погибнет... что тогда будет с Норико Накагавой?

Сюя усилием воли постарался отвести взгляд от Сакамоти. Он уставился в свой стол. Горе душило Сюю, а сердце его буквально разрывалось от гнева и скорби, которым не был выхода.

Сакамоти негромко рассмеялся. И отвернулся от Сюи.

Пытаясь утихомирить неумную дрожь, Сюя крепко сжал под столом оба кулака. Он сжимал их все крепче и крепче. Нелегко было обуздать свои эмоции, когда прямо перед ним лежал труп Ёситоки.

Просто непостижимо! Как такое могло произойти? Как можно было потерять человека... человека, настолько близкого?

«Ёситоки всегда был со мной, — думал Сюя. — Неважно, какой ерундой мы занимались. А как насчет того раза, когда он тонул в речке, и я его вытащил? Или

когда мы маялись дурью, собирая уйму кузнечиков? Потом мы засунули их в небольшую коробку, и все они в итоге подошли. А нам обоим стало от этого очень скверно. Или как мы соперничали, добиваясь внимания того пса Эдди? Или как мы откололи тот номер в школе и спрятались на чердаке над учительской? Нас чуть было там не застучали, но мы все-таки сумели сбежать и потом славно посмеялись... Мы с Ёситоки всегда были вместе. Это точно. Он всегда был со мной. Так как же он мог теперь оставить меня?»

Синдзи снова поднял руку.

— У меня есть еще один вопрос, господин Сакамоти.

— Опять ты? В чем дело?

— Норико ранена. Я так понимаю, нам предстоит участвовать в Программе. Разве это не сделает игру несправедливой?

— Ну да, пожалуй, сделает. И что с того?

— Думаю, это означает, что Норико должна подлечиться. А это в свою очередь означает, что осуществление Программы должно быть отложено до ее выздоровления. Разве не так?

Сюя, только что едва сумевший сдержать свой гнев, был совершенно поражен непоколебимым спокойствием, звучавшим в речи Синдзи Мимур. Хотя казалось немного странным, что Сюя так этому поразился. Да, Синдзи Мимура был гораздо спокойнее Сюи и лучше держал себя в руках. Кроме того, Синдзи был прав. Если его просьба будет удовлетворена, им удастся выиграть немного времени. Тогда они, вполне возможно, смогут спастись.

Сакамоти громко заржал.

— Да, Синдзи, это очень интересное предложение.

Однако затем Сакамоти предложил альтернативное решение проблемы:

— Может, нам лучше прямо сейчас убить Норико Накагаву? Тогда игра станет справедливой.

Норико и все остальные вновь оцепенели. Сюя заметил, как Синдзи весь напрягся, выдавая истинную реакцию:

— Я забираю назад свое предложение. Ничего-ничего, я просто пошутил.

Сакамоти снова заржал, реагируя на юморное предложение Синдзи. Тахара, чья рука уже потянулась к кобуре пистолета, быстро вернул ее к ремню винтовки у него на плече.

Затем Сакамоти снова хлопнул в ладоши.

— Ну ладно, а теперь слушайте. Прежде всего, вы все различаетесь по своему интеллекту, физическому развитию и т.д. и т.п. Мы рождены неравными. А потому мы не станем лечить Норико Накагаву... эй, там!! Не шушукаться! — внезапно заорал Сакамоти. Затем он резко швырнул какую-то белую штуквину туда, где Фумиё Фудзиёси (ученица номер 18) о чем-то шептала сидящей рядом с ней старосте девочек класса Юкиэ Уцуми. Сюя на мгновение задумался: может, это кусок мела. Разумеется, учитывая все обстоятельства, такой вариант казался нелепым.

Штуковина издала глухой звук — примерно как гвоздь, вбитый в гроб. Тонкий нож торчал из самой середины чистого, широкого лба Фумиё Фудзиёси.

Юкиэ с широко распахнутыми глазами уставилась на эту картину. Причем картина эта казалась еще более дикой оттого, что Фумиё поднимала глаза, силясь увидеть нож, всаженный ей в лоб. Голова ее запрокинулась. Затем девочка повалилась набок. Падая, она левым виском ударилась об угол стола и слегка его сдвинула.

Здесь уже никаких сомнений быть не могло: остаться в живых с ножом во лбу было никак невозможно.

Никто даже не шевельнулся. Никто не сказал ни слова. Юкиэ сделала глубокий вдох и опустила взгляд на Фумиё. Норико тоже туда смотрела. Синдзи Мимура сжал губы, видя как Фумиё, подобно Ёситоки Кунинобу, обрушивается в проход.

Сюя затаил дыхание. В горле у него пересохло.

«Он так запросто это сделал! — подумал он. — Захотелось — и сделал! Прихоти ради! Проклятье! Наша жизнь и смерть теперь целиком в руках этого гада Сакамоти!»

— Оба-на! Классно у меня получилось! Впрочем, весьма сожалею. Когда инструктор кого-то убивает, это против правил, ведь так? — Сакамоти закрыл глаза и почесал в затылке. Затем его физиономия снова посерьезнела, и он продолжил: — Мне требуется все ваше внимание. Целиком. Импульсивные действия строго запрещены. Да, мне будет очень жаль. Но если кто-то еще станет шептаться, он тут же получит нож в башку!

Сюя сжал зубы и приказал себе хранить терпение. Он снова и снова себе это приказывал, стараясь не смотреть на своих мертвых одноклассников.

Тем не менее глаза его опять потянуло к лицу Ёситоки, и Сюе не осталось ничего другого, кроме как на него смотреть. Он чувствовал, что вот-вот расплачется.

Осталось 40 учеников

5

— Позвольте, я изложу вам правила.

Сакамоти снова придал своему голосу радостный тон. В классе запахло свежей кровью Ёситоки Кунинобу. Этот запах полностью отличался от запаха засохшей крови их классного руководителя господина Хаясиды. Со своего места Сюя не видел лица Фумиё Фудзиёси, но, судя по всему, крови из ее лба вытекало немного.

— Думаю, все вы знаете, как это происходит. Правила предельно просты. Все, что от вас требуется, это убивать друг друга. Никаких ограничений не существует. А последний уцелевший, — тут Сакамоти нацепил на физиономию широкую ухмылку, — может отправляться домой. Он даже получит чудесную фотокарточку с автографом Диктатора. Как славно, правда?

Сюя мысленно сплюнул.

— Вам может показаться, что это жуткая игра. Однако в жизни частенько случаются удивительные неожиданности. Вы должны все время сохранять

самообладание, чтобы должным образом откликаться на происходящее. Стало быть, считайте это тренировкой. Мальчики и девочки здесь будут на равных. Ни у той, ни у другой стороны не будет никакого преимущества. Однако девочкам не стоит расстраиваться. У меня есть для них хорошие новости. Согласно статистике Программы, 49 процентов от всего числа предыдущих победителей составляют девочки. Лозунг в этой игре таков: «Я как все, а все как я». И бояться здесь нечего.

Тут Сакамоти дал знак своим подручным. Троица в камуфляже вышла в коридор и принялась втаскивать в класс черные нейлоновые рюкзаки, их сложили грудой возле пакета с телом господина Хаясиды. Из некоторых выпирали какие-то длинные предметы.

— Вы будете выходить один за другим. Перед уходом каждый из вас возьмет один из этих рюкзаков. В них есть пища, вода и оружие. Как я уже сказал, у всех вас разные способности. Таким образом, это оружие добавит игре необходимый элемент случайности. Нет, пожалуй, так слишком сложно. Другими словами, это сделает игру более непредсказуемой. Вы будете выходить один за другим и брать рюкзак, лежащий на самом верху груды. Там также имеется карта острова, компас и часы. Может, у кого-то нет часов? У всех есть? Да, забыл об этом упомянуть, но мы находимся на острове с диаметром примерно в шесть километров. Для Программы он еще ни разу не использовался. Нам пришлось эвакуировать с острова всех местных жителей. А потому здесь больше никого нет. Итак...

Сакамоти повернулся к классной доске и схватил кусок мела. Затем нарисовал рядом со своим именем, «Кинпацу Сакамоти», грубую ромбовидную фигуру. Справа вверху от фигуры он нарисовал указывающую вверх стрелочку и поставил рядом букву "С". Неподалеку от центра фигуры Сакамоти поставил крестик. Не отрывая мела от доски, он повернулся к ученикам.

— Сейчас мы вот здесь, в школе. Это примерная схема острова, где крестик указывает на школу. Понятно? — Сакамоти постучал мелом по значку. — Я останусь здесь. И буду наблюдать за вашими успехами.

Затем с севера, юга, запада и востока от острова Сакамоти нарисовал четыре небольших овала.

— Это сторожевые корабли. Они здесь за тем, чтобы убить всякого, кто попытается сбежать по морю.

Дальше Сакамоти прочертил поверх острова параллельные вертикальные и горизонтальные линии. Ромбовидная фигура теперь стала напоминать куру на кривоватом рашпере. Начиная с левого верхнего угла, Сакамоти принялся вписывать в клеточки указатели: «А=1», «А=2» и так далее по порядку. Следующий ряд был помечен как «Б=1», «Б=2» и т. д.

— Это всего лишь упрощенная схема. Карты у вас в рюкзаках будут выглядеть примерно так же. — Сакамоти положил мел и похлопал в ладоши, стряхивая пыль.

— Как только вы покинете это помещение, вы будете вольны идти куда захотите. Однако по всему острову в шесть часов утра, в полдень, в шесть вечера и в полночь будут делаться объявления. Ссылаясь на эту карту, я буду объявлять зоны, которые через определенное время должны будут стать запретными. Вы должны внимательно изучать карты и сверяться с компасами. Если вы окажетесь в зоне, которая вскоре

станет запретной, вам следует как можно скорее это место покинуть. Причиной тому... — тут Сакамоти положил ладони на кафедру и оглядел аудиторию, — служат ваши ошейники.

До этого самого момента несколько учеников умудрилось так и не заметить своих ошейников. Теперь же, дотронувшись до них, они явно оказались в шоке.

— Данное устройство является новейшим технологическим достижением нашей Республики. Ошейники на сто процентов водонепроницаемые, противоударные и... хе-хе, нет-нет, снять их нельзя. Если кто-то попытается сорвать с себя ошейник... — Сакамоти сделал эффектную паузу, — он взорвется.

Несколько учеников, все еще возившиеся со своими ошейниками, тут же опустили руки.

Сакамоти ухмыльнулся.

— Ошейники позволяют следить за вашим пульсом, чтобы определить, живы ли вы, и передают эту информацию на главный компьютер в этой школе. Они также указывают нам ваше точное местоположение на острове. А теперь вернемся к карте.

Сакамоти ткнул большим пальцем себе за спину.

— Тот же самый компьютер также будет непредсказуемо выбирать запретные зоны. И если в одной из этих зон после указанного времени останется кто-то из учеников — разумеется, мертвые ученики в счет не идут, — компьютер автоматически его засечет и пошлет сигнал на его ошейник. Тогда...

Сюя уже знал, что он скажет дальше.

— Этот ошейник взорвется.

Он не ошибся.

Сакамоти сделал небольшую паузу, внимательно оглядывая аудиторию. Затем он продолжил:

— Зачем нам это нужно? Дело в том, что, если все сгрудятся в одной точке, игра застопорится. А так вам придется двигаться. В то же самое время число зон, куда вы сможете переместиться, сократится. Понятно?

Сакамоти назвал все это игрой. Ничего удивительного. Все было дьявольски ясно и столь же возмутительно. Никто не сказал ни слова, но все, похоже, уяснили правила.

— Далее, если вы спрячетесь в здании, ничего хорошего это вам не принесет. Даже если вы зароетесь под землю, компьютер все равно вас достигнет. Да, между прочим, вы вольны прятаться в любых зданиях, но телефоны там работать не будут. Вы не сможете позвонить родителям. Вы должны будете сражаться сами, ни на кого не рассчитывая. Впрочем, в обычной жизни идет примерно такая же игра. Теперь я должен вам сказать, что в самом начале игры никаких запретных зон не будет, за исключением этой школы. Через двадцать минут после вашего ухода зона, где расположена эта школа, станет запретной. А потому прошу вас первым делом отсюда убраться. Вы должны оказаться минимум в двухстах метрах отсюда. Поняли? В объявлениях я также буду зачитывать имена тех, кто умер за прошедшие шесть часов. Все объявления будут делаться через четкие промежутки времени, однако с последним уцелевшим я свяжусь посредством этой же системы оповещения непосредственно

после окончания игры. Да... и еще одно. Существует лимит времени. Независимо от того, сколько учеников уже погибло, если в течение двадцати четырех часов никто не умрет, ваше время кончится. Не будет иметь значения, сколько учеников еще осталось.

Сюя опять знал, каким будет продолжение.

— Компьютер взорвет все оставшиеся ошейники. Тогда победителя не будет.

Сакамоти умолк. В классной комнате воцарилась гробовая тишина. По помещению распространялся запах свежей крови Ёситоки Кунинобу. Ученики пребывали в коллективном шоке. Они и так были страшно напуганы, но ситуация, когда их вот-вот должны были бросить в смертоубийственную игру, была вообще за пределами их понимания.

Словно бы откликаясь на общее умонастроение, Сакамоти хлопнул в ладоши.

— Итак, все скучные подробности я вроде бы упомянул. Теперь я должен сказать вам кое-что по-настоящему важное. Позвольте дать небольшой совет. Некоторые из вас могут думать, что убийство одноклассников — вещь совершенно невозможная. Однако не забывайте о том, что есть и другие, кому очень даже хочется этим заняться.

«Больше всех — тебе самому!» — хотелось воскликнуть Сюе. Но, помня о том, как считанные минуты тому назад Фумиё Фудзиёси была казнена всего лишь за перешептывание, он сумел сохранить молчание.

Все остальные тоже молчали, но что-то вдруг изменилось, и Сюя это понял.

Все озирались, посматривая на лица своих одноклассников. Всякий раз, как взгляды встречались, ученики тут же нервно переводили глаза на Сакамоти. Все это происходило считанные секунды, и выражения лиц были одними и теми же. Напряженные и подозрительные, ученики лихорадочно прикидывали, кто уже готов принять участие в игре. Лишь немногие, вроде Синдзи Мимуры, оставались спокойны.

Сюя снова сжал зубы. «Нельзя попасть в эту ловушку, — сказал он себе. — Если вдуматься, мы единый коллектив. Мы никак не можем друг друга убивать!»

— Ну ладно. Теперь мне необходимо убедиться в том, что вы уяснили для себя самую суть. У вас на столах есть карандаши и бумага. Приготовьтесь писать.

Все смущенно взяли в руки карандаши. Сюе тоже не оставалось ничего другого, кроме как последовать указанию.

— Приготовились? Чтобы хорошенько что-то запомнить, всегда лучше это записать. Итак, пишите. «Мы будем убивать друг друга». Напишите это три раза.

Сюя услышал, как карандаши заскребли по бумаге. Норико тоже с мрачным видом водила карандашом. Записывая этот безумный лозунг, Сюя взглянул на труп Ёситоки Кунинобу, лежащий в проходе. Он вспомнил теплую улыбку Ёситоки.

— Отлично, — похвалил их Сакамоти. — Теперь дальше. «Если я не убью, меня убьют». Тоже три раза.

Тут Сюя взглянул на Фумиё Фудзиёси. Ее белые ладони, торчащие из-под манжет матроски, образовывали аккуратные чашечки. В школе Фумиё была помощницей медсестры. Она всегда держалась тихо, но была очень заботливой.

Затем Сюя посмотрел на Сакамоти.

«Вонючий ублюдок, — подумал он, — я тебе этот карандаш в сердце воткну!»

Осталось 40 учеников

6

— Ну вот, хорошо. Теперь через каждые две минуты один из вас будет выходить из класса. Пройдя направо по коридору, вы найдете выход из школы. Вам следует немедленно отсюда уйти. Всякий, кто станет болтаться по школе, будет расстрелян на месте. Итак, с кого мы начнем? Согласно правилам Программы, нам следует определить первого ученика, а порядок остальных будет соответствовать закрепленным за вами в классе номерам. Мальчик, девочка, мальчик, девочка, понятно? Как только мы доберемся до последнего номера, мы снова начнем с первого. Итак...

В этот момент Сюя вспомнил, что у Норико был 15-й номер. Тот же самый, что и у него. Это значило, что они смогут уйти почти одновременно (если только ее не выберут самой первой — в этом случае ему придется уйти последним). Только вот... сможет ли Норико идти?

Сакамоти достал из внутреннего кармана пиджака белый конверт.

— Первый ученик определяется как в лотерее. Сейчас, минутку...

Затем Сакамоти извлек из кармана ножницы с розовой ленточкой и торжественно отрезал край конверта.

И тут заговорил Кадзуо Кирияма. Как и у Синдзи Мимуры, голос его был совершенно спокоен. Но слышалась также холодная жестокость.

— Мне интересно, когда начинается игра.

Все оглянулись на последний ряд, где сидел Кирияма. (Только Сёго Кавада не оглянулся. Он просто продолжал жевать свою резинку).

Сакамоти указал на дверь.

— Как только вы отсюда выходите. Возможно, для начала вы все захотите спрятаться и разработать свою стратегию... ведь сейчас ночь.

Кадзуо Кирияма ничего не сказал. А Сюя наконец-то выяснил, что теперь час ночи — вернее, уже половина второго.

Вскрыв конверт, Сакамоти вытащил оттуда листок белой бумаги и развернул его. Рот инструктора удивленно раскрылся.

— Ого! — сказал он. — Надо же, какое совпадение. Ученик номер 1 — Ёсио Акамацу.

Услышав свое имя, Ёсио Акамацу, который сидел в первом ряду у окна (забранного стальными листами), явно испытал потрясение. Имея рост 180 сантиметров и вес 90 килограммов, Ёсио был очень крупным, но тем не менее не мог даже поймать несильно брошенный ему бейсбольный мячик или пробежать хотя бы один круг по беговой дорожке. На уроках физкультуры Ёсио всегда был посмешищем. Теперь его губы стали чуть ли не бледно-синими.

— В темпе, Ёсио, в темпе, — подогнал его Сакамоти. Ёсио взял сумку, упакованную им для учебной экскурсии, и с трудом поднялся из-за стола. Пройдя вперед, он получил рюкзак от троицы в камуфляже, затем остановился перед дверью, за которой был мрак. Ёсио повернул ко всем до смерти перепуганное лицо, а мгновение спустя исчез в коридоре. Судя по звуку, он сделал два-три спокойных шага, а затем перешел на бег. Вскоре его слоновий топот затих. Опять же судя по звуку, Ёсио успел за это время один раз упасть, после чего снова метнулся вперед.

В затихшей аудитории несколько учеников испустили тяжелые вздохи.

— Теперь мы подождем две минуты, — сказал Сакамоти. — Следующей будет ученица номер 1, Мидзуо Инада...

Жестокая процедура все продолжалась.

Но затем, когда Сакура Огава (ученица номер 4) пошла на выход, Сюя кое-что для себя подметил. Сакура сидела в двух столах позади него, в самом последнем ряду. Направляясь к выходу, она небрежно коснулась стола Кадзухико Ямамото, своего возлюбленного, и оставила там листок бумаги. Сакура вполне могла оставить Кадзухико сообщение на том же самом листке, где их заставляли писать «мы будем убивать друг друга».

Сюя не знал, один ли он это увидел. По крайней мере, Сакамоти, похоже, ничего не заметил. Кадзухико схватил листок бумаги и быстро убрал его под стол. А Сюя испытал великое облегчение. Пока не всех их охватило безумие. Узы любви еще только предстояло разрубить.

«Но что в той записке?» — размышлял Сюя, наблюдая за тем, как Сакура выходит из класса. Взглянув на схему, накорябанную Сакамоти на доске, он предположил, что Сакура указала там одну из зон для встречи. Но карта на доске была слишком грубой и вполне могла сильно расходиться с картой у них в рюкзаках. Возможно, она указала общее направление или расстояние. Кроме того, подобное желание встретиться тайком означало лишь то, что они больше никому не доверяют и не сомневаются в намерении остальных их убить. А это в свою очередь означало, что они угодили в ловушку Сакамоти.

«Пусть я понятия не имею, что лежит за пределами этой школы, — подумал Сюя, — но я, по крайней мере, должен подождать снаружи и поговорить с учениками, которые выйдут за мной. Никакие правила Сакамоти мне этого сделать не запрещают. Возможно, сейчас все охвачены паникой и полны подозрений, но, если мы сможем просто собраться вместе и обсудить ситуацию, уверен, нам удастся придумать какой-то план». Плюс к тому Норико выходила сразу за ним (хотя опять же — могла ли она ходить?) Синдзи Мимура также выходил после него. А вот Хироки Сугимура выходил раньше...

Сюя подумал было передать Хироки записку, но он сидел слишком далеко от него. Кроме того, если его засекут, он вполне может получить то же, что и Фумиё Фудзиёси.

Настал черед Хироки Сугимуры. Глаза его ненадолго встретились с глазами Сюи, прежде чем он вышел из класса... но и только. Сюя мысленно простонал. Ему оставалось лишь надеяться, что на уме у Хироки тот же вариант и что он подождет снаружи. Если бы Хироки только смог уговорить остальных тоже подождать...

Следом за Хироки вышла молчаливая и спокойная Мицуко Сома. Сёго Кавада и Кадзуо Кирияма к тому времени уже покинули класс.

По-прежнему жуя резинку, Сёго вышел, изображая полное безразличие на лице. Казалось, для него вообще не существовало ни Сакамоти, ни тройцы в камуфляже. Кирияма и Сома тоже не уделили им никакого внимания.

Все верно. Когда Сакамоти сказал, что «есть и другие, кому очень даже хочется этим заняться», остальная часть класса должна была заподозрить именно этих трех учеников. Еще бы — ведь они были «преступниками». Они без малейших колебаний смогли бы убить кого-то ради своего спасения...

Хотя Сюя сомневался, что Кадзуо Кирияма станет это делать. У Кадзуо была своя банда. И банда эта была куда сплоченнее обычной компании закадычных приятелей. Хироси Куронага, Рюхэй Сасагава, Сё Цукиока и Мицуру Нумаи — вот кто еще в нее входил. Правила этой игры превращали всех остальных в твоих врагов, но невозможно было себе представить, чтобы эти пятеро стали друг друга убивать. Кроме того — Сюя это подметил, — пока Кадзуо уходил, его парни выглядели подозрительно спокойными. Должно быть, Кадзуо все-таки сумел передать им записку. Вероятно, он разработал какой-то план спасения для своей банды. Кадзуо был очень даже способен перехитрить хоть все правительство. Разумеется, это также означало, что никому, кроме своих корешей, Кадзуо доверять не станет.

Схожая группировка имелась и у Мицуко Сома. Однако все они сидели слишком далеко от Хироно Симидзу и Ёсими Яхаги, чтобы было реально передать им записку. «А главное, — подумал Сюя, — Мицуко Сома — девочка. Она нипочем не станет участвовать в этой игре».

По-настоящему Сюю тревожил только Сёго Кавада. Он был сам по себе и ни в какую группировку не входил, у Сёго даже приятеля-то не было. С тех пор как он перевелся к ним в школу, он так ни разу ни с кем и не заговорил. И было в Сёго что-то такое неуловимое. Даже если не принимать во внимание слухи, оставались еще и эти раны у него на теле...

«А не может ли получиться так, — задумался Сюя, — что Сёго — единственный, кто действительно желает играть?» На его взгляд, такое было очень даже возможно.

И в то же самое время Сюя понимал, что стоит ему только стать сверх меры подозрительным, как он тут же окажется на стороне властей. А потому он немедленно отбросил эту мысль... хотя и не без труда.

Время шло.

Многие девочки плакали, выходя.

Хотя все происходило на удивление быстро, очередь Сюи, согласно его вычислениям, должна была наступить только через час (разумеется, с гибелью Ёситоки Кунинобу это время сократилось на две минуты). Но вот Маюми Тэндо (ученица номер 14) исчезла в коридоре, и Сакамоти провозгласил:

— Ученик номер 15, Сюя Нанахара.

Сюя схватил свою сумку и встал. «Прежде чем отсюда выйти, — сказал он себе, — я сделаю все, что смогу».

Вместо того чтобы сразу направиться к двери, Сюя выбрал левый проход. Оглянувшись, Норико наблюдала за тем, как он к ней приближается.

— Сюя, — произнес Сакамоти и поднял нож. — Не туда.

Сюя остановился. Трое солдат прицелились в него из винтовок. В горле у него застрял комок. Затем он все же сумел нервно выговорить:

— Ёситоки Кунинобу был моим другом. Я, по крайней мере, должен закрыть ему глаза. Согласно образовательной политике Великого Диктатора, нам следует уважать мертвых.

Сакамоти немного поколебался, но затем ухмыльнулся и положил нож.

— Ты так заботлив, Сюя. Ладно, валяй.

Сюя перевел дух, затем пошел дальше. Он остановился у стола Норико, где лежал труп Ёситоки.

Хотя Сюя сам вытребовал себе право закрыть другу глаза, он поначалу смог лишь застыть на месте.

Теперь, оказавшись так близко к трупу, Сюя, благодаря стараниям бесшабашного Тахары, смог увидеть в окровавленных волосах Ёситоки тонкие кусочки красного мяса и еще что-то белое. Он понял, что это осколки черепа. Из-за попавших ему в голову пуль большие глаза Ёситоки еще сильнее выпучились. Эти стеклянные, обращенные вверх глаза придавали ему вид голодного беженца, ожидающего кормежки. Розовая, вязкая влага, смесь крови со слюной, вытекала из слегка приоткрытого рта. А из ноздрей лилась темная кровь. Стекая по подбородку, она скапливалась в лужицу у груди Ёситоки. Это было ужасно.

Сюя поставил сумку и наклонился. Когда он стал приподнимать и поворачивать на спину тело Ёситоки, кровь хлынула из-под почерневшей, прорванной в трех местах школьной формы и расплескалась по полу. Долговязое тело казалось поразительно легким. «Почему? — тупо подумал Сюя. — Из-за того, что оттуда вытекла вся кровь?»

Пока Сюя держал на руках легкое тело Ёситоки, страх и скорбь почти улетучились из его головы. Теперь ее переполнял гнев.

«Ёситоки, — думал Сюя, — я обязательно за тебя отомщу. Клянусь, я это сделаю».

Времени у него было немного. Сюя провел ладонью по лицу Ёситоки, вытирая кровь, затем нежно закрыл ему глаза. Опустив труп друга на пол, он сложил ему руки на груди.

Затем, притворяясь, что завозился с сумкой, Сюя подался как можно ближе к Норико и прошептал:

— Идти сможешь?

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы троица в камуфляже вскинула винтовки, зато Сюя смог получить кивок от Норико. Тогда Сюя повернулся к Сакамоти и троице, одновременно сжимая за спиной кулак, видный Норико, указывая большим пальцем на выход и тем самым словно бы говоря: «Я тебя там подожду».

Сюя не обернулся к Норико, но уголком глаза глянул чуть вперед, за стол Ёситоки. Синдзи Мимура сидел там, сложив руки на груди, смотрел прямо перед собой и слегка

улыбался. Должно быть, он все же сумел увидеть знак, поданный Сюей Норико. Сюя испытал громадное облегчение. Ведь это был Синдзи. «Если Синдзи на нашей стороне, — подумал он, — мы обязательно выпутаемся, нет проблем».

Однако Синдзи Мимура, возможно, понимал всю ситуацию иначе и гораздо лучше Сюи. Возможно, он с усмешкой говорил себе: «Что ж, а теперь адью, амиго». Но в тот момент такая мысль Сюе в голову не пришла.

Сюя пошел дальше. Он сделал секундную паузу, прежде чем взять черный рюкзак, и еще одну у трупа Фумиё Фудзиёси. Помедлив там, Сюя закрыл глаза. Он хотел было вынуть нож из лба Фумиё, но затем решил этого не делать.

Выйдя из класса, Сюя ощутил укол совести и подумал, что лучше бы он все-таки вынул нож.

Осталось 40 учеников

7

В коридоре было темно. Окна по ту сторону коридора также были забраны стальными панелями. Таким образом, обеспечивалась защита персонала Программы от всяких бунтарей вроде Сюи, которые решились бы на атаку с целью прекратить игру. А как только они отсюда уйдут, вся эта зона станет запретной.

Сюя посмотрел направо. Там было еще одно помещение, затем еще одно — оба идентичные тому, из которого он только что вышел. А в самом конце темного коридора как будто виднелась двустворчатая дверь. В конце коридора слева была еще одна комната.

Может, там располагалась учительская? Дверь была приоткрыта, и внутри горел свет. Сюя подобрался поближе и туда заглянул. В комнате оказалось полно солдат сил особого назначения. Все они сидели на откидных стульях за широким столом. Сколько их там было? Двадцать? Тридцать? Нет, солдат там, похоже, было ровно столько же, сколько в их классе учеников.

Говоря откровенно, Сюя надеялся, что если у него в рюкзаке окажется пистолет (а это было вполне возможно — ведь в перечне причин смерти в отчетах о Программе помимо «ножевых ранений» и «удушения» упоминались также «огнестрельные ранения»), или если пистолет окажется у кого-то, кто будет ждать его снаружи, они смогут тут же разобраться с Сакамоти и компанией. Другими словами — еще до того, как зона вокруг школы станет запретной. Но теперь эта надежда разбилась вдребезги. Трое солдат с Сакамоти были не единственными, кто его сопровождал. Впрочем, ничего удивительного.

Один из солдат наклонил голову, оторвал взгляд от кружки у себя в руке и посмотрел на Сюю. Как и физиономии троицы в классной комнате, это лицо также было лишено какого-либо выражения.

Сюя резко повернулся и поспешил к выходу. Итак... теперь им оставалось только объединиться. Но, возможно, снаружи тоже были размещены солдаты, чтобы помешать им подождать друг друга? Ладно, посмотрим...

Сюя быстро пробежал по темному коридору и, миновав двустворчатую дверь, спустился по ступенькам крыльца.

За зданием в свете луны виднелось пустое спортивное поле размером с три теннисных корта. За полем начинался лес. Слева была небольшая гора. Справа простиралась угольно-черная тьма водной глади. По ту сторону моря на берегу мерцали точки света. Должно быть, это был один из крупных островов. Программа традиционно проводилась в пределах той префектуры, к которой принадлежала выбранная школа. Порой это бывала гора, окруженная высоковольтным проволочным ограждением, порой — территория вокруг старой тюрьмы, которую еще не успели снести. Однако в префектуре Кагава Программа обычно проводилась на острове. По крайней мере, согласно сводкам местных новостей, которые видел Сюя (разумеется, в каждом случае место проведения Программы объявлялось только после ее завершения), все игры в префектуре Кагава проходили на островах. И в данном случае не было сделано исключения. Сакамоти не упомянул названия острова, но Сюя думал, что по форме на точной карте сможет его узнать. Или, возможно, название острова подскажет ему какое-нибудь из строений.

Дул легкий бриз. Сюя вдыхал запах моря. Для майского вечера было холодновато, но не слишком. Придется основательно устроиваться на ночлег, чтобы не пострадать от непогоды.

Но первым делом...

Никаких солдат в поле зрения не наблюдалось. Однако Сюю порядком огорчило, что никого из одноклассников он тоже не обнаружил. Как и предвидел Сакамоти, все попрятались. Не было даже Хироки Сугимур. Только легкий ветерок приносил со стороны спортивного поля запах моря.

«Проклятье, — подумал Сюя. — Если мы вот так разбредемся, то попадем в ловушку Сакамоти». Другое дело, если бы ученики объединились в группы со своими друзьями. Сакура Огава и Кадзухико Ямамото могли где-то встретиться, и то же самое — банда Кадзуо Кириямы. Но всякий, кто прятался один, в конечном итоге должен был с кем-то столкнуться... Кто знал, к чему приведет хаос? И не был ли хаос важным элементом этой проклятой игры?

«Ладно, — подумал Сюя. — Лично я твердо намерен подождать здесь остальных. И прежде всего — Норико».

Он оглянулся на мрачный вход в здание школы. Сакамоти пообещал, что всякий, кто станет болтаться по коридорам, будет расстрелян на месте, но солдаты в той комнате особого внимания Сюе не уделили. Никакой бучи они вроде бы поднимать не собирались, а просто вполне мирно там сидели. У них даже оружия при себе не было.

Сюя провел языком по пересохшим губам и решил, что лучше ему все-таки отойти немного от двери. Он снова огляделся.

Тут-то он это и заметил.

Когда Сюя в прошлый раз оглядывался, он был слишком увлечен обзором общей панорамы и поэтому не разглядел что-то вроде мешка с мусором прямо у себя под ногами.

Сюя задумался, не обронил ли здесь кто-то свой рюкзак, но затем глаза его широко раскрылись от шока.

Никакой это был не мешок с мусором. И не рюкзак. У этого предмета на одном конце росли волосы. Причем самые что ни на есть человеческие.

Это был труп. Одетый в матроску и плиссированную юбку. Скрюченное тело лежало на боку, лицом вниз. Конский хвост, перевязанный широкой лентой, показался Сюе знакомым. Ничего удивительного. Этот конский хвост всего три минуты тому назад прямо у него на глазах исчез за дверью классной комнаты. Труп принадлежал Маюми Тэндо (ученице номер 14).

А рядом с длинным конским хвостом виднелась тусклая серебристая палочка сантиметров двадцати в длину. Эта палочка косо торчала из спины Маюми, точно антенна транзисторного радиоприемника. На конце у нее имелось четыре крошечных крылышка, вроде как у реактивного истребителя.

Что это за дьявольщина?

На самом деле Сюе в темпе требовалось найти себе укрытие. А он вместо этого в шоке стоял как вкопанный.

Затем Сюя вспомнил ответ, данный Сакамоти Кадзуо Кирияме, когда тот спросил, когда начинается игра. «Как только вы отсюда выходите».

* * *

В это просто невозможно было поверить! Кто мог это сделать? Неужели кто-то вернулся и убил Маюми Тэндо, как только она вышла из школы?

Сюя прекратил бесплодные размышления, осторожно пригнулся и огляделся.

Почему-то вокруг он не обнаружил никаких следов нападавшего. И никаких стрел не полетело в Сюю, пока он в шоке там стоял. Почему? Быть может, удовлетворенный убийством Маюми Тэндо, враг просто отсюда смылся? Или... или это была какая-то особая провокация? Не убил ли Маюми кто-то из солдат, сидевших в конце коридора, чтобы показать всем, что некоторые одноклассники уже готовы участвовать в игре? Но если все так...

Внезапно Сюя подумал, что Маюми Тэндо может быть все еще жива. Она вполне могла потерять сознание от шока после ранения. В любом случае ее следовало осмотреть.

Если бы Сюя долю секунды спустя не почувствовал что-то странное и не удержал бы себя от шага вперед, он раньше времени выбыл бы из игры. Ибо...

Серебристый предмет просвистел прямо у него перед глазами. Предмет этот прилетел откуда-то сверху. И теперь еще одна «антенна транзисторного радиоприемника» торчала из земли.

Сюя вздрогнул. Не поджидай он здесь Норико, он тут же бросился бы бежать. Враг пристроился на крыше здания.

Сюя стиснул зубы, выхватил стрелу из земли и метнулся влево. Он двигался лихорадочно, петляя, стараясь уклониться от возможной атаки. Затем оглянулся и посмотрел наверх. В тусклом свете луны над фронтоном одноэтажного здания школы была видна большая темная тень.

«Кто это? — подумал Сюя. — Может, Сёго? Вроде бы нет...»

У него не было времени это понять. Тень прицелилась в него из какого-то оружия.

Желая лишь сбить врага с прицела, Сюя швырнул в него стрелу. Однако, благодаря своим отличным бейсбольным навыкам, стрела набрала невероятную скорость и, описав красивую дугу, попала прямо в цель. Фигура застонала, прижала ладонь к лицу, сгорбилась и закачалась. А потом повалилась с крыши.

Отступив назад, Сюя наблюдал, как фигура пролетает по меньшей мере три метра и глухо ударяется оземь. Оружие с металлическим звоном вылетело из руки врага.

У выхода из здания, озаренная сочащимся оттуда светом, лежала крупная фигура в школьной форме. Ёсио Акамацу. Лежал он неподвижно — судя по всему, лишившись сознания. Оружие, гибрид лука и ружья («Арбалет!» — вспомнил Сюя название), валялось рядом. Рюкзак, который упал у ног Ёсио, был приоткрыт. Сюя заметил там связку серебряных стрел.

И ощутил внезапный озноб. Все верно! Ёсио Акамацу вступил в игру! Он достал из своего рюкзака оружие, вернулся сюда и убил Маюми Тэндо!

Тут Сюя расслышал, как кто-то подходит сзади.

Он резко развернулся. Это была Норико. Затаив дыхание от изумления, она пыталась разобраться в происходящем. Глаза Сюи метались от Норико к Маюми Тэндо и обратно. Подбежав к Маюми, он присел на корточки и коснулся ее шеи, чтобы проверить пульс. Мертва. Никаких сомнений.

Некий предохранитель в голове у Сюи был готов вот-вот сгореть. Другие вполне могли быть настроены так же, как и Ёсио. И один из них мог прямо сейчас сюда вернуться. Причем с пистолетом.

У Сюи не оставалось иного выбора, кроме как резко изменить свое отношение к игре. Вот как все повернулось! Когда Сакамоти сказал, что игра начинается, как только они выходят из школы, он имел в виду именно это.

Сюя вскочил, подбежал к Норико и взял ее за руку.

— Бежим! Мы должны как можно скорее отсюда убираться!

И Сюя побежал, почти волоча за собой раненую Норико. Но куда им следовало бежать?

Решив, что времени на раздумья уже не осталось, Сюя направился к роще. Сперва они там спрячутся, а потом... нет, Сюя отбросил эту мысль. Учитывая состояние Норико, они были совершенно незащищены. Любой мог на них напасть. Находиться в этом районе было слишком опасно.

О том, чтобы оставаться у школы и ждать других, теперь не могло быть и речи. Энергично увлекая Норико за собой, Сюя вскоре добрался до роши. Высокие деревья здесь перемежались с низкорослыми, а земля была укрыта папоротником.

Сюя уже развернулся, собираясь выкрикивать предостережения остальным одиннадцати ученикам, которым еще только предстояло выйти из школы (поскольку их класс состоял из двадцати одной пары мальчик-девочка, за Сюей и Норико должны были последовать еще двенадцать учеников, хотя Фумиё Фудзиеси уже в счет не шла), но передумал. Волей-неволей Сюя пришел к неутешительному выводу, что остальные ученики скорее всего не так глупы, как он, а потому бросятся бежать, как только выйдут из здания. Особенно когда увидят труп Маюми Тэндо. На мгновение он задумался о Синдзи Мимуре — но отбросил и эту мысль. Сюя опять заставил себя поверить в то, что должен найтись еще какой-то другой способ встретиться. А сейчас им в любом случае следовало отсюда убраться.

Крепко держа за руку Норико Накагаву, Сюя наугад повел ее по роще. Крикнула какая-то птица и быстро замахала крыльями, улетая. Сюя не смог ее разглядеть, но это уже значения не имело. У него попросту не оставалось времени, чтобы за чем-то таким наблюдать.

Осталось 39 учеников

8

Ёсио Акамацу почти сразу же пришел в сознание. Но поскольку сильный удар по голове чуть не вышиб из него дух, то ему стало казаться, будто он пробуждается от глубокого сна.

Первым делом Ёсио обратил внимание на то, как дико у него болит голова. Он ужасно себя чувствовал. Почему? «Может, — подумал Ёсио, — это потому, что я вчера далеко за полночь за видеоиграми засиделся? Значит, вчера была суббота. Или воскресенье? Если воскресенье, то сегодня, выходит, понедельник. А это значит, что я должен быть в школе... но сколько сейчас времени? По-прежнему темно... может, мне еще немного поспать?»

Когда Ёсио сел, небо и земля, казалось, повернулись на девяносто градусов, и он неожиданно увидел пустое поле. За полем на фоне ночного неба виднелась покатая гора.

Внезапно все встало на свои места. Сакамоти, труп господина Хаясиды, выход Ёсио из школы и все последующее. Как он, спрятавшись в маленькой хижине, нашел в рюкзаке арбалет, вернулся сюда и стал наблюдать за Такако Тигусой (ученицей номер 13). Строгое, но очень красивое лицо Такако сделалось напряженным, когда лучшая бегунья школьной легкоатлетической команды стремительно метнулась прочь от школы. Затем неуклюжий Ёсио принялся в муках карабкаться по тонкой стальной лесенке сбоку здания, чтобы подняться на крышу. Дальше, пока он возился с арбалетом, пытаясь вставить туда стрелу, Сё Цукиока (ученик номер 14) тоже сумел от него сбежать. А потом...

Ёсио повернулся и увидел лежащую рядом девочку в форменной матроске и плиссированной юбке.

Нельзя сказать, что это стало для Ёсио сюрпризом. В связи с убийством своей одноклассницы он чувствовал скорее страх, нежели вину. Разум Ёсио отныне был как

бескрайняя пустыня, в самом центре которой высилась гигантская рекламная вывеска. На этой вывеске кровью было начертано: «Сейчас мы тебя убьем!» Позади с топорами и пистолетами стояли одноклассники Ёсио, явно собираясь напасть на него, стоящего чуть поодаль. Все было как в кино.

Конечно, убивать своих одноклассников нехорошо. И потом, как только игровое время истечет, все они так или иначе погибнут — выходит, сражаться вообще бессмысленно? Но такие размышления стали теперь для Ёсио чересчур рациональными. Непреложным фактом являлось лишь то, что он просто не хотел умирать. Ёсио всегда цепенел от страха, когда кто-то из одноклассников скалил на него зубы. Стоит только хорошенько задуматься, и ты поймешь, что фактически окружен целой толпой жестоких убийц.

Таким образом, решение Ёсио максимально уменьшить число «врагов» оказалось продиктовано ему не столько разумом, сколько более глубоким и примитивным страхом смерти. Не было никакой нужды отличать союзников от врагов. Врагами неизбежно оказывались все. В конце концов, когда Рюхэй Сасагава в очередной раз над ним издевался, все отворачивались.

Ёсио с трудом поднялся. Сперва Сюя Нанахара, который только что здесь стоял. Куда он подевался?.. Затем арбалет. Я должен найти арбалет. А он куда поде...

Тут Ёсио ощутил сильный удар по шее, как будто его саданули дубинкой.

Он с глухим стуком упал. Тело Ёсио скрючилось точно так же, как у Маюми Тэндо, а лицо заскребло по влажной почве. Кожа на лбу и щеке содралась, но для него это уже значения не имело. К тому моменту, как Ёсио упал, он уже был мертв.

Серебристая стрела, совершенно идентичная той, которой Ёсио убил Маюми Тэндо, теперь торчала из его загривка.

Осталось 38 учеников

9

Кадзуси Ниида (ученик номер 16) появился из здания через две минуты после Норико Накагавы. Дрожа от страха, он немного постоял у выхода. Арбалет, лежавший рядом с телом Ёсио Акамацу, был все еще заряжен стрелой. Поднимая его, Кадзуси вовсе не намеревался стрелять в Ёсио. Но в тот момент, когда Ёсио встал, палец Кадзуси словно бы сам собой нажал на спусковой крючок.

Затем Кадзуси изо всех сил постарался справиться с паникой. Все верно, для начала ему требовалось отсюда убраться. В данной ситуации это главный приоритет. Вообще-то он сразу же должен был, не обращая внимания на Ёсио Акамацу и Маю-ми Тэндо, побежать прочь. А так, учитывая все обстоятельства, у него не оставалось другого выхода, кроме как убить Ёсио. Ёсио Акамацу явно убил Маюми Тэндо. Значит, он, Кадзуси Ниида, поступил правильно.

Кадзуси всегда очень успешно подыскивал себе оправдания. И теперь, когда он в таком духе поразмыслил, туман у него в голове стал рассеиваться.

Опустив арбалет, Кадзуси машинально схватил рюкзак Ёсио, где имелись еще стрелы. Затем, уже собираясь двинуться дальше, он остановился и на всякий случай подобрал также и рюкзак Маюми Тэндо и наконец поспешил прочь.

Осталось 38 учеников

10

Сколько они уже бежали? Десять минут? По-прежнему одной рукой придерживая Норико, Сюя дал ей знак, и они остановились. Норико, освещенная мутным лунным светом, что просачивался сквозь ветви деревьев над головой, взглянула на него. Их тяжелое дыхание казалось гигантской стеной звука, через которую Сюя изо всех сил попытался пробиться, чтобы прислушаться к другим окружающим их звукам.

Похоже, никто за ними не гнался. Жадно глотая воздух, они могли теперь немного расслабиться.

Когда Сюя бросил свою поклажу на землю, острая боль пронзила его правое плечо. Он был в очень скверной форме. Да, электрогитара была тяжелее бейсбольной биты, но ею не надо было размахивать. Сюя уперся ладонями в колени и постарался немного отдохнуть.

Затем он предложил Норико немного посидеть в роще. Снова внимательно оглядевшись и разобравшись с подозрительными звуками, он сел рядом с ней. Густая трава под ними похрустывала.

Сюе казалось, что они покрыли приличное расстояние. Однако, учитывая то, что они петляли и утратили всякую ориентацию, взбираясь по горе, они могли по-прежнему находиться в нескольких сотнях метров от школы. Но, по крайней мере, свет, просачивающийся из того здания, уже не был виден. Это, впрочем, могло объясняться тем, что роща была густой на покатом склоне горы. Так или иначе, в этих зарослях они ощущали себя защищеннее. Свое решение Сюя принял мгновенно, однако теперь он не сомневался, что роща куда безопасней открытого взморья.

Тут Сюя взглянул на Норико.

— У тебя все хорошо? — шепотом спросил он.

— Да, — таким же шепотом ответила Норико и слегка кивнула.

Сюя чувствовал необходимость на какое-то время здесь задержаться, хотя это тоже был не выход. Для начала он открыл свой рюкзак. Основательно там порывшись, он ощупью нашел что-то вроде фляги с водой.

Сюя вытащил эту «флягу». Она оказалась армейским ножом в кожаных ножнах. Сакамоти сказал, что в рюкзаках будет оружие. Значит, это оно? Сюя еще немного порылся в рюкзаке, но больше ничего похожего на оружие там не нашел. Только мешок, в котором, похоже, лежал хлеб и фонарик.

Расстегнув ножны, Сюя вынул оттуда нож. Лезвие было сантиметров пятнадцать в длину. Проверив его остроту, Сюя сунул нож обратно в ножны и пристроил их под ремнем своей школьной формы. Чтобы можно было мгновенно ухватиться за ручку, он расстегнул нижнюю пуговицу пиджака.

Затем Сюя подтянул к себе рюкзак Норико и расстегнул молнию. Он понимал, что рыться в вещах девочки нехорошо, но сама Норико явно делать этого не собиралась.

Там он нашел что-то странное — кривую палку сантиметров сорок в длину. Палка эта была вырезана из гладкого и твердого дерева. «Это, случайно, не бумеранг?» — подумал Сюя. Такое оружие использовали для войны и охоты первобытные племена. Пожалуй, главный охотник племени смог бы сшибить этой ерундовиной недужного и медлительного кенгуру, но какую пользу она могла принести им? Сюя вздохнул и сунул бумеранг обратно в рюкзак.

Наконец они перестали дышать как только что спасенные утопленники.

— Хочешь попить? — спросил Сюя.

— Немного, — кивнула Норико.

Сюя достал из своего рюкзака пластиковую бутылку, сломал пломбу на отвинчивающейся крышке и понюхал содержимое. Затем вылил немного воды себе на ладонь и осторожно лизнул. Наконец, сделав глоток и убедившись, что ничего фатального с ним не происходит, передал бутылку Норико. Та взяла бутылку и совсем чуть-чуть из нее отхлебнула. Вероятно, Норико понимала, что вода теперь для них драгоценна. В каждой бутылке было по литру, и у них имелось всего две. Сакамоти сказал, что телефонами они пользоваться не смогут, но как насчет водопровода?

— Позволь, я взгляну на твою ногу.

Откликаясь на просьбу Сюи, Норико кивнула и вытянула правую ногу, до этого подобранную под юбку. Сюя достал из рюкзака фонарик. Аккуратно прикрывая его ладонью, он направил луч света на раненую ногу девочки.

В наружной части икры была прорвана канавка, четыре сантиметра в длину и один в глубину. Две тонкие струйки крови все еще вытекали из распухшей розоватой плоти на концах раны. Похоже, здесь требовалось наложить швы.

Сюя быстро выключил фонарик, толкнул в сторону рюкзак и взял свою спортивную сумку. Оттуда он достал фляжку бурбона и две чистые банданы, упакованные им для поездки. Затем Сюя отвинтил крышку фляжки.

— Будет больно, — предупредил он.

— Ничего, — отозвалась Норико, но как только Сюя наклонил фляжку и стал лить на рану бурбон, чтобы ее продезинфицировать, девочка испустила негромкое шипение. Затем Сюя прижал к ране одну сложенную бандану. Развернув другую, он принялся оборачивать ее вокруг ноги Норико подобно бинту. Кровотечение это, по крайней мере, должно было остановить.

Связывая вместе два конца банданы, Сюя пробормотал глухое проклятие.

— Переживаешь за Нобу? — прошептала Норико.

— Да, за Ёситоки. И за Ёсио. За всех и за все. Я ничего не понимаю. Я совсем ничего не понимаю.

Продолжая возиться с банданой, Сюя взглянул на Норико. Затем опустил глаза и закончил с узлом. Норико поблагодарила его и снова подобрала ногу под юбку.

— Значит... — голос ее дрожал, — Ёсио убил Маюми?

— Да. Он расположился как раз над выходом. Я швырнул в него стрелу, и он упал.

Стоило ему только об этом вспомнить, как Сюя внезапно понял, что никак не позаботился о Ёсио. Он машинально предположил, что тот еще какое-то время будет лежать без сознания, но ведь Ёсио вполне мог сразу же очнуться. Тогда он снова мог взяться за арбалет, залезть на крышу и продолжить бойню.

«Не был ли я опять слишком наивен? — подумал Сюя. — Может, мне следовало просто его убить?»

Размышляя об этом, он решил посмотреть, который час. Старые часы отечественного производства, предназначенные специально для ныряльщиков (как и большинство других его вещей, эти часы были подарены Сюе ввиду его сиротства), показывали 2:40. Почти все должны были уже выйти. Независимо от состояния Ёсио Акамацу оставалось еще от силы два-три ученика. И Синдзи Мимура (впрочем, Сюя не сомневался, что Синдзи сможет с легкостью уклониться от атаки Ёсио) тоже уже ушел.

Сюя покачал головой. Теперь собственная вера в то, что они смогут объединиться и справиться с ситуацией, казалась ему наивной.

— Никогда бы не подумал, что кто-то вроде Ёсио действительно попытается убить всех остальных ради своего спасения. Да, я понимаю, есть правила, но я не думал, что кто-то и впрямь станет участвовать в этой игре.

— Здесь ты мог ошибаться, — отозвалась Норико.

— Что? — Сюя заглянул Норико в лицо, но не смог разглядеть в лунном свете. — Ты о чем?

— Ты сам знаешь, как Ёсио всегда был робок, — продолжила Норико. — Думаю, он испугался. Да, так, видимо, и получилось. Я хочу сказать, ты ведь понятия не имеешь, кто может на тебя напасть. И Ёсио, должно быть, убедил себя в том, что все выходят на него охотиться. Наверняка он страшно испугался. И еще подумал о том, что, если он ничего не предпримет, его в конечном счете... убьют...

Сюя привалился спиной к стволу ближайшего дерева и вытянул ноги.

«Те, кто напуган, могут попытаться друг друга убить...» Да, эта мысль приходила в голову и Сюе, но он все-таки решил, что перепуганные скорее попрячутся. Но если они испытывают по-настоящему дикий страх, они и впрямь могут взять на себя инициативу...

— Теперь понимаю, — сказал Сюя.

— Вот-вот. — Норико кивнула. — И все-таки ужасно, что Ёсио начал убивать всех без разбора.

Некоторое время они молчали, но затем Сюе пришла в голову еще одна мысль.

— Послушай, а ты не думаешь, что, если бы Ёсио увидел нас вдвоем, он бы на нас не напал? Раз мы вместе, разве это не доказывает то, что участвовать в игре мы не собираемся?

— Не знаю. Возможно.

Сюя задумался. Если, как предположила Норико, Ёсио просто до смерти перепугался...

Он припомнил тот момент, когда до него впервые дошло, что кто-то действительно хочет участвовать в игре. Именно поэтому Сюя оттуда и сбежал. Но что, если это была ошибка? Как они могут убивать друг друга? Это же просто дикость! Тогда, если оставить в стороне то, что ему следовало сделать с Ёсио, не должен ли он был все-таки подождать остальных?

Так или иначе, теперь было слишком поздно. Все уже разошлись — даже если они с Норико туда вернуться. А кроме того — действительно ли Ёсио сделал это просто от страха?

Сюя все больше запутывался.

— Послушай, Норико.

Норико подняла голову.

— Скажи мне, что ты думаешь. Я сбежал подальше от школы, когда понял, что там могут оказаться другие вроде Ёсио. Но... если он действительно сделал это от страха... другими словами, ты правда думаешь, что любой из нас действительно станет участвовать в игре? Я хочу сказать... я все время думаю о том, как бы нам всем собраться вместе и попытаться сбежать с этой игры. Что ты об этом думаешь?

— Всем собраться вместе?

Норико погрузилась в молчание, подобрав колени под юбку.

— Пожалуй, я не столь великодушна, — сказала она затем.

— Ты о чем?

— С некоторыми я бы общаться не стала. Я бы смогла доверять моим подругам. Вроде Юкиэ... — Норико упомянула имя старосты девочек класса, Юкиэ Уцуми. Сюя знал Юкиэ еще с начальной школы. — Но я не думаю, что стала бы доверять остальным девочкам. Вместе с ними я бы оставаться не смогла. Ты так не думаешь? Я понятия не имею, что творилось в голове у Ёсио, но я тоже боюсь всех остальных. Я хочу сказать... я просто поняла, что равным счетом ничего обо всех остальных не знаю. Я не знаю, какие они на самом деле. То есть... чужая душа потемки.

«Я равным счетом ничего обо всех остальных не знаю, — мысленно повторил Сюя и подумал: — Она права. Что я на самом деле знаю о тех мальчиках и девочках, с которыми я каждый день вместе бывал в школе?» И ему вдруг явственно почувствовалось, что где-то там есть враг.

— В общем, — продолжила Норико, — я бы испытывала подозрения. Если не считать тех, кому я по-настоящему доверяю, ко всем остальным я бы относилась с подозрением. И боялась бы, что они захотят меня убить.

Сюя вздохнул. Эта игра была ужасна. В конце концов, не стоило приглашать всех без разбора объединяться в группу, если ты не был в них уверен. Что, если — просто предположим — что, если они бы тебя предали? Ведь речь шла не только о его жизни, но также и о Норико. Ее жизнь Сюя тоже поставил бы под угрозу. Да, было совершенно естественно, что все остальные сбежали куда подальше. Такое поведение более реалистично.

Тут Сюя вспомнил кое о чем еще.

— Минутку, — сказал он Норико. Та на него взглянула. — Тогда получается, что, если мы вместе, это вовсе не доказывает того, что мы безобидны. Другие могут заподозрить, что я планирую в конечном итоге тебя убить.

Норико кивнула.

— Да, и меня заподозрят в подобном точно так же, как и тебя. Если кто-то из одноклассников увидит нас вместе, он сможет просто к нам не подойти, но я также думаю, что любой, кого мы к себе пригласим, откажется. Хотя, возможно, это будет зависеть от конкретного человека.

Сюя затаил дыхание.

— Звучит устрашающе.

— Да, это действительно очень страшно.

Выходило, что те, кто сбежал подальше от здания школы, вполне могли быть правы. Но для Сюи самым главным было защищать Норико Накагаву, ту девочку, которую так обожал Ёситоки. Возможно, ему следовало удовлетвориться тем фактом, что, по крайней мере, Норико была рядом с ним и в безопасности. Он выполнил самое необходимое. И тем не менее...

— И тем не менее, — сказал Сюя, — я бы хотел, чтобы к нам, по крайней мере, присоединился Синдзи. Думаю, он сможет разработать по-настоящему классный план. Ты ведь против Синдзи ничего не имеешь, правда?

Норико уверенно кивнула. Учитывая, сколько времени она в школе разговаривала с Сюей, у нее имелось множество случаев поговорить с Синдзи... А кроме того...

Тут Сюя вспомнил, как Синдзи помог Норико и дал ему знак успокоиться. Теперь он понял, что, если бы Синдзи этого не сделал, они с Норико так и не пришли бы в себя. В результате их расстреляли бы точно так же, как Ёситоки.

Похоже, мысли Норико текли в том же направлении и привели ее к схожим выводам. Девочка опустила глаза и сказала:

— Итак, Нобу больше нет.

— Да. — Сюя отозвался тихо и нерешительно, словно этот факт все еще был для него непостижимым. — Похоже, что так.

Затем они снова погрузились в молчание. Оба могли бы предаться воспоминаниям, но сейчас было не время. А кроме того, Сюя просто не мог заставить себя пройти тропкой воспоминаний о Ёситоки. Это было слишком тяжело.

— Я думаю, что нам теперь делать, — сказал Сюя.

Норико сжала губы и молча кивнула. — Интересно, есть ли какой-то способ собрать вместе тех, кому мы оба доверяем.

— Вряд ли... — Норико умолкла и еще раз хорошенько подумала. Нет, такого способа не было. По крайней мере, в данный момент.

Сюя опять глубоко вздохнул.

Затем он поднял глаза и сквозь ветки увидел серое ночное небо, тускло освещенное луной. Вот, стало быть, что значило оказаться в «безвыходном положении». Если бы они захотели, чтобы все к ним присоединились, им бы потребовалось всего-навсего бродить по всей округе и кричать. Однако это стало бы откровенным призывом к их противникам, чтобы те их убили. Конечно, Сюя надеялся, что никаких противников там на самом деле нет, но... в конце концов, ему пришлось признать, что он тоже боится.

Тут у него возникла новая мысль. Повернувшись к Норико, Сюя спросил:

— А меня ты не боишься?

— Что?

— Ты не задумывалась, не попытаюсь ли я тебя убить?

В лунном свете он не мог толком разглядеть, но глаза Норико, похоже, широко раскрылись.

— Ты бы никогда так не поступил.

Сюя еще немного подумал.

— Но ведь чужая душа потемки, — сказал он затем. — Ты сама так сказала.

— Нет. — Норико покачала головой. — Я просто знаю, что ты никогда бы этого не сделал.

Сюя посмотрел ей прямо в глаза. Вид у него, надо думать, был обалделый.

— Ты... ты можешь это понять?

— Да... могу. Ведь я... — Норико заколебалась, но затем продолжила: — Ты уже очень давно меня интересуешь. — В обычной ситуации (или в ситуации чуть более романтической) она наверняка бы так легко об этом не сказала.

Тут Сюя припомнил одну анонимную любовную записку на светло-голубой почтовой бумаге. Однажды в апреле кто-то положил ее ему в стол. Конечно, это была не первая любовная записка, полученная бывшим великим бейсболистом и нынешней самозванной (порой, правда, к этому мнению присоединялись и другие) звездой рок-н-ролла средней школы города Сироивы, однако она произвела на Сюю довольно сильное впечатление и запомнилась. Особенно его тронула поэтичность послания.

Написано там было следующее: «Даже если это ложь, даже если сон, прошу тебя, обратись ко мне. Твоя улыбка в тот день — нет, не ложь, не сон она. Хотя, обращенная ко мне, — моя ложь, сон мой. Но в тот день, когда имя мое назовешь, не станет это ни ложью, ни сном». И ниже: «Никогда ни ложью, ни сном не была любовь моя к тебе».

Не Норико ли послала ему ту любовную записку? Сюя вспомнил, как он тогда подметил, что почерк вроде бы похож, да и поэтичный стиль тоже... Значит...

Сюя подумал было спросить Норико о записке, но решил этого не делать. Сейчас было не время. Кроме того, он вообще не имел права выносить это на обсуждение. В конце концов, Сюя был так поглощен другой девочкой, Кадзуми Синтани, которая, если использовать образность адресованного ему послания, «никогда к нему не обратится», что остальные девочки и их любовные записки особого интереса для него

не представляли. Теперь самым важным для него было защитить девочку, которую обожал Ёситоки Кунинобу, а не выяснять, кто в него влюблен.

Тут Сюя вспомнил смущенные взгляды, которые бросал на него Ёситоки во время того разговора на рыбалке.

— А ты, Сюя? — спросила его Норико. — Ты меня не боишься? Хотя подожди — иначе как бы ты мне помог?

— Гм... — Сюя подумал было рассказать ей про Ёситоки. Получилось бы, наверное, что-то в таком духе: «Да просто мой лучший друг был в тебя влюблен. Так что, если я намерен кому-то помогать, это в любом случае должна быть ты. Но ты, знаешь ли, особо в голову не бери».

Этого Сюя решил тоже не делать. Лучше было обсудить все это позже, когда у них будет больше времени. Если, конечно, у них вообще будет на это время.

— Ты ранена. Я просто не мог оставить тебя одну. А кроме того, я тебе доверяю. Будь я проклят, если не стану доверять такой милой девочке, как ты.

На лице у Норико появилась легкая улыбка. Сюя изо всех сил постарался ответить ей тем же. Да, они были в ужасном положении, и все же Сюя почувствовал какое-то облегчение, когда улыбнулся.

— В любом случае нам повезло, — сказал Сюя. — По крайней мере, мы вместе.

— Да, — кивнула Норико.

Но что... что им теперь следовало делать?

Сюя принялся упаковывать свою сумку. Если им требовалось отдохнуть и разработать какую-то стратегию, необходимо было подыскать такое место, откуда открывался максимальный обзор. Кроме того, они понятия не имели, что готовят другие. По крайней мере, они должны были соблюдать предельную осторожность. Именно это означало быть реалистами в этих жутких обстоятельствах.

Сюя взял в руки карту, компас и фонарик. Теперь им предстояло принять участие в худших на свете соревнованиях по спортивному ориентированию.

— Ты сможешь идти?

— Да, все в порядке. — Тогда давай еще немного подвигаемся. Нам надо найти себе место для отдыха.

Осталось 38 учеников

Мицуру Нумаи (ученик номер 17) осторожно шел между роцей и залитым лунным светом узким песчаным пляжем метров десяти в ширину. На плече он нес выданный ему рюкзак и свою спортивную сумку. В правой руке у Мицуру был небольшой пистолет. (Вальтер ППК калибра 9 мм. По сравнению с другими видами оружия, выданными для игры, этот котировался достаточно высоко. Наряду со многими пистолетами, использовавшимися в Программе, эта модель серийного производства была по дешевке импортирована из стран третьего мира, которые сохраняли

нейтралитет как к Народной Республике Дальневосточная Азия, так и к Американской империи и ее союзникам). Мицуру был знаком с модельной копией этого пистолета, а потому никакая инструкция по эксплуатации ему не требовалась. Он даже знал, что здесь перед нажатием на спусковой крючок не нужно взводить курок. К пистолету прилагался магазин, который Мицуру сразу же в него вставил.

Пистолет в правой руке давал Мицуру определенное чувство безопасности, однако в левой руке он держал нечто еще более важное. Компас. Этот компас был той же дешевой модели, что и у Сюи, но работал как полагается. За сорок минут до выхода Мицуру из классной комнаты великий вождь Кадзуо Кирияма передал ему такую записку: «Если мы правда на острове, я буду ждать на южном конце».

Да, конечно, в этой игре все были врагами — это основополагающее правило. Но сплоченность членов «семьи Кириямы» всегда оставалась приоритетом. Не имело значения, что их называли хулиганьем. Они были настоящими, крутыми бандитами.

К тому же связь Мицуру Нумаи с Кадзуо Кириямой была особенной. Потому что в определенном смысле именно Мицуру и сделал Кадзуо тем, кем он был сейчас. Если Мицуру вообще что-то знал точно, так это то (о чем, между прочим, всякие добропорядочные ученики вроде Сюи Нанахары даже не догадывались), что до средней школы Кадзуо Кирияма не был никаким «малолетним преступником».

Воспоминания Мицуру о первой встрече с Кадзуо были такими яркими, что навсегда остались в его памяти.

Мицуру еще в начальной школе был задирой, но при этом никогда не проявлял жестокости. Воспитанный в многодетной семье, умом он не блистал, и какими-то особыми дарованиями тоже не отличался. Если Мицуру и мог в чем-то себя проявить, так это в драке. Его единственным преимуществом была «сила», и он никогда не чувствовал недостатка в ней.

Таким образом, было просто неизбежно, что в первый же свой день в средней школе Мицуру постарался максимально показать себя перед конкурентами из других школ района. Конечно, зная о силе пацанов, с которыми он сталкивался в местных тусовках, Мицуру понимал, что ребята из других школ вряд ли представляют из себя серьезную угрозу. Впрочем, не все, вероятно, о нем слышали. Король здесь должен был быть только один — для лучшего поддержания порядка. Конечно, Мицуру и в голову бы не пришло так выразиться, но, по сути, дело обстояло именно так.

Как и ожидалось, нашлись два-три конкурента. Все это произошло после торжественной части и классного вступления, после школы, когда Мицуру как раз занимался обработкой последнего противника.

В безлюдном коридоре рядом с классом рисования Мицуру схватил того пацана за отвороты пиджака и прижал к стене. У сопляка уже наливался приличный фингал, а в глазах стояли слезы. Дело было верное. Потребовалось всего два удара.

— Понял? Нечего тут со мной шутики шутить.

Пацан лихорадочно закивал. Скорее всего он просто просил его отпустить, но Мицуру требовалось словесное подтверждение.

— Я тебе говорю! Ты хорошо понял!?

Левой рукой он слегка приподнял пацана.

— Отвечай. Я самый крутой парень в этой школе. Так?

Мицуру уже начал раздражаться, потому что его противник не отвечал. Тогда он еще немного его приподнял... и внезапно почувствовал на себе тот взгляд.

Отпустив пацана, Мицуру обернулся. Сопляк упал на пол и пополз прочь, но Мицуру теперь уже в любом случае не мог за ним погнаться.

Мицуру окружила четверка парней гораздо выше его ростом. Значки на отворотах их потертых пиджаков указывали, что они ученики третьего класса средней школы — то есть, на два года старше его. Сразу можно было понять, кто они. Такая же шпана, как и он.

— Эй, пацан, — сказал один из них с гнусной усмешкой на прыщавой физиономии. — Не дело к таким слабакам липнуть.

Еще один, с оранжевого оттенка волосами до плеч, подхватил:

— Ах, какой шалунишка. — От его педерастического тона остальные заржали как психованные.

— Мы должны преподать тебе урок.

— Да, должны.

И они снова заржали.

Мицуру попытался лягнуть прыщавого и смыться, но ему тут же подставил ножку тот, что был слева.

Как только Мицуру упал, прыщавый врезал ему ногой по лицу и выбил передние зубы. Затылком Мицуру ударился о стену, которую он так удачно использовал против своего одноклассника. Голова у него закружилась. Что-то горячее потекло по загривку. Мицуру попытался встать на четвереньки, но тот, что был справа, пнул его в живот. Мицуру застонал, и его вытошнило.

— Блин, грязь развел, — сказал один из парней.

«Проклятье, — подумал Мицуру. — Ублюдки... трусы вонючие... один на один я бы любого из вас уделал...»

Но теперь вышло так, что он сам загнал себя в тупик. Мицуру специально выбрал тихое место, чтобы запугать своего одноклассника. Он был уверен, что здесь появится кто-то из учителей.

Правую руку Мицуру прижали к полу. Один из парней отогнул указательный палец этой руки и засунул его под свой кожаный ботинок. Первый раз в жизни Мицуру испытал настоящий страх.

Нет... этого просто быть не могло.

Очень даже могло. Подошва ботинка резко надавила на палец. Раздался громкий треск. Мицуру пронзительно вскрикнул. Никогда он не испытывал такой боли. А парни все ржали.

«Вот ублюдки, — подумал Мицуру. — Они спятили... они совсем не как я... они правда психованные...»

Парни уже готовили к экзекуции его средний палец.

— П-перестаньте...

Лишившись последних остатков гордости, Мицуру стал молить о пощаде, но они не обращали никакого внимания. Снова раздался треск. Теперь и средний палец был искалечен. Мицуру дико завопил.

— Давайте еще один, — предложил прыщавый.

Тут-то все это и произошло.

Дверь класса рисования внезапно скользнула в сторону.

— Эй, ребята, вы не угомонитесь? — Голос был совсем негромкий.

На мгновение Мицуру подумалось, что это учитель. Но учитель вмешался бы гораздо раньше, а кроме того, просьба угомониться прозвучала бы в его устах довольно странно.

По-прежнему прижатый к полу, Мицуру повернул голову к двери.

На вид пацан был не слишком здоровым, но очень симпатичным. В руке он держал кисточку для рисования.

Мицуру уже видел этого пацана. Он был его одноклассником. Его семья, похоже, недавно сюда переехала. Никто не знал, кто он, но, поскольку парнишка держался тихо и был вроде как послушным, Мицуру особого внимания ему не уделил. Учитывая его утонченную внешность, этот пацан, вероятно, был из очень хорошей семьи. Мицуру подумал, что такие обычно избегают драк, и решил специально с ним не разбираться.

Но что он делал в классе рисования? Рисовал, надо думать. Хотя в первый день занятий это казалось довольно странным.

Прыщавый подошел к мальчику.

— Да кто ты, блин, такой? — Он навис над ним. — А? Первогодок? Какого хрена тебе здесь надо? А? Что ты там только что вякнул?

Он выбил кисточку из руки мальчика, и капли темно-синей краски запачкали пол.

Мальчик медленно поднял взгляд на прыщавого.

То, что произошло дальше, требовало некоторых объяснений. Довольно тщедушный ученик первого класса средней школы побил четверых третьеклассников. (Через считанные секунды все они, совершенно парализованные, валялись на полу).

Мальчик подошел к Мицуру. Взглянув на него, он сказал только одно:

— Покажи свою руку в медпункте. — Затем он ушел обратно в класс рисования.

Мицуру глазел на четыре тела, беспомощно лежащие на полу. Такой невероятный поворот событий его ошарашил. Мицуру испытывал к тому мальчику не иначе как благоговение. Примерно такое же благоговение может испытывать начинающий, но заведомо посредственный боксер при встрече с великим чемпионом. Мицуру воочию увидел настоящего гения.

И с этого самого момента Мицуру стал верно служить тому мальчику — Кадзуо Кирияме. Больше ему никаких подтверждений не требовалось. Кадзуо Кирияма разом побил четверых парней, с которыми Мицуру смог бы в лучшем случае сойтись один на

один. Король должен был быть только один, а все, кто таковым не являлись, должны были ему служить. Мицуру давным-давно пришел к такому заключению. Саму идею он, вероятно, почерпнул из своего любимого подросткового журнала.

Кадзуо Кирияма был настоящей загадкой.

Когда Мицуру спросил его, как он выучился так здорово драться, Кадзуо лишь ответил, что он просто учился. И любые попытки выяснить больше он попросту игнорировал. Мицуру попытался развить эту тему при помощи лести и сказал, что у Кадзуо, должно быть, имелась крутая репутация в начальной школе, но тот лишь отмахнулся. Тогда, быть может, он был чемпионом по каратэ или чему-то вроде того? Кадзуо и это отрицал. Удивляло и то, что в день их знакомства Кадзуо без ведома учителей вломился в класс рисования. Когда Мицуру спросил, зачем он это сделал, Кадзуо лишь ответил: «Мне просто так захотелось». Впрочем, такая загадочность Кадзуо особенно привлекала Мицуру. (Между прочим, качество рисунка, на котором был изображен вид на школьный дворик из окна класса рисования, далеко превосходило уровень первогодка средней школы, хотя Мицуру так никогда и не довелось увидеть этот рисунок, ибо Кадзуо выбросил его в мусорную корзину, как только закончил).

Мицуру познакомил Кадзуо с главными достопримечательностями небольшого городка, куда, по его разумению, прежде всего входило кафе, где болталась его компания, место, где он хранил ворованное добро, и лавка торговца-теневика, поставлявшего нелегальные товары. Он также не щадил сил, показывая Кадзуо все интересные места Сироивы. А тот всегда казался невозмутимым. Создавалось впечатление, что Кадзуо ходит с Мицуру просто из любопытства. В конечном итоге он разобрался с учениками старших классов, помимо тех, которых он уже побил, шпаной из других школ.

Всех их без исключения Кадзуо мгновенно повергал, заставляя корчиться на земле. Мицуру по нему просто с ума сходил. Пожалуй, эта радость мало чем отличалась от той, которую испытывает тренер чемпиона мира по боксу.

Кадзуо к тому же был невероятно умен. С поразительной легкостью он преуспевал буквально во всем. Когда они вломались на склад магазина крепких напитков, блестящий план придумал именно Кадзуо. Он также выручал Мицуру из бесчисленных переделок. (После того как Мицуру закорешился с Кадзуо, его больше ни разу не забирала полиция). Кроме того, отец Кадзуо был президентом крупнейшей в префектуре корпорации.

Да что там в префектуре — во всем регионе Тюгоку и Сикоку. Далее, Кадзуо был совершенно бесстрашен. Мицуру считал, что некоторые люди рождены для величия. «Этот парень, — думал он, — должен стать человеком настолько выдающимся, что я даже не могу себе представить, насколько».

Мицуру сделал Кадзуо главарем банды, которая доставляла всем неприятности, и лишь поначалу задумался, стоило ли его к этому делу подключать. Вышло так, что Кадзуо строго запретил Мицуру и всем остальным приходить к нему домой (вернее, он никогда прямо об этом не говорил, но это требование тем не менее исходило от него). А потому Мицуру никак не мог понять, знают ли родители Кадзуо о том, чем занимается их сын. Его также беспокоило, что банда могла оказать на прекрасно

воспитанного Кадзуо плохое влияние. Много об этом передумав, Мицуру в конце концов поделился своими тревогами с самим Кадзуо.

Но тот лишь сказал: «Перестань. Это тоже забавно». Тогда Мицуру решил, что все в порядке.

Да, они с Кадзуо уже прошли через многое. Король и его верный советник.

Именно поэтому даже теперь, в критической ситуации, когда убивать своих одноклассников было позволительно, не могло идти речи о том, чтобы члены «семьи Кириямы» стали убивать друг друга. В конце концов, сам Кадзуо разослал им записки. Мицуру не сомневался, что Кадзуо уже разработал стратегию, которая позволит им справиться с ситуацией. Они обведут Са-камоти вокруг пальца и спасутся. Если бы Кадзуо Кирияма по-настоящему захотел, он бы без проблем одолел хоть все правительство.

Примерно с такими мыслями Мицуру выходил из школы и минут двадцать пять брел на юг. За все это время он увидел только одного-единственного ученика. В районе к юго-востоку от школы исчез, судя по всему, Ёдзи Курамото (ученик номер 8). Понятное дело, Мицуру из-за этого немного понервничал.

Выходя из школы, он уже наткнулся на трупы Маюми Тэндо и Ёсио Акамацу. Игра шла полным ходом.

Главным для Мицуру было как можно скорее добраться до места, указанного Кадзуо. Остальные ученики при этом в счет не шли. Имело значение только то, как «семья Кириямы» отсюда спасется.

По мере того как Мицуру двигался на юг, напряжение его неуклонно росло, поскольку мест, где он мог спрятаться, становилось все меньше. Под неудобной школьной формой Мицуру весь покрылся потом. Пот также проступил на его коротких обесцвеченных волосах и стекал по лбу.

Впереди береговая линия петляла вправо-влево, а где-то в середине этого извива зазубренный риф тянулся на восток от холма и скрывался в океане, точно утонувший динозавр, одна лишь спина которого виднелась над водой. Риф этот загораживал Мицуру обзор. Тогда он повернулся в сторону моря и увидел мелкие острова, а также огоньки, которые указывали на более крупный участок земли за темным океанским простором. Этот остров должен был находиться во Внутреннем Японском море. Совершенно точно.

Оглядев окрестности, Мицуру пересек границу между рощей и пляжем и, оказавшись на открытом месте, освещаемый лунным светом, пошел к рифу. Затем, добравшись до крутой скалы, начал взбираться. Скала была гладкая и холодная. Поскольку в правой руке Мицуру держал пистолет, а на плечах у него висели рюкзак и сумка, подъем оказался нелегким. Тем не менее он поднялся и выяснил, что риф имеет метра три в ширину, а по ту его сторону снова тянется пляж. Едва Мицуру приготовился спуститься с рифа и пойти дальше, как кто-то вдруг позвал его по имени. От неожиданности Мицуру чуть не подскочил. Затем оглянувшись, поднял пистолет...

И облегченно вздохнул. После чего снова опустил пистолет.

В тени могучего валуна притаился Кадзуо Кирияма. Главарь банды сидел на выступе скалы.

— Босс... — с облегчением выдохнул Мицуру.

Но затем...

У ног Кадзуо Мицуру заметил три странных кома.

Он прищурился в темноте... а потом глаза его удивленно раскрылись.

Странные комы оказались трупами.

Лицом вверх, глаза в небо, лежал Рюхэй Сасагава (ученик номер 10). На боку, скрючившись, валялся Хироси Куронага (ученик номер 9). Это определенно были они, другие члены «семьи Кириямы». А вот третья фигура, в матроске и плиссированной юбке, лежала на животе, и понять, кто она, было сложнее. Тем не менее Мицуру разобрал, что это Идзуми Канаи (ученица номер 5). И еще... под их телами была большая лужа. Лужа эта казалась черной, но Мицуру, конечно, сразу понял, что это такое. Если бы сейчас светило солнце, цвет этой лужи был бы идентичен цвету кружка на национальном флаге Республики Дальневосточная Азия — темно-красному.

Оказавшись в полном замешательстве, Мицуру задрожал.

— Что... что это такое?..

— Это южная оконечность острова. — Из-под аккуратно зачесанных назад волос на Мицуру взглянули вечно спокойные глаза Кадзуо Кириямы. Кадзуо сидел, набросив на плечи пиджак, точно боксер после боя.

— Что... — Дрожащий рот Мицуру едва выговаривал слова. — Что здесь происходит...

— Ты имеешь в виду эти трупы? — Носком своего простого (но очень элегантного) кожаного ботинка Кадзуо толкнул тело Рюхэя Сасагавы. Правая рука Рюхэя, которая до этого лежала у него на груди, плюхнулась в лужу. Половина ладони тут же утонула.

— Все они попытались меня убить. Куронага и Сасагава — они оба. Тогда я... убил их.

Этого просто быть не могло...

Мицуру никак не мог в это поверить. Хироси Куронага был полным ничтожеством и просто таскался вместе с бандой, но он не меньше самого Мицуру был предан Кадзуо. Рюхэй Сасагава, более заносчивый, вечно выделялся (порой приходилось семь потов пролить, чтобы прекратить его издевательства над Ёсио Акамацу). Однако Рюхэй был страшно благодарен Кадзуо, когда тот потянул за несколько своих ниточек и не дал полиции арестовать младшего брата Рюхэя за воровство. Эти двое никогда бы Кадзуо не предали...

Тут Мицуру почувствовал в воздухе запах крови. Этот запах был куда сильнее того, что распространялся по классной комнате от трупа Ёситоки Кунинобу. Дело было в количестве. Разлитой здесь кровью можно было целую ванну наполнить.

От жуткого запаха челюсть Мицуру совсем отвисла. Надо же... просто невозможно понять, кто и о чем думал в действительности. Возможно, Хироси и Рюхэй так боялись погибнуть, что совсем спятили. Другими словами, они просто не смогли справиться с этой ситуацией. Явившись сюда, в назначенное место, они попытались подло напасть на Кадзуо.

Но тут... тут Мицуру воззрился на третий труп. Идзуми Канаи, лежащая лицом вниз, была очень милой, миниатюрной девочкой. Дочь городского чиновника (понятное дело, в этом сверхцентрализованном бюрократическом обществе должность городского чиновника или члена горсовета являлась лишь почетным постом без всякого реального влияния), по происхождению она, конечно, сравниться с Кадзуо не могла. Тем не менее ее семья, пожалуй, входила в пятерку самых богатых в городке. При этом Идзуми вовсе не была задавакой, и Мицуру считал ее достаточно симпатичной. Разумеется, учитывая разницу в происхождении, он был не настолько глуп, чтобы всерьез на нее засматриваться.

А теперь Идзуми была...

Мицуру невесть как сумел выговорить:

— С-скажи, босс... а Идзуми... к-как насчет...

На него снова смотрели спокойные и холодные глаза Кадзуо. До смерти напуганный этим взглядом, Мицуру сам лихорадочно стал искать ответ.

— З-значит, Идзуми тоже... тоже попыталась тебя убить?

Кадзуо кивнул.

— Она случайно здесь оказалась.

Мицуру с трудом, но все же заставил себя поверить в сказанное. Пожалуй, такое было возможно. То есть, так сказал босс.

— У меня в этом смысле п-порядок, — выпалил Мицуру. — М-мне никогда не придет в г-голову своего босса убить. Эта игра — п-полная фигня. Ведь мы р-разберемся с Сакамоти и его ублюдками, верно? Я обеими р-руками за это...

Конечно, теперь они не смогут приблизиться к школе, потому что она оказалась в запретной зоне. Но, зная Кадзуо, Мицуру не сомневался, что его босс уже разработал план.

Тут он умолк и заметил, что Кадзуо качает головой. С трудом шевеля до странности липким и неповоротливым языком, Мицуру продолжил:

— З-значит, мы отсюда с-смываемся? Отлично, т-тогда мы найдем лодку...

— Послушай... — перебил его Кадзуо.

Мицуру снова умолк.

— Мне без разницы, — продолжил Кадзуо. — И то и другое годится.

Хотя Мицуру ясно его расслышал, он продолжал недоуменно моргать. Он не понимал, что Кадзуо имеет в виду. Тогда Мицуру попытался прочесть мысли Кадзуо по выражению его глаз, но они как всегда спокойно смотрели на него.

— В к-каком смысле тебе и то и другое г-годится?

Словно бы разминая шею, Кадзуо выставил подбородок в ночное небо. Яркая луна отбрасывала мрачную тень на его изящное лицо. Оставаясь в такой позе, Кадзуо сказал:

— Порой я перестаю понимать, что хорошо, а что плохо.

Мицуру еще больше смутился. И тут ему в голову вдруг пришла совершенно другая мысль. Чего-то здесь не хватало.

Затем он понял, чего. Вернее, кого.

«Семья Кириямы» состояла из самого Мицуру, а также Рюхэя и Хироси, чьи тела здесь лежали, — плюс Сё Цукиока. Его-то как раз и не хватало. Сё вышел раньше Мицуру. Тогда почему...

Конечно, Сё Цукиока мог сбиться с дороги. Или его мог убить кто-то еще. Но Мицуру чувствовал, что на самом деле все обстоит куда более зловеще.

— Вот как сейчас, — продолжил Кадзуо. — Я просто не понимаю. — Вид у Кадзуо был при этом, как ни странно, довольно грустный. — Впрочем, это неважно.

Кадзуо снова взглянул на Мицуру. И тут, как будто речь его следовала некоей музыкальной партитуре, где в этом месте стояло переключение на аллегро, Кадзуо заговорил стремительно, рублеными фразами. Казалось, собственные слова были ему неподвластны.

— Я сюда пришел. Идзуми была здесь. Идзуми попыталась сбежать. Я ее удержал.

Мицуру затаил дыхание.

— Потом я бросил монетку. Если бы выпал орел, я бы разобрался с Сакамоти...

Раньше, чем Кадзуо закончил, Мицуру наконец-то все понял.

Нет... не может этого быть...

Мицуру не хотелось в это верить. Это казалось просто невыносимо. Кадзуо был королем, а он — его верным советником. Мицуру должен был вечно служить Кадзуо и хранить ему абсолютную преданность. Да-да... и даже прическа Кадзуо играла здесь определенную роль. Примерно в то же самое время, когда Мицуру залечил сломанные пальцы, он настоял на том, чтобы Кадзуо носил именно такую прическу.

— Она очень классная. Ты с ней такой крутой, босс, — сказал он тогда. С тех пор Кадзуо ее носил. Казалось бы, сущая мелочь, но для Мицуру прическа Кадзуо была символом близости их взаимоотношений.

Но теперь Мицуру вдруг понял, что, очень может быть, Кадзуо было просто недосуг менять прическу. Возможно, он был слишком занят другими делами, чтобы возиться со своими волосами. Понял Мицуру и кое-что еще. Раньше он твердо верил в то, что их с Кадзуо связывает священный дух товарищества. В действительности же Кадзуо вполне мог заниматься делами банды просто забавы ради или вообще «просто так». Да-да, для Кадзуо это был всего лишь пережитый опыт, и никаких чувств к нему не прилагалось. Ведь Кадзуо сам однажды сказал: «Это тоже забавно».

Внезапно Мицуру припомнил еще одну особенность манеры Кадзуо, которая поначалу сильно его раздражала. Затем он решил, что не так уж это на самом деле и важно, после чего старался не обращать внимания. Кадзуо Кирияма никогда не улыбался.

Следующая мысль Мицуру вполне могла быть близка к истине: ему всегда казалось, что в голове у Кадзуо много чего происходит. Так оно, пожалуй, и было. Однако тонкость заключалась в том, что в голове у Кадзуо происходило нечто невероятно темное. Порой настолько темное, что это вообще выходило за пределы

воображения Мицуру. Или это даже было не нечто темное, а скорее просто — некая черная дыра...

И, возможно, Сё Цукиока уже что-то такое в Кадзуо почувял...

У Мицуру больше не осталось времени на раздумья. Теперь он был целиком сосредоточен на указательном пальце своей правой руки (да-да, одном из тех, что были сломаны в тот судьбоносный день). Палец этот лежал на спусковом крючке валь-тера ППК.

Дул морской бриз, неся тяжелый запах крови. Волны продолжали разбиваться о берег.

Вальтер ППК слегка дрогнул в руке Мицуру — но к тому времени с плеч Кадзуо уже был сброшен школьный пиджак.

Раздался довольно приятный треск. Конечно, на самом деле это не так, но что-то в этой автоматной очереди (950 пуль в минуту) все-таки напоминало работу старой пишущей машинки, какую теперь можно найти только в антикварном магазине. И Идзуми Канаи, и Рюхэй Сасагава, и Хироси Куронага были зарезаны, а потому это были первые выстрелы, раздавшиеся на острове со времени начала игры.

Мицуру все еще стоял. Сам он не мог этого видеть, но от его груди к животу теперь шли четыре небольшие дыры. В спине Мицуру тоже почему-то появились две дыры, но уже размером с приличную консервную банку. Его правая рука с вальтером ППК, дрожа, опустилась. Глаза Мицуру смотрели в небо, на Полярную звезду. Однако, учитывая, как ярко этой ночью светила луна, никакой Полярной звезды он там не видел.

Кадзуо держал в руках грубый комок металла вроде жестяной десертной коробки с приделанной к ней ручкой. Это был пистолет-пулемет ингрэм М-10.

— Если бы на монетке выпала решка, — сказал Кадзуо, — я бы решил принять участие в игре...

Словно смакуя эти слова, Мицуру повалился вперед. Когда он упал, его голова ударилась о камень и подскочила сантиметров на пять.

Еще какое-то время Кадзуо Кирияма просто сидел. Затем встал и подошел к трупу Мицуру Нумаи.левой рукой он аккуратно коснулся прошитого пулями тела, словно бы что-то проверяя.

Никакого эмоционального отклика не было. Кадзуо не чувствовал ни горя, ни вины, ни жалости. Он вообще не испытывал никаких чувств.

Кадзуо элементарно хотел выяснить, как ведет себя человек после того, как его застрелят. Даже не то чтобы хотел. Он просто подумал: «Пожалуй, неплохо будет узнать».

Отняв руку от трупа, Кадзуо коснулся своей головы у левого виска — или, если точнее, чуть дальше за виском. Сторонний наблюдатель подумал бы, что он просто поправляет прическу.

Но прическа здесь была ни при чем. Кадзуо сделал этот жест из-за странного ощущения в голове — не боли, не зуда, а чего-то неуловимого и редкого, ощущаемого

лишь несколько раз в году. Тогда он всякий раз машинально касался этого места за левым виском.

«Родители» Кадзуо обеспечили ему прекрасное образование. Однако, несмотря на обширные знания во всем, что требовалось знать о мире в столь юном возрасте, Кадзуо понятия не имел, что это за ощущение. К тому времени, как он вырос настолько, чтобы узнавать себя в зеркале, почти все следы повреждения уже исчезли. Другими словами, Кадзуо даже не догадывался о том, что едва не погиб в результате автомобильной аварии, которая явилась причиной повреждения мозга еще в утробе матери. Не знал он ни о том, что тогда же погибла его мать, ни о разговоре его отца со знаменитым доктором по поводу шплинта, проникшего в череп Кадзуо перед самым его рождением. А его отец и знаменитый доктор, хвалившийся успешно проведенной операцией, в свою очередь не знали о том, что в результате введения шплинта мозг Кадзуо лишился целого участка нервной ткани. Все эти факты так и остались в прошлом. Доктор вскоре умер от печеночной недостаточности, его отец (или, если более точно, его настоящий отец) — от осложнений после аварии. Таким образом, не осталось никого, кто мог бы поделиться этой информацией с Кадзуо.

Впрочем, одно было совершенно точно — Кадзуо сам не сознавал (а позднее так и не смог понять, но именно в этом все и дело): Кадзуо Кирияма не испытывал ни горя, ни вины, ни жалости к четырем трупам, включая труп его закадычного друга Мицуру. Более того, с тех самых пор, как он оказался в таком вот виде заброшен в этот мир, Кадзуо ни разу не испытал ни единой эмоции.

Осталось 34 ученика

12

На северной оконечности острова, в противоположной стороне от того места, где в компании четырех трупов находился Кадзуо, над морем нависал крутой утес более двадцати метров высотой. На этом утесе имелась небольшая площадка, покрытая буйной травой. Разбиваясь об утес, волны рождали влажное облако, которое легкий ветерок затем разносил по сторонам.

На самом краю этого утеса бок о бок сидели Сакура Огава (ученица номер 4) и Кадзухико Ямамото (ученик номер 21). Их ноги свисали с края. Правой рукой Сакура нежно держала левую ладонь Кадзухико.

Вокруг валялись их рюкзаки и спортивные сумки, а также компасы. Подобно Кадзуо, который предписал членам своей «семьи» встретиться на южной оконечности острова, Сакура нацарапала на клочке бумаги «северный конец» (совсем рядом с фразой «мы будем убивать друг друга»). Бумажку она затем передала Кадзухико. По крайней мере, им посчастливилось оказаться в противоположной стороне от Кадзуо. Несмотря на жуткие обстоятельства, Сакура и Кадзухико были вполне счастливы уже тем, что оказались вместе. За поясом у Кадзухико имелся кольт «Магнум» калибра .357, но он уже решил в любом случае его не применять.

— Как тихо, — прошептала Сакура. Волосы девочки были довольно коротко подстрижены, а ее прелестное личико буквально светилось легкой улыбкой. Высокая и

стройная, Сакура, как всегда, сидела выпрямив спину. Кадзухико прибыл совсем недавно. Пока они обнимались, тело Сакуры дрожало, точно у раненой птички.

— Да, очень тихо, — отозвался Кадзухико. Если не брать в расчет его слишком широкую переносицу, он был достаточно симпатичным. Затем Кадзухико отвернулся от Сакуры и стал оглядывать широкую панораму. У них под ногами, освещаемое лунным светом, расстилалось черное море. Вдалеке виднелись темные очертания островов, а за ними — длинная полоска земли. На этих мелких островах и длинной полоске земли (судя по всему — острове Хонсю) горели яркие огни. Была уже почти половина четвертого. Большинство людей мирно спали. Или, быть может, кто-то из детей занимался там поздней ночью, готовясь к вступительным экзаменам в старшие классы. Огни казались страшно далеко, но на самом деле они теперь были еще дальше — в целом мире от двух влюбленных.

Примерно в двухстах метрах от берега Кадзухико заметил черное пятнышко. Похоже, там был один из тех кораблей, о которых упоминал Сакамоти. По его словам, эти суда находились там «затем, чтобы убить всякого, кто попытается сбежать по морю». Хотя во Внутреннем Японском море всегда, даже ночью, происходило оживленное движение, мимо этого острова не прошло ни одного корабля. Правительство временно отменило здесь все транспортные маршруты.

Было холодновато. Кадзухико наконец-то оторвал глаза от черного пятнышка. Выходя из школы, он уже видел трупы Маюми Тэндо и Ёсио Акамацу. А также незадолго до прибытия сюда слышал далекие выстрелы. Игра началась, и так будет продолжаться до самого конца. Но для них с Сакурой это уже, похоже, никакого значения не имело.

— Спасибо тебе, Кадзухико. — Сакура смотрела на крошечный букетик у себя в левой руке. По пути сюда Кадзухико сорвал несколько похожих на клевер цветочков. На самом верху длинных и тонких стеблей маленькие лепестки были собраны в симпатичные помпончики. Конечно, букетик получился не самый впечатляющий, но ничего лучше он найти не смог.

Кадзухико постарался улыбнуться.

— Пожалуйста.

Сакура долго смотрела на букетик и наконец сказала:

— Значит, мы уже не сможем вернуться домой. Больше не сможем гулять по улицам, есть мороженое и все такое прочее.

— Ну, почему же...

Сакура перебила Кадзухико.

— Сопrotивляться бессмысленно. Я точно знаю. Я слышала, что мой отец выступил против правительства, а потом...

Кадзухико вдруг понял, что рука Сакуры дрожит.

— Полиция пришла и убила моего отца. Без всякого предупреждения. Полицейские просто молча вошли и его застрелили. Хотя я была еще совсем маленькой, я прекрасно это помню. Мы были в кухне. Я сидела за столом. Мама крепко меня держала. Пока я росла, я ела за тем же самым столом.

Сакура повернулась к Кадзухико.

— Сопrotивляться бессмысленно.

Она впервые рассказала ему об этом инциденте, хотя они уже два года встречались. И даже в первый раз, когда они спали в одной постели, месяц тому назад у нее дома, Сакура об этом не упомянула.

Кадзухико почувствовал, что должен что-то сказать, но то, на что он в итоге оказался способен, поразило его своей банальностью.

— Должно быть, тебе пришлось тяжело.

Однако Сакура тепло улыбнулась.

— Ты такой добрый, Кадзухико. Такой добрый. Именно это мне больше всего в тебе нравится.

— Ты тоже мне нравишься. Я очень тебя люблю.

Не будь он так косноязычен, Кадзухико сказал бы гораздо больше. Как много значили для него лицо, слова, нежные прикосновения и чистая душа Сакуры. Короче говоря, как она была для него важна. Но Кадзухико не мог облечь свои чувства в слова. Он был всего лишь учеником третьего класса младшей средней школы. Кроме того, сочинения по литературе Кадзухико писал довольно скверно.

— Хорошо. — Сакура закрыла глаза и глубоко вздохнула, словно с облегчением. Затем она сказала: — Я хотела хорошенько позаботиться о том, чтобы мы с тобой увиделись. — Немного помолчав, девочка продолжила: — Страшные вещи случаются на этом острове. Хотя нет. Судя по тому, что ты рассказал, они уже происходят. Еще вчера все мы были друзьями — а теперь собираемся друг друга убивать. — Вложив свои мысли в слова, она снова задрожала. И Кадзухико опять понял это по ее руке.

Сакура одарила его усталой улыбкой, которая выдавала страх и понимание кошмарной иронии судьбы.

— Я бы никогда не смогла этого делать.

Конечно. Сакура была очень добра. Кадзухико не знал никого добрее.

— А кроме того... — снова заговорила Сакура, — мы не сможем вернуться вместе. Даже если один из нас и сможет вернуться, вместе мы уже никогда не будем. Даже если бы... если бы мне суждено было выжить... жизни без тебя я бы не вынесла. А значит...

Сакура умолкла. Кадзухико понял, к чему она ведет. «А значит, я должна покончить с собой, — мысленно продолжил он. — Пока никто до меня не добрался. Здесь, рядом с тобой».

Вместо того чтобы договаривать то, что Кадзухико уже и так за нее додумал, Сакура просто сказала:

— Но ты должен жить.

Кадзухико мрачно улыбнулся, затем сжал ее ладонь и покачал головой.

— Никогда. Я как ты. Даже если бы мне суждено было выжить, жизни без тебя я бы не вынес. Пожалуйста, не оставляй меня одного.

Слезы заструились из глаз Сакуры и навернулись на глаза Кадзухико.

Сакура отвернулась от своего возлюбленного. Затем, вытирая глаза левой рукой, в которой она держала букетик клевера, девочка внезапно спросила:

— Ты видел финальный эпизод телесериала «Сегодня ночью, на том же месте»? Который показывали по четвергам в девять вечера?

Кадзухико кивнул. Упомянутый сериал транслировало государственное телевидение Республики Дальневосточной Азии. Однако этот продукт национального кинопроизводства, рассказ о бурном любовном романе, был очень даже хорош и последние несколько лет лидировал в телевизионных рейтингах.

— Да, я его видел. Ведь ты хотела, чтобы я его посмотрел.

— Верно, хотела. И вот что я подумала...

Пока Сакура говорила, Кадзухико думал о том, что именно так они разговаривали всегда. Неизменно это бывало что-то вполне обыденное и даже бесцельное, и все же эти беседы несли в себе такую радость. Сакура явно хотела, чтобы все оставалось как было.

И от этой мысли Кадзухико вдруг захотелось плакать.

— Знаешь, мне понравилось, что в конце концов два главных персонажа оказываются вместе. Так и должно было быть. Но я не знаю насчет Мидзуэ, подружки Мики, которую играла Анна Кутагава. Как могла Мидзуэ бросить парня, которого она любила? Я точно знаю, что я пошла бы за ним.

Кадзухико улыбнулся.

— Я знал, что ты так скажешь.

Сакура застенчиво опустила глаза.

— Ничего от тебя не скроешь. — Затем она радостно продолжила: — Я помню, как мы стали одноклассниками. Да, ты был такой высокий и симпатичный. Но больше всего мне понравилось другое, как я тогда подумала: «Этот парень меня поймет. Он поймет всю мою душу».

— Не знаю, как лучше всего об этом сказать... — Уткнув язык в щеку, Кадзухико немного подумал, а затем продолжил: — По-моему, я почувствовал то же самое.

Он очень хорошо об этом сказал.

Затем Кадзухико наклонился к Сакуре. По-прежнему держа правую ладонь девочки, другую руку он положил ей на плечо.

Обнявшись, они стали целоваться. Сколько прошло времени? Несколько секунд? Минута? Целая вечность?

Так или иначе, поцелуй закончился. Они услышали шуршание. В кустах позади кто-то был. Это стало сигналом. Поезд уже отбывал, а потому лучше было занять там свои места.

Сказать больше было нечего. Да, они могли бы попробовать отбиться от незваного гостя. Кадзухико мог бы достать пистолет и прицелиться в того, кто был позади. Но Сакура этого не хотела. Она лишь хотела тихо покинуть этот мир, пока их не засосала жуткая бойня. А для Кадзухико не было ничего важнее его возлюбленной. Здесь не

было места компромиссу. Если так хотела нежная душа Сакуры, тогда Кадзухико должен был за ней последовать. Будь он более красноречив, Кадзухико мог бы выразить свои чувства в какой-то эффектной фразе. Например: «Я должен умереть в ее честь».

Два тела закувыркались в воздухе по ту сторону утеса. Падая в черное море, Сакура и Кадзухико по-прежнему держались за руки.

Юкиэ Уцуми (ученица номер 2) осторожно высунула голову из кустов. Затаив дыхание, она наблюдала за влюбленными. Юкиэ не намеревалась никому вредить, а потому даже не поняла, что шум от ее движения по кустам стал сигналом к прыжку. Увидев, как парочка номер один в их классе исчезает по ту сторону утеса, Юкиэ испытала страшное потрясение. Волны продолжали негромко разбиваться о крутой утес, а букетик клевера, брошенный Сакурой, так и остался лежать на траве.

Когда Харука Танидзава (ученица номер 12) подошла сзади и спросила, что случилось, Юкиэ даже не смогла ей ответить. Она просто стояла и дрожала.

Осталось 32 ученика

13

Мэгуми Это (ученица номер 4) сидела в темноте, обхватив свои колени, и все ее миниатюрное тело отчаянно тряслось. Она находилась в одном из домов в наиболее населенном районе на восточном берегу острова. Свет, возможно, и работал, но Мэгуми не отваживалась его включить. А лунный свет из окна не достигал потертого кухонного стола, под которым она пряталась. Кругом царила непроглядная тьма, а потому Мэгуми не могла свериться со своими часами. Тем не менее наверняка прошло не меньше двух часов с тех пор, как она здесь расположилась. Скорее всего было уже четыре утра. А сколько времени прошло с тех пор, как она слышала тот далекий звук наподобие фейерверков? Мэгуми понимала, что это не фейерверки, но даже думать не хотела о том, что это такое.

Она подняла голову и увидела освещаемый лунным светом темный силуэт буфета и чайник как раз над раковиной. Мэгуми понимала, что власти скорее всего переселили обитателей острова на какую-то временную жилплощадь, но оставшиеся в этом доме следы чьей-то жизни казались ей жуткими и неестественными. Они напоминали Мэгуми одну фантастическую историю, которую она слышала еще ребенком, про корабль «Мари-Селеста», чья команда в один миг целиком растворилась в воздухе, оставив еду и пожитки. И девочка еще больше испугалась.

Сразу же после выхода из школы Мэгуми направилась сама не зная куда. Следующее, что она поняла, это что она находится в самом центре жилого района. Первая мысль Мэгуми была о том, что здесь наверняка еще не так много учеников. Она вышла из школы шестой. Пятеро одноклассников уже находились снаружи — но всего лишь пятеро. В районе было пятьдесят — шестьдесят домов, а потому вероятность встретиться с одним из этой пятерки стремилась к нулю. Как только Мэгуми запрет дверь и забронирует это место за собой, она окажется в безопасности... по крайней мере, до тех пор, пока ей не придется отсюда уйти. Ошейник, который должен был взорваться, если она попадет в одну из запретных зон, страшно пугал

девочку, но она ничего не могла с этим поделать. Сакамоти предупредил о том, что «если кто-то попытается сорвать с себя ошейник, он взорвется». В любом случае очень важно было постараться расслышать объявление Сакамоти о местоположении каждой запретной зоны и времени, когда она таковой станет.

Мэгуми попыталась войти в первый же попавшийся дом, но он был заперт. То же самое и второй. Тогда Мэгуми вошла в задний дворик третьего и камнем высадила подъемное окно. Стекло разбилось с таким грохотом, что перепуганная девочка нырнула под веранду. Однако в этом районе, похоже, не было ни души. Мэгуми забралась в дом. Смысла запираить подъемное окно уже не было. Зато ей пришлось долго закрывать вторую дверь. Как только дверь оказалась заперта, внутри воцарилась кромешная тьма, и Мэгуми показалось, что она забрела в дом с привидениями. Однако девочка сумела достать из рюкзака фонарик и обследовать все помещения. Найдя в кладовке две удочки, девочка наглухо перекрыла ими вторую дверь.

С тех пор Мэгуми сидела под кухонным столом. О том, чтобы она кого-то убила, и речи быть не могло. Но если вдруг (просто предположим) эта зона (сверившись с картой, девочка выяснила, что весь этот район находится внутри зоны 3=8) никогда не станет запретной, она в конце концов сможет уцелеть.

И все же (продолжая размышлять, Мэгуми без конца тряслась) это было просто ужасно. Конечно, согласно правилам игры, все были твоими врагами, а значит, нельзя было никому доверять. Именно поэтому она теперь так дрожала. Но даже если бы игра прямо сейчас закончилась и Мэгуми оказалась бы единственной уцелевшей, это также означало бы, что все остальные погибли: ее подруги (прежде всего Мидзуо Инада и Каори Минами), а еще... Сюя Нанахара. Сердце Мэгуми трепетало всякий раз, как она о нем думала.

Подтягивая к себе колени в темноте, Мэгуми подумала о Сюе. Что она действительно в нем обожала, так это его голос. С легкой хрипотцой, не слишком высокий и не очень низкий. Сюя вроде бы любил запрещенную музыку под названием рок, а потому всегда делая недовольное лицо на уроках пения, когда им приходилось голосить обязательные песни во славу Диктатора и высшего руководства. Пел он, однако, просто превосходно. И великолепно импровизировал на гитаре. Слушая незнакомые ритмы, так и хотелось танцевать. Кроме того, было в этих звуках что-то благородное и возвышенное, чем-то схожее со звоном колоколов в прекрасной церкви. И эти его длинные завитые волосы (Сюя однажды сказал, что подражает Брюсу Спрингстину, но Мэгуми понятия не имела, о ком идет речь), не говоря уж о слегка мечтательном виде и добрых глазах. А поскольку Сюя еще в начальной школе был настоящей звездой Лиги юниоров, то двигался он с невероятной грацией.

Дрожь улеглась, стоило только Мэгуми подумать о лице и голосе Сюи. Ах, вот бы Сюя Нанахара прямо сейчас здесь был. Как бы это было чудесно...

Но тогда... тогда почему она так и не открыла Сюе своих чувств? Почему не написала ему любовной записки? Или не послала кого-нибудь его привести, чтобы затем признаться напрямую? Или не позвонила по телефону? Теперь у нее уже никогда не будет такой возможности.

Тут в голову Мэгуми пришла одна мысль.

Телефон.

Все верно. Сакамоти сказал, что телефонами в домах они воспользоваться не смогут. Но...

Мэгуми схватила спортивную сумку, которая лежала рядом с выданным ей рюкзаком. Расстегнув молнию, она быстро распихала по сторонам одежду и другие личные вещи.

Наконец девочка выхватила из сумки небольшой твердый предмет.

Это был мобильный телефон. Мама купила его Мэгуми специально для этой учебной экскурсии на случай, если что-то такое произойдет (и ведь произошло!). Верно, Мэгуми завидовала нескольким своим одноклассникам, у кого имелись мобильные телефоны, а кроме того, было что-то захватывающее в обладании личным средством связи. Однако она считала, что родители слишком уж ее оберегают, а у мамы вообще по этому поводу невроз. Кладя сияющий мобильник к себе в сумку, Мэгуми задумалась, зачем ученице средней школы он нужен. А потом начисто о нем забыла. И вспомнила только сейчас.

Дрожащими руками Мэгуми раскрыла телефон.

Мобильник тут же переключился с режима приема на режим передачи, а небольшая панель жидкокристаллического дисплея и наборные кнопки начали светиться зеленым светом. Мэгуми стали теперь видны ее собственные колени под юбкой и сумка. Но что было еще важнее, на панели дисплея, без всякого сомнения, светились символы антенны и воздушной волны, указывая, что телефон готов для звонка!

Мэгуми стала лихорадочно нажимать на кнопки, набирая номер своего дома в Сироиве-тё. 0,8, 7, 9, 2...

После мгновения тишины телефон начал гудеть ей в ухо, и сердце девочки преисполнилось надежды.

Один, два, три гудка. «Пожалуйста, ответьте, — мысленно взмолилась Мэгуми. — Папа, мама! Возможно, я звоню в неурочный час, но вы должны понять, что ваша дочь оказалась в чрезвычайной ситуации. Скорее...»

— Слушаю, — отозвался мужской голос.

— Ах, папа! — Оставаясь в скрюченном положении, Мэгуми закрыла глаза. Ей казалась, она с ума сойдет от радости. «Я спасена! — мысленно восклицала она. — Спасена!» — Папа, это я! Мэгуми! Ах, папочка! Пожалуйста, помоги мне! Пожалуйста, забери меня отсюда! — Выкрикнув все это в телефон, Мэгуми затем быстро пришла в себя, поскольку никакого отклика не последовало. Что-то было неладно. Что-то не... почему папа... ах, нет, это был не...

— Я не твой папа, Мэгуми, — наконец заговорил голос на том конце. — Это Сакамоти. Тебе же было сказано, что телефоны работать не будут.

Мэгуми завизжала и бросила мобильник на пол. Затем торопливо нажала на кнопку, прерывая звонок.

Сердце ее бешено колотилось. Мэгуми снова переполнило отчаяние. «Ах, нет... — лихорадочно думала она, — все пропало... здесь я и умру... теперь я погибла...»

Но тут сердце Мэгуми буквально подскочило.

...раздался громкий звук.

Звон разбитого стекла.

Мэгуми повернулась на этот шум. Он доносился из гостиной, которую она проверила и убедилась, что дверь там заперта. Оттуда кто-то шел. Невесть кто. Господи, почему? Почему из всех домов в округе был выбран именно этот?

Мэгуми страшно запаниковала и закрыла панель мобильного, которая по-прежнему светилась. Положив телефон в карман, она достала из рюкзака оружие. Это был обоюдоострый нож нырлящика в пластиковых ножнах. Мэгуми вытащила его из ножен и крепко сжала в руке. Она должна была как можно скорее отсюда сбежать.

Но тело ее совершенно оцепенело, и Мэгуми даже не смогла сдвинуться с места. Она затаила дыхание. «Господи! — взмолилась девочка. — Пожалуйста, сделай так, чтобы никто не услышал, как стучит мое сердце!»

Мэгуми различила, как окно сперва открывается, затем закрывается. Послышались тихие, осторожные шаги. Сначала незваный гость вроде бы походил по всему дому, но затем направился напрямиком к кухне. Сердце Мэгуми застучало еще громче.

Тонкий луч света прорезал помещение. Затем скользнул к буфету над раковиной.

Кто-то облегченно вздохнул.

— Отлично, здесь никого нет, — произнес девичий голос.

Теперь шаги уже слышались в кухне. Впрочем, Мэгуми пришла в ужас, как только услышала голос. Все мизерные надежды на то, что удастся что-то придумать, если незваный гость окажется другом, тут же были разбиты вдребезги. Еще бы — ведь этот голос принадлежал Мицуко Соме (ученице номер 11), самой скверной девочке во всей школе. Хотя у Мицуко было прелестное, почти ангельское личико, один ее взгляд мог до смерти напугать любого учителя.

Мицуко Сома пугала Мэгуми гораздо сильнее любого из парней с дурной репутацией, типа Кадзуо Кириямы или Сёго Кавады. Возможно, так получалось оттого, что Мицуко, как и Мэгуми, была девочкой. И разумеется, свою лепту сюда вносили издевательства, которые Мэгуми терпела от Хироно Симидзу, входившей в банду Мицуко. Эти издевательства начались на втором году учебы в средней школе, когда они с Хироно стали одноклассницами. Как только они оказывались в одном коридоре, Хироно тут же начинала ставить ей подножки или резать юбку бритвой. Позднее, потеряв, судя по всему, интерес к Мэгуми, Хироно перестала ей досаждать. (Тем не менее Мэгуми не слишком обрадовалась, узнав о том, что на третий год обучения в средней школе их класс останется в прежнем составе). Сама Мицуко никогда к Мэгуми не приставала, но, с другой стороны, такой девочке, как Мицуко, не могла бросить вызов даже Хироно.

Да, все верно... Мицуко Сома с наслаждением убьет кого-то вроде Мэгуми.

Тело Мэгуми снова затряслось. «Ах... — отчаянно подумала она, — нельзя дрожать... вдруг она меня услышит...» Чтобы руки не тряслись, Мэгуми крепко себя обхватила.

Из-под стола ей была видна рука Мицуко с фонариком и часть ее юбки. Мэгуми слышала, как Мицуко роется в выдвижных ящичках под раковиной.

«Пожалуйста, — мысленно взмолилась Мэгуми. — Пожалуйста, скорее уходи отсюда. Если ты хотя бы выйдешь из этой комнаты, я смогу улизнуть в ванную. Там я запрусь и сбегу через окно. Пожалуйста, скорее...»

ДЗИНННЬ. Телефонный звонок произвел эффект разорвавшейся бомбы, и сердце чуть было не выпрыгнуло у Мэгуми изо рта.

Мицуко Сома тоже вздрогнула. Луч фонарика внезапно исчез. Затем Мицуко, похоже, перебралась в угол кухни.

Мэгуми поняла, что звук доносится у нее из кармана. Тогда она лихорадочно вытащила оттуда мобильник. В голове у нее было пусто. Мэгуми машинально раскрыла телефон и нажала на кнопку.

— Привет, Мэгуми, — раздался голос. — Это опять Сакамоти. Я просто хотел тебе напомнить, чтобы ты отключила мобильник. Иначе, если я вдруг вот так тебе позвоню, кто-то сможет понять, где ты находишься. Верно? Такие дела...

Палец Мэгуми сам нашел нужную кнопку и отрубил голос Сакамоти.

Некоторое время в кухне висела удушливая тишина. Затем раздался голос Мицуко Сомы.

— Мэгуми? — спросила она. — Мэгуми? Это ты?

Мицуко находилась в углу темной кухни. Мэгуми осторожно положила мобильный телефон на пол. Теперь у нее в руках остался только нож. Нож этот вел себя как рыба, старающаяся вырваться на волю, и Мэгуми как можно крепче его держала.

Мицуко была выше Мэгуми, но намного сильнее она быть не могла. «Какое у Мицуко оружие? — задумалась Мэгуми. — Может, пистолет? Нет, будь у нее пистолет, она бы уже прицелилась и выстрелила». Если у Мицуко не было пистолета, у Мэгуми появлялась надежда. Если она не убьет Мицуко, тогда та точно ее убьет.

Значит, Мэгуми должна была ее убить.

Раздался щелчок, и луч фонарика снова прорезал темную кухню. Он осветил ножки стола, и Мэгуми на секунду прищурилась. Сейчас было самое время. Все, что от нее требовалось, — это вскочить и с занесенным ножом броситься к источнику света.

Однако решительные намерения Мэгуми внезапно сошли на нет после неожиданного поворота событий.

Луч фонарика опустился ниже, и Мицуко Сома осела на пол, глядя на Мэгуми. Слезы струились у нее по щекам.

Затем дрожащие губы Мицуко наконец разомкнулись, и она слабым голосом вымолвила:

— Я так рада... так рада... я так... так боюсь...

Мицуко чуть ли не скулила, простирая обе руки к Мэгуми. Никакого оружия в этих руках не было.

— Ведь я могу тебе доверять, правда? — продолжила она. — Да, Мэгуми, я могу тебе доверять. Ты не станешь думать о том, чтобы меня убить. Ты будешь вместе со мной, да?

Мэгуми была потрясена. Мицуко Сома плакала. И просила ее о помощи...

Пока дрожь в ее теле утихала, Мэгуми почувствовала, как в ней растет новое, неопишное чувство.

Вот, значит, как все было? Какой бы скверной ни была репутация Мицуко Сомы, она все равно оставалась такой же ученицей третьего класса, как и Мэгуми. Даже Мицуко Сомы не могла участвовать в такой гадости, как убийство своих одноклассников. Она просто была одинока и до смерти напугана.

«И... ах, как ужасно, — подумала Мэгуми. — Ведь я действительно это обдумывала. Я собиралась ее убить... Какая же я... какая же я гадкая!»

Мэгуми залилась слезами, полная ненависти к себе и одновременно радости от того, что теперь ей уже не так одиноко, что теперь с ней есть кто-то еще.

Нож выскользнул из ее руки. Мэгуми выползла из-под стола и сжала протянутые к ней руки Мицуко. Так, словно внутри у нее прорвало дамбу, она выпалила:

— Мицуко! Ах, Мицуко!

Мэгуми знала, что на сей раз она дрожит от эмоций совсем иного рода. Это не имело значения. Она... она была...

— Все хорошо. Я останусь с тобой. Мы будем вместе.

— Угу. — Мицуко сморщила залитое слезами лицо и в свою очередь сжала руки Мэгуми, кивая и повторяя: — Угу, угу.

Мэгуми обняла Мицуко, она ощутила тепло тела одноклассницы и почувствовала еще большую вину, обнаружив, что Мицуко беспомощно дрожит.

«Ведь я правда замышляла такую гадость, — думала Мэгуми, — такую гадость! Я действительно хотела убить эту девочку!»

— Послушай, — вырвалось у Мэгуми. — Я... я...

— Что? — Мицуко подняла на нее заплаканные глаза.

Мэгуми крепко сжала губы, сдерживая стон, и покачала головой.

— Мне так... так за себя стыдно. Ведь я пыталась тебя убить... да, на какое-то мгновение я подумала о том, чтобы тебя убить. А все потому, что я была так... так напугана.

Глаза Мицуко широко раскрылись, когда она это услышала. Но она явно не слишком расстроилась. Все еще досадливо морщась от истерических всхлипов, Мицуко просто кивнула. А затем одарила Мэгуми теплой улыбкой.

— Ничего-ничего. Брось. Не расстраивайся. Этого следовало ожидать. Это все ужасная игра. Правда не расстраивайся. Ладно? Просто оставайся со мной, хорошо?

Сказав об этом, Мицуко нежно погладила Мэгуми по голове и прижала свою левую щеку к щеке одноклассницы. Щека Мицуко была влажной от слез.

«Ах, — подумала Мэгуми, — как же я насчет нее ошибалась! Оказалось, что Мицуко Сомы невероятно добрая девочка. Она сумела меня простить. И так по-доброму! Разве наш покойный учитель, господин Хаясида, не предупреждал нас, что неправильно судить о людях по их репутации?»

От этих мыслей Мэгуми снова почувствовала, как будто внутри у нее что-то поднимается. Тогда она еще крепче обняла Мицуко. Сейчас она больше ничего не могла сделать. «Прости, — мысленно повторяла она, — прости меня, Мицуко. Я такая скверная... просто ужасная. Мне правда очень жаль...»

Хруст, который слышала Мэгуми, напоминал звук взрезавшего лимон ножа.

Этот звук ей очень понравился. Нож наверняка был по-настоящему острым, а лимон свежим. Совсем как в кулинарном телешоу, когда говорят: «Сегодня мы приготовим лосося с лимоном».

Мэгуми потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что на самом деле произошло.

Она увидела правую руку Мицуко. Слева, у себя под подбородком. Из этой руки торчало изогнутое лезвие, изогнутое в форме банана, на котором тускло играл свет фонарика. Серп для уборки риса. Кончик серпа был всажен в горло Мэгуми...

Левой рукой придерживая затылок одноклассницы, Мицуко всадила серп еще глубже. Опять послышался хруст.

Мэгуми почувствовала жжение в горле, но очень долго это не продлилось. Она так и не смогла сказать ни слова и потеряла сознание, ощущая, как грудь ей согревает льющаяся кровь. Умирая, Мэгуми даже толком не поняла, что бывает, когда тебе в горло втыкают стальное лезвие. Преданная Мицуко Сомой и падая прямо в ее объятия, Мэгуми скончалась, не вспомнив ни о Сюе Нанахаре, ни о своей семье.

Мицуко отпустила Мэгуми, и та осела на пол возле нее.

Затем Мицуко быстро выключила фонарик и встала. Вытерла досадные слезы. (Между прочим, она могла в любой момент их из себя выдавить. По сути, это был один из ее особых талантов). Сжимая серп в правой руке, Мицуко стряхнула с него кровь. Капельки едва слышно слетели на пол.

«Для начала неплохо», — подумала Мицуко. Вообще-то она надеялась подыскать себе более удобный нож, но выяснилось, что серп тоже не так уж плох. Однако она была недостаточно осторожна, забравшись в уже занятый дом. Что ж, в дальнейшем придется быть куда более осторожной...

Опустив взгляд на труп Мэгуми, Мицуко медленно проговорила:

— Извини, подруга. Я тоже пыталась тебя убить.

Остался 31 ученик

Часть 2

Средняя фаза

Остался 31 ученик

Их первая ночь расцвела яркой зарей.

Сюя Нанахара наблюдал за тем, как голубое небо по ту сторону зарослей постепенно светлеет. Ветви дуба, камелии, вишни и других деревьев сплетали вокруг них затейливую сеть и прятали под своей листвой.

Снова изучая карту, Сюя кое-что для себя уяснил. Остров был приблизительно ромбовидной формы. На северном и южном его концах поднимались невысокие горы. Сейчас они находились на южном склоне северной горы, недалеко от ее западного склона. Согласно координатам на карте, это место располагалось в секторе В=4. Прорисованная контурными линиями карта была достаточно детальной. Там указывались жилые районы и отдельные дома (обозначенные голубыми точками), здания специального назначения (таких там было немного, если не считать обозначенные особыми символами поликлиники, пожарное депо и маяк, а плюс к тому муниципалитет и рыбацкий склад — вот, пожалуй, и все), а также дороги, большие и малые. Это позволяло Сюе прикидывать, как располагается каждая зона относительно деталей рельефа, дорог и рассыпанных повсюду домов.

Еще ночью, как только они немного поднялись по горе, Сюя убедился, что карта достаточно точна. Силуэты других островов, больших и малых, были рассеяны по иссиня-черному морю. Кроме того, как и сказал Сакамоти, там (почти точно к западу от острова) виднелось пятно, очень даже напоминающее сторожевой корабль с погашенными огнями.

Непосредственно к западу от того места, где сидели Сюя и Норико, роща резко обрывалась, и дальше шел крутой склон. Внизу было небольшое поле, а по ту его сторону склон тянулся до самого океана. В самой середине поля стояла небольшая хижина, мимо которой они прошлой ночью проходили. Увидев в десяти метрах от хижины обветшалый сводчатый проход, Сюя заключил, что это синтоистский храм (также отмеченный на карте). Входная дверь храма была открыта, но внутри никого не оказалось.

Сюя решил в храме не прятаться — как, впрочем, и в других домах. Кто-то из одноклассников тоже мог туда нагряться — а поскольку там был только один вход, они в таком случае тут же оказались бы в ловушке.

Вместо этого Сюя остановился на зарослях кустарника неподалеку от моря, где они могли прилечь и отдохнуть. Выше по горе кусты казались гуще, но Сюя опять-таки подумал, что это может привлечь остальных. А если они с кем-то столкнутся, им лучше быть на более пологом склоне, откуда легче сбежать. В конце концов, Норико была ранена в ногу.

Сюя устроился у дерева сантиметров десять в толщину. Норико тут же села рядом, слева от него. Прислонившись к дереву, она осторожно вытянула раненую ногу. Они уже были совершенно измотаны. Норико медленно закрыла глаза.

Сюя обсудил с Норико дальнейший план действий, но особо много они не придумали.

Поначалу Сюя рассчитывал найти лодку и сбежать с острова. Но очень скоро понял, что такой план никуда не годится. В море стоял сторожевой корабль, а кроме того...

Тут Сюя опять потянулся к шее и коснулся холодного металла. Ощущение уже сделалось привычным, но угнетать не перестало.

Да, этот вот ошейник.

Как только из школы подадут особый сигнал, бомба внутри ошейника взорвется. Согласно правилам, это должно было случиться с каждым, кто окажется в запретной зоне, однако то же самое, разумеется, было уготовано тому, кто попытается сбежать морем. Собственно говоря, эти ошейники делали сторожевые корабли ненужными. Даже если бы они сумели найти лодку, пока на них были эти ошейники, сбежать с острова они не могли.

Таким образом, у них оставался только один выход. Надо было напасть на засевшего в школе Сакамоти и обезвредить ошейники. Однако с тех пор, как игра началась, сектор Ж=7, где располагалась школа, стал запретной зоной, и к ней невозможно было приблизиться. Кроме того, за ними постоянно следили посредством того же самого ошейника.

Утром Сюя мучительно продолжал все это обдумывать. В ярком солнечном свете двигаться было опасно. Сюя решил, что им следует опять дожждаться ночи.

Но здесь возникала еще одна проблема. Лимит времени. «Если в течение двадцати четырех часов никто не умрет...» Последний раз Сюя видел, как кто-то умирает, когда покидал школу, а это было три с лишним часа тому назад. Даже если все останутся в живых, через двадцать с небольшим часов они погибнут. Даже если бы они предприняли попытку спастись, к ночи уже могло быть слишком поздно действовать сообща. Ирония заключалась в том, что чем больше одноклассников погибало, тем больше времени оставалось у них на спасение. Сюя постарался выбросить из головы эту мысль.

Они оказались в ловушке.

Сюя по-прежнему надеялся на встречу и объединение с Синдзи Мимурой. Имея такой широкий кругозор знаний и поразительное умение эти знания применять, Синдзи наверняка смог бы найти верный выход.

А потому Сюя продолжал сожалеть, что не рискнул дожждаться Синдзи после атаки Ёсио Акамацу. «Правильно ли я поступил? — сомневался он. — Действительно там бы на меня еще кто-то напал? Или, быть может, Ёсио был исключением?»

Нет... совсем не обязательно. «Врагов» могло быть куда больше. А главное — невозможно было определить, кто твой враг. Кто остался нормальным, а кто уже спятил. «Может, — предположил Сюя, — мы и сами уже не очень нормальные? Может, мы спятили?»

Тут он почувствовал, что сходит с ума.

"В конце концов, — заключил Сюя, — у нас все равно нет другого выхода, кроме как сидеть здесь и ждать. Но придем ли мы к какому-то решению? Даже если не придем, то дождемся ночи, а там поищем Синдзи Мимуру. Только вот сможем ли мы его отыскать? Пусть остров и маленький, диаметром всего в шесть километров, найти кого-то в этих условиях очень непросто. Кроме того, сумеем ли мы это сделать до истечения лимита времени?"

И далее. Предположим, что по какой-то счастливой случайности мы в конце концов объединимся с Синдзи или невесть как сами сумеем спастись. Тогда мы будем считаться беглыми преступниками. Если мы только куда-то не эмигрируем, или не останемся здесь всю последующую жизнь. И в конечном итоге какой-нибудь агент органов госбезопасности пристрелит нас где-то в трущобах и оставит наши тела на съедение жирным крысам. Те приползут и станут хватать нас за пальцы..."

Может, им все-таки лучше было сойти с ума?

Тут Сюя подумал про Ёситоки Кунинобу. Гибель друга страшно его потрясла, но на данный момент судьба Ёситоки казалась счастливее. Ему, по крайней мере, не пришлось испытать этого безумия. Ситуация казалась совершенно безвыходной.

«Может, нам лучше совершить самоубийство? — подумал Сюя. — Согласится ли Норико покончить с собой?»

Взглянув на нее, Сюя впервые увидел профиль Норико в мирном свете зари.

У девочки были хорошо очерченные брови, длинные мягкие ресницы, аккуратный носик с плоским кончиком и полные губы. Норико была очень симпатичной. Сюя мог понять, почему Ёситоки в нее влюбился.

Правда, теперь к лицу Норико прилип песок, а ее волосы, свисающие чуть ниже плеч, были растрепаны. И... конечно, там была эта проклятая штуковина. Броский серебристый ошейник, словно у рабыни древнего мира.

Кошмарная игра даже Норико лишала чуть ли не всей ее привлекательности.

Сюя внезапно ощутил прилив дикого гнева. И живо пришел в себя.

«Мы не проиграем, — яростно подумал он. — Мы останемся в живых. Мало того, мы дадим отпор. И наш ответный удар будет предельно жестким. Пусть бьют правый прямой, а я бейсбольной битой отобьюсь».

Норико открыла глаза. Их взгляды встретились.

— Что случилось? — спросила девочка.

— Ничего... я тут кое о чем думал.

Застигнутый Норико врасплох, за тем, что глазел на нее, Сюя смутился. И выпалил:

— Знаю, это прозвучит странно, но я просто надеюсь, что ты не собираешься покончить с собой.

Норико опустила глаза. Непонятно, что проскользнуло у нее на лице, хотя, вполне возможно, улыбка.

— Вообще-то не собираюсь, — сказала она. — Хотя...

— Хотя что?

Норико немного подумала.

— Пожалуй, я бы захотела покончить с собой, — продолжила она, — если бы нас осталось только двое. Тогда, по крайней мере, ты бы...

Потрясенный, Сюя покачал головой. А затем неистово ею замотал. Он совершенно случайно упомянул о самоубийстве. И никак не ожидал такого отклика.

— Прекрати. Даже не думай. Послушай, мы с тобой будем вместе до самого конца. Что бы ни случилось. Хорошо?

Норико слегка улыбнулась, протянула правую руку и коснулась левой ладони Сюи.

— Спасибо, — сказала она.

— Послушай, мы выпутаемся. Даже не думай о смерти.

Норико опять одарила Сюю легкой улыбкой.

— Значит, ты не сдался?

Сюя энергично кивнул.

— Конечно не сдался.

— Вообще-то я и не сомневалась, — сказала Норико. — У тебя всегда была эта позитивная сила.

— Позитивная сила?

Норико улыбнулась.

— Не знаю, как это сказать, но у тебя всегда было позитивное отношение к жизни. Как сейчас, когда ты решительно настроен жить дальше. Пожалуй... — На лице у Норико по-прежнему светилась легкая улыбка, когда она посмотрела ему прямо в глаза. — Именно это мне больше всего в тебе и нравится.

— Это потому что я идиот, — смущенно ответил Сюя. — Знаешь, — сказал он затем, — даже если мы сможем спастись, для меня это такого большого значения иметь не будет. Ведь у меня нет родителей. А вот ты... ты смогла бы увидеться с мамой и папой. Или с братом. Разве этого тебе не будет достаточно?

Норико опять слегка улыбнулась.

— Насчет этого я уже все решила... еще в самом начале игры. — Она помолчала, затем добавила: — А как насчет тебя?

— Ты о чем?

— Ты уже не сможешь с ней увидеться... — продолжила Норико.

Сюя заколебался. Да, все верно. Норико многое знала о Сюе. Она сама сказала: «Я уже давно на тебя посматриваю».

Сказав, что это не имеет значения, Сюя бы солгал. Он все это время был сильно увлечен Кадзуми Синтани. Мысль о том, что он больше никогда ее не увидит, казалась ему...

И все-таки Сюя с деланной беспечностью махнул рукой.

— А, ерунда.

Он хотел было добавить, что это все равно была неразделенная любовь, но его внезапно перебил рев Сакамоти. Резкий голос инструктора буквально висел в воздухе.

Остался 31 ученик

— Всем доброе утро.

Да, это был Сакамоти. Где находятся динамики, было непонятно, но голос инструктора звучал громко и четко, хотя и с некоторым искажением. Стало ясно, что динамики были размещены не только в школе, но и по всему острову.

— Это Сакамоти, ваш инструктор. Сейчас 6 утра. Как поживаете?

Прежде чем Сюя успел скривиться, от столь радостного тона Сакамоти у него внезапно отвисла челюсть.

— Вот и хорошо. А теперь я оглашу имена ваших мертвых друзей. Прежде всего, Ёсио Акамацу.

Сюя оцепенел. Да, это была еще одна смерть, но объявление имени Ёсио также значило нечто большее лично для Сюи.

В тот момент Ёсио Акамацу не был мертв. Как же все получилось? Он был убит при попытке убить кого-то еще? Или, быть может, он остался лежать там без сознания, а потом ему оторвал голову этот чудесный ошейник, потому что школа стала «запретной зоной»?

Так или иначе, тот факт, что сознания его лишил именно Сюя, не слишком хорошо на него подействовал.

Впрочем, все эти мысли мгновенно испарились, как только Сакамоти принялся перечислять остальных мертвецов.

— Далее, номер 9 — Хироси Куронага, номер 10 — Рюхэй Са-сагава, номер 17 — Мицуру Нумаи, номер 21 — Кадзухико Ямамото. И, конечно, девочки: номер 3 — Мэгуми Это, номер 4 — Сакура Огава, номер 5 — Идзуми Канаи, номер 14 — Маюми Тэндо.

Этот список означал, что их шансы на спасение слегка увеличились, но Сюе такая мысль даже в голову не пришла. Ему стало не по себе. Раз все они были убиты, значит, там были убийцы. Да, все верно. Если только кто-то из них не покончил с собой.

Кошмар продолжался. Игра определенно шла своим чередом. Длинная похоронная процессия, люди в трауре, целая толпа.

Черный человек с мрачным лицом к ним обращается: «А, Сюя Нанахара и Норико Накагава? Да-да, мы вас ждем, но вы рановато. Между прочим, вы только что мимо собственных могил прошли. Мы там на плитах ваш общий пятнадцатый номер высекли. Нет-нет, не волнуйтесь, это вам оплачивать не придется».

— Желаю всем продолжать в том же духе. Очень впечатляюще. Я приятно удивлен. А теперь запретные зоны. Я перечислю сектора и время. Возьмите карты и отметьте.

Все еще шокированный количеством погибших одноклассников и разгневанный игривым тоном Сакамоти, Сюя тем не менее с неохотой достал свою карту.

— Сперва через час. В 7 утра — сектор К=2. К семи утра всем убраться из К=2. Понятно?

Сектор К=2 располагался чуть к западу от южной оконечности острова.

— Далее, через три часа. В 9 утра — E=1.

Зона E=1, как и Сюя с Норико, находилась на западном берегу острова, однако значительно дальше к югу.

— Далее, через пять часов. В 11 утра — 3=8.

В зону 3=8 попадала большая часть жилого района на восточном берегу.

— Ну вот, пока все. Еще раз желаю всем сегодня постараться на славу...

В перечисленные Сакамоти запретные зоны местоположение Сюи и Норико не попало. Сакамоти заявил, что зоны выбираются случайным образом. Так или иначе, они поступили правильно, обойдя жилой район. Однако их убежище могло попасть в следующие объявления.

— Сакура и... — Когда Норико заговорила, Сюя к ней повернулся. — Сакамоти упомянул Сакуру и Кадзухико.

— Да... — Сюя мысленно простонал. — Я подумал... не покончили ли они с собой.

Норико опустила взгляд.

— Не знаю. Но они совершенно точно должны были быть вместе до самого конца. Они как-то сумели встретиться.

Сюя видел, как Сакура передала Кадзухико записку. Впрочем, они с Норико всего лишь обменивались оптимистичными мнениями. Двое влюбленных вполне могли быть убиты безумными одноклассниками по отдельности, в разных местах.

Выбрасывая из головы воспоминание о том, как Сакура подкладывает Кадзухико записку, как их руки соприкасаются, Сюя достал из кармана список учеников. Этот список был приложен к карте. Конечно, это скверно пахивало, но Сюя должен был отметить там полученную информацию. Он взял ручку и собрался было вычеркнуть имена — но затем решил этого не делать. Нет, так было слишком ужасно.

Вместо этого Сюя поставил рядом с каждым именем небольшую галочку. Он также включил туда Ёситоки Кунинобу и Фумие Фудзиёси. Тут Сюе показалось, будто он превратился в черного человека из своей фантазии. «Так-так, посмотрим. Вот вы, вы и вы. Да, и вы тоже. Какой у вас размер гроба? Гм, будет тесновато, зато мы можем предложить вам нашу популярную модель номер 8 по специальной, скандально низкой цене».

Все, хватит.

Еще Сюя подметил, что трое из четырех членов банды Кадзуо Кириямы уже были мертвы. Хироси Куронага, Рюхэй Сасагава и Мицуру Нумаи. Единственным, кого не упомянули, был Сё Цукиока по прозвищу Дзуки. Он был немного чудной. И еще, разумеется, сам Кадзуо Кирияма.

Сюя вспомнил самодовольное выражение на лице Мицуру Нумаи, когда Кадзуо Кирияма выходил из класса. Сюя тогда предположил, что Кадзуо соберет свою банду и попытается сбежать с острова. Но о чем тогда свидетельствовали эти результаты? Может, хотя члены банды и согласились где-то встретиться, они потом заподозрили неладное и повернулись друг против друга? В результате Сё Цукиоке и Кадзуо Кирияме удалось уцелеть. Но означает ли это, что Сё и Кадзуо по-прежнему вместе? Нет, вполне могло случиться что-то совершенно иное. И Сюя понятия не имел что.

Затем он припомнил отдаленные звуки выстрелов. Сюя только раз их слышал. Если там состоялась перестрелка, то кто именно был в ней убит?

Тут его размышление прервало внезапное шуршание. Лицо Норико застыло. Сюя немедленно сунул список и ручку в карман.

Он внимательно прислушался. Шуршание продолжалось. Оно слышалось все ближе.

— Тихо, — прошептал он Норико.

Затем Сюя схватил свой рюкзак. Поскольку им в любой момент могло потребоваться отсюда уйти, он уже уложил туда все необходимое. Часть одежды Сюя оставил в спортивной сумке, но ее вполне можно было бросить. Норико точно так же перепаквала свои вещи.

Сюя забросил оба рюкзака за левое плечо. Затем протянул руку Норико и помог ей встать. Пригнувшись, они ждали.

Вытащив нож, Сюя взял его обратной стороной. «Возможно, я знаю, как брать гитарные аккорды, — подумал он, — но как пользоваться этой штукой, я понятия не имею».

Шуршание стало совсем громким. Кто-то, вероятно, был уже в нескольких метрах от них.

Сюя испытывал такое напряжение, что и тогда у школы. Левой рукой он взял Норико за плечо и оттянул ее назад. Затем выпрямился и тоже немного отступил. «Чем скорее, тем лучше, — подумал он. — Скорее бы!»

Пятясь сквозь кусты, они выбрались на тропку, что вилась вверх по горе. Деревья, нависая над ними, сплетались ветвями, а дальше виднелось голубое небо.

По-прежнему держа Норико за плечо, Сюя стал пятиться дальше по тропке. Шуршание теперь доносилось из тех кустов, которые они только что покинули. Звук нарастал, а затем...

Сюя широко раскрыл глаза.

Белая кошка выпрыгнула из кустов и приземлилась на тропку. Она была тощая и встрепанная, но в любом случае это была всего-навсего кошка.

Сюя и Норико переглянулись.

— Это кошка, — сказала Норико и буквально расплылась в улыбке. Сюя тоже заулыбался. Тут кошка повернулась к ним, словно наконец-то их заметила.

Она немного на них поглазела, а затем подбежала поближе.

Сюя убрал нож в ножны, а Норико, осторожно сгибая раненую ногу, присела на корточки и протянула руки к кошке. Та подскочила и стала тыкаться носом в ее ладони. Норико ухватила кошку за передние лапы и притянула к себе.

— Бедная кошечка. Смотри, какая тощая, — сказала Норико и вытянула губы, словно собираясь поцеловать кошку. Та восторженно откликнулась, мурлыча и мяуча.

— Должно быть, это домашняя кошка. Такая ласковая.

— Не знаю.

Ради этой игры правительство эвакуировало всех обитателей острова. (Поскольку Программа являлась секретной операцией, до ее окончания их ни о чем не информировали.) Как предположила Норико, эта кошка могла принадлежать кому-то из местных жителей и оказалась брошенной, когда ее хозяин отсюда отбыл. «В этом районе никаких домов нет, как же она заблудилась здесь на горе?» — размышлял Сюя, отводя взгляд от Норико. Он повернулся в сторону...

...и обомлел.

В десяти метрах от них кто-то стоял на тропе — так неподвижно, словно был к ней приклеен. Среднего роста, как и Сюя, этот ученик благодаря тренировкам в гандбольной команде был крепкого телосложения. Загорелая кожа, короткая стрижка. Торчком стоящая челка. Это был Тацумити Оки (ученик номер 3).

Остался 31 ученик

16

Норико что-то такое почувствовала и оглянулась. Лицо ее мигом застыло. И так... что же теперь происходило с Тацумити? Был он друг или враг?

Тацумити Оки просто стоял и глазел на них. Сюя почувствовал, что поле его зрения сужается от напряжения — примерно как бывает в стремительно несущейся машине. Однако уголком глаза он все же сумел различить солидный топорик в правой руке Тацумити.

Тогда Сюя машинально потянулся к засунутому за пояс ножу.

Ситуация мигом взорвалась. Тацумити замахнулся топориком и бросился к ним.

Сюя оттолкнул Норико в сторону. Вместе с кошкой она упала в кусты.

Тацумити уже к нему подскочил.

Сюя быстро вскинул рюкзак. Топорик врубился прямо туда, и вещи посыпались на землю. Из расколотой бутылки плеснула вода. Лезвие топорика дошло до руки Сюи. Боль буквально его обожгла.

Сюя бросил порванный рюкзак и отскочил назад. Лицо Тацумити так напряглось, что белки его глаз образовали колечки вокруг зрачков.

Сюя не мог поверить, что это в действительности происходит. Да, они были в ужасном положении, и Сюя на какой-то момент тоже заподозрил неладное, но как он мог?.. Как мог Тацумити, славный, веселый парень, такое вытворить?

Тацумити быстро глянул в сторону кустов, где находилась Норико. Сюя волей-неволей тоже туда посмотрел. Губы Норико сжались от взгляда Тацумити. Кошка уже куда-то сбежала.

Внезапно Тацумити повернулся к Сюе и снова махнул топориком сбоку.

Сюя подставил нож, который он уже успел выхватить из-за пояса. К несчастью, нож по-прежнему оставался в кожаных ножнах, но, так или иначе, топорик в них застрял. Сюе удалось отклонить удар сантиметрах в пяти от своей груди. Он ясно видел голубоватые неровности на лезвии топорика, образовавшиеся при ковке.

Прежде чем Тацумити успел ударить снова, Сюя бросил нож и схватил противника за правую руку, которая держала топорик. Однако Тацумити все-таки сумел нанести удар, пусть и медленный. Сюе попало справа по голове. Длинная прядь слегка волнистых волос у него над правым ухом полетела вниз, а мочка оказалась порезана. Глупая, несурная мысль пробежала в голове у Сюи: «А, наплевать, царапина. У Синдзи мочка вообще проколота».

Тацумити переложил топор в левую руку, но, прежде чем он смог снова замахнуться, Сюя левой ногой ударил противника по ногам. Тацумити зашатался. «Ну, давай же, падай!» — мысленно воскликнул Сюя.

Но Тацумити сумел устоять на ногах. Он покачался, а затем резко развернулся. И налетел прямо на Сюю. Тот стал отступать в кусты. Раздался хруст веток.

Сюя продолжал пятиться. Под бешеным напором Тацумити он почти бежал спиной вперед. Лицо Норико скрылось из виду. В дикой, нереальной ситуации еще одна нелепая мысль пробежала у Сюи в голове. Он вспомнил тренировки. Спиной вперед Сюя Нанахара бегал там лучше всех.

Затем земля у него под ногами вдруг пошла вниз.

Сюя внезапно вспомнил, что там был крутой склон к полю с синтоистским храмом. «Я падаю!» — мелькнуло у него в голове.

Оба противника покатались вниз по склону, поросшему кустарником. Вокруг Сюи закрутились голубые утренние небеса и яркая зелень. Но запястья Тацумити он так и не отпустил.

Показалось, будто они упали с огромной высоты, но на самом деле там вряд ли было больше десяти метров. Тела противников издали глухой стук и застыли в неподвижности. Все вокруг купалось в солнечном свете. Они упали прямо на поле.

Сюя оказался под Тацумити. Он должен был встать раньше него!

Но тут Сюя почувствовал что-то странное. Хотя Тацумити обрушивался на него с мощностью воздушного компрессора, теперь вся сила ушла из его рук. Они совсем обмякли.

Стоило только Сюе поднять взгляд, как он сразу понял, в чем дело.

В лицо Тацумити был воткнут топорик. Половина лезвия торчала оттуда, точно верхний слой шоколада на рождественском торте. Топорик угодил в лоб и аккуратно рассек напополам левое глазное яблоко (какая-то вязкая жидкость сочилась оттуда вместе с кровью). Кроме того, бледно-голубое лезвие виднелось в раскрытом рту.

Тацумити все еще держался за топорик, а Сюя — за оба его запястья. Он вдруг почувствовал, как что-то жуткое пробегает от лица Тацумити к его кистям. Кровь заструилась по лезвию топорика, стекая на руки Сюи. Испустив глухой стон, Сюя отпустил руки и выбрался из-под тела Тацумити. Тот перекатился на спину. Теперь его страшное мертвое лицо смотрело в утреннее небо.

Дикий ужас охватил Сюю при взгляде на лицо Тацумити, но тревожило его и нечто еще более важное. Да. Он убил человека. Хуже того — своего одноклассника.

Не имело смысла убеждать себя, что это был несчастный случай. В конце концов Сюя сделал все, чтобы увернуться от топорика, и таким образом направил его прямо на Тацумити, как можно дальше отталкивая его руки.

Сюю страшно затошнило.

Однако он лишь сглотнул и сдержал рвоту. Затем поднял голову и посмотрел на склон, по которому только что скатился.

По ту сторону кустов, покрывающих склон, ничего не было видно. Он оставил Норико одну. Да-да, теперь самое главное было защищать Норико. «Я должен поспешить обратно к Норико», — сказал себе Сюя, как будто эта мысль могла его успокоить. Он встал на ноги, не сводя глаз с лица Тацумити и топорика.

Сюя поколебался, а затем оторвал пальцы Тацумити от топорика у него в голове. Не мог он в таком виде его оставить. Конечно, похоронить одноклассника Сюя возможности не имел, но топорик... это было слишком. Он больше не мог этого выносить. Сюя ухватился за топориче и попытался вырвать оружие из головы Тацумити.

Но топорик засел так крепко, что голова Тацумити приподнялась вместе с ним.

Сюя вдохнул поглубже. О Господи.

Тут он как раз об этом подумал. Да-да. Как там насчет Бога? Госпожа Анно была истинной христианкой, но вера в Бога обернулась для нее тем, что ее в конечном итоге изнасиловал Сакамоти. Да уж, воистину хвала Господу.

Сюя снова ощутил прилив гнева.

Тогда он сжал зубы, опустил на колени рядом с Тацумити и дрожащей левой ладонью уперся в лоб однокласснику. Правой рукой Сюя потянул за топорик. Последовало жуткое хлюпанье, кровь с новой силой хлынула из лица Тацумити, и топорик из него вышел.

Сюе вдруг показалось, что он видит кошмарный сон. Разрубленная напополам голова Тацумити сделалась асимметрична. Она выглядела какой-то ненастоящей, вроде пластиковой подделки. Впервые в жизни Сюя понял, как хрупко и податливо человеческое тело.

Он даже не стал пытаться закрыть Тацумити глаза. Левое глазное яблоко было разрублено, а веко над ним так распухло, что его просто невозможно было закрыть. Правый глаз, конечно, закрыть было можно, но кому нужен подмигивающий труп?

Сюю снова затошнило.

Но он опять встал на ноги и огляделся. Чтобы добраться до Норико, ему теперь требовалось долго идти по круговой тропке.

Но тропка мигом вылетела у Сюи из головы, а глаза его широко распахнулись, когда...

...прямо посреди поля он увидел мальчика в школьной форме и с очками на носу — старосту мальчиков класса Кёити Мотобути.

В руке у старосты был пистолет.

Осталось 30 учеников

Прикрытые очками в серебристой оправе, глаза Кёйти встретились с глазами Сюи. Волосы старосты, всегда аккуратно расчесанные на пробор, теперь были жутко растрепаны. Линзы очков казались чем-то заляпанными, а глаза за ними были налиты кровью и так же широко распахнуты, как и у Сюи. Лицо Кёйти было мертвенно-бледным, снова, как и в классной комнате, напоминая репродукцию Уорхола. В нем не осталось почти ничего человеческого.

Когда оружие дернулось, Сюя мгновенно пригнулся и упал на спину. Пистолет издал громкий хлопок и выплюнул язычок пламени. Что-то чиркнуло Сюю по макушке. Хотя он вполне мог себе это вообразить. Так или иначе, пуля пролетела мимо.

Лежа на спине и не имея ни секунды на раздумья, Сюя попытался отползти. Высокая трава под ним зашуршала.

Сюя был слишком близко. Ему было не уйти. Кёйти Мотобути стоял всего в нескольких метрах от Сюи, целясь прямо ему в грудь.

Лицо Сюи застыло, точно у гипсовой скульптуры. Отодвигая в сторону заботу о Норико и вообще все на свете, его теперь стремительно заполнял настоящий страх. «Следующая свинцовая пулька из того пистолета, — лихорадочно думал Сюя, — меня... убьет... убьет... меня!»

— Стой! — вдруг крикнул кто-то.

Кёйти внезапно повернулся в сторону. Сюя невольно проследил за взглядом старосты.

В тени синтоистского храма он увидел крепкую фигуру. Короткая стрижка, чуть ли не под ноль, характерный шрам над левой бровью, суровое лицо головореза. Это был Сёго Кавада (ученик номер 5). В руках он держал обрез помпового дробовика (ремингтона М-31).

Без всякого предупреждения Кёйти выстрелил в Сёго. Тот мгновенно присел. Когда Сюя услышал грохот дробовика, из которого Сёго, сидя на корточках, по-прежнему целился, искры вылетели оттуда, словно из огнемета, а в следующий миг правой руки Кёйти не стало. Красный туман взметнулся в воздух. Кёйти тупо глазел на половину рукава своей школьной формы. Другая половина, от локтя до ладони, теперь валялась на траве. Сёго быстро «прокачал» дробовик и зарядил новый патрон. Пустая пластиковая гильза отлетела в сторону.

Внезапно поняв, что случилось, Кёйти дико заверещал. Сюе показалось, он сейчас рухнет на колени.

Однако староста на колени не рухнул. Вместо этого он подскочил к своей правой руке и левой выхватил из нее пистолет.словно сам себе передавая эстафету. «Вот классно», — подумал Сюя. И снова ему показалось, будто он смотрит скверный фильм ужасов. Или того хуже — читает скверный роман ужасов.

Все это казалось просто паскудно.

— Стой! — крикнул Сёго, но Кёити не стал повиноваться и снова в него прицелился.

Сёго опять выстрелил. Кёити согнулся и стал напоминать прыгуна в длину перед приземлением, которого резкий порыв ветра относит назад. И он, словно в замедленной съемке, стал падать на спину. Развалившись в высокой траве, староста застыл в неподвижности.

Сюя с трудом встал на ноги.

В траве лежало тело Кёити. Огромная дыра зияла в животе старосты, а то, что было внутри, напоминало мусорный бачок на сосисочной фабрике.

Не уделяя ни малейшего внимания трупу, Сёго быстро приблизился к Сюе. Он снова «прокачал» дробовик и выбросил пустую гильзу.

Ошарашенный стремительностью событий и ужасной смертью Тацумити и Кёити, Сюя все же сумел выдохнуть:

— Погоди...

Сёго остановился за телом Кёити.

— Не двигайся, — приказал он. — Брось оружие.

Тут Сюя наконец сообразил, что все еще держит топорик.

Он повиновался. Обагранный кровью топорик с глухим стуком упал на землю.

И как раз тут из-за поворота тропки, волоча ногу, появилась Норико. Судя по всему, она пробиралась по кустам, последовав за Тацумити и Сюей после того, как они покатались по склону. Норико побледнела от пальбы, а теперь затаила дыхание при виде валяющихся на земле трупов Кёити и Тацумити, а также стоящих друг напротив друга Сёго и Сюи.

Сёго тут же заметил Норико и перевел на нее дробовик. Норико оцепенела.

— Стой! — крикнул Сюя. — Норико со мной! Мы вообще не воюем!

Сёго медленно повернулся к Сюе. Вид у него был до странности озадаченный.

— Норико! — крикнул Сюя. — Сёго меня спас! Сёго не враг!

Сёго внимательно посмотрел на Норико, затем снова на Сюю. И опустил дробовик.

Еще немного постояв, Норико подняла руки, показывая Сёго пустые ладони, после чего почти соскользнула вниз по тропке. Затем, волоча правую ногу, заковыляла к Сюе.

Сёго так на них посмотрел, словно они были двойняшки. Сюя заметил, что щетина на его щеках и подбородке немного подросла.

— Позвольте я для начала кое-что объясню, — наконец сказал Сёго. — У меня не было другого выхода, кроме как убить Кёити. Понимаете?

Взглянув на тело Кёити, Сюя обдумал слова Сёго и решил, что староста наверняка потерял всякое самообладание. «Возможно, — подумал он, — Кёити увидел, как я одолел Тацумити Оки, и у него создалось ложное впечатление. Норико рядом не было, а потому все могло получиться вполне естественно».

Сюя определенно не имел никакого права винить Сёго за его действия. Не убей Сёго Кёити, тот убил бы Сюю. Да и сам он, как ни крути, тоже убил человека. Тацумити Оки.

Сюя снова посмотрел на Сёго.

— Да, я понимаю. Спасибо. Ты спас мне жизнь.

Сёго пожал плечами.

— Я просто пытался остановить Кёити. Возможно, жизнь я тебе в итоге тоже спас.

В жилах Сюи по-прежнему бешено пульсировал адреналин, но он все же сумел выпалить:

— Я так рад. Теперь мне намного легче. По крайней мере, мы еще одного нормального встретили.

Откровенно говоря, Сюя был удивлен. Сидя в классной комнате, он думал о том, что если кто-то и собирается участвовать в игре, так это Сёго. Однако он не только не стал играть, но даже сумел спасти Сюю жизнь.

Сёго еще некоторое время внимательно на них смотрел, словно что-то такое обдумывал.

— Значит, вы вместе? — спросил он затем.

Сюя недоуменно поднял брови.

— Ну да. Я так и сказал.

— А почему вы вместе? — спросил Сёго.

Сюя и Норико переглянулись. Затем посмотрели на Сёго. Сюя уже хотел было спросить, что Сёго имеет в виду, когда понял, что тот же вопрос задает и Норико. Она тоже остановилась на середине фразы, услышав, что Сёго спрашивает о том же самом. Сюя и Норико снова переглянулись. Сюя подумал, что Норико решила дать ему сказать первым, но как только он начал объяснять Сёго, почему они вместе, его слова опять наложились на ее объяснения. Они с Норико в третий раз обменялись взглядами. Кончилось тем, что оба молча повернулись к Сёго.

Что-то вроде улыбки мелькнуло на лице Сёго. Если это и впрямь была улыбка, то Сюя впервые увидел, как он улыбнулся.

— Ладно, — сказал Сёго. — В любом случае мы должны спрятаться. Нечего нам тут на открытом месте стоять.

Осталось 29 учеников

Юко Сакаки (ученица номер 9) отчаянно продиралась через кусты. Опасно было бежать с таким безрассудством, но ей срочно требовалось убраться подальше от того места. Это было самое главное.

Юко снова прокрутила у себя в голове сцену, свидетельницей которой стала. За происходящим она наблюдала из кустов. Голова Тацумити Оки расколота напополам. А Сюя Нанахара выдергивает из его головы топорик.

Юко до смерти перепугалась. Сюя Нанахара убил Тацумити Оки. И как искусно он это сделал!

Пока Сюя вытаскивал топорик из головы Тацумити, Юко была так потрясена, что не могла оторвать глаз от ужасной сцены. Но как только она увидела красное лезвие топорика, страх взял свое.

Юко схватила рюкзак и крепко сжала зубы, чтобы невольно не закричать. Слезы навернулись ей на глаза.

Вслед девочке неслись звуки выстрелов, но она была в таком шоке, что едва ли их слышала.

Осталось 29 учеников

19

После того как Сюя с Норико вернулись туда, где они провели прошлую ночь, и подобрали свои сумки, Сёго заметил, что обзор оттуда не слишком хорош. Сюе вообще-то казалось, что он очень тщательно подбирал это место. Однако Сёго производил впечатление великого знатока в подобных делах, а потому они решили с ним согласиться и двинулись дальше по горе. Тощая кошка куда-то делась.

— Погодите. Я хочу забрать рюкзаки Кёити и Тацумити.

Сёго оставил их в ближайших кустах. Норико присела отдохнуть, и Сюя устроился рядом с ней. В руках он держал револьвер Кёити (смит-вессон «Чифс спешизл» калибра 38), который дал ему Сёго. Сюя неловко чувствовал себя с этим оружием, но делать было нечего.

— Сюя, давай заклеим.

Норико держала в руке розовый пластырь. Должно быть, она нашла его в рюкзаке, разрубленном топориком Тацумити Оки. Левой рукой Сюя дотронулся до своего правого уха. Кровотечение, похоже, прекратилось, но колющая боль осталась.

— Сиди спокойно. — Норико пододвинулась к нему и вскрыла пластырь.

Аккуратно прилепляя его к мочке уха, она сказала:

— Интересно, почему сюда пришло столько учеников. Пять человек, включая нас и Сёго.

Вместо ответа Сюя просто на нее посмотрел. После всех последних событий эта мысль ему даже в голову не пришла. Тем не менее Норико была права.

Сюя покачал головой.

— Не знаю. Мы пришли сюда, чтобы убраться как можно дальше от школы, верно? Но мы не стали взбираться на гору и выходить к берегу, где слишком широкий обзор.

Возможно, все мы думали об одном и том же, а в итоге прибыли в одно место, рассчитывая оказаться там в безопасности. В том числе староста... и Тацумити.

Стоило ему только упомянуть имя Тацумити, как Сюя снова ощутил тошноту. Лицо расколото напополам, левая и правая половинки сдвинуты друг относительно друга, точно у арахиса. И труп этот лежал совсем рядом. Итак, дамы и господа, а теперь невероятный Человек-Арахис...

С приступом тошноты мысли Сюи стали проясняться. Ощущение немоты наконец улеглось. Он снова приходил в чувство.

— Сюя, ты очень бледный. С тобой все хорошо? — спросила Норико.

Сюя не смог ответить. Дрожь распространилась по его телу, и он весь затрясся, как от озноба. Зубы неудержимо стучали, словно отбивая безумную чечетку.

— Что с тобой? — Норико положила руку ему на плечо.

— Мне страшно, — стуча зубами, ответил Сюя.

Затем он с трудом повернул голову и посмотрел на Норико. Она с тревогой на него глядела.

— Мне страшно. Мне очень страшно. Я только что человека убил.

Норико заглянула Сюе в глаза, осторожно передвинула раненую правую ногу и присела перед ним, согнув колени. Затем нежно обняла его за плечи. Щекой Норико прижалась к дрожащей щеке Сюи. Он ощутил ее тепло, а застрявший в его носоглотке запах крови сменился слабым ароматом чего-то вроде шампуня.

Сюя был удивлен, но вместе с тем очень благодарен Норико за это уютное тепло и аромат. Он сидел спокойно, обнимая свои колени.

Это напомнило Сюе раннее детство, когда мама примерно так же его обнимала. Стоило ему только взглянуть на воротничок матроски Норико, как перед ним возник мимолетный образ его матери. Голос ее всегда был свеж, она буквально лучилась энергией. Еще ребенком Сюя думал, что у него очень элегантная мама. Лицо ее было совсем как у Кадзуми Синтани. Они с отцом все время обменивались улыбками. Тот, крепкий и усатый, вовсе не был похож на типичного служащего. (Обнимая Сюю, мама порой говорила: «Твой папа работает юристом и помогает тем, кто попал в беду. В нашей стране такая работа очень важна».) «В один прекрасный день, — думал Сюя, — я женюсь на девушке, похожей на мою маму. Тогда мы с ней будем все время улыбаться друг другу, как папа и мама». Ему так нравилось, как они улыбались.

Дрожь понемногу стихла.

— Ну как, ничего? — спросила Норико.

— Ничего. Спасибо.

Норико медленно его отпустила.

— Ты так чудесно пахнешь, — вскоре сказал Сюя.

Девочка смущенно улыбнулась.

— Господи, я вчера даже в ванне не мылась.

— Нет, ты правда замечательно пахнешь.

Улыбка снова вспыхнула на лице Норико, но тут затрещали кусты. Лево́й рукой заслоняя девочку, Сюя поднял смит-вессон.

— Не стреляй. Это я.

Из густых зарослей появился Сёго.

На плече у него висел дробовик, а также два рюкзака. Сёго достал из одного рюкзака небольшую картонную коробку и бросил ее Сюе.

Тот ловко поймал ее и открыл. Внутри аккуратными рядами располагались золотистые пули. Пяти пуль не доставало.

— Они к твоему револьверу, — сказал Сёго. — Заряди его. — Затем он положил дробовик себе под бок и взялся за какую-то рыболовную леску. Когда Сёго ее натянул, Сюя заметил, что леска уходит в самую глубину кустов. Достав из кармана небольшой нож, Сёго нажал на кнопку, и из ножа выскочило лезвие. Поскольку Сёго выдан был дробовик, этот нож, сообразил Сюя, должно быть, принадлежит ему самому.

На стволе ближайшего деревца не толще банки с кока-колой Сёго сделал зарубку, аккуратно приладил туда натянутую леску и отрезал лишнее. Затем так же аккуратно обвязал оставшуюся леску вокруг ствола дерева.

— Что ты делаешь? — спросил Сюя.

Сёго убрал нож.

— Можешь считать это примитивной сигнализацией, — ответил он. — Леска тянется вокруг нас в радиусе двадцати метров.

Она двойная. Как только кто-то ее зацепит, вот этот ее конец упадет с дерева. Не волнуйся, незваный гость ничего не заметит. А мы получим предупреждение.

— Где ты нашел эту леску?

Сёго слегка наклонил голову.

— На острове есть небольшой универмаг. Я хотел кое-чем обзавестись, а потому сразу же туда направился. Там я эту леску и нашел.

Сюя порази́лся. Конечно! Каким бы маленьким ни был этот остров, хотя бы один универсальный магазин здесь должен был быть. Но ему эта мысль почему-то в голову не пришла. Хотя, если вспомнить, что Сюя должен был заботиться о Норико, у него все равно не было никакой возможности бродить по округе.

Сёго сел напротив Сюи и Норико и начал разбирать один из рюкзаков — принадлежавший то ли Кёити, то ли Тацумити. Достав оттуда бутылку воды и несколько булочек, он спросил:

— Как насчет немного позавтракать?

По-прежнему обнимая свои колени, Сюя помотал головой. Аппетита у него не было и в помине.

— А в чем дело? Тебя тошнит из-за того, что ты убил Тацумити?

Сюя промолчал.

Тогда Сёго внимательно посмотрел ему в лицо.

— Не стоит так расстраиваться, — беспечно продолжил он. — Скажем так — здесь каждый кого-то убивает. Эта игра вроде турнира. Всего было сорок два... нет, сорок учеников. Если ты убьешь человек пять-шесть, то станешь победителем. Теперь уже, может статься, осталось человека четыре. Больше тебе не потребуется.

Сюя понимал, что он шутит. Однако именно потому, что Сёго шутил, тирада показалась ему еще более возмутительной. Сюя гневно взглянул на одноклассника.

Чувствуя, что Сюя разозлился, Сёго осадил назад.

— Извини, приятель, я просто пошутил.

— Значит, тебя тошнота не мучает? — враждебным тоном спросил Сюя. — Или ты уже до Кёити кого-то убил?

Сёго лишь пожал плечами.

— В этот раз — еще никого.

«Как-то странно он выразился», — подумал Сюя. Хотя он толком не понял, что именно было здесь такого странного. Сюя находился в замешательстве. Если Сёго и впрямь был крутым гопником, как утверждали слухи, тогда он уже мог попадать в такие переделки, какие Сюе даже не снились.

Сюя покачал головой и сменил тему.

— Знаешь, одной вещи я никак не пойму.

Сёго вопросительно поднял брови. Неприятный шрам над левой бровью тоже сместился.

— Чего ты не поймешь?

— Ну, староста... Кёити...

— Эй, постой. — Сёго покачал головой, прерывая Сюю. — Мне казалось, ты понял. У меня не было другого выхода. Хочешь сказать, я должен был позволить Кёити меня убить? Я не Иисус Христос, понятно? И меня нельзя воскресить, хотя я еще никогда не пробовал...

— Нет, я не об этом.

Сюе показалось, что Сёго опять пошутил. Неужели Сёго Кавада был таким шутником?

— Мне кажется, — продолжил он, — Кёити попытался меня застрелить, потому что он своими глазами увидел, как я убиваю... Тацумити. Ведь я его убил. А вышло так потому, что он на меня напал...

Сёго слегка кивнул.

— Значит, было вполне естественно, что Кёити попытался меня убить.

— Да. Возможно. Но я все равно...

— Постой. — Теперь уже Сюя перебил Сёго. — Я же говорю — я не об этом. Я о том, что Тацумити... Тацумити набросился на меня, хотя я ничего такого не делал. А кроме того, я был с Норико. Чего ради ему на нас нападать?

— Тацумити уже был к этому готов. Вот и все. Что тут непонятного?

— Ну да... теоретически... но я просто не могу понять. Как мог Тацумити...

— Нечего тут понимать, — отрубил Сёго.

— Как так нечего?

Губы Сёго слегка изогнулись, будто в ухмылке.

— Я в вашей школе новенький, — продолжил он, — а потому особо много про тебя и твоих одноклассников не знаю. Но что ты сам знаешь про Тацумити? Может, у него в семье кто-то очень болен, и он решил, что обязательно должен уцелеть. Или просто проявил эгоизм. Или совсем спятил от страха и потерял всякую способность соображать. А есть еще и такой вариант: ты был с Норико. Тацумити мог подумать, что вы с ней объединились. Как ему было понять, пригласят его или нет? Вы с ней вполне могли увидеть в нем угрозу. Или, если бы ты действительно участвовал в игре, ты бы по этой же самой причине мог его убить. Да, кстати... а ты его не спровоцировал?

— Нет... — Тут Сюя осекся, припоминая, как он машинально коснулся ножа, оказавшись лицом к лицу с Тацумити. Да, Сюя и сам боялся. Боялся Тацумити.

— Что-то такое было?

— Я дотронулся до ножа. — Он посмотрел на Сёго. — Но ведь этого же недостаточно, чтобы...

Сёго покачал головой.

— Нет, Сюя, вполне достаточно. Уверяю тебя, раз ты держался за нож, Тацумити мог решить, что ты враг. В этой игре все чертовски на взводе. — Словно закрывая тему, он добавил: — Но главное все же то, что Тацумити был к этому готов. Так это надо понимать. Хотя на самом деле понимать тут нечего. Все сводится к очень простым вещам. Когда противник нападает на тебя с оружием, колебаться нечего. Иначе ты погибнешь. Ты не можешь позволить себе особо об этом задумываться. Прежде всего ты должен опередить своего противника. В этой игре людям нельзя слишком доверять.

Сюя глубоко вздохнул. «Неужели Тацумити действительно хотел меня убить? — подумал он. — Хотя, как сказал Сёго, нет смысла особо об этом задумываться».

Тут Сюя снова взглянул на Сёго.

— Да, кстати.

— Что?

— Забыл еще об одном спросить.

— О чем? Давай, спрашивай.

— Почему ты с нами? — поинтересовался Сюя.

Сёго поднял брови. Затем облизнул губы.

— Прямо в точку. Я мог бы быть и против вас.

— Я не об этом. — Сюя покачал головой. — Ты меня спас. Ты также рисковал жизнью, пытаясь остановить Кёити. Я тебя не подозреваю.

— Ты не так понял, Сюя. Похоже, ты все еще не врубаешься в эту игру.

— Что ты имеешь в виду?

— Создание группы, — продолжил Сёго, — дает тебе в этой игре определенное преимущество.

Сюя немного подумал, затем кивнул. Сёго был прав. Так можно было поочередно стоять на страже и успешнее отражать атаки.

— Ну да. И что?

— Ты вот о чем поразмысли. — Сёго положил руку на дробовик, лежащий у него на коленях. — Думаешь, я сильно рисковал, пытаюсь остановить Кёити? Думаешь, мои окрики реально бы его остановили? Возможно, я уже тогда планировал убить Кёити. С другой стороны, зачем мне нужно было его убивать? Или не убивать? Говоря откровенно, перспектива объединиться с таким типом, как Кёити, меня бы не прельстила. Так, быть может, я приказал ему стоять только за тем, чтобы разыграть сцену для вас двоих? Чтобы вы, ребята, ко мне присоединились? Разве не в моих интересах было бы вас к себе присоединить, а позднее убить?

Сюя уставился Сёго прямо в глаза, удивленный целым рядом столь ясных и логичных объяснений. Да, верно, Сёго был на год их старше. Но он все равно говорил не как шестнадцатилетний подросток, а как мудрый, зрелый мужчина. В этом смысле он немного напоминал Синдзи Мимуру.

— Если я почувствую подозрение, ничего не получится. Ты не против нас. — Сюя взглянул на Норико. — Вот что я думаю.

— И я. — Норико кивнула. — Если мы не сможем никому доверять, мы проиграем.

— Благородная мысль, девочка, — кивнул Сёго. — Если тебе так угодно. Я просто говорю вам, что в этой игре следует соблюдать предельную осторожность. — Он помолчал и добавил: — Так о чем ты хотел спросить?

Сюя вдруг вспомнил, что у него действительно были вопросы.

— А, ну да. Почему ты нам доверяешь? Даже если ты с нами объединился, это вовсе не означает, что кто-то из нас не может быть против тебя. Или мы оба. Ты сам так сказал. У тебя должна быть причина нам доверять.

— Понимаю, — откликнулся Сёго, будто бы обрадованный. — Уместный вопрос. Ты уже начинаешь улавливать самую соль.

— Брось, мне нужен ответ.

Сюя махнул рукой, в которой по-прежнему был револьвер. Сёго чуть подался назад, словно предупреждая его, что так делать опасно.

— Ну так как? — настойчиво спросил Сюя.

Сёго снова поднял брови. Затем на его лице проступила все та же легкая улыбка. Он посмотрел в небо через сплетенные ветви, затем снова обратил взгляд на Сюю и Норико. Вид у него стал серьезный.

— Прежде всего...

В спокойном взгляде Сёго Сюя вдруг почувствовал какое-то напряжение.

— У меня есть свои причины. Дело в том, что у меня кое-какая проблема с правилами... нет, с самой игрой. — Тут Сёго немного помолчал, затем продолжил: —

Вообще-то ты совершенно прав, но... знаешь, мне неловко это признавать, но я всегда основывал свои решения на совести и интуиции.

Сёго ухватился за ствол дробовика, стоящего у него между коленей, словно за тросточку, и снова на них взглянул. В гуще леса зачирикала птичка. Вид у Сёго стал просто торжественный. Сюя нервно ожидал продолжения.

— Из вас двоих такая славная парочка получается. Вот о чем я подумал, когда сегодня утром вас увидел. И сейчас я по-прежнему так считаю.

Сюя с раскрытым ртом на него уставился. «Парочка?» — обалдело подумал он.

Норико заговорила первой. Щеки ее покраснелись.

— Ты все не так понял. Мы вовсе не парочка. Я не...

Сёго перевел взгляд с Сюи на Норико и ухмыльнулся. А потом залился смехом. Это был такой неожиданный, дружелюбный смех. Немного поутихнув, Сёго продолжал посмеиваться.

— Вот почему я вам доверяю. Кроме того, как ты сказал, ничего не будет, если начнут мучить подозрения. Разве этого недостаточно?

Сюя наконец улыбнулся.

— Спасибо, — искренне сказал он. — Я рад, что ты нам доверяешь.

Сёго продолжал ухмыляться.

— О нет, эта честь за мной.

— В тот самый день, когда ты перевелся к нам в школу, я понял, что ты индивидуалист.

— Полегче с терминологией. Извини, но таким уж я уродился. Ничего не могу поделать с тем, что у меня не слишком дружелюбный вид.

— Я так рада, — тепло улыбнулась ему Норико. — Теперь, когда ты на нашей стороне.

Откликаясь на слова Норико, Сёго потер пальцем щетину у себя под носом. А затем сделал неожиданный жест. Повернувшись к Сюе, он протянул ему правую руку.

— Я тоже рад... что я теперь не один.

Сюя пожал ему руку. Ладонь Сёго была крупной и крепкой.

Сёго протянул руку Норико.

— Рад встрече, девочка.

Норико тоже пожала ему руку.

Затем Сёго посмотрел на ногу Норико, обернутую банданами.

— Совсем забыл, — сказал он. — Покажи-ка мне сперва свою рану, а потом мы насчет наших планов подумаем.

Осталось 29 учеников

За окном с затейливыми узорами постепенно светлело. Когда через самый верх этого окна солнечный свет наконец проник в комнату, где у стены сидела Юмико Кусака (ученица номер 7), она прищурилась. Юмико припомнила банальную фразу из проповеди местного священника церкви Нимба, куда она вместе со своими родителями ходила: «Солнце будет каждый день восходить, чистой радостью всех нас одаряя».

«Вот уж точно, — подумала Юмико. — Как славно оно меня тут этой чудесной игрой одарило».

Насмешливо улыбаясь, Юмико слегка покачала головой с короткими, как у мальчика, волосами. Затем взглянула на Юкико Китано (ученицу номер 6), которая тоже сидела прислонившись спиной к стене рядом с ней. Юкико по-прежнему находилась в оцепенении и не сводила глаз с дощатого пола, омытого утренним светом. Хотя на этом доме и имелась табличка с напыщенной надписью «Туристическая ассоциация острова Окисима», он скорее напоминал обычное здание муниципалитета. Внизу, у входа, стоял конторский стол, стул и ржавый шкафчик для хранения документов. На столе был телефон (Юмико попыталась им воспользоваться, но, как и предупреждал Сакамоти, он не работал). В шкафчике девочки нашли только какие-то малоинтересные рекламные буклеты.

Юмико и Юкико дружили еще с начальной школы, хотя они тогда учились в разных классах и жили в разных районах. Познакомились они благодаря посещению церкви Нимба, куда их водили родители. В день их знакомства Юмико пришла в церковь третий раз, а Юкико, похоже, первый. Девочка казалась страшно напуганной атмосферой церкви с ее роскошным убранством. В частности — гонгом, в который ударяли после каждого песнопения. Тогда Юмико подошла к тихой девочке, которую ее родители, занявшись чем-то другим, оставили одну, и спросила:

— Тебе не кажется, что все это очень глупо?

Сперва девочка явно была шокирована, но затем улыбнулась. С тех пор они стали подругами.

Хотя их имена звучали похоже, Юмико и Юкико были совсем разными. Энергичную Юмико даже называли мальчиком в юбке. Уже сейчас (хотя шансы на то, что у этого «сейчас» будет продолжение, были совсем малы) она играла под четвертым номером в школьной софтбольной команде. Юкико же была девочкой домашней и пекла для Юмико пироги. Юмико была на пятнадцать сантиметров выше Юкико. Хотя Юкико часто говорила, что завидует высокому росту и нежно очерченному лицу Юмико, сама Юмико еще больше завидовала миниатюрности и круглым щечкам Юкико. Да, верно, они были совершенно разные, но по-прежнему оставались лучшими подругами. Здесь ничего не изменилось.

К счастью (что за неуместное выражение!), ранняя смерть Ёситоки Кунинобу (ученика номер 7) позволила Юмико и Юкико выйти из класса всего через две минуты друг после друга. Выйдя из школы, Юмико подождала за телеграфным столбом и встретила жутко бледную Юкико. Они вместе оттуда ушли (двадцать минут спустя Ёсио Акамацу вернулся к школе, чтобы убивать всех без разбора, но они об этом не знали) и направились к северу, оставив жилой район далеко позади. Немного

поднявшись по горе, подруги наткнулись на отдельно стоящее здание. И заперлись там.

...С тех пор прошло четыре с лишним часа. Измотанные предельным напряжением, все это время они просидели рядом друг с другом.

Юмико отвернулась от Юкико и тоже уставилась на дощатый пол.

Потрясенная не меньше Юкико, Юмико продолжала усиленно думать. Что им теперь было делать? Объявление Сакамоти подругам было слышно даже внутри этого здания. Кроме Ёситоки Кунинобу и Фумиё Фудзиёси еще девять одноклассников уже были мертвы. Если не считать Сакуры Огавы и Кадзухико Ямамото... остальные никак не могли покончить с собой. Значит, кто-то кого-то убивал. Прямо сейчас кто-то вполне мог умирать. Собственно говоря, Юмико даже показалось, что вскоре после шестичасового объявления она слышала выстрелы.

Как можно было убивать своих одноклассников? Конечно, у этой игры свои правила, но Юмико не могла поверить, что кто-то действительно станет им следовать. Но если...

Если кто-то попытается ее убить... если такое просто предположить... тогда она, пожалуй, станет защищаться. Да, наверняка.

Но в таком случае...

Юмико взглянула на мегафон, лежащий в углу комнаты. Могла она им воспользоваться? Если да...

Разве она не может что-то предпринять? Хотя Юмико очень этого боялась. Да и не только этого. Она просто боялась. Не в силах поверить, что кто-то действительно включился в игру, Юмико не могла тем не менее избавиться от жуткого страха. Именно этот страх вынудил ее вместе с Юкико искать убежища. Что, если... что, если кто-то и впрямь стал играть...

И все же...

Тут Юмико вспомнила один случай из начальной школы. Ей ясно представилось лицо ее тогдашней лучшей подруги. Не Юкико. Подруга плакала. Никакой одежды, кроме розовых тапочек, Юмико почему-то на ней припомнить не могла.

— Юми, — прервала ее мысли Юкико. Юмико повернулась к подруге.

— Давай съедим по булочке. Если мы не позавтракаем, ничего хорошего нам не придумать. — Юкико сумела по-доброму ей улыбнуться. Пусть даже улыбка получилась немного натянутой.

— Хорошо? — спросила Юкико.

Юмико ответила ей улыбкой.

— Хорошо, — сказала она.

Они достали из рюкзаков воду и булочки. Юмико посмотрела на две зеленовато-серебристые банки у себя в рюкзаке. Сверху на каждой банке торчала палочка размером с сигару, прикрепленная к ручке и металлическому кольцу сантиметров трех в диаметре. Юмико предположила, что это «ручные гранаты».

(«Оружием» Юкико был набор дротиков. Должно быть, его подсунули просто шутки ради. К набору даже прилагалась круглая деревянная мишень).

Проглотив полбулочки и отхлебнув воды, Юмико спросила:

— Ну как, получше?

Пока Юкико прожевывала булочку, подруга продолжила:

— Ты все это время тряслась.

— Да. — Юкико улыбнулась. — Думаю, теперь мне хорошо. Я хочу сказать, когда ты рядом.

Юмико улыбнулась и кивнула. Затем она задумалась, стоит ли ей во время еды поднимать вопрос о том, что делать дальше, и решила, что не стоит. Кроме того, она хотела еще раз тщательно обдумать свою идею. Это было предельно опасно. Кроме того, осуществление идеи Юмико могло поставить под угрозу жизнь не только ее самой, но и Юкико. С другой стороны, именно опасность заставляла всех так жутко паниковать. Юмико по-прежнему сомневалась, какое поведение стало бы в данной ситуации правильным.

Некоторое время подруги сидели молча. Затем Юкико внезапно обратилась к Юмико.

— Послушай, Юмико...

— Что?

— Знаю, это может показаться глупо, но... — Юкико слегка прикусила свои небольшие, но полные губки.

— Да что такое?

Юкико еще немного поколебалась, но в конце концов спросила:

— Ты ни в кого из нашего класса не влюбилась?

«Вот те на!» — подумала Юмико. Обычно такие темы обсуждались по ночам, во время учебных экскурсий. После игры в карты, поединка на подушках и осмотра гостиницы поздно вечером можно было позубоскалить насчет учителей или поболтать о будущем, но подобные разговоры не идут в сравнение с этой темой. Эта тема была священна. Хотя Юмико, конечно, ожидала такого разговора во время учебной экскурсии, если бы они только не заснули тогда в автобусе.

— Ты хочешь сказать, в парня?

— Да.

Опущенные долу глаза Юкико смущенно поднялись на Юмико.

— Гм. — Юмико немного поколебалась, затем вполне откровенно ответила: — Вообще-то, влюбилась.

— Хорошо. — Юкико оторвала взгляд от плиссированной юбки у себя на коленях и призналась: — Прости, что никогда тебе не говорила, но мне... мне Сюя нравится.

Юмико молча кивнула. Она уже об этом догадывалась.

Тогда Юмико мысленно достала свое досье на Сюю Нанахару. Рост — 171 сантиметр, вес — 58 килограммов, зрение — 1,2 на правый глаз и 1,5 на левый. Худ,

но мускулист. В начальной школе был главным забивалой, но теперь оттуда ушел и предпочитает заниматься музыкой. Превосходный певец и гитарист. Статус лучшего игрока команды и тот факт, что первый иероглиф его фамилии обозначал цифру 7, принесли ему бейсбольное прозвище Дикая Семерка, созвучное с известной маркой сигарет. Группа крови — вторая, резус-фактор — положительный. Как указывал первый иероглиф его имени, родился осенью. Родителей потерял в раннем детстве, после чего проживал в католическом приюте под названием «Дом милосердия». Его лучшим другом был Ёситоки Кунинобу (Господи, ведь он уже мертв!), который также проживал в «Доме милосердия»... Лучше всего успевал по гуманитарным предметам, литературе и английскому, а в целом был хорошистом. Лицо необыкновенное, губы слегка изогнуты, брови резко очерчены, глаза добрые, некрасивым никак не назвать. Волосы — слегка волнистые и длинные, до плеч.

Все верно. Досье Юмико на Сюю Нанахару было весьма полным (вообще-то она несколько не сомневалась, что ее досье гораздо полнее досье Юкико). Одним из наиболее важных пунктов в этом досье был рост. Юмико считала, что, если Сюя еще немного не подрастет, в туфлях на высоком каблуке она ходить с ним не сможет, ибо тогда будет над ним возвышаться.

Но теперь, после признания Юкико, поделиться с ней такими мыслями она никак не могла.

— Угу. — Юмико старалась сохранять спокойствие. — Правда?

— Правда.

— Гм.

Юкико опустила глаза. А затем выдала фразу, которую все это время хотела сказать:

— Я очень хочу его увидеть. Интересно, как он там.

Тут Юкико положила руки на колени, опустила голову и залилась слезами.

Юмико нежно тронула подругу за плечо.

— Не волнуйся. Уж я-то его знаю. Чтобы ни случилось... — Сообразив, что это могло прозвучать странно, она поспешила добавить: — В смысле, ты сама знаешь, какой он спортивный. К тому же он кажется по-настоящему храбрым. То есть, на самом-то деле я, конечно, не знаю, но...

Юкико вытерла слезы и тяжело вздохнула. Затем, явно чувствуя себя лучше, спросила:

— А ты, Юмико? Кто тебе нравится?

Юмико смогла лишь поднять глаза к потолку и промычать что-то невнятное, тем временем лихорадочно размышляя. Возникла нешуточная проблема. «Может, мне выбрать первого попавшегося и тем самым эту тему закрыть?» — подумала она.

Тацумити Оки был лучшим игроком в гандбольной команде. Хотя лицо его было несколько грубовато, он казался славным парнем. Все считали Синдзи Мимуру подлинным гением баскетбола, и он уйму всего знал. Среди девочек даже были по уши влюбленные в него «фанатки». (Впрочем, эти девочки учились не в их классе. В классе "Б" у Синдзи была репутация плейбоя.) Мицуру Нумаи порой вел себя как страшный

забияка, но на самом деле он казался не таким уж скверным. Он был добр к девочкам. (Господи, да ведь и он уже мертв.) В Хироки Сугимуре была какая-то загадочность, и это казалось очень классным. Некоторые девочки опасались его, потому что он изучал боевые искусства, но Юмико это скорее привлекало. Впрочем, Хироки, похоже, был близок с Такако Тигусой. «Мне от Такако крепко достанется, — подумала Юмико, — если она когда-нибудь узнает. Она может быть очень крутой. Хотя вообще-то она хорошая девочка. Если вдуматься, все они хорошие — и мальчики, и девочки... Вот я и вернулась к тому же самому вопросу. Следует ли мне им доверять?»

— Так кто это? — снова спросила Юкико.

Юмико повернулась к Юкико.

Немного поколебавшись, она все-таки решила поговорить об этом с Юкико. В конце концов Юкико была ее лучшей подругой, и с ней можно было делиться чем угодно.

— Могу я тебя кое о чем спросить?

Юкико озадаченно наклонила голову.

Чтобы лучше сосредоточиться, Юмико сложила руки перед собой.

— Ты правда думаешь, — спросила она, — что в нашем классе есть ученики, которые... хотят убивать других?

Юкико слегка нахмурилась.

— Я... я имею в виду то, что многие уже... — тут голос Юмико задрожал, — уже убиты. Об этом объявили сегодня утром. С тех пор, как мы вышли из школы, было убито девять учеников. Не могли же они все покончить с собой... Кроме того, разве мы совсем недавно не слышали выстрелы?

Юмико наклонила голову и развела руками. Тут она заметила, что левая манжета ее матроски слегка порвалась.

— Теперь дальше. Сама видишь, как мы здесь напуганы. Мы обе, верно?

— Да.

— И я думаю, остальные сейчас в таком же состоянии. Все наверняка напуганы. Ты так не думаешь?

Юкико, похоже, обмозговывала сказанное.

— Да, возможно, — сказала она. — Я была так занята собственным страхом, что эта мысль мне даже в голову не пришла.

Юмико кивнула и продолжила:

— И раз нам повезло оказаться вместе, нам, вероятно, далеко не так скверно, как многим. Вот остаться одной — это настоящая жуть.

— Да, ты права.

— Теперь скажи, Юкико, что бы случилось, если бы ты, так сильно напуганная, кого-то встретила?

— Я бы убежала.

— А если бы не смогла?

Юкико тщательно обдумала ситуацию. Затем она осторожно заговорила.

— Я... пожалуй, я бы стала защищаться. Если бы я смогла что-то швырнуть... или если бы у меня был пистолет... я бы просто смогла из него выстрелить. Нет, конечно, сначала я бы попыталась поговорить. Но если бы все произошло быстро и у меня бы не было другого выхода...

Юмико кивнула.

— Вот именно. Как раз поэтому я и подумала, что никто здесь на самом деле не хочет никого убивать. По-моему, из-за того, что мы все так напуганы, мы вообразили себе, будто все остальные хотят нас убить, и приготовились отбиваться. И если мы останемся в таком состоянии, даже если никто на нас не нападет, мы в конечном итоге можем напасть сами. — Тут она сделала паузу, развела руками, уперлась ладонями в пол и подвела итог: — Думаю, все просто напуганы.

Юкико сжала полные губки. Затем опустила взгляд и неуверенно заговорила:

— Я не знаю. Некоторым я просто не могу доверять. Вроде компании Мицуко Сомы... и Кадзуо Кириямы.

Юмико натянуто улыбнулась и чуть передвинула ноги под плиссированной юбкой.

— Хорошо, Юкико. Я скажу тебе, что я думаю.

— Я слушаю.

— Если все так и пойдет, мы умрем. А лимит времени? Если в ближайшие двадцать четыре часа никто не погибнет? Даже если мы эти двадцать четыре часа проживем, нас все равно убьют.

Юкико кивнула. Вид у нее опять был очень испуганный.

— Да... это так.

— Значит, нам остается только объединиться и сообща найти какой-то выход. Верно?

— Да, но...

— Знаешь, я должна тебе кое-что рассказать. — Юмико задумчиво наклонила голову.

— Однажды, — сказала она затем, — мне пришлось пережить настоящий кошмар. А все из-за недоверия. Я тогда училась в начальной школе.

Юкико взглянула на Юмико.

— И что тогда случилось?

Юмико посмотрела в потолок. Она снова увидела лицо своей подруги. И розовые спортивные тапочки.

Затем Юмико опять обратила лицо к Юкико.

— Помнишь Котенышей? Они одно время были в большой моде. Все их любили.

— Конечно, они были такие милые. У меня они были на целлулоидном пенале.

— У меня Котеньши были на шариковой ручке с тремя стержнями. Таких ручек выпустили очень мало. Конечно, теперь это кажется страшной глупостью, но я эту ручку просто обожала.

— Ага.

— В общем, она пропала... — Юмико опустила глаза. — Я заподозрила мою подругу в том, что она ее украла. Ей так хотелось эту ручку. Понимаешь, я поняла, что ручка пропала после урока физкультуры, а моя подруга отпросилась из физкультурного зала. Сказала, что плохо себя чувствует, и вернулась в класс. А самое ужасное то, что ее папа и мама работали в баре, и у этой девочки была не очень хорошая репутация.

Юкико медленно кивнула.

— Я забросала ее вопросами, но она сказала, что не знает, где ручка. Тогда я рассказала учительнице. Должно быть, учительница тоже засомневалась. Она велела моей подруге сказать правду. А та лишь заплакала и сказала, что ничего об этом не знает.

Юмико взглянула на Юкико.

— Когда я пришла домой, я нашла ручку у себя на столе.

Юкико по-прежнему продолжала молча слушать.

— Я извинилась перед той девочкой. Она сказала, что ничего. Но все вышло ужасно неловко. А потом — кажется, ее мама развелась и снова вышла замуж — она перешла в другую школу. На этом все и закончилось. Она была мне такой близкой подругой — почти как ты. И все-таки в решающий момент я не поверила ей.

Юмико горестно всплеснула руками.

— Но после того случая я изо всех сил стараюсь доверять людям. Я очень этого хочу. Если я не смогу им доверять, все рухнет. Но это совсем не то, что проповедуют в той глупой церкви Нимба. Это моя вера. Надеюсь, ты понимаешь.

— Да, я понимаю.

— Тогда давай теперь обсудим эту ситуацию. Да, Мицуко Сома кажется по-настоящему опасной. Такая у нее репутация. Но я сомневаюсь, что она настолько скверная, что действительно станет убивать людей. Не может она быть такой скверной. Никто в нашем классе не может быть таким скверным. Ты согласна?

Юкико несколько секунд подумала, затем кивнула.

— Выходит, — продолжила Юмико, — если мы соответствующим образом со всеми свяжемся, побоище прекратится. Тогда мы все вместе сможем придумать, как нам справиться с этой ситуацией. Даже если мы так ничего и не придумаем, мы хотя бы сможем удержаться от убийства друг друга. Ты согласна?

— Да...

Юкико кивнула, но в голосе ее прозвучало сомнение. Немного утомленная своей речью, Юмико перевела дыхание и снова передвинула ноги, поудобнее их пристраивая.

— Так или иначе, вот мое мнение. Теперь позволь мне услышать твое. Если ты против, я не стану этого делать.

Юкико задумчиво опустила голову.

Заговорила она только через две минуты.

— Помнишь, ты однажды сказала, что меня всегда слишком заботит мнение других?

— Да? Я это сказала?

Юмико внимательно изучила лицо Юкико. Та подняла голову, и их глаза встретились.

Юкико нежно улыбнулась.

— Думаю, ты совершенно права. Вот мое мнение.

Юмико ласково улыбнулась в ответ и поблагодарила подругу. Благодарна она была ей и за то, что Юкико согласилась, и за то, что она так серьезно все обдумала, прежде чем согласиться. Теперь получалось так, что отклик Юкико подтверждал правильность идеи.

«Все верно, — подумала Юмико. — Мы должны это проделать. Я не хочу сдаваться без боя. Раз у нас есть шанс, надо за него ухватиться. Как я только что сама сказала, я хочу доверять людям. Так что попробуем».

— Но как мы это сделаем? — спросила Юкико. — Как мы свяжемся с остальными?

Юмико указала на мегафон, лежащий в углу комнаты.

— Надо придумать, как им пользоваться.

Юкико несколько раз кивнула, затем посмотрела в потолок.

— Если все получится, — вымолвила она, — я смогу увидеть Сюю.

Юмико кивнула.

— Уверена, у нас все получится, — с надеждой сказала она.

Осталось 29 учеников

21

— Порядок.

Бросив нитку с иглой на рюкзак рядом с собой, Сёго сказал Сюе:

— Мне нужно еще виски.

Согнутая правая нога Норико была повернута боком. Рана в икре зашита грубой льняной ниткой. Сёго все-таки сумел ее заштопать. Конечно, у них не было обезболивающего, и все же Норико за время десятиминутной операции сумела ни разу не вскрикнуть.

Сюя передал Сёго свою фляжку. Рядом с ними в скале было небольшое углубление, где горел древесный уголь. Над огнем висела консервная банка, и вода в

ней уже кипела. (Сёго объяснил, что древесный уголь вместе с иголкой и ниткой он нашел в универмаге). Он продезинфицировал иголку и нитку в кипятке, но о том, чтобы просто так зашивать рану, и речи быть не могло. Тогда Сёго предварительно обработал рану виски. Теперь он собирался снова ее дезинфицировать. Норико, которая уже немного расслабилась, опять сжала губы.

Сюя взглянул на часы. На кипячение воды ушло немало времени, и теперь уже был девятый час утра.

— Порядок, — сказал Сёго, прижимая к ране продезинфицированную бандану. Затем он быстро обернул другую бандану вокруг ноги Норико. — Готово. — С тревогой в голосе Сёго добавил: — Надеюсь, заражения там нет.

Подобрав под себя ногу, Норико его поблагодарила:

— Спасибо. Очень впечатляюще.

— Ну да, в доктора я неплохо играю, — сказал Сёго, вынимая из кармана сигарету «Дикая Семерка», вставляя ее в рот и закуривая от одноразовой зажигалки. «Интересно, — подумал Сюя, — эти сигареты он в магазине раздобыл или захватил с собой на экскурсию?» Подобно «Бастеру» и «Хайнайту», это была популярная марка.

Сюя уставился на пачку, на которой были нарисованы силуэты мотоциклистов. Он понятия не имел, почему там именно мотоциклисты. Сигареты возбуждали его любопытство, поскольку бейсбольное прозвище Сюи звучало так же, как название этой марки. Это прозвище он получил по вполне естественной причине: Сюя был лучшим игроком в команде Лиги юниоров, классным принимающим, позволявшим партнерам набирать уйму очков, и даже создавал удачные для этого ситуации. Когда их подающий оказывался в затруднительном положении, Сюя всегда помогал команде из этого положения выбраться, а если подающий слишком уставал, он подменял его. Отсюда прозвище Дикая Семерка. Все понятно.

На второй год в средней школе его одноклассником стал лучший игрок баскетбольной команды Синдзи Мимура. Его прозвище было Третий. Получил его Синдзи еще в первый год учебы, пока сидел на скамейке запасных как второй защитник. Но однажды, в самом конце года, когда до финального свистка оставалось пять минут, а они продували двадцать очков, Синдзи вышел на поле и непринужденно привел свою команду к победе. С тех пор он стал главным игроком стартового состава, а баскетбольная сборная младшей школы города Сироивы превратилась в одну из ведущих баскетбольных команд префектуры.

В этом году девочки шутки ради сделали для игр их класса два комплекта формы и вышили на них номера 7 и 3. Сюя и Синдзи надевали эту форму во время игр. Теперь все это казалось далеким прошлым. Сюя опять задумался. Где сейчас Синдзи? Он стал бы им большой подмогой.

Сёго вдруг стал рыться по своим карманам и достал оттуда небольшую кожаную сумочку. Из сумочки он вынул пластиковую облатку с белыми таблетками и дал ее Норико.

— Это болеутоляющие. Ты должна принять.

Норико вздрогнула. Но затем взяла у Сёго таблетки.

— Послушай... — обратился к нему Сюя.

— Что такое? — Сёго медленно выпустил дым изо рта и взглянул на Сюю. — Эй, нечего так на меня глазеть. Нет ничего необычного в том, что парень из младшей средней школы курит. Кроме того, по возрасту я уже должен быть в старшей средней. А ты, между прочим, с собой виски притащил.

Сёго имел в виду, что ученикам старшей средней школы курить дозволялось? Впрочем, дело все равно было не в этом. Сюя покачал головой.

— Я не об этом хотел спросить. Эти таблетки ты тоже в магазине нашел?

Сёго пожал плечами.

— Ну да. Правда, ими там не торгуют. Эти таблетки я из аптечки за кассой достал. Ничего такого особенного. Просто аспирин марки «Гомес». Паскудное название для аспирина, верно? Так или иначе, с болью он справится.

Сюя сжал губы. Конечно, Сёго мог говорить чистую правду. И все же...

— Не понимаю, как ты мог так классно ко всему этому подготовиться. А где ты научился раны зашивать?

Тут Сёго широко ухмыльнулся. Затем опять пожал плечами и ответил:

— Мой отец был врачом.

— Что?

— Он заведовал небольшой клиникой в трущобах Кобе. Я еще ребенком видел, как он людям раны зашивал. И порой сам ему помогал. Отец даже не мог позволить себе нанять медсестру.

Сюя лишился дара речи. Неужели это была правда? словно бы предвосхищая возможные вопросы, Сёго поднял зажатую между пальцев сигарету.

— Это правда. Стоит только немного задуматься, и ты поймешь, как важна в таких обстоятельствах медицина.

Сюя немного помолчал, но затем вспомнил еще одну деталь, которая не на шутку его озадачила.

— Да, кстати.

— Что?

— Ничего, если я спрошу...

— Брось, Сюя. Мы тут вместе по уши сидим.

Сюя пожал плечами и спросил напрямую:

— Тогда в автобусе ты пытался открыть окно. Значит, ты понимал, что это снотворный газ?

Услышав вопрос Сюи, Норико бросила на Сёго недоуменный взгляд.

На сей раз Сёго развел руками.

— Так ты меня видел? Тогда ты должен был мне помочь.

— Я не мог. Но как ты узнал, что происходит? То есть, ведь не было никакого запаха или чего-то такого...

— Да нет, запах был, — ответил Сёго, гася недокуренную сигарету о землю. — Он слабый, но если ты хоть раз его чуял, то потом уже узнаешь.

— А как ты его узнал? — спросила Норико.

— Вообще-то мой дядя работал в государственной химической лаборатории и...

— Продолжай, — подстегнул его Сюя.

Сёго скривился.

— Если придется, — сказал он, — я потом объясню. По-моему, я там капитально напортачил. Я должен был раньше заметить. И я никак не ожидал, что это случится... Впрочем, нам лучше сосредоточиться на текущих делах. У вас есть какой-то план?

«Если придется, я потом объясню»? Такое заявление Сюю порядком раздражало, но Сёго был прав. Главным сейчас было придумать план спасения. Сюя решил придерживаться свои вопросы.

— Мы планируем отсюда сбежать.

Сёго закурил еще сигарету и кивнул. Затем, словно припомнив что-то важное, он набросал земли на древесный уголь в каменной ямке. Сюя услышал, как Норико проглатывает таблетку, запивая ее водой.

— Как думаешь, это будет очень тяжело?

Сёго покачал головой.

— Вопрос в том, возможно ли это вообще. Я бы сказал — почти невозможно. Что дальше?

— Ну, даже если мы сбежим... — Сюя поднял руку к тем штуковинам, которые обвивались вокруг шей Сёго и Норико, — нас немедленно обнаружат из-за этих ошейников.

— Угу.

— И мы не сможем приблизиться к школе.

Сакамоти сказал, что через двадцать минут после их отбытия школа окажется в запретной зоне. Вот ублюдок.

— Верно.

— Но, быть может, есть какой-то способ выманить Сакамоти сюда? Тогда мы взяли бы гада в заложники и вынудили его людей обезвредить ошейники.

Сёго поднял брови.

— А дальше?

Сюя провел языком по пересохшим губам.

— Прежде чем это сделать, — продолжил он, — мы нашли бы какое-нибудь суденышко, а потом сбежали, забрав Сакамоти с собой. — Едва начав излагать этот план, Сюя уже понял, насколько все это безнадежно. Ведь он пока не имел ни малейшего представления о том, как им выманить Сакамоти из школы. Нет, это даже нельзя было назвать планом — всего лишь «смутной идеей».

— Это все? — спросил Сёго.

Сюя кивнул.

Сёго снова затянулся сигаретой.

— Во-первых, там нет никаких «суденышек», — сказал он.

Сюя прикусил губу.

— Откуда ты знаешь?

Сёго улыбнулся и выдул струю дыма.

— Я уже рассказал тебе, что я ходил в универмаг у гавани. Там нет никаких кораблей. Нет там и ни одной лодки. Даже поврежденной, брошенной на берегу. Все до единой лодки отсюда забрали. Эти ребята просто до смешного последовательны.

— Тогда... тогда нам сгодится сторожевой корабль. Раз Сакамоти будет у нас в заложниках...

— Пойми, Сюя, это невозможно, — перебил его Сёго. — Ты сам видел, сколько там солдат сил особого назначения. А кроме того... — Сёго указал на свой серебристый ошейник, — они в любой момент могут послать сигнал и взорвать эту штуку. Независимо от того, в какой зоне мы находимся. В любом месте, в любое время. У нас нет никаких шансов. Даже если мы сможем захватить Сакамоти, не сомневаюсь, с точки зрения правительства он расходный материал. Мелкая сошка.

Сюя снова погрузился в молчание.

— Есть у тебя еще какие-то мысли? — спросил Сёго.

Сюя помотал головой.

— Понятно. А у тебя, Норико?

Норико тоже помотала головой, однако она хотела что-то добавить.

— Вот почему я предложила, чтобы мы собрали как можно больше людей. Хотя бы тех, кому мы доверяем. Тогда бы мы придумали план. Мне кажется, сообща мы бы наверняка придумали что-то толковое...

«Она права, — подумал Сюя. — Я совсем забыл об этом сказать».

Но Сёго лишь приподнял левую бровь.

— А кому вы доверяете? — спросил он.

— Синдзи Мимуре, — с энтузиазмом ответил Сюя. — Еще Хироки Сугимуре. А что касается девочек, то старосте класса Юкиэ Уцуми. Синдзи настоящий гений. Он столько всего знает. Уйму всякой всячины. И в технике разбирается. Он точно что-нибудь такое придумает.

Глядя на Сюю, Сёго левой рукой потер заросший подбородок.

— Синдзи, значит... — протянул он.

Сюя удивился.

— Да, а что?

— Ну, вообще-то... — Сёго немного поколебался, но затем продолжил, — Синдзи я видел...

— Что!?! — воскликнул Сюя, обмениваясь взглядом с Норико. — Где? Где ты его видел?

Подбородком Сёго указал на восток.

— К западу от школы. Ночью. Похоже, он что-то искал в одном из домов... В руке у него был пистолет, и мне показалось, что он меня заметил.

— Почему же ты его не позвал? — укоризненно спросил Сюя.

Сёго недоуменно на него посмотрел.

— Чего ради я стал бы его звать?

— Ну, ведь это именно Синдзи помог Норико вернуться на хвое место в классной комнате. Ты это видел? А кроме того...

Сёго предугадал остальное.

— Он попытался отсрочить игру из-за раны Норико, верно? Чтобы у всех появилась возможность спастись?

Именно так. Сюя кивнул.

Сёго покачал головой.

— Думаешь, я стану на основании этих его действий ему доверять? Никогда. А кроме того, Синдзи мог просто пытаться убедить всех в том, что он парень, достойный доверия. Он вполне подходит на роль человека, который может планировать позднее от всех избавиться.

— Чушь! — воскликнул Сюя. — Как ты можешь быть так циничен? Синдзи совсем не такой. Он...

Не говоря ни слова, Сёго поднял обе ладони перед собой, и Сюя умолк. Сёго был прав. Повышать голос не следовало. Ни в коем случае.

— Будь ко мне снисходителен, — сказал Сёго. — Я не знаю Синдзи. Как я уже сказал, главное правило в этой игре — подозревать, а не доверять. И вдвойне следует подозревать того, кто умен и хитер. Кроме того, даже если я попрошу Синдзи ко мне присоединиться, он скорее всего откажется.

Сюя собрался было еще что-то сказать, но, помедлив, решил промолчать. В словах Сёго был свой резон. На самом деле было удивительно, как Сёго вообще мог доверять ему и Норико. Хотя он объяснил это тем, что из них «такая славная парочка получается».

— Тогда... — продолжил Сюя, — нам следует, по крайней мере, пойти туда, где ты видел Синдзи. Мы совершенно точно можем ему доверять. Я это гарантирую. Синдзи обязательно придумает что-то очень толковое. Он...

Но тут Сёго, качая головой, снова его перебил.

— Если Синдзи так умен, — сказал он, — то почему ты думаешь, что он останется там, где я его видел?

Сёго опять был прав.

Сюя глубоко вздохнул.

— Послушай, Сёго, — заговорила Норико. — Я подумала, может есть какой-то способ связаться с ребятами вроде Синдзи.

Сёго вытряхнул из пачки еще одну сигарету и покачал головой.

— Сомневаюсь. Вот если попытаться призвать к себе всех без разбора, тогда возможно. Но связаться с конкретными людьми будет очень трудно.

Они на какое-то время погрузились в молчание. Окурок «Дикой Семерки» у Сёго во рту затрещал и уменьшился.

— Тогда, — еле слышно произнес Сюя, — мы ничего не можем поделать.

— Почему? — спокойно отозвался Сёго. — Можем.

— Что?

— У меня есть план.

Сюя уставился на Сёго, окутанного сигаретным дымом. И внезапно разволновался.

— О чем ты говоришь? — спросил он. — У нас есть выход?

Сёго взглянул на Сюю и Норико, затем задумчиво посмотрел в небо. Сигарета по-прежнему торчала у него изо рта. Правой рукой Сёго коснулся своего ошейника, словно тот его раздражал. Дым медленно уплывал прочь.

— У нас есть выход, — сказал Сёго. — Только при одном условии.

— При каком?

Сёго слегка покачал головой и вынул изо рта сигарету.

— Мы должны остаться последними.

Сюя недоуменно сдвинул брови.

— Что... что ты имеешь в виду?

— По-моему, это очевидно. — Сёго в ответ на них посмотрел. — Я имею в виду, что в живых должны остаться только мы трое. Остальные должны погибнуть.

— Но подожди... — подняла голос Норико. — Это слишком! Значит, мы заботимся только о себе?

Сёго стряхнул пепел с сигареты и недоуменно поднял брови.

— Вообще-то план спасения, предложенный Сюей, сводился к тому же самому.

— Нет, — вмешался Сюя. — Норико не об этом говорит. Она спрашивает, будет ли наше спасение стоить жизни всем остальным. Верно, Норико? Это было бы... просто ужасно.

— Погоди, парень. — Сёго махнул рукой и раздавил окурок о землю. — Я не против того, чтобы к нам кто-то присоединился, если мы сможем ему доверять. Но, присоединится к нам кто-то или нет, все остальные вне нашей группы должны будут умереть.

— Если дело обстоит так, — с энтузиазмом сказал Сюя, — мы должны оповестить всех остальных. Если у тебя есть надежный план, никто не будет против него. Верно?

В ответ Сёго плотно сжал губы. Затем он слегка раздраженным тоном спросил:

— А что, если на нас нападут, прежде чем мы успеем хоть слово сказать?

Сюя глубоко вздохнул.

— Если ты только не планируешь активно убивать людей, то тогда, собственно говоря, самый разумный способ уцелеть — это оставаться в тени и прятаться. Вот почему, — Сёго указал на свой ошейник, — правительство использует эту штуковину, чтобы заставить нас двигаться. Это один из основных принципов этой игры. Не забывай о нем. Если ты бесцельно бродишь по округе, то становишься ходячей мишенью для того, кто скрывается в тени. А поскольку Норико еще и ранена, мы самые удобные мишени.

Он был прав.

— Кроме того, если ты требуешь, чтобы все были спасены, это лишь значит, что здесь нас, может, и не убьют. Но что, если мы в результате окажемся беглыми преступниками? Нас станут преследовать компетентные органы, и вероятность того, что нас в итоге убьют, будет предельно высока. Сомневаюсь, что кто-то согласится с подобным планом. Не забывай еще об одном. Ты не знаешь, кто твои враги. Если брать в группу кого попало, можно все погубить.

— Но никто не...

— Настолько плох, Сюя? Ты правда можешь так сказать? — Взгляд Сёго стал жестким. — Было бы очень славно, если бы в этом классе учились только милые, добрые ребята. Но если мы хотим быть реалистами, то должны соблюдать осторожность. Подумай об этом, Сюя. Ведь на тебя самого напали Ёсио Акамацу и Тацумити Оки.

Пока Сёго зашивал Норико икру, Сюя рассказал ему про нападение Ёсио. Сёго был совершенно прав. Сюя понятия не имел, о чем думал Ёсио Акамацу. Он мог просто пытаться его убить.

Сюя вздохнул. Плечи у него поникли.

— Тогда, — с трудом вымолвил он, — тогда мы должны позволить большинству наших одноклассников, хороших ребят, просто умереть. Ведь именно так получается, да?

Сёго едва заметно кивнул.

— Нелегко это признать, но так получается. Не знаю, правда, будет ли это большинство.

Какое-то время они молчали. Сёго закурил еще сигарету. Он слишком много курил. И был слишком уж большим пессимистом.

— Послушай, Сёго, — вдруг сказала Норико. Сюя тут же на нее взглянул. — Ты сказал, что мы сможем спастись, если все остальные умрут. Но у нас также может кончиться время, если никто не умрет в течение двадцати четырех часов...

— Да, — кивнул Сёго. — Это правда.

— В таком случае твой план не сработает.

— Действительно. Только я сильно сомневаюсь, что это случится. Кроме того, если все и впрямь смогут согласиться с моим планом, то на здоровье, мы их примем.

Однако я и в этом сильно сомневаюсь. А потому на самом деле нет никакой нужды особо об этом тревожиться. Как известно, только полпроцента государственных Программ закончились из-за того, что вышел лимит времени.

— "Как известно"? — выпалил Сюя. — Откуда ты знаешь?

— погоди. — Сёго снова поднял ладони, чтобы уговорить Сюю. — У нас есть куда более неотложные дела. Ты ведь еще даже не спросил, каков мой план.

Сюя умолк.

— И каков твой план? — затем спросил он.

Сёго развел руками. Не вынимая сигареты изо рта, он кратко ответил:

— Этого я вам сказать не могу.

Сюя сдвинул брови.

— Как так?

— Пока не могу.

— Почему?

— Не могу — и все.

— А что значит «пока не могу»? Когда ты собираешься нам про него рассказать?

— Думаю, когда нас останется только трое. Впрочем, одно я могу вам сказать. Мой план не сработает, если кто-то попытается вмешаться. А следовательно, мой план нельзя будет привести в действие, пока мы не станем единственными, кто уцелеет.

Сюя снова погрузился в молчание. Глядя на Сёго, он вдруг заметил, что слабый голосок у него в голове что-то такое ему нашептывает.

Словно тоже расслышав этот голосок, Сёго ухмыльнулся.

— Я знаю, Сюя, о чем ты думаешь. Может быть еще один вариант. Я мог присоединиться к вам просто как к средству моего личного спасения. На самом деле у меня вообще может не быть никакого плана. Как только нас останется трое, я могу убить вас двоих и победить в игре. Ведь как классно для меня бы все это обернулось, правда?

Сюя даже немного испугался.

— Это не...

— Что?

Сюя осекся и взглянул на Норико. Та молчала, пристально глядя на Сёго.

Сюя тоже на него посмотрел.

— Это неправда. Ты не... — Сюя опять внезапно умолк.

До них издали донесся чей-то голос. Хотя он звучал явно искаженно, но они разобрали:

— Эй, ребята...

Осталось 29 учеников

— Слушайте все... — продолжал голос девочки.

— Это Юмико, — сказала Норико. Она имела в виду Юмико Кусаку (ученицу номер 7). Высокая, энергичная девочка, Юмико была четвертым номером в школьной софтбольной команде.

— Сейчас я это проверю. — Лицо Сёго застыло. Он взял дробовик и пошел через кусты на голос.

— Мы с тобой.

Долго не раздумывая, Сюя встал, сунул за пояс смит-вессон и протянул руку Норико, чтобы помочь ей подняться. Сёго оглянулся, но ничего не сказал и пошел дальше.

На выходе из зарослей, Сёго внезапно застыл. Сюя и Норико тоже остановились.

— Зачем же они... — не оборачиваясь, воскликнул Сёго.

Сюя подошел к Сёго вплотную, и они с Норико тоже высунули головы из зарослей.

Впереди виднелась вершина горы. Меж рассыпанных там деревьев располагалась обзорная площадка. От того места, где находились Сёго, Сюя и Норико, до площадки было метров пятьсот — шестьсот. И тем не менее они вполне ясно могли ее видеть. Площадка была грубой конструкцией вроде хижины без одной стены. Под крышей стояли две фигуры. Глаза Сюи широко раскрылись.

До них снова донесся голос:

— Слушайте все! Перестаньте воевать и приходите сюда...

Сюя заметил, что более высокая фигура держит перед лицом какой-то предмет. Скорее всего это была Юмико. Может, она держала мегафон? Вроде тех, которые использует полиция, чтобы обращаться к преступникам, забаррикадировавшимся внутри осажденного здания? Все это казалось довольно нелепым («бросайте оружие и выходите с поднятыми руками»), однако Сюя понял, что голос Юмико слышен не только в их укрытии, но и в остальных частях острова.

— А кто вторая? — прошептал он.

— Юкико, — ответила Норико. — Юкико Китано. Они очень близкие подруги.

— Это совсем скверно, — качая головой, сказал Сёго. — Если они будут так выставляться, их просто убьют.

Сюя прикусил нижнюю губу. Вообще-то, Юмико Кусака, и Юкико Китано пытались убедить всех перестать сражаться. То есть делали именно то, что с самого начала было на уме у Сюи. Правда, он не стал претворять эту идею в жизнь после того, как на него напал Ёсио Акамацу. Юмико и Юкико твердо верили в то, что на самом деле никто не хочет участвовать в игре. И это место они специально выбрали как самое заметное. Хотя, возможно, они просто оказались рядом.

— Я уверена, что никто не хочет никого убивать. А значит, давайте просто здесь соберемся...

Сюя заколебался. Чтобы хорошенько разобраться в ситуации, ему требовалось время — к тому же разговор, который они вели с Сёго, так и не был закончен. Пусть даже это кажется совершенно невероятным, но что, если Сёго все-таки был против них?

— Сёго, ты сможешь позаботиться о Норико? — наконец спросил Сюя.

Сёго оглянулся.

— Что ты надумал?

— Я иду туда.

Сёго нахмурился.

— Ты что, дурак?

Такая реакция возмутила Сюю, но он сумел сдержаться.

— Что ты хочешь сказать? — просто спросил он. — Ведь они это делают рискуя жизнью. Они не собираются участвовать в игре. Это точно. А значит, они могут к нам присоединиться. Кроме того, ты сам только что сказал, что они ставят себя под угрозу.

— Я вовсе не это имел в виду. — Сёго оскалил зубы. Странно было сейчас обращать внимание на такие пустяки, но Сюя заметил, что зубы у него просто превосходные. — Я ведь только что тебе объяснял. В этой игре лучше всего оставаться в тени. Как по-твоему, сколько отсюда до той площадки? А ты понятия не имеешь, кого ты встретишь по пути.

— Сам знаю! — рявкнул в ответ Сюя.

— Ты не понял. Теперь про эту парочку всем известно. Если на них сейчас кто-то нападет, дальше враг будет дожидаться других добровольцев вроде тебя. Чем больше мишеней...

Тут по спине у Сюи побежали мурашки. Причем не столько от предостережения Сёго, сколько от его спокойного тона.

— Пожалуйста! Все идите сюда! Мы здесь одни! И мы не воюем!

Сюя снял руку Норико со своего плеча.

— Все, я иду.

Он выхватил смит-вессон и начал было выбираться из кустов, но Сёго схватил его за левую руку.

— Прекрати!

— Почему!?! — Сюя опять повысил голос. — Ты хочешь, чтобы я стоял тут и смотрел, как их будут убивать? — Он почти перешел на крик. — Или мой уход уменьшит твои шансы на выживание? Да? Так, значит, все обстоит? Ты наш враг?

— Сюя, прекрати, — простонала Норико, но Сюя был намерен продолжать... и вдруг увидел, каким спокойным выглядит Сёго. Он по-прежнему держал его за руку.

Хотя они вряд ли еще чем-то были похожи друг на друга, но сейчас Сёго самообладанием напомнил Сюе бывшего заведующего «Дома милосердия» — пожилого отца госпожи Анно. После гибели родителей Сюи, когда он совсем еще ребенком остался один, этот мужчина, единственный авторитет и единственный

защитник, почти все время был рядом с ним. И на лице у него обычно бывало точно такое же выражение.

— Если тебе охота погибнуть, это, конечно, твое дело, — сказал Сёго. — Но если ты сейчас пойдешь и не вернешься, шансы Норико на спасение катастрофически уменьшатся. Ты об этом забыл?

Сюя глубоко вздохнул. Сёго опять был прав.

— Но...

— Уверен, Сюя, ты сам это знаешь, — продолжил Сёго, — но когда ты кого-то любишь, тебе порой приходится не любить других. Если тебе дорога Норико, не ходи.

— Но... — Сюе хотелось плакать. — Что ты тогда предлагаешь? Просто позволить, чтобы их убили?

— Этого я не сказал.

Сёго отпустил руку Сюи и повернулся в сторону площадки, откуда Юмико продолжала кричать в мегафон. Затем он поднял дробовик.

— Мы чуть-чуть уменьшим наши шансы на спасение. Только чуть-чуть. — Сёго направил дробовик в небо и нажал на спусковой крючок. Грохот был просто оглушительным. На миг Сюе даже показалось, будто у него лопнули барабанные перепонки. Звук заметался, отражаемый склоном горы. Левой рукой Сёго «прокачал» дробовик, выбрасывая пустую гильзу. Затем последовал еще один выстрел. Воздух буквально содрогнулся от грохота.

«Я понял, — подумал Сюя. — Ружейная пальба отпугнет Юмико Кусаку и Юкико Китано. Они прекратят орать и спрячутся».

И действительно — усиленный и искаженный мегафоном голос умолк. Сюе показалось, что девочки смотрят вниз — прямо на их троицу. «Но нас скрывают кусты, — лихорадочно подумал он. — Они наверняка не поймут, кто это».

— Давай! Стреляй еще!

Однако, к вящему неудовольствию Сюи, Сёго этого делать не стал.

— Нет, — сказал он. — Даже по этим двум выстрелам кто-то уже мог прикинуть, где мы находимся. Еще один может стать для нас смертельным.

Сюя хорошенько подумал. А затем направил в небо свой смит-вессон.

Сёго опять схватил его за руку.

— Прекрати! Сколько раз тебе повторять?

— Но...

— Нам остается только надеяться, что теперь они спрячутся. Сюя посмотрел в сторону обзорной площадки. Он больше не мог этого выносить. Ему отчаянно хотелось, чтобы Юмико и Юкико как можно скорее куда-нибудь спрятались. Палец Сюи опять оказался на спусковом крючке смита-вессона, но тут...

Внезапно до них донесся далекий звук вроде стремительного стука пишущей машинки. А потом — крик Юмико, естественно усиленный мегафоном. Секунду спустя раздался пронзительный вопль, который, судя по всему, испустила Юкико

Китано. Высокая фигурка, похоже, повалилась вперед. Вслед за новыми криками Юкико послышался громкий треск упавшего на землю мегафона. Сюя снова расслышал стук пишущей машинки, но на сей раз он звучал куда тише. Как только мегафон сломался, громкость этого стука, который он также транслировал, резко ослабла. И теперь фигура Юкико тоже падала в тень, отбрасываемую невысокими деревьями, вместе с Юмико исчезая из виду.

Лица Сюи и Норико совсем побелели.

Осталось 29 учеников

23

Юкико Китано ползла по бетонному полу обзорной площадки к Юмико Кусаке. В животе у нее горело, и двигаться было страшно тяжело, но Юкико все-таки сумела доползти до подруги. За ней по бетону тянулся красный след, словно кисть какого-то художника проложила по нему яростные мазки.

— Юмико! — Юкико испустила крик, от которого у нее в животе, казалось, что-то взорвалось, но ей было все равно. Ее лучшая подруга упала и лежала совсем неподвижно. Только это теперь имело значение.

Юмико упала ничком. Лицо ее было повернуто к Юкико, но глаза оставались закрыты. Под ней постепенно образовывалась липкая красная лужица.

Добравшись до Юмико, Юкико попыталась ее поднять. Затем потрясла подругу за плечи.

— Юмико! Юмико!

Пока она кричала, в лицо Юмико летели мелкие красные брызги, но Юкико даже не понимала, что они летят из ее рта.

Юмико с трудом открыла глаза.

— Юкико... — выдохнула она.

— Юмико! Очнись!

Юмико скривилась от боли.

— Прости, Юкико, — еле-еле выговорила она. — Я была такой дурочкой... ты должна... поспешить... и скрыться.

— Нет! — воскликнула Юкико, мотая головой. — Мы уйдем вместе! Вставай!

Юкико лихорадочно огляделась. Нападавшего не было видно. Вероятно, в них стреляли издалека.

— Скорее!

Юкико тут же попыталась поднять Юмико, но это было невозможно. Она и сама-то едва держалась, боль в животе резко усилилась. Юкико вскрикнула и упала ничком, повернув голову к Юмико.

Лицо подруги было прямо у нее перед глазами. Подернутые пеленой глаза смотрели на Юкико.

— Ты можешь идти? — слабым голосом спросила Юмико.

— Не-а. — Юкико изо всех сил постаралась улыбнуться. — Думаю, нет.

— Прости, — снова извинилась Юмико.

— Все было верно. Мы сделали то... что были должны. Правда, Юмико?

Юкико вдруг поняла, что Юмико вот-вот расплачется. Хотя собственная рана показалась Юкико несерьезной, теперь она начинала стремительно терять силы. Веки тяжелели.

— Юкико?

Голос Юмико вернул Юкико назад.

— Что?

— Я так тебе и не сказала... пока мы разговаривали.

— О чем?

Юмико слабо улыбнулась.

— Я тоже была влюблена в Сюю.

Несколько секунд Юкико не могла понять, о чем говорит Юмико. То ли все произошло слишком неожиданно, то ли у нее уже и впрямь не осталось жизненных сил.

Но наконец слова Юмико постучались в двери сердца Юкико и вошли. Вот, значит... как все было.

И пока ее разум тонул в красном тумане, Юкико вспомнила одну сцену. Они с Юмико тогда пошли по магазинам. И кое-что там себе присмотрели. Это были дешевые сережки в три тысячи иен, которые продавали со скидкой, но им они показались очень красивыми. Хотя вкусы Юмико и Юкико редко совпадали, в тот раз у них вышел бурный спор о том, кто по-настоящему эти сережки заслужил. В конце концов они договорились заплатить по полцены и взять себе по одной сережке. Тогда они первый раз покупали ювелирные изделия. И теперь, как и всегда с тех пор, та сережка лежала в ящичке стола в доме Юкико.

Невесть отчего Юкико вдруг ощутила необыкновенную радость. Это было тем более странно, что она умирала.

— Надо же... — вымолвила Юкико. — Надо же...

Юмико опять слегка улыбнулась. А Юкико поняла, что сказать ей теперь осталось только одно. Да, она не была уверена насчет религии, но если церковь Нимба и подарила ей что-то прекрасное, так это была Юмико. Они встретились в церкви и с тех пор почти не расставались.

— Юмико... я так рада, что мы были...

Как только Юкико стала пытаться выговорить слово «подругами», раздался глухой хлопок, и голова Юмико резко дернулась. Красная дыра появилась у нее на виске — и теперь Юмико просто смотрела куда-то вдаль. Такой отсутствующий взгляд казался на обзорной площадке вполне уместным.

Юкико в ужасе и шоке раскрыла рот — и тут раздался еще один хлопок. На сей раз его сопровождал тяжелый удар по ее голове. Больше Юкико уже ничего не почувствовала.

Кадзуо Кирияма (ученик номер 6) так и остался сидеть на корточках, чтобы никто вне обзорной площадки его не увидел. Затем он опустил вальтер ППК, прежде принадлежавший Мицуру Нумаи, осторожно встал и подобрал рюкзаки мертвых девочек.

Осталось 27 учеников

24

Услышав два отдельных выстрела, Сюя и Норико так и не сдвинулись с места. В небе крикнул ястреб.

Внимательно оглядев окрестности, Сёго развернулся и пошел назад.

— Все кончено, — сказал он. — Возвращаемся.

Не выпуская руки Норико, Сюя взглянул на Сёго. Губы его неудержимо дрожали.

— Что значит «все кончено»? Ты мог бы быть чуть более деликатен.

Сёго пожал плечами.

— Послушай, я говорю как умею. Да, я не очень хорошо выражаю свои мысли. Так или иначе, теперь ты сам собственными глазами все увидел. Некоторые наши одноклассники готовы взять на себя почетную миссию. И позволь мне заметить, что этого Сакамоти и его команду никак не готовили. Они тоже не хотят умирать, потому и засели в той школе.

Сюя хотел было сказать что-то в ответ, но сумел удержаться. Держа Норико за руку, он пошел вслед за Сёго.

Пока они шли, Норико хрипло сказала:

— Это так ужасно... что же будет дальше?

Наконец они добрались до своего укрытия.

— Нам нужно принять кое-какие меры, — сказал Сёго. — Просто на всякий случай. Мы должны передвинуться метров на сто.

— По-моему, ты сказал, что нам лучше всего оставаться на месте...

Сёго сжал губы и покачал головой.

— Ты сам видел, что случилось. Кто бы он ни был, тот ублюдок безжалостен. А кроме того, у него пистолет-пулемет. Скорее всего, он уже прикинул, где мы. И раз так, нам лучше отсюда убраться. — Он добавил: — Расположимся совсем недалеко отсюда — лишь немного передвинемся.

Осталось 27 учеников

25

Ютака Сэто (ученик номер 12) лихорадочно бежал вниз по склону горы. Но, поскольку Ютака передвигался на четвереньках, можно сказать, что он скорее не бежал, а стремительно полз, продираясь сквозь кусты. Черная школьная форма на его тщедушном теле почти побелела от грязи. Большие глаза Ютаки обычно светились детской невинностью, но сейчас лицо главного шутника в классе было искажено страхом.

С тех пор, как он вышел из школы, и до самого последнего момента Ютака Сэто прятался в кустах неподалеку от вершины северной горы — другими словами, метрах в пятидесяти от того места, где недавно стояли с мегафоном Юмико Кусака и Юкико Китано, призывая к себе всех остальных.

Находясь чуть в стороне от Юмико и Юкико, Ютака тем не менее ясно их видел. Он долго колебался, прикидывая, что ему делать, а когда наконец решил к ним присоединиться, услышал два выстрела. Ютаке показалось, что девочки посмотрели в противоположном от него направлении. Он опять заколебался, стоит ему идти или нет, но секунд через десять — двадцать раздалось что-то вроде стремительного стука пишущей машинки, а вслед за этим — усиленный мегафоном крик Юмико Кусаки. Ютака увидел, как она падает. Вскоре Юкико Китано тоже подстрелили.

Тогда девочки скорее всего еще были живы. Но Ютака просто не смог заставить себя подобраться к ним и попробовать их спасти. В конце концов — он был лишь прирожденный балагур. Драка была совсем не его занятием. А кроме того — «оружием» у Ютаки оказалась положенная в рюкзак обычная вилка, какой едят спагетти. Затем он услышал, как где-то вне поля его зрения дважды выстрелил пистолет. Тогда Ютака понял, что нападавший покончил с Юмико и Юкико.

Поняв это, Ютака подхватил свои вещи и покатился вниз по склону горы. «Я следующая мишень! — лихорадочно думал он. — Это точно! Ведь я совсем близко оттуда!»

Внезапно Ютака сообразил, что поднимает вокруг себя приличное облако пыли. «Проклятье! — мысленно воскликнул он. — Какой облом! Эта пыль меня выдает! Вот вам, леди и джентльмены, Человек-Жук! Ох, нет, с дурацкими шуточками надо кончать!»

Тогда Ютака изменил способ передвижения: стал карабкаться на четвереньках (впрочем, в одной руке он держал вилку, так что кулак был сжат). Таким образом тело его по склону не скользило, и пыли было меньше. Ютака чувствовал, что зверски обдирает себе кожу на руках, но ему было все равно.

После нескольких минут такого бешеного бега на четвереньках Ютака остановился и медленно оглянулся. Деревья теперь заслоняли от него вершину горы, где были убиты Юмико Кусака и Юкико Китано. Вокруг все было спокойно. Ютака напряженно прислушался. Ни звука.

«Я спасен? — спросил он себя. — Я теперь в безопасности?»

Словно отвечая на безмолвный вопрос, кто-то положил ему руку на плечо.

Ютака пронзительно вскрикнул и оцепенел от страха.

— Тише, дурак! — прошипел кто-то ему в самое ухо. Хватка ослабла, и вместо этого липкая ладонь зажала ему рот. Но, совершенно уверенный в том, что его поймал убийца, Ютака не обратил ни малейшего внимания на голос и в диком страхе взмахнул вилкой.

Раздался громкий стук, и рука Ютаки с зажатой в ней вилкой застыла в воздухе... Дальше она почему-то не поднималась. Ютака открыл глаза.

Перед ним стояла некая фигура в школьной форме. Она блокировала занесенную вилку большим автоматическим пистолетом (береттой М-92Ф), причем пистолет фигура держала в левой руке. Учитывая то, как они стояли, а также то, что правой рукой этот парень зажимал Ютаке рот, вилка могла бы чертовски глубоко его уколоть, будь он правой рукой. Но этот парень не был правой рукой. А левша в классе "Б" был только один.

— Да, Ютака, круто берешь.

Влажные на вид волосы парня были уложены при помощи геля. Из-под бровей с изломом на Ютаку смотрели пронзительные, но веселые глаза. Наконец, в левом ухе у парня была сережка. Это был лучший друг Ютаки, Синдзи Мимура (ученик номер 19) по прозвищу Третий. Аккуратно отнимая руку от его рта, Синдзи ухмылялся. Ютака обалдело опустил вилку.

— Синдзи! — наконец заорал он. — Синдзи, это ты!

— Да тише ты, идиот! — зашипел Синдзи Мимура и снова зажал рот разорвавшемуся от облегчения Ютаке. Вскоре его отпустив, Синдзи сказал: — Сюда. Ни слова. Просто иди за мной. — И он пошел вперед к невысоким кустам.

Следуя за Синдзи, ошалевший Ютака постепенно понял, что за считанные минуты он покрыл приличное расстояние.

Затем Ютака взглянул на спину Синдзи Мимур. В голову ему вдруг пришла ужасная мысль, и колени его подогнулись.

«Может, Синдзи как раз и убил Юмико Кусаку и Юкико Китано? — подумал Ютака. — Тогда он тот самый убийца, который гнался за мной по склону! Но почему он до сих пор меня не убил? Черт возьми, я всегда считал его своим лучшим другом, и Синдзи об этом знает. Если мы будем вместе, Синдзи, к примеру, сможет ставить меня на стражу, когда спит. Тогда его шансы на спасение возрастут. А потом, когда нас останется только двое, Синдзи меня убьет. Вот классная идея! Будь это видеоигра, я бы так и сделал... Ютака, придурок! О чем ты думаешь!?»

И Ютака выбросил из головы весь этот бред. У Синдзи не было пистолета-пулемета — а ничто другое такой звук произвести не могло. Да, Ютака не сомневался, что ничего такого у него не было. А главное... ведь это был Синдзи! Его лучший друг. Он никогда не убил бы тех девочек. Так безжалостно. Просто как мух.

— В чем дело, Ютака? — прошептал Синдзи, обернувшись к нему. — Поспеш.

Все еще ошалевший, Ютака прибавил шагу.

Синдзи продолжал спокойно идти. Когда они прошли метров пятьдесят, он остановился. Зажатым в правой руке пистолетом Синдзи указал себе под ноги.

— Здесь осторожнее, — предупредил он Ютаку.

Прищурившись, Ютака различил там тонкую нить, туго натянутую между деревьев.

— Это...

— Не ловушка, — переступив через нить, ответил Синдзи. — Вон там к нити привязана консервная банка. Как только кто-то заденет нить, мы услышим, как банка упадет.

Широко раскрыв глаза, Ютака кивнул. «Значит, Синдзи здесь прячется, — подумал он. — И это что-то вроде сигнализации. Очень впечатляет. Третий не просто классный баскетболист. Хотя я всегда это знал».

Ютака тоже переступил через нить.

Они дошли до зарослей, и Синдзи остановился.

— Давай сядем, — сказал он Ютаке.

Ютака сел лицом к Синдзи. Тут он понял, что по-прежнему крепко сжимает вилку. Стоило только положить ее на землю, как он ощутил боль в левой ладони и правом кулаке. Кожа там была содрана, и на костяшках виднелось красное мясо.

Увидев это, Синдзи отложил в сторону пистолет и достал из ближайшего куста рюкзак. Затем вынул оттуда бутылку с водой и полотенце, намочил один его конец, после чего сказал:

— Давай-ка, Ютака, твои руки посмотрим.

Ютака протянул ему руки, и Синдзи тщательно, но очень осторожно их вытер. Затем он порвал сухую часть полотенца на лоскуты и обмотал ими руки Ютаки.

— Спасибо, — сказал Ютака. Затем он спросил: — Значит, ты здесь прятался?

— Ага. — Синдзи улыбнулся и кивнул. — Отсюда было видно, как ты чесал по кустам. Я даже с такого расстояния понял, что это ты. А потому, хотя это и было малость рискованно, пошел в ту сторону.

Ютака невольно охнул. «Ух ты, — подумал он. — Синдзи рисковал жизнью, чтобы меня спасти».

— Опасно так очертя голову лететь.

— Угу. — Ютаке хотелось плакать. — Спасибо тебе большое, Синдзи.

— Знаешь, я так рад... — выдохнул Синдзи. — Даже если я умру, мне обязательно хотелось повидаться с тобой.

Глаза Ютаки стали полны слез. Но он их сдержал и сменил тему.

— Я... я был совсем рядом с Юмико и Юкико. И... не смог им помочь.

— Ага. — Синдзи кивнул. — Я тоже за ними наблюдал. Собственно, так я тебя и нашел. Держись. Я тоже не смог ничего для них сделать.

Ютака кивнул. Затем, вспоминая, как считанные минуты тому назад Юмико Кусака и Юкико Китано были жестоко убиты, он содрогнулся.

Осталось 27 учеников

В итоге они переместились примерно на сто метров к юго-западу от их прежней стоянки. К тому времени, как Сёго закончил снова прокладывать леску, было уже девять утра. Солнце висело высоко в небе, а в воздухе пахло майским лесом. Море, которое порой просвечивало сквозь деревья, пока они двигались, сияло яркой синевой. По Внутреннему Японскому морю были рассыпаны острова. Если бы они отправились сюда в турпоход, место было бы просто идеальное.

Но это был не турпоход. Все суда обходили остров на почтительном расстоянии, мелькая крошечными точками. Ближайшим к ним был серый сторожевой корабль, ответственный за порядок в западном регионе. Даже это судно находилось довольно далеко, хотя при желании можно было разглядеть его носовое орудие.

Закончив с леской, Сёго перевел дух и уселся перед Сюей и Норико. Дробовик он снова поставил у себя между ног.

— В чем дело? — спросил Сёго. — Что-то вы совсем притихли.

Сюя нерешительно на него взглянул.

— Что заставило их это сделать? — спросил он затем.

Сёго недоуменно поднял брови.

— Ты имеешь в виду — Юмико и Юкико?

Сюя кивнул.

— Я хочу сказать, — после некоторых колебаний продолжил он, — это было так предсказуемо. Они могли бы это предвидеть. Ведь согласно правилам этой игры... — тут Сюя вздохнул, — мы должны убивать друг друга.

Сёго сунул в рот еще одну сигарету и щелкнул одноразовой зажигалкой.

— Они казались очень близки, — сказал он. — Они, случайно, ни в какой религиозной группе не состояли?

Сюя кивнул. Юмико и Юкико были вполне обычными девочками, и все же что-то всегда отделяло их от других девочек вроде Норико и «нейтралок», куда входили Юкиэ Уцуми и ее подруги. Сюя думал, что все дело было в их религии.

— Они входили в какую-то синтоистскую группу под названием церковь Нимба. Их храм находится на берегу реки Ёдо, неподалеку от главного шоссе, если ехать на юг.

Сёго выдохнул дым.

— Возможно, все вышло отчасти из-за этого, — предположил он. — Знаешь, «возлюби ближнего своего» и всякое такое.

— Нет, не думаю, — вмешалась Норико. — На самом деле они были не очень верующие — особенно Юмико. Они говорили, что вообще-то не особенно этим интересуются, просто ходят туда за компанию.

— Понятно, — пробормотал Сёго и опустил взгляд. Затем он продолжил: — Вообще-то добрые и хорошие далеко не всегда спасаются, и эта игра лишь

подтверждает это. Возможно, чаще всего с ней справляются безответственные. Но я уважаю каждого, кто поступает по совести, даже с риском проиграть и быть всеми отвергнутым. — Он посмотрел на них. — Юмико и Юкико попытались поверить в своих одноклассников. Должно быть, они считали, что если мы все соберемся вместе, то сможем в конечном итоге найти выход. Нам следует низко им за это поклониться. Мы этого сделать не смогли.

Сюя глубоко вздохнул.

— Да, — согласился он. Вскоре Сюя снова взглянул на Сёго. — Я не думаю... что ты враг. А потому я хочу тебе доверять.

Норико к нему присоединилась.

— Я тоже. Не думаю, что ты плохой человек.

Сёго покачал головой и улыбнулся.

— Должен тебе признаться, Норико, девочек я обманывать совсем не умею.

Сюя тоже улыбнулся.

— Тогда почему ты нам не хочешь рассказать? — спросил он затем. — Нет, если ты не можешь рассказать, как мы в итоге спасемся, это ладно. Но почему не можешь? Думаешь, если мы встретимся с кем-то еще, то можем сказать лишнее? Это потому, что другим нельзя доверять? Или потому, что ты просто не можешь им доверять?

— Эй, прекрати допрос. Я не такой умный и половины твоих вопросов не понимаю.

— Врешь.

Сёго упер локти в колени, положил подбородок на ладони и задумчиво посмотрел куда-то в сторону.

— Вообще-то, Сюя, ты прав. Я не хочу, чтобы остальные что-то узнали про мой план. Даже если вы им не расскажете, я не хочу, чтобы остальные вообще знали, что вы его знаете. Поэтому я не могу вам его изложить.

Обдумав сказанное, Сюя поднял голову, обменялся взглядом с Норико и кивнул.

— Хорошо, я понимаю. Мы будем тебе доверять. Но...

— Тебя еще что-то тревожит?

Сюя покачал головой.

— Просто похоже, что из этой ситуации вообще нет никакого выхода. Так что я малость...

— Озадачен?

Сюя кивнул.

Сёго выдул струйку дыма и раздавил окурочок о землю. Затем пробежал ладонью по своим коротким волосам.

— Ничто не идеально, — сказал он. — Почти у каждой вещи есть свой изъян.

— Изъян?

— Ну да, слабое место. Я собираюсь метить как раз в такое слабое место.

Сюя мало что понимал.

— Эту игру я знаю лучше всех вас вместе взятых, — продолжил Сёго.

— Откуда? — спросила Норико.

— Не смотри на меня такими большими глазами, девочка. Я стесняюсь.

Норико озадаченно на него посмотрела, а затем слегка улыбнулась, словно повторяя свой вопрос.

— Знаете, что случается с победителем этой игры? — наконец спросил Сёго.

Сюя с Норико переглянулись и дружно помотали головами. Все верно, в Программе бывал только один победитель. После того как тебе удавалось пройти всю эту нелепую игру, солдаты сил особого назначения подпихивали тебя к телекамерам, чтобы те смогли получить изображение победителя («Улыбайся. Ты должен улыбаться»). Но Сюя с Норико понятия не имели, что случилось с победителем потом.

Взглянув на них, Сёго продолжил:

— Победителя вынуждают перейти в другую школу. Ему приказывают никогда не упоминать об игре и вести самую обычную жизнь. Вот и все.

Сюе показалось, что его грудь распирает. Лицо его застыло. Не сводя глаз с Сёго, он вдруг понял, что Норико тоже затаила дыхание.

— Я уже был учеником третьего класса "Б", — сказал Сёго. — Но во втором районе города Кобе, что в префектуре Хиого. — Он сделал паузу и добавил: — Я стал победителем Программы, которая проводилась в префектуре Хиого в прошлом году.

Осталось 27 учеников

27

Лицо Сёго немного смягчилось.

— Мне даже дали карточку с автографом Диктатора, — продолжил он. — Подумать только, какая честь! Подпись такая, как будто ее медведь лапой накарябал. Хотя я плохо помню. Я эту карточку сразу же в мусорное ведро выбросил.

Нисколько не успокоенный шутливым тоном Сёго, Сюя глубоко вздохнул. Действительно, любого ученика третьего класса младшей средней школы могли бросить в Программу, но... как можно было влететь в нее дважды? Конечно, если бы он не обязан был вернуться в школу, этого бы не случилось. Теперь все обретало смысл. Стало ясно, почему Сёго был так досконально знаком с игрой, как он унюхал снотворный газ и, конечно, откуда у него шрамы по всему телу... Но если все было так, то тогда...

— Это... — с трудом вымолвил Сюя, — просто возмутительно.

Сёго пожал плечами.

— Игра проходила в июле, но поскольку я получил тяжелые ранения, меня надолго госпитализировали. Зато так у меня было время, чтобы изучить уйму всякой всячины, включая разную информацию о нашей стране, — разумеется, лежа в постели. Сестры

были очень добры и приносили мне книги из библиотеки. Пожалуй, больница стала моей школой. Так или иначе, в конце концов я снова оказался в третьем классе. Но...

Сёго поднял на них глаза.

— ...должен признаться, я никак не ожидал, что снова попаду в эту игру.

Все верно. Сюя вспомнил их недавний разговор (хотя на самом деле это было уже три часа тому назад). Когда он поинтересовался, не убивал ли уже Сёго кого-нибудь до Кёити, тот ответил: «В этот раз — еще никого».

— Значит, тот, кто уже был избран... — начала было Норико. Затем, подумав, наверное, что в такой формулировке это скорее напоминает выигрыш на тотализаторе, она переформулировала вопрос: — Значит, тот, кто уже это пережил, не освобождается от игры в дальнейшем?

Сёго ухмыльнулся.

— Надо думать, нет, раз я здесь. Насколько нам известно, классы выбираются с помощью компьютера, верно? Конечно, мой опыт дает мне преимущество, но все-таки, раз компьютер меня не исключил, по-моему, здесь еще один случай извращенного представления о равенстве.

Сложив ладони чашечками вокруг зажигалки, Сёго закурил очередную сигарету.

— Теперь вам понятно, как я засек запах газа. И откуда у меня вот это. — Он указал на шрам над левой бровью.

— Как они могли? — чуть ли не плача вымолвила Норико. — Это слишком ужасно.

— Брось, Норико. — Сёго буквально расплылся в улыбке. — Зато у меня теперь есть шанс спасти вас, ребята.

Сюя протянул ему руку.

— Это еще зачем? По ладони я читать не умею.

Сюя улыбнулся и покачал головой.

— Извини, что я тебя подозревал. Мы будем вместе до самого конца.

— Годится, — отозвался Сёго, затем схватил руку Сюи и энергично ее потряс. Норико с облегчением улыбнулась.

Осталось 27 учеников

Инспектор Кинпацу Сакамоти сидел за своим рабочим столом, просматривая какие-то документы. Справа и слева от него солдаты сил особого назначения стояли у окон, укрытых стальными панелями и снабженных бойницами. Свет в здании был включен, потому что солнце туда почти не проникало. Пять-шесть солдат сидели за большим столом лицом к Сакамоти и не отрывали глаз от мониторов настольных компьютеров. Еще три солдата сидели в наушниках, подключенных к некой аппаратуре, с компьютерами никак не связанной. У одной из стен располагался

мощный генератор, питающий энергией лампы, компьютеры и другое оборудование. Басовое гудение этого генератора, пробивая звукоизоляцию, наполняло все помещение. Остальные солдаты отдыхали в комнате, где раньше были ученики.

— Итак, Юмико Кусака умерла в 8:42, и, угу, Юкико Китано тоже умерла в сорок две минуты девятого. — Сакамоти зачесал длинные волосы за уши. — Проклятье... я так занят!

Старый черный телефон на столе зазвонил. Не выпуская авторучку из руки, Сакамоти взял трубку.

— Школа острова Окисима вас слушает. Это штаб Программы с участием третьего класса "Б" младшей средней школы города Сироивы, — небрежной скороговоркой произнес инспектор. А затем внезапно выпрямился на стуле и обеими руками ухватился за трубку.

— Так точно, господин. Это инспектор Сакамоти. О, я очень вам за все благодарен. Так точно, господин. Моему ребенку недавно два годика стукнуло. Да, и жена уже третьего носит. Никак нет, господин. Мы лишь хотели внести посильный вклад в дело процветания нашего государства, участвуя в борьбе за повышение прироста молодого населения. Могу ли я чем-то помочь, господин?

Сакамоти немного послушал, затем улыбнулся.

— Надо же. Вот так так. Значит, вы поставили на Сёго Каваду? А я — на Кадзуо Кирияму. И немалые деньги, доложу вам. Безусловно, Сёго Кавада серьезный соперник. У него есть опыт, о котором почти никто не знает. Конечно, он все еще жив. Прошу прощения, господин, а сколько вы... О, весьма впечатляет. Прошу прощения? Текущее положение дел? Полагаю, у вас есть к нему доступ через компьютер. Совершенно секретный веб-сайт центрального правительства... ах, не очень хорошо компьютером владеете? Тогда прошу прощения, господин... безусловно, господин, всего одну минутку...

Сакамоти приложил ладонь к трубке и обратился к суровому на вид солдату за одним из мониторов.

— Эй, Като. Кавада все еще с теми двумя?

Солдат по фамилии Като принялся молча стучать по клавиатуре.

— С ними, — кратко ответил он затем.

Радары, вмонтированные в ошейники учеников, позволяли определять по монитору местонахождение каждого из них. Сакамоти хотел было отчитать Като за грубый ответ, но затем передумал. В конце концов, Като был одним из его проблемных учеников. Сакамоти воспитал многих ему подобных, так что ничего нового тут не было. Инспектор снова поднял трубку.

— Прошу прощения, что заставил вас ждать, господин. Так-так, посмотрим. Сёго Кавада объединился с двумя другими учениками. Это Сюя Нанахара и Норико Накагава. Одну минутку. Так-так, они говорят о том, как бы им вместе спастись. Хотите послушать записи их разговоров? Так точно, господин. Безусловно. Сомневаюсь, что он с ними честен. Я хочу сказать, сложно сказать наверняка, но я думаю, это блеф. Скорее всего. Ведь спастись невозможно. Так точно, господин. Одну минутку, господин, одну минутку. Где же этот документ? Значит, Сёго Кавада?

Так-так, в своей прежней школе он диссидентом никак не казался. Никаких антиправительственных действий или заявлений. Так точно, господин. Да, его отец умер во время предыдущей игры. Судя по всему, он напился и спровоцировал компетентные органы... С другой стороны, Кавада сам сказал: «Скатертью дорога. Он все равно был ублюдком». Полагаю, они не ладили. Возможно, его отец настаивал на какой-то компенсации. Так точно, господин. Если все так, ему лучше быть с этими двумя, чем сражаться в одиночку. Сюя Нанахара отличный спортсмен и будет полезен. Правда, Норико Накагава ранена. Да, наш молодец Тахара ее подстрелил. Так точно, господин. Разумеется. Они полностью доверяют Сёго Каваде. Прикинуться, будто помогаешь раненой девочке, — какая блестящая мысль! А в разговорах он просто безупречен.

Продолжая подобострастно улыбаться, Сакамоти вдруг удивленно поднял брови. Свободной левой рукой он зачесал волосы за правое ухо.

— Что? — недоуменно откликнулся инспектор. — Не может быть. Я хочу сказать, это случилось в марте. Да, я действительно получил доклад. Но если это правда, то прямо сейчас... так точно, господин. Чиновники центрального правительства так склонны к преувеличениям. А кроме того, ведь это ученики младшей средней школы. Совсем детишки. На данный момент нет никаких признаков того, что кто-то из учеников об этом знает. Так точно, господин. Итак... да-да, господин, так точно. Очень хорошо. Никак нет, господин, я просто не могу этого принять... ах, если вы так настаиваете, господин, спасибо вам огромное. Так точно, господин. Да здравствует Диктатор!

Сакамоти глубоко вздохнул, повесил трубку и что-то пробурчал себе под нос. Наконец инспектор принялся лихорадочно строчить в своих документах.

Осталось 27 учеников

29

В тот момент, когда Синдзи Мимура нашел Ютаку Сэто, он был почти на грани шока из-за ужасной смерти Юмико Кусаки и Юкико Китано, свидетелем которой он стал. Однако вскоре он успокоился. Сидя в своем укрытии под густыми ветвями, куда понемногу просачивался солнечный свет, Синдзи Мимура снова внимательно прислушался. Вокруг вроде бы никого не было. Только чирикала какая-то птичка. Убийца Юмико и Юкико, похоже, не заметил Ютаку и Синдзи. И все-таки им следовало соблюдать осторожность.

«Расслабься, когда есть возможность. Но когда необходимо, будь начеку. Главное — всегда отличать одно от другого».

Так говорил Синдзи его дядя. Именно он научил его всему на свете, начиная с баскетбола. Именно этот мужчина отвечал за образование мальчика, известного как Третий. Дядя ознакомил Синдзи с основами компьютерных знаний. Показывая ему, как получить доступ к западным интернет-сайтам, дядя велел Синдзи запомнить, что быть слишком осторожным невозможно. И теперь как раз наступило такое время, когда следовало быть особенно начеку. Определенно.

— Послушай, Синдзи. — Синдзи взглянул на Ютаку. Тот сидел спиной к дереву, обнимая свои колени, и смотрел в землю. — Вообще-то я должен был дожждаться тебя у школы. Тогда мы с самого начала были бы вместе. — Ютака посмотрел на Синдзи. — Но я был слишком напуган...

Не выпуская из левого кулака беретту, Синдзи сложил руки на груди.

— Знаю, — сказал он. — Ждать было опасно.

«Конечно, — сообразил Синдзи, — Ютака наверняка ничего не знает о том, что Маюми Тэндо и Ёсио Акамацу были убиты прямо перед школой. А кроме того...»

Тут он вдруг понял, что Ютака плачет. Глаза мальчика наполнились слезами, которые тут же стекали по щекам, прочерчивая две белые полосы на грязном лице.

— Что с тобой? — мягко спросил Синдзи.

— Я... — Ютака поднял ободранный кулак и вытер глаза обрывками полотенца, которыми Синдзи обвязал его руку. — Я такое ничтожество. Я... я такой дурак и трус... — Он немного помолчал, а потом сказал, словно выплевывая что-то застрявшее в глотке: — Я не смог ее спасти.

— Ты имеешь в виду Идзуми Канаи, — медленно отозвался Синдзи.

По-прежнему горбясь, Ютака кивнул.

Синдзи вспомнил, как однажды, когда он был дома у Ютаки, тот с гордостью и смущением ему признался: «Мне нравится Идзуми Канаи». И она в итоге стала одной из первых погибших. В шесть утра их проинформировали о ее смерти. Синдзи понятия не имел, где погибла Идзуми. Ясно было только, что где-то на острове.

— Но ведь ты... ты ничего не мог поделать, — заметил Синдзи. — Идзуми ушла раньше тебя.

— Но я... — продолжил Ютака, по-прежнему склоняя голову, — я даже не смог найти Идзуми... я был так напуган... я подумал, с ней ничего такого случиться не может, с ней все хорошо... я пытался себя в этом убедить. А в шесть часов оказалось, что она уже...

Синдзи молча выслушал все это. С верхушек деревьев снова донеслось чириканье. Судя по всему, туда прилетела еще одна птичка. Теперь птички чирикали попеременно, словно бы разговаривая друг с другом.

Внезапно Ютака взглянул на Синдзи.

— Я принял решение, — твердо сказал он.

— О чем?

Не вытирая слезы со щек, Ютака посмотрел Синдзи прямо в глаза.

— О мести. Я намерен убить этого ублюдка Сакамоти и разобраться с этим проклятым режимом.

Синдзи удивился. И внимательно посмотрел на Ютаку.

Конечно, Синдзи тоже достала эта идиотская игра и те гады, которые ею заправляли. Вообще-то он не очень хорошо знал Ёситоки Кунинобу — тот в основном общался с Сюей, — но все-таки Ёситоки был отличным парнем. А эти скоты так подло

его убили. И еще Фумиё Фудзиёси. Потом погибла Идзуми Канаи, о которой теперь плакал Ютака, другие одноклассники. Наконец Юмико Кусака и Юкико Китано были убиты прямо у них на глазах. И все же...

— Ты с таким же успехом можешь покончить с собой, — сказал Синдзи.

— Наплевать, что я погибну. Что еще я могу теперь сделать для Идзуми? — Ютака умолк и посмотрел на Синдзи. — Что, смешно, когда заморыш вроде меня такое говорит?

— Нет, Ютака. — Синдзи немного помолчал, а затем покачал головой. — Совсем не смешно.

Взглянув еще раз на Ютаку, Синдзи поднял голову и посмотрел на ветви у них над головами. Этот эмоциональный выплеск Ютаки его не удивил, хотя такое поведение было вовсе несвойственно этому балагуру. Это была еще одна сторона Ютаки. Собственно говоря, может именно благодаря тому, что Ютака мог быть таким разным, они так долго и дружили. И все же...

«Наплевать, если я погибну. Что еще я могу теперь сделать для Идзуми?»

«Интересно, каково испытывать подобные чувства к девочке», — задумался Синдзи, не отводя глаз от желтовато-коричневой листвы, ярко сияющей под прямыми солнечными лучами. Сам он назначал девочкам свидания, а с тремя даже успел переспать (неплохо для ученика средней школы), но ничего похожего на чувства Ютаки он никогда к девочкам не испытывал.

Возможно, это было как-то связано с тем, что его родители между собой не ладили. Его отец встречался с другой женщиной. (Судя по всему, он был образцовым чиновником, но, если сыну позволено такое говорить, то человеком он был паршивым.

Синдзи просто не мог поверить, что его отец был родным братом его дяди, человека, который буквально излучал теплоту.) Мать Синдзи никаких претензий к своему супругу предъявить не могла, а потому, запутавшись в себе самой, без конца меняла хобби: то икебана, то какой-то дамский кружок. Отец и мать внешне вполне нормально общались друг с другом. Делали все необходимое. Но они совершенно друг другу не доверяли и не помогали. Взаимная неприязнь со временем нарастала... С другой стороны, считал Синдзи, такими, наверное, были большинство родителей.

Однако с тех пор, как Синдзи Мимура прославился как талантливый баскетболист, девочки стали оказывать ему повышенное внимание. Общаться с ним было легко. Легко было с ним целоваться. А вскоре — и спать. Но... Синдзи никогда ни в кого не влюблялся.

К сожалению, у Синдзи уже не было возможности обсудить эту тему с дядей, у которого всегда и на все находился верный ответ. Эта тема стала заботить его совсем недавно, а его дядя уже два года как умер.

Сережка в левом ухе Синдзи досталась ему тоже от дяди, который всегда ее носил. «Эта сережка принадлежала женщине, которую я любил, — рассказал он Синдзи. — Но она уже давно умерла». Теперь сережка была одной из самых дорогих вещей для Синдзи. После смерти дяди он, не спрашивая чьего-либо разрешения, взял ее себе. «Будешь продолжать в таком темпе, ты быстро пресытишься, — почти слышал теперь

Синдзи слова дяди. — Но поверь, совсем не плохо любить и быть любимым. Так что, лучше поскорее найди себе славную девушку».

Однако он так и не нашел себе никого, в кого бы он смог по-настоящему влюбиться.

Тут Синдзи вспомнил, как его не по годам развитая сестренка Икуми (па три года младше) однажды спросила: «Ты предпочитаешь романтический брак или брак по расчету?» Он тогда ответил: «А я могу вообще не жениться».

«Эх, Икуми, сестренка, — подумал Синдзи. — Надеюсь, ты влюбишься в какого-нибудь славного парня и удачно выйдешь замуж. А я вполне могу умереть и так и не узнать, что такое любовь».

Синдзи взглянул на Ютаку.

— Слушай, Ютака, могу я тебя кое о чем спросить? Заранее извиняюсь, если в вопросе будет что-то обидное.

Ютака озадаченно на него посмотрел.

— Спрашивай, — сказал он.

— Что такого замечательного было в Идзуми?

Ютака молча уставился на Синдзи, а затем его залитое слезами лицо расплылось в улыбке. Возможно, это было своеобразное приношение, вроде букетика цветов на могилу любимой.

— Не знаю, как это сказать, но она была необыкновенно прелестна.

— Прелестна? — переспросил Синдзи, а затем быстро добавил: — Нет-нет, я не хочу сказать, что она такой не была.

Разумеется, крокодиллом Идзуми было никак не назвать, но, по мнению Синдзи, раз уж речь шла о прелестных девочках, то у них в классе учились Такако Тигуса (как раз в его вкусе), Сакура Огава (она была влюблена в Кадзухико Ямамото, и оба они уже погибли) и Мицуко Сома (какой бы прелестной она ни была, о ней и речи идти не могло).

Тут Ютака снова улыбнулся и произнес:

— Когда она казалась сонной и клала щеки на ладони, она была прелестна. Когда она поливала цветы на окне классной комнаты и касалась листков, она была прелестна. Когда она уронила эстафетную палочку на ежегодных спортивных состязаниях, а потом расплакалась, она была прелестна. Когда она болталась на переменах возле Юки Накагавы, заливаясь смехом, она была прелестна.

Выслушав эти зарисовки, Синдзи вдруг понял, что ему все или почти все стало ясно. Наблюдения Ютаки вроде бы ничего не объясняли, но в то же самое время давали верное ощущение.

«Кажется, я действительно начинаю понимать, в чем тут дело», — подумал Синдзи.

Закончив говорить, Ютака взглянул на своего лучшего друга.

Синдзи с благодарностью на него посмотрел и слегка наклонил голову. А затем улыбнулся.

— Я думал, ты станешь комиком, когда вырастешь, но теперь мне кажется, ты мог бы стать поэтом.

Ютака тоже улыбнулся.

— Послушай, Ютака, — сказал затем Синдзи.

— Что?

— Не знаю, как это сказать, но мне кажется, что Идзуми по-настоящему счастлива знать, что кто-то так ее любит. Наверное, она сейчас плачет на небесах.

Рядом с поэтическими зарисовками Ютаки его слова прозвучали довольно убого, но Синдзи чувствовал, что должен об этом сказать. Однако теперь глаза Ютаки опять стали наполняться слезами. И слезы потекли по щекам, проложив еще несколько белых полосок.

— Ты думаешь? — с трудом отозвался Ютака.

Синдзи положил правую руку ему на плечо и нежно его потряс.

— Конечно. — Он перевел дух и продолжил: — А что касается твоей мести, то я к ней присоединяюсь.

По-прежнему полные слез, глаза Ютаки широко распахнулись.

— Правда?

— Ага. — Синдзи кивнул.

Да, Синдзи уже о чем-то таком подумывал. Нет, не в смысле девочек. Он задумывался о своем будущем в этой паршивой Народной Республике Дальневосточная Азия.

Однажды Синдзи уже попытался обсудить этот вопрос с Ютакой. Но Ютака тогда отмахнулся от серьезного разговора и добавил: «В самом крайнем случае я могу здесь комиком стать». Синдзи посмеялся шутливому ответу Ютаки, но для него самого все было очень серьезно. Хотя, если вдуматься, Ютаке тоже следовало быть посерьезнее. Но он предпочел отшутиться. На самом деле самая суть проблемы Синдзи сформулировал в реплике, обращенной к Сюе Нанахаре: «Такое обычно называют „успешным фашизмом“. Что может быть кошмарнее?» Эта страна была безумна. И дело не только в этой дурацкой игре. Всякий, кто хоть как-то пытался сопротивляться режиму, немедленно шел в расход. Власть совершенно не интересовало, виновен ты или нет, она отбрасывала зловещую тень на жизнь всех, у кого не было иного выхода, кроме как подчиниться действующей политике и находить утешение лишь в маленьких радостях жизни. Даже когда все источники радости иссякали, тебе оставалось лишь склонить голову и смириться с этим.

Однако с некоторых пор Синдзи считал, что дело обстоит на самом деле иначе. В конце концов, остальные должны были думать так же, как он. Конечно, никто не высказывался вслух. Даже Сюя Нанахара выпускал пар, слушая нелегально импортируемую рок-музыку — но дальше этого дело не шло. Синдзи решил, что ему следует выразить как-то протест, пусть даже это и опасно. Чем больше он узнавал о мире, тем тверже становилось это его убеждение.

А два года тому назад произошло событие, изменившее его жизнь: умер его дядя. Официально объявили, что это несчастный случай. Когда родственникам предложили

забрать тело, полиция проинформировала их о том, что дядю Синдзи ударило током, когда он поздно вечером находился на работе один. Тем не менее Синдзи уже некоторое время подозревал что-то неладное. Последнее время дядя казался очень занят, что было для него необычно. Однажды Синдзи связался с ним по компьютеру и спросил, все ли у него хорошо. Дядя уже стал было отвечать: «Один из моих старых приятелей...» — но затем решил уклониться от ответа и просто сказал, что все нормально.

«Один из старых приятелей...»

О своем прошлом дядя почти ничего Синдзи не рассказывал. Когда все-таки об этом заходила речь, он предпочитал сменить тему, а Синдзи, понимая, что дядя не хочет об этом особенно распространяться, старался в прошлое дяди не лезть. (Когда Синдзи как-то стал расспрашивать своего отца, старшего из братьев, тот просто ответил, что ему этого знать вовсе не требуется.) И все же широкий диапазон дядиных знаний, которые выходили далеко за рамки легального, суть его высказываний о мире или об обществе свидетельствовали о фундаментальном неприятии, если не сказать, о ненависти к режиму. И еще... что-то смутное вспомнилось. Однажды он сказал дяде: «Ты такой замечательный». А дядя лишь скривился и ответил: «Нет, ты неправ. Никакой я не замечательный. По-настоящему достойному человеку в нашей стране просто не выжить. Будь я действительно достойным, я бы уже был мертв». Именно это и позволило Синдзи заключить, что дядя в свое время боролся против режима. Но потом по какой-то причине перестал бороться. Вот что Синдзи тогда заподозрил.

Именно поэтому Синдзи так встревожился, услышав, что дядя упоминает о «старых приятелях». Но затем он успокоил себя: раз это его дядя, значит все будет в порядке, и решил не наседавать на него с вопросами.

Как оказалось, тревога Синдзи имела основания. Сразу же после «несчастливого случая» Синдзи предположил, что кто-то из «старых приятелей», с которыми дядя расстался, снова вступил с ним в контакт, а дядя, скорее всего, после некоторых колебаний, все же решил взять на себя некое задание. И в результате... что-то такое случилось. Да, верно, полиция в этой стране имела право казнить граждан без суда и следствия, а потому тебя могли пристрелить где-нибудь в тихом переулке или прямо на работе. Но когда речь шла о достаточно важной персоне, тогда, вполне вероятно, человеку устраивали «несчастный случай». К несчастью, отец Синдзи работал директором известной фирмы (другими словами, согласно производственной табели о рангах Республики, он числился рабочим первого уровня, это был высочайший ранг). Самым досадным во всей этой истории Синдзи казалось то, что его никчемный отец, пусть и невольно, помог компетентным органам « позаботиться » о его замечательном дяде.

Нет, это не могло быть случайностью. Версия «убит электрическим током» звучала совершенно неубедительно!

Хозяйка сережки, которую теперь носил Синдзи, вероятно как-то была связана именно с этой стороной дядиного прошлого. Разгневанный убийством дяди, Синдзи поклялся, что никогда не склонит голову перед этим режимом.

Разумеется, Синдзи понимал, что в дядиных словах «по-настоящему достойному человеку в нашей стране просто не выжить» скрывалось предостережение. И это предостережение теперь было подкреплено смертью самого дяди. «И все-таки

кое-чему я от тебя научился, — думал Синдзи. — А потому намерен выяснить, как мне заняться тем, что ты давно забросил. Я хочу быть достойным человеком. В конце концов, именно этому ты меня учил».

Однако, не имея каких-либо ясных планов, Синдзи пока что никаких действий и не предпринимал. Да, он слышал об антиправительственных группах, но понятия не имел, как с ними связаться. Кроме того, дядя его предупреждал: «Лучше не доверять группам и движениям. Они не очень надежны». Синдзи считал также, что он пока еще слишком молод. А самое главное — он боялся.

Но теперь, даже если ему отчаянно повезет и он сумеет уцелеть в этой дурацкой игре, Синдзи станет беглым преступником. Но в таком качестве (вот ирония!) он сможет наконец делать то, что ему хочется. Войдет ли он в какую-то группу или будет действовать сам по себе, значения не имело. Важно было, что Синдзи теперь сможет отдать все свои силы борьбе с режимом. И его уверенность в этом все росла.

Теперь же, поговорив с Ютакой, Синдзи окончательно определился.

Однако, оставив пока что все сложные материи в стороне, он решил поделиться с Ютакой своими искренними чувствами совсем по другому поводу.

— Знаешь, я по-настоящему завидую, что ты так сильно кого-то любишь. И если ты идешь за это в бой, я на твоей стороне.

Губы Ютаки задрожали.

— Правда? Ты со мной?

— Да, я с тобой. — Тронув Ютаку за плечо, Синдзи добавил: — Но наша главная цель — отсюда сбежать. Если убить этого ублюдка Сакамоти, ничего не изменится. Раз уж мы решили идти в бой, мы должны метить как можно выше. Верно?

Ютака кивнул. И стал вытирать глаза.

— А ты видел кого-то кроме Юмико и Юкико? — спросил у него Синдзи.

Ютака обратил на друга воспаленные глаза и помотал головой.

— Не-а. Я как выбежал из школы, так и продолжал бежать... А ты кого-нибудь видел?

Синдзи кивнул.

— Как только я вышел... хотя ты наверняка об этом не знаешь. В общем, Маюми и Ёсио были убиты прямо перед школой.

Ютака широко раскрыл глаза.

— Правда?

— Ага. Маюми, судя по всему, была убита в тот самый момент, когда выходила из школы.

— ...а Ёсио?

— Думаю, Ёсио как раз и убил Маюми.

Лицо Ютаки опять застыло.

— ...правда?

— Ага. Почему иначе Ёсио, который вышел самым первым, там был? Ёсио туда вернулся. Затем, прячась в тени, застрелил Маюми... Поскольку в них обоих были всажены стрелы, Ёсио, должно быть, попытался избавиться также и от следующего... однако этот следующий сумел отобрать у него оружие — судя по стрелам, арбалет, — а потом пристрелить. Таков вероятный сценарий.

— А кто был этим следующим?..

— Сюя.

Глаза Ютаки опять широко раскрылись.

— Сюя? Сюя убил Ёсио? Синдзи покачал головой.

— Не знаю. Нам только известно, что Сюю Ёсио убить не смог. А потому его скорее всего убил Сюя. Или, быть может, Сюя просто вырубил Ёсио. В конце концов, этому толстяку много не требовалось. А потом Ёсио мог убить кто-то из тех, кто вышел позднее. — Тут Синдзи немного подумал и добавил: — Кроме того, Сюя должен был уйти вместе с Норико Накагавой. Возможно, у него просто не нашлось времени покончить с Ёсио.

— С Норико? Да, Норико была ранена. А ты...

— Угу. — Синдзи криво усмехнулся. — Если бы игру удалось отсрочить, это бы здорово помогло. Правда, я знал, что это невозможно, но попытаться все равно стоило. Норико вышла следом за Сюей. Я видел, как Сюя дал знак Норико, прежде чем уйти. Ведь я совсем рядом сидел.

Ютака кивнул.

— Точно. Норико была ранена, и Сюя...

— А также учитывая то, что произошло с Ёситоки...

Ютака несколько раз кивнул. Он все понял.

— Ага... Нобу был влюблен в Норико, верно? Значит, Сюя должен был о Норико позаботиться.

— Ага. Даже если все было не совсем так, зная Сюю, можно предположить, что он планировал собрать всех, кто выйдет за ним. Но после нападения Ёсио этот вопрос отпал. К тому же Норико была ранена. Так что Сюя, видимо, ушел только с Норико.

Ютака снова кивнул. Затем опустил глаза.

— Интересно, где сейчас Сюя. Если бы ты был вместе с Сюей, мы стали бы гораздо сильнее.

Синдзи поднял брови. Ютака наверняка вспоминал спортивные игры на уроках физкультуры, когда Синдзи на пару с Сюей разыгрывал убийные комбинации. «Это правда, — подумал Синдзи, Сюя стал бы классным партнером. И не только из-за его спортивной подготовки». Как и сам Синдзи, Сюя был дерзок и бесстрашен, он умел действовать в сложных обстоятельствах. Безусловно, он был одним из немногих одноклассников, на кого Синдзи мог в этой ситуации положиться. Такой порядочный парень, как Сюя (правда, по мнению Синдзи, немного витающий в облаках), никогда бы не стал убивать своих одноклассников.

Синдзи положил правую руку на плечо Ютаке. Тот поднял глаза.

— Мне достаточно того, что я с тобой. Я рад, что мы вместе.

Ютака, похоже, опять собрался залиться слезами. Тогда Синдзи ободряюще ему улыбнулся. Ютака сдержал слезы и ответил другу улыбкой.

— Ладно, хватит о мертвых. Ты видел лес сразу за школьным спортивным полем?

— Ага.

— Там кто-то был. Целая группа.

— ...правда?

— Ага. Думаю, они кого-то дожидались. Правда, после меня выходило только пять учеников. Кёити Мотобути, Кадзухико Ямамото, Тисато Мацуи, Каори Минами и Ёсими Яхаги. Однако меня за собой они позвать не попытались. Я не могу сказать, что они были ко мне в тот момент откровенно враждебны, да и у меня не было особых причин выяснять, кто там, и к ним присоединиться. Ты недавно сказал, что тебе следовало меня подождать... но это было бы невозможно. Ведь Ёсио наверняка вернулся к школе и убил Маюми. Я подумал, что если еще кто-то вернется и найдет эту группу в лесу, с ними тоже будет покончено. Хотя, конечно, они могли быть вооружены. Так или иначе, я оттуда смотал.

Синдзи сделал паузу. Затем провел кончиком языка по пересохшим губам и продолжил:

— Потом я видел еще двух учеников.

Глаза Ютаки в очередной раз широко раскрылись...

— Правда?

Синдзи кивнул.

— Вообще-то, я прошлой ночью много ходил по округе. И... сперва я увидел девочку. У нее были такие забавные волосы торчком... по-моему, это была Хироно. Пока я изучал подножие горы, я видел, как она передвигалась там за кустами.

— Ты ее не позвал?

Синдзи пожал плечами.

— Да нет. Пожалуй, я отношусь к ней с предубеждением. Подружкам Мицуко Сомы я доверять не собираюсь.

Ютака кивнул.

— А еще я видел Сёго Каваду.

Ютака широко раскрыл рот, словно хотел сказать «ого». Затем он воскликнул:

— Ух ты, Сёго-сан! — Как и некоторые его одноклассники, Ютака добавлял к имени Сёго уважительное «сан». — Знаешь ли, он как-то отпугивает...

— Ну да. Именно поэтому я к нему и не подошел. Но... — Синдзи взглянул в небо. Затем снова посмотрел на Ютаку. — Похоже, он меня заметил. Я как раз вышел из одного дома, где искал всякую всячину. Сёго был неподалеку от этого дома, но сразу спрятался. По-моему, в руках у него был дробовик. Я быстро спрятался за дверью... думаю, он какое-то время за мной следил. А потом исчез. И даже не попытался на меня напасть.

— Надо же, — откликнулся Ютака. — Это значит, что он не враг.

Синдзи покачал головой.

— Совсем не обязательно. Он мог заметить мой пистолет и решить, что со мной лучше не связываться. Так или иначе, я решил за ним не идти.

— Понятно... — Ютака кивнул, но затем резко поднял голову, словно до него вдруг что-то дошло. — Я точно знаю, что никого не видел, но могу поклясться, что слышал, как стреляло еще одно оружие до того, как Юмико и Юкико были застрелены.

Синдзи кивнул.

— Я тоже его слышал.

— Это был не автомат. Думаешь, стрелявший тоже в них целился?

— Нет. — Синдзи покачал головой. — Я так не думаю. По-моему, он просто хотел их остановить. Было настолько очевидно, что они подвергают себя страшному риску. Стрелявший хотел пугнуть Юмико и Юкико, чтобы они убежали и спрятались.

— Но тогда... тогда он точно не враг.

— Да. Но нам в этом случае не за что зацепиться. Пусть даже я примерно представляю себе, откуда донеслись выстрелы... Стрелявший скорее всего сразу же оттуда ушел, потому что пулеметчик тоже понял, где он.

Огорченный Ютака привалился спиной к стволу дерева. Друзья молчали, Синдзи, сложив руки на груди, продолжал размышлять. Прежде всего он хотел узнать, не видел ли Ютака кого-то, кому они могли доверять. Тогда, если тот одноклассник никуда со своего места не ушел, они бы с ним объединились. С другой стороны, Синдзи готов доверять всем, кому доверял Ютака. А значит, если бы Ютака увидел одноклассника, достойного доверия, тот бы уже был с ними. Но Ютака был один. Стало быть, вопрос с самого начала был лишен смысла.

Но, если на то пошло, кому он мог доверять? Сюе, конечно... и еще, пожалуй, Хироки Сугимуре. Еще кое-кому из девочек. Вероятно, Синдзи мог доверять старосте девочек класса Юкиэ Уцуми и ее подругам... хотя у него была не слишком хорошая репутация среди одноклассниц, потому что он спал с девчонками. А, ладно. «Да, дядя, — подумал Синдзи, — мне и впрямь следовало найти себе постоянную подружку».

Но как же ему повезло, что он объединился с Ютакой! Ему-то Синдзи мог полностью доверять.

— Послушай, Синдзи, — обратился к нему Ютака. — Ты сказал, что искал всякую всячину.

Синдзи кивнул.

— Ну да, искал.

— А что ты искал? Оружие? Лично я был слишком напуган. Мне такое даже в голову не пришло.

Синдзи взглянул на часы. Процесс должен уже был завершиться. Прошел час с тех пор, как компьютер начал поиск пароля.

Синдзи встал и сунул пистолет себе за пояс.

— Послушай, Ютака, ты немного в сторону не пересядешь? — Ютака оторвал спину от дерева, к которому он привалился, и встал. Дерево окружали густые кусты.

Синдзи подошел к этим кустам и сунул в них руки. Затем аккуратно вытащил оттуда автомобильный аккумулятор (источник питания), частично разобранный мобильный телефон и дорожный компьютер. Все это было соединено пучком белых и красных кабельных шнуров.

Жидкокристаллический дисплей монитора был оставлен включенным, но дисплей экрана компьютера отключился.

На лице у Ютаки застыло изумление.

Стало быть... Синдзи сжал губы и негромко присвистнул, нажимая на клавишу пробела. Компьютер, экономивший энергию в спящем режиме, тут же включился. Послышался звук вращения жесткого диска, а на экране загорелся черно-белый дисплей.

Найдя последнюю строку в крошечном окошке на экране, глаза Синдзи проказливо замерцали.

— Черт, — пробормотал он. — Простое переключение гласных. Так элементарно, что даже не догадаться.

— Послушай, Синдзи, ведь это же... — наконец выдавил из себя изумленный Ютака.

Синдзи по своей старой привычке сжал и разжал кулаки, прежде чем работать с клавиатурой. Затем ухмыльнулся Ютаке.

— Это макинтош пауэрбук 150. Никак не ожидал на этом вшивом острове такую классную машину найти.

Осталось 27 учеников

30

Ёсими Яхаги (ученица номер 21) дождалась, пока часы покажут 10 утра, а затем осторожно выглянула из задней двери дома на южном конце жилого района острова, совсем недалеко от того места, где была убита Мэгуми Это. Но Ёсими понятия не имела, что Мэгуми погибла где-то рядом. Она просто услышала ее имя в утреннем объявлении.

Что касалось объявления, то Ёсими гораздо больше заинтересовала запретная зона, которую там объявили. В 11 часов все ошейники учеников, находящихся в секторе 3=8, куда входили и эти дома, взорвутся. Компьютер никого ждать не станет.

Задняя дверь открывалась в узкий проулок между домами. Ёсими обеими руками подняла тяжелый автоматический пистолет (кольт «Гавернмент модел» калибра .45), большим пальцем правой руки оттягивая на себя тугий курок. Она быстро глянула влево-вправо. В проулке никого не было.

Хотя как член банды Мицуко Сомы она считалась «малолетней преступницей», в круглом личике Ёсими было что-то детское. Впрочем, в данный момент лицо ее

заливал холодный пот. Всего лишь час-другой тому назад из окна второго этажа Ёсими видела, как Юмико Кусака и Юкико Китано призывают всех к ним присоединиться. Затем раздался треск автоматной очереди. Совершенно точно, убийства продолжались. Не все ученики прятались, как она. Нашлись такие, кто по доброй воле стал убивать своих одноклассников. И невозможно было понять, где они могут оказаться.

Ёсими выскользнула в проулок и осторожно пошла вправо, прижимаясь спиной к стене дома, в котором она пряталась. Добравшись до угла, она повернула на юг и увидела перед собой поле, которое тянулось вверх по покатому склону. Дома там располагались не так плотно, как здесь. Ёсими решила, что ей лучше всего будет добраться до южной горы. Там она на какое-то время окажется в безопасности.

Ёсими закинула за плечи рюкзак, еще раз оглядела окрестности и побежала к небольшой группке кустов у края поля.

Она за считанные секунды туда добралась. Обеими руками сжимая пистолет, девочка поводила им влево-вправо, но никого не увидела.

Ёсими уже задыхалась даже после краткой пробежки. Однако чтобы выбраться из сектора 3=8, ей требовалось идти дальше. Вообще-то Ёсими уже могла пересечь его границу, но ведь эту самую границу мелом по земле не проводили. Лучше ошибиться в безопасную сторону. Иначе она просто с ума сойдет от тревога. Дома на карте были обозначены синими точками, а участок, где находилась Ёсими, оказался весь в этих точках, так что она не могла точно определить свое местоположение. Граница сектора проходила как раз у края этого участка.

Ёсими хотелось плакать. Конечно... не будь она подружкой Мицуко Сомы, наверняка смогла бы найти какую-нибудь славную девочку и с ней объединиться. А так никто Ёсими не доверял. Да, она делала всякие гадости вместе с Мицуко Сомой и Хироно Симидзу. Крала вещи у своих одноклассниц, а порой их запугивала. Никто бы не поверил Ёсими, если бы она заявила, что не желает никому зла. На нее наверняка сразу же бы напали.

Прошлой ночью, прежде чем спрятаться в доме, Ёсими увидела другую девочку, идущую в противоположном направлении. Девочка покидала жилой район. Кажется, это была Каёко Котохики (ученица номер 8). Наверное, она сначала спряталась в жилой зоне, а затем передумала и двинулась дальше. (Ее решение оказалось очень удачным, поскольку этот район был объявлен первой запретной зоной в игре, не считая окрестностей школы.) Так что, учитывая время и расстояние, у Ёсими появилась идеальная возможность с кем-то связаться, но она просто не смогла заставить себя это сделать.

А как насчет Мицуко Сомы и Хироно Симидзу? Да, они были скверные... но все-таки они с ней дружили. Если Ёсими их найдет... будут ли они ей доверять? И... следует ли ей доверять им? Нет... скорее всего не следует.

В отчаянии, Ёсими снова вспомнила лицо того мальчика. Она думала о нем с самого начала игры. Тот мальчик однажды сказал Ёсими, что ему нет дела до ее дружбы с Мицуко Сомой, что она все равно ему нравится. Он тогда нежно поцеловал ее, все еще лежащую в постели, и ласково пожелал ей не попадать в беду. Тот мальчик заставил Ёсими поверить в то, что она действительно способна измениться.

Выходя из здания школы, Ёсими подумала, что он может дожидаться ее снаружи. Но там никого не оказалось. Конечно, там и быть не могло никого. На земле лежали трупы Маюми Тэндо и Ёсио Акамацу. И было очень похоже, что тот, кто станет там болтаться, вполне может кончить как они. (Ёсими понятия не имела, куда делся их убийца).

Где же тот мальчик мог находиться сейчас? Или... или было уже слишком поздно?

Сердце Ёсими сжалось, а глаза наполнились слезами.

Тогда она вытерла глаза рукавом матроски и двинулась по зарослям вперед. Ей следовало пройти еще немного.

По-прежнему сжимая в руках пистолет, Ёсими стала высматривать следующее укрытие. Справа от нее плотной кучкой стояло несколько высоких деревьев, вокруг которых густо росли сорняки.

Ёсими снова побежала по полю. Когда она скользнула в заросли сорняков, лицо ей расцарапала небольшая ветка, Ёсими медленно встала и огляделась. Хотя плотная зеленая растительность частично закрывала обзор, вокруг вроде бы никого не было.

Пробираясь дальше по зарослям, Ёсими пригибалась пониже. «Все хорошо, все хорошо, — твердила она себе. — Здесь никого нет».

Девочка достигла границы зарослей у южной горы. Она была покрыта деревьями, большими и маленькими, а также, как будто, была и плотная бамбуковая роща. Похоже, там было, где спрятаться. «Хорошо... — думала Ёсими. — Хорошо... мне бы только туда добраться...»

Внезапно сзади послышалось шуршание. Сердце Ёсими подскочило.

Сжимая в руках кольт, девочка присела на корточки. Мурашки побежали у нее по спине.

В десяти метрах оттуда Ёсими заприметила мелькнувший между деревьев школьный пиджак. Глаза ее распахнулись от страха. Там кто-то был! Неизвестно кто!

Пытаясь совладать со страхом, Ёсими сжала зубы и опустила голову. Сердце ее бешено колотилось.

Снова послышалось шуршание.

В этих зарослях только что никого не было. Кто-то пришел сюда следом за ней. Почему? Он за ней гнался?

Ёсими побледнела.

Нет, совсем не обязательно. Этот ученик мог точно так же, как и она, уходить из запретной зоны. Да-да, верно. Если бы он ее заметил, он пошел бы прямо за ней. Значит, ее еще не заметили. Тогда... тогда пусть он лучше пройдет мимо. «Не двигайся, — приказала себе Ёсими. — Просто замри».

Снова послышалось шуршание. Пригнувшись еще ниже, Ёсими увидела, как фигура движется по лесу боком к Ёсими. Она перемещалась от нее справа налево. «Слава Богу! — подумала девочка. — Он уходит в сторону от меня...»

Облегченно вздохнув, Ёсими все-таки продолжила внимательно наблюдать.

Теперь фигура была уже довольно далеко за деревьями. Шуршание затихало. И все же Ёсими успела увидеть...

Нет, она не могла ошибиться. Может, у нее галлюцинация от страха? Нет, такого быть не могло.

Ёсими встала, пригнулась и пошла на звук. Продвинувшись на несколько метров вперед, она пригляделась и сквозь тень плотной листвы различила школьную куртку.

Тогда Ёсими подняла обе руки к груди. Не будь у нее в руках пистолета, можно было бы подумать, что девочка молится.

Впрочем, Ёсими действительно молилась. Если какое-то божество отвечало за столь чудесный поворот событий, она искренне его благодарила. Четких религиозных представлений у девочки не имелось, и ей было безразлично, что это за божество. Она просто была ему благодарна. «Господи! — немо шептала Ёсими. — Будь благословен! Я тебя люблю!»

Затем она выпрямилась и воскликнула:

— Ёдзи!

Ёдзи Курамото (ученик номер 8) вздрогнул, а затем медленно обернулся. Его глаза с длинными густыми ресницами на секунду широко распахнулись. Лицо Ёдзи поначалу выглядело озадаченным, но Ёсими была уверена, что ей это только кажется. Затем на этом лице появилась улыбка. Улыбка мальчика, который любил Ёсими больше всех на свете!

— Ёсими...

— Ёдзи!

Держа в правой руке кольт и рюкзак, Ёсими побежала к Ёдзи. Глаза ее наполнились слезами.

Ёдзи нежно обнял Ёсими.

Затем Ёдзи молча поцеловал ее губы. Веки. И кончик носа. Именно так Ёдзи всегда ее целовал. В подобных обстоятельствах это могло быть не очень уместно, и все же Ёсими пришла в восторг.

Снова поцеловав девочку в губы, Ёдзи заглянул ей в глаза.

— Значит, у тебя все хорошо, — сказал он. — Я за тебя тревожился.

— Я тоже, я тоже, — крепко его обнимая, откликнулась Ёсими. Слезы проступали в уголках ее глаз и стекали по щекам.

Первым выходя из классной комнаты, Ёдзи бросил взгляд на Ёсими. А та, видя, как он уходит, готова была расплакаться. Потом она тоже ушла. Наступил рассвет. Все это время Ёсими оставалась страшно напуганной. Но теперь она была с мальчиком, которого уже не чаяла увидеть живым.

— Это... это настоящее чудо, — несколько запоздало сказал Ёдзи, словно оправляясь от шока.

— Это и правда чудо. Я просто не могу поверить. Я думала, мы уже никогда не увидимся. В этой... ужасной... игре...

Ёсими плакала, а Ёдзи нежно гладил ее по волосам.

— Теперь все будет хорошо. Теперь мы останемся вместе, что бы ни случилось.

Слова Ёдзи звучали так ободряюще, и слезы просто хлынули у Ёсими из глаз. «По правилам уцелеть суждено только одному, — думала она, — но я должна остаться с тем, кого больше всего люблю. Да, есть там еще что-то насчет лимита времени. Но мы просто будем вместе, пока время не кончится. А если кто-то на нас нападет, Ёдзи нас защитит. О Боже, скажи мне, что это не сон!»

Ёсими вспоминала все, что произошло между ними с тех пор, как Ёдзи стал ее одноклассником. Тот особенный осенний день, когда они случайно повстречались на улице и решили вместе сходить в кино. Затем Рождество, слоеный торт с клубничной начинкой, который они вместе съели в кафе, тот вечерний поцелуй. Затем Новый год, когда Ёсими оделась в кимоно с длинными рукавами для первого посещения храма (священный жребий, который она там вытащила, гласил всего лишь «удача», а потому Ёдзи отдал ей свой, где значилось «добрая удача»). Наконец та незабываемая суббота, 18 января, и ночь, которую они провели в доме у Ёдзи.

— А где ты был? — спросила Ёсими.

Ёдзи указал на кучку строений.

— В одном из тех домов. Но ты же знаешь про этот ошейник... если бы я там остался, он бы рванул. Так что...

У Ёдзи был серьезный вид, но Ёсими такой поворот событий казался забавным. Они все это время были рядом друг с другом! Ёсими с самого начала игры постоянно думала, где Ёдзи, — а теперь выяснилось, что он был совсем неподалеку...

— Ты что?

— Я тоже в одном из тех домов пряталась. Наверное, мы были по соседству.

Они рассмеялись, и Ёсими вдруг поняла, как сладостно смеяться вместе с любимым. Это лишь кажется сущей ерундой, а на самом деле было очень важно. И теперь у нее снова появилась эта радость.

Ёдзи медленно выпустил Ёсими из своих объятий. Взгляд его внезапно упал на ее правую руку. Поняв, что все еще держит пистолет, Ёсими опять рассмеялась.

— Ой, совсем забыла...

Ёдзи тоже улыбнулся.

— Отличное оружие. А смотри, что у меня оказалось.

Он показал ей то, что держал в руке. Поначалу Ёсими вообще этого не заметила. А теперь, при ближайшем рассмотрении, она увидела кинжал, какой можно найти разве что в антикварном магазине. Ткань на рукоятке совсем износилась, овальной формы гарда была зеленовато-голубого цвета, а когда Ёдзи вытащил кинжал из ножен, оказалось, что лезвие сплошь запятнано ржавчиной. Вложив кинжал обратно в ножны, Ёдзи сунул его за пояс.

— Дай мне посмотреть твоё оружие, — попросил он.

Ёсими отдала ему пистолет.

— Держи. Сомневаюсь, что смогу его применить...

Ёдзи кивнул. Ухватив кольт за рукоятку, он первым делом проверил предохранитель. Затем оттянул затвор, обнаруживая первый патрон в патроннике. Курок по-прежнему был взведен.

— А патроны для него у тебя есть?

Магазин пистолета был полностью заряжен. Ёсими кивнула, достала из своего рюкзака коробку с патронами и отдала ее Ёдзи. Тот одной рукой взял коробку и большим пальцем ее вскрыл, проверяя содержимое. Затем сунул ее в карман школьного пиджака.

И вдруг... Ёсими не могла поверить своим глазам. Глядя на руки Ёдзи, она совершенно не понимала, что происходит, — как будто наблюдала за каким-то фокусом.

Ёдзи целился в нее из кольта.

— Ёдзи?..

Стоило ей произнести его имя, как Ёсими поняла, что Ёдзи вдруг стал совершенно другим человеком.

Лицо его исказилось. Глаза с длинными густыми ресницами, полные губы, орлиный нос — словом, черты лица остались теми же, но Ёсими никогда не видела, чтобы Ёдзи так кривил рот, так скалил зубы.

— Уходи, — процедил он. — Прочь отсюда!

Ёсими просто не понимала его слов.

— Убирайся! — раздраженно прорычал Ёдзи.

Губы Ёсими задрожали.

— Почему? — в шоке воскликнула она.

Ёдзи был уже ею по горло сыт.

— Думаешь, я стану нянчиться с такой тварью, как ты!? Прочь отсюда, сука!

Внутри у Ёсими словно бы стало что-то комкаться — сперва медленно, затем все быстрее.

— Почему? — Голос ее дрожал. — Я... я сделала что-то не то?

Пистолет по-прежнему смотрел прямо на нее. Ёдзи презрительно сплюнул.

— Кончай мозги пачкать. Даже я знаю, что ты шлюха. Я знаю, что тебя забирала полиция... а еще я знаю, что ты спала с мужиком, который тебе в отцы годится. Это я тоже знаю! И ты думаешь, я стану доверять такой суке, как ты!?

Ёсими потрясенно раскрыла рот, не сводя глаз с Ёдзи.

Да, это была правда. Ее несколько раз забирала за воровство, а один раз — за шантаж одного ученика. И еще была... проституция. Некоторое время тому назад Ёсими спала со средних лет мужчиной, с которым ее свела Мицуко Сома. Деньги были хорошие, не она одна этим занималась, а кроме того, в тот период жизни Ёсими до смерти все надоело. А потому пользоваться косметикой, вести себя как взрослая и спать с мужчиной, который по-своему был щедрым и благородным, казалось ей не так уж плохо. И Ёсими предполагала, что Ёдзи все про нее знает.

Но ведь с того самого осеннего дня, когда она сблизилась с Ёдзи, всему этому был положен конец. Конечно, Ёсими не перестала дружить с Мицуко Сомой и Хироно Симидзу. Не то чтобы она вдруг сделалась примерной ученицей, но, по крайней мере, она прекратила торговать собой и изо всех сил старалась держаться подальше от беды. Ёсими верила в то, что Ёдзи все простил и что он ее любит.

«Да, — подумала она, — я все время в это верила».

По щеке Ёсими скатилась слеза.

— Я... я перестала этим заниматься. — Новые слезы заструились по ее щекам. — Я хотела... хотела быть хорошей. Ради тебя, Ёдзи.

Лицо Ёдзи изменило выражение, казалось, что слова Ёсими страшно его потрясли. Но оно тут же стало прежним.

— Лживая тварь! Прекрати слезу давить!

Ёсими не сводила с Ёдзи заплаканных глаз. Слова вылились сами собой.

— Но почему... почему ты тогда со мной гулял?

Ёдзи не замедлил с ответом.

— Брось, я просто подумал, что с такой шлюхой, как ты, все будет быстро и легко! А теперь пошла отсюда, сука!

Ёсими бросилась к Ёдзи, словно какая-то сила вдруг ее подтолкнула: то ли ей стало нестерпимо выносить его слова, то ли из-за того, что Ёдзи целился в нее из пистолета.

— Перестань! Пожалуйста, перестань! — воскликнула Ёсими, пытаясь выхватить у него пистолет.

Ёдзи быстро увернулся и оттолкнул ее в сторону. Рюкзак соскользнул с левого плеча Ёсими, и она упала на траву. Ёдзи насел на нее сверху.

— Ты что делаешь, дрянь!? Пыталась меня убить!? Убью тебя, сука!

Ёдзи прицелился, но Ёсими обеими руками схватила его за правую кисть. Тогда Ёдзи проворно переложил пистолет из правой руки в левую, и она медленно двинулась вниз, к ее лбу. Ёсими чувствовала, как бешено колотится ее сердце.

Раскинув руки в стороны, девочка отчаянно закричала.

— Ёдзи! Пожалуйста! Пожалуйста, перестань!

Ёдзи не отвечал. Его глаза были налиты кровью, рука методично опускалась, словно у робота. Еще пять сантиметров... четыре... три... теперь пуля могла погладить ее по волосам. Еще два сантиметра... и...

Несмотря на страх и отчаяние, буквально разрывавшие Ёсими, ей вдруг пришла в голову одна мысль.

Теперь она все поняла: человек, которого Ёсими обожала, был всего лишь иллюзией. И все же...

И все же это была чудесная иллюзия. Ёсими думала, что с Ёдзи она сможет начать все сначала. Именно Ёдзи подарил ей эту иллюзию. Без Ёдзи она никогда не смогла бы поверить, что такое возможно.

Ёсими вспомнила тот день, когда они с Ёдзи сидели в единственной в Сироиве мороженице. Она запачкала себе нос мороженым, а Ёдзи сказал: «Ты такая прелесть». Теперь Ёсими верила, что он сказал это искренне.

«Я любила тебя, Ёдзи», — думала девочка.

Она отпустила руки. Ёдзи приставил к ее лбу пистолет, его палец готов был нажать на спусковой крючок.

Ёсими посмотрела Ёдзи прямо в глаза и тихо сказала:

— Спасибо тебе, Ёдзи. Я была так с тобой счастлива. Глаза Ёдзи широко распахнулись — и остались раскрытыми, словно он внезапно понял что-то жизненно важное.

— Давай же... стреляй. Убей меня.

Ёсими ласково ему улыбнулась и закрыла глаза.

Не переставая целиться в нее из пистолета, Ёдзи задрожал.

Ёсими все ждала, когда раскаленная пуля расколется ей голову, но пистолет не стрелял.

Вместо этого до нее донесся хриплый голос Ёдзи:

— Ёсими...

Ёсими медленно открыла глаза...

И встретила взгляд Ёдзи. Сквозь пелену слез она снова увидела прежние глаза своего возлюбленного. И теперь в его взгляде читались вина и сожаление.

«Значит, ты понял... — с радостью подумала Ёсими. — Ёдзи, любимый... правда?»

Тумк! Раздался как-то странный звук. И в тот же миг палец Ёдзи нажал на спусковой крючок. Но это было случайностью, сработал рефлекс. Выстрел грянул, и Ёсими вскрикнула, но пистолет уже не был нацелен на нее, и пуля зарылась в траву. Крошечное облачко пыли взлетело в воздух.

Безжизненное тело Ёдзи рухнуло прямо на Ёсими и так и осталось лежать. Силясь из-под него выбраться, Ёсими заметила над собой знакомую улыбку. Это была ее старая напарница по темным делишкам, Мицуко Сома.

Ёсими не понимала, что происходит, однако улыбка на этом ангельски прекрасном лице вызвала у нее дикий ужас.

С трудом поднявшись на ноги, Ёсими опустила взгляд на Ёдзи. В затылке у него торчал острый, как бритва, серп («дитя асфальта», Ёсими раньше никогда такого не видела).

Забыв на время про серп, Мицуко пыталась вырвать кольт из правой руки Ёдзи. Однако мышцы его кисти были так напряжены, что ей пришлось отгибать каждый палец. Наконец пистолет все-таки оказался у Мицуко в руках, и она ухмыльнулась.

Ёсими смотрела на безжизненное тело Ёдзи. Ее страшно трясло. В один миг она потеряла бесконечно важного для нее человека. В детстве Ёсими однажды испытала нечто подобное. Тогда драгоценное стеклянное украшение случайно выпало у нее из рук и разбилось. Но здесь... здесь разбилось нечто несравнимо более драгоценное.

Наконец Ёсими немного пришла в себя и посмотрела на Мицуко (разумеется, она все это время на нее смотрела, но ее мозг просто неспособен был обработать новую визуальную информацию). Та отчаянно боролась с серпом, стараясь вытащить его из затылка Ёдзи. Обеими руками ухватившись за ручку серпа, Мицуко бешено мотала головой Ёдзи туда-сюда.

— Нет!.. — вскрикнула Ёсими, отталкивая подругу в сторону. Мицуко упала на траву, плиссированная юбка взлетела вверх, и стали видны ее великолепные ноги.

Ёсими упала прямо на Ёдзи. Серп по-прежнему торчал из его затылка. Слезы Ёсими лились на труп ее возлюбленного. А Ёдзи словно бы говорил ей: «Не трясись, все равно не оживишь... в меня воткнули серп, это очень больно».

Грудь Ёсими свела судорога отчаяния. Казалось, она уходила куда-то под воду, это был конец света, но Ёсими вспомнила о той, что стала причиной этого кошмара, и повернулась к Мицуко. Если бы взгляд мог убивать, Мицуко загнулась бы на месте. Ёсими уже абсолютно не волновала эта игра и кто ее враги или союзники. Все прояснилось. Если кто-то и был ее худшим врагом, так это Мицуко Сома. Она убила ее любовь.

— Зачем ты его убила?

Слова казались Ёсими совершенно пустыми. И себя она тоже чувствовала пустой — просто оболочка, имеющая человеческое обличье. И все же слова почему-то изливались наружу. Человеческое тело порой способно на странные вещи.

— Почему? Зачем ты его убила? Это ужасно! Это подло! Ты, дрянь! Зачем тебе понадобилось его убивать? Почему!?

Мицуко недовольно скривилась.

— Он чуть тебя не убил. А я тебя спасла.

— Нет! Нет! Ёдзи меня понял! Я этого добилась! А ты дрянь! Я тебя убью! Ёдзи меня понял!

Мицуко покачала головой. А затем, пожав плечами, подняла колыт. Глаза Ёсими широко распахнулись.

Секунду спустя Ёсими еще раз услышала сухой хлопок. В лоб ей словно бы ударил бампер автомобиля. И это было все.

Ёсими Яхаги упала на труп своего возлюбленного Ёдзи Курамото и застыла в неподвижности. Пуля начисто разнесла ей затылок. Но рот Ёсими так и остался открыт, словно она продолжала кричать, и из него хлынула кровь. На школьном пиджаке Ёдзи стало расплываться темное пятно.

Мицуко опустила дымящийся пистолет и снова пожала плечами. Вообще-то она рассчитывала при случае использовать Ёсими в качестве щита, как защиту от пуль.

Нагнувшись, Мицуко прошептала Ёсими в самое ухо:

— Не сомневаюсь, что он тебя понял. — К мочке уха Ёсими прилипло причудливое украшение из кусочка серого мозга и капельки крови. — Потому-то я его и убила. Стало похоже, что он тебя все-таки не убьет.

Затем Мицуко возобновила попытки вытащить серп из головы Ёдзи.

До Сюи, Сёго и Норико донесся далекий звук. Сюя поднял голову. Звук повторился. Они подождали, но больше ничего не услышали. Только верхушки деревьев шуршали, покачиваясь от ветра.

Сюя взглянул на сидящего рядом Сёго.

— Это были выстрелы?

— Выстрелы.

— Значит, кто-то уже... — начала было Норико, но Сёго покачал головой.

— Мы не знаем наверняка, — сказал он.

Перед этим они несколько минут сидели молча, однако пистолетная стрельба спровоцировала новый разговор.

— Послушайте, — заговорил Сёго, — раз вы можете мне доверять, все отлично, но тем не менее... как я уже сказал, нам необходимо дожить до самого конца игры. И я просто хочу кое в чем убедиться. — Он взглянул на Сюю. — Скажи, Сюя, готов ли ты быть безжалостным с врагом?

Сюя с трудом сглотнул.

— Ты имеешь в виду власти?

— Ну да, и их тоже, — отозвался Сёго. — А еще — твоих одноклассников, когда они на нас нападут.

Сюя едва заметно кивнул.

— Если дело дойдет до этого, то да, — ответил он, но голос его прозвучал неуверенно.

— Даже если это будет одноклассница?

Сюя сжал губы и посмотрел на Сёго. Затем снова опустил голову.

— Да, если придется.

— Тогда хорошо. Мы нашли общий язык. — Сёго кивнул и взялся за дробовик, стоящий у его скрещенных ног. Затем он добавил: — Если ты будешь слишком заикливаться на всех, кого убьешь, кто-нибудь непременно тебя прикончит.

Сюя собрался было кое о чем спросить, но передумал. Однако чуть позже все-таки не удержался и выпалил:

— Значит, год тому назад ты был безжалостен?

Сёго пожал плечами.

— Я просто убивал. Хочешь услышать подробности? Скольких парней я убил, прежде чем выиграл? И скольких девочек?

Норико скрестила руки на груди и прижала локти к бокам.

— Нет... не надо. — Сюя покачал головой. — Это бессмысленно.

Они снова погрузились в молчание.

— У меня не было другого выхода, — сказал затем Сёго, словно бы объясняя. — Некоторые из них лишились рассудка... а были и такие, кто по доброй воле старались убить как можно больше ребят... Большинство моих друзей очень быстро погибли, и у меня даже не нашлось времени с кем-то объединиться. Кроме того, я... я просто не мог допустить, чтобы меня убили. — Он помолчал и добавил: — Я должен был сделать кое-что еще, а потому не мог умереть.

Сюя поднял голову.

— Что?

— А, брось, это же так очевидно. — Сёго жестко улыбнулся, а затем его глаза вдруг яростно засверкали. — Я собирался порвать на куски этот проклятый режим. Отомстить всем тем, кто бросил меня в эту дьявольскую игру.

Наблюдая за Сёго, губы которого дрожали от гнева, Сюя подумал: «Он совсем как я. Он хочет разобраться со всеми теми гадами, которые отвечают за эту игру, с теми подонками, которые без всяких колебаний бросили нас в этот кошмар, обрекли на взаимное недоверие и ненависть. Как и я, он хочет отправить всех их на свидание с дьяволом. И еще... Сёго лишь мимоходом упомянул, что он рано потерял своих друзей, но могу поклясться, что он при этом потерял кого-то очень для себя важного — как для меня Ёситоки».

Сюя хотел было об этом спросить, но не стал.

— Ты сказал, что много учился, — сказал он вместо этого. — Значит, ты учился именно ради этой цели?

Сёго кивнул.

— Да. И в конечном итоге этот режим кое-чего от меня бы дождался.

— Например?

Сёго лишь поморщился.

— Точно не знаю. — Он покачал головой. — Не так просто сломать тщательно выстроенную систему. Но кое-что я бы непременно сделал. Хотя нет. Я по-прежнему собираюсь это проделать. Вот почему я и на сей раз должен выжить.

Сюя посмотрел на свой револьвер и поднял взгляд. Ему в голову пришел еще один вопрос.

— Можешь мне кое-что сказать?

— Что?

— Какова цель этой игры? Разве все это может служить какой-то разумной цели?

Глаза Сёго расширились, но затем он опустил взгляд и рассмеялся. Вопрос Сюи явно его позабавил.

— Нет никакой цели, — сказал он.

— Но власти настаивают на том, что у нее есть какое-то военное назначение, — вмешалась Норико.

Продолжая улыбаться, Сёго покачал головой.

— Безумная чушь. Хотя, раз вся страна безумна, эту чушь можно считать совершенно разумной.

Сюя снова ощутил прилив гнева.

— Почему же тогда все это продолжается так долго? — спросил он.

— Очень просто. Потому что никто не протестует. Вот оно и продолжается.

Видя, что Сюя и Норико не находят слов для ответа, Сёго продолжил:

— Послушайте, нашей страной управляет кучка идиотических бюрократов. Хотя на самом деле надо быть идиотом, чтобы стать бюрократом. Я думаю, что, когда эту милую игру только-только придумали — а придумал ее, скорее всего, какой-то психованный военный стратег, — никто просто не стал возражать. К чему поднимать бучу, консультироваться со специалистами? А то, что раз установлено, потом очень тяжело изменить. Только вмешайся, и можешь лишиться работы. Нет, хуже — попасть в исправительно-трудовой лагерь по идеологической причине. Даже если бы все были против, никто бы этого вслух не сказал. Вот почему ничего не меняется. В этой стране уйма безобразий, но все сводится к одному и тому же — фашизму.

Сёго взглянул на Сюю и Норико.

— Вот вы оба, да и я тоже, мы не смеем ничего сказать, — продолжил он. — Даже если что-то кажется вам неправильным, ваша жизнь слишком драгоценна, чтобы рисковать ею, высказывая протест. Так?

Сюя не смог ничего ответить. И гнев его внезапно угас.

— Это постыдно, — сказала Норико.

Сюя молча посмотрел на нее. Норико опустила глаза. И Сюя мысленно с ней согласился — он испытывал такие же чувства.

— Вы слышали о стране под названием Народная Республика Южная Корея? — спросил Сёго.

Сюя недоуменно на него посмотрел, Сёго тем временем разглядывал розовый цветок азалии на кусте рядом. Вопрос показался Сюе неуместным, но он все же ответил:

— Да. Эта страна находится в южной части нынешнего Демократического Государства Корейского Полуострова, верно?

Про Народную Республику Южная Корея и Демократическое Государство Корейского Полуострова, а также про гражданскую войну между двумя корейскими государствами, расположенными к западу от Народной Республики Дальневосточная Азия, можно было прочитать в учебнике следующее: «Наши отношения с НРЮК были братскими, но подлый заговор, организованный американскими империалистами и их пособниками из ДГКП, привел к тому, что НРЮК была аннексирована ДГКП». (Разумеется, за этой информацией следовал вывод: «Наш великий народ должен поганой метлой вымести империалистов с Корейского полуострова и как можно скорее аннексировать эту страну не только ради свободы братского корейского народа, но и ради приближения нашей общей цели: достижения единства всех народов Восточной Азии»).

— Верно. — Сёго кивнул. — Эта страна была совсем как наша. Тоталитарное правительство и диктатор, идеологическая пропаганда, изоляционизм, а также полный контроль за информацией. И система доносов. НРЮК рухнула через сорок лет после своего образования. А Народная Республика Дальневосточная Азия по-прежнему процветает. Как думаете, почему?

Сюя принялся размышлять. Вообще-то он никогда об этом не задумывался, но в учебниках поражение Южной Кореи объяснялось «коварным заговором мирового империализма, включая американский». (Вообще в этом учебнике активно использовалась лексика, недоступная большинству учеников младшей средней школы.) Но почему тогда нынешняя Дальневосточная Азия по-прежнему процветала? Конечно, НРЮК географически располагалась рядом с ДГКП, но...

Сюя покачал головой.

— Не знаю, — сказал он.

Сёго посмотрел на него и кивнул.

— Прежде всего, дело здесь в нужном балансе.

— Балансе?

— Да. НРЮК была тоталитарным государством. Разумеется, в нашей стране тоже по сути тоталитарный режим. Однако он использует кое-какие уловки. Возможно, это просто удачное совпадение, но здесь как-то умудряются оставлять людям крошечные клочки свободы. Давая тебе такой леденец, власти заявляют: «Безусловно, каждый гражданин имеет право быть свободным. Однако его свобода должна быть под контролем ради общего блага». На самом деле вполне резонное заявление, верно?

Сюя и Норико молча ждали, и Сёго продолжил:

— Именно таким образом наша страна и стала такой, как сейчас. Семьдесят пять лет тому назад.

— Семьдесят пять лет тому назад? — переспросила Норико. Обхватив свои колени под плиссированной юбкой, она озадаченно наклонила голову.

Затем Норико взглянула на Сюю. Тот кивнул, отчасти разделяя ее недоумение, и посмотрел на Сёго.

— Я что-то слышал о том, что история, которой нас учат, — одна большая ложь, — сказал Сюя, — и что вряд ли нынешний Диктатор на самом деле триста двадцать пятый. На самом деле он должен быть всего лишь двадцать первым? Так?

Синдзи Мимура ему об этом рассказывал. Норико наверняка ничего не знала. В школе их учили другому, а взрослые держали рот на замке (или просто не знали). Даже Сюя был поражен, впервые услышав про это от Синдзи. Ведь отсюда вытекло, что менее восьмидесяти лет тому назад, до появления Первого Диктатора — другими словами, до Великой Революции, — название этой страны и ее общественное устройство были совершенно иными. (Синдзи тогда заявил: «Судя по всему, это было феодальное общество. Люди тогда носили всякие психоделические прически и подчинялись строгой кастовой системе. Хотя, говоря откровенно, это все равно было лучше того, что мы имеем сейчас».) Сюя снова взглянул на удивленное лицо Норико, но у него самого невольно поднялись брови, когда он услышал новое заявление Сёго:

— Да и это навряд ли правда.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Сюя.

Сёго улыбнулся.

— Нет никакого Диктатора, — ответил он. — Он не существует. Его просто придумали. Вот что я слышал.

— Что?

— Этого не может быть... — с трудом выговорила Норико. — Мы видели его в новостях... и на Новый год он появляется перед всеми во дворце.

— Ага. — Сёго ухмыльнулся. — А кто эти «все во дворце»? Ты знаешь хоть одного, кто там был? Что, если все они тоже актеры — совсем как Диктатор?

Стоило только Сюе об этом задуматься, как его затошнило. Никакой правды — одна ложь. Все казалось сомнительным.

— Неужели это действительно так? — подавленно спросил он.

— Не знаю. Я просто слышал, что так. Но мне это кажется вполне вероятным.

— А где ты эту информацию раздобыл? В той штуке, которая зовется интернетом?

Спросив про интернет, Сюя снова подумал о Синдзи Мимуре. Сёго опять лишь усмехнулся.

— К сожалению, я не очень хорошо владею компьютером. Но есть способы это выяснить. Стоит только захотеть. Мне это кажется вероятном потому, что таким образом напрашивается вывод — над правительством нет верховной власти. Все главные члены правительства равны. Они обладают равной свободой. А это означает, что ответственность у них тоже равная. Никакого неравенства. Никакого несогласия. Между ними должна происходить какая-то хитрая игра... И все это следует держать в тайне от общественности. Фигура вождя должна играть лишь харизматическую роль.

Тут Сёго глубоко вздохнул.

— Так или иначе, — продолжил он, — речь сейчас не об этом. Возвращаясь к тому, о чем я говорил, в нашей стране ввели такую систему, и она с тех пор успешно развивается. Под «успехом» я имею в виду, что страна преуспела как индустриальное государство. Хотя Республика придерживается политики изоляционизма, она торгует с нейтральными странами, которые поддерживают связь как с нами, так и с Америкой. Она импортирует сырье и экспортирует разные товары. Эти товары успешно продаются. И неудивительно. Они действительно высокого качества. Появляется серьезная конкуренция с США. Единственное, в чем наша страна отстает, это высокие технологии и компьютеры. Высокое качество товаров обеспечивается в результате подчинения индивида группе и давления тоталитарного правительства. Тем не менее... — Тут Сёго немного помолчал, качая головой. — Мне кажется, что как только мы достигли такого уровня процветания, сами люди стали бояться менять систему. При таком успехе и таком высоком уровне жизни они не хотят рисковать, идти на жертвы, если речь идет о каких-то мелких проблемах. А о том, чтобы сбросить правительство, вообще говорить нечего.

Снова взглянув на Сюю, Сёго насмешливо улыбнулся.

— Ты хочешь спросить, что это за «мелкие проблемы»? К примеру — эта чудесная игра. Конечно, с учениками и их семьями могут скверно обходиться, но они представляют собой ничтожное меньшинство. Даже семьи в конечном итоге с этим смиряются. Со временем горе забывается.

Запутанное объяснение Сёго наконец вернуло их к этой игре, гордости Народной Республики Дальневосточная Азия. Сюя помрачнел. По-видимому, Сёго заметил это и спросил, в чем дело.

— Меня просто тошнит, — ответил Сюя. Наконец-то он начал понимать, что именно имел в виду Синдзи Мимура, когда сказал: «Такое обычно называют „успешным фашизмом“. Что может быть кошмарнее?» Должно быть, Синдзи давно уже знал то, что только что узнал Сюя.

— Ха! Ты еще не все услышал. Погоди немного, и тебя по-настоящему затошнит. — И Сёго словно бы с наслаждением продолжил: — Я думаю, главное отличие нашего государства от НРЮК — чисто этническое.

— Этническое?

Сёго кивнул.

— Да. Другими словами, я думаю, что эта система сработана, подходит людям в нашей стране. Используется их раболепное отношение к власти предрержащим. Слепое подчинение. Зависимость от чужих мнений и особенности менталитета. Консерватизм и пассивное соглашательство. Стоит только научить наших людей чему-то предположительно благородному, идущему на пользу обществу, и они сами убедят себя в том, что занимаются чем-то хорошим и добрым, даже если это простой донос. Это так трогательно. От всего более сложного у них голова кружится. Вот от чего лично меня тошнит.

Он был абсолютно прав, и это было совершенно отвратительно. Сюе показалось, что его вот-вот вывернет наизнанку. Но тут вмешалась Норико.

— Я с тобой не согласна, — сказала она Сёго.

Сюя и Сёго дружно повернулись к ней. Судя по тому, как Норико горбилась, обнимая свои колени, Сюя решил, что она устала. Однако девочка твердо взглянула на них обоих и вполне внятно заговорила:

— Обо всем этом я ничего не знаю. Я впервые об этом услышала. Но если то, о чем ты только что рассказал, действительно правда и если бы все об этом знали, думаю, они бы не сидели сложа руки... Именно потому что никто об этом не знает, мы и оказались в таком положении. Ты говоришь, мы всегда такими были, но я отказываюсь в это верить. Я не говорю, что мы какие-то особенно благородные, но мне кажется, мы не меньше любого другого народа на этой планете способны думать и действовать ответственно.

Сёго ответил ей поразительно доброй и нежной улыбкой.

— Мне нравится то, что ты сейчас сказала.

А Сюя вдруг увидел Норико совсем в ином свете. В классе она не особенно выделялась и никогда не высказывала своего мнения так откровенно, как она сделала только что. Странное дело, но с самого начала игры Сюя видел другую Норико. Могло

так получиться — и тогда Сюе оставалось лишь расписаться в своем полном невежестве, — что Ёситоки давно уже воспринимал Норико по-другому.

Так или иначе, такой отклик выглядел куда более достойно, нежели его нервное: «Меня просто тошнит». В любом случае это была их родная страна, место, где они родились и выросли (хотя Сюя сомневался, что им удастся и дальше там расти). Американская империя могла когда-нибудь в будущем либерализовать это государство, но неоспоримый факт состоял в том, что это было в первую очередь их дело. Они не должны были, да и не могли полагаться в этом деле на других.

Сюя взглянул на Сёго.

— Послушай, Сёго, — спросил он у него, — а ты не думаешь, что можно изменить нашу страну?

К большому разочарованию Сюи Сёго покачал головой. Вообще-то Сюя, помня о желании Сёго «порвать на куски этот проклятый режим», ожидал утвердительного ответа.

— Но ведь ты сам недавно сказал, что порвешь этот режим на куски.

Сёго после довольно внушительного перерыва снова закурил сигарету, а затем сложил руки на груди.

— Я скажу тебе, что я по этому поводу думаю. — Он развел руками, затем вынул сигарету изо рта и выдохнул облако дыма. — Мне кажется, история идет волнами.

Сюя ничего не понял, но, прежде чем он успел спросить, о чем идет речь, Сёго продолжил:

— В один прекрасный день, когда ситуация созреет, наша страна изменится. Не знаю, как именно это произойдет — будет ли это война, революция или еще что-то. И я понятия не имею о том, когда этот день наступит. На самом деле это даже может вообще никогда не случиться.

Сёго сделал еще затяжку и выдохнул дым.

— Так или иначе, я не думаю, что это возможно прямо сейчас. Как я уже сказал, эта страна безумна, но ею также отлично управляют. — Зажатой между пальцев сигаретой Сёго указал на Сюю и Норико. — Прямо сейчас в ней все гниет. Если вам это нестерпимо, тогда самое умное отсюда сбежать. Есть способы смотреть из этой страны и отправиться куда-то еще. Тогда можно будет избежать вони. Конечно, замучит тоска по дому, зато жизнь вокруг будет классной... но я так делать не собираюсь.

Сюя нервно потер ладонь о бедро. Он надеялся, что вывод Сёго станет созвучен его мыслям о том, что надо делать что-то здесь, потому что это в конечном счете его родная страна. Разве Боб Марли не пел: «Вставай, поднимайся... весь народ все время дурачить нельзя»?

Однако ответ Сёго обманул его ожидания.

— Я жажду мести... пусть даже исключительно ради самоудовлетворения... поэтому я и хочу восстать против этого режима. Вот и все. Сильно сомневаюсь, что моя месть что-то здесь изменит.

Сюя тяжело вздохнул.

— Звучит безнадежно, — вымолвил он.

— Так оно и есть, — согласился Сёго.

Осталось 25 учеников

32

Услышав два далеких выстрела, Ютака съежился, а Синдзи перестал стучать по клавиатуре.

— Слышал? — спросил Ютака.

Синдзи кивнул.

— Опять стрельба.

Однако Синдзи тут же вернулся к компьютеру. Пусть это звучало резко, но сейчас он не мог позволить себе заботиться об остальных.

Ютака посмотрел на пальцы Синдзи, бегающие по клавиатуре, затем на беретту у себя в руке. Синдзи отдал Ютаке пистолет и попросил его стоять на страже.

— Послушай, Синдзи. Что ты там пытаешься выяснить с этим компьютером. Может, расскажешь? — После того как Синдзи загрузил в компьютер коммуникационную программу и наладил связь с мобильным телефоном, он непрерывно стучал на клавиатуре, лишь временами восклицая «Эврика!» или «Ах, черт, ну конечно!» Ютаке он при этом никаких объяснений не давал.

— погоди минутку. Я уже почти закончил.

И Синдзи снова застучал по клавиатуре. По центру серого экрана проплывали английские предложения с вкрапленными туда значками "%" и "#". Синдзи, похоже, как-то на эту галиматью реагировал.

— Ну вот, порядок.

Когда запрошенная информация начала загружаться, Синдзи перестал печатать. Базовым режимом работы был «уникс», но он также установил там отдельное графическое окно для показа статуса загрузки в режиме «макинтош». Синдзи сцепил руки за головой. Теперь ему просто оставалось подождать, пока загрузка закончится (разумеется, сразу же после того, как это случится, ему придется переписать регистрацию ввода, чтобы стереть все следы проведенной операции). Затем, основываясь на полученной информации, Синдзи разработает свою стратегию. Ему придется либо устроить перезапись данных, либо придумать собственную программу для обмана противника. Последнее потребует немалой возни. Впрочем, у него на всю эту работу не больше половины дня.

— Синдзи, расскажи мне, что происходит, — приставал Ютака.

Синдзи улыбнулся, отодвинулся от компьютера и опять прислонился к дереву. Надо признать, что эта работа невероятно его возбуждала. Синдзи вдохнул поглубже, чтобы успокоиться. Впрочем, это было вполне естественно. Когда Синдзи сказал Ютаке, что у него есть пауэрбук-150, он еще ни в чем не был уверен. Но теперь он почти не сомневался — они должны победить.

— Я пытался прикинуть, как нам спастись, — медленно сказал Синдзи.

Ютака кивнул.

— И первым делом... — Синдзи указал себе на шею. Сам он своего серебристого ошейника не видел, но резонно полагал, что Ютака видит его прекрасно. — Первым делом я хотел избавиться от ошейника. Он выдает этому ублюдку Сакамоти наше местоположение. А также тот факт, что мы вместе. Если мы попытаемся сбежать, при помощи этого устройства нас быстро найдут. Или даже искать не станут. Просто пошлют на него сигнал и оторвут нам головы. Именно поэтому мне для начала и требовалось прикинуть, как избавиться от этого ошейника.

Тут Синдзи развел руками.

— Но мне пришлось пока это дело отложить. Сакамоти сказал, что ошейник взорвется, если кто-то попытается его разобрать, и я сомневаюсь, что он блефует. В наружной оболочке, должно быть, проложена проволока — примерно как в плавком предохранителе. Как только эта проволока обрывается, запал срабатывает. Так что возиться с этой штуковиной слишком опасно. Я подумал было вставить под ошейник металлическую пластину, но туда влезет только очень тонкая. Мою шею все равно разорвет на куски.

Ютака снова кивнул.

— Так я пришел к мысли о том, чтобы взять в свои руки управление школьным компьютером, который за нами следит и дает сигнал на ошейник. Понимаешь?

Конечно, основам компьютерного программирования Синдзи научил не кто иной, как его дядя, однако со времени его смерти Синдзи занимался за компьютером с не меньшим рвением, чем на баскетбольной площадке. В результате он стал невероятно искусным компьютерщиком. Синдзи выяснил, как подсоединиться к международной линии, что было строго запрещено правительством, и выходить на еще более высокие уровни компьютерного мастерства, а также получать новую информацию со всего мира через реальный интернет. (То, что называли «интернетом» у них в стране, было на самом деле сущей ерундой, закрытой структурой, именуемой «Сетью Дальневосточной Азии»). Хотя за эти действия Синдзи могли и не расстрелять, они все же были достаточно противозаконны, чтобы обеспечить ему двухлетнюю отсидку в тюрьме для малолетних политических преступников. Помня о такой возможности, Синдзи быстро овладел методом, позволявшим избегать обнаружения. Конечно, он никогда и никому об этом не рассказывал, хотя показывал Ютаке некоторые веб-сайты (в основном порнографические — просто чтобы позабавиться). Короче говоря, Синдзи был блестящим хакером.

— Я стал искать персональный компьютер. Мобильник у меня уже был. Как славно, что в этой дурацкой игре тебе позволяют иметь при себе личные вещи. Правда, мне следовало бы захватить с собой кое-какие материалы, но с другой стороны, мне не на что пожаловаться, потому что я нашел этот дорожный компьютер. Дальше мне оставалось только найти источник питания. Тогда я вынул из одной машины этот аккумулятор. Пришлось подгонять напряжение, но это было несложно.

По мере того, как Синдзи объяснял, Ютака постепенно ухватывал, что пауэрбук и мобильный телефон работают вместе. Но тут он вспомнил об одной вещи:

— Послушай, — сказал Ютака, — но разве Сакамоти не пообещал, что пользоваться телефонами мы не сможем? Или мобильники здесь исключение?

Синдзи покачал головой.

— Нет, они тоже не работают. Я попытался набрать сводку погоды, и голос Сакамоти отозвался: «В штабе Программы младшей средней школы города Сироивы сегодня прекрасный денек». Меня это так достало, что я тут же отключился. Выходит, они контролируют ближайший сотовый ретранслятор. Догадываюсь, ни одна телефонная компания здесь работать не будет.

— Но как тогда...

Синдзи поднял палец, перебивая Ютаку.

— Подумай вот о чем. Их коммуникационная система должна простираться за пределы этого острова. То есть, из соображений безопасности их компьютеры должны быть связаны с компьютерами центрального правительства. Как же они такую связь наладили? А очень просто. Они избирательно задействовали номера из местных линий для мобильных телефонов.

— Но это значит, что...

Снова перебивая Ютаку, Синдзи широко улыбнулся.

— Но даже если все было так, я еще об одном подумал... Они должны были хоть минимально защитить себя от любого сотрудника телефонной компании, которому вздумалось бы подключиться к их линиям.

Синдзи потянулся к лежащему на земле мобильному телефону.

— Я никогда тебе об этом не рассказывал, — продолжил он, — но мой мобильник не совсем обычный. В нем есть два вида памяти для телефонных номеров и паролей. По его виду ничего такого не скажешь, но, если поворачивать вот этот винтик на девяносто градусов, можно переключаться с одного вида памяти на другой. И второй номер я придумал просто забавы ради — чтобы делать бесплатные звонки... — Синдзи положил мобильник на место и продолжил: — Это сотовый номер, который сотрудники телефонной компании используют для проверки линий.

— Тогда... это значит...

Синдзи подмигнул Ютаке.

— Все верно. Остальное проще пареной репы. Правда, я немного помучился, подключая телефонный модем к мобильнику. К ним, знаешь ли, инструментов не прилагается. Но я все-таки сумел это повернуть. Таким образом я получил доступ к своему домашнему компьютеру. Вообще-то нормальную коммуникационную программу я взломать не могу, а потому я загрузил свои особые инструменты — вроде программы для дешифровки сообщений. Затем я стал искать правительственный сайт префектуры. Операции центрального правительства наверняка имеют системы безопасности высшего уровня, поэтому я решил, что в системы правительства префектуры будет легче вломиться. Моя догадка оказалась верна. Хотя эта игра напрямую управляется центральным правительством, к ней также должен быть подключен филиал этого правительства в той префектуре, где она проводится. И в этом я тоже оказался прав. В коммуникационных системных журналах местного правительства оказалась масса незнакомых адресов. Просматривая электронную

почту, я наткнулся на сообщение для суперинтенданта полиции, извещающее его о начале игры. Тогда я вломился на веб-сайт отправителя — другими словами, на временный сервер для школьного здания на этом острове. Потребовалось немного попотеть, но пока я тыкался туда-сюда, тщательно избегая обнаружения, я нашел резервный файл операции, с которым они капитально напортачили. Короче, я его взял. Другими словами, я нашел странный код, который показался мне важным. Еще до того, как я с тобой объединился, я поставил «макинтош» взламывать этот код. И вот что у меня тогда здесь готовилось.

Синдзи протянул руку к пауэрбуку, пока тот продолжал загружать информацию, открыл еще один эталонный файл и продемонстрировал Ютаке громадный 24-точечный дисплей.

— Кинпати Сакамотё, — прочел оттуда Синдзи.

— Сакамотё?..

— Ага. Думаю, это по-испански. Из-за этой дурацкой перемены гласных пароль получился немного сложнее. Но в целом пароль для этой системы именно таков. Вот так я и получил свободный доступ. А потом проверил все, что только смог. Теперь я целиком загружаю сюда информацию из школьного компьютера. Я собираюсь изменить данные, вернуться в ту систему и обезвредить ошейники. Сделав территорию школы запретной зоной, Сакамоти и компания решили, что они теперь в полной безопасности, но теперь мы сможем застать их врасплох. У нас появится шанс. А как только мы возьмем школу, мы наверняка сумеем выручить остальных. Даже если этого не получится, мы сможем так сфальсифицировать данные, чтобы мы в них значились мертвыми, и сбежать с этого острова.

После этого краткого, но впечатляющего резюме Синдзи перевел дух и ухмыльнулся.

— Ну, что думаешь?

Ютака явно был ошарашен.

— Потрясающе.

Польщенный таким откликом друга, Синдзи улыбнулся. «Спасибо, Ютака, — подумал он. — Всегда приятно, когда тебя ценят за твой талант».

— Послушай, Синдзи... — заговорил изумленный Ютака.

Синдзи недоуменно поднял брови.

— Что такое? У тебя вопрос?

— Нет. — Ютака покачал головой. — Я... я тут просто кое о чем задумался.

— О чем?

Ютака опустил взгляд на беретту у себя в руке. Затем снова поднял глаза.

— Мне непонятно, почему ты дружишь с таким парнем, как я.

Синдзи совершенно не понял, о чем говорит Ютака. Челюсть его отвисла.

— Ты о чем? — спросил он затем.

Ютака снова опустил взгляд.

— Понимаешь... — стал объяснять он, — я хочу сказать, ты такой потрясающий. Я могу понять, почему ты дружишь с парнями вроде Сюи. Сюя такой же отличный спортсмен, как и ты, и он прекрасный гитарист. А я... я просто ничтожество. И вот... мне стало непонятно, почему ты со мной дружишь.

Синдзи уставился на обращенное к нему лицо Ютаки.

— Брось, Ютака, это просто нелепо, — сказал он.

Услышав нежный голос друга, Ютака поднял глаза.

— Я — это я, — продолжил Синдзи. — А ты — это ты. Если я хорошо играю в баскетбол или разбираюсь в компьютерах, это не делает меня лучше тебя. Ты классно умеешь смешить. Ты добрый. Когда ты серьезен, ты гораздо искренней меня. Например, с девочками. Я не хочу использовать дешевый штамп насчет того, что у каждого есть, что предложить. Я говорю о том, что в тебе есть масса качеств, которыми я восхищаюсь. — Он пожал плечами и улыбнулся. — Ты мне нравишься. Мы всегда были приятелями. Ты мой друг. Мой лучший друг.

Тут глаза Ютаки опять стали наполняться слезами. Затем он прежним тоном сказал:

— А, черт. Спасибо, Синдзи. Спасибо тебе большое. — Ютака вытер слезы и рассмеялся. — Но со мной тебе с этого острова не сбежать. Ты раньше в моих слезах утонешь.

Синдзи тоже собрался было рассмеяться — но тут вдруг услышал звонок.

Хмуря брови, он резко выпрямился. Это был стандартный предупредительный сигнал «макинтоша».

Опустившись на колени перед пауэрбуком, Синдзи уставился на экран.

Глаза его широко распахнулись. Появившееся на экране сообщение гласило, что линия разъединена, а загрузка прервана.

— Почему? — простонал Синдзи.

Затем он принялся стремительно печатать, но связь спасти не удалось. Тогда он вышел из коммуникационной программы «уникс» и стал пытаться набрать модем с другим коммуникационным приложением.

Появилось сообщение: «Набранный вами номер уже не обслуживается». И сколько Синдзи не пытался его набирать, он принимал то же самое сообщение. Связь между модемом и телефоном казалась нормальной. Чтобышний раз в этом убедиться, Синдзи отсоединил телефон от модема и напрямую набрал номер на мобильнике. Он снова попробовал получить сводку погоды.

Теперь мобильный телефон вообще не давал никакого сигнала. А это означало... нет, батарейка по-прежнему была заряжена...

Этого просто быть не могло... Сжимая в руке мобильник, Синдзи с разинутым ртом уставился на экран пауэрбука, который уже не работал. Что система взломана, обнаружить было невозможно. Недаром же он был хакером. И вся нужная аппаратура у Синдзи имелась.

— Синдзи? Что случилось? А, Синдзи?

Ютака продолжал к нему взывать, но Синдзи хранил молчание.

Осталось 25 учеников

33

Когда на самом краю жидкокристаллического экранчика появилась пиктограмма в виде звездочки, Хироки Сугимура (ученик номер 11) стал внимательно за ней наблюдать. С тех самых пор, как он это устройство включил, точно такая же звездочка в центре экрана не исчезала.

Хироки находился в жилом районе на восточном берегу острова. Скоро этому району предстояло стать запретной зоной. Быстро, но осторожно двигаясь между домами, Хироки наконец заметил изменение изображения на экране. Это приспособление он нашел у себя в рюкзаке. Оно выглядело как переносное устройство для сбора данных, какими пользуются служащие. Это изменение произошло первый раз с тех пор, как Хироки в 6 утра включил эту штуковину, предварительно ознакомившись с инструкцией. Его первой задачей было прочесать зоны, которым скоро предстояло стать запретными, но ни в одной из них устройство не откликнулось — ни в секторе К=2 на южном берегу, ни в секторе Е=1 на западном. Оттуда Хироки переместился сюда, в сектор З=8.

С технической точки зрения оружием это устройство, конечно, не являлось. Однако прямо сейчас, если Хироки правильно им воспользуется, оно могло оказаться ценнее любого оружия. Вот только он не был уверен, правильно ли он им пользуется.

Другой рукой Хироки снова схватился за палку. (Это была ручка от швабры, найденная им в жилом районе. При желании Хироки мог бы взять оттуда хороший тесак, но палка показалась ему полезнее, ибо еще с начальной школы он изучал боевые искусства). Крупного телосложения, за 180 сантиметров ростом, он тем не менее двигался ловко и проворно и вскоре прижался спиной к стене соседнего дома. Звездочка на краю экрана приблизилась к соответствующей пиктограмме в центре.

Хироки вспомнил, что об этом говорилось в инструкции, и повернул голову. Значит, этот дом... внутри этого дома.

Положив устройство в карман, Хироки направился во внутренний дворик.

Там был небольшой домашний огород с вымахавшими по пояс помидорами, кустики картошки и зеленого лука. Рядом цвели анютины глазки и разноцветные хризантемы. У ограды стоял детский трехколесный велосипед. Хромированный руль искрился под полуденным солнцем.

Вторая дверь на веранду оказалась заперта. Открывать ее было опасно — слишком много шума. Хироки двинулся вправо и увидел окно. Разбитое. Теперь Хироки не сомневался. Внутри кто-то побывал. И если он правильно понял инструкцию к радару, этот кто-то по-прежнему был там.

Поскольку этому району скоро предстояло стать запретной зоной, здесь никого не должно было быть. А значит, внутри скорее всего был труп. Но... Хироки должен был знать это наверняка.

Он медленно приблизился к окну и заглянул туда. Внутри оказалась застеленная татами гостиная.

Хироки беззвучно поднял окно. Затем ухватился за оконную раму и по-кошачьи запрыгнул внутрь.

В гостиной имелся альков. В центре располагался низкий столик, а в углу у окна стоял телевизор. Больше там ничего и никого не было. Хироки на цыпочках вышел.

В коридоре на него словно бы пахнуло ржавчиной.

Хироки быстро пошел по коридору. Запах усиливался.

Дальше была кухня. Стоя в дверном проходе, Хироки внимательно ее оглядел.

Из-под кухонного стола торчали ноги в белых спортивных тапочках и носках.

Глаза Хироки широко распахнулись. Он подбежал к столу.

Девочка в матроске и плиссированной юбке лежала на животе. Лицо ее было повернуто в сторону от Хироки. Девочка была миниатюрная, с короткими волосами. Под ее головой скопилась целая лужа крови. Поверхность этой лужи уже сделалась темно-красной.

Девочка определенно была мертва. Вопрос был только в том...

Миниатюрное тело. Короткие волосы.

Она была очень похожа на одну из двух девочек, которых Хироки искал. Обе были в равной мере для него важны. Одну из них эта девочка точно напоминала. Он только не мог вспомнить, носила ли она такие тапочки.

Тогда Хироки отложил палку и рюкзак и опустился на колени над трупом. Дрожащей рукой он тронул девочку за плечо. После секундного колебания Хироки сжал зубы и перевернул тело. Резкий запах свежей крови ударил ему в ноздри.

Зрелище было ужасное. Нежное горло девочки было зверски распорото как раз над ошейником. Потому, наверное, что оттуда вытекла вся кровь, рана казалась разверстой дырой. Она напоминала рот беззубого младенца. Кровь испачкала серебристый ошейник, стекая дальше по груди девочки. Ее левая щека, рот и нос частично были погружены в темно-красную лужу. Хироки заключил, что это случилось уже после того, как девочка упала. Капельки крови виднелись также на кончиках ее ресниц и под остекленевшими глазами. Здесь кровь уже свернулась.

Это была Мэгуми Это (ученица номер 3).

Не та, кого он искал.

Хотя жуткое зрелище его потрясло, Хироки испытывал некоторое облегчение. Закрыв на секунду глаза, он глубоко вздохнул. Хироки невольно винил себя за это чувство облегчения. Затем он аккуратно поднял Мэгуми из лужи крови и положил ее на спину. Трупное окоченение уже взяло свое, и тело девочки казалось манекеном. Проделав это, Хироки снова закрыл глаза. Еще немного поколебавшись, он попытался сложить Мэгуми руки на груди, но они теперь совершенно не гнулись, и у него ничего не вышло.

Наконец Хироки снова взял палку и рюкзак и встал. Последний раз взглянув на тело Мэгуми, он направился обратно в гостиную. Было уже почти 11 вечера.

Шло время, Сёго продолжал молча курить. Норико тоже держалась молчком. В зарослях чирикали птички, а верхние ветви деревьев шелестели на ветру. Световая паутина, которую они создали над ними, колебалась взад-вперед, точно маятник. Хорошенько прислушавшись, можно было расслышать шум океанского прибоя. Теперь, когда они уютно устроились в лесу, жизнь казалась почти мирной.

Частично такое ощущение подавала надежда, появившаяся у Сюи после разговора с Сёго. Они могли спастись. И если им этого хотелось, лучше всего было затаиться и ждать. Несмотря на рану Норико, ведя себя очень осторожно, они оставались в безопасности. В конце концов, их было трое, и у двоих имелось огнестрельное оружие.

И все-таки Сюя не мог не думать о далеких выстрелах, которые они слышали час тому назад.

Там еще кого-то убили? Возможно... нет, ему даже думать об этом не хотелось... но это мог быть Синдзи Мимура или Хироки Сугимура. А если даже не кто-то из них, это мог быть любой другой, ни в чем не повинный одноклассник. Сюя и Норико благодаря Сёго еще могли спастись, но остальные жили в постоянном страхе, что их вот-вот убьют.

Эти мысли держали Сюю в состоянии неослабевающего беспокойства. Да, верно, он уже обсуждал ситуацию с Сёго. Тот сказал, что им лучше всего сидеть тихо. Еще Сёго добавил, что, раз Норико ранена, они станут превосходными мишенями. Опять он был прав. И все же... правильно ли было вот так сидеть и прятаться? Юмико Кусака и Юкико Китано сохранили веру в остальных, пусть даже они и понимали, что у них нет никаких шансов на спасение. С другой стороны, при содействии Сёго у них с Норико появлялся хороший шанс. Значит, им не следует рисковать своей жизнью ради других?

Ясно было, что кто-то уже стал убийцей. Кто-то намеренно и осознанно убивал своих одноклассников. Они стали свидетелями гибели Юмико и Юкико. Собственно говоря, ученики, с которыми Сюе пришлось столкнуться, — Ёсио Акамацу, Тацумити Оки и Кёити Мотобути — тоже пытались его убить. Он сомневался, что кто-то вроде них мог стать их единомышленниками. Нет, такие присоединятся лишь затем, чтобы в нужное время предать их и убить.

«Но не следует ли нам хотя бы поискать тех, кому мы можем доверять? — подумал Сюя. — С другой стороны, есть ли способ отличить одних от других? Если мы попробуем помочь всем, „враг“ в конечном итоге проникнет в нашу группу и убьет. Меня-то еще ладно. Погибнут также Норико и Сёго».

Сюя глубоко вздохнул. И снова принялся шарить в своих мозгах. Впрочем, сколько он там ни шарил, вывод все равно получался один и тот же. Они ничего не могли поделать. Сюя мог лишь надеяться, что им как-то повезет и они наткнутся на Синдзи Мимуру и Хироки Сугимуру. Но велики ли были шансы на то, что это случится?

— Эй, Сюя, — обратился к нему Сёго, закуривая еще одну сигарету.

Сюя взглянул на него.

— Ты слишком много думаешь. Прекрати. Это бесполезно. Просто сосредоточься на себе и Норико.

Сюя удивленно поднял брови.

— Ты что, телепат?

— Самую малость. Особенно когда погода такая славная и небо голубое. — Сёго сделал еще затяжку. Затем, словно эта мысль только что пришла ему в голову, он спросил: — Слушай, а это правда?

— Что?

— То, что Сакамоти про тебя сказал. Что ты порой высказывал опасные мысли.

— А, это. — Сюя опустил взгляд.

— И что же за мысли ты высказывал?

— Не знаю.

— Но ты, наверное, сделал что-то предосудительное?

Вообще-то, Сюя сделал две такие вещи. Во-первых, ушел из бейсбольной команды. Да, верно, поступив в младшую среднюю школу, Сюя записался и в бейсбольную команду, и в музыкальный кружок. Но затем его оттолкнула военная дисциплина в команде и девиз типа «победа любой ценой». (Впрочем, ничего удивительного тут не было. Бейсбол считался национальным видом спорта. Сборная Республики по бейсболу выступала на всех крупнейших международных турнирах. К несчастью, бейсбол был популярен также и у американских империалистов. А потому, если сборная проигрывала им на олимпиаде, всему руководству бейсбольной федерации приходилось делать харакири.) Кроме того, тренер школьной команды, господин Минато, безжалостно выставял оттуда не очень хороших игроков, даже если они обожали игру. Уже к концу второй недели Сюя по горло всем этим насытился и объявил о своем уходе в краткой, но предельно резкой диатрибе против господина Минато и Бейсбольной федерации. Вот так золотой новичок младшей средней школы города Сироивы ушел из бейсбола, чтобы стать (как ему хотелось надеяться) звездой рок-н-ролла. Нельзя сказать, чтобы этот инцидент положительно характеризовал его, будучи отражен в личном деле Сюи Нанахары. Однако Сакамоти, судя по всему, имел в виду не это...

— Ничего я такого не сделал, — ответил Сюя. — Сакамоти, вероятно, имел в виду то, что я занимаюсь в музыкальном кружке и слушаю рок.

— Понятно. — Сёго кивнул, но ему явно хотелось узнать больше. — Ты на гитаре играешь, да? И поэтому стал слушать рок?

— Нет. Я услышал рок, а потом стал учиться играть на гитаре. Я был в сиротском приюте...

Тут Сюя вспомнил средних лет мастерового, который работал в «Доме милосердия». Он всегда был бодр и весел, а его реденеющие волосы были гладко зачесаны назад и торчали на загривке («Такая прическа „утиный хвост“ называется», — объяснял мастеровой). Теперь он содержался в исправительно-трудовом лагере на острове Сахалин. Как он туда угодил, никто из

детей в сиротском приюте, включая Сюю и Ёситоки, толком не знал. Прощаясь с ними, мастеровой ничего объяснять не стал, а лишь сказал: «Я непременно вернусь, ребята. Только вот придется малость под „Тюремный рок“ кайлом помахать». Затем он отдал Ёситоки свои старые самозаводящиеся наручные часы, а Сюю — электрогитару «Гибсон». Эта электрогитара была у Сюи первой. Жив ли еще тот мужчина? Сюя слышал, что в исправительно-трудовых лагерях рабочие часто умирали от переутомления и недоедания.

— Один человек дал мне кассету. А потом электрогитару.

— Понятно. — Сёго кивнул. — А кто тебе нравится? Дилан? Леннон? Или Лу Рид?

Сюя воззрился на Сёго. Челюсть его отвисла.

— Вот это да, — вымолвил он.

Раздобыть рок в Народной Республике Дальневосточная Азия было очень непросто. За всеми зарубежными поступлениями внимательно следил так называемый Комитет по делам популярной музыки, и благодаря его стараниям все, что хоть отдаленно напоминало рок, через таможню не проходило. С роком обращались примерно так же, как с наркотиками. (Сюя даже однажды видел в административном здании префектуры такой плакат: на фото типичного рокера с длинными сальными волосами был наложен красный круг с диагональной полосой. Надпись на плакате гласила: «Рок не пройдет». Просто класс.) Руководству Республики категорически не нравились ритмы этой музыки, не говоря уж о текстах песен, которые вполне могли подстрекать людей к организации антиправительственных действий. Одним из наиболее опасных исполнителей считался Боб Марли, но самым очевидным примером обоснованности тревог правительства служили строки Леннона: «Пусть говорят, что я мечтатель, / Но я такой не один. / Надеюсь, однажды вы к нам примкнете, / И мир станет един». Разве могла Республика не расценивать подобные пожелания как угрозу?

В музыкальных магазинах можно было найти прежде всего музыку местного производства, в основном тривиальную попсу. Самым экстремальным зарубежным исполнителем, на взгляд Сюи, был, пожалуй, Фрэнк Синатра. (Хотя его песня «Мой путь» вполне для их страны подходила.)

Какое-то время Сюя считал, что тот мастеровой с «утиным хвостом» был отправлен в лагерь именно за увлечение роком. Поэтому ему казалось, что электрогитара и кассеты, которые тот ему оставил, таят в себе нечто опасное. Но Сюя, судя по всему, ошибался. Поступив в младшую среднюю школу, он выяснил, что многие ребята увлечены роком и имеют электрогитары. (Понятное дело, Кадзуми Синтани тоже была пламенной фанаткой рока!) Через музыкальный кружок Сюю удалось раздобыть дублированные копии песен «Времена меняются» и «Встань!».

Впрочем, это относилось только к их сплоченной группке. Если бы проводился социологический опрос, девяносто процентов учеников сказали бы, что никогда не слышали рока. (Хотя даже те, которые слышали, тоже сказали бы, что не слышали, а потому вышли бы все сто процентов.) Учитывая широту кругозора Сёго, казалось неудивительным, что он знал о роке, но все же Дилан и Леннон были чертовски экстремальными музыкантами.

— Брось так психовать, — сказал ему Сёго. — Я городской ребенок из Кобе. Это здесь, в Кагаве, вы все такие неотесанные. А я рок худо-бедно знаю.

Сюя слегка ухмыльнулся и взял себя в руки.

— Больше всего я люблю Спрингстина, — сообщил он Сёго. — Хотя Вэн Моррисон мне тоже нравится.

— "Рождены бежать" — классная вещь, — похвалил тот. — И «Всякий раз, как Бог светом осеняет» Вэна Моррисона тоже.

Сюя опять разинул рот, а затем ухмыльнулся.

— Да ведь ты все знаешь!

Сёго ухмыльнулся ему в ответ.

— Я же тебе сказал. Я городской ребенок.

Тут Сюя заметил, какой тихой и молчаливой все это время оставалась Норико, и встревожился, думая, что она может так себя чувствовать из-за разговора.

— А ты, Норико, рок когда-нибудь слушала?

Норико улыбнулась и покачала головой.

— Нет, не слушала. А какой он?

Сюя улыбнулся.

— Знаешь, там встречаются образцы прекрасной поэзии. Не знаю, как сказать, но эта музыка действительно отражает человеческие проблемы. Конечно, песни могут быть о любви, но порой они о политике, о человеческом обществе, о том, как мы живем, и о самой жизни. А мелодия и ритм помогают тебе лучше усвоить слова. Вот, например, Спрингстин поет в «Рождены бежать»... — Сюя процитировал концовку песни: — "Вместе, Венди, мы одолеем грусть / Всею моею безумной душой я люблю тебя стану / Однажды мы обязательно доберемся, куда хотим / И под солнцем пойдем... — Последнюю строчку он негромко пропел: — «Бродяги, детка, похожи на нас — рождены беглецами». — Затем Сюя сказал Норико: — Когда-нибудь мы обязательно эту песню послушаем.

Норико широко раскрыла глаза и кивнула. В иных обстоятельствах ее лицо могло бы загореться энтузиазмом, но сейчас она лишь откликнулась слабой улыбкой. А Сюя тоже слишком устал, чтобы это заметить.

— Если бы все больше слушали рок, — сказал он Сёго, — этот проклятый режим давно бы рухнул.

Да, верно... ведь Норико так и сказала: «Это потому, что никто об этом не знает». Сюя подумал, что рок-музыка открывает человеку все самое главное. Именно поэтому правительство ее и запрещало.

Сёго раздавил очередной окурок о землю.

— Послушай, Сюя, — сказал он затем.

— Что?

— Ты правда думаешь, что рок имеет такую силу?

Сюя с энтузиазмом кивнул.

— Да, конечно.

Сёго посмотрел на него и отвернулся.

— А я сомневаюсь. Рок вполне может помогать выплеснуть наши разочарования, удобным способом выпустить пар. Да, он вроде бы запрещен, но если ты хочешь слушать рок, ты можешь его слушать. Значит, он все-таки служит для выпуска пара. Я вот что хочу сказать. Нашей страной вовсе не дураки управляют. Кто знает, может они в конце концов рок-н-ролл станут использовать.

У Сюи было ощущение, что ему дали пощечину. Рок был его религией, тексты песен — страницами Библии, Спрингстин, Вэн Моррисон и другие герои — кем-то вроде двенадцати апостолов. Хотя, конечно, Сюя сейчас находился в страшном шоке от того, что вокруг погибали его одноклассники. Так что услышанное не настолько его шокировало.

Сюя заставил себя успокоиться и медленно произнес:

— Насчет этого я не знаю.

Сёго несколько раз кивнул.

— Зато я знаю. Так или иначе, дело совсем не в том, запрещают рок или поощряют. Суть в другом. Всякий, кто хочет слушать рок, должен иметь возможность слушать его, когда пожелает. Вот к чему все сводится. Верно?

Сюя немного поразмыслил.

— Я никогда так об этом не думал, — сказал он затем. — Но я понимаю, к чему ты клонишь. — Он помолчал и добавил: — Просто фантастика. Даже не верится, насколько ты проницателен.

Сёго пожал плечами.

Они еще немного помолчали.

— И все-таки... — сказал Сюя, — я верю в то, что рок — мощная сила. Мало того, он позитивная сила.

Тут Сюя вспомнил, как Норико говорила про позитивную силу в нем самом.

Сёго открыл новую пачку сигарет и взглянул на Сюю. Затем усмехнулся и закурил.

— Если честно, — сказал он, — я с тобой согласен.

Сюя улыбнулся ему в ответ.

— Хотя довольно забавно, что мы теперь и впрямь в таком положении, — заметил Сёго.

Сюя его не понял.

— Ты о чем? — спросил он.

— Нам теперь только бежать и остается, — ответил Сёго. — «Мы рождены беглецами».

Осталось 25 учеников

Услышав слабый шорох, Каори Минами (ученица номер 20) встала. Шорох доносился из рощицы у подножия холма, чуть к востоку от центральной части острова. На карте этот сектор был обозначен как E=8.

Каори крепко сжала в руках оружие. Это был небольшой автоматический пистолет «ЗИГ-Зауэр П230» для стрельбы короткими патронами калибра 9 мм. В маленьких ладошках Каори он казался очень внушительным.

Сама того не сознавая, девочка прикусила губу. Точно такой же звук она слышала снова и снова с тех пор, как началась игра и она спряталась здесь. И всякий раз с облегчением обнаруживала, что это всего лишь ветер или какой-то мелкий зверек (может, бродячая кошка?). Но ужас, который она испытывала после каждого нового звука, не уменьшался. Каори опять до крови прикусила себе нижнюю губу, которая уже и без того была покрыта струпьями. На сей раз это мог быть враг. Да, враг — все верно. Кто-то из одноклассников мог на нее напасть. Перед глазами Каори тут же предстали трупы Ёсио Акамацу и Маюми Тэндо.

Когда она покидала школу, из ближайшего леса до нее донесся голос. Он принадлежал Юкиэ Уцуми, старосте девочек класса. Затем Каори увидела в темной роще и другие фигуры. Обращаясь к ней из темноты, Юкиэ негромко, но внятно произнесла:

— Каори! Здесь только девочки! С нами ты будешь в безопасности!

Но... как она могла? Как она могла кому-то в таких условиях доверять? Останься Каори с ними, и ей без конца пришлось бы оглядываться, не собирается ли кто-то напасть на нее сзади. Каори не приняла приглашения Уцуми, убежала прочь... и оказалась здесь. А теперь... не приближался ли к ней враг?

Обеими руками сжимая пистолет, Каори подождала, но звук больше не повторялся.

Она еще немного подождала. Ничего.

Каори вздохнула с облегчением. Затем опустилась на колени и пригнулась в кустах. Изогнутые листья неприятно касались ее щек, и она сменила положение. Затем стала ладонями растирать щеки. Прыщи тоже расстраивали Каори. Ей совсем не хотелось, чтобы ее лицо распухло от какого-то ядовитого плюща. Каори решительно этого не хотела, даже если ей грозила скорая смерть.

Тут по спине у Каори побежали мурашки. «Смерть? — подумала она. — Неужели я должна погибнуть? Нет, я правда должна умереть?»

Одной этой мысли хватило, чтобы сердце Каори бешено заколотилось. Девочке показалось, что ее вот-вот хватит сердечный приступ.

«Я должна умереть? Я должна умереть?» Точно заезженная пластинка, мозг Каори раз за разом выдавал одни и те же слова. «Я должна умереть?»

Тогда Каори ухватила за латунный медальон у себя на груди. Медальон раскрылся, и девочке улыбнулась радостное лицо, обрамленное длинными волосами.

Пока Каори неотрывно глядела на это лицо, пульс ее постепенно успокаивался и приходил в норму.

В медальоне была фотография Дзюни Кэндзаки из поп-группы «Обратная сторона». Дзюня был самым популярным у девочек участником этой поп-группы. А такой специальный медальон могли получить только члены фан-клуба. Каори невероятно гордилась тем, что из всех девочек в классе он был только у нее. (Хотя по нынешним временам большинство девочек мало этим интересовалось. А кроме того, мода на медальоны уже прошла. Но Каори так не считала.)

«Ах, Дзюня, — вздохнула девочка. — У меня все хорошо, правда? Ведь ты меня защитишь?»

Каори показалось, что Дзюня Кэндзаки ей говорит: «Полный порядок. Конечно, Каори, все у тебя хорошо. Хочешь, спою тебе твою любимую песенку „Галактический пистолет“?» Дыхание Каори немного успокоилось. Затем она вслух спросила у фотографии:

— Скажи мне, Дзюня. Может, мне следовало присоединиться к Юкиэ? Может, это меня бы спасло? Нет, не может быть.

Из глаз девочки покатались слезы.

Как все это могло происходить? Каори хотела увидеть свою мамулю. Она хотела увидеть папулю. Милую сестренку, добрых бабушку с дедушкой. Она хотела принять ванну, наложить мазь на прыщи, сесть на удобную кушетку в гостиной и, потягивая какао из чашечки, смотреть по телевизору видеошоу поп-группы «Обратная сторона». (Хотя она уже сто раз его смотрела.)

— Дзюня, помоги. Мне кажется... мне кажется, я схожу с ума.

В тот момент, когда Каори услышала собственный голос, ей действительно показалось, что она лишается рассудка. К горлу подступила тошнота, и девочка отчаянно зарыдала.

Но тут позади снова послышалось шуршание. Каори вздрогнула и застыла. Этот звук уже казался гораздо громче.

Напрягая затуманенные слезами глаза, она медленно обернулась.

Из кустов на Каори смотрел мальчик. Хироки Сугимура (ученик номер 11). Он подкрался к ней сзади!

До смерти перепугавшись и слишком одурев, чтобы хорошенько подумать, Каори подняла пистолет и нажала на спусковой крючок. Раздался хлопок, и ее руки дернулись назад. Золотистая гильза выскочила из пистолета. Поблескивая в солнечных лучах, эта гильза улетела куда-то в кусты.

Хироки быстро исчез в зарослях. Шуршание еще несколько секунд продолжалось, а потом затихло.

Не выпуская из рук пистолета, Каори дрожала от страха. Затем она подхватила свои вещи и стремительно побежала в противоположную сторону. Мысли в воспаленном мозгу девочки неслись еще быстрее нее. Она не сомневалась, что Хироки Сугимура пытался ее убить. Зачем еще он молча подкрался к ней сзади? «У Хироки Сугимуры наверняка был пистолет, — думала Каори. — Но я выстрелила первой, и он в панике убежал. Если бы я его не заметила и не выстрелила, Хироки Сугимура скорее всего заколол бы меня ножом или зарубил топором. Нож! Топор! Я должна быть очень осторожна. Никакой жалости. Я должна сразу же пристреливать всех, кто мне

попадется. Иначе меня рано или поздно убьют... Господи, убьют! Нет... больше мне этого не выдержать. Я хочу вернуться домой. Хочу принять ванну. Потом мазь от прыщей. Какао! Видео. „Обратная сторона“. Дзюня. Никакой жалости. Стрелять. Стрелять! Какао. Дзюня. Мазь! От моих прыщей! Да, Дзюня, никакой жалости».

Слезы заструились по щекам Каори. Крышка медальона у нее на груди оставалась раскрыта, и радостное лицо Дзюни Кэндзаки бешено плясало влево-вправо, вверх-вниз.

«Никакой жалости. Дзюня. Меня убьют! Стрелять. Мамуля. Сестренка! Папуля. Стрелять! Стрелять! Дзюня. Скоро новая пластинка!»

Каори стремительно теряла рассудок.

Осталось 25 учеников

36

— Вот и славно. А теперь пересчитаем тела.

Голос Сакамоти делал полуденное объявление.

Список ожидающих погребения пополнили Тацумити Оки, Кёити Мотобути и, конечно, Юкико Китано и Юмико Кусака, в нем также были Ёдзи Курамото и Ёсими Яхаги.

— Дальше я объявлю запретные зоны. Всем достать ручки и тетрадки.

Сюя опять вынул из кармана карту и авторучку. Сёго тоже достал свою карту.

— В час дня — К=5. В 3 часа — З=3. В 5 часов — Г=8. Понятно?

Сектор К=5 находился на южном берегу острова; З=3 включал вершину южной горы. В Г=8 входил холмистый участок юго-восточного склона северной горы. Зона В=3, где находились Сюя, Сёго и Норико, упомянута не была. Это означало, что они могли оставаться на месте.

— Поверьте, я вас прекрасно понимаю. Нелегко терять своих друзей. Но не унывайте! Вы все так молоды, у вас еще вся жизнь впереди. Желаю дальнейших успехов!

Такими вот пошлыми шуточками и пожеланиями объявление Сакамоти закончилось.

Сюя вздохнул, затем отложил карту и просмотрел список учеников, сплошь теперь испещренный галочками.

— Осталось двадцать пять учеников. Проклятье.

Закуривая очередную сигарету, Сёго сложил ладони чашечкой.

— Я же говорил. Число постоянно уменьшается.

Сюя посмотрел на него. Он понял, что имел в виду Сёго. Чем больше одноклассников погибнет, тем ближе они будут к спасению. И все же...

— Вряд ли стоило напоминать.

Сёго пожал плечами.

— Извини, — сказал он, отводя глаза.

Сюя хотел было продолжить, но затем заставил себя отвлечься от Сёго. Подтянув к себе колени, он стал смотреть в землю. Из травы торчало несколько крошечных желтых цветочков. Одинокий муравей сосредоточенно жевал стебелек.

Сюя снова задумался. Ему показалось, они с Сёго окончательно подружились, пока говорили о роке. Но теперь что-то в его манере опять Сюю раздражало. Была в Сёго какая-то холодность.

Сюя вздохнул и задумался о другом. Если вспоминать перечисленных Сакамоти мертвецов, то Сюя не был свидетелем гибели только Ёдзи Курамото и Ёсими Яхаги. Он был уверен, что в последнее время Ёдзи и Ёсими постоянно встречались. Означало ли это, что они были вместе? А те два выстрела, которые были слышны в одиннадцатом часу утра?.. Их убили тогда? Если да, то кто мог...

Тут Сюя вспомнил автоматную очередь, которая изрешетила Юкико Китано и Юмико Кусаку. Может, Ёдзи и Ёсими убил тот же самый ученик? Или...

— Послушай, Сюя, — обратился к нему Сёго. — Ты ведь, как я понимаю, не завтракал. Эти булочки, что нам выдали, довольно паршивые, зато в магазине я нашел кофе и клубничное варенье. Давай поедим.

Сёго достал банку варенья и двухсотграммовую упаковку молотого кофе. К банке была приклеена этикетка с крупными клубничинами, а внутри было видно густое темно-красное варенье. Сюя предположил, что Сёго собирается бросить кофе в котелок с кипящей водой на огне. Сёго также достал упаковку пластмассовых чашек.

— А ты славно затарился.

— Угу. — Сёго кивнул и вытащил из рюкзака длинную коробку. — Ты вот на это взгляни. Целый блок «Дикой Семерки».

Сюя улыбнулся и кивнул. Затем достал из своего рюкзака булочку и предложил ее Норико.

— Норико, мы должны поесть.

По-прежнему обнимая свои колени, Норико села прямее.

— Я... мне хорошо. Я не голодна.

— Что с тобой? У тебя нет аппетита...

Тут Сюя вдруг обратил внимание на то, как побледнело лицо Норико, и вспомнил, как тихо она последнее время держалась.

— Норико?

Сюя подошел к девочке. Открывая упаковку с кофе, Сёго наблюдал за ними.

— Норико.

Сюя тронул ее за плечо. Норико еще крепче сцепила руки на коленях. Губы ее были плотно сжаты. Сюя вдруг понял, что сквозь сжатые губы Норико с мучительным шипением проходит воздух. Ей было тяжело дышать. Затем девочка расцепила ладони, взяла Сюю за руку и оперлась об него.

По рукам Норико и по ее плечу под матроской Сюя понял, что она вся горит. Тогда он отвел в сторону ее челку и потрогал лоб.

Лоб у Норико был горячий, холодный пот смочил Сюе ладонь.

Он в панике повернулся к Сёго.

— Сёго! У нее жар!

— Мне... хорошо, — слабо сказала Норико.

Сёго отставил в сторону кофе и встал. Поменявшись местами с Сюей, он тоже потрогал горячий лоб Норико. Затем задумчиво поскреб себе подбородок и взялся за ее запястье. Глядя на свои наручные часы, Сёго проверил ей пульс.

— Ты, должно быть, мерзнешь.

Сузив глаза, Норико кивнула.

— Да... немного...

— Как она? — нервно выдохнул Сюя.

— Дай мне твой пиджак, — сказал Сёго, снимая свой. Сюя быстро снял пиджак и отдал его Сёго. Тот аккуратно обернул Норико обоими пиджаками.

— Булку. Еще мне нужна булка и вода, — последовала новая инструкция. Сюя в темпе взял булочку, которую он предлагал Норико, и бутылку с водой, а заодно прихватил банку с вареньем. Все это он протянул Норико.

— Ты должна поесть.

— Я знаю... но...

— Просто поешь, — настаивал Сёго. — Даже самая малость тоже поможет.

Норико нерешительно взяла булочку и отщипнула от нее несколько кусочков. Глотала она с громадным трудом. Затем отдала Сёго остатки булочки.

— Что, больше не хочешь?

Норико едва заметно помотала головой. Даже это движение, казалось, потребовало от нее огромных усилий.

Сёго явно хотел, чтобы Норико поела еще, но затем отложил булочку в сторону и снова достал из кармана аптечку.

— Это лекарство от простуды, — пояснил он, давая девочке капсулу. Норико кивнула. Положив капсулу в рот, она запила ее водой из бутылки. Часть воды пролилась, но Сёго аккуратно ее вытер.

— Ладно, а теперь ляг.

Норико послушно кивнула и легла на траву, поудобнее закутываясь в два пиджака.

— Что с ней, Сёго? — спросил Сюя. — Все будет хорошо?

Сёго покачал головой.

— Пока не знаю. Может, у нее просто жар от простуды. А может, воспалилась рана.

— Что...

Сюя взглянул на повязку из бандан на правой икре Норико.

— Но... мне казалось, рану мы продезинфицировали...

Сёго снова покачал головой.

— После того как Норико подстрелили, она долго ходила по лесу. И могла внести инфекцию до того, как мы обработали ей рану.

Еще какое-то время Сюя смотрел на Сёго, а затем присел на корточки рядом с Норико. Он снова тронул ее лоб.

— Норико.

Девочка открыла глаза и слабо улыбнулась.

— Все хорошо... я просто немного устала. Не волнуйся.

Но дыхание Норико едва ли с ней соглашалось.

Сюя снова взглянул на Сёго. Стараясь не выдавать своего волнения, он твердо сказал:

— Послушай, Сёго. Мы не можем здесь оставаться. Мы должны двигаться. Надо, по крайней мере, найти дом, где Норико сможет согреться...

— Не горячись, — перебил его Сёго. — Давай пока просто подождем и посмотрим. — Он нагнулся и поправил на Норико импровизированные покрывала.

— Но...

— Нам слишком опасно двигаться. Я уже говорил.

Норико с трудом открыла глаза и взглянула на Сюю.

— Сюя... мне так жаль... — Затем она обратила взгляд на Сёго. — Мне очень жаль. — Наконец девочка снова закрыла глаза.

Глядя на бледное лицо Норико, Сюя плотно сжал губы.

Осталось 25 учеников

37

Такако Тигуса (ученица номер 13) высунула голову из-за дерева. Она двигалась вверх по восточному склону южной горы и была уже на полпути. Согласно карте, Такако находилась где-то рядом с границей между секторами Ж=4 и Ж=5. Вокруг нее был густой лес, причем деревья в этом лесу становились все ниже по мере подъема.

Сжимая в руке нож для колки льда (оружие из своего рюкзака), Такако огляделась.

Дом, где она пряталась, остался за деревьями и уже скрылся из виду. Это ветхое строение, со всех сторон поросшее высокой травой, похоже, стояло заброшенным еще до того, как всех обитателей острова отсюда эвакуировали. Такако вспомнила, что к дому примыкало что-то вроде курятника. Теперь ей даже ржавой крыши не было видно. Интересно, насколько она от того дома удалилась? На двести метров? На сто? Такако была лучшей спринтершей в легкоатлетической команде (на 200 метров у нее было второе время среди всех младших средних школ префектуры), и дистанцию она

вообще-то ощущала прекрасно, но сейчас никакой уверенности у нее не было. Главным образом, конечно, из-за множества холмов и кустов, и, конечно, из-за безумного напряжения.

Позавтракав скверной булочкой с водой, Такако решила выждать часа два, прежде чем покинуть дом. С самого начала игры она слышала звуки, подозрительно похожие на выстрелы, а потому решила спрятаться в этом заброшенном доме, но затем подумала, что безвылазное сидение здесь ничего хорошего ей не принесет. Ей следовало с кем-то объединиться — с другом, которому она могла доверять — и двигаться дальше.

Конечно, друзья, которым Такако могла доверять, совсем не обязательно стали бы доверять ей. И тем не менее...

Такако была очень красивой девочкой. Ее раскосые глаза с приподнятыми уголками могли казаться немного недобрыми, но они прекрасно гармонировали с ее острым подбородком, аккуратным ртом и правильным носом. Все это вместе взятое придавало внешности Такако «аристократичность». Ее длинные черные волосы пронизывали оранжевые полосы, которые на первый взгляд производили странное впечатление. Однако, активно используя всевозможные украшения — сережки (две в левом ухе, одна в правом), причудливые кольца на среднем и безымянном пальце левой руки, целых пять браслетов на запястьях, а также брелок из иностранной монеты, — Такако использовала эту странность, чтобы придать себе еще большую привлекательность. Учителя, разумеется, не одобряли разноцветных волос и вычурных украшений, но поскольку она хорошо училась и была лучшей бегуньей легкоатлетической команды, ее никогда прямо не порицали. Такако была очень гордой девочкой. Она вовсе не собиралась обременять себя всякими глупыми школьными правилами, которым следовали другие.

Трудно сказать — из-за ее гордости, красоты или просто застенчивости, но близких друзей у Такако в своем классе, к сожалению, почти не было. Свою лучшую подругу, Каору Китадзаву, она знала еще с начальной школы, но та училась в другом классе.

И все же был в их классе один человек, которому Такако могла доверять. Правда, не девочка. Этого ученика Такако знала еще с раннего детства.

Пока он был у нее на уме, ей никак не удавалось сосредоточиться на всем остальном.

Сейчас, выходя из здания школы, Такако подумала, что кто-то из тех, что вышел до нее, может туда вернуться. В таком случае ей следовало соблюдать предельную осторожность. И планы врага лучше всего было расстроить, в темпе убравшись подальше от школы.

Дойдя до конца коридора, Такако осторожно выглянула за дверь. Прямо был лес, слева — какой-то холм, справа — относительно открытая местность. Враг, если он действительно там был, наверняка прятался в лесу или на холме.

Тогда Такако пригнулась, выскочила за дверь и метнулась вправо, стараясь держаться поближе к стене здания. А потом лучшая бегунья школы дала волю своим сильным ногам. Ей даже не пришлось ни о чем задумываться. Пробежав по улице мимо домов, Такако свернула в узкий проулок. А оттуда направилась к подножию

южной горы. Всю энергию девочка сосредоточила на том, чтобы убраться подальше от школы и где-нибудь спрятаться.

И все же...

Что, если в лесу или на холме перед школой действительно кто-то был, но вовсе не собирался на нее нападать? Другими словами... что, если он, тот самый мальчик, который вышел раньше нее, спрятался там и ждал ее? Быть может, вылетев из школы на полном ходу, она лишилась прекрасной возможности с ним встретиться?

Нет.

Такако так не казалось. Да и что она могла поделать? Всякий, кто болтался возле школы, ставил свою жизнь под угрозу. Да, они знали друг друга с раннего детства — но этим все и ограничивалось. Все эти годы они с тем мальчиком оставались просто добрыми друзьями. Такако решила, что слишком самонадеянно с ее стороны думать, будто он — Хироки Сугимура (ученик номер 11) — станет рисковать своей жизнью, дожидаясь ее.

А теперь самым важным стало кого-то найти. Найти Хироки Сугимуру было бы просто идеально, но Такако подумала, что это слишком уж оптимистично. Так что ее вполне устроила бы староста класса Юкиэ Уцуми или какая-нибудь обычная девочка. Если бы та с ходу ее не застрелила, она бы затем смогла девочку успокоить... А если бы она уже действовала спокойно, так еще и лучше (хотя тот, кто в таких условиях оставался спокоен, вполне мог вызывать подозрения). Так или иначе, кого-то найти... больше сейчас, пожалуй, нечего желать.

Такако также твердо знала, что ни в коем случае нельзя повышать голос. Из заброшенного дома она видела, как погибли на вершине северной горы Юмико Кусака и Юкико Китано.

А потому Такако решила покинуть заброшенную хижину, где она пряталась, и взобраться на вершину южной горы, а потом она станет по спирали спускаться по склону, проверяя, не прячется ли кто-то в кустах. В кусты можно было швырять камешки, как, собственно говоря, Такако и делала с тех пор, как покинула хижину. Как только она выяснит, кто там сидит, она сможет решить, стоит ли к тому человеку приближаться. В полдень Сакамоти объявил, что зона, где находится вершина южной горы, в три часа дня станет запретной. Впрочем, если только по пути у Такако не возникнет каких-то проблем, она сможет задолго до того времени все там обследовать. А если в том районе действительно кто-то находится, он вынужден будет к трем часам оттуда уйти. Тогда у Такако появится отличный шанс его увидеть.

Девочка сверилась с наручными часами, которые нашла в рюкзаке. Двадцать минут второго. Поскольку Такако носила браслеты, то никогда не носила часов, но сейчас она себе такой роскоши позволить не могла. Затем девочка коснулась ошейника.

«Если кто-то попытается сорвать с себя ошейник, он взорвется».

Само присутствие ошейника как-то удушающе действовало на Такако, да и на горло он действительно давил. Цепочка с иностранной монеткой то и дело слегка по нему постукивала. Решив не обращать на адское устройство никакого внимания, Такако левой рукой сжала нож для колки льда (хотя что толку было от такого оружия?). Правой рукой она схватила несколько камешков и разбросала их по сторонам.

Камешки зашуршали в кустах.

Такако немного подождала. Никакой реакции. Тогда она двинулась вперед. Собираясь выбежать на открытое место между кустами, девочка вдохнула поглубже.

И вдруг она услышала шорох. Метрах в десяти слева от нее из кустов высунулась чья-то голова. Такако увидела школьный пиджак и затылок какого-то мальчика. Волосы на этом затылке были слегка встрепаны. Голова поворачивалась влево-вправо, осматривая окрестности.

Такако застыла на месте. Мальчик. Это было совсем некстати. Мальчики вечно создавали проблемы. Особой причины так думать Такако не имела, но все же ей казалось, что от мальчиков из их класса, не считая Хироки Сугимуры, ей ничего хорошего ждать не следует. А что это не Хироки, она поняла сразу же.

Такако затаила дыхание и стала отступать обратно в кусты. Хотя она предусматривала такую возможность, все же не смогла удержаться от дрожи.

Внезапно мальчик обернулся. Их глаза встретились. Дико изумленное лицо принадлежало Кадзуси Нииде (ученику номер 16).

«Черт, — подумала Такако, — и как же мне повезло на этого придурка наткнуться!» Впрочем, прямо сейчас важно было лишь то, что она стояла на открытом месте, и это было опасно. Такако быстро развернулась и побежала назад тем же путем, которым пришла.

— погоди!

Она услышала голос Кадзуси, он догонял ее, продираясь сквозь кусты.

— погоди! — надрывался Кадзуси. — погоди!

«Тьфу... — подумала Такако. — Ну что за идиот...»

После секундного колебания девочка остановилась. И оглянулась. Если бы у Кадзуси был пистолет и он хотел ее остановить, он бы уже это сделал. Куда более тревожными казались его крики. Они ставили под угрозу не только его жизнь, но и ее. Хотя совсем недавно в этом районе вроде бы никого не было.

Кадзуси, чуть притормаживая, спускался по склону.

Тут Такако увидела, что в правой руке у Кадзуси — заряженный стрелой арбалет. Прямо сейчас он в нее не целился — но если бы целился, смогла бы она увернуться и убежать? Не зря ли она остановилась?

Нет. Такако решила, что все сделала правильно. Кадзуси Нииде был главным нападающим школьной футбольной команды. Такие спортсмены, как он, бегали не хуже легкоатлетов, а то и лучше. Какой бы первоклассной спринтершей Такако ни была, Кадзуси все равно мог ее догнать.

Так или иначе, было уже слишком поздно.

Кадзуси остановился в нескольких метрах от нее. Широкоплечий, он был довольно высок ростом и хорошо сложен. Обычно его длинные волосы (по нынешней моде у футболистов) бывали гладко причесаны, но теперь они были так растрепаны, словно Кадзуси играл в каком-то сверхнапряженном матче и уже пошло дополнительное

время. На его лице, достаточно симпатичном, если не считать скверных зубов, появилась улыбка.

«Что ему нужно?» — думала Такако, внимательно наблюдая за лицом мальчика.

На самом деле Кадзуси вполне мог и не иметь никаких враждебных намерений. На самом деле он мог думать, что наконец-то нашел одноклассницу, которой он сможет доверять.

Но у Такако было не очень хорошее мнение о Кадзуси Нииде. Если совсем откровенно, она терпеть его не могла. Особенно она не выносила его назойливости. А также его самомнения. Они учились в одном классе с самого первого года младшей средней школы. (Хироки, между прочим, стал одноклассником Такако только на второй год.) Не прилагая особых усилий, Кадзуси вроде бы добился неплохих успехов и в учебе, и в спорте, но, несмотря на это — если эти вещи вообще имели какую-то связь, — его неразвитость так и перла наружу. Он вечно пытался произвести впечатление, а когда у него это не получалось, придумывал какое-то слабоумное оправдание. Кроме того, еще на первом году их совместной учебы стали ходить слухи, что они с Кадзуси встречаются. («Ученикам, — думала Такако, — больше просто нечем заняться. Ладно, пусть говорят, что хотят».) Всякий раз, когда возникал подобный слухок, Кадзуси подходил к ее столу, трогал Такако за плечо («Да как он смел!?!») и говорил: «А знаешь, про нас с тобой тут слухи ходят». «Весьма польщена», — обычно отвечала Такако, отворачиваясь и сбрасывая его руку. А в целом она старалась не обращать на Кадзуси внимания («Отвали, сопляк. Уже достал своей навязчивостью»). Но теперь... теперь она была не в том положении, чтобы так просто от него отмахнуться.

Тем не менее ей необходимо как можно скорее убраться от Кадзуси. Вот к чему все сводилась.

— Не ори, идиот! — сказала Такако.

— Извини, — отозвался Кадзуси. — Но ведь ты сама от меня побежала.

Такако не замедлила с откликом. Прямодушие и стремление сразу же переходить к сути было в ее характере.

— Я не хочу быть с тобой. — Она заставила себя спокойно взглянуть на Кадзуси и пожать плечами.

Тот скорчил физиономию.

— Почему?

«Потому что ты дубина стоеросовая», — подумала Такако.

— Послушай, мы оба знаем, почему, — сказала она вслух. — Ладно, пока. — И девочка, все еще колеблясь, все же собралась бежать.

Но не побежала.

Краем глаза Такако заметила, что оружие в правой руке Кадзуси нацелено на нее.

Тогда она медленно повернулась к Кадзуси, внимательно следя за пальцем на спусковом крючке арбалета.

— Это еще что? — осведомилась Такако.

Небрежно сбросив с левого плеча рюкзак, она поймала его за лямку. Интересно, защитит ли он ее от стрелы из арбалета?

— Я не хочу к этому прибегать, — сказал Кадзуси. Именно это Такако в нем больше всего ненавидела. Извиняясь, он одновременно старался взять верх. — А потому лучше останься со мной.

Такое заявление ее разозлило, и в то же самое время Такако еще кое-что подметила. Выбираясь из хижины, она зацепилась юбкой за гвоздь. Дыра напоминала разрез на китайском платье, и Кадзуси теперь туда уставился. Глаза его подернулись странной пеленой. У девочки аж мурашки по спине побежали.

Тогда она сменила позу, чтобы максимально прикрыть ляжку.

— Послушай, так не пойдет, — сказала Такако. — Ты хочешь, чтобы я к тебе присоединилась, когда мне в лицо нацелена эта штука?

— А ты обещаешь, что не сбежишь? — Кадзуси говорил своим обычным надменным тоном. И арбалет не опустил.

Такако пришлось смириться.

— Опустит арбалет.

— Значит, ты не сбежишь?

— Ты что, глухой? — рывкнула Такако, и Кадзуси неохотно опустил оружие.

Затем он снова напустил на себя надменность.

— Я всегда считал тебя классной девчонкой.

Такако недоуменно подняла изящно изогнутые брови.

«После того, как этот урод угрожал мне арбалетом, — возмущенно подумала она, — у него хватило наглости меня классной девчонкой назвать!»

Глаза Кадзуси снова сползли к ее ногам. Теперь он даже не считал нужным это скрывать и в открытую туда пялился. Такако слегка приподняла подбородок.

— И что с того?

— А то, что я тебя не убью. Просто останься со мной.

Такако снова пожала плечами. Если до этого у нее и были какие-то колебания, то теперь она ощутила прилив гнева.

— Я уже сказала, что не хочу, — процедила она. — Все, пока.

Такако стала было поворачиваться... но затем решила пятиться и смотреть прямо в глаза Кадзуси. Тот снова поднял арбалет. На лице у него было точно такое же выражение, как у ребенка, который клянчит игрушку в универмаге. «Мамуля, я ее хочу, я ее хочу, хочу!»

— Прекрати, — негромко сказала Такако.

— Тогда... останься со мной, — опять попросил Кадзуси. То, как он наклонял голову, выдавало, что он жутко нервничает.

— Я уже сказала — нет, — повторила Такако.

Кадзуси не опустил арбалет. Они гневно глядели друг на друга.

Такако больше не могла этого выносить.

— Ладно... о чем идет речь? Скажи. Ты все равно меня не убьешь. Говорю тебе, я не хочу быть с тобой. Чего ради ты настаиваешь? Я не понимаю.

— Я... — Кадзуси с вожделением пялился на Такако. — Я буду тебя защищать. Короче... просто оставайся. Вместе нам будет безопаснее, верно?

— Да ты шутишь. У тебя хватает наглости угрожать мне оружием и говорить, что ты будешь меня защищать? Я тебе не верю. Понял? Могу я теперь идти?

— Только попробуй, и я тебя застрелю, — ответил Кадзуси и нацелил арбалет прямо ей в грудь.

Открыто угрожая Такако, Кадзуси потерял все шансы на продолжение мало-мальски цивилизованного разговора (хотя он с самого начала вряд ли был способен такой разговор вести). Застыв с арбалетом в руках, он сказал:

— Тебе лучше повиноваться мне, девочка. Женщины повинуются мужчинам.

Такако была в ярости. Но затем Кадзуси решился на еще большую наглость.

— Ты ведь еще целочка, верно? — спросил он небрежным тоном, словно всего лишь выясняя ее группу крови.

Такако просто дара речи лишилась.

«Что?.. — ошалело подумала она. — Что этот урод сказал?»

— Я ошибаюсь? Слабо Хироки с девочкой переспать.

Скорее всего, Кадзуси сказал это, как и многие его одноклассники, ошибочно полагая, что Такако встречается с Хироки Сугимурой. У девочки были две причины испытывать сейчас особое раздражение: во-первых, Кадзуси никак не касались ее отношения с Хироки, а во-вторых, не следовало ему так прохаживаться насчет Хироки.

Такако широко улыбнулась, приходя в бешеную ярость, она всегда так улыбалась.

И все также улыбаясь Кадзуси, девочка спросила:

— Какое тебе до этого дело?

Кадзуси, похоже, неверно истолковал улыбку Такако. И ухмыльнулся в ответ.

— Значит, я прав.

Такако, не переставая улыбаться, гневно глядела на него. «Да, — думала она, — вообще-то ты прав. Может, внешность у меня и вызывающая, но, как ты и сказал, я еще целочка. Невинная пятнадцатилетняя девочка. Вот только... это не твое дело, засранец!»

— Мы все равно погибнем, — продолжил Кадзуси. — Не хочешь ли ты перед смертью хоть один разок попробовать? Я стану тебе хорошим партнером.

Хотя Такако еще никогда в жизни не бывала так разгневана, она изумленно разинула рот. Можно было даже сказать, у нее отвисла челюсть. Несносное, вызывающее поведение Кадзуси и раньше представлялось ей достаточно отвратительным, но теперь оно вышло за всякие допустимые пределы. «Капитан

Колумб, — подумала Такако, — это остров Сан-Сальвадор. Ага, там дикари. Остерегайтесь дикарей».

Такако опустила глаза — и расхохоталась. Все это просто уморительно. Такая комедия наверняка бы стала хитом.

Затем девочка снова подняла голову. Да, она страшно злилась на Кадзуси, но все же следовало дать ему последний шанс.

— Вот тебе мое последнее предложение. Я не хочу быть с тобой. Опустит эту штуку и оставь меня в покое. Иначе я стану думать, что ты хочешь меня убить. Ясно?

Кадзуси не опустил арбалет, а поднял его чуть повыше и снова стал угрожать:

— А вот тебе мое последнее предупреждение. Тебе лучше мне повиноваться.

С этого момента Такако уже не могла нести ответственности за то, что произойдет дальше. Решив положить конец разговору с этим уродом, она сделала шаг вперед.

— Понятно, — сказала девочка. — Значит, ты просто хочешь меня изнасиловать. Так? Думаешь, близость смерти дает тебе право вытворять все что угодно?

Кадзуси разъяренно на нее глянул.

— Я этого не сказал...

«Какая разница, что ты сказал, debil? — подумала Такако, мысленно посмеиваясь. — Давай я попробую угадать, что ты скажешь дальше. Я не хочу тебя насиловать, но почему бы тебе не раздеться?»

Продолжая улыбаться, Такако спокойно наклонила голову.

— Прямо сейчас, Кадзуси, — процедила она, — тебе лучше бы о своей жизни позаботиться. А не о своей жалкой пипиське.

Лицо Кадзуси внезапно вспыхнуло.

— Заткнись! — кривя губы, выпалил он. — Или ты правда хочешь, чтобы тебя изнасиловали?

— Вот правда и выходит наружу, — с улыбкой ответила Такако.

— Я велел тебе заткнуться! — повторил Кадзуси. — Ведь я могу убить тебя, если захочу!

Девочке стало совсем тошно. Ведь считанные секунды тому назад этот подонок пытался ее убедить в том, что станет ее защищать.

Кадзуси немного помолчал.

— Я уже убил Ёсио Акамацу! — похвастался он.

Хоть Такако и была шокирована, она лишь чуть-чуть приподняла брови и негромко хмыкнула. Если это была правда... судя по тому, как Кадзуси здесь скрывался, он был сильно напуган. Наверняка он просто столкнулся с Ёсио Акамацу и в результате случайно его убил. А потом, до смерти боясь любого сильнее себя, забился в эти кусты. Впрочем, зная его, Такако прекрасно понимала, что если, вот так вот играя в прятки, Кадзуси уцелеет и останется один на один с более слабым противником, он выдаст тому какое-нибудь оправдание (скажем, «у меня нет другого выхода» или «так уж получилось»), после чего без колебаний его убьет.

— Я тут кое о чем подумал, — подтверждая подозрения Такако, продолжил Кадзуси, — и решил, что это игра. Так что миндальничать я не собираюсь.

Такако продолжала молча сверлить взглядом Кадзуси. На лице у нее играла все та же улыбка.

«Ну вот, — подумала она. — Теперь понятно. Значит, соглашусь я или нет, ты все равно настроен меня изнасиловать, а потом убить. Ведь если все остальные, включая меня, умрут, ты сможешь выжить. Очень даже понятно. Надо думать, ты даже подсчитал, сколько раз сможешь меня оттрахать?»

От ярости и омерзения у девочки аж голова закружилась.

— Игра? — повторила она вслед за Кадзуси, а затем одарила его широкой улыбкой. — А тебе не стыдно с девочкой такое проделывать?

Кадзуси, казалось, был шокирован, однако тут же его лицо снова посуровело. Холодные глаза заблестели.

— Что, умереть хочешь?

— Валяй, стреляй.

Кадзуси заколебался. Это был ее шанс. Такако бросила ему в лицо камешки, которые она до того осторожно вынула из кармана. Когда Кадзуси прикрылся рукой от камешков, Такако резко развернулась, бросила рюкзак и метнулась туда, откуда пришла, крепко сжимая в руке нож для колки льда.

Вслед ей понеслась яростная ругань Кадзуси. Но не только ругань. Не успела Такако стремительно одолеть и пятнадцати метров, как что-то ударило ей в правую ногу и она упала ничком. Напоровшись при падении на корень дерева, она порезала себе щеку. Эта рана на лице расстроила девочку куда больше острой боли в ноге. «Этот гад мне лицо порезал!» — возмущенно подумала она.

Такако выгнулась и окинула взглядом свою спину. Серебристая стрела пронзила ей юбку и воткнулась в правую ляжку. По прекрасно оформленной ножке стекала кровь.

Кадзуси подбежал к ней, отшвырнул в сторону арбалет и правой рукой достал из-за пояса нунтяку — или, по-простому, нунчаки. Цепочка нунчаков звякнула (между прочим, это оружие лежало в рюкзаке Маюми Тэндо, который Кадзуси забрал после убийства Ёсио Акамацу. По совершенно непонятной причине ему в качестве оружия предназначался какой-то музыкальный инструмент вроде банджо, совершенно бесполезный. Такако он, по крайней мере, ничего на этом банджо играть не собирался).

Взглянув на лежащий на земле арбалет, Такако подумала: «Ты еще пожалеешь, что его бросил».

— Ты сама виновата, — задыхаясь, выговорил Кадзуси. — Ты меня спровоцировала.

Такако с гневным изумлением воззрилась на Кадзуси. «Проклятье, — подумала она, — этот убудок еще извиняется. Поверить не могу, что я с таким кретином два с лишним года в одном классе проучилась».

— погоди, — сказала Такако. Пока Кадзуси стоял, хмуря брови, девочка встала на колени и потянулась себе за спину. Сжав зубы, она одним быстрым движением

выдернула из ляжки стрелу. Мышечная ткань порвалась, и кровь хлынула гораздо сильнее. На юбке у Такако теперь оказалось два китайских разреза.

— Брось, — сказал Кадзуси. — Это бесполезно.

Девочка направила нож для колки льда подонку на грудь.

— Значит, ты говоришь, это игра? Очень хорошо. Я в нее с тобой поиграю. С таким засранцем, как ты, проигрыш мне не грозит. Я сделаю все, чтобы ты по этой земле больше не ходил. Ты понял? Не слышу! Ты что, совсем тупой?

Кадзуси по-прежнему был спокоен. Вероятно, он думал, что не может ей проиграть, раз она девочка, да еще к тому же и ранена.

— Я еще раз повторю, — продолжила Такако. — Даже не надейся избить меня до полусмерти, а потом изнасиловать. Тебе, дитя малое, надо сейчас больше о своей жизни заботиться, чем о своей пипиське.

Физиономия Кадзуси перекосилась, и он поднял нунчаки.

Такако покрепче ухватилась за нож для колки льда. Напряжение все росло.

Кадзуси был сантиметров на пятнадцать ее выше и килограммов на двадцать тяжелее, а Такако была спортивнее всех девочек в классе, но у нее все равно было мало шансов победить. Кроме того, ее правая нога была ранена. И все же... проиграть она не могла. Никогда.

Внезапно Кадзуси шагнул вперед, и нунчаки полетели вниз.

Такако левой рукой отразила удар. Один из двух ее браслетов отлетел в сторону (проклятье, самый любимый, сработанный индейцами Южной Америки!). Колющая боль, поднимаясь все выше, пронзила ее руку. Невзирая на боль, Такако сделала выпад ножом. Кадзуси скорчил гримасу и резко отпрянул. Их разделяли два метра.

Левая рука Такако теперь заныла, но она не была сломана, а значит, все в порядке.

Кадзуси снова перешел в атаку. На сей раз он махнул нунчаками сбоку, на манер теннисного удара.

Уклоняясь от удара, Такако резко присела. Нунчаки скользнули по ее разноцветным волосам — и несколько прядей взлетели в воздух. Затем девочка быстро махнула ножом, метя по правому запястью Кадзуси. Когда тот негромко застонал и отступил, она поняла, что слегка его задела.

Противники снова разошлись. Кисть Кадзуси, в которой он держал нунчаки, стала красной. Однако порез не казался серьезным.

А вот рана на правой ляжке Такако пульсировала болью, нога ниже этой раны покрылась кровью. Долго бы она так не протянула. Девочка также обратила внимание на свистящие хрипы. Оказалось, они вырывались у нее изо рта.

Кадзуси снова взмахнул нунчаками. Похоже, теперь он целил ей в левый висок.

Такако быстро шагнула вперед. Она вдруг вспомнила одно правило, которому учил ее Хироки, спец по боевым искусствам: «Ты сможешь победить противника, если собьешь его с ритма. Порой смелый шаг может решить все».

Нунчаки ударили ее по плечу, но слабо, всего лишь цепочкой, которая едва ли могла серьезно поранить. Затем Такако прыгнула прямо врагу на грудь. Глаза Кадзуси,

широко раскрытые от испуга, оказались прямо перед глазами девочки, и она ударила ножом снизу вверх.

Свободной левой рукой Кадзуси оттолкнул Такако в сторону. Не сумев опереться раненой ногой, девочка потеряла равновесие и упала вперед.

Все той же левой рукой Кадзуси потер свою грудь, куда чуть было не вонзился нож.

— А ты и правда крута, — сказал он.

Такако медленно поднималась. Кадзуси снова махнул нунчаками. На сей раз он целил ей прямо в лицо!

Такако отразила удар ножом. Раздался металлический звон, нож взлетел в воздух и упал на землю. Девочка ощутила сильнейшую боль в руке.

Такако прикусила губу и, отступая, пронзила Кадзуси огненным взглядом.

А тот осклабился и медленно пошел вперед. «У этого парня точно что-то с мозгами, — подумала Такако. — Ему ничего не стоит девочку насмерть забить. Похоже, ему это даже в радость».

Кадзуси опять взмахнул нунчаками. Такако резко отклонилась назад, но нунчаки пошли за ней. Пожалуй, Кадзуси к ним приноровился. На сей раз ему удалось расширить радиус удара.

Такако ощутила резкий удар слева по голове и зашаталась. Из ее левой ноздри потекла теплая влага.

Казалось, девочка вот-вот рухнет. На физиономии Кадзуси уже явно проступало победное выражение.

Покачиваясь, Такако прищурила прелестные глазки с приподнятыми уголками.

А потом повалилась набок и одновременно что было силы лягнула Кадзуси справа по левому колену. Тот испустил мучительный стон и стал падать влево. Больным коленом Кадзуси упереться не удалось, и в результате он оказался на карачках. Такако увидела его спину.

Если бы девочка в тот момент потянулась за ножом, она бы наверняка проиграла. Но Такако не стала этого делать.

Она прыгнула Кадзуси на спину.

А потом ухватила за его голову, словно ехала у него на закорках. Под ее тяжестью Кадзуси упал на живот.

Если Такако о чем-то и подумала, то лишь о том, какие пальцы лучше использовать. Указательный и средний... нет, самой лучшей комбинацией ей казались средний и большой. И еще... Такако всегда проявляла большую заботу о своих ногтях. Сколько тренер легкоатлетической команды господин Такада ее за это ни укорял, она наотрез отказывалась их коротко подстричь.

Сидя верхом на Кадзуси, Такако схватила его за волосы и запрокинула ему голову. Теперь ей стало видно, куда втыкать ногти.

Должно быть, Кадзуси понял ее намерение. Такако заметила, как он зажмурил глаза.

Но это уже было бесполезно. Средний и большой пальцы правой руки Такако прорвали его веки и зарылись в глазницы.

Дикий вопль Кадзуси разнесся по всей округе.

Парень распластался на земле, затем поднялся на четвереньки, бросил нунчаки и попытался оторвать руки Такако от своей головы. Тщетно. Тело Кадзуси неистово билось в конвульсиях.

Такако крепко его держала, не давая вырваться. И еще глубже вонзала ногти. Ее большой и средний пальцы почти целиком вошли в глазницы Кадзуси. Протолкнув их еще глубже, Такако вдруг почувствовала, как что-то оттуда выкатывается, и поняла, что это глазные яблоки. Она никак не ожидала, что глазницы окажутся такими маленькими. Тогда Такако без колебаний направила свои острые ногти вверх. Кровь и какая-то полупрозрачная слизь заструились по щекам Кадзуси.

Парень страшно закричал. Затем попытался встать и бешено замахал руками. Кадзуси удалось сорвать со своей головы правую руку Такако и ухватить ее за волосы.

Тогда Такако с него спрыгнула. В руках у Кадзуси остался целый клочок ее волос. Однако сейчас это ее мало заботило.

Такако поискала глазами свой нож для колки льда и подобрала его с земли.

Кадзуси громко простонал и протянул руки в сторону (в буквально смысле) незримого врага. Затем покачнулся и сел на землю. Глаза его тонули в ярко-красном море. Кадзуси теперь немного напоминал мартышку-альбиноса. Хромая, Такако к нему подошла. Она подняла правую ногу и наступила на незащитный пах Кадзуси. Белая кроссовка в лиловую полосу была теперь сплошь залита кровью из раны на ляжке. Когда Такако нажала сильнее, у нее возникло чувство, что она раздавила какого-то мелкого грызуна. Кадзуси мучительно застонал. Схватившись за пах, он повернулся набок и скрючился в позе зародыша. Тогда Такако левой ногой стала давить ему на горло, направляя туда всю свою тяжесть. Кадзуси пытался обороняться, слабо ударяя ее кулаком по ноге. Тщетно.

— Помогите... — прохрипел Кадзуси. Горло его уже было раздавлено, и призыв о помощи оказался едва слышным. — Помогите...

«Ага, сейчас», — мысленно отозвалась Такако и тут же почувствовала, как губы ее расползаются в улыбке. Она уже не гневалась. Она наслаждалась. Совершенно точно. «Ну и что? — подумала девочка. — Я никогда не говорила, что я папа Иоанн Павел II или далай-лама 13-й».

Опустившись на колени, Такако всадила нож для колки льда Кадзуси в рот (она заметила несколько зубных пломб). Руки парня внезапно застыли, как будто отключилось электропитание. Такако нажала на нож. Не встречая особого сопротивления, тот погрузился в незащитное горло. Все тело Кадзуси, от головы до пят, вдруг конвульсивно задергалось, словно он тонул в море. Затем так же внезапно затихло. На лицо мартышки-альбиноса с широко распахнутыми красными глазами напозла кровавая паутина.

Такако вдруг почувствовала острую боль в правой ноге и осознанно упала на спину. Задыхалась она теперь не меньше, чем после пары двухсотметровых пробежек подряд.

Итак, Такако победила. Но она также чувствовала полное опустошение. На самом деле бой не мог продлиться дольше секунд тридцати. Больше Такако просто бы не выдержала. В любом случае... она победила. И это было главное.

Такако сжала залитую кровью правую ногу, глядя на труп Кадзуси, который теперь напоминал бродячего фокусника, пытающегося выплюнуть из рта нож для колки льда. «А теперь, дамы и господа, я извлеку из себя то, что прямо у вас на глазах проглотил...»

— Такако, — донесся сзади чей-то голос.

Такако не вставая обернулась и одновременно выдернула нож из рта Кадзуси. Голова трупа немного приподнялась, а затем опять упала на землю.

Сзади на Такако смотрела Мицуко Сома (ученица номер 11).

Такако быстро глянула на правую руку одноклассницы — в маленькой ладошке Мицуко был зажат большой автоматический пистолет.

Такако понятия не имела, каковы ее намерения. Но... если, подобно Кадзуси Нииде, она хотела ее убить (а это казалось вполне вероятно — в конце концов, это была Мицуко Сома), то у Такако не оставалось никаких шансов. У Мицуко был пистолет.

Она должна была сбежать. Должна. Руками подтягивая правую ногу, Такако попыталась встать.

— Ты как? — спросила Мицуко. Голос ее казался ужасно добрым. И из пистолета она в нее не целилась.

Такако должна соблюдать осторожность. Она отодвинулась чуть назад и в конце концов сумела встать, держась за ближайшее дерево. Правая нога казалась страшно тяжелой.

— Нормально, — ответила Такако.

Мицуко взглянула на труп Кадзуси. Затем на нож для колки льда в руке у Такако.

— Ты вот этой штукой его убила? Просто поразительно! Это я тебе как девочка девочке говорю.

В голосе Мицуко действительно звучало неподдельное изумление. А еще — радость. На ее ангельском личике светилась улыбка.

— Очень может быть, — откликнулась Такако, чувствуя, что в любую секунду может потерять равновесие. Должно быть, из-за большой потери крови.

— Надо же, — продолжила Мицуко. — Вообще-то ты никогда не старалась произвести на меня впечатление.

Не в силах разгадать намерений Мицуко, Такако просто на нее глядела. (Две самые красивые девочки младшей средней школы города Сироивы смотрели друг на друга. Миленькие украшения и труп мальчика. Ах, ты так прелестна).

Мицуко была совершенно права. Такако терпеть не могла к кому-то подлизываться, и она, в отличие от других девочек, никогда не пугалась, когда Мицуко Сома к ней обращалась. Такако была слишком горда, а кроме того, она просто Мицуко не боялась.

Тут Такако вспомнила слова одного старшеклассника, в которого давным-давно была влюблена (хотя на самом деле эта влюбленность закончилась каких-то пару

месяцев тому назад). Чувства Такако к Хироки Сугимуре были весьма смутными, в того парня она совершенно определенно влюбилась. Однажды, подравшись с какой-то шпаной за своего друга, он появился на тренировке легкоатлетической команды весь избитый. Такако что-то у него спросила, а он своим неподражаемым голосом ей сказал: «Нечего бояться. Ничего страшного».

Быть сильной и красивой... На этого парня Такако положила глаз еще когда только-только поступила в младшую среднюю школу, и, похоже, он оказал колоссальное влияние на формирование ее личности. Вот только у него уже была подруга. Очень изящная девочка, вроде Сакуры Огавы... безмятежная как озерцо в глубоком лесу... Впрочем, все это уже было в прошлом.

«И все же, — подумала Такако, — почему я именно сейчас вспомнила его слова?» Ведь считанные секунды тому назад, когда Такако билась с Кадзуси Ниидой, они ей в голову не приходили. Означало ли это... что она... на самом деле... все-таки боялась Мицуко?

— Знаешь, я всегда немного тебе завидовала, — продолжала Мицуко. — Ты была так красива. И ты была лучше меня.

Такако молча слушала. И почти сразу поняла, что что-то здесь не так. Почему Мицуко говорила о ней в прошедшем времени?

— Нет, правда... — Тут глаза Мицуко игриво замерцали. И она вернулась к настоящему времени. — Мне по-настоящему нравятся такие девочки, как ты. Возможно, я немного лесбиянка. А потому...

Глаза Такако широко распахнулись. Она резко повернулась и бросилась бежать. Немного волоча правую ногу, звезда легкоатлетической дорожки все же сумела показать достойный спринт.

— А потому...

Мицуко подняла кольт. И три раза подряд нажала на спусковой крючок. Такако успела сбежать вниз по холму, быстро одолев двадцать метров, но тут в спине ее матроски появились три дыры. Она полетела вниз, словно ныряя в бассейн. Взлетели вверх ноги девочки — левая белая, а правая красная, над ними вспорхнула юбка. Наконец Такако упала на землю.

Мицуко опустила пистолет.

— А потому очень жаль, — сказала она.

Осталось 24 ученика

Норико дышала все тяжелее. Лекарство, которое дал ей Сёго, похоже, никакого действия не оказывало. Было уже без малого 2 часа дня. Внезапно Сюе показалось, что щеки Норико совсем запалые. Тогда он взял бутылку воды, намочил носовой платок Норико и вытер ее вспотевшее лицо, а затем положил носовой платок ей на лоб. Глаза Норико так и не открыла, но едва заметно кивнула в знак благодарности.

Сюя оглянулся на Сёго. Тот все также сидел, прислонясь к стволу дерева и скрестив ноги, и почти непрерывно курил. Его правая рука слегка касалась приклада ремингтона у него на коленях.

— Слушай, Сёго.

— Что?

— Идем.

Сёго недоуменно поднял брови.

— Куда?

Сюя сжал губы.

— Я больше так не могу. — Он указал на Норико. — Ей с каждой секундой все хуже.

Сёго взглянул на Норико. Та по-прежнему не открывала глаз.

— Если у нее общее заражение, тепло и покой ей не помогут. — Сюя изо всех сил старался сдерживать нетерпение. — Согласно карте, на острове есть медпункт. Ведь мы бы смогли найти там для нее лекарство получше, верно? Этот медпункт находится к северу от жилого района, и ни в одну из запретных зон он пока еще не попал.

— Ну да. — Уголком рта Сёго выдохнул дым. — Это верно.

— Идем туда.

Сёго наклонил голову. Сделав еще затяжку, он потушил окурочок.

— Этот медпункт, по меньшей мере, в полутора километрах отсюда. Сейчас слишком опасно туда идти. Мы должны дождаться, пока стемнеет.

Сюя стиснул зубы.

— Мы не можем ждать, пока стемнеет. Что, если тот район станет запретной зоной?

Сёго не ответил.

— П-послушай, Сёго, — сказал Сюя. То ли от нетерпения, то ли просто из-за мысли, что им придется рискнуть и отделиться от Сёго, но он начал слегка заикаться. Тем не менее Сюя должен был все это выложить. — Я н-не хочу сказать, что ты пытаешься нас погубить. Но почему ты так боишься идти на любой риск? Н-неужели твоя жизнь так драгоценна?

Сюя посмотрел ему прямо в глаза. На лице у Сёго осталось все то же спокойное выражение.

— Сюя...

Услышав позади себя голос Норико, Сюя оглянулся. Норико повернула к нему голову. Платок упал с ее лба на землю.

— Прекрати, — выговорила девочка меж двух тяжелых вздохов. — Без Сёго нам не справиться...

— Норико. — Сюя покачал головой. — Неужели ты не понимаешь, как ты слабеешь? Ты можешь умереть раньше, чем мы отсюда выберемся. — Сюя снова

повернулся к Сёго. — Если ты не идешь, я сам понесу Норико. Про наш уговор можешь забыть. Теперь ты сам по себе. — И он встал, чтобы собрать вещи.

— Погоди, — сказал Сёго. Он встал, подошел к Норико и взял ее за правое запястье, проверяя пульс. Так он делал каждые двадцать минут, затем снова потер свой заросший подбородок и взглянул на Сюю. — Ты же все равно нужное лекарство не найдешь. — Не отводя глаз от Сюи, он слегка наклонил голову и сказал: — Ладно. Я иду с вами.

Осталось 24 ученика

39

Прошло целых полчаса с тех пор, как Мицуко Сома трижды выстрелила ей в спину, и, хотя она потеряла очень много крови из раны в ноге, Такако Тигуса была все еще жива. Мицуко уже ушла, но Такако сейчас это волновало меньше всего.

Она полудремала, полугрезила наяву. Ее семья... отец, мама, младшая сестренка — все они махали Такако руками, стоя у передних ворот дома.

Сестренка Аяко, на два года младше ее, плакала и говорила: «Прощай, Такако, прощай». Красивый отец Такако, от которого она в основном унаследовала свою привлекательность, и мама, в которую скорее пошла Аяко, с очень грустным видом молчали. Их умная собака, Ханакко, опустив голову, махала хвостом. Такако заботилась о Ханакко с тех пор, как та была еще беззаботным щенком.

«Господи, — подумала Такако, — как же это ужасно. Я всего только пятнадцать лет и прожила. Эй, Аяко, позаботься о папе и маме, ладно? Ты такая избалованная, так поучись немного у старшей сестренки, ага?»

Затем Такако увидела Каору Китадзаву. Свою по-настоящему близкую подругу, миниатюрную девочку, с которой дружила уже семь лет.

«Пора прощаться, Каору, — подумала Такако. — Так уж выходит. Ведь это ты говорила о том, что, если очень сильно захотеть, сам дьявол не сможет тебя напугать. Да, я не боюсь. И все же... так тяжело... умирать в одиночестве...»

Тут Каору вроде бы что-то крикнула. Но Такако плохо ее расслышала. Ей показалось, Каору крикнула: «А как же он?»

Он?

Тут перед мысленным взором Такако возникла раздевалка легкоатлетической команды. Она знала, что все происходит летом второго года ее учебы в школе, потому что прошлой осенью это здание снесли и построили новые клубные раздевалки.

Но это был не сон. Это действительно произошло. Это же...

Ее старый приятель по команде. Короткие волосы стоят торчком. Белая футболка с надписью «ОТВАЛИ!» и зеленые спортивные трусы с черными лампасами. Лукавые, но нежные глаза. Тот самый парень, в которого Такако влюбилась. И он теперь массировал давным-давно поврежденное колено. Рядом с ними никого не было.

— У тебя красивая подружка, — сказала Такако. — Вы такая классная парочка.

«Ну вот, — подумала она, — как только до дела доходит, я самой обычной девочкой становлюсь. Как глупо».

— Да? — Парень поднял голову и улыбнулся. — Ты красивее.

Такако улыбнулась, испытывая смешанные чувства. С одной стороны, она рада была услышать, что он так высоко оценивает ее внешность... но с другой стороны, раз он мог так запросто сказать другой девочке, что она красивее, значит, он был очень сильно привязан к своей подруге.

— А у тебя нет парня, Такако? — спросил он, улыбаясь.

Опять другая сцена.

Такако в саду, но трава почему-то совсем близко.

«Похоже, это детство, — подумала она. — Должно быть, я во втором или в третьем классе».

Прямо перед ней плакал Хироки Сугимура. Совсем не такой высокий, как сейчас. Вообще-то тогда Такако была даже выше. Какой-то хулиган отнял у Хироки новенькую книжку комиксов.

— Перестань, мальчики не плачут. Что ты как рева-корова? Брось. Наша собака только что оценилась. Хочешь на щеночков посмотреть?

— Угу... — Хироки вытер слезы и заковылял за ней.

Тут Такако вспомнила, что через год после этого случая Хироки поступил в школу боевых искусств. Примерно тогда же он сильно вытянулся и в конце концов обогнал ее в росте.

До самого конца начальной школы они частенько ходили друг к другу в гости. Однажды, когда Такако казалась не на шутку чем-то озабоченной, Хироки спросил:

— Что случилось? У тебя что-то не так?

Такако немного подумала, а затем спросила в ответ:

— Послушай, Хироки, а что бы ты сделал, если бы кто-то тебе сказал, что ты ему нравишься?

— Гм. Не знаю. Со мной такого никогда не случалось.

— ...а сам ты ни в кого не влюблялся?

— Гм. Не-а. Пока нет.

«Значит, меня у него даже в мыслях нет? — подумала тогда Такако. — Ну и ладно».

— Нет, правда, — продолжила она. — Ты должен найти кого-то, кому бы ты смог признаться.

— Гм. Не думаю. Я слишком застенчив.

Другая сцена. Опять школа. На второй год они с Хироки стали одноклассниками. И в первый же день поговорили. В какой-то момент Хироки заметил:

— Слышал, в легкоатлетической команде есть один классный парень. — Напрямую он этого не сказал, но подразумевалось, что Такако в того парня влюбилась.

— Кто тебе сказал?

— Просто слышал. И как там дела?

— Безнадежно. У него есть подружка. А у тебя как дела? У тебя все еще нет подружки?

— А, брось.

«Мы всегда были на грани, — подумала Такако. — Мы оба друг к другу что-то такое испытывали... или я просто воображаю? По крайней мере, ты мне нравился. Конечно, это не совсем то, что я испытывала к тому парню из легкоатлетической команды. Понимаешь, о чем я?»

Появилось лицо Хироки. Он плакал.

— Такако. Не умирай.

«Перестань, — подумала Такако. — Будь мужчиной. Мальчики не плачут. Ты уже такой большой, а все плакса-вакса».

Господи, что это? Такако снова пришла в чувство. И открыла глаза.

В мягком дневном свете на нее смотрел Хироки Сугимура. За спиной Хироки качались верхушки деревьев. Кусочки голубого неба между ними образовывали сложные пятна, как в тесте Роршаха.

Прежде всего Такако поняла, что Хироки вовсе не плачет.

А потом задумалась.

— Как ты...

Такако двигала губами, создавая слова, и ей казалось, будто она пытается открыть ржавую дверь. До нее дошло, что жить осталось недолго.

— ...здесь оказался?

Хироки лишь буркнул: «Нашел все-таки». Затем опустился рядом на колени и приподнял ей голову. Такако упала ничком, но теперь почему-то лежала на спине. Левая ладонь (левая рука... да нет, вообще вся левая сторона тела) совсем онемела и почти ничего не чувствовала (это могло быть от удара Кадзуси Нииды по левому виску). И все же под ладонью она ощущала какие-то сорняки. Он ее сюда перенес?

— Кто тебя так? — тихо спросил Хироки.

Да, все верно. Это была важная информация.

— Мицуко, — ответила Такако. На Кадзуси ей теперь было наплевать. — Будь осторожен.

Хироки кивнул.

— Прости меня, — сказал он затем.

Такако не поняла. И молча посмотрела на Хироки.

— Я прятался у школы... ждал тебя, — пояснил Хироки и сжал губы, словно бы сдерживая слезы. — Но потом... потом туда вернулся Ёсио. И я... я на долю секунды отвлекся. Сама знаешь... как ты бегать умеешь. Я побежал за тобой, стал звать... но ты уже была слишком далеко.

«Господи, нет», — подумала Такако. Значит, это была правда. Когда она убежала от школы в лес, ей вроде бы послышался чей-то голос. Но Такако была в такой лихорадке, что посчитала это плодом своего воображения (а голос и правда был, но это мог оказаться враг). Так или иначе, она во весь дух понеслась дальше.

Нет...

Хироки ее ждал. Как Такако поначалу и предположила, он, рискуя жизнью, ее там ждал. А когда Хироки сказал «нашел все-таки», имелось в виду, что он все это время ее искал.

От этой мысли Такако захотелось плакать.

Но вместо этого она, собрав все силы, попыталась изобразить на лице улыбку.

— Правда? Спасибо.

Такако понимала, что многого сказать уже не сможет. Тогда она попыталась прикинуть, что самое главное, ей на ум пришел до странности неуместный вопрос, и она его выпалила:

— Ты в кого-то влюблен?

Хироки слегка поднял брови.

— Да, влюблен, — нежно сказал он затем.

— Только не говори, что это я.

— Нет, это не ты.

— Ну, тогда...

Такако глубоко вздохнула. У нее было такое чувство, будто по ее телу растекается яд. Тело казалось одновременно и холодным, и страшно горячим.

— Тогда... может, ты обнимешь меня покрепче? Все произойдет... очень скоро.

Хироки плотно сжал губы и приподнял девочку, обеими руками крепко прижимая ее к себе. Голова Такако чуть было не запрокинулась, но Хироки успел ее придержать.

Такако почувствовала, что успеет сказать еще только одно.

— Ты должен выжить, Хироки.

«Господи, можно еще одно слово?»

Такако заглянула Хироки в глаза и нежно улыбнулась.

— Ты таким красавцем стал.

— А ты... ты самая стильная девочка на свете.

Такако слабо улыбнулась. Ей хотелось поблагодарить Хироки, но она уже не смогла. Тогда она просто посмотрела ему в глаза. Такако была почти счастлива. По крайней мере, она не умрет в одиночестве. Хироки останется с ней до самого конца. И Такако была счастлива. Почти.

«Каору... — подумала она. — Спасибо. Я слышала твои слова».

Минуты через две на руках у Хироки Такако Тигуса умерла. Глаза ее так и остались открыты. Прижимая к себе обмякшее, безжизненное тело девочки, Хироки Сугимура горько плакал.

Осталось 23 ученика

40

— Погоди, — сказал Сёго. Сжимая в руках дробовик, он внимательно оглядел окрестности.

Сюя, несшей на спине Норико, остановился в тени огромного вяза. Они уже должны были одолеть примерно две трети расстояния до медпункта и находиться где-то недалеко от сектора E=6 или E=7. Если они шли в правильном направлении (а поскольку вел их Сёго, далеко в сторону они уйти не могли), справа вскоре должно было показаться здание школы.

Двигаясь вдоль берега, Сёго, Сюя и Норико первым делом пересекли сектор В=4. Затем пошли на восток вдоль подножия северной горы. Перемещаться при ясном свете дня оказалось непросто. Приходилось делать быстрые, короткие переходы, а затем стоять, восстанавливая дыхание. Когда впереди оказывалась густая растительность, Сёго швырял туда несколько камешков, чтобы убедиться, что там никого нет. Сюда они добирались целых полчаса.

Норико дышала все так же тяжело.

Сюя наклонил голову, как мать, несущая на закорках младенца.

— Мы уже почти пришли, Норико, — сказал он.

— Хорошо... — отозвалась девочка.

— Ладно, вперед, — сказал Сёго. — Вон к тому дереву.

— Ага.

Сюя пошел дальше по мягкой, травянистой почве. Должно быть, это было пастбище. Сёго держался рядом с ними, в левой руке держа их вещи, а в правой — дробовик. Движением головы он указывал направление. Дуло ремингтона постоянно поворачивалось в ту же сторону, что и его голова.

Добравшись до тонкого деревца, они остановились. Сюя перевел дыхание.

— Ну, как, Сюя? — спросил Сёго.

Тот молча ему улыбнулся.

— Норико совсем легкая.

— Можем отдохнуть.

— Нет. — Сюя покачал головой. — Надо как можно скорее туда добраться.

— Хорошо, — отозвался Сёго.

Вдруг Сюя ощутил неуверенность: возможно, он опять свалил дурака. Вечно он делал неверные заключения, не успев проверить важные детали.

— Послушай, Сёго.

— Что?

— А тот значок на карте правда указывает на медпункт?

Сёго прыснул.

— По-моему, ты сам об этом заявил.

Сюя смутился.

— Не волнуйся, — тут же успокоил его Сёго. — Это он. Я проверял.

— Правда?

— Ага. Я же говорю — прошлой ночью я много бродил по острову, пока вас не встретил. Вообще-то мне следовало все это предвидеть и захватить с собой побольше лекарств. Но тогда я не подумал, что они мне понадобятся.

Сюя облегченно вздохнул. А потом стал себя укорять. Ему следует сначала думать, а потом делать. Иначе все кончится тем, что убьют не только его, но и Норико.

Пока они разговаривали, Сёго выбирал следующую точку для остановки.

— Ладно...

И тут они услышали выстрелы. Сёго застыл. Затем нервно пригнулся и оглядел окрестности. Что ж... быть может, Сюя был слишком большим оптимистом, рассчитывая без всяких помех добраться до медпункта?

Впрочем, пока никого не было видно.

Сюя взглянул на Сёго. Тот вытянул левую руку, словно бы прикрывая их с Норико, и смотрел влево, куда они как раз собирались направиться. Покатый склон тянулся вверх к высокой сосновой роще метрах в десяти от них, которая закрывала обзор. Имел ли Сёго в виду, что им следует туда идти?

Сюя, наконец, выдохнул из себя воздух.

— Порядок, — тихо произнес Сёго. — Стреляют не в нас.

Раз ему приходилось нести Норико, Сюя решил пистолет не доставать.

— Но это совсем рядом, — сказал он.

Сёго молча кивнул. И тут стрельба возобновилась. Два, затем еще один выстрел. Третий почему-то показался громче первых двух. Затем еще выстрел, потише.

— Настоящая перестрелка, — пробормотал Сёго. — Там нешуточная разборка.

Зная теперь, что они в безопасности, Сюя почувствовал облегчение, но продолжал нервно покусывать губы. И так, его одноклассники снова пытались убить друг друга. И это происходило совсем рядом. А он всего лишь старался держаться тихонько, дожидаясь, пока кто-то кого-то прикончит. Это просто позорно...

— Надеюсь, Сюя, ты не собираешься их остановить, — стоя к нему спиной, сказал Сёго. Похоже, этот парень все-таки умел читать мысли (по крайней мере, в хорошую погоду, как он сам сказал).

Затаив дыхание, Сюя помотал головой, а затем буркнул «нет». Все верно. Самое главное было дотащить Норико до медпункта. Вмешайся они в чью-то разборку, все три их жизни оказались бы в итоге поставлены на кон.

Но тут его вдруг позвала Норико. У девочки был такой жар, что Сюя даже спиной его чувствовал. Она едва слышно прошептала его имя.

Сюя повернул голову. Глаза Норико блестели из-за его плеча.

— Дай мне... встать... — наконец вымолвила она, а затем продолжила: — Мы должны посмотреть... выяснить... кто там...

Дальше слышалось лишь тяжелое дыхание, но Сюя понял, о чем идет речь. Что, если кого-то невинного, кого-то, кто не хотел участвовать в игре, должны вот-вот убить? Прямо сейчас, когда пулями обменивались обе стороны, вполне могло быть и так.

В данный момент они находились на склоне северной горы к юго-западу от вершины, где были убиты Юмико Кусака и Юкико Китано. Но автоматных очередей пока что не слышалось. Следовательно, те, кто сейчас сражались, Юкико и Юмико не убивали. Но что, если убийца Юкико и Юмико слышал эти выстрелы? Тогда он мог в любую секунду появиться.

Последовали еще выстрелы. А потом опять тишина.

Сюя сжал зубы. Быстро опустив Норико на землю, он усадил ее спиной к стволу дерева, у которого они прятались.

Сёго обернулся.

— Эй, брось...

Сюя не обратил на него внимания.

— Я сейчас проверю, — сказал он Норико. Вытащив из-за пояса смит-вессон, он попросил Сёго: — Присмотри за Норико.

— Брось, я сказал...

Эти слова Сёго Сюя услышал уже в пути.

Осторожно поднявшись по склону, Сюя огляделся по сторонам и вошел в сосновую рощу.

За полосой деревьев были заросли. Сюя, опустившись на четвереньки, пополз дальше. Длинные острые иголки кололи его с обеих сторон.

Послышались еще выстрелы. Наконец, добравшись до края зарослей, Сюя высунул голову и увидел старое деревянное строение с треугольной крышей. Типичная ферма. Участок был ограничен крутым горным откосом, дальше — густой лес. А еще дальше виднелась обзорная площадка на северной горе, где были убиты Юмико и Юкико.

Фермерский дом находился слева от Сюи. У его фасада на корточках сидела Хироно Симидзу (ученица номер 10). Похоже, Хироно присматривалась к сараю во дворе у самого проселка.

У входа в этот сарай Сюя сумел различить фигуру девочки. Когда девочка подняла голову, он понял, что это Каори Минами (ученица номер 20). Обе его одноклассницы держали в руках оружие. Их разделяло менее пятнадцати метров.

Сюя понятия не имел, чего ради девочки стали друг в друга палить. Возможно, одна из них пыталась убить другую... но ему почти сразу же показалось, что здесь все обстоит иначе. Скорее девочки случайно друг на друга наткнулись, а поскольку ни одна из них не могла доверять другой, все закончилось перестрелкой...

Конечно, возможно Сюя не слишком хорошего мнения о девочках, но в любом случае он не мог отойти в сторонку и позволить этому кошмару продолжаться. Сюя должен был их остановить.

Пока он лихорадочно пытался оценить ситуацию, Каори высунула голову из сарая и выстрелила в Хироно. С оружием она обращалась как ребенок с водяным пистолетиком, но, в отличие от водяного, этот пистолет бабахнул, и маленькая латунная гильза полетела в воздух. Хироно дважды выстрелила в ответ. Она явно обращаться с оружием умела. Одна из пуль разнесла столбик у входа в сарай. Каори быстро отпрянула назад.

С того места, где стоял Сюя, Хироно была видна хорошо и он заметил, как она открывает барабан своего револьвера, чтобы извлечь гильзы. Левая рука девочки была заляпана красным. Похоже, ее ранила Каори. Однако Хироно сумела этой рукой быстро перезарядить револьвер. И снова прицелилась в Каори.

Все это произошло за считанные секунды. В тот самый момент, когда Сюя решил было действовать, у него вдруг снова возникло ощущение, что он видит кошмарный сон. Каори Минами обожала поп-идолов и часто разговаривала с подругами о своих любимых кумирах или обменивалась фотографиями безмерно обожаемых звезд. А Хироно Симидзу болталась с Мицуко Сомой, и вид у нее обычно был какой-то потрепанный. Но обе они учились в одном классе, и в каждой из них было свое очарование. Теперь же эти девочки... друг в друга стреляли. Самыми настоящими пулями. И явно старались убить одна другую.

«Я должен немедленно что-то предпринять», — подумал Сюя.

Он встал в полный рост и выстрелил в воздух. «Похоже, я теперь в шерифа играю, — успел подумать Сюя. — Вот класс!»

— Прекратите! — без колебаний выкрикнул он.

Хироно с Каори застыли, а затем дружно повернулись к Сюе.

— Прекратите! Я с Норико Накагавой! — продолжил он, прикидывая, что имени Сёго сейчас лучше не упоминать. — Вы можете мне доверять!

Стоило ему только это произнести, как Сюя понял, насколько по-дурацки прозвучали его слова. Впрочем, другого способа остановить их у него не было.

Хироно первой перевела взгляд с Сюи на Каори. А Каори... та всю глазела на Сюю.

И в этот момент Сюя понял, что вся верхняя часть тела Каори совершенно раскрыта. Как если бы она стояла в поле.

То, что произошло дальше, напомнило Сюе дорожно-транспортное происшествие, свидетелем которого он однажды стал. Ему тогда еще и одиннадцати не исполнилось, в тот осенний вечер водитель, скорее всего, просто заснул за рулем. Так или иначе, его грузовик потерял управление, въехал на тротуар и сбил совсем юную девочку, возвращавшуюся домой из школы. Правда, Сюя шел чуть позади нее. Сюю почему-то

поразило то, как ранец, сорвавшись с плеч девочки, по стремительной дуге полетел в сторону. Девочка приземлилась на тротуар раньше своего ранца, еще немного проскользила по тротуару и остановилась. Хлынувшая при падении кровь оставила красную полосу чуть больше метра в длину.

Начиная с того момента, как грузовик въехал на тротуар и сбил девочку, все происходящее невероятно напоминало замедленную съемку. Все, кто там оказался, точно знали, что сейчас будет, но никто ничего не мог поделать. И точно такое же ощущение было у Сюи сейчас.

Хироно прицелилась и выстрелила в Каори, которая забыла всякую осторожность. Прозвучало два выстрела подряд. Первая пуля врезалась Каори в плечо, разворачивая ее вправо, вторая попала в голову. Прямо на глазах у Сюи голова Каори от макушки до левого виска буквально взорвалась.

Девочка рухнула на землю у входа в сарай.

А Хироно взглянула на Сюю.

Секунду спустя она резко развернулась и побежала на запад — в ту сторону, откуда пришли Сюя, Сёго и Норико. Добежав до кустов, девочка скрылась из виду.

— Господи! — простонал Сюя.

Немного поколебавшись, он подбежал ко входу в сарай, где лежала Каори.

Ноги мертвой девочки торчали из сарая, в котором кроме ее скрюченного тела находился только старый и раздолбанный трактор. Струйка крови, вытекая из рта Каори, смешивалась с двумя такими же, струящимися из ран в голове и плече. В темной луже на бетонном полу сарая плавали крошечные пылинки. Глаза девочки слепо таращились в потолок. Из-под матроски выбилась тонкая золотистая цепочка, и прицепленный к ней медальон казался островом в море крови. Из него радостно улыбался знаменитый поп-идол.

Опускаясь на колени рядом с Каори, Сюя весь дрожал.

«Проклятье... — лихорадочно думал он, — вот ужас... ведь теперь эта девочка... не сможет больше болтать о поп-идолах... не сможет жить их заботами... черт, будь я более осторожен... может, она бы не погибла?»

Услышав позади шорох, Сюя обернулся. Это был Сёго. Одной рукой он сжимал дробовик, а другой придерживал Норико. Оба они наблюдали из леса.

Оставив Норико на месте, Сёго подбежал к Сюе.

На лице у Сёго ясно читалось: «Я же говорил!» Однако он не сказал ни слова. Лишь спокойно подобрал пистолет и рюкзак Каори, а затем, словно в последний момент об этом подумав, нагнулся и большим пальцем правой руки закрыл ей глаза.

— Идем, — сказал он затем. — Скорее.

Сюя прекрасно понимал, что здесь оставаться опасно. Любой — особенно тот автоматчик — мог услышать выстрелы и направиться сюда. И все же он так и не смог оторвать глаз от трупа Каори, пока Сёго не потянул его за руку.

Осталось 22 ученика

Местный медпункт располагался в старом одноэтажном здании. Деревянные стены потемнели от времени, а черепичная крыша так обветшала, что уголки ее побелели. Как и сарай, где погибла Каори Минами, медпункт находился в самом конце узкого проселка. Хотя Сюя, Сёго и Норико пробрались туда по подножию горы, они поняли, что проселок ведет к асфальтированной дороге, тянущейся вдоль восточного берега острова. Перед зданием стоял белый пикап. Вероятно, на нем ездил врач. Отсюда был виден океан.

Над морем сияло солнце. Океан здесь был совсем другого цвета, нежели в бухте Сироивы, где мрачные воды плескались о бетонный волнолом: чудесный ярко-синий с зеленым отливом. Едва ли на нем вообще были волны, а искрящиеся точки света на водной глади становились все более плотными на отдалении. Другие острова Внутреннего Японского моря казались совсем рядом, но это, как однажды объяснили Сюе, скорее всего было оптическим обманом, иллюзией, возникающей при отсутствии других предметов. Самый ближайший остров находился, по меньшей мере, в четырех-пяти километрах отсюда.

Так или иначе... Сюя, Сёго и Норико все-таки добрались до медпункта. Казалось чудом, что они остались целы и невредимы. Ребята сразу же ушли из того места, где была убита Каори Минами. И никакие автоматные очереди им вслед не прозвучали. Согласно карте, они прошли не больше двух километров, но Сюя страшно устал не только от того, что нес Норико, но и от ожидания возможной атаки. Ему хотелось как можно скорее убедиться в том, что в районе медпункта никого нет. Тогда и Норико, и он сам смогли бы отдохнуть.

Но тут внимание Сюи привлекло кое-что еще.

По безмятежному морю плыло какое-то судно. Скорее всего это был один из тех сторожевых кораблей, о которых упоминал Сакамоти. Но затем Сюя пригляделся и заметил, что на самом деле это цепочка из трех судов. Сакамоти сказал, что по одному кораблю будет с каждой стороны, с севера, юга, запада и востока. И на западной стороне они действительно видели только один корабль. Что же это тогда были за суда?

По-прежнему неся на себе Норико, Сюя высунул голову из-под листвы.

— Там три корабля, — сказал он Сёго.

— Ага, — отозвался Сёго. — Маленький — сторожевой. Самый здоровенный отвезет тех солдат, которые сейчас в здании школы, обратно на базу. А тот, что в середине, предназначен для последнего уцелевшего. Победитель этой игры поплывет на нем домой. Точно такой же корабль был в прошлом году.

— Значит, Программа в префектуре Хиого тоже проводилась на острове вроде этого?

— Ну да, — кивнул Сёго. — Префектура Хиого тоже находится у Внутреннего Японского моря. Похоже, Программы в префектурах у Внутреннего Японского моря всегда проводятся на островах. Ведь в этом районе океана по меньшей мере тысяча островов.

Сёго велел им подождать и с дробовиком наготове спустился по склону к медпункту. Осторожно пригибаясь, он сперва осмотрел пикап. Затем, прижавшись к стене здания, обошел его по периметру. Затем он вернулся к входу с раздвижной дверью и внимательно ее изучил. Похоже, дверь оказалась заперта, потому что Сёго размахнулся дробовиком и обрезом ствола высадил матовое стекло. Затем сунул руку в образовавшуюся дыру, отпер дверь и вошел в здание.

Понаблюдав за его действиями, Сюя повернулся к Норико, чья голова покоилась у него на спине.

— Норико, мы пришли, — сказал Сюя, но девочка смогла в ответ лишь простонать. Она по-прежнему очень тяжело дышала.

Через целых пять минут Сёго высунул голову из-за двери и дал Сюе знак подходить. Осторожно спустившись по двухметровому склону, Сюя приблизился к медпункту.

Рядом с дверью он увидел грязную деревянную табличку с пострадавшей от непогоды надписью: «Медпункт острова Окисима». Сюя проскользнул мимо Сёго, который стоял на страже с дробовиком в руках. Как только Сюя внес Норико внутрь, Сёго тут же аккуратно запер дверь и последовал за ними.

Прямо у входа располагалась маленькая приемная. Слева на истертом желтоватом ковре стояла длинная зеленая кушетка, покрытая белым покрывалом. Настенные часы исправно тикали, их часовая стрелка уже приближалась к цифре «три». Справа, похоже, была смотровая.

Сёго наглухо перекрыл входную дверь шваброй, а затем дал знак Сюе.

— Сюда.

Хотя им, вообще-то, полагалось снять обувь, Сюя прямо в кедах прошел в правую комнату. У окна там стоял деревянный стол с черным кожаным креслом. Перед столом стоял зеленый пластиковый табурет. Хотя медпункт был совсем маленьким, там все еще висел запах дезинфицирующего средства.

За толстыми зелеными занавесками, свисающими с металлических трубок, стояли две койки. Сюя донес Норико до ближайшей койки и осторожно опустил. Он хотел было снять с нее свой школьный пиджак, но затем передумал.

Быстро задернув занавески, Сёго дал Сюе два тонких коричневых одеяла, сложенных аккуратно квадратиками. Сюя немного подумал, затем расстелил одно одеяло на соседней койке.

Переложив туда Норико, он вторым одеялом накрыл ее до самого подбородка. Сёго тем временем рылся в сером конторском шкафу, где, вероятно, хранились лекарства.

Присев на корточки у изголовья Норико, Сюя зачесал ее влажные от пота волосы за уши. Девочка не открывала глаз.

— Проклятье, — пробормотал Сюя. — Норико, ты как?

Норико приоткрыла глаза и прищурилась, глядя на Сюю.

— Ничего... — выдохнула она.

Пусть даже девочка совсем ослабела от высокой температуры, разум ее оставался достаточно ясным, чтобы воспринимать происходящее.

— Хочешь попить? — спросил Сюя.

Норико едва заметно кивнула. Из брошенного Сёго на пол рюкзака Сюя достал новую бутылку воды и сломал на ней пломбу. Придерживая бутылку, он помог Норико попить. А затем тыльной стороной ладони вытер пролившуюся воду с подбородка девочки.

— Достаточно? — спросил Сюя, и Норико кивнула. Тогда он уложил ее обратно на койку и обратился к Сёго. — Как там с лекарствами?

— погоди, — отозвался Сёго, роясь еще в одном шкафчике, пониже первого. Наконец он вытащил оттуда картонную коробку, вскрыл ее и прочел инструкцию. Судя по всему, это было то, что он искал. Сёго извлек из коробки маленький пузырек и ампулу. Пузырек был полон белого порошка.

— Это надо глотать? — спросил Сюя.

— Нет, — ответил Сёго. — Это для инъекций.

Сюя был слегка шокирован.

— Ты знаешь, как их делать?

Сёго открыл водопроводный кран, но никакой воды оттуда, понятное дело, не полилось, и Сёго недовольно прищелкнул языком. Тогда он достал из своего рюкзака бутылку с водой и умыл руки. Затем насадил иглу на шприц и вытянул им содержимое ампулы.

— Не волнуйся, я уже не раз это делал.

— ...правда? — Сюя понял, что в разговоре с Сёго постоянно повторяет этот вопрос.

Сёго проткнул пломбу на пузырьке и опорожнил туда шприц, наполняя пузырек жидкостью из ампулы. Вынув шприц из пузырька, он энергично его потряс. А затем снова аккуратно ввел туда шприц и наполнил его получившимся раствором.

Подготовив таким образом шприц, Сёго подошел к Сюе с Норико.

— С ней все будет хорошо? — тревожно поинтересовался Сюя. — А как насчет всяких побочных эффектов?

— Как раз сейчас я и собираюсь это проверить. Просто делай, как я скажу. Приготовь руку Норико.

Сюя приподнял край одеяла и закатал на руке Норико рукава своего школьного пиджака и ее матроски. Рука девочки казалась совсем тонкой, а ее обычно смуглая кожа страшно побелела.

— Послушай, Норико, — обратился к ней Сёго, — у тебя когда-нибудь бывали аллергические реакции на лекарства?

Норико с трудом открыла глаза. На лице у нее было непонимание.

Сёго повторил.

— Есть у тебя аллергия к лекарствам?

Норико слегка помотала головой.

— Хорошо. И все-таки я хочу это проверить.

Сёго вытянул руку девочки ладонью вверх, затем взял ватку, смочил ее спиртом и вытер участок кожи между кистью и локтем. Осторожно введя иглу, он впрыснул Норико лишь капельку раствора из шприца. В этом месте тут же образовался небольшой бугорок. Затем Сёго взял другой шприц и сделал точно такую же инъекцию.

— Что ты делаешь? — спросил Сюя.

— В одном из шприцев — лекарство. В другом — просто вода. Если через пятнадцать минут между этими двумя отметками по-прежнему не будет никакой разницы, тогда нам нечего беспокоиться о побочных эффектах. И все-таки...

— Что?

Сёго быстро достал из картонной коробки другой пузырек. Положив его на столик у койки, он приготовил еще один шприц и посмотрел на Сюю.

— Не так просто диагностировать общее заражение. Если честно, я не могу понять, от общего заражения это у нее или просто от простуды. Вообще-то антибиотики чертовски мощная штука, и именно поэтому мы проводим эту проверку. Но мой опыт и мои знания на самом деле очень ограничены, так что вводить ей весь этот шприц может быть дьявольски рискованно. С другой стороны...

Сжимая руку Норико, Сюя молча ждал.

Сёго глубоко вдохнул.

— С другой стороны, — продолжил он, — если она страдает от общего заражения, нам следует как можно скорее начать лечение.

Пятнадцать минут пролетели как одна секунда. Тем временем Сёго проверил пульс Норико и измерил ей температуру. Ровно 39 градусов по Цельсию. Ничего удивительного, что она едва могла стоять.

Сюя не смог заметить разницы между двумя пробами на ее руках. Сёго, судя по всему, тоже. Он взял шприц побольше.

Склонившись над койкой, Сёго обратился к Норико.

— Норико. Ты не спишь?

— Нет, — не открывая глаз, ответила девочка.

— Скажу тебе честно. Я не знаю, есть у тебя общее заражение или нет. Очень может быть, что есть.

Норико едва заметно кивнула. Должно быть, она расслышала недавний разговор Сёго с Сюей.

— Хорошо... действуй.

Сёго кивнул и снова ввел шприц, на сей раз глубоко. Впрыснув раствор, он вынул иглу. Затем вытер место укола ваткой со спиртом.

— Держи, — сказал он Сюе.

Сюя взял шприц и прошел к раковине, чтобы бросить его в мусорное ведро. Затем вернулся к койке.

— Теперь она должна заснуть, — сказал ему Сёго. — Посиди с ней. Если она захочет пить, можешь использовать всю бутылку.

— Но ведь... — начал было Сюя.

Сёго покачал головой.

— Не волнуйся. За зданием я нашел колодец. Если мы наберем оттуда воды и вскипятим ее, будет полный порядок. — И Сёго вышел из комнаты. А Сюя повернулся к койке. Правой рукой придерживая ватку, а левой нежно сжимая ладонь Норико, он внимательно на нее смотрел.

Осталось 22 ученика

42

Норико почти мгновенно заснула. Сюя убедился, что ранка не кровоточит, затем аккуратно положил руку девочки под одеяло, выбросил ватку в мусорное ведро и вышел из комнаты.

Квартира врача располагалась сразу за приемной. Справа в конце коридора была кухня. Сёго он нашел именно там. Газовая плита у раковины не работала, но на ней уже стояла большая кастрюля с водой, под которой светила красная кучка древесного угля.

Сёго стоял на столе, роясь в шкафу, встроенном над раковиной. Как раз тогда Сюя заметил, что на ногах у Сёго кроссовки «Нью-баланс». Раньше ему казалось, что они какой-то местной марки вроде «Мидзуми» или «Кагэбоси». «Нью-баланс»! Сюя таких еще никогда не видел!

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Продукты ищу. Я нашел немного риса, но больше ничего. Овощи в холодильнике гнилые.

Сюя покачал головой.

— Ты же ворующий.

— Ясное дело, ворую, — сухо отозвался Сёго, а затем, продолжая рыться в шкафу, добавил: — Брось, Сюя. Лучше будь начеку. В любую секунду сюда может заявиться кто угодно. Если это будет тот автоматчик, нам конец. Так что держи ухо востро.

— Ладно, — откликнулся Сюя.

Сёго спрыгнул со стола. Кроссовки «Нью-баланс» закрипели.

— Норико спит? — спросил он.

Сюя кивнул.

Сёго вытащил из-под раковины еще одну кастрюлю, прошел к пластиковому ящику с рисом в углу и насыпал риса в кастрюлю.

— Так ты рис варишь?

— Ага. На этих гнусных булочках Норико не поправится. — Зачерпнув воды из ведра, стоявшего на полу, Сёго вылил ее в кастрюлю. Затем стал мешать рис и лишь один раз при этом поменял воду. Рядом с уже греющейся кастрюлей Сёго положил на горелку несколько кусков древесного угля, после чего достал пачку сигарет и высыпал их себе в карман. Затем смял пачку, поджег ее зажигалкой и сунул в кучку угля. Как только уголь загорелся, Сёго поставил на ту горелку кастрюлю с рисом. Зрелище было впечатляющее.

— Ну и ну, — подивился Сюя.

Закуривая сигарету, Сёго внимательно на него взглянул.

— Ты вообще все умеешь.

— Да ну, — небрежно отозвался Сёго.

Тут в голове у Сюи вдруг вспыхнуло воспоминание. Тот момент, когда была убита Каори Минами... знаешь, что будет, но ничего не можешь поделать. Замедленная съемка. Каори разворачивается вправо, и левая часть ее головы разлетается на куски. Проклятье! Будь тогда Сёго на месте Сюи, все могло быть не так ужасно.

— Все еще насчет Каори переживаешь? — спросил Сёго, снова включая свои телепатические способности. Солнечный свет сюда, правда, не проникал, но мысли Сюи это ему угадывать не мешало.

Затем Сёго покачал головой.

— Не позволяй себе так расстраиваться. Ситуация была скверная. Ты сделал все, что мог.

Сёго явно по-доброму его утешал, но Сюя все равно опустил глаза. Труп Каори Минами в мрачном сарае рядом с дряхлым трактором. Ноги торчат наружу. Лужа крови все растет, вытекая из сарая. И кровь начинает сворачиваться. Тело этой девочки пришлось просто без всяких церемоний там бросить — точно старый манекен. Хотя в этом смысле не было сделано исключения и для Тацумити Оки, Кёити Мотобути, Юкико Китано и Юмико Кусаки. Да, все остальные были в той же лодке.

Сюю затошнило. Все они лежали там, на голой земле. Уже без малого двадцать учеников.

— Послушай, Сёго, — сумел выговорить Сюя.

В ответ Сёго слегка двинул рукой, в которой он держал сигарету.

— Что бывает с мертвыми... с их телами? — спросил Сюя. — Их просто оставляют там, пока эта дурацкая игра не кончится? А до тех пор они так там и гниют?

Сёго выдал звучащий формально ответ.

— Все верно. На следующий день после окончания игры сюда прибывает бригада наемных уборщиков, чтобы позаботиться о трупах.

— ...бригада уборщиков? — Сюя оскалил зубы.

— Угу. Я слышал об этом от одного контрактника и уверен, что это правда. Солдаты сил особого назначения слишком горды, чтобы заниматься такой лакейской работой. Конечно, бригаду уборщиков сопровождают государственные чиновники.

Они собирают ошейники и осматривают трупы. Знаешь, чтобы в сводке новостей можно было сообщить о том, сколько было застрелено, сколько задушено и все в таком роде.

Сюя был потрясен. Он вспомнил последнюю сводку новостей и бессмысленную конкретизацию причин смерти.

Но он также понял кое-что еще и хмуро сдвинул брови.

— В чем дело? — заметив это, спросил Сёго.

— Да ни в чем... мне просто кое-что непонятно. Я имею в виду эти штуковины... — Сюя поднял руку и его пальцы коснулись ошейника. — Я думал, они строго секретны. Разве их не следует собрать раньше, чем придут наемные уборщики?

Сёго пожал плечами.

— Уборщики понятия не имеют, зачем нужны ошейники. Наверное, они думают, что это просто такая маркировка. Парень, с которым я разговаривал, даже про них не вспомнил, пока я специально не спросил. Так что никакая спешка не нужна. С ошейниками можно разобраться после того, как бригада соберет трупы.

Сюе это показалось вполне логичным. И все же что-то еще его раздражало.

— Нет, погоди. А что, если один из ошейников дефектный? Скажем, он сломался, и тот, кого считают мертвым, оказывается живым. Не сможет ли этот ученик в таком случае сбежать? Разве чиновникам не следует как-то удостовериться в том, что все действительно мертвы?

Сёго недоуменно поднял брови.

— Ты говоришь так, словно на компетентные органы работаешь.

— Да нет... — Сюя смутился. — Я просто...

— Сомневаюсь, что эти ошейники вообще могут быть дефектными, — продолжил Сёго. — Ведь если один из них действительно ломается, игра уже не может идти по плану. Кроме того, если вооруженный ученик остается в живых, чиновники не могут позволить себе проверить тела. Иначе получится еще одно сражение. — Сёго сделал затяжку, тщательно все обдумывая. — Конечно, это всего лишь догадка, но я думаю, что в каждый ошейник вмонтировано несколько систем. Если одна ломается, другая тут же включается, так что, думаю, шансы на то, что ошейник станет дефектным, уменьшаются до нуля. Другими словами, спастись таким образом у нас не получится.

Сюя все понял и не увидел причины для возражения. (Кроме того, он в очередной раз не смог не подивиться разуму Сёго).

Но тогда... Вопрос, который Сюя обещал не задавать, снова всплыл у него в голове. Вопрос этот звучал так: «Как Сёго рассчитывал одолеть столь продуманную, столь защищенную от любых случайностей систему?»

Впрочем, не успел он толком это обдумать, как Сёго снова заговорил.

— Послушай, Сюя, — сказал он, — в любом случае я должен перед тобой извиниться.

— За что?

— За Норико. Я был неправ. Мы должны были как можно скорее взяться за ее лечение.

— Да ладно... — Сюя покачал головой. — Все в порядке. Спасибо тебе. От меня бы тут все равно особого толку не было.

Сёго выдохнул облако дыма и сосредоточил взгляд на противоположной стене.

— Теперь нам придется чуть-чуть подождать и посмотреть, что будет. Если это всего лишь простуда, тогда Норико стоит лишь немного отдохнуть, и жар уляжется. А если выяснится, что у нее общее заражение, лекарство должно с ним справиться.

Сюя кивнул. Он благодарил судьбу за то, что с ними был Сёго. Без Сёго он бы лишь беспомощно и обреченно наблюдал за тем, как Норико угасает. Сюя также жалел, что сказал тогда Сёго: «Про наш уговор можешь забыть». А потом тут же решил на свой страх и риск отправиться сюда. Это было так по-детски. Сёго следовало самому принять решение, тщательно взвесив риск направиться сюда днем при таком состоянии Норико.

Сюя решил, что ему следует извиниться.

— Послушай, Сёго, извини. За мои слова насчет того, что ты сам по себе и все такое. Я тогда слишком разволновался...

По-прежнему глядя в стену, Сёго покачал головой и улыбнулся.

— Нет. Ты принял верное решение. Все, проехали.

Сюя облегченно вздохнул.

— А твой отец по-прежнему практикует? — спросил он затем.

Сёго сделал глубокую затяжку и помотал головой.

— Нет.

— А чем он занимается? Он по-прежнему в Кобе?

— Нет. Он умер. — Сёго до странности непринужденно об этом сказал.

Глаза Сюи широко распахнулись.

— Когда?

— В прошлом году. Как раз когда я в эту игру играл. Когда я вернулся, он уже был мертв. Судя по всему, он что-то такое против властей затеял.

Лицо Сюи застыло. Теперь он начал понимать, почему так засверкали глаза Сёго, когда тот сказал, что хочет «порвать на куски проклятый режим». После того как Сёго оказался в Программе, его отец, должно быть, решился как-то выразить какой-то протест, и на этот протест, разумеется, ответили градом пуль.

Тут Сюя подумал, что родители кого-то из его одноклассников вполне могли кончить точно так же.

— Извини. Я не хотел в этом копаться.

— Ничего.

Сюя выдержал паузу, а затем задал еще вопрос.

— Значит, в префектуру Кагава ты с матерью переехал?

Сёго покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Моя мать умерла, когда я был еще ребенком. Мне тогда семь лет стукнуло. Отец всегда переживал из-за того, что не смог ее спасти. Но отец специализировался в хирургии — вроде абортотомии. Нервные расстройства не входили в сферу его компетенции.

— Извини, — снова сказал Сюя.

Сёго усмехнулся.

— Да брось. Выходит, у нас обоих нет родителей, верно? А насчет пожизненной пенсии — это правда. На жизнь мне хватает. Хотя, конечно, власти обещают куда больше, чем дают.

На дне первой большой кастрюли появились пузырьки. А под кастрюлей с рисом уголь все еще не разгорелся. Жар от плиты достиг стола, у которого стояли Сюя и Сёго. Сюя уселся на этот стол, покрытый виниловой скатертью с цветочным узором.

— А ты был близким другом Ёситоки Кунинобу, — внезапно сказал Сёго.

Сюя взглянул на Сёго, изучая его профиль, затем посмотрел прямо перед собой. До него вдруг дошло, что он уже очень давно не вспоминал Ёситоки. Сюе стало совестно.

— Да, — сказал он. — Мы целую вечность были друзьями. Немного поколебавшись, Сюя добавил: — Ёситоки был влюблен в Норико.

Сёго продолжал молча курить.

Сюя задумался, стоит ли ему и дальше развивать эту тему. Вообще-то, Сёго она не касалось. Но он все же решил ему рассказать. Сёго был теперь его другом. А кроме того, сейчас им надо было как-то убить время.

— Мы с Ёситоки жили в сиротском приюте под названием «Дом милосердия»...

— Я знаю.

Сюя кивнул.

— Там были самые разные дети, — продолжил он. — Мне было пять лет, когда я туда попал. Мои родители погибли в автокатастрофе. Но это был очень редкий случай. Большинство детей...

Сёго понял.

— ...оказалось там из-за «семейных проблем». Короче, они были внебрачными детьми.

Сюя кивнул.

— Ты и об этом знаешь.

— Самую малость.

Сюя глубоко вздохнул.

— В общем, Ёситоки был внебрачным ребенком, — продолжил он. — Конечно, никто в приюте ему об этом не говорил, но при желании можно было выяснить. Он родился в результате внебрачной связи, и обе стороны отказались его принять. Так что...

Вода в первой кастрюле забулькала.

— Помню, как он однажды сказал мне одну вещь. Это было очень давно. Кажется, мы тогда еще в начальной школе учились...

* * *

Сюя прекрасно помнил эту сцену. Они с Ёситоки тогда забрались в самый угол школьной игровой площадки и стали качаться взад-вперед на больших качелях, сооруженных из бревна, подвешенного на тросах.

— Слушай, Сюя. Я тут вот о чем подумал...

— О чем?

Сюя откликнулся своим обычным беспечным тоном и посильней оттолкнулся от земли, чтобы раскачать бревно. А Ёситоки, свесив ноги по обе стороны от бревна, особых усилий не прилагал.

— Ну... гм...

— Да что там еще? Давай, говори.

— Ну... ты еще ни в кого не влюблялся?

Сюя ухмыльнулся. Он так и знал, что речь пойдет о девочках.

— А что такое? В чем дело? Ты в кого-то влюбился?

— Ну... — Ёситоки уклонился от ответа и снова спросил: — Так влюблялся или нет?

Тут Сюя действительно об этом задумался.

К тому времени он уже был Дикой Семеркой. И успел получить несколько любовных записок. Но ни по кому конкретно с ума еще не сходил. Так продолжалось, пока он не познакомился с Кадзуми Синтани.

— По правде говоря, есть несколько славных девчонок... — ответил Сюя.

Ёситоки ничего на это не сказал, и Сюя решил, что он хочет услышать что-то большее.

— Комото, по-моему, ничего, — беспечным тоном продолжил он. — И она мне любовную записку прислала. Правда, я... гм, ей не ответил. Еще есть Уцуми, та, что в волейбольной команде. Она очень славная. В моем вкусе. Знаешь, такая общительная.

Тут Ёситоки погрузился в размышления.

— Эй, в чем дело? — воскликнул Сюя. — Я рассказал тебе, теперь ты расскажи мне. Так кто она?

Но Ёситоки покачал головой.

— Нет, я не об этом, — сказал он.

Сюя хмуро сдвинул брови.

— А о чем?

Ёситоки, похоже, не на шутку заколебался.

— Знаешь, на самом деле я никогда этого не понимал, — наконец сказал он.

— Чего ты не понимал?

— Я хочу сказать... — Вяло болтая ногами, Ёситоки продолжил: — По-моему, если бы ты правда любил какую-то девочку, ты бы на ней женился. Верно?

— Ну да, — с идиотским выражением лица откликнулся Сюя. — Конечно. Если бы... если бы я любил какую-то девочку, я бы хотел на ней жениться... но я хочу сказать, я пока еще ни к кому ничего такого не чувствую.

— Правда? — отозвался Ёситоки, как будто именно такого ответа он и ожидал. Затем он продолжил: — Тогда допустим, что ты по каким-то причинам не можешь жениться. А если бы ты сделал той девочке ребенка, захотел бы ты его растить?

Сюе стало немного не по себе. Его представления о том, откуда берутся дети, еще только начинали формироваться.

— Сделал ребенка? Да ты еще сам ребенок. Это взрослое дело. Знаешь, я как-то раз слышал, что...

И в этот миг Сюя наконец-то вспомнил, что Ёситоки родился в результате внебрачной связи и что никто из родителей не желал его рождения. Пораженный, он молча воззрился на Ёситоки.

А тот, опустив глаза, смотрел на бревно у себя между ляжек.

— Мои родители были не такие, — наконец пробормотал Ёситоки.

И Сюе стало по-настоящему за него больно.

— Послушай, Ёситоки... — начал было он.

Но Ёситоки взглянул на Сюю и словно бы через силу произнес:

— Поэтому... я просто не знаю. Как кого-то любить. Не знаю, смог бы я кому-то в этом довериться.

Сюя продолжал отталкиваться ногами от земли, раскачивая бревно, и лишь молча смотрел на Ёситоки. Ему казалось, что тот разговаривает с ним на каком-то инопланетном языке. И в то же самое время все это звучало как некое страшное пророчество.

* * *

— По-моему...

Тут Сюя подался вперед и ухватился за углы стола, накрытого виниловой скатертью. Сёго продолжал курить, слегка щурясь.

— По-моему, Ёситоки был в то время гораздо взрослее меня. А я был просто глупым ребенком. И с тех самых пор, пока мы не перешли в младшую среднюю школу и я кое в кого не влюбился, — Сюя имел в виду Кадзуми Синтани, — Ёситоки эту тему не поднимал. Это меня вроде как беспокоило.

Вторая кастрюля тоже забулькала.

— Но затем он однажды признался мне, что ему нравится Норико. Я не подал вида... но на самом деле я был за него счастлив. И это... это было...

Тут Сюя отвернулся от Сёго. Он понял, что вот-вот заплачет.

И все же Сюя сумел сдержать слезы. А затем, не глядя на Сёго, продолжил:

— Это было всего два месяца тому назад.

Сёго по-прежнему молчал.

Сюя снова на него взглянул.

— Теперь ты понимаешь, что я должен защищать Норико до самого конца.

Сёго пристально посмотрел на Сюю.

— Понимаю, — кратко сказал он затем и потушил сигарету о скатерть.

— Не говори Норико, — попросил Сюя. — Я сам расскажу ей про Ёситоки, когда мы выберемся из этой игры.

— Ладно, — кивнул Сёго.

Осталось 22 ученика

43

Прошло уже пять часов с тех пор, как появился предупредительный сигнал и связь компьютера с интернетом была прервана. Синдзи Мимура просматривал документы в одном из окон на мониторе пауэрбука, который теперь служил едва ли чем-то большим текстового процессора.

Сперва Синдзи поработал с телефоном и проверил все соединения. Затем принялся без конца перезагружать компьютер, но монитор неизменно откликнулся одним и тем же сообщением. Наконец, отсоединив все модемные и телефонные провода, Синдзи пришел к выводу, что мобильник полностью вышел из строя. А без телефонной линии он даже не мог наладить связь со своим домашним компьютером. А также, разумеется, позвонить всем девочкам, с которыми он когда-либо гулял, и поплакаться им насчет того, что «я совсем скоро погибну, но тебя я любил больше всех». Затем Синдзи решил, что все-таки сумеет докопаться до сути, полностью разобрав мобильник... но тут вдруг остановился.

Мурашки побежали у него по спине.

До Синдзи внезапно дошло, почему он больше не мог никуда позвонить. Итак, Сакамоти и компании удалось зафиксировать номер тестовой линии, использовавшейся техником телефонной компании, который Синдзи применил для создания специального телефона со «второй постоянной памятью». Они отрезали все линии, включая эту. Вопрос был в том... как им удалось это проделать? Взлом был выполнен безупречно. Это Синдзи знал наверняка.

Тогда единственным способом обнаружить взлом, какой он только мог себе вообразить, было использование чего-то не входящего в систему безопасности их

компьютеров, чего-то вне их систем предупреждения и других ручных следящих устройств. И это как-то было проделано...

И в тот самый момент, когда Синдзи понял, как, рука его машинально потянулась к ошейнику.

Теперь, когда Сакамоти и компания обо всем знали, было бы не удивительно, если бы бомба вдруг взорвалась. Они также наверняка избавились бы и от Ютаки.

Стоило ему только об этом сообразить, как вкус любезно скормленной ему властями булочки показался Синдзи еще паскуднее.

Увидев, как Синдзи отключает компьютер, Ютака поинтересовался, что случилось.

— Дело труба, — ответил Синдзи. — Не знаю, почему, но ничего не выходит. Возможно, телефон сломался.

Ютака помрачнел и удрученно сгорбился — точно так же, как утром. Если не считать периодических выстрелов и кратких обменов репликами, кругом царила тишина. Великий план спасения, придуманный Синдзи и так заморозивший Ютаку, полностью провалился.

И все-таки...

«И все-таки я заставлю их пожалеть о том, что они прямо сейчас меня не убили, — яростно подумал Синдзи. — Чего бы мне это ни стоило».

Он еще немного подумал, затем порылся в кармане брюк и достал оттуда старый складной ножик, который с раннего детства носил с собой. К кольцу для ключей на этом ножике была пристегнута маленькая трубочка. Синдзи внимательно ее осмотрел.

Ножик этот давным-давно подарил Синдзи его дядя. А трубочка, как и серьга в его левом ухе, была еще одним дядиным сувениром. Дядя всегда носил ее пристегнутой к своему складному ножу.

Размером с большой палец, эта трубочка с резиновым кольцом под колпачком представляла собой водонепроницаемый футляр, какие носили с собой солдаты. Обычно в таком футляре хранилось удостоверение личности с именем, группой крови и краткой историей болезни на случай ранения. Другие использовали эту трубочку в качестве спичечного коробка. Пока дядя не умер, Синдзи думал, что он там тоже что-то такое держит. Однако после его смерти, открыв трубочку, Синдзи обнаружил там нечто совершенно другое. По сути, сама оболочка трубочки была изготовлена из специального сплава, а внутри нее имелось два маленьких цилиндрика. Синдзи вынул оба цилиндрика и внимательно их рассмотрел. До него долго не доходило, что к чему. Он лишь сообразил, что их содержимое должно как-то смешиваться.

Винтовая нарезка на одном из цилиндров идеально подходила к другому. Причина, почему дядя держал их отдельно друг от друга, заключалась попросту в том, что их рискованно было соединять. Даже после того как Синдзи провел тщательное исследование и все-таки выяснил назначение цилиндров, он по-прежнему понятия не имел, зачем дядя всегда носил эту штуку с собой. Никакой конкретной цели она вроде бы не служила. Возможно, как и Синдзи, дядя хранил трубочку с цилиндриками просто в качестве сувенира — как и сережку. Так или иначе, это была еще одна часть дядиного прошлого, еще одно свидетельство, над которым Синдзи следовало хорошенько поломать голову.

Повернув скрипучий колпачок, Синдзи открыл трубочку. Этого он не делал с тех пор, как выяснил, что в ней содержится. На ладонь Синдзи выпали два цилиндрика. Немного подумав, он вскрыл пломбу на меньшем из них.

Противоударный цилиндр был набит ватой. Внутри поблескивала тускло-желтая латунь.

Осмотрев оба цилиндрика, Синдзи вернул их обратно в контейнер и привинтил крышку на место. Ему казалось, что если этой штукой и придется воспользоваться, то уже после их бегства с острова. Она могла пригодиться, если бы они собрались напасть на Сакамоти и компанию, — но теперь это было все, что у них осталось.

Синдзи нажал на кнопочку, и лезвие карманного ножика выскочило наружу. Солнце уже передвинулось на запад, и кусты, отражавшиеся на серебристой стали, казались темно-желтыми. Затем Синдзи достал из кармана школьного пиджака карандаш. Этим самым карандашом он, как и все остальные, еще до начала игры писал фразу «мы будем убивать друг друга». Поскольку им Синдзи отмечал также запретные зоны и вычеркивая имена погибших одноклассников, кончик совсем затупился. Синдзи аккуратно заточил ножиком карандаш. Затем вытащил из другого кармана карту и перевернул ее обратной стороной.

— Ютака, — позвал он.

Ютака сидел, тупо обнимая колени и смотрел прямо перед собой. Он перевел взгляд на Синдзи, и глаза его засияли.

— Ты что-то придумал? — спросил Ютака.

Синдзи смог бы объяснить, почему отклик Ютаки так его задел: дело было в тоне голоса или в самих словах, но так или иначе, Синдзи захотелось заорать: «Проклятье! Я тут башкой об стенку разбиваюсь, план спасения придумываю! А ты просто сиднем сидишь! Ты поклялся отомстить за Идзуми Канаи, но пока еще ни хрена не сделал! Здесь тебе что, ресторан быстрого питания, где я за кассой сижу? Жареной картошечки не охота?»

Однако Синдзи сдержался.

Круглые щеки Ютаки теперь казались впалыми, даже скулы выпирали. Все было вполне естественно. Видимо, его вконец измотало напряжение этой игры, которая могла в любой момент для них кончиться.

Еще с начальной школы Синдзи считался лучшим спортсменом в своем классе. (Хотя такое положение дел изменилось на второй год его учебы в младшей средней школе, когда к нему присоединились Сюя Нанахара и Кадзуо Кирияма. Он был искуснее их в баскетболе, а вот насчет других видов спорта сильно сомневался.) Еще с раннего детства дядя брал Синдзи в горы, и он уверенно чувствовал себя в любом состязании, которое требовало выносливости. Однако не все были сложены и тренированы так, как Третий. Ютака был скверным спортсменом, а когда наступали холода, его на уроках физкультуры почти и не бывало. Теперь он, судя по всему, чувствовал невероятную усталость. Возможно, она притупляла разум.

И тут Синдзи понял нечто важное для себя: вероятно, его обида на Ютаку указывала, что он сам переутомился. Конечно, если вспомнить, как ничтожно малы были их шансы на спасение, странно было бы не вымотаться.

«Проклятье, — подумал Синдзи. — Я должен быть предельно осторожен. Будь это баскетбольный матч, я бы всего лишь малость попереживал в случае проигрыша. Но в этой игре можно в итоге погибнуть».

Он покачал головой.

— Что случилось? — спросил Ютака.

Синдзи взглянул на него, выдавливая из себя улыбку.

— Ничего. Слушай, я просто хочу, чтобы ты на мою карту взглянул. Ладно?

Ютака подошел к Синдзи.

— Ого! — воскликнул Синдзи. — У тебя жучок на шее!

Ютака потянулся к своему ошейнику.

— погоди. — Синдзи остановил его руку, встал и сам туда посмотрел. Впрочем, разглядывая загривок Ютаки, искал он там вовсе не жучка.

— Уползает, зараза, — сказал Синдзи, внимательно изучая ошейник.

— поймал? — испуганно взвизгнул Ютака.

Синдзи все так же внимательно смотрел на ошейник. А затем слегка махнул рукой по загривку Ютаки. Раздавив воображаемого жучка подошвой кроссовка, он (якобы) его подобрал и (якобы) отшвырнул в сторону.

— поймал, — сообщил Синдзи Ютаке. Повернувшись к нему лицом, он добавил: — Какая-то маленькая сороконожка.

— Вот черт. — Ютака потер загривок, сморщился и посмотрел в ту сторону, куда Синдзи (якобы) швырнул жучка.

Синдзи широко ухмыльнулся.

— Давай на карту посмотрим, — предложил он.

Ютака перевел взгляд и недоуменно поднял брови, увидев, что карта перевернута.

Синдзи помахал указательным пальцем, привлекая его внимание, а затем нацарапал что-то на обратной стороне карты. Каллиграфическим его почерк никак было не назвать. На бумаге появилось несколько корявых букв.

«Нас подслушивают».

Лицо Ютаки слегка дернулось.

— Правда? — спросил он. — Откуда ты знаешь?

Синдзи быстро прикрыл Ютаке рот. Тот понял и кивнул.

— Просто знаю, — отпустив руку, сказал Синдзи. — Я вообще много чего знаю про насекомых. — Затем, надежности ради, он написал еще несколько слов. *«Притворись, что изучаешь карту. Не говори ничего, что может вызвать подозрения».*

— Что ж, теперь, когда компьютер вышел из строя, нам уже ничего не поделать, — в порядке ложного замечания произнес Синдзи. И написал: *«Они услышали мои объяснения и обрезали все связи компа. Я свалю дурака. Они знают, что некоторые из нас намерены сопротивляться, а потому прослушивают наши».*

разговоры. Я должен был сразу догадаться».

Ютака достал из кармана карандаш и принялся писать под корявыми буквами Синдзи. Его почерк был куда аккуратнее.

«Как на таком большом острове можно использовать подслушивающую аппаратуру?» В последнем слове Ютака допустил ошибку. «Наплевать, — подумал Синдзи. — Это не урок орфографии».

— А потому, как мне кажется, нам следует поискать остальных. Сами по себе мы многого не добьемся. Вот так... — С этими словами Синдзи слегка постучал пальцем по своему ошейнику. Глаза Ютаки удивленно раскрылись, и он кивнул.

Синдзи принялся строчить дальше: *«Я проверил твой ошейник. Камеры там, похоже, нет. Только подслушивающая аппаратура. Сомневаюсь, что здесь в округе есть какие-то камеры. Они могут использовать спутник, но нас скрывает лес. Сейчас они нас видеть не могут».* В орфографии и Синдзи был не слишком силен.

Глаза Ютаки снова широко раскрылись, и он посмотрел вверх. Качающиеся ветви деревьев полностью закрывали голубое небо.

Затем лицо Ютаки внезапно застыло, словно бы он вдруг что-то понял. Схватившись за карандаш, он быстро написал на обороте карты: *«Комп перестал работать, потому что ты мне про него рассказал. Если бы не я, у тебя бы все получилось!»*

Указательным пальцем левой руки Синдзи ткнул Ютаку в плечо и улыбнулся. Затем настрочил: *"Не дергайся. Следует быть осторожнее. Ошейники вполне могли рвануть в тот момент, когда люди Сакамоти обо всем услышали, но они "милостиво" оставили нас в живых".*

Широко распахнув глаза, Ютака коснулся своего закривка. Затем взглянул на Синдзи, сжал губы и кивнул. Синдзи кивнул в ответ.

— Интересно, где они могут прятаться...

«Я буду излагать здесь мой план. А ты делай вид, что поддерживаешь разговор».

Ютака кивнул.

— Да... — быстро откликнулся он. — Но я не уверен, можем ли мы кому-то доверять.

«Для начала неплохо», — подумал Синдзи и ухмыльнулся. Ютака улыбнулся в ответ.

— Это правда. Думаю, мы можем доверять Сюе. С Сюей я бы точно хотел объединиться.

«Если бы комп работал, мы смогли бы спасти остальных. Но теперь мы можем думать только о том, как бы самим спастись. Порядок?»

Ютака немного подумал, затем написал: *«Значит, Сюю искать не будем?»*

«Нет. Мы больше не можем позволить себе заботиться об остальных».

Ютака прикусил губу, но затем кивнул.

Синдзи кивнул в ответ. *«Если дело выгорит, игра может затянуться. Тогда*

остальные тоже получают шанс спастись».

Ютака дважды кивнул.

— Думаешь, все прячутся на горе, как мы? А может, некоторые прячутся в домах?

— Возможно...

Синдзи усиленно раздумывал над тем, что написать дальше, но тут Ютака сам настроил: *«Каков твой план?»*

Синдзи кивнул и схватился за карандаш. *«Я еще утром кое-чего ждал».* Ютака недоуменно наклонил голову и опустил карандаш. *«Объявления об отмене игры. И по-прежнему жду».*

Ютака явно удивился и опять озадаченно наклонил голову. Синдзи ухмыльнулся.

«Когда я получил доступ к школьному компу, я нашел все резервные файлы. И приложения для поиска файлов. Затем, еще до начала загрузки, я запустил во все это дело вирус».

По губам Ютаки легко можно было прочесть слово «вирус». «Смотри только вслух не вякни», — подумал Синдзи и стал строчить дальше.

«Если они станут искать резервные файлы, вирус войдет в систему школьного компа. Это создаст хаос во всей системе и заморозит игру».

Пораженный, Ютака несколько раз кивнул. Понимая, что это пустая трата времени, Синдзи все же не удержался и написал: *«Я сам разработал вирус. Он очень крутой. Это все равно как получить ногой под зад, только в 100 раз хуже».*

Ютака с трудом удержался от смеха и широко ухмыльнулся.

«Этот вирус уничтожит все данные и станет без конца играть американский гимн. Он их с ума сведет».

Ютака схватился за живот, изо всех сил стараясь не рассмеяться. Он также прижал ладонь ко лбу. Синдзи и сам с трудом удерживался от смеха.

«Теперь, когда они меня обнаружили, возможно, им эти файлы понадобятся. Тогда игру придется остановить. Но пока что ее не остановили. Значит, они проводят только самые обычные проверки. До главных файлов я так и не добрался».

— Почему бы нам не пойти их поискать?

— Разве это не опасно?

— Да, но у нас есть пистолет.

«Мой план: вынудить их запросить эти файлы. Тогда вирус войдет в систему».

Подтянув к себе компьютер, Синдзи показал Ютаке документ, который он просматривал. Это был 42-строчный текстовый файл. Загрузка данных была прервана, однако из всех скопированных файлов этот казался самым важным. Текст шел горизонтально. Каждый ряд начинался с индекса слева, от «M01» до «M21», а далее, соответственно, от «D01» до «D21». За каждым индексом шел номер из десяти цифр наподобие телефонного. Кроме того, там имелось вроде бы случайное число из шестнадцати цифр. Между тремя этими компонентами были вставлены запяты. Название файла в самом верху выглядело загадочно:

Гвадалканал-сироиваЗб.

«Что это?» — написал Ютака.

Синдзи кивнул. «Это номера, присвоенные нашим ошейникам».

Ютака энергично кивнул. Значит, индекс «M01» означал ученика номер 1 (Ёсио Акамацу), а «D01» — ученицу номер 1 (Мидзуо Инаду, довольно странную девочку).

«Ошейники вроде мобильных телефонов. Каждый имеет номер и пароль. Номера используются, чтобы их взрывать. А значит»

Тут Синдзи сделал паузу и взглянул на Ютаку. А затем продолжил:

«Если данные будут заражены вирусом, нам не придется тревожиться о том, что ошейники рванут. Вирус будет продолжать распространяться. Если они войдут в резервные файлы, то уже его не остановят. Им придется все перепрограммировать, а это, по крайней мере, даст нам время».

— Как насчет того, чтобы пошвырять камешки в разных направлениях и посмотреть, не выбежит ли кто-то оттуда?

— Пожалуй... а если там девочка? Она может закричать. Это может быть опасно не только для нас, но и для нее. Конечно, если эта девочка сама не играет.

— Угу.

«Как ты вынудишь их это сделать?»

«Видел ты у выхода из школьного здания комнату с солдатами?»

Ютака кивнул.

«Ведь компьютеры именно там, помнишь?»

Глаза Ютаки снова широко раскрылись. «Я особо не приглядывался».

Синдзи усмехнулся. «А я приглядывался. У них там целый ряд настольных компьютеров и большой сервер. Один из солдат выделялся. Прапарщик». «Или прапорщик, — засомневался Синдзи. — А, к черту». «Он там главный спец. А компьютер управляет всей игрой. Нам только нужно на них напасть, чтобы они подумали, будто мы можем... онигилить все их данные. Нам потребуются материалы, которые смогут реально взорвать весь компьютер. И так»

Синдзи сделал паузу. Изображая из себя фокусника, он деланно развел руками. Затем написал на карте:

«Бомбим школу. Смываемся морем».

Ютака выпучил глаза. Синдзи ухмыльнулся.

— Пожалуй, нам все-таки стоит поискать какое-нибудь оружие. От твоей вилки никакого толку.

— Ну да. Верно.

«Нам нужен бензин. В гавани есть бензоколонка, но нам туда не добраться. Зато в округе стоит несколько автомобилей. Может, в них есть горючее? Еще нам нужно удобрение».

Ютака озадаченно поднял брови. Удобрение?

Синдзи кивнул и собрался было написать название того соединения, но не смог вспомнить, как оно правильно пишется. С правописанием у него было совсем туго. С другой стороны, имела значение только молекулярная формула.

«Нитрад омония. Если мы его найдем, то сможем сделать бомбу, используя бензин».

Синдзи достал ножик и прикрепленную к нему трубочку. Затем показал ее Ютаке.

«Это детонатор. Слишком долго объяснять, как он у меня оказался. Короче, он просто есть».

Ютака явно задумался. Затем написал: *«От дяди?»*

Синдзи ухмыльнулся и кивнул. Он не раз рассказывал Ютаке про своего дядю.

Ютака продолжил строчить:

«Как мы собираемся бомбить школу? Нам же к ней не подобраться. Сделаем гигантскую пращу из деревьев?»

Синдзи улыбнулся. *«Нет. Не та точность. Жаль, что у нас нет сразу нескольких бомб. Детонатор только один, а значит, и шанс всего один. Блок и веревка».*

Ютака раскрыл рот, словно говоря «ого».

«К школе мы подобраться не сумеем, зато можно зайти в горную зону и в зону по ту сторону от школы».

Синдзи перевернул карту и показал Ютаке эти сектора. Затем снова перевернул карту.

«Покрепче натянем веревку и спустим бомбу при помощи блока. Когда бомба будет над школой, обрежем веревку. Мой фирменный бросок сверху».

Ютака с энтузиазмом кивнул. Вид у него был несколько опалелый.

— Пожалуй, нам лучше до вечера найти оружие.

— Да, я тоже так думаю. Это лучше, чем искать кого-то еще.

«Тогда за работу. Блок есть у колодца, который я видел ночью. Бензин возьмем из машин. Удобрение и веревка? Не знаю. Можем мы найти веревку такой длины?»

Они погрузились в молчание, но затем Ютака быстро написал:

«Давай приступать».

Синдзи кивнул и снова принялся строчить:

«Мы, конечно, можем уничтожить Сакамоти и всю компанию. Но на самом деле нам надо всего лишь заставить их подумать, что данные искажены. Тогда они не смогут нас убить». Он указал на свой ошейник.

«А потом сбежим морем?»

Синдзи кивнул.

«Но я очень плохо плаваю». — Ютака настороженно взглянул на Синдзи.

Прерывая запись Ютаки, Синдзи быстро настрочил: *«Сегодня ночью полнолуние. Используем отлив. По моим вычислениям, он понесет нас со скоростью 6-7км/час».*

Если поплывем быстро, минут за 20 достигнем ближайшего острова».

Ютака энергично закивал, а восхищение в его глазах превысило все мыслимые пределы.

«А сторожевой корабль?»

Синдзи кивнул.

"Он может нас обнаружить. Но поскольку игрой управляют компьютеры, думаю, на кораблях все будут чертовски расслаблены. Один корабль для каждой стороны света — слабовато. Очевидный изъян. Как только компьютеры вырубятся, они уже не будут знать, где мы. Даже если задействуют спуттники, ночью камеры ничего не увидят. И нам не надо будет тревожиться о том, что взорвутся ошейники. Мы получим шанс спастись. Хотя придется нелегко. У меня есть еще одна идея".

Синдзи порылся у себя в рюкзаке и вытащил оттуда маленький транзисторный приемник. Этот приемник он тоже нашел в одном из домов.

«Путем некоторого усовершенствования я могу увеличить его выходной сигнал. Несложно. На море я пошлю сигнал SOS».

Лицо Ютаки засияло улыбкой. *«Какой-нибудь корабль нас подберет».*

Синдзи покачал головой. *«Нет. Нас подобрать явятся власти, так что мы выдадим им ложное местоположение. И сбежим в противоположном направлении».*

Ютака развел руками. И написал:

«Синдзи! Ты гений!»

Синдзи опять покачал головой и улыбнулся.

— Ну ладно. — Он взглянул на часы. Было без малочетыре пополудни. — Пойдем через пять минут.

— Угу.

Синдзи вдруг почувствовал, вся эта писанина его страшно вымотала. Он бросил карандаш. Обратная стороны карты была теперь почти целиком заполнена буквами, точно коммуникационный журнал персонального компьютера. (Конечно, он предпочел бы обмениваться сообщениями на экране пауэрбука, но Ютака очень плохо печатал.)

Затем Синдзи снова схватил карандаш и добавил:

«План не ахти. Шансов у нас мало. Но ничего лучше я не придумал».

Он развел руками и взглянул на Ютаку.

Тот одарил его радостной улыбкой и написал:

«Давай за дело!»

Осталось 22 ученика

На южном, покрытом густой растительностью склоне северной горы в одиночестве сидел мальчик. Держа в левой руке зеркало, он внимательно себя разглядывал и расческой аккуратно приглаживал свою пышную шевелюру. С самого начала игры этот ученик был, пожалуй, единственным в классе, кто считал, что он даже сейчас может позволить себе как следует позаботиться о своих волосах. Впрочем, это было вполне естественно. Имея весьма хулиганскую физиономию, этот мальчик тем не менее всегда уделял колоссальное внимание своей внешности. Этот ученик по прозвищу Дзуки по сути был... голубым. Хотя вряд ли об этом знало большинство его одноклассников.

Что же касалось его местоположения, то он находился в двухстах метрах к западу от того места, где прятались Синдзи Мимура и Ютака Сэто, и примерно в шестистах метрах северо-западнее медпункта, где обосновались Сюя, Сёго и Нори-ко. Другими словами, он был как раз над тем фермерским домом, возле которого Сюя Нанахара видел, как Хироно Симидзу расстреливает Каори Минами. А если бы Дзуки поднял взгляд, то ясно увидел бы обзорную площадку, где, омытые светом заходящего солнца, все еще лежали тела Юмико Кусаки и Юкико Китано.

Вообще-то, этот ученик, аккуратно укладывающий свои волосы, видел трупы Юмико Кусаки и Юкико Китано, а также труп Каори Минами. Собственно говоря, он видел куда больше трупов. Труп Каори Минами оказался седьмым из увиденных им.

«Вот пакость, — подумал мальчик. — У меня в волосах опять какие-то листья застряли. Стоит только прилечь, так они туда и набиваются».

Ладонью правой руки он смахнул со своей шевелюры крошечную травинку, а затем, по-прежнему не отводя глаз от зеркала, стал разглядывать не свою физиономию, а лес метрах в двадцати внизу.

«Ка-дзу-о, — мысленно позвал мальчик. — Ты что, заснул?»

И его пухлые губы изогнулись в улыбке.

«Неужели ты так беспечен? Впрочем, даже ты никогда бы не догадался, что после того, как тебе не удалось меня убить, я стану ходить за тобой по пятам».

Да, этот юный гей с зеркалом и расческой в руках был единственным членом «семьи Кириямы», который не появился в назначенном месте и тем самым избежал бойни, устроенной Кадзуо. Теперь из всей «семьи Кириямы» уцелел только он, Сё Цукиока (ученик номер 14). А в кустах чуть ниже находился сам Кадзуо Кирияма, который уже успел прикончить шестерых учеников.

* * *

Сё снова посмотрел на свою физиономию в зеркале, на сей раз уделяя особое внимание глазам, и вдруг припомнил, как Мицуру вечно предупреждал его не обращаться к Кирияме как к «Кадзуо-куну». Нумаи обычно говорил что-то вроде: «Кончай, Сё, босса ты должен звать боссом». Однако даже бравому Мицуру, похоже, становилось не по себе, когда «женственный мальчик» одаривал его косым взглядом и небрежно откликнулся: «Ах, отстань. Не будь таким привередой. Это не очень мужественно». Мицуру лишь приходилось корчить недовольную гримасу, что-то

бормотать себе под нос, и все оставалось по-прежнему.

«Боссом его, говоришь, звать? — подумал Сё, поочередно разглядывая в зеркале оба своих глаза. — Так тебя же этот так называемый босс в конце концов и прикончил. Дурак ты, Мицуру».

Это была чистая правда. Сё Цукиока был куда осторожнее Мицуру Нумаи. Не то чтобы, как думал перед смертью Мицуру, у Сё имелось четкое представление о личности Кадзуо Кириямы, просто он всегда считал, что все постоянно предают друг друга. Так устроен мир. Можно сказать, по сравнению с Мицуру, просто хорошим бойцом, Сё, которому с раннего детства приходилось гораздо чаще сталкиваться с миром взрослых из-за постоянных посещений гей-баров, где его отец работал заведующим, был мальчиком более развитым.

Вместе того чтобы направиться напрямик к южной оконечности острова, как им всем приказал Кадзуо, Сё двинулся в глубь острова и стал петлять по лесам. Вышла небольшая морока, но в итоге все это заняло у него не более десяти лишних минут.

Красочную сцену он наблюдал из прибрежного леса. Три трупа, два в пиджаках, один в матроске, валялись на скалистом выступе, тянущемся через узкую полосу песчаного пляжа. Кадзуо Кирияма, скрытый в тенях, созданных лунным светом, тихо стоял в расщелине скалы.

Почти сразу же появился Мицуру Нумаи. После краткой беседы бравый Мицуру заполучил град пуль из пистолета-пулемета и развалился на скале, сплошь заляпанной кровью (вонь даже до Сё доходила)...

«Вот тебе и босс, — подумал мальчик. — Какая неудача».

К тому времени, как Сё пошел вслед за Кадзуо Кириямой, покидающим место действия, он уже определился с планом спасения самого себя.

* * *

Лучшим кандидатом на роль его помощника в осуществлении этого плана был, несомненно, Кадзуо Кирияма. О чем говорили Кадзуо с Мицуру, Сё не расслышал, зато понял, что Кадзуо решил участвовать в игре. Значит, он должен был стать лучшим. Кроме того, у Кадзуо имелся не только пистолет-пулемет (интересно, был он оружием самого Кадзуо или достался ему от кого-то из убитых им учеников?), но и пистолет Мицуру. В открытом противостоянии теперь никто бы не победил Кадзуо.

Сё, однако, обладал одним важным преимуществом. Кое в чем он был необыкновенно искусен. У Сё был талант тайком прокрадываться в разные места и тащить оттуда все, что не приколочено, а также по-тихому преследовать людей. (Когда ему попадался симпатичный мальчик, Сё мог бесконечно за ним красться.) Талант по части подлости и пронируемости — во всех отношениях. Что же касалось оружия у него в рюкзаке, то им оказался дерринджер «Дабл хай стандарт» калибра .22.

Сделанный под патроны «магнум», на близких дистанциях этот пистолет был вполне смертоносен, однако в серьезную перестрелку с ним вступать вряд ли стоило.

«Стало быть, — подумал Сё, — даже если Кадзуо Кирияма победит, ему перед этим придется убрать крутых парней вроде Сёго Кавады и Синдзи Мимуры (ах, определенно в моем вкусе). Если у этих парней найдутся пистолеты, они вполне могут его ранить. В любом случае, все эти бои должны чертовски его измотать. Я же тем временем... я буду до самого конца следовать за Кадзуо. А потом просто убью его выстрелом в спину. В тот самый момент, когда он решит, что покончил с последним игроком, и утратит бдительность, как раз тогда я его пристрелю. Даже Кадзуо никогда в жизни не заподозрит, что кто-то станет его преследовать, особенно я, раз я прошлой ночью так его надул».

Помимо всего прочего, так Сё не пришлось бы запачкать ухоженные руки в игре, где ты был вынужден убивать своих одноклассников одного за другим. Хотя отнюдь не моральные принципы запрещали ему их убивать. Просто Сё думал: «Ах, убивать невинных детей — это так вульгарно. Я лучше постараюсь оставаться за спиной у Кадзуо. А этот хам пусть кого хочет убивает. Вмешиваться я, конечно, ни во что не стану, это слишком опасно. А в самом конце я убью его исключительно из самообороны. То есть, ведь если я его не убью, он убьет меня». Примерно так он думал.

При таком образе действий у Сё появлялось еще одно преимущество. Оставаясь поблизости от Кадзуо, он мог не тревожиться о том, что кто-то на него нападет. В худшем случае Сё пришлось бы уклониться от первой атаки, на которую откликнулся бы Кадзуо. Сё всего лишь потребовалось бы сбежать с места событий, а Кадзуо позаботился бы обо всем остальном. С другой стороны, в подобном случае Сё вполне мог потерять след Кадзуо. Раз это означало крушение его блестящего плана, он решил как можно дольше избегать развития такого сценария.

Сё также решил держать между собой и Кадзуо дистанцию примерно в двадцать метров. Он двигался, когда двигался Кадзуо, и оставался на месте, когда тот останавливался. Существовал также вопрос о запретных зонах. Кадзуо наверняка это учитывал, а значит, держался от них подальше. Стало быть, пока Сё оставался метрах в двадцати от Кадзуо, угодить в запретную зону ему тоже не грозило. Впрочем, когда Кадзуо останавливался, Сё доставал карту и проверял местоположение ближайших запретных зон.

Пока все шло в полном соответствии с планом.

Покинув южную оконечность острова, Кадзуо зашел в несколько домов в жилом районе (надо полагать, он нашел там, что искал), а затем почему-то решил направиться к северной горе и там засесть. Утром, услышав далекие выстрелы, он внимательно осмотрелся, но двигаться не стал. Вероятно, Кадзуо решил, что это слишком далеко. Однако чуть позже, когда Юмико Кусака и Юкико Китано стали орать с вершины горы в свой мегафон, Кадзуо быстро туда переместился и, убедившись, что никто на их зов не откликается, расстрелял девочек. Хотя Сё показалось, что перед этим прозвучала еще пара выстрелов, судя по всему, предупредительных, побуждающих Юмико и Юкико спрятаться. «Ух ты, — подумал он, — как замечательно. Значит, есть среди нас настоящие гуманисты». Сё был этим тронут — но не настолько, чтобы как-то изменить свой план. Затем Кадзуо спустился по северному склону. Прозвучал еще один далекий выстрел, но Кадзуо и на него откликаться не стал. Дальше получилось так, что около трех часов дня он снова начал двигаться, услышав перестрелку на склоне горы. Однако, добравшись до места, Кадзуо (а также Сё)

обнаружил там лишь труп Каори Минами в сарае с фермерским оборудованием. Кадзуо спустился туда осмотреть труп, а также поискать рюкзак девочки, но кто-то, похоже, забрал рюкзак раньше него. Тогда Кадзуо направился дальше и теперь застрял в лесу чуть ниже Сё.

На данный момент план Кадзуо казался предельно простым. Как только он узнавал, что где-то кто-то есть, он туда отправлялся и этого кого-то пристреливал. Сё возмутила безжалостность, с которой Кадзуо убил Юмико Кусаку и Юкико Китано. («Эх, Кадзуо, — подумал он. — Имя у тебя такое простое, а ведешь ты себя как полный отморозок. С другой стороны, у меня имя как у знаменитости, а я всего лишь невзрачный гей».) Впрочем, сейчас просто бессмысленно было о чем-то таком сожалеть. Пока что Сё следовало радоваться тому, что Кадзуо совершенно не подозревает о том, что он рядом.

Кадзуо, казалось, по-тихому отдыхал. Или даже спал.

А вот Сё спать вообще не мог. Однако в этом отношении он был тоже силен. «Вполне естественно, — подумал мальчик. — Девочки выносливее парней. Я об этом в какой-то популярной книжке читал».

И все же одна настоящая проблема у Сё все же была. Ему безумно хотелось курить. А запах сигаретного дыма, унесенный порывом ветра не в ту сторону, мог выдать его Кадзуо. Хотя нет. Звук его электрической зажигалки мог стать еще более фатальным.

Сё достал пачку ментоловых сигарет «Вирджиния слимс». (Название ему очень нравилось. Хотя, понятное дело, трудно было раздобыть такие сигареты у них в стране, и Сё обычно приходилось их красть. У него дома хранилось множество блоков.) Мальчик сунул тонкую сигаретку в рот. Уловив слабый запах табачных листьев с уникальным ментоловым ароматом, Сё ощутил легкое облегчение. И все-таки ему страшно хотелось наполнить легкие сладостным дымом. Усилием воли мальчик подавил этот порыв.

«Я просто не могу позволить себе умереть, — подумал он. — У меня впереди еще самое лучшее и уйма всяких забав».

Чтобы отвлечься. Сё левой рукой поднял зеркало и стал разглядывать свою физиономию с сигаретой во рту. Затем слегка наклонил голову и взглянул на себя искоса.

«Я просто прелесть, — подумал мальчик. — Мало того, я невероятно умен. А значит, я неизбежно должен стать победителем этой игры. Только прекрасные выживают. Такова Божья...»

Тут он краем глаза заметил легкое шевеление в кустах.

Сё быстро вынул изо рта сигарету и вместе с зеркалом убрал ее в карман. Затем взял в правую руку дерринджер, а левой подхватил рюкзак.

Из кустов высунулась прилизанная голова Кадзуо Кириямы. Глянув влево-вправо, Кадзуо стал изучать склон слева от Сё.

Оставаясь в тени азалии, усеянной розовыми цветками, Сё слегка поднял брови.

«Что ему нужно?» — задумался он.

Никаких выстрелов Сё не слышал. И никаких подозрительных шумов. Что же Кадзуо мог там такое высматривать?

Сё посмотрел в ту же сторону, однако ничего подозрительного не увидел.

Кадзуо выбрался из кустов. Рюкзак висел у него на левом плече, а ингрэм на правом. Рука Кадзуо лежала на прикладе. Лавируя между деревьями, он стал взбираться по склону. Вскоре Кадзуо миновал место, где находился Сё, и двинулся дальше. Тогда Сё встал и последовал за ним.

Мальчик крепкого телосложения и высокого роста, Сё тем не менее двигался с поистине кошачьей грацией. Между собой и мелькающим среди деревьев школьным пиджаком Кадзуо он аккуратно поддерживал дистанцию в двадцать метров. В делах такого рода Сё сложно было превзойти.

Движения Кадзуо также были очень быстры и точны. Остановливаясь в тени деревьев, он проверял, что впереди, а там, где растительность была слишком густой, опускался на колени и проверял, что внизу. Только после этого Кадзуо двигался дальше. Единственная его проблема заключалась в том, что...

«...Твоя спина слишком открыта, милый Кадзуо», — с улыбкой подумал Сё.

Они одолели около сотни метров. Слева вверху была обзорная площадка. Наконец Кадзуо остановился.

Ряды деревьев впереди прерывались узким проселком. Менее двух метров в ширину, проселок как раз подходил для легковой машины.

«Ах, да, — вспомнил Сё. — Ведь эта дорога ведет к вершине. Мы пересекли ее перед тем, как увидеть труп Каори Минами».

Справа от Кадзуо, куда он как раз смотрел, находилась площадка со скамьей и бежевым стандартным туалетом. Скорее всего, здесь отдыхали туристы, решившие подняться к вершине.

Проинспектировав окрестности, Кадзуо посмотрел в сторону Сё, но тот, разумеется, затаился в тени. Тогда Кадзуо вышел на проселок и подбежал к туалету. Открыв дверь, он туда вошел. Напоследок Кадзуо высунул голову и, прежде чем притворить дверь, еще раз оглянулся, оставляя ее, впрочем, слегка приоткрытой — просто на всякий случай.

«Вот тебе и раз, — подумал Сё, поднося ладонь ко рту, чтобы сдержать смех. — Ну и ну». — Он изо всех сил старался не расхохотаться.

Действительно, с тех пор как Сё начал его преследовать, Кадзуо еще ни разу не ходил в туалет. Конечно, он мог воспользоваться туалетом в одном из домов, куда он заходил до рассвета, но в любом случае не мог же он с тех пор весь день терпеть. Сё предполагал, что Кадзуо, прячась в кустах, обо всем таком позаботился. (Сам он, отчаянно стараясь не производить никаких звуков, поступил именно так.) Однако теперь выяснилось, что Сё ошибался. Да, в конце концов, Кадзуо Кирияма рос в богатой семье. Вполне возможно, и речи не могло быть о том, чтобы попрыскать где-то помимо настоящего сортира. А этот туалет Кадзуо, должно быть, запомнил, когда совсем недавно здесь проходил. Вот зачем он сюда вернулся.

«Ну и дела, — с улыбкой подумал Сё. — Даже Кадзуо Кирияме бывает необходимо отлить. Просто поразительно».

И теперь Кадзуо прыскал в унитаз. Услышав плеск мочи, Сё опять напрягся, сдерживая смех.

Но тут он кое-что вспомнил и посмотрел на часы. Они с Кадзуо находились совсем рядом с сектором Г=8, который, согласно объявлению Сакамоти, должен был стать запретным в 5 часов дня.

Изящные курсивные цифры на дамских часах указывали 4.57. (Сё поставил часы по объявлению Сакамоти, так что они должны были указывать точное время.) Затем он достал карту и внимательно изучил район северной горы. Горный проселок был на карте отмечен, однако ни площадки для отдыха, ни общественного туалета у сектора Г=8 там не обозначили.

Сё вдруг весь напрягся и невольно поднял руку к металлическому ошейнику. Внезапно ему страшно захотелось вернуться туда, откуда он пришел, но...

Сё взглянул на туалет, где по-прежнему шумно брызгала струйка мочи. Затем пожал плечами и слегка вздохнул.

«Да что я в самом деле? — подумал он. — Ведь речь о самом Кадзуо Кирияме идет. Невзирая на призыв природы, он наверняка свое местоположение проверил. Наверное, потому он так осторожно и озирался, что определял, находится туалет в секторе Г=8 или нет». А Сё находился метрах в тридцати к западу от туалета. Раз Кадзуо находился ближе него к сектору Г=8, значит, и он, Сё Цукиока, тоже в безопасности. Все верно. Он ни в коем случае не должен поддаться нелепым страхам и выпустить из виду Кадзуо Кирияму. Это разрушило бы его план.

Сё снова достал из кармана пачку сигарет «вирджиния слимс», вытащил оттуда тонкую сигаретку и вставил ее в рот. Затем взглянул на мрачающее небо. В это время года до заката оставалось еще два часа, но темнеющее небо уже было с запада окаймлено оранжевым, а краешки крошечных облачков сделались ярко-апельсиновыми. «Прекрасная картинка, — подумал Сё. — Вроде меня».

Плеск мочи продолжался. Сё опять улыбнулся. «Должно быть, ты долго терпел, Кадзуо», — подумал он.

Струйка не иссякала.

«Ах, как бы я хотел сейчас покурить, — подумал Сё. — Принять душ, сделать маникюр и смешать мою любимую „отвертку“. А потом, душевно расслабляясь, потягивать выпивку...»

Шум мочи в унитазе не затихал.

«Проклятье, — подумал Сё. — Пора бы ему уже закончить. Эй, Кадзуо, давай-ка мы это дело свернем. Хватит уже прыскал. Пора за работу».

Однако... мочеиспускание продолжалось.

И тут Сё наконец хмуро сдвинул густые брови. А затем вынул изо рта сигарету и быстро встал. Пробираясь по кустам, он приблизился к туалету и стал приглядываться.

Струйка падала в унитаз. Сё никак не удавалось заглянуть в приоткрытую дверь.

Но тут как раз подул ветер, и дверь со скрипом распахнулась. Как вовремя!

Тут распахнулись и глаза Сё Цукиоки: в туалете, покачиваясь на ветру, с потолка свисала бутылка воды. Кадзуо, судя по всему, проткнул ее ножом, и теперь оттуда всю текла тонкая струйка.

Сё запаниковал.

А потом заметил, как ниже по горе между деревьев мелькает черный школьный пиджак. Эти прилизанные волосы он узнал бы даже за километр!

«Что? — лихорадочно подумал Сё. — Что? Как же так? Но ведь я же не в...»

Не успел Кадзуо скрыться за деревьями, как Сё вдруг услышал глухой звук. Вроде пушечного выстрела в подушку. Он уже не смог понять, звук ли это от взрыва устройства, вмонтированного в ошейник, или же он порожден вибрациями, производимыми этим устройством в его теле.

Кадзуо Кирияма, находившийся в сотне метров по склону горы, даже не обернулся. Лишь взглянул на часы.

Было семь секунд шестого.

Остался 21 ученик

45

Норико, шевельнувшись, открыла глаза. Был уже восьмой час вечера. Норико увидела мрачный потолок комнаты, затем взглянула на сидящего рядом Сюю.

Сюю встал со стула и снял с ее лба полотенце, заодно пощупал лоб. Как и в прошлый раз, жара почти не чувствовалось. Сюю ощутил волну облегчения. Слава Богу.

— Сюю... — слабым голосом обратилась к нему Норико. — Сколько сейчас времени?

— Восьмой час. Ты славно поспала.

— Я...

Сюю кивнул.

— Лихорадка улеглась. Сёго сказал, она наверняка была не от общего заражения. Просто очень скверная простуда. Скорее всего, и утомление тоже сказалось.

— Понимаю... — Норико медленно кивнула, похоже, испытывая облегчение. А затем снова повернулась к Сюю. — Извини, что со мной столько хлопот.

— О чем ты говоришь? — Сюю покачал головой. — Это вовсе не твоя вина. — После краткой паузы он спросил: — Хочешь покушать? У нас есть рис.

Глаза Норико широко распахнулись.

— Рис?

— Ага. Только немного подожди. Сёго его приготовил. — И Сюю вышел из комнаты.

Сёго сидел на стуле на кухне у окна рядом с дверью. Последние лучики дневного света, синие, почти фиолетовые, проникали в окно, но там, где сидел Сёго, царила почти угольно-черная тьма.

— Норико проснулась?

Сюя кивнул.

— Как температура?

— Ей хорошо. Жар, по-моему, совсем спал.

Сёго лишь едва заметно кивнул. Затем, не выпуская из рук дробовика, встал и открыл крышку кастрюли на газовой плите. Сюя и Сёго уже съели свои порции вареного риса и супа из ми-со. В суп Сёго добавил какую-то странную траву, растущую на задворках.

— Еда остыла? — спросил Сюя.

— Погоди минут пять — десять, — кратко ответил Сёго. — Я принесу.

— Спасибо. — Сюя вернулся в смотровую. Усевшись рядом с койкой, он слегка кивнул Норико. — Погоди немного. Сёго скоро самый настоящий рис принесет.

Норико кивнула.

— Здесь есть туалет? — спросила она затем.

— Гм... да, конечно. Вон там.

Сюя помог Норико подняться с койки. Поддерживая девочку под руку, он довел ее до туалета. Норико все еще казалась слаба, но она определенно оправилась от того ужасного состояния, в котором была раньше.

Затем Сюя помог Норико вернуться обратно. Когда девочка села на край койки, он обернул ей плечи одеялом, как делала госпожа Анно в «Доме милосердия», когда он был еще ребенком.

— Когда ты поешь, — сказал Сюя, подтягивая края одеяла, — думаю, тебе нужно будет еще немного поспать. Нам необходимо отсюда уйти до одиннадцати часов.

Норико тревожно посмотрела на Сюю:

— Ты хочешь сказать...

Сюя кивнул:

— Да, в одиннадцать часов эта зона станет запретной.

В своем шестичасовом объявлении Сакамоти сообщил в том числе и об этом. Запретными зонами должны были стать также Ж=1 (в 7 вечера) и И=3 (в 9). Они находились соответственно на юго-западном побережье и южном склоне южной горы. Поскольку точные границы запретных зон определить было сложно, можно было считать, что все юго-западное побережье стало теперь недоступно.

Норико опустила взгляд на свои колени и приложила ладонь ко лбу под растрепанной челкой.

— Я как дурочка все проспала.

Сюя потянулся и тронул девочку за плечо:

— Не говори глупостей. Тебе лучше было поспать. И хорошо бы тебе еще немного отдохнуть. Не волнуйся.

Но тут Норико снова подняла взгляд:

— А кто еще погиб... кроме Каори?

Сюя сжал губы. Затем кивнул:

— Такако... а еще Сё и Кадзуси.

Согласно объявлению Сакамоти, эти четверо умерли в период от полудня до шести часов вечера. В живых только двадцать один ученик. Прошло всего лишь восемнадцать часов с начала игры, а третий класс "Б" младшей средней школы города Сироивы уже сократился ровно в два раза.

— И вот еще что, — с энтузиазмом сказал тогда Сакамоти. — Сё Цукиока попался в запретной зоне. Прошу всех действовать повнимательней.

Сакамоти не уточнил, где именно погиб Сё, а Сюя в течение дня никаких взрывов не слышал. В то же время вряд ли у Сакамоти была причина лгать. И так, этот здоровенный, с виду парень, который странным образом вел себя очень по-женски, Дзуки из «семьи Кириямы», попался в запретной зоне. И в результате ему оторвало голову. Теперь, не считая самого босса, вся «семья Кириямы» была уничтожена.

Сюя подумал было поделиться этим с Норико, но, увидев, какой озабоченный у нее вид, решил этого не делать. Если бы он рассказал девочке новости о том, что Сё оторвало голову, вряд ли это оказало бы благотворный эффект на ее выздоровление.

— Понимаю... — тихо сказала Норико, а затем добавила: — Спасибо. — И стала снимать с себя школьный пиджак Сюи.

— Не надо, оставь.

— Нет, мне уже хорошо.

Сюя взял у Норико пиджак и снова набросил ей на плечи одеяло.

Вскоре пришел Сёго. С ловкостью официанта он нес на одной ладони поднос, где стояли две миски.

— Прошу вас, мадам, — сказал он, опуская поднос.

Сюя прыснул.

— Значит, в этом отеле еду в номер приносят?

— Вообще-то еда не то чтобы первоклассная. Но я надеюсь, вкус у нее ничего. — Сёго поставил поднос на кровать и пододвинул миски к Норико.

Норико опустила глаза.

— Суп? — спросила она.

— Йес, мэм, — по-английски ответил Сёго. Выговор у него, по крайней мере, на слух Сюи, был превосходным.

— Спасибо, — поблагодарила Норико и взяла ложку. Поднеся миску к губам, она немного глотнула. — Очень вкусно. — Затем девочка удивленно добавила: — Но здесь есть яйцо.

Тут Сюя взглянул на Сёго.

— Это наше фирменное блюдо, мэм, — сказал тот.

— Где ты нашел яйцо? — поинтересовался Сюя. Вся свежая пища в холодильнике сгнила. Наверное, власти давно эвакуировали отсюда граждан. И остальные дома наверняка были точно в таком же состоянии.

Краем глаза глянув на Сюю, Сёго ухмыльнулся.

— Я тут курятник нашел. Несушку там, похоже, уже давно не кормили. Совсем дохлая на вид...

Сюя показательно покачал головой.

— Когда мы ели, я никаких яиц не заметил.

Сёго развел руками.

— А я только одно и нашел. Извини, мне больше девочки нравятся. Так уж я устроен.

Сюя от души рассмеялся.

А Сёго сходил на кухню и принес чай. Они с Сюей стали пить чай, пока Норико ела. Чай был чуть сладкий, с приятным ароматом.

— Проклятье, — простонал Сюя. — Пока мы тут втроем так сидим, мне начинает казаться, будто все у нас замечательно.

Сёго улыбнулся.

— Потом я кофе приготовлю. А тебе как, Норико, лучше чай?

Не вынимая ложку изо рта, Норико улыбнулась и кивнула.

— Послушай, Сёго. — Сюе хотелось сказать кое-что еще. Конечно, кошмарная игра не прекратилась, но теперь, когда Норико явно выздоравливала, его вдруг охватила сентиментальность. — Давайте когда-нибудь соберемся вот так втроем, чтобы попить чай. Будем сидеть на веранде и любоваться цветущими вишнями.

Такое было в высшей степени маловероятно. Сёго пожал плечами.

— Я думал, ты крутой рок-музыкант, — сказал он. — А ты прямо как старый дед.

— Знаю. Мне об этом с самого рождения говорят.

Сёго прыснул. Сюя рассмеялся, и Норико тоже.

Закончив с едой, Норико поблагодарила Сёго, и тот собрал миски. Другую руку он молча протянул к Сюе, который с готовностью отдал ему пустую чашку.

— Знаешь, Сёго, — сказала Норико, — я теперь совсем хорошо себя чувствую. Спасибо тебе большое. Извини меня, пожалуйста, за все хлопоты, которые я доставила.

Сёго улыбнулся.

— Ю ар велком, — опять ответил он по-английски. — Хотя, по-моему, антибиотик вовсе не требовался.

— Нет. Знаю, это прозвучит странно, но он внушил мне чувство безопасности, и я смогла заснуть.

Сёго снова улыбнулся и добавил:

— Что ж, с другой стороны, у тебя все-таки могло оказаться общее заражение. Так или иначе, тебе следует еще немного отдохнуть. И ни о чем не волнуйся. — Затем он спросил у Сюи: — Ничего, если я немного посплю?

Сюя кивнул.

— Ты устал?

— Да нет, не очень. Но лучше поспать, когда можешь, Я потом всю ночь спать не буду. Идет?

— Да, конечно.

Сёго кивнул, взял поднос и направился к двери.

— Нет, Сёго, тебе лучше спать здесь, — сказала Норико, указывая на койку рядом со своей.

Уже у двери Сёго оглянулся. А потом улыбнулся, словно бы говоря «нет, спасибо».

— Не хочу вам мешать. Я посплю на диване в той комнате. — Он кивнул головой в сторону и добавил: — Если обстановка станет слишком интимной, пожалуйста, будьте снисходительны к вашим соседям.

В темной комнате Сюя все же сумел заметить, как Норико покраснела.

Затем Сёго вышел из комнаты. Через полуоткрытую дверь было слышно, как он выходит из кухни в приемную. Наконец все затихло.

Норико несмело улыбнулась.

— Сёго такой шутник, — сказала она.

Лицо ее теперь казалось довольно оживленным. Сюя подумал, что это из-за еды.

— Да, он такой. — Сюя тоже улыбнулся. — Раньше я никогда с ним не разговаривал, но он мне немного Синдзи напоминает.

Внешне Сёго и Синдзи совершенно не были похожи, но откровенные и в то же время необидные шутки Сёго несколько напоминали манеру общения Третьего. Не говоря уж о том, что они оба учились спустя рукава и в то же самое время умудрялись быть невероятно знающими, умными и надежными.

Норико кивнула.

— Пожалуй, ты прав. Да, точно. — Затем она добавила: — Интересно, где сейчас Синдзи.

Сюя глубоко вздохнул. Он уже думал о том, нет ли какого-то способа связаться с Синдзи, но, учитывая состояние Норико, не мог себе позволить что-либо предпринять.

— Да, вот бы он был с нами...

Сюя подумал, что, если бы на их стороне были Синдзи и Сёго, их нельзя было бы победить. А если бы с ними еще был Хироки Сугимура, они стали бы абсолютно неуязвимы.

— Я все еще помню тот баскетбольный матч, — глядя в потолок, сказала Норико. — Не в этом году, а в прошлом... финал. Синдзи был один против класса "Г", из которого четыре ученика играли в баскетбольной сборной школы. Мы проигрывали тридцать очков, но потом ты прибежал после софтбольного матча, и вы вдвоем устроили невероятную гонку. И в конце концов победили.

— Ага. — Сюя кивнул, подмечая, какой разговорчивой становится Норико. Это был хороший признак. — Именно так все и случилось.

— А мы вас с трибуны поддерживали. Когда вы выиграли, Юкиэ вскочила и так заорала...

— Ага.

Сюя тоже помнил тот матч. Тогда Норико, обычно такая сдержанная, поддерживала их чуть ли не громче всех. А Ёситоки Кунинобу, не слишком спортивный, хотя и не такой некоординированный, как Ёсио Акамацу, стоял в стороне от Норико и остальных. Сюя видел, как Ёситоки махал руками и делал ему всякие знаки. Пожалуй, эта сравнительно скромная поддержка Ёситоки тронула Сюю больше, чем буйный визг Норико и других девочек.

Ёситоки...

Сюя посмотрел на Норико и вдруг понял, что она плачет. Тогда он протянул руку и тронул девочку за плечо:

— Что случилось?

— Я... — Норико слегка запиналась. — Я очень старалась не плакать... но потом вспомнила, каким чудесным был наш класс, и...

Сюя кивнул. Ее состояние могло объясняться последствиями жара или действием лекарств, но все же Норико казалась очень взвинченной. Сюя держал ладонь у нее на плече, пока она не перестала плакать.

Наконец Норико извинилась и вытерла слезы.

— Знаешь, — сказала она затем, — я не говорила тебе одну вещь, потому что она могла тебя расстроить.

— Ты о чем?

Норико заглянула Сюе в глаза:

— Ты знал, что многие девочки были в тебя влюблены?

Тема для разговора оказалась столь неожиданной, что Сюя не сумел скрыть недоумение.

— О чем ты говоришь?

Однако лицо Норико оставалось серьезным.

— Мэгуми, к примеру... — продолжила она. — И Юкико, по-моему, тоже.

Сюя озадаченно наклонил голову. Мэгуми Это и Юкико Китано. Две ученицы, уже выбывшие из игры.

— При чем здесь они? — непонимающе спросил он.

Норико взглянула на Сюю и тихо ответила:

— Они были в тебя влюблены.

Лицо Сюи застыло.

— ...Правда? — нерешительно выговорил он.

— Да. — Отвернувшись от Сюи, Норико кивнула. — У девочек это так заметно. Я просто... просто хотела, чтобы у тебя нашлись для них ласковые мысли. — Затем она добавила: — Хотя, помня о ситуации, мне сейчас, пожалуй, не следовало об этом рассказывать.

Сюя смутно представил себе лица Мэгуми Это и Юкико Китано. Они казались ему совсем одинаковыми. Как две чайные ложки.

— Ну и ну... — выдохнул он и добавил: — Лучше бы ты мне потом об этом рассказала. Когда мы спасемся.

— Извини. Это тебя шокировало?

— Да, немного.

Норико снова слегка наклонила голову.

— Знаешь... я подумала, что тебе следует знать... если я вдруг умру.

Сюя перевел взгляд на девочку и сжал ее левую ладонь.

— Пожалуйста, даже не думай об этом. Мы будем вместе до самого конца. И вместе спасемся.

Внезапный порыв Сюи застал Норико врасплох.

— Извини, — лишь вымолвила она.

— Послушай, Норико, — сказал затем Сюя.

— Что?

— Я знаю одного мальчика, который был точно в тебя влюблен.

Настала очередь Норико широко раскрыть глаза.

— Правда? А почему в меня? — наивно отозвалась она. Затем лицо девочки посерьезнело, и Сюя заметил, как угасающий свет из окна смутным прямоугольником отражается в ее зрачках. Норико спросила: — Он из нашего класса?

Сюя медленно покачал головой. Вспоминая те добрые глаза, он подумал о том, как славно было бы сейчас решать задачу о любовном треугольнике, включающем в себя его стародавнего друга. Но этого уже никогда не будет. Никогда. Этого уже просто не может быть.

— Нет.

Норико, похоже, испытала облегчение.

— Понимаю, — сказала она, а затем добавила: — Интересно, кто бы это мог быть? Ни в каких кружках или командах я не состояла, и друзей в других классах у меня нет.

Сюя покачал головой.

— Сейчас я тебе не скажу. Только после того, как мы отсюда выберемся.

На лице у Норико отразилось сомнение, однако настаивать она не стала.

Потом они довольно долго молчали. Сюя смотрел в потолок. Хотя медпункты требовалось содержать в чистоте, висящие там лампы дневного света заметно запылились. Эти лампы не работали. Впрочем, даже если бы они и работали, все равно нельзя было их включать.

— Мэгуми-сан... — произнес Сюя, добавляя к имени девочки вежливое «сан». Мальчики порой бывают так переменчивы. — И Юкико-сан. Если это правда... что им могло во мне нравиться?

В комнате уже становилось темно, однако Сюя заметил на губах у Норико легкую улыбку.

— Ничего, если я поделюсь своим мнением?

— Конечно.

Норико лукаво наклонила голову.

— Им все в тебе нравилось.

Сюя усмехнулся и покачал головой.

— То есть как?

— Именно так и бывает, когда кого-то любишь. — Норико вдруг заговорила предельно серьезным тоном. — Разве ты не чувствуешь того же к той девочке?

Сюя вспомнил лицо Кадзуми Синтани и задумался. Затем немного поколебался, но все же решил быть честным.

— Да. Пожалуй. Что-то вроде того.

— Если это не так, значит, чувство не настоящее, — сказала Норико. Тут ее словно бы что-то развеселило, и она негромко хихикнула.

— Ты что?

— Я ревную. Даже в такой ситуации это все равно тяжело.

Сюя посмотрел на ее лицо, уже почти неразличимое во мраке, снова заколебался, а потом опять решил быть честным.

— Могу понять парня, который был в тебя влюблен.

Норико взглянула на Сюю. Ее красиво очерченные брови, казалось, слегка подрагивали, а на губах проступала немного грустная улыбка.

— Ты такая чудесная, — сказал Сюя.

— Приятно слышать, даже если это неправда.

— Но это правда.

— Окажешь мне одну услугу?

Сюя широко раскрыл глаза, словно бы спрашивая: «Какую?» Хотя он сомневался, что Норико может в этом мраке видеть его лицо. Затем девочка слегка подалась вперед, обеими руками обняла его за плечи и положила голову ему на грудь. Волосы ее касались губ Сюи.

Так они просидели очень-очень долго, пока за окном не засияла полная луна.

Еще до того как сумерки сменились тьмой, Хироно Симидзу (ученица номер 10) выбралась из чащи, где она пряталась, и пошла на запад. Это было невыносимо. Тело Хироно горело, словно она шла в пустыне под палящим солнцем.

Вода.

Ей требовалась вода.

Каори Минами прострелила Хироно левое плечо. Разорвав мокрый от крови рукав матроски, девочка обнаружила, что пуля пробила ей руку. Впрочем, крупные кровеносные сосуды, похоже, задеты не были. Оторванный рукав, которым Хироно обернула руку, на какое-то время остановил кровь. Но потом... рана стала гореть, и очень скоро это ощущение распространилось по всему телу. Первоначальный озноб сменился невыносимым жаром. К тому времени, как Сакамоти кончил свое шестичасовое сообщение, Хироно уже прикончила весь свой запас воды. Застрелив Каори, она убежала метров на двести от Сюи и спряталась в кустах, но затем истратила слишком много воды, пытаясь промыть рану (о чем впоследствии горько пожалела).

С тех пор прошло почти два часа. Какое-то время Хироно обильно потела, но теперь пот уже не тек. Наверное, ее организм близок к обезвоживанию. Другими словами, в отличие от Норико Накагавы, у Хироно действительно началось общее заражение. Поскольку рану она толком не продезинфицировала, болезнь развивалась стремительно. Конечно, сама Хироно обо всем этом понятия не имела.

Она лишь совершенно точно знала, что ей отчаянно нужна вода.

Пока Хироно осторожно пробиралась по зеленому склону горы, в голове ее все пульсировало от ненависти к Каори Минами. Жар во всем теле и страшная жажда эту ненависть только усиливали.

В этой игре Хироно Симидзу не собиралась доверять никому. Конечно, тесные узы связывали ее с Мицуко Сомой. А значит, если бы Хироно уклонилась от встречи с Хироки Сугимурой, который выходил следом за ней, то могла бы объединиться с Мицуко, но решила этого не делать, потому что хорошо знала, какая Мицуко на самом деле. Да, все верно... вспомнить хотя бы, как Мицуко разобралась с главной хулиганкой из другой школы (которая к тому времени уже стала любовницей гангстера из якудзы). Ту девочку в конечном итоге сбила машина. Раны оказались почти смертельными. Мицуко об этом не болтала, но Хироно знала, что Мицуко заставила какого-то парня это проделать. Всегда попадались парни, готовые на все ради Мицуко...

Если бы Хироно объединилась с Мицуко, та, скорее всего, использовала бы ее для прикрытия, а в самом конце выстрелила бы в спину. Их бестолковая подружка Ёсими Яхаги вполне могла доверять Мицуко (тут девочка вспомнила, что Ёсими уже погибла, и резонно предположила, что как раз Мицуко ее и убила), но Хироно этого делать не собиралась.

Хироно Симидзу и представить себе не могла, что кто-то в их классе способен еще кому-то доверять. Все эти славные мальчики и девочки не станут думать дважды, прежде чем прикончить кого-то из своих одноклассников. Да, Хироно было всего пятнадцать лет, но эти пятнадцать лет кое-чему ее научили.

И в то же самое время Хироно не испытывала особого восторга, думая об убийстве своих одноклассников. Все верно, она занималась проституцией, принимала наркотики и постоянно воевала со своими родителями, которые считали ее пропащим человеком, но на убийство было наложено табу. Конечно, раз правила игры его допускали, убийство уже переставало быть преступлением... и все же, хотя Хироно сделала людям немало гадостей, ни о чем настолько скверном она даже не задумывалась. Пусть она и торговала собой, в отличие от других девочек, которые прикидывались порядочными, а сами ходили на «телефонные вызовы» (одной из таких была Маюми Тэндо), Хироно, по крайней мере, прошла все круги ада, работая с настоящими профессионалами, которых узнала через Мицуко Сому. Что же до наркотиков, то разве не могла она позволить себе выбирать то, что ей больше по вкусу? И Хироно вовсе не лишала зарплаты работников галантерейных отделов универмагов, когда тащила оттуда всякую ерунду. Все равно эти универмаги государство поддерживало... Да, она запугивала других девочек, но они того заслуживали. А если уж вспоминать ее драки с ученицами из других школ, то, в конце концов, все они прекрасно понимали что к чему и по мере сил старались друг другу вредить. В смысле — пора бы, подружки, и повзрослеть. Но в любом случае Хироно...

...Не стала бы умышленно убивать людей. Это она точно знала.

И все же... все же...

...Это вовсе не значило, что она не стала бы себя защищать. Если ей все-таки выпадет уцелеть в этой игре... Хироно непременно откроет бутылку шампанского и славненько эту радость отпразднует. А если время истечет и она погибнет — такой вариант девочка не очень хорошо себе представляла, — здесь она ничего поделывать не могла.

И в конечном итоге Хироно спряталась в том самом доме, где у нее позднее произошла перестрелка с Каори Минами.

Внимательно осмотрев дом и убедившись, что в нем никого нет, Хироно решила там остаться. Время от времени она выглядывала в окно, и однажды, к немалой своей досаде, увидела какую-то девочку в сарае у дома, где она пряталась.

Несколько минут спустя Хироно все-таки решила покинуть дом (что-что, а сваливать из дома у нее получалось прекрасно). Мысль о том, что рядом кто-то есть, была ей невыносима. Не обнаружив черного хода, Хироно стала вылезать из самого дальнего от сарая окна, и тут...

Каори как раз выглянула из двери сарая и неожиданно выстрелила в Хироно, которая ничего плохого ей делать не собиралась. Каори прострелила Хироно руку, и девочка буквально свалилась из окна на землю, но сумела быстро вскочить на ноги и в первый раз выстрелить в Каори. После этого Хироно прижалась к стене у самого угла дома... и как раз в этот момент появился Сюя Нанахара.

«Вот сука, — подумала Хироно о Каори. — Вечно изображала святую невинность, слепо поклонялась разным поп-идолам... и тут у нее вдруг хватает наглости

выстрелить в меня из пистолета! Хорошо хоть, я сумела с ней разобраться. (Чисто из самообороны. Вердикт присяжных был бы 12:0, без вопросов.) Но если все остальные тоже как эта сука, я должна быть безжалостной».

Затем Хироно подумала о Сюе Нанахаре. Тот, по крайней мере, в нее не целился (и это, между прочим, дало ей возможность выстрелить в Каори). Еще Сюя заявил, что он с Норико.

«Сюя Нанахара и Норико Накагава, — подумала девочка. — Значит, они встречались? Вообще-то, не очень было похоже. А теперь они намерены попытаться вместе сбежать?»

Хироно машинально подняла голову.

Чушь. В таких обстоятельствах нет ничего более рискованного, чем быть вместе с кем-то. Если ты оказалась в группе, сама будешь виновата в том, что тебе рано или поздно выстрелят в спину. Кроме того, отсюда все равно было никуда не сбежать.

Норико Накагаву Хироно не видела, но если Сюя Нанахара сказал правду, значит, он скоро Норико убьет. Или, быть может, Норико Накагава убьет Сюю Нанахару. Если кто-то из них в конечном итоге уцелеет... тогда Хироно придется этого кого-то убить. Но прямо сейчас эти проблемы были ничто по сравнению...

...С ее жаждой.

Сама того не заметив, Хироно одолела приличное расстояние. Тусклое солнце на западе скрылось из вида. Небо над головой стало теперь иссиня-черным, и полная луна, точно такая же, как и прошлой ночью, когда игра только началась, зловеще сияла в этом небе, изливая на остров бледно-голубой свет.

Сжимая в руке револьвер, из которого она убила Каори Минами (смит-вессон «Милитэри энд полис» калибра .38), Хироно побежала через кусты. Она старалась держать голову пониже и не слишком шумно дышать. Наконец девочка добежала до края зарослей и осторожно высунула оттуда голову. За узкой полоской пашни стоял дом. Хироно оказалась рядом с северной горой. Дом стоял как раз у ее подножия. Слева было еще несколько полей, а дальше — еще два похожих дома. Затем начинался покатый склон южной горы. Учитывая расположение гор, Хироно прикинула, что она где-то неподалеку от западного побережья. Как она делала всякий раз, прежде чем двинуться дальше, девочка выяснила по карте свое местоположение и убедилась, что угодить в запретную зону ей не грозит.

Хироно изо всех сил постаралась на время забыть про жажду и стала наблюдать за ближайшим домом. Все вокруг казалось тихим и мирным.

По-прежнему пригибаясь, Хироно побежала по пашне. Участок вокруг дома казался слегка приподнят над полем. Остановившись у края пашни, Хироно сперва оглянулась назад, а затем еще немного понаблюдала за домом. На вид — вполне обычный одноэтажный фермерский дом. Однако, в отличие от первого, в котором она пряталась, крыша у него была черепичная. Перед домом стоял легкий грузовик. Еще Хироно заметила там мопед и велосипед.

В первом доме, где она пряталась, вода из крана не текла. Здесь, наверное, было то же самое. Хироно стала оглядываться по сторонам...

...И в дальнем от подъездной дороги конце участка заприметила колодец и ведро. Вокруг колодца росли тонкие мандариновые деревца, сплошь покрытые листвой. Их нижние ветви начинались довольно высоко, и Хироно смогла убедиться, что под ними никто не прячется.

Поскольку левая рука у нее почти не работала, девочка сунула револьвер за пояс юбки и стала обшаривать пашню, залитую лунным светом. Вскоре она нашла камень размером с кулак.

Хироно швырнула камень. Описав аккуратную дугу, тот ударился о крышу. Затем прогрохотал по рядам черепиц и с глухим стуком упал на землю.

Девочка выхватила из-за пояса револьвер и подождала. Затем взглянула на часы. Затем еще немного подождала.

Прошло пять минут. Ни за окнами, ни у двери так никто и не появился. Тогда Хироно быстро подбежала к колодцу. Голова ее кружилась от жажды и высокой температуры.

Колодец представлял собой бетонную трубу сантиметров восемьдесят в диаметре. Хироно ухватила за его край.

В шести-семи метрах внизу под лунным светом виднелся маленький кружок. Внутри этого кружка Хироно разглядела собственную тень.

«Вода, — подумала она. — Слава Богу, он не сухой!»

Снова сунув револьвер под юбку, Хироно правой рукой сняла с ноющего левого плеча рюкзак и бросила его на землю. Затем девочка взялась за истертую веревку, свисающую с бруса.

Как только она потянула за веревку, на поверхности воды появилось небольшое ведро. Тогда Хироно потянула с удвоенной энергией. Брус был снабжен чем-то вроде блока, который позволял поднимать воду. Левая рука девочки слишком занемела и почти не двигалась, но все же после каждого рывка Хироно левым локтем ухитрялась прижимать веревку к бетонному краю колодца и тем самым успешнее тащила ведро вверх.

Наконец ведро достигло края колодца. В очередной раз прижав веревку левым локтем, Хироно ухватила ведро за ручку и поставила его на край. Вот она, вода. Полное ведро воды. Даже если эта вода была какой-то заразной, Хироно было наплевать. Вода ей требовалась прямо сейчас.

Но затем, заприметив в ведре кое-что еще, девочка пронзительно взвизгнула.

Из воды на нее смотрела крошечная, размером с ноготок, лягушка. В лунном свете Хироно разглядела ее выпученные глазки и блестящую спинку. (В ясном свете дня цвет земноводного наверняка был бы омерзительно-зеленым или грязно-коричневым.) Хироно, вообще-то, не очень любила животных, но лягушек — меньше всех остальных. От одного вида скользкой кожи у нее мурашки по спине побежали.

И все же девочка изо всех сил постаралась преодолеть свое отвращение. Снова тащить ведро она просто не могла. А жажда уже стала невыносимой. Придется ей выбросить эту лягушку, а потом...

Тут лягушка ловко подобралась к краю ведра и прыгнула оттуда прямо на Хироно. Девочка опять пронзительно взвизгнула и отпрянула назад. Что с того, что это был вопрос жизни и смерти? Она терпеть не могла лягушек. Люто их ненавидела. От лягушки Хироно как-то сумела увернуться, но при этом ее правая рука отпустила ведро, и оно тут же плюхнулось обратно в колодец. Такие дела.

Хироно в голос застонала и повернула голову в сторону лягушки. «Убью! — мысленно прорычала она. — Убью проклятую тварь!»

Но тут... тут ее взгляд привлекло что-то еще.

Всего в четырех-пяти метрах от Хироно виднелась черная фигура в школьном пиджаке.

Девочка стояла спиной к дому. Теперь она заметила, что задняя дверь по ту сторону от фигуры приоткрыта.

Когда фигура застыла на месте, Хироно вдруг совершенно не к месту припомнила детскую игру, в которой требовалось замирать, когда водящий поворачивался к тебе. Однако в данный момент главным было то, что этот худой, низкорослый урод — если вдуматься, он тоже напоминал лягушку, — Тосинори Ода (ученик номер 4), обеими руками сжимал тонкую штуковину вроде ленты. Девочка тут же поняла, что это ремень.

«Люди добрые, — мысленно воскликнула Хироно, — вы только гляньте, что делается!» Сын президента компании, Тосинори Ода жил в богатом квартале города. Считалось, что Тосинори хорошо играет на скрипке (он даже победил в каком-то конкурсе). Аккуратный, воспитанный, тихий мальчик. «И этот тихий мальчик, — подумала Хироно, — теперь собирается меня убить!»

Но словно та детская игра внезапно закончилась, Тосинори резко взмахнул ремнем и двинулся к Хироно. Крупная пряжка сверкнула в лунном свете. При хорошем ударе такая пряжка вполне могла серьезно поранить. Их разделяло всего четыре метра...

«Все, хватит», — решила Хироно.

Правой рукой девочка потянулась за револьвером. Рукоятка уже казалась ей знакомой на ощупь.

Тосинори был прямо перед ней. Хироно выстрелила. И тут же увидела, как рвется его школьный пиджак.

Тосинори развернулся и упал ничком. Вверх взлетело облачко пыли, а тело мальчика застыло неподвижно.

Хироно снова сунула револьвер себе под юбку. Горячий ствол обжег ей живот, но сейчас девочке было не до этого. Сейчас самой важной вещью на свете была вода.

Подхватив свой рюкзак, Хироно вошла в дом. Да, она проявила непозволительную беспечность, повернувшись к дому спиной, но теперь ей уже не требовалось выяснять, есть там кто или нет. Кроме того, она могла выпить воду Тосинори.

Хироно подумала было воспользоваться фонариком, но рюкзак Тосинори она обнаружила сразу же за дверью. Хироно опустилась на колени и правой рукой растегнула молнию.

Там были две бутылки с водой. Одна — закупоренная, а другая — всего лишь ополовиненная. Хироно испытала облегчение.

Стоя на коленях, девочка отвернула крышку ополовиненной бутылки и жадно к ней приникла. А потом некстати задумалась, не был ли это в каком-то смысле поцелуй с мальчиком, который попытался ее убить — и теперь был мертв? Впрочем, это было неважно. Подобные проблемы казались теперь такими же абстрактными, как тропики или Северный полюс. Или Луна. Или первый человек на Луне...

Хироно алчно сосала воду. Просто восхитительно. Несравненно. Никогда еще вода не была для Хироно так сладостна на вкус. Пусть даже тепловатая, пробегая по ее глотке и попадая в желудок, она казалась ледяной. Это было чудесно.

Хироно почти мгновенно опустошила бутылку. И глубоко вздохнула.

Внезапно что-то сжало ей горло. Как раз над металлическим ошейником. Девочка зашлась приступом кашля, и целая туча мелких водяных брызг вылетела у нее изо рта.

Сияясь здоровой правой рукой оторвать от своего горла непонятную удавку, Хироно повернула голову. И увидела справа от себя напряженное лицо мальчика... того самого мальчика, которого она только что убила... Тосинори Оды!

Хироно задыхалась. Лишь через несколько секунд она, наконец, поняла, что за удавка сжимает ей горло. Это был ремень Тосинори.

Но как... как... как... как этот парнишка мог быть все еще жив?

Мрачный интерьер дома постепенно тонул в красном тумане. Правой рукой Хироно попыталась оторвать ремень — и сломала себе ногти, закапала кровь.

«Ну да, — тут же подумала Хироно, — все верно. Мой револьвер».

И она потянулась к засунутому под юбку оружию.

Однако рука девочки с треском была отбита в сторону ударом дорогого кожаного ботинка. Теперь не только левая, но и правая рука Хироно висела как плеть. Удавка на миг ослабла — но тут же снова натянулась. Девочка теперь могла лишь нелепо размахивать руками.

Все дальнейшее стало делом считанных секунд. Руки девочки совсем обмякли. Хотя Хироно и не могла соперничать с Такако Тигусой или Мицуко Сомой, она тем не менее была очень привлекательна. Но теперь лицо ее раздулось от скопившейся там крови, а язык стал вдвое больше обычного и вывалился изо рта.

А Тосинори Ода все продолжал душить Хироно Симидзу. (Разумеется, он не забывал временами озираться по сторонам.) Только минут через пять Тосинори наконец отпустил ремень. Бездыханная девочка ничком упала на пол. Раздался глухой хруст. Челюсть Хироно сломалась. Ее торчащие вверх волосы (прическа в стиле «панк») скрыла тьма, и только продолжала тускло светиться ее шея над воротничком матроски и левая рука, обмотанная оторванным рукавом.

Ошалелый Тосинори Ода какое-то время просто стоял, тяжело дыша. Живот у него по-прежнему болел, но уже не так сильно. Когда Тосинори впервые открыл свой рюкзак, до него долго не доходило, что это там за такое громоздкое одеяние. Однако это одеяние «сработало» именно так, как указывалось в руководстве. Просто поразительно...

...На что порой способен бронезилет.

Осталось 20 учеников

Кругом теперь царил непроглядный мрак, однако благодаря почти полной луне с тянущегося от северной горы утеса открывался широкий вид на океан. Острова Внутреннего Японского моря плавали в черной воде, но никаких судовых огней поблизости не наблюдалось. Все транспортные маршруты вокруг острова Окисима были временно закрыты властями. Сторожевые корабли стояли на якоре с погашенными огнями, а потому их тоже было не видно.

Синдзи уже видел эту панораму, но не с такой высоты. Да, все верно, когда он вышел из здания школы. В иное время и в иных обстоятельствах вид отсюда можно было бы назвать чудесным.

— Ладно, давай сюда, — сказал Синдзи, сунул пистолет за пояс и первым взобрался на скалу. Затем протянул руку Ютаке. Тот, совсем задыхаясь после трудного подъема, а также от постоянной угрозы внезапного нападения из тьмы, все же сумел ухватиться за руку Синдзи и забраться на самый верх.

Там друзья улеглись на животы и стали глазеть с утеса.

Прямо под ними тянулись мрачные ряды деревьев, а дальше мерцал слабый свет. Этот свет исходил от здания школы, где находился Сакамоти. Из-под стальных листов, которыми были забраны окна, все-таки хоть что-то, да пробивалось наружу. Здание было примерно в сотне метров отсюда. Сектор Ж=7, где находилась школа, давно уже стал запретной зоной, а потому Синдзи с Ютакой мгновенно бы погибли, попытайся они туда войти.

Однако теперь они находились на безопасном расстоянии. Еще до захода солнца с помощью компаса и карты, Синдзи сумел точно все рассчитать. Находящаяся в секторе Ж=7 школа была ближе к границе сектора Е=7, где Синдзи с Ютакой оказались сейчас. Кроме того, согласно карте, кратчайшее расстояние от школы до границы составляло метров восемьдесят. Далее, что касалось шестичасового объявления о запретных зонах, то ни сектор Е=7, ни сектор З=7, расположенные на севере и юге от школы, туда не попали.

Тут Синдзи вспомнил заявление Сакамоти о том, что Сё Цукиока попался в запретной зоне. Вообще-то, Сё Цукиока был просто назойливым геем («А что, Синдзи, пойдешь со мной на свидание?») Кроме того, в данный момент Синдзи никак не мог позволить себе тревожиться об остальных. И все же он, конечно, сожалел о том, что Сё, скорее всего, оторвало голову бомбой, и размышлял, где и как это могло произойти.

Еще он ощутил острый укол сожаления в связи со смертью Такако Тигусы. Такако была самой красивой девочкой в классе (по крайней мере, на взгляд Синдзи), а самое главное, она с детства дружила с Хироки Сугимурой. В противоположность мнению большинства о том, что у них была любовь, Синдзи точно знал, что они не встречались

(Хироки сам ему об этом сказал). И все же для Хироки это должно было стать настоящим потрясением.

«Эх, Хироки, — подумал Синдзи, — где тебя черти носят?»

Но Синдзи следовало сосредоточиться на текущих делах, и он стал пристально наблюдать за школой и ее окрестностями. Им предстояло протянуть веревку отсюда, провести ее над школой, а затем закрепить по ту сторону здания. Теперь, когда Синдзи получил наглядное представление обо всем этом районе, он понял, какое большое расстояние им придется покрыть.

Глазая на слабый свет, сочащийся из-под забранных стальными листами окон, Синдзи мысленно изрыгал проклятия. Именно там засел Сакамоти и вся его теплая компания. Сейчас было время ужина. И эти гады вполне могли есть жареный удон. (Жареный удон был любимым блюдом Синдзи — поэтому он сейчас про него и вспомнил. Это блюдо несколько раз готовил его дядя, когда Синдзи навещал его в небольшом доме с одной спальней. Как же ему сейчас хотелось жареного удоны!) Ублюдки. Просто ублюдки.

У Синдзи и Ютаки уже было все, что им требовалось.

Синдзи сумел выяснить, что это здание чуть к югу от школы, рядом с продольной дорогой, было отмечено на карте всего лишь еще одной синей точкой — это фермерский склад. На строении с покрытой шифером крышей и бревенчатыми стенами имелась табличка: «Ассоциация сельскохозяйственных кооперативов Северного Такамацу, филиал острова Окисима». (Хотя Синдзи уже знал, что они находятся на острове Окисима в проливе Такамацу-си, для Ютаки это явно стало неожиданной новостью.) Склад был не очень типичный — внутри мирного помещения одиноко стояли трактор, комбайн и молотилка. В одном из углов Синдзи с Ютакой обнаружили конторский стол. Так или иначе, именно там они нашли нитрат аммония. К счастью, он был свежий и совсем сухой. А кроме того, им не пришлось собирать бензин из машин. В канистрах на складе его было вдоволь. Блок они сняли с колодца рядом с домом, в котором Синдзи нашел пауэрбук-150.

Еще одним важнейшим элементом для осуществления их плана была веревка. Если они собирались протянуть веревку через весь сектор Ж=7, им потребовалось бы по меньшей мере триста метров. Далее, при размотке им следовало чуть припустить веревку, чтобы ее не заметили Сакамоти и компания, а значит, ее нужно больше. Сложно было найти веревку такой длины. На фермерском складе они нашли в общей сложности от силы метров двести. Скорее всего, ее использовали для теплиц или чего-то в таком роде. Кроме того, эта веревка была слишком тонка и казалась ненадежной.

К счастью, на берегу, к югу от гавани, которая, вместе с прилегающим жилым районом, стала теперь запретной зоной, Синдзи с Ютакой удалось найти что-то вроде частного склада рыболовного снаряжения, где обнаружили веревку для рыболовных сетей нужной длины. Они сумели как следует ее уложить, перенести в фермерский склад и там припрятать.

Затем, оставив все необходимые на складе, они пришли сюда.

Синдзи напряженно вглядывался в темноту. Слева от школы до северной границы жилого района и вдоль восточного побережья росли густые леса. По ту сторону от

школы располагались рисовые плантации, кое-где виднелись кучки деревьев, а между ними — несколько домов. Синдзи с трудом мог различить склад фермерского оборудования, где они оставили все снаряжение. На участке непосредственно слева от Синдзи виднелись ряды крыш.

Ютака похлопал его по плечу. Синдзи повернул голову и посмотрел на него. Ютака достал свой ученический блокнот и начал что-то строчить.

Все верно. Еще до начала похода по острову Синдзи в очередной записке предупредил Ютаку о том, что они ни в коем случае не должны выдать себя в разговоре. В конце концов, если Сакамоти и компания обнаружат, что они опять что-то такое задумали, Синдзи не сомневался, что уж на сей раз эти гады, не поколеблясь нажмут на нужные кнопки и оторвут им головы.

Синдзи уже строил догадки о том, почему Сакамоти все-таки решил не взрывать их с Ютакой ошейники. Потому, вероятно, что для игры было лучше, если как можно больше учеников усердно сражались друг с другом. Впрочем, у Синдзи были на этот счет еще кое-какие теории. Все это вполне могло иметь отношение к дошедшим однажды до него слухам о том, что высокопоставленные правительственные чиновники делают на эту игру ставки. Если это было так, то лучший бросающий защитник младшей средней школы города Сироивы, по прозвищу Третий, должен оказаться в числе фаворитов. Следовательно, у Сакамоти были причины, чтобы не покончить так сразу с ним. По крайней мере, Синдзи так казалось. В то же самое время Ёситоки Кунинобу и Фумиё Фудзиёси были попросту лишними игроками. Или, если называть вещи своими именами, никто ничего на них не поставил.

И тем не менее, даже если все это было именно так, пока проклятый ублюдок Кинпати Сакамото был ответственным за проведение игры, он имел право в любой момент оторвать им головы. Синдзи мог только молиться, чтобы этого не случилось до того момента, когда им все-таки удастся разбомбить школу. И, разумеется, сама мысль о том, что кто-то возымел над ним такую власть, была для Синдзи, воспитанного его дядей в свободолобивом духе, совершенно нестерпима.

Синдзи покачал головой — сейчас его эмоции отношения к делу не имели. Он вспомнил, как дядя однажды ему сказал: «Не тревожься о том, с чем ничего не можешь поделать. Но даже если шансы на успех меньше одного процента, делай все возможное».

Ютака, похоже, закончил свою писанину и снова похлопал его по плечу. Синдзи повернул голову и под лунным светом прочел записку.

«Нет никакой возможности перекинуть туда ту гигантскую веревку. Кроме того, мы оставили ее на складе. Что ты намерен предпринять?»

Да, все верно. Синдзи ему еще про это не рассказал. Поиск нужного снаряжения шел слишком напряженно. Синдзи кивнул, достал карандаш и написал в блокноте: *«Леска. Я ее с собой захватил. Мы протянем леску на ту сторону и привяжем ее к веревке, а перед тем как приступить к осуществлению нашего плана, мы подтянем сюда веревку».*

Он передал блокнот Ютаке. Прочитав записку, тот взглянул на Синдзи и с удовлетворенным видом кивнул. Затем написал:

«Как ты протянешь леску? Привяжешь к ней камень и зашвырнешь его туда?»

Синдзи помотал головой. Ютака удивленно раскрыл глаза. Затем, после некоторых раздумий, предложил другой вариант: *«Ты сделаешь лук и привяжешь леску к стреле?»*

Синдзи опять помотал головой. Затем взял блокнот и принялся там строчить. *«Могло бы сработать. Но камень на 300 м даже мне не швырнуть. И промахнуться никак нельзя. Если камень угодит в школу, нам конец. А если леска где-то зацепится, мы ее в итоге порвем... У меня есть план получше».*

На сей раз Ютака даже не взял карандаш, а лишь вопросительно посмотрел на Синдзи. Тогда Синдзи накарябал в блокноте. *«Сперва привяжем леску вон к тому дереву. Потом с другим концом лески спустимся. А когда окажемся на другой стороне, туго ее натянем».*

Как только Ютака это прочел, он тут же скептически нахмурил брови. Затем быстро написал: *«Ничего не выйдет. Леска зацепится за деревья. Где-нибудь в середине».*

Синдзи ухмыльнулся. Он не мог винить Ютаку за то, что тот в нем сомневался. Избранный ими маршрут пролегал между деревьями большими и малыми. Даже если бы они проложили леску в обход сектора Ж=7 и натянули ее позднее, она наверняка бы застряла. Получилось бы довольно странное произведение современного искусства под открытым небом. *«Итак, представленная здесь инсталляция поистине монументальна, однако в считанных метрах от наблюдателя теряется из вида. Художник в данном случае, безусловно, стремится не нарушить тонкое равновесие между природой и людьми...»* А самое главное, прямо к школе примыкал плотный лесной массив. Если только тебе не случилось быть стометровым великаном (кажется, дядя показывал Синдзи видеофильм со старыми спецэффектами, в котором супергерой спасает мир, сражаясь с монстрами, рвущими целый город на куски — жаль, теперь таких фильмов больше не делают), тебе пришлось бы спилить все деревья, чтобы протянуть леску над школой. Это было так очевидно. И именно поэтому Ютака настаивал, что это невозможно.

Однако Синдзи эффектно развел руками (хотя, поскольку они с Ютакой лежали на животах, жест получился довольно забавным) и написал: *«А что, Ютака, может, воздушный шар запустим?»*

Ютака прочел записку и хмуро сдвинул брови. Тогда Синдзи дал ему знак слезать с утеса и следовать за ним. Как только они уселись под скалой, Синдзи раскрыл свой рюкзак. Изъяв оттуда все содержимое, он разложил его на земле.

Полдюжины газовых баллончиков, несколько катушек с сотнями метров тонкой рыболовной лески (все это он нашел на складе фермерского оборудования), липкая лента и рулон черных пластиковых пакетов для мусора.

Синдзи взял один из газовых баллончиков и показал его Ютаке. На выкрашенном в голубой цвет баллончике ярко-красным было написано: *«ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ ГОЛОСА»* (ниже шла рекламная надпись: *«Теперь вы станете душой вечеринки!»*). Еще ниже там была нарисована утка, в которой легко узнавался один из персонажей мультфильмов Уолта Диснея. Из баллончика торчало что-то вроде свистка.

Синдзи написал: *«Я вспомнил, что все это было в том же доме, где я нашел пауэрбук».*

Прежде чем снять с колодца блок, Синдзи зашел в соседний дом и взял там эти баллончики, пытаясь прикинуть, что со всеми этими вещами делал хозяин дома. Впрочем, файлы, оставленные на жестком диске компьютера, позволяли сделать кое-какие догадки. Судя по тому, что они имели названия вроде «Природоведение для 5-го класса», хозяин компьютера, скорее всего, был учителем начальных классов. Да, он наверняка преподавал в той самой школе.

Ютака дотронулся до своего горла и открыл рот. Синдзи кивнул.

«Верно. Он позволяет тебе крякать как утка. Там гелий. И вот этот баллончик полон газа».

Ютака все еще сомневался. Тогда Синдзи решил, что суть дела лучше всего прояснит наглядная демонстрация. Вскрыв рулон с пакетами для мусора, он оторвал оттуда один пакет. Затем раскрыл его, вставил туда клапан баллончика и липкой лентой приклеил его к пакету. Наконец Синдзи нажал на кнопку клапана, и пакет стал надуваться.

Держа палец на кнопке, Синдзи подумал, что это будет еще забавнее, чем с презервативами. Впрочем, даже будь у него презервативы, они для их задачи слишком малы. «А что, — спросил себя Синдзи, — у меня даже пары-другой презервативов нет? Ах, какое упущение. Ведь это учебная экскурсия. Всякое может случиться. Тогда уже без презервативов никуда. Ладно, в подробности вдаваться не будем».

Наполнив пакет гелием, Синдзи аккуратно открепил его край от баллончика и надежно заклеил. Затем взял катушку с рыболовной леской и привязал самый конец лески к низу пакета. Отклеив липкую ленту, он окончательно отсоединил пакет от баллончика. Наконец, просто на всякий случай, край пакета еще раз заклеил лентой.

Пакет для мусора поплыл вверх. Когда вся леска размоталась и натянулась, пакет застыл как раз над головами у Синдзи с Ютакой.

— Видишь? — вслух спросил Синдзи. Пока Синдзи возился с баллончиком, Ютака, похоже, уже догадался, что к чему. И теперь несколько раз кивнул.

Тогда Синдзи привязал еще один кусок лески от другой катушке к той леске, что натянулась под воздушным шаром. На всякий случай он замотал узел липкой лентой. Ухватив обеими руками два куска лески, Синдзи стал так двигать воздушным шаром, словно тот передвигался на двух ногах. Затем указал на ближайшее дерево.

Ютака, похоже, наконец-то все понял. И снова дважды энергично кивнул. Вроде бы он снова повторял: «Синдзи, ты гений!» Или просто говорил: «Хватит, достаточно». Так или иначе, это значения не имело.

Синдзи взял ученический блокнот и написал там: *«Мы сделаем еще несколько воздушных шаров и соединим их друг с другом. Но я не знаю, насколько высоко можно поднимать леску. И есть еще ветер. Короче, давай просто приступим».*

Прочтя это, Ютака кивнул.

Синдзи посмотрел вверх. Мешки были черного цвета, а потому даже под лунным светом Сакамоти и компания их разглядеть не могли. Да и ветра пока что особого не было. Хотя, как там еще выше в небе, Синдзи не знал.

— Поспешим, — сказал он.

Жестом указав Ютаке взять у него первый воздушный шар, он принялся надувать еще один пакет для мусора.

Осталось 20 учеников

48

Сёго проснулся в начале одиннадцатого. Сюя все еще присматривал за Норико, которая по-прежнему отдыхала в постели. Ощупью пробравшись по угольно-черной комнате, Сёго вошел в приемную.

— Я сварю кофе, — глядя на Сюю, сказал он. Судя по всему, он прекрасно видел в темноте.

Тогда Сюя вернулся в смотровую, где обнаружил Норико уже сидящей на койке и даже не кутающейся в одеяло.

— Лучше бы ты еще немного отдохнула, — сказал Сюя.

Норико кивнула.

— Ты бы не мог попросить Сёго... — смущенно вымолвила она затем, — может, он вскипятит для меня еще немного воды?

Хотя бы одну чашку. — Норико сидела на краю койки, держа руки на коленях. Лунный свет просачивался через окно. Опустив голову, девочка смотрела куда-то в сторону.

— Конечно... только зачем?

Норико немного поколебалась, затем ответила:

— Я так много потела... хотелось бы просто обтереться... возможно, я слишком много прошу.

— Нет-нет, — отозвался Сюя и быстро кивнул. — Никаких проблем. Пойду ему скажу. — И он вышел из комнаты.

Сидя в темной кухне, Сёго кипятил воду. Кончик сигареты у него во рту светился красным, а кучка древесного угля под кастрюлей напоминала странного светляка.

— Послушай, Сёго, — сказал Сюя. Тот повернулся к нему. Кончик его сигареты прочертил в воздухе толстую красную черту. — Норико спрашивает, нельзя ли ей немного горячей воды. Она говорит, даже одной чашки будет достаточно...

— Ага. — Сёго не стал ничего спрашивать и вынул изо рта сигарету. В слабом лунном свете из окна Сюя заметил, что он улыбается. — Хоть чашку, хоть целое ведро, я не против.

Затем Сёго встал, миской зачерпнул воду из ведра и вылил ее в кастрюлю, после чего еще пять раз повторил то же самое. Углю под кастрюлей он особенно разгораться не давал, чтобы вода в кастрюле все время потихоньку кипела. Сюя почувствовал, как над ним плывет пар.

— Конечно, она же девочка, — заметил Сёго.

В очередной раз выяснилось, что Сёго не такой тугодум, как Сюя. До него сразу дошло, зачем Норико попросила горячей воды.

Сюя промолчал.

— А знаешь, почему она хочет по-прежнему оставаться такой же прелестной? — неожиданно продолжил Сёго. — Потому что она с тобой.

И он выдохнул клуб дыма.

Сюя опять промолчал.

— Могу я тебе чем-то помочь? — спросил он затем.

— Не-а. — Сёго помотал головой. Прищурившись, Сюя разглядел на столе три чашки и ситечко для кофе, куда уже положен был фильтр. Еще там лежал пакетик с чаем для Норико.

— Послушай, Сюя, — вдруг обратился к нему Сёго.

Сюя поднял брови.

— Что случилось? Ты вдруг стал так разговорчив.

Сёго усмехнулся.

— Я понимаю твои переживания в связи с гибелью Еситоки, — продолжил он. — Но о чувствах Норико ты тоже не забывай.

Сюя снова погрузился в молчание. А затем с некоторым недовольством отозвался:

— Сам знаю.

— У тебя есть подружка? — спросил Сёго.

Сюя пожал плечами:

— Да нет.

— Тогда в чем проблема?

Дымя сигаретой, Сёго продолжал смотреть в окно.

— Не так уж скверно, когда тебя любят.

Сюя опять пожал плечами:

— А у тебя кто-то есть? — в свою очередь спросил он.

Кончик сигареты вдруг засветился гораздо сильнее. Сёго ничего не сказал. Дым медленно плыл сквозь тьму.

— Что, секрет?

— Да не то чтобы... — начал было Сёго, но вдруг осекся, выхватил изо рта сигарету и швырнул ее в ведро с водой. — Пригнись, Сюя, — прошептал он и сам тоже пригнулся.

Сюя нервно повиновался. Кто-то собрался на них напасть? Напряжение росло.

— Приведи Норико, — прошептал Сёго. — Только тихо.

Сюя и так уже направлялся в смотровую.

Норико оцепенело сидела на краю койки. Сюя дал ей знак пригнуться. Судя по всему, девочка мгновенно его поняла и, затаив дыхание, осторожно сползла с койки. Пока они пробиралась на кухню, Сюя поддерживал ее под руку. По пути туда он бросил взгляд на стеклянную входную дверь, но за ней никого не было.

Сёго уже собрал их рюкзаки, которые он упаковал вновь наполненными водой бутылками и другими полезными вещами. Теперь он с дробовиком в руках стоял на коленях у задней двери.

— В чем дело? — тихо спросил Сюя. Сёго молча поднял руку. Сюя больше ничего не сказал.

— Кто-то снаружи, — наконец прошептал Сёго. — Когда он попытается войти в одну дверь, мы выйдем в другую.

Во тьме была видна лишь ярко-красная кучка древесного угля под кастрюлей. Впрочем, плита стояла так, что снаружи ее видно не было.

Тут Сюя услышал стук. Поскольку дверь была заперта шваброй, открыться она не могла. Но стекло было разбито, а значит, тот, кто был снаружи, мог догадаться, что кто-то вошел в здание и до сих пор там находится.

Послышался хруст битого стекла. Затем все затихло. Тот, кто был снаружи, вроде бы отказался от попытки войти.

Сёго глухо простонал.

— Черт, если он попытается поджечь дом, нам придется круто.

Они оставались на месте, но никаких звуков по-прежнему не слышали. Наконец Сёго дал им знак двигаться к входной двери. Наверное, он что-то такое услышал.

Все трое почти поползли по коридору.

В какой-то момент Сёго, замыкавший процессию, положил руку на плечо Сюе, который шел впереди. Они остановились. Сюя оглянулся на Сёго.

— Он опять к передней двери идет. — Сёго махнул рукой. — Давайте назад к черному ходу.

Они опять стали пробираться по коридору к кухне.

Однако Сёго опять остановился, прежде чем они туда добрались.

— Какого черта? — прошептал он.

Тот, кто был снаружи, снова направлялся к задней двери.

Сёго сжимал свой дробовик. За ним стояла безоружная Норико. В руке у Сюи был ЗИГ-Зауэр, раньше принадлежавший Каори Минами. (Смит-вессон он отдал Сёго. Сюя сделал выбор в пользу пистолета, в котором было больше пуль.)

Но тут внезапно от кухонного окна донесся голос.

— Это Хироки, — сказал мальчик. — Я не воюю. Вы, трое, отзовитесь. Кто вы?

Этот голос, несомненно, принадлежал Хироки Сугимуре (ученику номер 11). Наряду с Синдзи Мимурой, Хироки был одним из немногих одноклассников, которым Сюя мог доверять.

— Вот это да... — выдохнул Сюя. — Просто невероятно...

Им немыслимо повезло. Сюя уже не надеялся увидеться с Хироки. Они с Норико переглянулись. На лице у девочки читалось облегчение.

Но когда Сюя попытался встать, Сёго его остановил.

— Что такое?

— Тихо. Не повышай голос.

Сюя серьезно посмотрел на Сёго, а затем пожал плечами и улыбнулся.

— Не волнуйся. Я за него ручаюсь. Мы можем полностью ему доверять.

Сёго покачал головой.

— Как он узнал, что нас здесь трое? — спросил он.

Такая мысль Сюе в голову даже не приходила. Теперь, глядя на Сёго, он об этом подумал. И никакого объяснения придумать не смог. Но это было неважно. Важно то, что Хироки здесь. Сюя просто хотел с ним повидаться.

— Возможно, он издали увидел, как мы сюда входим. Потому и не разобрал, кто мы.

— Почему же он так долго сюда добирался?

Сюя опять подумал.

— Наверное, он размышлял, стоит ему выяснять, кто здесь, или нет... В любом случае мы можем доверять Хироки. Я за него ручаюсь.

Сёго такое объяснение явно не удовлетворило, но Сюя больше не стал обращать на него внимания. Он повернул голову к окну и громко сказал:

— Хироки, это Сюя. Я с Сёго Кавадой и Норико Накагавой.

— Сюя!.. — В голосе явно прозвучало облегчение. — Впусти меня. Где мне лучше войти?

Прежде чем Сюя успел ответить, Сёго подал голос.

— Это Сёго. Иди к передней двери. Там встань, положи руки за голову и не двигайся. Понял?

— Сёго... — Сюя уже готов было запротестовать, но Хироки немедленно откликнулся, говоря, что понял. Тень Хироки двинулась мимо окна.

Сёго наклонился, чтобы приглядеться сквозь дырку в стеклянной двери. Не выпуская из рук дробовика, он убрал швабру и отпер дверь.

Хироки Сугимура стоял, держа руки за головой. Ростом он был чуть выше Сёго, но более худощавый. Волосы Хироки, волнистые, как и у Сюи, доходили до середины его лба. У его ног лежал рюкзак, а рядом почему-то полутораметровая палка.

Все оказалось правдой. Сюя изумленно заморгал. Вид его вызвал у Хироки улыбку.

— Эй, Сёго, брось...

Сёго не обратил на протест Сюи никакого внимания и с дробовиком в руках двинулся вперед. Зайдя Хироки за спину, он сперва проверял его руки, сложенные за головой. Затем левой рукой похлопал по школьному пиджаку Хироки.

Рука Сёго остановилась у кармана.

— Это еще что за чертовщина?

— А ты вытащи и посмотри, — отозвался Хироки, по-прежнему держа руки за головой. — Только потом положи на место.

Сёго последовал его совету. Формой штукавина напоминала толстый блокнот, но, скорее всего, была изготовлена из пластика или стали. От верхней панели отражался лунный свет. Немного повозившись с устройством, Сёго удовлетворенно хмыкнул. Отойдя чуть в сторону, он снова опустил взгляд на освещенную лунным светом верхнюю панель. Затем кивнул, положил штукавину обратно Хироки в карман и аккуратно обыскал его до самых кроссовок. Он также обшарил его рюкзак.

— Порядок, — наконец объявил Сёго. — Мои извинения. Можешь опустить руки.

Нагнувшись, Хироки взял палку и рюкзак. Палка, похоже, была его оружием.

— Привет, Хироки, — заулыбался Сюя. — Заходи. У нас есть кофе. Хочешь кофе?

Хироки нерешительно кивнул и вошел. Сёго выглянул наружу, затем запер дверь.

Пройдя внутрь, Хироки остановился. Стоя спиной к шкафчику, со шлепанцами, Сюя внимательно на него смотрел. Ствол ремингтона был опущен, но Сюя заметил палец Сёго на спусковом крючке и испытал легкое раздражение. Впрочем, он изо всех сил постарался никак его не проявить.

Хироки снова взглянул на Сюю и Норико, затем посмотрел на Сёго. Тут-то Сюя и понял, что Хироки смущают не столько они с Норико, сколько то, что они вместе с Сёго.

Эту тему Сёго как раз и затронул.

— Сюя, по-моему, Хироки хочет спросить, хорошо ли вам, ребята, с таким монстром, как я.

Хироки чуть улыбнулся и снова взглянул на Сёго.

— Да нет... — сказал он, — я просто подумал, что это странное сочетание. Будь ты враждебен, Сюя никогда бы с тобой не объединился. Вообще-то Сюя порой ужасно недогадлив, но все-таки не настолько.

Сёго в ответ ухмыльнулся, но пальца со спускового крючка не снял. Так или иначе, с формальным представлением все теперь казалось закончено.

— Брось, Хироки, — улыбнулся ему Сюя.

— Заходи, — сказала Норико. — Но это не наш дом, а потому я не могу извиниться за то, что он грязный.

Хироки улыбнулся, но остался стоять у входа. Левой рукой поддерживая Норико, Сюя указал на коридор.

— Идем. Нам скоро отсюда уходить, так что времени мало. Мы сейчас в твою честь классную вечеринку закатим.

Однако Хироки оставался на месте. Тут Сюя понял, что забыл поделиться с ним одной важной вещью. Хироки вполне мог поразиться тому, что в подобной ситуации Сюя говорит о «вечеринке».

— Хироки, мы можем отсюда выбраться. Сёго нам поможет.

Глаза Хироки расширились:

— Правда?

Сюя кивнул. Хироки опустил взгляд. Затем снова поднял.

— Все дело в том... — сказал он, качая головой, — что я должен кое о чем позаботиться.

— Кое о чем? — Сюя нахмурился. — Хорошо, но почему бы тебе сперва не войти...

Вместо того чтобы принять приглашение, Хироки спросил:

— А вы трое все это время были вместе?

Сюя немного подумал, затем покачал головой.

— Нет... я был с Норико. А потом...

И тут он вспомнил события того утра. Все случилось совсем недавно, и расколотый череп Тацумити Оки встал у него перед глазами. По спине у Сюи снова пробежал холодок.

— Да, много всего случилось, и в конце концов мы объединились с Сёго.

— Понятно. — Хироки кивнул, а затем спросил: — Послушайте, ребята, а вы Котохики не видели?

— Котохики? — удивленно переспросил Сюя. Хироки имел в виду Каёко Котохики (ученицу номер 8). Девочку, которая, несмотря на увлечение чайной церемонией, казалась скорее кокетливой, нежели утонченной?

— Нет... — Сюя покачал головой. — Мы ее не видели, но... — Тут он подумал о Сёго и взглянул на него, но и тот в свою очередь покачал головой.

— Я тоже ее не видел.

Конечно, Каёко Котохики находится где-то на острове. И раз Сакамоти не назвал ее в своих объявлениях, она, вероятно, жива. Да, все верно — если только ее не убили после шести вечера.

Тут Сюя снова подумал о том, что беспомощен и позволяет своим одноклассникам погибать. На душе у него стало совсем скверно.

— А что такое с Котохики? — поинтересовалась Норико.

— Ну... — Хироки покачал головой. — Вообще-то это не так уж и важно. Спасибо. Извините, но я должен идти. — Бросив на Сюю прощальный взгляд, он повернулся к двери.

— Хироки, погоди! — воскликнул Сюя. — Куда ты? Я же сказал, что мы в безопасности, разве не так?

Хироки снова повернулся и посмотрел на Сюю. Глаза его были грустными, но в то же время чуть-чуть насмешливыми. Пожалуй, похожий взгляд был у всех близких друзей Сюи. У Ёситоки Кунинобу (проклятье, ведь он уже погиб!), конечно, у Синдзи Мимуры, а также — как теперь казалось — у Сёго Кавады.

— Мне надо увидеться с Каёко Котохики по одному делу. Так что я должен идти.

По одному делу. Что это могло быть за дело в ситуации, когда любое перемещение только увеличивало твои шансы быть убитым?

— Нет, погоди, — наконец сказал Сюя. — Ты не можешь так просто уйти... по крайней мере, без какого-то настоящего оружия. Это слишком рискованно. Да и как ты собираешься ее найти?

Хироки прикусил нижнюю губу. Затем достал из кармана предмет, похожий на мобильное устройство для сбора данных, и показал его Сюе.

— Вот это «оружие» было в моем рюкзаке. Профессор Кавада все тебе про него разъяснит. — Держа в руке устройство, Хироки указал себе на шею. Серебристые ошейники Сюи, Сёго и Норико тоже сияли под лунным светом. — Судя по всему, это устройство регистрирует каждого, на ком есть такой ошейник. Как только кто-то оказывается поблизости, экран тут же его демонстрирует. Правда, нельзя понять, чей это ошейник.

Тут Сюя, наконец, получил ответ на вопрос Сёго, как Хироки смог понять, что в медпункте их трое, и проследить за их передвижениями. Подобно следящему за ними школьному компьютеру, это устройство могло регистрировать каждого, кто носит ошейник. Пусть даже, как сказал Хироки, разобрать, кто это, было нельзя.

Хироки положил устройство обратно в карман.

— Ладно, увидимся... — Он уже собрался было уйти, но вдруг остановился. — Да, кстати... остерегайтесь Мицуко Сомы, — добавил Хироки, сурово глядя на Сюю, а затем на Сёго. — Она точно участвует в игре. Про остальных я не знаю, зато насчет нее уверен.

— Ты с ней столкнулся? — спросил Сёго.

Хироки покачал головой.

— Нет. Я ее не видел, но Такако... Такако Тигуса мне об этом сказала. Перед тем как умерла. Мицуко убила Такако.

Тут Сюя вдруг вспомнил, что Такако уже мертва. Услышав объявление Сакамоти о ее смерти, он подумал о Хироки, но затем так обрадовался встрече с ним, что совсем об этом забыл.

Да, все верно, Такако и Хироки были очень близки. Какое-то время Сюя даже думал, что они встречаются. Но когда он мимоходом его об этом спросил, Хироки лишь усмехнулся.

— Я ей неровня, — сказал он. — Мы с самого детства друг друга знаем. Прятки и все такое. Когда мы порой дрались, плакал всегда я. (Да, конечно, Такако Тигуса была прекрасной спортсменкой, и агрессии у нее хватало. Но чтобы она одолела Хироки, который был теперь 180 сантиметров ростом и преуспел в боевых искусствах... не так давно, когда Сюя был у него в гостях, Хироки показал ему, как он может ударом ладони расколоть сосновую дощечку.) Нет, сущая нелепость.

Однако теперь Такако Тигуса была мертва. И... судя по тому, как Хироки только что это описал, он был рядом, когда она умирала.

— Значит, ты все это время был с ней? — тихо спросила Норико.

Хироки покачал головой:

— Нет. Только в самом конце. Я... когда я вышел, то спрятался перед школой и стал ее поджидать... но тут вернулся Ёсио, я отвлекся на него и пропустил Такако... а потом... когда я бросился вслед за ней, потерял шанс объединиться с тобой, Сюя, и с Синдзи.

Сюя несколько раз кивнул. Значит, Хироки был перед школой, когда туда вернулся Ёсио Акамацу. Скорее всего, он прятался в лесу. Конечно, это было опасно, однако лишний раз указывало на то, насколько важна для Хироки была Такако.

— В конце концов... — продолжил Хироки, — я все-таки нашел Такако... но... было уже слишком поздно. — Сказав об этом, Хироки опустил глаза. И несколько раз покачал головой. Без дальнейших объяснений Сюя понял, что к тому времени, как Хироки нашел Такако, она уже умирала после нападения Мицуко.

Сюя подумал было рассказать ему о том, как Ёсио Акамацу убил Маюми Тэндо и чуть было не убил его самого, но... это уже не имело значения. Теперь Ёсио Акамацу тоже был мертв.

— Даже не знаю, что сказать... — выговорила Норико. — Мне очень жаль.

Хироки слегка улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он.

— В любом случае заходи, — снова предложил Сюя. — Давай все это обсудим. Что, в самом деле, за...

Он хотел сказать «спешка», но осекся. Если Хироки хотел увидеться с Каёко Котохики, пока они оба еще живы, то что ему еще оставалось делать, кроме как спешить? Тогда как связь Хироки с Такако Тигусой была очевидна, Сюя понятия не имел, почему Хироки так важно найти Каёко Котохики. Но, так или иначе, пока они тут стоят и разговаривают, Каёко вполне может от кого-то отбиваться или даже умирать.

Хироки улыбнулся. Похоже, он понял, о чем задумался Сюя.

Сюя провел языком по пересохшим губам и взглянул на Сёго.

— Если ты так настаиваешь... — Он перевел взгляд на Хироки и продолжил: — Мы найдем ее вместе с тобой.

Но Хироки наотрез отказался.

— Норико ранена, — сказал он, указывая на нее. — Это слишком опасно. Нет.

Ситуация показалась Сюе просто невыносимой.

— Но ведь ты смог бы спастись вместе с нами... А как мы потом встретимся, если ты сейчас уйдешь?.. — Все верно. Если Хироки сейчас уйдет, встретиться снова они уже наверняка не смогут.

— Послушай, Хироки, — вдруг обратился к нему Сёго. Дробовик был по-прежнему у него в руках, но пальца на спусковом крючке он уже не держал. Когда Хироки на него взглянул, Сёго одной рукой вытащил из кармана какую-то маленькую фигурелку. Затем он поднес фигурелку ко рту и прикусил ее металлический кончик, изгибая его. Послышалось птичье чириканье. Звук получился звонкий и радостный. Как у малиновки или синички.

Только когда Сёго отнял руку ото рта, до Сюи дошло, что звук испустила фигурочка — как там она называлась, манок? Если не спрашивать, зачем Сёго этот манок понадобился... такие штуковины обычно использовались для подражания птичьему чириканью.

— Встретишься ты с Каёко Котохики или нет, — сказал Сёго, — если захочешь увидаться с нами, разведи где-нибудь костер и жги сырую древесину, чтобы шел дым. Нет, разведи два костра. И, конечно, как только ты их разведешь, сразу же оттуда уходи, потому что так ты только привлечешь внимание. Позаботься о том, чтобы не вышло пожара. Как только мы эти два костра увидим, мы через каждые пятнадцать минут станем издавать этот зов — скажем, в течение пятнадцати секунд. Следуй на звук и постарайся нас найти.

Он указал на манок.

— Этот звук — твой билет с этого острова. Если соберешься, можешь подсесть на наш поезд.

Хироки кивнул.

— Спасибо. Я так и сделаю.

Сёго достал карту, развернул ее и вместе с карандашом отдал Хироки.

— Извини, что я тебя задерживаю, но мне нужно, чтобы ты отметил то место, где была убита Такако. Если ты видел кого-то еще, мне также нужно знать где.

Хироки слегка поднял брови. Тем не менее он разложил карту на шкафчике для шлепанцев и взялся за карандаш.

— Дай мне твою карту, — сказал Сёго. — Я укажу там те места, где мы видели мертвые тела.

Хироки прервался и отдал ему свою карту. Устроившись бок о бок, они принялись за дело.

— Я принесу кофе, — сказала Норико. Затем она отпустила руку Сюи и, опираясь о стену, захромала по коридору.

— Такако не сказала, есть ли у Мицуко автомат? — продолжая заполнять карту, спросил Сёго.

— Нет, — не поднимая глаз, ответил Хироки. — Об этом она ничего не сказала. Но я точно знаю, что в нее стреляли несколько раз. Там была не одна пуля.

— Понятно.

Пока они молча занимались делом, Сюя рассказал Хироки про Ёсио Акамацу, Тацумити Оки и Кёити Мотобути. Тот кивал, продолжая писать.

Наконец Сёго закончил делать пометки на карте Хироки и стал объяснять.

— Вот здесь была убита Каори Минами. Сюя видел, как оттуда сбежала Хироно Симидзу. Она вполне могла сделать это из самозащиты. Но тебе в любом случае следует ее остерегаться.

Хироки кивнул.

— Я тоже видел Каори, — неожиданно сообщил он, указывая на карту. — До полудня. Она в меня выстрелила. Но я думаю, она просто паниковала.

Сёго кивнул и обменялся с Хироки картами.

Норико вышла из коридора с чашкой в руках. Двигалась она не очень уверенно, так что Сюя пошел девочке навстречу и взял у нее чашку. Затем он протянул чашку Хироки. Тот понюхал кофе и слегка присвистнул.

— Спасибо, — сказал он и сделал глоток. Затем поставил почти полную чашку на пол у самого входа. — Ладно, увидимся.

— Держи. — Сюя вытащил из-под ремня ЗИГ-Зауэр, повернул его дулом к себе и протянул пистолет Хироки. Он также достал из кармана коробку с патронами. — Если ты по-прежнему настаиваешь на том, чтобы уйти, возьми его, ладно? У нас есть обрез и еще один пистолет.

Смит-вессон, прежде принадлежавший Кёити Мотобути, был теперь у Сёго. То, что Сюя отдавал ЗИГ-Зауэр, уменьшало их огневую мощь, но Сёго возражать не стал.

Однако Хироки покачал головой.

— Тебе он нужнее, Сюя. Лучше как следует защищай Норико. Я не могу его взять. Даже если кто-то на меня нападет, я просто не смогу выстрелить. — Он наклонил голову, внимательно глядя на Сюю и Норико. На лице у него появилась легкая улыбка. Затем Хироки добавил: — Меня всегда удивляло, почему вы вместе не ходите. — Затем он кивнул каждому из троих и тихонько отпер входную дверь.

— Хироки, — негромко сказала Норико. — Будь осторожен.

— Хорошо. Спасибо. Удачи вам, ребята.

— Хироки... — Сюя почти задышался, но все же сумел выговорить: — Мы еще встретимся. Обещаю.

Хироки кивнул и вышел из медпункта. Тогда Сюя взял Норико под руку, и они, выйдя наружу, стали наблюдать за тем, как Хироки быстро поднимается по горе.

Не говоря ни слова, Сёго жестом предложил Сюе с Норико вернуться назад и запер дверь.

Сюя глубоко вздохнул. От чашки, которую Хироки оставил на полу, все еще поднимался пар.

Осталось 20 учеников

Луна висела высоко в небе — вокруг нее ни облачка. Белый свет почти полной луны укрыл тонкой пленкой весь небосвод, скрывая звезды.

Сёго, идущий первым, вдруг остановился. Сюя, который поддерживал Норико, тоже остановился.

— Ну как, ничего? — спросил Сюя у Норико.

Девочка кивнула:

— Все хорошо. — Но Сюя чувствовал, что ее все еще пошатывает.

Затем Сюя взглянул на часы. Шел двенадцатый час, но они уже вышли из сектора Ж=9, который стал запретной зоной. Теперь им предстояло найти себе какое-то другое пристанище и там обустроиться.

Пока что Сюя, Сёго и Норико пробирались вдоль подножия северной горы обратно тем же путем, которым сюда пришли. В этом районе было много деревьев. Непосредственно слева от них виднелась ровная узкая полоска земли, которая тянулась от жилого района на восточном берегу острова. Ровный участок, усеянный домами, постепенно сужаясь, образовывал треугольник.

Дорога, ведущая в глубь острова, предположительно пересекала этот треугольник и вела к западному берегу.

Сёго обернулся.

— Что дальше? — спросил он. Поверх его рюкзака лежало одеяло для Норико.

— А не можем мы опять в доме остановиться?

— В доме... — Отвернувшись от Сюи, Сёго стал, прищурившись, оглядывать местность. — Думаю, это не самая удачная мысль. По мере уменьшения числа доступных зон, уменьшается и количество подходящих домов. В тот момент, когда кому-то что-то понадобится, он может решиться зайти в дом. Поесть там, к примеру, или еще зачем-нибудь.

— Если вы беспокоитесь обо мне, — вмешалась Норико, — то мне теперь хорошо. Что в доме, что на улице.

Сёго слегка улыбнулся и молча принялся изучать ровную полоску земли. Осматриваясь, он, судя по всему, учитывал и отметки, сделанные Хироки.

Перечисляя увиденные им трупы, Хироки подробно рассказал, как именно эти ученики погибли. Тело Кадзуси Нииды лежало совсем рядом с тем местом, где умерла Такако Тигуса. У Кадзуси были выдавлены глаза (!) и проткнуто сердце. В жилом районе, который стал теперь запретной зоной, обнаружен труп Мэгуми Это. У Мэгуми было перерезано горло. (При упоминании об этом у Сюи вдруг закололо в груди, поскольку Норико сказала ему, что Мэгуми была в него влюблена.) К востоку от этого места, примерно на границе жилого района на восточном побережье, были убиты Ёдзи Курамото и Ёсими Яхаги. У Ёдзи зияла колотая рана в голове, а Ёсими была застрелена. У южной оконечности острова друг рядом с другом лежали трупы Идзуми Канаи, Хироси Куронаги, Рюхэя Сасагавы и Мицуру Нумаи. Мицуру был застрелен, а всем остальным кто-то перерезал горло. Три члена «семьи Кириямы» погибли вместе, и единственным исключением стал Сё Цукиока, который попался в запретной зоне.

— Сёго, — позвал Сюя. Тот обернулся. — Ты не думаешь, что Мицуко Сома убила Юмико и Юкико?

Даже теперь, когда Сюя вслух об этом спросил, все это казалось таким нереальным. Ему просто не верилось, что девочка на такое способна. Конечно, раз Хироки им об этом сообщил, Сюя не сомневался, и все же ему очень хотелось бы считать это какой-то фантазией.

— Нет. — Сёго покачал головой. — Я так не думаю. Если ты помнишь, после того, как Юмико и Юкико были расстреляны из автомата, мы слышали пистолетные

выстрелы. Это были контрольные выстрелы — чтобы наверняка с ними покончить. Но Хироки сказал, что Такако, получив несколько пуль, была все еще жива, когда он ее нашел. Стало быть, ее убийца был не столь последователен. Кроме того, учитывая время и место всех этих событий, я не думаю, что с автоматом ходит Мицуко Сома.

Сюя словно вновь услышал автоматные очереди, которые он слышал до девяти утра. Убийца по-прежнему бродил по острову. А далекий пистолетный огонь вскоре после тех очередей... это стреляла Мицуко Сома?

— В конечном итоге... — Сёго усмехнулся и покачал головой, — мы с тем автоматчиком повстречаемся. Тогда мы точно узнаем, кто он такой. Или кто она такая.

Тут Сюя высказал еще одну мысль, которая его тревожила.

— Когда Хироки показал нам свой радар, я подумал, что Сакамоти должен знать, что мы вместе, а также где мы.

Сёго снова принялся изучать ровную полосу земли.

— Это точно, — кратко ответил он.

Сюя слегка переменял позу, чтобы удобней поддерживать Норико.

— А это не мешает нам спастись?

Не оборачиваясь к Сюе, Сёго усмехнулся.

— Не-а. Ничуть. Не волнуйся. — Затем Сёго в очередной раз глянул на ровную полосу земли и предложил: — Давайте вернемся туда, где мы были.

Сюя промолчал.

— Обычная стратегия тех, кто в эту игру играет, — продолжил Сёго, — заключается в том, чтобы оказываться всюду, где они что-то такое слышат. Так получается из-за 24-часового ограничения. Именно из-за него они убивают, когда только могут. Они действуют в одиночку, а значит, не могут много спать. Стало быть, они заинтересованы в том, чтобы игра оказалась как можно короче. А потому, как только поблизости что-то случается, они направляются туда, и, если бой уже идет, сидят и ждут, после чего приканчивают уцелевших. Вот почему мы все время должны оставаться там, где нам удастся избежать любых стычек. Если мы с кем-то столкнемся и этот кто-то запаникует, тогда один из главных игроков наверняка там покажется. В таком случае, если мы вернемся туда, где мы были, маловероятно, что мы с кем-то там встретимся. Поскольку Тацумити Оки и Кёити Мотобути, которые там прятались, уже нет в живых, тот район чертовски безлюден.

— Но в ту сторону побежала Хироно Симидзу.

— Сомневаюсь, что она так далеко забралась. Но она могла спрятаться где-то на этой горе. А потому мы ее обойдем. Мы выберем другой маршрут. Вон там. — Сёго указал на ровный участок земли.

Сюя удивленно поднял брови:

— Разве не опасно будет двигаться по ровной земле?

Сёго улыбнулся и покачал головой:

— Луна, конечно, ярко сияет, но сейчас все же не день. Думаю, там нам будет безопаснее, чем на горе, где слишком много разных укрытий.

Сюя кивнул. Ведя их за собой, Сёго стал спускаться по склону. Сюя поддерживал Норико и крепко сжимал в правой руке ЗИГ-Зауэр.

Полоса деревьев закончилась, и дальше начинался участок, покрытый невысокой травой. Затем они вышли на поле с тыквами. За тыквенным полем оказалось пшеничное. Остров был невелик, а потому все это, скорее всего, выращивали для местного потребления. Конечно, Народная Республика Дальневосточная Азия постоянно издавала указы о росте национального производства, так что даже маленькая ферма могла внести посильный вклад в благое дело. Сюя, Сёго и Норико шли вдоль края поля, почва у них под ногами была сухой, наверное, из-за того, что прошло уже несколько дней с тех пор, как этот район был эвакуирован. И все же Сюю поразил роскошный аромат пшеницы в вечернем воздухе, чудесный, летний.

Прекрасный запах. Особенно после того, как им всем пришлось нанюхаться крови.

Слева стоял трактор, чуть поодаль виднелся дом.

Вполне обычный двухэтажный дом казался сравнительно новым. Вероятно, это была одна из дешевых построек массового производства. Хотя дом располагался в самом центре фермы, его окружала бетонная стена.

Сюя посмотрел в спину идущему впереди Сёго. И вдруг его словно что-то такое кольнуло.

Сюя резко обернулся и увидел над головой, опирающейся на его левое плечо Норико, летящий в небе предмет. Описывая дугу, предмет поблескивал в лунном свете. Он летел прямо к ним.

Осталось 20 учеников

50

Столь блестящим бейсболистом Лиги юниоров стал Сюя прежде всего благодаря своей невероятной способности реагировать на движущиеся предметы. Даже в слабом свете Сюя смог различить, что летящий к ним предмет напоминает консервную банку. Конечно, раз они находились в сравнительно безветренном районе Внутреннего Японского моря, вряд ли здесь так запросто падали с неба консервные банки. Консервной банкой этот предмет никак быть не мог.

Нет.

Сюя внезапно высвободил левое плечо, на которое опиралась Норико. У него даже не было времени позвать Сёго. Но тот, должно быть, и так почувствовал неладное, поскольку вдруг оглянулся. Норико, лишившись поддержки Сюи, неуверенно пошатывалась.

Сюя метнулся вперед. Он обладал совершенно феноменальной прыгучестью. В прошлом во время префектурных полуфиналов Лиги юниоров он мог играть из любой позиции, буквально выкрадывая у противников даже в конце одиннадцатого иннинга победный хоум-ран.

Сюя левой рукой прямо в воздухе поймал мячик, то есть мнимую консервную банку. Затем, уже опускаясь, переложил ее в правую руку, выгнулся и швырнул «банку» как можно дальше. Прежде чем Сюя приземлился, яркий свет засиял в ночи.

Воздух буквально взорвался, и жуткий грохот ударил Сюе по барабанным перепонкам. Ударная волна отбросила его в сторону, и Сюя упал на землю. Если бы он подождал, пока ручная граната упадет на землю, из Сюи, Сёго и Норико сейчас получился бы мясной фарш. Хотя команда Сакамоти наверняка уменьшила взрывную силу гранаты, чтобы ее нельзя было использовать для взрыва школы, убивать людей она очень даже могла.

Сюя поднял голову. И понял, что ничего не слышит. Слух начисто ему отказал. В гробовой тишине Сюя увидел, что слева от него упала Норико. Затем он поднял глаза, чтобы взглянуть на Сёго... и увидел, как к ним летит еще одна фаната.

«Еще одна! — лихорадочно подумал Сюя. — Я должен...»

Но было уже слишком поздно.

До его многострадальных ушей донесся глухой, но вполне различимый выстрел, а затем — еще один взрыв. Звук этого взрыва также показался Сюе глуховатым. Еще ему показалось, что на сей раз взрыв прогремел чуть дальше, и Сюю никуда не отбросило. Рядом с ним стоял на одном колене Сёго, сжимая в руках дробовик. Подбив ручную гранату, точно при стрельбе по тарелочкам, он еще до взрыва разорвал ее на куски.

Сюя подскочил к Норико и поднял ее. Лицо девочки было искажено болью. Казалось, она стонала, но Сюя ее не слышал.

— Сюя, ложись!

Сёго левой рукой ему махнул, а правой выстрелил из дробовика. Затем Сюя расслышал другой звук, треск автоматной очереди, и колосья пшеницы прямо перед ним разлетелись по сторонам. Сёго еще дважды выстрелил. В полной неразберихе Сюя оттянул Норико в тень у края поля. И сам туда же упал. Стреляя на ходу, Сёго тоже туда перебрался. Последовала еще одна очередь, и почва взлетела вверх, а пшеничные зерна посыпались им в глаза.

Вытащив из-за пояса ЗИГ-Зауэр, Сюя выглянул из тени гребня. Затем наугад выстрелил в ту же сторону, что и Сёго.

Наконец он увидел врага. За проломом в бетонной стене дома мелькнула уникальная прическа с зализанными назад волосами.

Это был Кадзуо Кирияма (ученик номер 6). Хотя слух Сюе почти отказывал, теперь он понял, что треск этих очередей кажется ему очень знакомым. Конечно, здесь мог быть не один автоматчик, и все же знакомой также была подлость, с какой Кадзуо Кирияма попытался без всякого предупреждения их убить. Причем как убить — забросав ручными гранатами!

Теперь Сюя не сомневался, что именно Кадзуо убил Юми-ко и Юкико. Вспомнив об этом, он ощутил прилив ярости.

— Что... что он такое творит?!

— Кончай орать, просто стреляй! — Сёго передал Сюе смит-вессон и перезарядил дробовик.

Сжимая в каждой руке по пистолету, Сюя принялся бешено палить в бетонную стену. (Стрельба с обеих рук! Просто безумие!) Сперва патроны кончились в смит-вессоне, затем и в ЗИГ-Зауэре. Теперь ему требовалось перезарядка!

Дождавшись этого момента, Кадзуо встал. Трах-тах-тах. От него россыпью летели снаряды. Сюя пригнулся, и Кадзуо чуть выступил из-за стены.

Сёго выпалил из дробовика. Кадзуо снова скрылся. Рой дроби снес часть стены.

Сюя извлек из ЗИГ-Зауэра пустой магазин и достал из кармана полный. Затем вскрыл барабан смирта-вессона и надавил на шомпол в центре барабана, выталкивая пустые гильзы. Одна из гильз чуть не опалила ему большой палец, но это было неважно. Сюя быстро зарядил смит-вессон патронами калибра .38, которые катнул ему Сёго. Затем снова прицелился в дом Кадзуо.

Сёго опять выстрелил, снося еще один кусочек стены. Сюя тоже несколько раз выстрелил туда из ЗИГ-Зауэра.

— Норико! Ты как? — крикнул Сюя. Услышав отклик «хорошо», он понял, что слух к нему возвращается. Затем краем глаза Сюя увидел, как Норико заряжает короткие пули 9 калибра в пустой магазин ЗИГ-Зауэра. Хотя с начала игры он уже всякого навиделся, тут его голова совсем закружилась. Как могла такая девочка, как Норико, участвовать в подобном сражении...

Из-за стены показалась рука. В руке был пистолет-пулемет ингрэм. Снова затрещала очередь. Сюя и Сёго пригнулись.

Кадзуо встал. Продолжая стрелять, он пошел вперед. Затем забежал за трактор. Расстояние между ними все сокращалось.

Сёго выстрелил, сметая приводную панель трактора.

— Сёго, — дважды выстрелив, позвал его Сюя.

— Что? — откликнулся Сёго, перезаряжая дробовик.

— Как ты стометровку бегаешь?

Сёго еще раз выпалил.

— Чертовски медленно, — ответил он. — Может, за тринадцать секунд. Зато у меня крепкая спина. А что?

Внезапно из-за трактора высунулась рука Кадзуо. Сразу же полетели искры. Но как только Сюя и Сёго выстрелили в ответ, Кадзуо снова нырнул за трактор.

— Мы можем отступить только к горе, верно? — быстро заговорил Сюя. — Я стометровку секунд за одиннадцать бегаю. Вы с Норико идите вперед. А я задержу Кадзуо.

Сёго молча взглянул на Сюю. Он мгновенно все понял.

— Там же, где мы были, Сюя, — быстро сказал Сёго. — Там, где о роке разговаривали. — Передав Сюю свой дробовик, он снова пригнулся. Затем переполз к Норико.

Сюя глубоко вздохнул и трижды выстрелил в трактор из дробовика, давая возможность Сёго поднять Норико и двинуться назад, туда, откуда они пришли. Убегая, Норико встревоженно взглянула на Сюю.

Из-за трактора появился Кадзуо. Сюя несколько раз выстрелил из дробовика. Кадзуо, который прицелился было в Сёго и Норико, снова нырнул за трактор. Сюя понял, что патроны в дробовике кончились, взял вместо него смит-вессон и опять начал стрелять. Пять пуль из барабана ушли почти сразу же. Тогда Сюя взял ЗИГ-Зауэр, вставил туда запасной магазин, подготовленный Норико, и снова принялся палить. Очень важно сейчас было не прекращать стрельбу.

Наконец Сюя увидел, как Сёго с Норико исчезают в лесу на горе.

Магазин ЗИГ-Зауэра тоже опустел, а запасных больше не было. Теперь Сюе нужно было самому перезаряжать оружие...

Но тут из-за ковша трактора появилась рука Кадзуо. Ингрэм снова затрещал. Совсем как тогда на горе. А потом Кадзуо побежал к нему!

Сюя обязан выбраться из этой перестрелки. Тогда он схватил пустой ЗИГ-Зауэр (у него по-прежнему оставалось семь коротких пуль 9 калибра), вскочил и побежал. Если бы ему удалось добраться до горы, там было, где спрятаться. Там Кадзуо к нему бы не подобрался. Но Сюя решил бежать на восток. Сёго и Норико направлялись на запад, туда, где они были вчера. Сюе хотелось как можно дальше увести от них Кадзуо.

Теперь все решала его спринтерская скорость. Сюя должен за максимально короткое время убраться как можно дальше от Кадзуо. Пистолет-пулемет выпускал целый град пуль, и, находясь вблизи, увернуться от них просто невозможно. Значит, очень важно было увеличить дистанцию.

И Сюя понесся во весь дух. Лучший спринтер в классе (по крайней мере, он сам так считал, на долю секунды обгоняя Синдзи Мимуру — если, конечно, Кадзуо действительно прилагал все усилия во время пробных забегов), он теперь мог рассчитывать только на свою скорость.

Когда Сюе показалось, что он уже метрах в пяти от ближайшего дерева, послышался треск. А потом что-то ударило его в левый бок.

Сюя застонал, начиная терять равновесие, но продолжил бег. Влетев в рощицу из высоких деревьев, он понесся вверх по склону. Треск возобновился, и теперь левая рука Сюи рефлекторно взлетела вверх. Он понял, что пуля попала в руку как раз над локтем.

Но Сюя по-прежнему бежал во весь дух. Продолжая двигаться прямо на восток, он вдруг вспомнил, что там запретная зона, и свернул на север. Тонкое деревце справа от Сюи с треском разлетелось на спичинки.

Еще очередь. На сей раз его не задело. Или задело. Сюя уже не понимал. Он только знал, что за ним гонятся. По крайней мере, он уводил Кадзуо от Сёго и Норико.

Пробираясь сквозь деревья и кусты, Сюя поднялся на холм, а затем стал с него спускаться. Сейчас он даже не мог позволить себе тревожиться о том, что кто-то может прятаться в темноте, собираясь на него напасть. Сюя понятия не имел, как далеко на северо-восток он забрался. Он даже не был уверен, действительно ли это северо-восток. Порой ему казалось, что сзади слышится треск очередей. А порой казалось, что нет. Возможно, его слух все-таки был поврежден тем взрывом. Так или иначе, успокаиваться было рано. Дальше. Он должен был убраться как можно дальше.

Внезапно Сюя оступился. Оказалось, он добежал до края утеса, и дальше шел крутой склон. Точно так же, как случилось в бою с Тацумити Оки, Сюя беспомощно закувыркался по этому склону. Наконец он с глухим стуком упал на землю. ЗИГ-Зауэра у него в руке уже не было. А когда Сюя попытался встать...

...То понял, что не может. «Возможно, я брежу от потери крови? — обалдело подумал он. — Или... или мне в голову попало?»

Голова страшно кружилась.

«Нет, — подумал Сюя. — Не могло меня так тяжело ранить, чтобы я не встал. Я должен вернуться к Сёго и Норико... должен защищать Норико... я обещал...»

Но когда он снова попытался встать, то упал ничком...

...И потерял сознание.

Осталось 20 учеников

51

Вокруг царила почти кромешная тьма, но у окна, в которое проникал слабый лунный свет, можно было хоть что-то разглядеть. Синдзи снова швырнул на пол то, что держал в руке. Звук удара приглушило толстое, в несколько раз сложенное одеяло, но после глухого стука там определенно послышалось гудение.

Синдзи немедленно подобрал с пола то, что он бросил, а затем засунул небольшую пластиковую штуковинку под одеяло. Звук затих.

— Брось, идем, — поторопил его Ютака, нетерпеливо наблюдая за происходящим. Однако Синдзи жестом велел ему успокоиться и повторил испытание.

Бум, дззз. Опять то же самое. Синдзи подобрал штуковинку, и она перестала гудеть.

«Исправно ли это устройство? — подумал Синдзи. — Если нет, все тщательные приготовления пойдут прахом. Может, еще одна попытка?..»

— Надо спешить, — снова вмешался Ютака. Лицо Синдзи вспыхнуло было гневом, но он тут же сумел его подавить. Не вполне удовлетворенный экспериментом, он все же кивнул и решил заканчивать. Отсоединив проводочный вывод, связывающий аккумулятор с использованным для эксперимента миниатюрным моторчиком, Синдзи принялся отдирать липкую ленту, крепящую блок моторчика к батарееке.

Синдзи с Ютакой опять находились в «Ассоциации сельскохозяйственных кооперативов Северного Такамацу, филиал острова Окисима».

Это здание, как школа и рыбацкий склад в гавани, было одним из самых больших на острове. На складе площадью с баскетбольное поле хранилось различное фермерское оборудование включая трактор и комбайн. Еще там стоял небольшой грузовик без одного колеса, приподнятый на домкрате и, скорее всего, ожидающий починки. В одном из углов штабелями лежали мешки с удобрениями. (Впрочем, опасный нитрат аммония хранился за этими штабелями в большом шкафу с висячим замком, который Синдзи взломал.) Обшитые шифером стены были высотой по

меньшей мере пять метров, а вдоль северной стены располагались антресоли, где хранились удобрения, инсектициды и разные другие припасы. По восточной стене с антресолей спускалась стальная лестница, а под этой лестницей находилась большая задвижная дверь склада. Рядом с дверью, в юго-восточном углу склада, располагалось конторское помещение, отделенное перегородками от остальной его части. Через открытую дверь в одной из перегородок Синдзи были видны очертания конторского стола и факса.

Протянуть леску через сектор Ж=7, где находилась школа, стало большой проблемой. Первым делом Синдзи привязал один конец лески к верхушке высокого дерева на скале, на которую они взобрались. Затем он взял другой конец и пошел было между деревьев, но тут в дело вмешался сильный порыв ветра. Управлять воздушным шаром из пакета для мусора оказалось очень тяжело. По меньшей мере раз десять Синдзи приходилось залезать на деревья, чтобы высвободить застрявшую там леску. Вдобавок во тьме где угодно мог затаиться враг, и Синдзи постоянно беспокоился за Ютаку. Напряжение вконец его измотало.

Однако часа через три Синдзи все-таки сумел натянуть леску. И тут послышалась перестрелка. Шел уже двенадцатый час ночи. Еще Синдзи услышал взрыв, но решил, что не может позволить себе ввязаться в эту разборку. Тогда они с Ютакой поспешили обратно к фермерскому складу. Когда они туда добрались, перестрелка уже закончилась.

Наконец Синдзи принялся собирать электрический детонатор, но и это оказалось очень нелегко. Нужных инструментов у него не имелось, а монтаж устройства требовал определенной точности. Электрический ток должен был пробежать через устройство в момент его удара о школу, но в то же самое время следовало позаботиться о том, чтобы штуковина не получилась слишком чувствительной и не сдетонировала раньше времени от удара о какой-нибудь выступ.

И все же неведь как Синдзи сумел соорудить нужное устройство, вместо детонатора используя для его испытания моторчик, изъятый им из электробритвы. Как только он приступил к проверке, другими словами, считанные минуты тому назад, они прослушали полуночное объявление Сакамоти. Единственной погибшей оказалась Хироно Симидзу (ученица номер 10), которую Синдзи мельком видел вскоре после начала игры. Он только успел подумать, что, возможно, эта смерть — результат той интенсивной перестрелки, как Сакамоти объявил кое-что куда более важное и срочное — по крайней мере, для них с Ютакой. Сектор Е=7, куда входил скалистый утес, на который они забирались, чтобы осмотреть окрестности школы, в час ночи должен был стать запретной зоной.

Неудивительно, что Ютака проявлял такое нетерпение. Если бы они не успели войти в ту зону, все приготовления пошли бы прахом. Для них это означало бы конец. После столь хитроумной комбинации Синдзи никак не хотел в одном шаге от мата попасть в смертельную ловушку.

Синдзи быстро вытащил электрический детонатор из трубочки, прикрепленной к его ножу. Затем соединил два цилиндрика и снял изоляцию с проволочного вывода. Липкой лентой закрепив в нужном положении пластиковую пружинку, служащую электрическим переключателем, Синдзи взял кончик проволочного вывода от детонатора и связал его с проводом, идущим от зарядного устройства. Затем, надежно

замотав соединение липкой лентой, смонтировал рядом с батареей конденсаторную плату, взятую им из фотовспышки. Для абсолютной надежности детонатора ему требовался выход высокого напряжения. Синдзи подсоединил проводки также и к этому устройству. Чтобы избежать случайной детонации, оставшийся провод от электрического детонатора он решил подсоединить уже на вершине горы, а пока что приклеить его освобожденный от изоляции кончик к боку батарейки.

— Порядок.

Синдзи встал и положил готовое детонаторное устройство себе в карман.

— Давай скорее. Время не ждет.

Ютака кивнул. На всякий случай Синдзи бросил себе в рюкзак все необходимые инструменты, включая кусачки и запасной проволочный вывод, после чего закинул на плечи несколько мотков веревки, которую они с Ютакой разделили пополам. Затем опустил взгляд. На полу стояла канистра, заполненная смесью бензина и нитратом аммония. Чтобы добавить в смесь кислород, Синдзи сунул туда изоляционный материал, в котором содержался воздух. Отверстие канистры было плотно закрыто крышкой, но рядом к ручке была привязана пластиковым шнуром другая резиновая крышка, играющая роль держателя для детонатора.

Синдзи взглянул на часы. 00.09. У них была еще уйма времени.

Ну ладно. Синдзи аж дрожал от волнения. Потребовалась масса усилий, но теперь у них было все необходимое. Они соединят все веревки в одну длинную и привяжут ее конец к дереву в секторе З=7. Другой конец веревки они привяжут к концу уже протянутой рыболовной лески, придавленному хорошим булыжником. Затем расправят всю веревку и оставят ее там, после чего обойдут школу и поднимутся по горе в сектор Е=7. Взявшись за привязанный к дереву конец лески, они ее смотают и тем самым подтянут туда веревку. Дальше они приспособят блок к гондоле из канистры с детонаторным устройством и протянут веревку через этот блок. А потом одним быстрым движением натянут веревку и привяжут ее к дереву. Тогда все остальное станет... сплошной забавой! Веселись, пижон! Оба-на! Держите, ребята, не то уроните!

Как только они нанесут какой-либо урон школьному компьютеру, его электропитанию или соединениям, люди Сакамоти заподозрят системную поломку. Хотя нет. Учитывая мощь взрывчатки, весь компьютер, нет, полшколы уйдет под откос. Тогда Синдзи с Ютакой возьмут припрятанные ими за скалой в секторе Е=7 автомобильные камеры и рванут к западному берегу, чтобы сбежать морем, как планировалось. Если им удастся сбить с толку власти, посылая при помощи транзисторного радиоприемника ложный сигнал SOS, и, согласно прикидкам, менее чем за полчаса добраться до следующего острова, Тоёсимы, они угонят оттуда моторку. (У Синдзи уже имелся опыт управления моторным катером. Теперь он начинал по-настоящему ценить все те премудрости, которым обучил его покойный дядя.) Дальше их целью станет город Окаяма. Если они благополучно высадутся на безлюдном берегу, все будет отлично. У Окаямы они сядут на товарный поезд, направляющийся в глубь страны. Или позаимствуют у кого-нибудь автомобиль. В конце концов, у Синдзи есть пистолет. Крутой угон! Вот классно!

Тут Синдзи взглянул на беретту М-92Ф у себя за поясом. Вообще-то, он рассчитывал ускользнуть, просто сбив власти с толку, но на тот случай, если в море их все-таки найдут, Синдзи заполнил своей патентованной смесью бензина с нитратом аммония несколько бутылок из-под кока-колы и засунул их себе в рюкзак. Если их засекут, лучше всего будет плыть к сторожевому кораблю, забираться на борт и драться. В случае удачи они завладеют оружием врага, а если у них к тому же получится управлять кораблем, он станет их средством к спасению. Но чтобы все это выполнить, Синдзи придется проявить себя классным стрелком.

В связи с этим он был малость... обеспокоен. Да, Синдзи бегал по всему острову со своей береттой, но, если вдуматься, еще ни разу из нее не стрелял. А поскольку даже у его дяди не было пистолета, его не учили им пользоваться.

Но тут Синдзи покачал головой. Третий. Синдзи Мимура. Нет проблем. Когда он в первый раз сжал в руках тяжелый баскетбольный мяч и выполнил штрафной бросок, снаряд полетел точно в корзину.

— Синдзи, — обратился к нему Ютака.

Синдзи поднял голову:

— Ты готов?

— Нет... — жалобно отозвался Ютака, принимаясь нервно карябать у себя в блокноте.

Подойдя к окну, Синдзи прочел записку. Она гласила: *«Не могу найти блок»*.

Синдзи посмотрел на Ютаку. И подумал о том, что вид у него сейчас, наверное, просто зверский. Ютака аж отпрянул.

Ютака отвечал за перенос мотков веревки и блока. С тех пор как Синдзи снял блок с колодца, Ютака все время носил его с собой и клал там, где ему было удобно.

Синдзи снова положил на пол рюкзак и мотки веревки. Затем опустился на колени и принялся обшаривать все вокруг. Ютака последовал его примеру.

Они упорно шарили в темноте, заглядывали за трактор и под рабочий стол, но нигде не могли найти блок. Синдзи встал и снова взглянул на часы. Было уже почти 00.15.

Наконец Синдзи все же решился достать из рюкзака фонарик. Прикрыв лампочку ладонью, он его включил. Сперва Синдзи увидел озабоченное лицо Ютаки, а затем с легкостью разглядел блок, лежащий у стены за рабочим столом. Штуковина была в каком-то метре от валяющегося на полу рюкзака Ютаки.

Синдзи указал Ютаке в нужное место и тут же выключил фонарик. Ютака быстро схватил блок.

— Извини, Синдзи, — виновато сказал он.

Синдзи сумел ухмыльнуться.

— Ничего, Ютака. Проехали.

Он снова взвалил на плечи рюкзак и мотки веревки. Затем поднял канистру. Синдзи был уверен в своих силах, хотя и знал, что придется тяжело. Веревка была еще

полбеда, но ему предстояло отнести на самый верх горы двадцатикилограммовую канистру. Причем в темпе.

Ютака взял свою часть поклажи (под тяжестью груза он напоминал черепаху, придавленную собственным панцирем, хотя Синдзи, наверное, смотрелся не лучше), и друзья направились к задвижной двери в восточной стене здания. Дверь была сантиметров на десять приоткрыта, и туда проникал тонкий лучик бледно-голубого лунного света.

— Мне так жаль, Синдзи, — снова стал извиняться Ютака.

— Все в порядке. Брось расстраиваться. Давай лучше позаботимся о том, чтобы дальше все шло как по маслу.

Подхватив канистру левой рукой, правую Синдзи положил на тяжелую стальную дверь и толкнул. Луч бледно-голубого света резко расширился.

Снаружи располагалась незаасфальтированная автостоянка. Въезд на нее был справа. Фасад фермерского склада выходил на узкую дорогу. У входа стоял автомобиль-универсал. Широкая дорога вдоль острова шла чуть к югу от этой.

Впереди, к востоку от автостоянки, виднелась ферма из нескольких домов, дальше еще одна группа домов, и их было видно даже в ночи.

Слева, на самом краю участка, Синдзи заметил складской сарайчик, дальше вверх по горе была школа, а еще дальше высился утес. У двухэтажного здания перед школой росло несколько деревьев. Синдзи с Ютакой планировали привязать веревку к самому высокому из них. Леску они закрепили непосредственно слева от тех деревьев. Таким образом, леска тянулась над школой напрямик к возвышенному утесу в центре, покрывая расстояние в триста метров.

«Даже не верится, что я весь этот план разработал, — подумал Синдзи. — Неужели леска действительно поднимет веревку на гору и не порвется?»

Синдзи перевел дух, а затем, хорошенько все обдумав, решил кое-что Ютаке сказать. Не имело значения, что это дойдет до ушей Сакамоти.

— Слушай, Ютака.

Тот взглянул на Синдзи.

— Что?

— Мы можем погибнуть. Ты к этому готов?

Ютака немного помолчал.

— Да, готов, — твердо ответил он затем.

— Тогда хорошо.

Снова ухватившись за ручку канистры, Синдзи попытался через силу улыбнуться, однако...

...Улыбка его пропала, как только он краем глаза кое-что заметил.

К востоку от автостоянки на поле появилась какая-то фигура.

— Ютака!

Синдзи схватил друга за руку и побежал с ним назад, чтобы спрятаться за дверь обшитою шифером здания фермерского склада. Придавленный тяжелой ношей, Ютака зашатался, но все же сумел за ним последовать. К тому времени, как они притаились, Синдзи уже целился в фигуру из пистолета.

— Синдзи! — завопила фигура. — Не стреляй! Пожалуйста, не надо! Это я! Кэйта!

Синдзи мгновенно сообразил, что это Кэйта Иидзима (ученик номер 2). В принципе, Синдзи и Ютака были с Кэйта на хорошей ноге (в конце концов, они с самого первого года были одноклассниками). Однако Синдзи не испытывал особой радости при мысли о том, что к ним кто-то присоединится. Нет, он куда как понимал, что это создаст проблемы. И в этот момент он вдруг понял, что до сих пор не слишком задумывался о возможности объединения с кем бы то ни было. «Черт, — подумал Синдзи, — как это некстати!»

— Это Кэйта, Синдзи. Брось, это Кэйта.

Синдзи подумал, что взволнованный Ютака встрял в самое неподходящее время.

Кэйта медленно выпрямился и подошел к зданию фермерского склада. В левой руке у него был рюкзак, а в правой — что-то вроде кухонного ножа.

— Я увидел свет, — осторожно объяснил он.

Синдзи стиснул зубы. Наверняка это был свет от фонарика, который он включил, чтобы найти блок. «Как можно было так напортачить, поспешно воспользовавшись фонариком?» — мысленно укорил себя Синдзи.

— Тогда я пришел сюда и увидел, что это вы, — продолжил Кэйта. — Что вы тут делаете, ребята? Что это вы несете? Веревку? Позвольте мне... позвольте мне к вам присоединиться.

Зная, что их разговоры прослушиваются, Ютака нахмурил брови и молча взглянул на Синдзи. Глаза его широко раскрылись, когда он увидел, что Синдзи так и не опустил пистолет.

— Ты что, Синдзи? Что происходит?

Синдзи поднял правую ладонь, запрещая Ютаке двигаться вперед.

— Тихо, Ютака. Стой на месте.

— Послушай, Синдзи, — дрожащим голосом вымолвил Кэйта, — зачем ты в меня целишься?

Синдзи глубоко вздохнул.

— Не двигайся, — велел он Кэйте и тут же заметил, что Ютака весь напрягся.

Жалобное лицо Кэйты Иидзимы стало еще лучше видно в лунном свете, когда он сделал шаг вперед.

— Почему, Синдзи? Почему ты меня не пускаешь? Разве ты меня забыл? Позвольте мне, ребята, к вам присоединиться.

Синдзи со щелчком взвел курок беретты. Кэйта Иидзима остановился. Между ними все еще была приличная дистанция — семь-восемь метров.

— Не подходи, — медленно произнес Синдзи. — Я не могу позволить тебе к нам присоединиться.

Ютака в голос застонал:

— Почему, Синдзи? Ведь Кэйте мы точно можем доверять. Синдзи покачал головой. «Да, Ютака, — подумал он, — ты просто кое-чего про нас не знаешь».

Вообще-то ничего такого особенного у них с Кэйтей не произошло. По сути это был вполне обыденный инцидент.

* * *

Дело было в марте, в конце второго года их обучения. Синдзи и Кэйти Иидзима поехали в Такамацу посмотреть фильм (в Сироиве не было кинотеатра). Ютака тоже должен был поехать, но простудился.

Как раз тогда Синдзи и столкнулся с тремя крутыми на вид учениками старшей средней школы в проулке за главной улицей рядом с торговым пассажем. Фильм Синдзи с Кэйтей уже посмотрели и направились было к железнодорожной станции, зайдя перед этим в книжный и музыкальный магазин (Синдзи приобретал импортные книги. Порой случались удачные находки. Пусть даже это была чисто техническая литература, власти строго запрещали западные книги, так что раздобыть их было нелегко). Но тут Кэйти вспомнил, что забыл купить какие-то комиксы, и один вернулся в книжный магазин.

А Синдзи остался его ждать.

— Эй, пацан, бабки есть? — спросил один из старшеклассников. Щербатый парень был по меньшей мере сантиметров на десять выше Синдзи, который со своими 172 сантиметрами для баскетболиста был все-таки низковат.

Синдзи пожал плечами.

— Кажется, у меня есть 2571 иена.

Первый парень посмотрел на двух других, словно бы говоря: «Вот лопух». А затем наклонился к самому уху Синдзи. То ли он торчал на пятновыводителе, то ли еще на каком-то идиотском наркотике, модном в то время, но с деснами у парня было совсем скверно, а изо рта у него страшно воняло. «Чисти зубы, приятель», — подумал Синдзи.

— Давай их сюда, — сказал парень. — Ну, живо.

Синдзи сделал изумленное лицо.

— Ах, ребята, — воскликнул он, — так вы бездомные! Тогда вам следует двадцатью иенами ограничиться. Если вы встанете на колени и хорошо попросите, я, пожалуй, смогу вам их дать.

Щербатый явно удивился, а двое его приятелей ухмыльнулись.

— Ты ведь все еще в младшей средней, верно? Тебе следует научиться уважать старших, — сказал щербатый, хватая Синдзи за плечи. Затем он ударил его коленом в живот. Синдзи напряг брюшной пресс. Особой боли не было. Такой пинок коленом

следовало расценивать всего лишь как угрозу. Эти уроды никогда бы не справились с парнем их возраста.

Синдзи спокойно оттолкнул старшекласника.

— Что это было? — поинтересовался он. — Русский прием?

Эти парни, скорее всего, даже не знали, где находится Россия. Однако тон Синдзи, похоже, разозлил щербатого, и его худая уродливая физиономия перекосилась.

— Нет. Вот он. — И парень ударил Синдзи по лицу. Тоже было не очень больно, но Синдзи прокусил губу собственным зубом.

Синдзи сунул указательный палец в рот, ощупывая порез. Затем вынул палец. Там была кровь. Сушная ерунда.

— В темпе. Гони монету.

По-прежнему стоя с опущенной головой, Синдзи ухмыльнулся. А затем поднял взгляд. Когда его глаза встретились с глазами щербатого, тому явно стало не по себе.

— Ты первый начал, — шутливо сказал Синдзи. А потом резко вогнал импортную книгу в твердой обложке прямоком в вонючий рот щербатого. Передние зубы парня сломались, а голова запрокинулась.

На всю драку потребовалось от силы секунд десять. Естественно что, помимо всего прочего, дядя научил Синдзи и кое-каким боевым приемам. Это было вполне тривиально.

Нетривиальным, однако, стало кое-что еще.

Гневно поглядывая на прохожих, которые глазели на валяющихся на земле старшекласников, Синдзи направился обратно в книжный магазин и нашел Кэйту в отделе комиксов. Книжка, за которой тот вернулся, уже лежала в корзине. Похоже, Кэйта бесцельно что-то пролистывал.

— Извини, — сказал он, когда Синдзи его окликнул, — мне тут еще одну книжку захотелось. — Затем глаза Кэйты широко раскрылись, и он спросил: — Что у тебя с губой?

Синдзи лишь пожал плечами.

— Поехали домой, — сказал он.

На самом деле Синдзи знал, что Кэйта уже выходил из магазина, но, на долю секунды вынырнув из-за угла, тут же вернулся обратно. Он тогда подумал, что Кэйта решил позвонить в полицию. (Хотя, раз она была так занята борьбой с порядочными гражданами вместо преступников, на нее вряд ли стоило рассчитывать.) «А тебе, оказывается, — подумал Синдзи, — просто еще одну книжку захотелось. Понятно».

Скорее всего, Кэйта подумал, что Синдзи разберется с тремя старшекласниками без проблем. И оказался прав. Наверняка Кэйта не хотел получать синяки и шишки, ввязываясь в драку. Ну и ладно. Кроме того, те старшекласники могли бы очень хорошо запомнить лицо Кэйты, вызови тот полицию. Это точно. И Кэйта не имел ни малейших намерений извиняться перед Синдзи. Тоже верно. Порой, чтобы все текло по-прежнему, правду лучше не говорить.

Да, такое порой происходит. Как частенько говаривал дядя Синдзи, трусов нельзя винить за их изворотливость. Не могут они за все на свете отвечать.

Однако у технической книги, которую купил Синдзи, оказалась порвана обложка. Сверх того, ее корешок был помят зубами щербатого парня и заляпан его слюной. Вот это Синдзи по-настоящему достало. Всякий раз, как он открывал ту книгу, перед ним вставала гнусная щербатая рожа. А самое главное — Синдзи терпеть не мог рваных или грязных книг. Когда Синдзи читал свои книги, он всегда надевал на них полиэтиленовую обложку.

Его дядя также говаривал кое-что еще. Если ты не можешь смириться с результатами, тебе следует наказать того, кто несет за них ответственность. Пусть даже задним числом.

Таким образом, в порядке наказания Синдзи решил отныне избегать Кэйты Иидзимы. Наказание казалось ему не слишком суровым. В конце концов, он же не стал ему врагом. Просто они больше не были друзьями. Так было лучше для них обоих.

В целом история вышла вполне обыденная. И Ютаке Синдзи никогда ее не рассказывал.

Однако в этой игре из-за подобной обыденной истории вполне можно погибнуть. «Нет, дядя, это не месть, — подумал Синдзи. — Это то, что ты называл реальной действительностью. Я просто не могу с ним дружить».

* * *

— Это правда. — Откликаясь на заверение Ютаки, Кэйта Иидзима развел руками. В лунном свете блеснул кухонный нож. — Я думал, мы друзья.

Пистолет Синдзи по-прежнему не опускал.

Видя его непреклонность, Кэйта, похоже, собрался залиться слезами. Он бросил кухонный нож на землю.

— Видишь? Я не хочу драться. Теперь ты видишь?

Синдзи покачал головой:

— Убирайся.

Лицо Кэйты вспыхнуло гневом:

— Почему? Почему ты мне не доверяешь?

— Синдзи...

— Заткнись, Ютака.

Лицо Кэйты застыло. Немного помолчав, он дрожащим голосом спросил:

— Скажи, Синдзи, это из-за того, как я поступил в тот раз? Когда я убежал? Ты мне поэтому не доверяешь?

Синдзи молча целился в него из пистолета.

— Синдзи... — Голос Кэйты снова стал жалобным. Он чуть не плакал: — Прости меня, Синдзи. Мне правда очень жаль...

Синдзи сжал губы и задумался, искренен ли Кэйта или просто прикидывается. Но затем он отбросил все лишние мысли и сказал себе: «Я не один. Я не могу ставить под угрозу еще и жизнь Ютаки». Существовал афоризм, приписываемый министру обороны какого-то государства: «Мы должны защищаться, принимая в расчет силу наших противников, а не их намерения». Час ночи был уже не за горами.

— Синдзи, что происходит?..

Правой рукой Синдзи отодвинул Ютаку назад.

А Кэйта сделал еще шаг вперед.

— Пожалуйста. Мне так страшно. Пожалуйста, позволь мне к вам присоединиться.

— Не подходи! — крикнул Синдзи.

Жалобная физиономия Кэйты Иидзимы исказилась. Он помотал головой и сделал еще один шаг вперед.

Синдзи в первый раз нажал на спусковой крючок. Выскочившая из беретты гильза описала в лунном свете бледно-голубую дугу. Из-под ног у Кэйты взлетело облачко пыли. Кэйта с таким видом уставился на облачко, словно здесь проводился некий химический эксперимент.

Но затем он снова пошел вперед.

— Стой! А ну стой!

— Пожалуйста, Синдзи. Позволь мне к вам присоединиться. Пожалуйста.

Точно механическая кукла, Кэйта шагал вперед. Правой, левой, правой, левой...

Синдзи стиснул зубы. Если Кэйта вытащит что-то помимо ножа, то наверняка правой рукой.

«Сможешь как следует прицелиться? — спросил себя Синдзи. — Это уже будет не просто угроза. Сможешь? Нет проблем».

Времени больше не оставалось. Синдзи нажал на спусковой крючок.

И почувствовал, как влажный палец чуть-чуть соскальзывает.

Все случилось так внезапно. Кэйта вдруг согнулся пополам, словно его ударили по загривку. Развел руки в стороны, точно толкатель ядра перед решающей попыткой, но затем колени его подогнулись, и он повалился на спину. Даже в темноте Синдзи разглядел, как из груди Кэйты, с правой стороны, фонтанчиком бьет кровь. Все произошло просто мгновенно.

— Синдзи! Ты что? — заорал Ютака, подбегая к Кэйте. Опустившись на колени, он потрогал неподвижное тело, и рот его немо раскрылся. Секунду поколебавшись, Ютака коснулся шеи Кэйты. Лицо его побелело. — Он мертв...

Не выпуская из рук беретты, Синдзи стоял столбом. Казалось, он ни о чем не думает, но на самом деле мысли металась у него в голове. «Как же все по-дурацки», — снова и снова твердил ему голос. Станным образом голос этот звучал гулко, как бывает в душевой, когда сам с собой разговариваешь.

«Как по-дурацки, — думал Синдзи. — Я думал, ты Третий, Синдзи Мимура, снайпер, который никогда не промахивается. Лучший бросающий игрок школы, Синдзи Мимура, верно?»

Наконец Синдзи выпрямился и пошел вперед. Тело его отяжелело, словно он вдруг превратился в киборга. В один прекрасный день Синдзи Мимура проснулся и обнаружил, что стал Терминатором. Вот класс!

Синдзи медленно подошел к труп Кэйты Иидзимы.

— Зачем, Синдзи? Зачем ты его убил?

— Я подумал, мы окажемся в опасности, если у Кэйты есть что-то помимо ножа, — ответил он. — Я целился ему в руку. Я не хотел его убивать.

Услышав это, Ютака обыскал труп Кэйты Иидзимы. Затем, словно желая поставить на этом точку, порылся у него в рюкзаке.

— У него ничего не было! — наконец воскликнул Ютака. — Ты что, Синдзи?! Как ты мог?! Почему ты ему не доверял?!

Синдзи внезапно ощутил какую-то пустоту. Но ведь это было необходимо! «А, дядя? — лихорадочно подумал он. — Ведь я все сделал правильно? Да? Правда?»

Синдзи молча смотрел на Ютаку. Но ведь... да-да, все верно... они должны были спешить. Нельзя было допускать, чтобы какая-либо ошибка их задержала.

Только Синдзи собрался об этом сказать, как в лице Ютаки вдруг что-то переменялось.

Губы его задрожали.

— Нет, Синдзи, — залопотал Ютака. — Только не говори мне...

Синдзи понятия не имел, что Ютака имеет в виду.

— Ты о чем? — спросил он.

Ютака быстро отступил. Теперь их разделяла небольшая дистанция.

Едва шевеля дрожащими губами, Ютака произнес:

— Синдзи... ведь ты намеренно это сделал...

Синдзи стиснул зубы и еще крепче сжал в левой руке беретту.

— Хочешь сказать, я убил Кэйту, чтобы сэкономить время? Так?

Ютака бешено замотал головой. Затем еще немного отступил.

— Нет... нет... весь этот план...

Хмуро сдвинув брови, Синдзи уставился на Ютаку. На что он намекал?

— План нашего спасения... это был просто... просто...

Ютака по-прежнему выражался довольно бессвязно, однако Синдзи, чей компьютерный ум был невероятно быстр, понял, о чем идет речь.

«Нет, — подумал он, — не может быть... Но что тогда может быть?»

Ютака обвинял Синдзи в том, что у него на самом деле не было никакого намерения сбежать. Что все это время он просто собирался участвовать в игре. Потому-то он и застрелил Кэйту.

На лице у Синдзи выразилось полное отчаяние. Затем он вдруг понял, что рот его широко раскрыт.

— Не будь идиотом! — крикнул Синдзи. — На кой черт ты мне тогда понадобился?!

Ютака дрожал, качая головой.

— Ты просто... просто...

Ютака больше не выдавил из себя ни слова, но Синдзи опять все понял. Он хотел сказать, что Синдзи просто использовал его в собственных целях. К примеру, чтобы Ютака стоял на страже, пока Синдзи спит. «Секундочку, Ютака, — подумал Синдзи, — но ведь я использовал компьютер, чтобы добраться до Сакамоти, и даже когда этот план рухнул, я тут же придумал другой. Раз я, по-твоему, такой коварный, чего ради мне тогда было возиться с компьютером и мобильником? Чтобы твое доверие завоевать? Значит, ты говоришь, моим тайным намерением было использовать бензин и удобрение, чтобы лучше защищаться и победить в игре? Говоришь, у меня был всего лишь пистолет, и классная взрывчатка могла помочь мне выжить? Говоришь, что готовясь осуществить план по бомбардировке школы, я собирался сказать: „Не-а, давай не будем“? Точно так же, как я сказал „ничего не выходит“, когда мне отрубили связь? Нет-нет, еще секундочку, а как насчет той лески, которую мы натянули над школой? По-твоему, я собирался на этом острове бизнесом заняться? По доставке канистр при помощи лески? Да еще когда здесь все телефонные линии отключены? Или ты говоришь, что это было просто очередное притворство? Или что у меня какой-то план, о котором ты даже представления не имеешь? Когда ты сообщил мне, что хочешь отомстить за смерть Идзуми Канаи, а я сказал, что буду тебе помогать, ты заплакал. Значит, и тот мой отклик тоже был ложью и предательством? Нет, Ютака, это уже слишком. Как только начнешь подозревать, конца этому не будет. И все же ты слишком далеко зашел. На самом деле это просто смешно. Куда забавнее твоих шуток. Ты слишком устал, Ютака, и теряешь чувство юмора».

Если бы у Синдзи была возможность шаг за шагом изложить каждый довод, Ютака наверняка понял бы, как нелепы его подозрения. Все могло объясняться просто усталостью и шоком от зрелища того, как один его близкий друг убил другого. Именно сочетание этих факторов внезапно вывело на поверхность те подозрения, что таились где-то в глубине души Ютаки. Но... раз они вышли на поверхность, значит, Ютака с самого начала в чем-то таком Синдзи подозревал. А ему подозревать Ютаку даже в голову не приходило.

Внезапно Синдзи ощутил страшную усталость. «Горизонтальный двенадцатицилиндровый турбомотор, — подумал он. — Такой уровень усталости — просто высший класс, сэр. Так точно. По-настоящему классная работа».

Синдзи поставил беретту на предохранитель и бросил ее Ютаке. Тот поколебался, но все же поймал пистолет.

Затем Синдзи опустошенно уперся руками в колени.

— Вот что, Ютака. Если ты мне не доверяешь, тогда стреляй. Просто застрели меня. Мне наплевать. — Оставаясь в той же позе, он продолжил: — Я застрелил Кэйту, чтобы защитить тебя, Ютака. Проклятье.

Сперва Ютака смущенно на него посмотрел. А потом залился слезами, заохал и подбежал к Синдзи.

Положив руку Синдзи на плечо, Ютака в голос зарыдал. А Синдзи, все так же упираясь руками в колени, смотрел в землю. И вдруг понял, что глаза его тоже наполняются слезами.

Голос разума откуда-то издалека твердил ему: «Брось, Синдзи, брось. Тебе сейчас надо куда более важными делами заняться. Посмотри, как вы оба уязвимы, пока вот так хнычете. Разве ты забыл, что кругом враги? Взгляни на часы, черт побери, твое время кончается...» Этот голос странным образом очень напоминал дядин.

Однако нервы Синдзи были слишком издерганы, тело его страшно устало, а чувства совсем смешались от подозрений Ютаки. К этому предостережению он не прислушался.

Синдзи просто плакал. «Эх, Ютака, — думал он, — я пытался тебя защитить. Как ты мог меня подозревать? Я тебе доверял... хотя Кэйта Иидзима, быть может, испытывал то же самое. Как ужасно недоверие со стороны того, кому доверяешь! Я совершил чудовищную ошибку».

Вконец измученный тоской, усталостью и сожалением, Синдзи внезапно услышал треск, очень похожий на работу старой пишущей машинки.

А долю секунды спустя ему показалось, будто в него сразу в нескольких местах вцепились раскаленные щипцы.

Ранения были смертельными, но боль мигом привела Синдзи в чувство. Ютака, чья рука лежала у него на плече, упал на землю. В дальнем конце автостоянки у фермерского склада появилась фигура в школьной форме. Фигура держала в руках оружие — кое-что побольше пистолета. Скорее оно напоминало неровную жестяную коробку. Синдзи наконец понял, что в него попали пули — причем те самые пули, которые прошли тело Ютаки.

Собственное тело казалось Синдзи горячим и скованным («ха, тот парень только что меня свинцовыми пулями начинил!»), тем не менее он машинально упал влево и подобрал беретту, которую выронил Ютака. А потом прицелился в ту фигуру — в Кадзуо Кирияму (ученика номер 6) — и несколько раз выстрелил ему в живот.

Однако раньше, чем эти пули его достигли, Кадзуо Кирияма резко сдвинулся вправо. А потом снова раздался треск, и в руках у Кадзуо вспыхнул настоящий фейерверк.

Новые удары в правый бок, левое плечо и грудь Синдзи оказались куда сильнее прежних. Беретта выпала из его левой руки, но Синдзи уже бежал назад к фермерскому складу. Он на миг зашатался, а затем пригнулся и рыбкой нырнул в открытую задвижную дверь. Град пуль несся ему вслед, и когда Синдзи уже показалось, что он от них улизнул, одна из пуль все-таки отстрелила носок кроссовки вместе с пальцами на правой ноге. На сей раз Синдзи скривился от боли, пронзившей все его тело.

Но отдыхать ему было некогда. Синдзи ухватил стоящую у задвижной двери канистру и на левом боку отполз в темноту — туда, где стояли трактор и комбайн. Канистру он волок правой рукой.

Кровь лилась у него изо рта. В теле уже сидел по меньшей мере десятка пуль. Несмотря на острую боль в правой ступне, Синдзи сумел извернуться, взглянуть на отстреленный носок кроссовки и подумать: «Похоже, в мячик мне больше не сыграть. Наверняка. По крайней мере, в стартовый состав я уже точно не попаду. Конец моей баскетбольной карьере».

Но еще больше Синдзи беспокоился о Ютаке. Может быть, он все еще жив?

«Кадзуо, — яростно подумал Синдзи, харкая кровью и сжимая зубы, — ты ублюдок. Значит, ты все-таки решил сыграть в эту игру. Тогда иди ко мне, дорогой. Ютака уже не может двигаться, зато я могу. О Ютаке ты потом позаботишься. Сперва давай ко мне. Иди, иди сюда, сволочь».

Словно откликаясь на этот призыв, в полоске бледно-голубого света из задвижной двери появилась фигура в школьной форме. Лежа под трактором, Синдзи сумел ее хорошо разглядеть.

А потом опять раздался треск, словно бы запыхали фотовспышки, и пули веером рассыпались по темному складу. Все вокруг рвалось на мелкие кусочки, а окно напротив разлетелось осколками стекла.

Очередь смолкла. У Кадзуо кончились пули. Но он, конечно, зарядит другой магазин.

Схватив лежащую рядом отвертку, Синдзи швырнул ее влево. Железка обо что-то лязгнула, а потом стукнулась о бетонный пол.

Синдзи думал, что Кадзуо выстрелит прямо туда, но он вместо этого рассеял пули по дуге вокруг отвертки. Синдзи прижался к полу, моля, чтобы в него не попало. Стрельба прекратилась. Синдзи снова поднял голову.

Теперь... теперь он знал, что Кадзуо уже внутри здания.

«Отлично, — подумал Синдзи, пока его окровавленные губы кривились в улыбке. — Я здесь, Кадзуо. Иди сюда».

Правой рукой Синдзи поднял канистру и положил ее себе на живот. Затем, отчаянно стараясь не издать ни звука, стал отползать на левом боку еще дальше. Наткнувшись спиной на что-то твердое, он взял чуть в сторону и продолжил отступление. Двигался Синдзи совершенно неслышно. Теперь Кадзуо уже знал, что он прячется где-то здесь. В такой тьме льющаяся из Синдзи кровь никак его не выдавала.

Наконец Кадзуо пригнулся и стал искать под трактором и комбайном, постепенно приближаясь к Синдзи.

Синдзи огляделся. Ему с трудом удалось различить очертание антресолей на противоположной стене, а также стальную лестницу, которая вела туда от двери. Будь Синдзи сейчас в лучшей форме, он смог бы спрыгнуть оттуда на Кадзуо. Но это уже было невозможно.

У восточной стены стояла тележка. Обычная ручная тележка на четырех колесиках для перевозки всякой всячины. За тележкой находилось конторское помещение, а еще

дальше — черный ход. В полностью раскрытую переднюю задвижную дверь легко проходил автомобиль, но задняя предназначалась только для людей. Дверь черного хода была заперта.

«Эта дверь... — подумал Синдзи, — я запер ее вместе со всеми остальными дверями и окнами. Интересно, как быстро я смогу ее отпереть?»

Времени это обдумать не оставалось. Синдзи подполз к тележке. Аккуратно положил на нее канистру. Открыл крышку. Втолкнул туда резиновую штуковинку, свисающую с пластикового шнура.

Затем Синдзи достал из кармана детонационное устройство. Негнущимися от слабости пальцами он в конце концов сумел отклеить липкую ленту от бока батарейки, обнажая оголенный провод, идущий от трубочки детонатора. Этот провод Синдзи соединил с выводом цепи конденсатора. Затем снял изоляцию с батарейки. Услышав слабое гудение стремительного разряда конденсатора, Синдзи быстро отклеил липкую ленту от переключателя зарядного устройства и втолкнул трубочку детонатора в резиновую пробку канистры. У него уже не было времени все это дело закрепить. Справа от молотилки он увидел ноги Кадзуо.

Шансы были совсем дохлыми. «Но теперь, когда мы с Ютакой ранены, — подумал Синдзи, — до горы нам уже точно не добраться. А потому, Кадзуо... у нас тут для тебя славный сюрприз!»

Левой ногой Синдзи изо всех сил толкнул тележку. Как только она покатила вперед, Синдзи метнулся к задней двери, даже не потрудившись посмотреть, направляется ли тележка к Кадзуо.

Дверь он отпер за долю секунды. Чтобы туда прорваться и выпрыгнуть из склада, Синдзи даже пришлось опираться на правую ногу с оторванными пальцами.

Обшитые шифером стены фермерского склада у Синдзи за спиной внезапно разнес на куски взрыв, потрясший весь маленький остров. Грохот ручной гранаты Кадзуо, вызвавший у Сюи временную глухоту, с этой жутью даже рядом не стоял. «Ух ты, — подумал Синдзи, — вот и моим барабанным перепонкам кранты».

Брошенный взрывом на землю, Синдзи ободрал кожу на лбу. Мимо летели всевозможные куски и обломки. И все-таки Синдзи смог оглянуться и увидеть, как на месте стены склада в воздухе вверх колесами плывет грузовик. Вероятно, раз он был приподнят домкратом, взрыв долбанул его снизу и отправил в полет. Машина медленно поворачивалась в воздухе, нафаршированной осколками стекла, шифером и бетоном (Синдзи показалось, что некоторые осколки вонзились ему в тело, но те, которые он видел сейчас, летели напрямиком в небо). Пролетев по длинной дуге, грузовик боком рухнул на автостоянку. Там он перевернулся еще на девяносто градусов и наконец замер, лежа колесами вверх. Кузов машины был перекручен точно выжатая тряпка, а лишенное шины колесо неведь каким образом умудрилось по-прежнему крутиться и крутиться.

Обломки продолжали падать на землю. От погруженного в гигантские клубы дыма фермерского склада осталась только северная стена, та самая, к которой были пристроены антресоли. Всю южную часть крыши как ветром сдуло, а машины и фермерская утварь валялись на земле как попало. Даже во тьме Синдзи смог понять, что они выгорели дочерна. Он также заметил несколько ярких костров, где что-то

такое пылало. Задняя дверь, через которую выскочил Синдзи, теперь одной нижней петлей крепилась к жалкому остатку стены, словно бы ему кланяясь. Вся контора вместе с перегородками бесследно исчезла. Впрочем, Синдзи вскоре удалось разглядеть конторский стол, припертый сдутым со своего места комбайном к уцелевшей стене.

Какой-то предмет, должно быть, оказался подброшен высоко в небо, поскольку уже после падения остальных обломков он с металлическим звоном приземлился где-то в дыму. Но этого звона Синдзи уже не слышал.

Сам того не понимая, Синдзи отчаянно силился выбраться из-под обломков стен и другого мусора. Когда же ему наконец это удалось и Синдзи увидел открывшуюся перед ним картину, он аж ахнул.

Да, самодельная бомба из канистры сработала на славу. При такой разрушительной силе наверняка всю школу разнесло бы.

Но теперь все было кончено. И все же самое важное, что Синдзи сумел нанести поражение врагу. Нет, было нечто еще более важное...

— Ютака... — слабо пробормотал Синдзи, наконец-то вставая на правое колено среди обломков. В тот момент, когда он открыл рот, из него хлынула кровь, а от груди к животу пробежала невыносимая боль. Но он уперся руками, аккуратно поставил правую ногу на пятку, затем уперся левой ногой и неведь как умудрился встать. Синдзи напряженно взгляделся в сторону автостоянки — туда, где лежал Ютака...

...И вдруг заметил, как помятая дверца перевернутого грузовика с глухим скрипом открывается. (Он даже смог расслышать этот скрип — должно быть, слух все-таки к нему возвращался.)

Кадзуо Кирияма сошел на землю. В правой руке он, как ни в чем не бывало, держал коробчатый пистолет-пулемет.

Синдзи показалось, что ему сейчас следовало бы расхохотаться. Наверное, его окровавленные губы даже смогли сподобиться на улыбку.

«Да ты шутишь, Кадзуо!» — весело подумал Синдзи.

И тут Кадзуо выстрелил. На сей раз по Синдзи ударил град пуль калибра 9 мм, отбрасывая его назад. Спина его во что-то уперлась. Это не имело ровным счетом никакого значения, но Синдзи почему-то подумал, что в спину ему давит бампер припаркованного у склада автомобиля, который также оказался отброшен взрывом и задом врезался в телеграфный столб.

Освещаемый яркими кострами, среди руин, стоял Кадзуо, спокойно и недвижно. У него за спиной Синдзи разглядел лежащего ничком Ютаку, почти засыпанного обломками. Совсем рядом с Ютакой на спине лежал Кэйта Иидзима, и голова его была повернута к Синдзи.

«Черт, — подумал Синдзи, — Кадзуо, я все-таки тебе проиграл».

И еще: «Прости, Ютака, я ненадолго утратил бдительность».

И еще: «Скажи, дядя, как все по-дурацки, да?»

И еще: «Икуми, сестренка, влюбись и будь счастлива. А я... кажется... уже не смогу...»

Пулемет Кадзуо Кириямы снова затрещал, и мысли Синдзи внезапно оборвались. Выстрелы разодрали в клочья кору его головного мозга. А рядом с головой Синдзи окончательно разбилось треснувшее ветровое стекло автомобиля-универсала.

Большинство осколков соскользнуло в машину, однако более мелкие частички попадали на тело Синдзи, уже и без того обильно покрытое пылью и мусором.

Синдзи медленно упал ничком. Ударом подбросило обломки рухнувшего склада. Потребовалось менее тридцати секунд, чтобы умер не только его мозг, но и тело. Память о любимом дяде — сережка, которую носила его возлюбленная, — теперь была обагрена кровью, вытекающей из левого уха Синдзи. Мальчик, известный как Третий, Синдзи Мимура, был теперь мертв.

Осталось 17 учеников

Часть 3

Конечная фаза

Осталось 17 учеников

52

Сидя в кустах, укрытая наброшенным на плечи одеялом, Норико смотрела в землю. Вокруг было очень темно, а насекомые гудели так, как гудит лампа дневного света, прежде чем перегореть.

Как только они с Сёго сюда добрались, раздалось полночное объявление Сакамоти. Было объявлено о смерти Хироно Симидзу (ученицы номер 10), которая — хотя сама Норико этого не видела — убила Каори Минами и сбежала от Сюи. Дальше были перечислены еще три запретные зоны. В час ночи — Е=7, в три — Ж=3 и в пять утра — Д=4. Сектор, где находились Норико и Сёго, по-прежнему оставался безопасным. Имя Сюи Сакамоти не упомянул, однако...

Минут через десять — двадцать после объявления снова раздались далекие выстрелы, а затем — треск того автомата. Сердце Норико замерло. Стрельба не прекращалась. Это стреляло оружие Кадзуо Кириямы. Если только еще кто-то такого же не получил. Так или иначе, Норико, естественно, встревожилась, не добрался ли наконец Кадзуо до Сюи.

Однако прежде чем она смогла поделиться своей тревогой с Сёго, раздался ужасный взрыв. Ручная граната, брошенная в них Кадзуо Кириямой, ни в какое сравнение с этим кошмаром не шла. После взрыва раздалась еще пара автоматных очередей. А потом остров снова погрузился в тишину.

Жуткий грохот удивил даже Сёго, который вырезал ножом что-то вроде стрелы. Он резко прекратил работу.

— Хочу посмотреть, что там, — сказал Сёго. — Не вставай. — Он вышел из кустов, но очень скоро вернулся и сообщил: — На юго-востоке горит какое-то здание.

Норико попыталась спросить, не связано ли это с Сюей, но Сёго отрицательно покачал головой.

— Он достаточно далеко к югу от того места, где был Кири-яма, — сказал он. — Сюя пробежал к восточному склону горы, так что там его быть не может. Давай здесь его подождем.

Норико почувствовала облегчение. Однако с тех пор прошел уже почти час, а Сюя так и не вернулся.

Норико протянула руку к лучику лунного света шириной с монету, проникавшему сквозь ветви, и посмотрела на часы: 02.12. Этот жест она повторяла словно магический ритуал.

Затем девочка зарылась головой в колени.

Ужасная картина всплыла у нее перед глазами: лицо Сюи. Рот приоткрыт, а глаза смотрят куда-то вдаль. Примерно так он выглядел, когда на одной из перемен исполнял в классе пения «Представь себе» Джона Леннона (Сюя сказал, что это классический образчик рока). Но теперь на лбу у него была большая черная точка, вроде как у индусов. И оттуда вдруг потекла кровь. Черная точка оказалась на самом деле очень глубокой дырой. Кровь струилась со лба, заливая лицо... ручейки разбегались быстро, как трещины по разбитому стеклу...

Норико всем телом задрожала, замотала головой, стараясь отогнать жуткую картину, и посмотрела на Сёго. Привалившись к стволу дерева, тот курил очередную сигарету. Рядом с ним лежал самодельный лук. В землю было воткнуто несколько стрел.

— Сёго, — позвала Норико.

Во тьме был виден только его силуэт. Сёго вынул изо рта сигарету и оперся правой ладонью на приподнятое колено.

— Что?

— Сюя уже должен быть здесь.

Сёго снова сунул в рот сигарету. Кончик ее покраснел, слегка освещая его невозмутимое лицо. Затем лицо Сёго снова помрачнело, и дым поплыл у него изо рта.

— Угу.

Его спокойный тон раздражал, но Норико напомнила себе, как Сёго несколько раз спасал их с Сюей, и сдержалась.

— Должно быть... что-то случилось.

— Вероятно.

— В каком смысле «вероятно»?

Темный силуэт поднял руки. Горящая сигарета чуть-чуть передвинулась.

— Успокойся. Это определенно было оружие Кадзуо. Если только точно такой же пистолет-пулемет еще кому-то не выдали. А взрыв, который произошел, означает, что Кадзуо сражался с кем-то еще. Сюя от него сбежал. Это я знаю наверняка.

— Почему же он тогда не...

Сёго ее перебил:

— Наверное, он где-то прячется. Или заблудился.

Норико покачала головой.

— Он может быть ранен. Или хуже того...

Тут по спине у нее побежали мурашки. Дальше так продолжаться не могло. Перед глазами у Норико снова возник образ Сюи с полуоткрытым ртом и алой паутиной на лице. Да, Сюя мог сбежать от Кадзуо, но тот мог серьезно его ранить. Прямо сейчас Сюя, возможно, умирал. Но даже если Кадзуо его не ранил, что, если на него напал кто-то еще, пока он бежал по горе... или что, если Сюя лежит где-нибудь без сознания и если там теперь запретная зона, он мог погибнуть. Да, все верно... Сюя мог забежать в сектор E=7 у подножия северной горы, что к северу от школы, а сектор E=7 должен был в час ночи стать запретной зоной. Теперь шел уже второй час. Значит...

Тут Норико опять помотала головой. Нет, не могло этого быть. Сюя просто не мог погибнуть. Потому что... потому что он совсем как праведник с гитарой — всегда был добр ко всем, всегда откликался на чужие горести и никогда не терял всепобеждающего оптимизма. Он был такой честный, ясный и невинный, но в то же самое время очень стойкий. «Он просто мой ангел-хранитель, — подумала девочка. — Как такой мальчик мог умереть? Нет, никак не мог... и все же...»

— Он может быть ранен, — тихо отозвался Сёго. — А может, и нет.

Норико снова подняла руку к лучику света и нервно взглянула на часы. Затем аккуратно поправила раненую ногу и бочком пододвинулась к Сёго. Обими руками она сжала его левую ладонь, которая лежала у него на коленях.

— Пожалуйста. Не можем ли мы... не можем ли мы пойти его поискать? Пойдешь со мной? Одна я не справлюсь. Пожалуйста.

Сначала Сёго ничего не ответил. Он лишь медленно поднял левую ладонь, возвращая руки Норико к ней на колени и слегка по ним похлопывая.

— Мы не можем пойти. Даже если ты станешь настаивать на том, чтобы пойти одна, я тебя не пущу. Сюя хотел, чтобы я за тобой присматривал. Он пошел на очень большой риск, прикрывая наш отход. Я не хочу ставить под угрозу все, что он для нас сделал.

Норико прикусила нижнюю губу и пристально на него посмотрела.

— Не надо, девочка, так на меня смотреть. Мне от этого еще тяжелее. — Рукой, которой он держал сигарету, Сёго взъерошил свои волосы и добавил: — Тебе ведь Сюя безразличен, верно?

Норико без малейших колебаний кивнула.

Сёго кивнул ей в ответ.

— Тогда ты должна уважать его желания.

Норико снова прикусила нижнюю губу, но затем опустила глаза и кивнула.

— Хорошо. Значит, мы можем только ждать, верно?

— Верно. — Сёго тоже кивнул.

Они немного помолчали.

— Ты веришь в шестое чувство? — вдруг спросил Сёго.

Вопрос показался ей настолько неожиданным, что Норико удивленно раскрыла глаза. Он что, старался ее отвлечь?

— Ну... немного, — ответила Норико. — Вообще-то не знаю. А ты?

Сёго раздавил сигарету о землю.

— Абсолютно не верю, — сказал он. — Хотя в любом случае это неважно. Вся эта чушь про призраков, загробную жизнь, космических пришельцев, шестое чувство, предсказание судьбы, особые психические возможности — просто болтовня тех дураков, которые способны справляться с реальностью, лишь ее избегая. Хотя извини. Ты сказала, что немного веришь. Это просто мое мнение. И все же...

Норико посмотрела ему в глаза.

— Что?

— И все же порой без всякой видимой причины у меня появляется уверенность по поводу тех вещей, о которых я не могу знать наверняка. И когда такое случается, я почему-то никогда не ошибаюсь.

Норико молча продолжала на него смотреть.

— Сюя жив, — сказал Сёго. — Он вернется. Я точно это знаю.

Лицо Норико внезапно смягчилось. Конечно, Сёго мог говорить просто по наитию, но ее все равно это тронуло.

— Спасибо, Сёго, — сказала Норико. — Ты такой добрый. Он пожал плечами.

— Я просто говорю тебе, что я чувствую. — Затем Сёго добавил: — Сюя настоящий счастливчик.

Норико недоуменно на него взглянула.

— Конечно, счастливчик. Раз его так любят.

Она слегка улыбнулась.

— Ты не так понял.

— Почему?

— Здесь нет взаимности. Сюя любит другую. Я рядом с ней ничто.

— ...Правда?

Норико опустила глаза и кивнула.

— Она действительно удивительная. Даже не знаю, как ее описать. Она такая сильная и красивая. Я ревную, но могу понять, почему она так его привлекает.

Сёго задумчиво наклонил голову.

— Не знаю, не знаю, — сказал он. Затем щелкнул зажигалкой, закурил еще одну сигарету и добавил: — По-моему, сейчас Сюя к тебе равнодушен.

Норико покачала головой:

— Не думаю.

— Когда он вернется, — улыбнулся Сёго, — тебе следует ему выволочку устроить. За то, что он заставил тебя так переживать.

Она снова слегка улыбнулась.

Сёго выдул струю дыма.

— А теперь приляг. Ты еще не совсем выздоровела. Попробуй немного поспать. А я всю ночь глаз не сомкну. Если Сюя покажется, я велю ему разбудить принцессу поцелуем.

— Хорошо. — Норико улыбнулась и кивнула. — Спасибо.

Еще минут десять она сидела, а потом завернулась в одеяло и легла.

Но уснуть девочке все равно не удалось.

Осталось 17 учеников

53

Хироки Сугимура уже начинал уставать. С самого начала игры он безостановочно бродил по острову, так что это было вполне естественно. Однако после каждого объявления Сакамоти утомление Хироки резко усиливалось, словно ему пришлось перед этим взбираться по лестнице. Осталось всего лишь двадцать учеников... нет, насколько знал Хироки, это число уже уменьшилось до семнадцати. В это трудно было поверить, но Синдзи Мимура был мертв, а также Ютака Сэто и Кэйта Иидзима.

Покинув засевшую в медпункте компанию Сюи, Хироки направился к северо-западному побережью, которое он еще не обследовал. Однако вскоре после одиннадцати вечера он услышал серьезную перестрелку к востоку от центральной части острова и двинулся туда. Но перестрелка прекратилась, прежде чем Хироки смог туда добраться, и он там никого не обнаружил. Затем прозвучало полуночное объявление и были оглашены новые запретные зоны. Хироки решил прочесать каждую из этих зон. Когда он входил в расположенный к северу от школы сектор E=7, который должен был в час ночи стать запретной зоной, снова началась стрельба, а затем... затем раздался треск автомата.

Находясь в тот момент на горе над равниной, Хироки увидел вспышки выстрелов на ферме, расположенной к западу от жилого района. Едва он стал спускаться по склону, как прогремел оглушительный взрыв. Ночное небо озарилось светом. Затем снова слышались автоматные очереди.

Уже у подножия горы Хироки обнаружил горящее здание в том месте, где раньше видел вспышки. Он подумал, что автоматчик может быть еще где-то здесь, но, как и в случае с Мэгуми Это, он решил выяснить, что случилось. Тогда Хироки стал осторожно пробираться по полю, приближаясь к тому месту, и наконец...

...наткнулся на труп Синдзи Мимуры. Большой участок земли был объят пламенем. Здание склада (который, должно быть, и взорвался) разлетелось на куски. Обломки большие и малые были рассыпаны, вероятно, по автостоянке. Синдзи лежал ничком у сильно потрепанного автомобиля-универсала. Позднее Хироки обнаружил среди обломков тела Ютаки Сэто и Кэйты Иидзимы.

Автоматчика у горящего склада не было, но Хироки предположил, что тот, кто «играет в игру», скоро здесь покажется, а потому быстро оттуда ушел, и лишь когда он пересек дорогу, ведущую в глубь острова и подошел к подножию южной горы, он подумал о Синдзи. О смерти самого Синдзи Мимур. Смерть Синдзи казалась чем-то невозможным, потому что Хироки так хорошо его знал. Теперь это звучало нелепо, но ему всегда казалось, что Синдзи бессмертен. Да, Хироки ходил в городскую школу боевых искусств и прилежно там занимался, но в конечном итоге речь шла всего лишь о технике. Что техника по сравнению с врожденной удачей Синдзи! Даже если бы они стали сражаться по всем правилам боевых искусств и даже несмотря на то что Хироки был на десять сантиметров выше, Синдзи все равно бы его одолел. Кроме того, Синдзи был намного умнее его. Даже если бы Синдзи не сумел сбежать с острова (хотя он наверняка такой план обдумывал), Хироки твердо верил в то, что никто не сможет его убить. И все-таки автоматчик сумел это проделать.

Впрочем, Хироки не мог позволить себе долго скорбеть о Синдзи. Сейчас для него самым важным было найти Каёко Котохики. И как можно скорее. Ведь если автоматчик найдет ее раньше Хироки, такая девочка, как Котохики, мгновенно погибнет.

Поскольку сектор Ж=3, которому с трех часов ночи предстояло стать запретной зоной, находился на северном склоне южной горы, Хироки решил направиться туда.

Он уже несколько раз приходил на эту гору. Тело Такако Тигусы по-прежнему лежало в секторе З=4, как раз рядом с сектором Ж=3. Хироки даже не смог похоронить Такако. Лишь закрыл ей глаза и сложил руки на груди. Ее труп все еще находился вне запретных зон.

«Какой же я негодяй, — проклял себя Хироки, осторожно двигаясь во тьме, — я даже не смог остаться рядом с лучшей подругой детства». Да, направляясь к сектору Ж=3, он прошел совсем недалеко от нее.

«Прости, Такако, — подумал Хироки, — но мне нужно кое о ком позаботиться. Я должен как можно скорее увидеться с Каёко Котохики. Пожалуйста, прости...»

Но тут он вспомнил еще кое-что. Это касалось Ютаки Сэто.

Номер Ютаки следующий за его номером, так что Ютака покинул школу почти сразу же после Хироки. Но Хироки в то время лихорадочно подыскивал себе укрытие, откуда был бы хорошо виден выход из школы, так что, когда ему наконец удалось хорошенько оглядеться, Ютака уже ускользнул. Хироки решил сделать ставку на Такако, а потому сознательно пропустить Харуку Танидзаву (ученицу номер 12) и Юитиро Такигути (ученика номер 13). (Однако, несмотря на предельную осторожность, неожиданное появление Ёсио Акамацу привело к тому, что Хироки задергался и проворонил Такако.) Ютака же сумел в итоге объединиться со своими друзьями Синдзи Мимурой и Кэйтой Иидзимой. Но Ютака был теперь мертв — как и Синдзи.

«Я должен спешить, — подумал Хироки. — Я не могу допустить, чтобы Котохики погибла».

Остановившись у сухого дерева, он снова сверился с радаром. Поскольку единственным источником света служила луна, неосвященный жидкокристаллический

дисплей казался мутным, но Хироки, прищурившись, все же сумел разобрать все, что нужно.

Впрочем, никаких существенных изменений экран не показывал. Там была лишь одна звездочка, указывающая его местоположение. Хироки вздохнул.

Быть может, ему просто следовало покричать Котохики? Хироки уже несколько раз думал так сделать, но все не решался. Когда он нашел Такако, было уже слишком поздно. Он не хотел, чтобы подобное повторилось.

Нет. Ничего бы не получилось. Он так не мог. Во-первых, Котохики совсем не обязательно откликнулась бы на его зов. Пожалуй, она бы, скорее всего, убежала. И хотя Хироки не слишком беспокоился о том, что кто-то нападет на него, когда он станет кричать, напасть могли и на Котохики, если бы она все-таки к нему пришла.

По крайней мере, Хироки мог положиться на выданный ему властями радар. Без этого приспособления ему было бы совсем туго. Он ненавидел власти за то, что они бросили их в эту дурацкую игру, но вынужден был признать, что с экипировкой ему очень повезло. Как там это называлось? Соломинка утопающему? Или свет в конце тоннеля?

Хироки поднялся по невысокому утесу, а затем спустился, и вышел на покатый лесистый склон. Он знал, что входит в сектор З=4, где лежала мертвая Такако. Хироки поднял радар, подставляя жидкокристаллический дисплей под лунный свет.

Когда Хироки снова взглянул на звездочку в центре дисплея, обозначающую его положение, она показалась ему расплывчатой. «Проклятье, — подумал он, — я совсем устал. Даже зрение отказывает».

Не отрывая взгляда от дисплея, Хироки вдруг понял, что со зрением у него все нормально, в тот же миг он резко развернулся и взмахнул зажатой в правой руке палкой. Палка по всем правилам боевых искусств, которые Хироки так усердно изучал, очертила изящную дугу...

...и опустилась прямо на руку человеку, притаившемуся у него за спиной. Тотчас послышался стон, и человек выронил из руки пистолет: кто-то сумел подкрасться к Хироки сзади, когда он потерял бдительность.

Человек метнулся к лежащему на земле пистолету. Тогда Хироки снова взмахнул палкой. Человек замер и отшатнулся...

В первый момент Хироки разглядел только матроску. А потом — прекрасное лицо, ярко освещенное луной. Это ангельское личико могло принадлежать только одной девочке. И после начала игры он ее уже видел. Это было когда Хироки только-только вышел из школы и притаился в углу спортивного поля, подыскивая себе укрытие... именно тогда он увидел лицо Мицуко Сомы (ученицы номер 11), которая появилась из школы следом за ним.

Подняв обе руки, Мицуко отступила.

— Не убивай! Пожалуйста, не надо! — вскрикнула она, зашаталась и упала на идеально округлую попку, обнажая белые ляжки под плиссированной юбкой. В бледно-голубом лунном свете Мицуко продолжала кокетливо отползать от Хироки.

— Пожалуйста! Я просто хотела с тобой поговорить! Мне бы и в голову не пришло кого-то убить! Пожалуйста, помоги мне! Помоги!

Судя по всему, Мицуко приняла молчание Хироки за признак того, что он не желает ей никакого вреда, и медленно опустила руки. У нее был взгляд испуганной мышки, и в глазах поблескивали слезы.

— Ведь ты веришь мне, правда? — спросила Мицуко.

Лунный свет упал на ее заплаканное лицо. И в глазах у девочки заиграла легкая улыбка.

— Я... я... — стала запинаться Мицуко, а затем натянула юбку на ляжки, словно бы наконец-то сообразив, что они обнажены. — Я подумала, что смогла бы тебе довериться... и я... я была так напугана... все время одна... это так ужасно... я страшно испугалась...

Не говоря ни слова, Хироки поднял пистолет, который выронила Мицуко. Заметив, что курок взведен, он одной рукой поставил пистолет на предохранитель, подошел к девочке и протянул ей кольт рукояткой вперед.

— С-спасибо... — Мицуко протянула руку.

Но пистолет застыл в воздухе.

А потом Хироки ловко перебросил его в ладони. Теперь дуло смотрело Мицуко точно между бровей.

— Х-хироки... что ты делаешь?

На лице Мицуко мгновенно отразились ужас и отчаяние — или, по крайней мере, оно вполне правдоподобно исказилось. Да, она была блестящей актрисой. Сколько бы грязных слухов о Мицуко Соме ни ходило, большинство людей (особенно парней) мгновенно ей верили, как только это ангельское лицо просило о пощаде. Или, даже если кто-то ей не верил, он в конечном итоге все равно делал для нее все, что мог. Разумеется, Хироки не составлял исключения. И все же у него были особые обстоятельства.

— Брось, Мицуко, — сказал Хироки, покачивая пистолетом и выпрямляясь. — Я виделся с Такако перед тем, как она умерла.

— Ах-х...

Мицуко смотрела на Хироки, и ее идеально очерченные глаза подрагивали. Даже если она внутренне сожалела о том, что не прикончила Такако, внешне это никак не выражалось. Мицуко лишь старательно сохраняла этот напуганный вид... девочки, ищущей понимания и защиты.

— Нет! Это была случайность. Конечно, я встречала кое-кого из остальных. Но когда... когда я повстречалась с Такако... это она... она попыталась меня убить... этот пистолет на самом деле принадлежал Такако... а я... я...

Хироки со щелчком взвел курок кольта. Мицуко мгновенно прищурилась.

— Я знаю Такако, — проговорил Хироки. — Такако никогда бы не попыталась кого-то убить. Она никогда бы не запаниковала и не принялась стрелять в кого попало. Даже в этой дурацкой игре.

Мицуко поджала губы. Затем посмотрела на Хироки и попыталась улыбнуться. Хотя от этой улыбки и мурашки бежали по спине, с ней Мицуко казалась еще прекраснее.

— А я думала, она сразу загнулась, — с усмешкой процедила девочка.

Хироки молча продолжал целиться в нее из пистолета.

По-прежнему сидя на земле, Мицуко большим и указательным пальцами ухватила край юбки и, медленно ее поднимая, снова открыла соблазнительные ляжки.

Хироки отвел взгляд.

— Ну что, Хироки? Если ты мне поможешь, делай со мной, что захочешь. Сам видишь, я очень даже ничего.

Хироки оставался недвижим. И пистолета не опускал. Теперь он смотрел ей в лицо.

— Похоже, ничего у нас с тобой не получится, — сказала Мицуко. — Конечно же нет. Понятное дело, как только ты потерял бы бдительность, я бы тут же тебя прикончила. Да и как ты смог бы трахаться с девочкой, которая убила твою возлюбленную...

— Такако не была моей возлюбленной...

Мицуко молча на него взглянула.

— Но она была моей лучшей подругой, — продолжил Хироки.

— В самом деле? — Мицуко недоуменно подняла брови. А затем спросила: — Тогда почему ты меня не пристрелишь? Ты что, феминист? Не можешь в женщин стрелять?

Ее самоуверенное лицо по-прежнему было прекрасно. Теперь же перед Хироки стояла девочка-колдунья. Очаровательная, невинная, сущий ангел — но с холодными глазами убийцы. Под лунным светом эти глаза сверкали как лед. Голова у Хироки совсем закружилась.

— Как... — хрипло вымолвил он, — как ты могла так легко кого-то убить?

— Дурак, — отозвалась Мицуко. Похоже, направленный ей в лоб пистолет меньше всего ее заботил. — Таковы правила.

Хироки прищурился и покачал головой.

— Не все по ним играют.

Мицуко снова наклонила голову. А затем, по-прежнему тепло улыбаясь, позвала Хироки по имени. Все прозвучало так просто и дружелюбно, как будто эта девочка (якобы влюбленная в него по уши) под села к нему до начала занятий, мучительно придумывая, о чем бы заговорить.

— Знаешь, Хироки, — сказала Мицуко, — пожалуй, ты хороший человек.

Хироки непонимающе сдвинул брови. Но рот у него удивленно раскрылся.

— Хорошие люди — они хорошие, — певуче продолжила Мицуко. — В некоторых отношениях. Но даже некоторые хорошие люди могут стать плохими. Или они так и подохнут хорошими. Пожалуй, ты один из таких.

Отвернувшись от Хироки, Мицуко покачала головой.

— Хотя нет, я не о том. Я вот о чем. Я решила брать сама вместо того, чтобы меня брали. Это не имеет отношения к добру или к злу, правде или неправде. Я просто так хочу.

Губы Хироки задрожали. Совершенно неуправляемо.

— ...А почему все-таки?

Мицуко опять улыбнулась:

— Не знаю. Но если бы пришлось придумать какое-то объяснение... скажем, для начала... — Она заглянула Хироки в глаза, а затем продолжила: — В девять лет меня изнасиловали. Три мужика брали меня по очереди, и у каждого вышло по три раза... хотя, нет, кажется, у одного вышло четыре. Такие здоровилы — вроде тебя. Правда, это были взрослые мужики. А я была тощая девочка. Грудей у меня вообще не было, ноги были как спички, но именно этого им и хотелось. А когда я стала кричать, им еще больше понравилось. Возбуждаются они от этого, понимаешь? Так что даже теперь, когда я с такими извращенцами трахаюсь, я всегда прикидываюсь, что кричу.

Хироки стоял столбом, немо глядя на Мицуко, на лице у которой после таких откровений по-прежнему играла милая улыбка. Ужасная история привела его в шок.

Однако Хироки быстро вышел из этого шока и даже собрался что-то такое сказать, но тут из рук Мицуко вырвалось что-то ярко-серебристое. Только тогда Хироки понял, что Мицуко успела сунуть правую руку себе за спину, но к тому времени обоюдоострый нож нырлящика (прежнее оружие Мэгуми Это) уже вонзился ему в правое плечо. Пистолета Хироки из рук не выпустил, но невольно застонал и покачнулся от боли.

Мицуко мгновенно вскочила, метнулась и скрылась в лесу за спиной у Хироки.

Быстро обернувшись, Хироки успел заметить, как она исчезает во мраке.

Хироки понимал, что если он сейчас не убьет Мицуко Сому, то следующей ее жертвой вполне может стать Каёко Котохики. И все же не мог заставить себя это сделать. Вместо этого он прижимал ладонь к правому плечу. Кровь из ножевой раны уже начала просачиваться сквозь школьный пиджак Хироки, а он смотрел во тьму, где исчезла Мицуко.

Да, конечно... Мицуко могла просто выдумать эту историю, чтобы его ошарашить. Но Хироки так не думал. Гораздо вероятнее, что Мицуко Сома рассказала ему правду. Причем услышал он лишь малую часть этой правды. До сих пор Хироки просто не понимал, как ученица третьего класса младшей средней школы может быть так безжалостна. И теперь оказалось, что эта девочка давным-давно стала взрослой женщиной. Испорченной женщиной... или у нее все же была испорченная детская душа?

Кровь, стекавшая по рукаву Хироки, а затем по стволу кольца, тонкой струйкой беззвучно терялась в кучке прелой листвы у него под ногами.

Осталось 17 учеников

В половине четвертого Тосинори Ода (ученик номер 4) покинул дом, где он прятался. Укрывшись в нем, он сверился с картой и выяснил, что этот дом расположен в секторе Д=4. А в полночь Сакамоти объявил, что этот сектор станет запретным в 5 утра.

Прежде чем открыть заднюю дверь, Тосинори взглянул на тело Хироно Симидзу, которое он отволок в угол. Ничего такого — просто взглянул на лежащий ничком труп. Особой жалости к Хироно он не испытывал. В конце концов, здесь шло серьезное соревнование. И каждый получал по заслугам. Хироно Симидзу без малейших колебаний выстрелила в него, как только увидела. Ну и, разумеется, Тосинори затем подкрался к Хироно сзади, стал душить ее.

Понятия не имея, где найдет новое пристанище, Тосинори в конечном итоге решил идти на восток к жилому району. Согласно карте, этот район занимал порядка двухсот квадратных метров. Опять же согласно карте, узкая полоса земли, тянущаяся от жилого района, была занята фермерскими хозяйствами. Как только Тосинори уберется подальше от этой зоны, ему лишь останется спрятаться в одном из фермерских домов. Тосинори был выходцем из очень привилегированной семьи и жил в одном из самых шикарных домов префектуры (дом Кадзуо Кириямы наверняка был самым шикарным, но Тосинори никогда бы этого не признал). Прятаться в каких-то там кустах было просто ниже его достоинства. Конечно, поскольку в любом доме мог уже кто-то прятаться, входить туда было опасно, однако Тосинори не тревожился. Еще бы — ведь у него теперь был не только пуленепробиваемый бронежилет (с сертификатом высшего качества), но и пистолет, изъятый у Хироно. А вдобавок...

...надежный мотоциклетный шлем, который он нашел в доме.

В небе появилось легкое облачко. Своим концом оно уже начало наплывать на низкую полную луну. Поправив свой суперстильный шлем, Тосинори пересек двор и пробрался к краю узкого поля. В этой зоне было много домов, которые теперь отбрасывали причудливые тени. Пожар от сильнейшего взрыва, который расколол тишину почти сразу же за полночным объявлением Сакамоти, бушевал где-то справа от холма. Но теперь он уже угас, и весь тот район погрузился в темноту.

Справа от Тосинори стояли два дома, но они находились как раз на границе секторов Д=4 и Е=4. За спиной у Тосинори тянулся утес. Никаких домов там не было. Впрочем, если верить карте, выше по горе должны быть дома.

Если Тосинори правильно разобрался с картой, двигаясь на восток и добравшись до третьего-четвертого дома, он окажется вне запретной зоны. Однако если выяснится, что эти дома грязные, он может двинуться дальше. Во-первых, Тосинори терпеть не мог грязных домов, а во-вторых, он был убежден, что подобное место привлекает только вульгарных людей.

Тосинори решил направиться туда.

Пригнувшись, он осторожно двинулся вдоль края фермерского поля. Его раздражала грязь под ногами, а тупая боль от выстрела Хироно Симидзу по его бронежилету только усилила раздражение. Почему он, Тосинори Ода, должен был попасть в эту грубую игру и корчиться на грязной земле вместе с «вульгарными массами»? (Именно такую фразу его отец, руководитель крупнейшей пищевой компании в восточной части префектуры, частенько использовал дома, и Тосинори

тоже привык по любому поводу мысленно выражать свое презрение к «вульгарным массам». Разумеется, воспитанный мальчик, Тосинори никогда бы не сказал этого вслух.)

Неважно, имел ли он право на высокомерие или нет, но Тосинори действительно обладал уникальным даром. Таланты его одноклассников проявлялись в основном в спортивных играх, в способности пополнить ряды малолетних преступников или даже геев (впрочем, тот очень вульгарный гей уже был мертв). Талант Тосинори был действительно уникален.

В возрасте четырех лет начав брать частные уроки музыки, Тосинори теперь был одним из ведущих скрипачей префектуры в своей возрастной группе. Гением он не был, но и посредственностью тоже. Родители уже потрудились организовать для Тосинори дальнейшее поступление на музыкальный факультет знаменитого Токийского университета. Что же касалось его будущей карьеры, то мальчик видел себя по меньшей мере дирижером Государственного симфонического оркестра префектуры.

Как считал Тосинори, таким образом у него появлялось еще больше причин не умирать. Он станет дирижером, женится на прекрасной, благородной женщине и станет общаться исключительно с богатыми, элегантными людьми. (Его старший брат Таданори собирался унаследовать компанию. Конечно, мысль о том, чтобы делать уйму денег в качестве президента, имела привлекательность, но Тосинори претило заниматься какими-то там пищевыми продуктами. «Нет уж, — думал он, — пусть этим занимается мой вульгарный брат».) Тосинори, как ему казалось, резко отличался от всех своих одноклассников — невеж и неудачников. Конечно, их смерть ровным счетом ничего не будет значить, но он-то одарен. Он-то драгоценен. А даже в биологическом плане высшая особь обречена на выживание — разве не так?

Поначалу Тосинори располагал только этим бронежилетом, непонятным образом выданным ему вместо оружия. Тогда ему оставалось только бегать и прятаться. Но теперь у него был пистолет! Тосинори решил быть совершенно беспощадным. «Что там болтают про благородную душу музыканта? — думал он. — Какая наивность! Чушь, да и только». Несмотря на свои пятнадцать лет, еще толком не зная мира, Тосинори уже знал очень многое о музыкальных кругах. Если только ты не был гением, для тебя все решали деньги и связи. Как и в этой игре, все дело заключалось в том, чтобы сокрушить конкурентов и выжить самому.

Правда это была или нет, но Тосинори Ода искренне так считал.

Разумеется, близких друзей в классе "Б" у Тосинори не было. Откуда, если там учились представители лишь вульгарных масс? Тосинори глубоко презирал своих вульгарных одноклассников. Особенно Сюю Нанахару.

В музыкальном кружке Тосинори, естественно, не состоял. Вот уж где полно вульгарных масс — причем особенно вульгарных. Эти неудачники одну лишь популярную музыку и играли (судя по всему, музыкальный кружок был завален нелегальными зарубежными партитурами). Да, все верно. Сплошные ничтожества и неудачники. Особенно Сюю Нанахара.

Что касается музыкальных способностей, то Тосинори превосходил Сюю по всем статьям, учитывая его развитый музыкальный слух и знания по теории музыки. И все

же, несмотря на свое безоговорочное превосходство, вульгарные девчонки из их класса неприлично орала, слушая аккорды детсадовского уровня, которые Сюя Нанахара извлекал из своей гитары. («Эти вульгарные суки, — возмущенно думал Тосинори, — могли бы с таким же успехом жирным готическим шрифтом начертать на своих безмозглых лбах, как им хочется, чтобы Сюя Нанахара тут же, не сходя с этого места, их оттрахал».) Когда же Тосинори по просьбе учителя музыки заканчивал играть изящный пассаж, вся эта вульгарная шваль всего лишь вежливо ему аплодировала.

Во-первых, эти суки-неудачницы просто не могли по достоинству оценить классическую музыку, а во-вторых, такой успех Сюя имел исключительно благодаря своей смазливости (хотя Тосинори нипочем бы этого не признал, в глубине души его самого воротило от собственной уродливой рожи).

«Ну и пусть, — думал Тосинори Ода. — Все равно все женщины таковы. Они вообще не люди. Другой биологический вид. Просто инструмент для производства детей (и, разумеется, они обязаны по первому требованию доставлять удовольствие мужчинам). А если они хорошенькие, то служат украшением для сильного, успешного мужчины вроде меня. В общем, все сводится... к деньгам и связям. А мой талант стоит любых вложений. Следовательно... уцелеть в этой игре должен именно я».

В течение ночи Тосинори слышал стрельбу. Кроме того, вскоре после полуночи раздался оглушительный взрыв, но теперь остров погрузился во мрак и тишину. Тосинори быстро обошел первый дом, миновал его и приблизился ко второму. Хотя ему виден был только силуэт, Тосинори понял, что дом этот чертовски старый. Вокруг располагалось кольцо деревьев, а у западной стены дома росло большое широколистное дерево, чьи ветви раскинулись метров на пять во все стороны, а само оно было высотой метров семь-восемь.

«Здесь никого быть не должно», — подумал Тосинори.

Крепко зажав пистолет, он двинулся вперед, обследуя дом, а заодно и дерево. Разумеется, Тосинори не забыл остановиться и оглядеться по сторонам. Никогда нельзя знать заранее, откуда заявятся вульгарные массы. Просто как тараканы, другого слова не подберешь.

Целых пять минут Тосинори тщательнейшим образом все проверял. Никаких подозрительных движений. По крайней мере, из-под своего мотоциклетного шлема Тосинори ничего такого не увидел.

Полный порядок.

Третий дом, судя по всему, как раз для Тосинори. На всякий случай он еще раз оглянулся.

Вроде бы что-то черное зашевелилось у самой земли рядом с группой деревьев, растущих вокруг второго дома. "Да ведь это же..."

...чья-то голова, — подумал Тосинори, машинально целясь туда из пистолета. — Но этот ученик бродит в районе, который очень скоро станет запретной зоной. Кто бы это мог быть?"

Впрочем, особого значения это не имело.

Тосинори нажал на спусковой крючок. Деревянная рукоятка смита-вессона резко дернулась у него в ладони. А из пистолета вырвался оранжевый огонь. У Тосинори, презиравшего невежественные, вульгарные массы, имелось хобби не столь возвышенное, как игра на скрипке. Он собирал коллекцию модельного стрелкового оружия. У его отца было несколько охотничьих ружей, но Тосинори он пользоваться ими не разрешал. А потому только сейчас мальчик нажал на спусковой крючок настоящего оружия. «Вот так класс! — подумал Тосинори. — Я стреляю из настоящего оружия!»

Тосинори выстрелил еще раз, и его противник пригнулся, словно был неспособен сдвинуться с места, ответного выстрела не последовало. «Конечно, — подумал Тосинори, — будь у него пистолет, он застрелил бы меня в спину. Именно поэтому я в первую очередь на спусковой крючок и нажал».

Тосинори медленно приблизился к темной фигуре.

— Стой! — раздался окрик.

По голосу Тосинори понял, что это Хироки Сугимура (ученик номер 11). Этот самый высокий парень в классе занимался каким-то вульгарным спортом вроде каратэ. (Между прочим, Тосинори особенно ненавидел высоких парней. Сам он едва дотягивал до 162 сантиметров, и ниже в их классе был только Ютака Сэто. Словом, Тосинори терпеть не мог: а) симпатичных парней, б) высоких парней и в) вульгарных парней, особенно если они были высокими и симпатичными.) Поговаривали, что Хироки гулял с Такако Тигусой, вульгарной девочкой, которая безвкусно красила волосы и носила всякую безвкусную бижутерию... ах да, она теперь тоже была мертва. Хотя, если не думать о вульгарности, выглядела она очень даже ничего.

— Я не воюю, — продолжал Хироки. — Ты кто? Юитиро?

Хироки решил, что перед ним Юитиро Такигути (ученик номер 13), следующий по росту после Тосинори. Да, все верно, раз Хироси Куронага давно погиб, в живых примерно одного роста остались только Юитиро и Ютака. Так или иначе, Тосинори ненадолго задумался, что этот вульгарный каратист имеет в виду, говоря, что не воюет. Невозможно. Неучастие в этой игре было равносильно самоубийству. «Он что, пытается меня одурачить? — подумал Тосинори. — Так или иначе, раз у него нет пистолета...»

Тут Тосинори решил действовать иначе. Он опустил пистолет, а левой рукой немного приподнял шлем.

— Я Тосинори, — сказал он, но тут же подумал, что в его голосе должно звучать волнение и продолжил: — П-прости, что я в т-тебя выстрелил. Т-ты ранен?

Хироки Сугимура поднялся, раскрывая весь свой мощный торс. Как и у Тосинори, на правом плече у него был рюкзак. А в левой — палка. Правый рукав у Хироки был оторван, низ рубашки тоже, а правая рука обнажена. Плечо было замотано белой тканью. С палкой в правой руке Хироки очень напоминал первобытного дикаря. Предельно вульгарного.

— Нет, — ответил Хироки, глядя на голову Тосинори. — А это что, шлем?

— Д-да. — Отвечая, Тосинори шагнул вперед, на влажную почву. Так-так, еще три шага.

— Я... я т-так испугался. — Не успев закончить фразу, Тосинори поднял правую руку. С пяти метров он промахнуться не мог.

Глаза Хироки широко распахнулись. «Слишком поздно, — подумал Тосинори, — ты, вульгарный каратист. Сейчас ты подохнешь вульгарной смертью, тебя похоронят в вульгарной могиле, и я принесу тебе на нее самые вульгарные цветы, какие мне только под руку попадутся».

Но когда смит-вессон с грохотом выпалил, Хироки уже исчез. За долю секунды до выстрела он резко нырнул влево — точнее, вправо от Тосинори. Тот, разумеется, понятия не имел, что этому приему Хироки выучился в школе боевых искусств... в любом случае, он оказался невероятно быстр.

Хироки быстро выпрямился, держа в левой руке пистолет вместо палки (хотя школа боевых искусств немного это «подправила» — изначально Хироки, как и Синдзи Мимура, был левшой). «Проклятье, — лихорадочно подумал Тосинори, — раз у него был пистолет, почему же он меня сразу не застрелил?» Мысль мелькнула, и почти сразу из пистолета Хироки вырвалась вспышка пламени.

Пистолет внезапно выпал из руки Тосинори, а в следующее мгновение он почувствовал острую боль в правой руке из-за отстреленного среднего пальца. Тосинори дико завопил, сжал другой рукой ноющий обрубок... и вдруг понял, что безымянный палец тоже исчез. Оттуда обильно текла кровь. Да, на нем был шлем и бронежилет, но пальцы его были так незащитны!

«Вот ублюдок! — скрипел зубами Тосинори. — Мой палец... мои пальцы... я больше не смогу играть на скрипке!.. нет, этого не может быть... как же так?.. В кино скрипачам никогда не отрывают пальцы!»

Держа в левой руке пистолет, Хироки медленно к нему подошел. Тосинори по-прежнему не отводил до смерти перепуганных глаз от своей правой руки. Пот повсюду струился из-под шлема — глаза слезились.

— Ты сам во всем виноват, — сказал Хироки. — Я не хотел стрелять... но у меня не было выбора. Так получилось.

Тосинори понятия не имел, что имеет в виду Хироки. И, несмотря на ужасную боль, по-прежнему чувствовал уверенность в себе. Потому что... пистолет Хироки был нацелен в его грудь. Конечно, ничего плохого с ним не случится. Шлем Тосинори носил главным образом потому, что один вид этого шлема заставлял противника целиться в его туловище. Под школьным пиджаком у Тосинори имелся бронежилет. Как только этот бронежилет остановит пулю, Тосинори только и останется, что вернуть себе пистолет (указательный палец у него по-прежнему работал!), нажать на спусковой крючок — и победить.

Пистолет лежал прямо у него под ногами.

Пока Тосинори Ода гневно на него глядел, Хироки Сугимура подождал еще несколько секунд... а потом стиснул зубы и спокойно нажал на спусковой крючок. Тосинори припомнил свою первую схватку с Хироно Симидзу и прикинул, как ему лучше прикинуться трупом.

Однако неожиданно все вышло не так, как ожидал Тосинори. Пистолет Хироки издал лишь негромкий металлический щелчок.

Хироки явно смутился. Нервно взведя курок, он снова нажал на спусковой крючок. Опять щелчок.

Хироки не видел, как губы Тосинори под мотоциклетным шлемом выгнулись в злой улыбке. «Каратистский ублюдок, — подумал скрипач. — Верзила пижонистый. Ты даже оружием пользоваться не умеешь. Не знаешь, что надо оттянуть затвор и перезарядить пистолет».

Тосинори нагнулся за пистолетом у себя под ногами. Хироки тут же схватил палку, но бить не стал — вероятно, он подумал, что слишком далеко. Вместо этого он резко развернулся и побежал к горе за домом.

Тосинори подобрал пистолет. Искалеченная рука болела, но он все же сумел его подхватить и выстрелил. Но он не смог толком ухватиться за рукоятку, прицел сбился, однако Тосинори все-таки понял, что попал Хироки куда-то в бедро. Может, его просто царапнуло. Так или иначе, Хироки вдруг покачнулся, но не упал. И побежал дальше. Тосинори тоже побежал и еще раз выстрелил. Но на сей раз промазал. Отдача пистолета вызвала у него дикую боль в раненой руке, и Тосинори пришел в настоящее бешенство. Он снова выстрелил. И снова промазал. Несмотря на подстреленное бедро, Хироки бежал быстрее его.

Наконец Хироки исчез в лесу у подножия горы.

«Проклятье», — выругался Тосинори.

Затем он прикинул, следует ли за ним гнаться — и решил этого не делать. Да, противник был ранен, но и он тоже. Рукоятка пистолета стала липкой от крови, льющейся из искалеченной руки. Кроме того, если Тосинори погонится за ним по горе, Хироки сможет перезарядить свой пистолет и выстрелить в ответ. Укрытия у него не было, а в такой ситуации очень опасно так раскрываться. Тосинори нервно пригнулся.

Теперь ему следовало добраться до дома, который выбрал. Кроме того, следовало позаботиться о том, чтобы Хироки не увидел, как он туда входит.

Тосинори зажал левой рукой правую, в которой так и пульсировала боль, и, стиснув зубы, заковылял к дому. Пока он тащился по тропе у подножия, боль становилась все нестерпимей. Голова Тосинори кружилась. Впрочем, теперь самое главное — это рука, ее необходимо залечить. И придумать, как жить дальше. Да, но даже если его теперь вылечат, во время концертов изуродованная рука будет торчать у всех на виду как бельмо. Особенно на крупном плане. «Получается, — подумал Тосинори, — мне придется присоединиться к идиотской группе инвалидов. Развлекать публику тем, как я преодолеваю свою недееспособность. Тьфу, гадость!»

Подойдя поближе к дому, Тосинори снова оглянулся через плечо. Он осмотрелся внимательно, но никаких признаков, что Хироки рядом, не заметил. Теперь Тосинори был в безопасности. Хироки за ним не гнался.

Тосинори оглянулся на дом.

В шести-семи метрах от того самого дома, который был так ему нужен, стоял парень. Он появился словно бы из ниоткуда. Аккуратно зачесанные назад волосы парня доходили ему почти до плеч, а глаза сверкали льдом.

К тому моменту, как Тосинори понял, что это Кадзуо Кирияма (которого он, ясное дело, терпеть не мог — категория а, симпатичный), затрещала тяжелая автоматная

очередь. Пули врезались в грудь Тосинори, его отбросило назад, и он упал на спину. Израненные пальцы Тосинори выпустили пистолет, рука мальчика заскребла по грязи, мотоциклетный шлем стукнулся оземь.

Гулкая очередь угасла в ночном воздухе, на остров опять опустилась тишина.

Но, разумеется, Тосинори Ода вовсе не был мертв. Затаив дыхание, он лежал на спине и отчаянно старался не заржать. Он злорадствовал. Главное то, что, как и после стычки с Хироно Симидзу, его тело (не считая среднего и безымянного пальцев на правой руке) было в полном порядке. Выходит, он правильно сделал, когда надел шлем. Кадзуо целился в его туловище, защищенное бронежилетом. И, как и Хироно, Кадзуо наверняка заключил, что он мертв.

Веки Тосинори были закрыты, а под ними прокручивался широкоэкранный фильм. На фоне лунного света ему почти видна была слабая вспышка смита-вессона. А теперь Тосинори ощущал жесткие контуры кухонного ножа (найденного им в том самом доме, где он убил Хироно Симидзу). Этот нож он засунул за пояс, и потребовались бы считанные секунды, чтобы его выхватить. Продолжая отчаянно потеть, Тосинори подумал: «Так, мне бы теперь до пистолета добраться. А потом я вытащу нож и перережу твою вульгарную глотку, Кадзуо. Или ты просто отсюда свалишь? Тогда, перед тем как ты свалишь, я пробурю славненькую дырочку в твоём вульгарном черепе. Давай. Выбирай. Только поскорее».

Но вместо того чтобы направиться куда-то еще, Кадзуо направился прямо к Тосинори.

Шел прямо к нему. Эти ледяные глаза.

«Почему? — недоумевал Тосинори. — Ведь я же мертвый! Глянь, Кадзуо, как я классно играю мертвого!»

Кадзуо не останавливался. Он приближался. Один шаг, другой...

«Но ведь я же мертвый! — мысленно вскричал Тосинори. — Точно мертвый! Посмотри, как ловко я мертвеца играю!»

Мертвый! Ну как же? Почему?!

Стук шагов становился все громче, и все поле зрения Тосинори теперь занимала фигура Кадзуо.

Охваченный диким страхом, Тосинори раскрыл глаза.

Ингрэм Кадзуо внезапно выдал очередь в защищенную шлемом голову Тосинори. Голова Тосинори внутри его шлема, как и все его тело, выделяла странные па (наверняка такие танцы показались бы самому Тосинори вульгарными). Хотя к тому времени, как ему что-то такое могло показаться, все уже было кончено... Голова Тосинори внутри шлема была совсем размозжена.

Тосинори больше не играл в мертвеца. Он таковым стал. Кровь вытекала из-под шлема, который напоминал теперь чашу с соусом.

Так вышло, что умнейший Тосинори Ода, мальчик, презиравший невежественные, вульгарные массы, переоценил значение своего бронежилета и недооценил невозмутимого Кадзуо Кирияму. И в итоге принял легкую смерть. Но даже будь Тосинори чуть более сообразителен и пойми он, что этот его противник преследует

врага до конца (стоило лишь вспомнить гибель Юмико Кусаки и Юкико Китано тем утром), вряд ли бы это сильно ему помогло. И далее — хотя теперь это совершенно к делу не относилось — этот скрипач и понятия не имел о том, что Кадзуо Кирияма, его убийца, в своем особняке в Сироива-тё, который был несравнимо роскошнее дома Тосинори, давным-давно выучился играть на скрипке. Причем уровень игры Кадзуо далеко превосходил уровень Тосинори. И, выучившись так играть, Кадзуо выбросил свою скрипку в мусорный бачок.

Осталось 16 учеников

55

Чья-то болтовня. Слышно, как кто-то ходит, как отчаянно пытается сдерживать дыхание. Тут Мицуко Сома (ученица номер 11) услышала, как на траву негромко льется струйка: кто-то совсем рядом с ней мочился в траву (если только на острове не было собаки). Приближался рассвет. Мицуко подняла взгляд и увидела, что ночное небо слегка посветлело.

После встречи с Хироки и удавшейся попытки от него сбежать Мицуко первым делом решила, что ей нужен пистолет. На Мэгуми Это она наткнулась случайно, а потом, застав Ёсими Яхаги и Ёдзи Курамото в самый разгар перепалки, убила их и сумела завладеть пистолетом (между прочим, будь у нее с самого начала пистолет, она вернулась бы к школе и стала бы убивать всех, кто выходит). Как только Мицуко заполучила пистолет, ей стало куда легче передвигаться по острову и, в частности, убить Такако Тигусу (хотя она, конечно, должна была ее прикончить наверняка. В следующий раз нужно быть более осторожной).

Но теперь Мицуко осталась практически невооруженной. В руках у нее был только тот самый серп, которым она владела с самого начала игры. А поскольку не она одна решила в эту игру играть, ей отчаянно требовался пистолет. Да к тому же по округе бродил автоматчик — тот самый, что убил Юмико Кусаку и Юкико Китано. И всего лишь минут тридцать тому назад она слышала новые его очереди.

Конечно, благодаря этому стрелку Мицуко могла убивать гораздо меньше своих одноклассников: пусть этот автоматчик о них позаботится. А сама Мицуко станет убивать, только когда это будет легко и просто. После полуночи, услышав стук автоматных очередей, а потом жуткий взрыв, она решила, что той зоны следует избегать. Вряд ли с пистолетом против автомата у нее были какие-то шансы. Тогда Мицуко решила передвинуться в такое место, откуда будет удобнее наблюдать за военными действиями издалека. В конце концов она такое место нашла и стала преследовать Хироки Сугимуру. Он должен был стать легкой добычей, но...

Было в высшей степени вероятно, что в конце концов Мицуко останется один на один с тем автоматчиком. И без пистолета против него делать было просто нечего. Против автомата и пистолет вряд ли мог чем-то помочь, а уж серп и подавно.

Конечно, Мицуко могла бы попытаться преследовать Хироки, но решила, что получить от него обратно свой пистолет — дело малоперспективное. В конце концов, подготовка в боевых искусствах у него отменная. Правая рука Мицуко все еще ныла

от его удара. Кроме того, если Хироки еще раз ее увидит, он будет безжалостен и просто ее пристрелит.

Тогда Мицуко двинулась на запад вдоль дороги, а затем вошла в кустарник у подножия северной горы, надеясь найти там кого-то еще. Но никого не нашла. С тех пор прошло часа три.

И теперь она наконец-то услышала этот шум.

Мицуко с предельной осторожностью пробралась сквозь кусты и двинулась вперед. Никто не мог ее слышать.

Кусты кончились, и она увидела небольшое открытое пространство размером с татами. Дальше справа тянулась роща. А слева, в самом углу прогалинки, спиной к Мицуко стоял мальчик в школьном пиджаке. Неуверенно оглядываясь влево-вправо, он тем не менее продолжал брызгать на листву.

Судя по всему, мальчик боялся, что кто-то может на него напасть. Мицуко быстро поняла, что это Тадакацу Хатагами (ученик номер 11). Один из бейсболистов, ничего такого особенного. Просто средний парнишка. Высокий, хорошо сложенный, лицо так себе. Хобби у него было... впрочем, Мицуко не знала, какое у него было хобби и знать особо не желала. А сейчас в любом случае не время было спрашивать.

Сейчас самым главным было то, что, всю отливая, Тадакацу кое-что держал в правой руке.

Пистолет. Нет, револьвер, чертовски здоровенный. На лице у Мицуко появилась улыбка падшего ангела.

Тадакацу все никак не мог закончить. Должно быть, он долго терпел. Усиленно опустошая мочевой пузырь, он продолжал вертеть головой влево-вправо.

Правой рукой Мицуко быстро, но тихо достала серп. Чтобы застегнуть ширинку, Тадакацу придется использовать обе руки. Даже если он сделает это одной, он станет уязвимым.

«Похоже, тебе конец, парнишка, — подумала Мицуко. — Интересно, а в детективных фильмах так кого-нибудь убивали?»

Струйка стала потише. Отдельные капли... а потом совсем ничего. Тадакацу еще раз огляделся, а затем опустил руки к ширинке. Но к тому времени Мицуко уже стояла у него за спиной. Коротко стриженные волосы на затылке были прямо у нее перед глазами. Серп был занесен.

И вдруг кто-то позади Мицуко изумленно ахнул. Тадакацу внезапно обернулся, и Мицуко тоже. Она, понятное дело, опустила серп и посмотрела на ахнувшего.

Это был Юитиро Такигути (ученик номер 13). Ниже ростом, чем Тадакацу, но с весьма привлекательным лицом.

В правой руке у него была алюминиевая бейсбольная бита (похоже, выданное ему оружие), и он с разинутым ртом уставился на Мицуко.

При виде Мицуко Тадакацу тоже ахнул, а затем пробормотал глухое проклятие и направил на нее пистолет. Увидев, что появление Юитиро его не удивило, Мицуко поняла, что они вместе. И мысленно прокляла себя.

«Тадакацу отошел от Юитиро просто чтобы отлить, — подумала она. — Какая же я дура, что сразу этого не проверила! Какие же вы козлы, парни, что рядом отлить не можете!»

Впрочем, сейчас было не место и не время читать лекции на предмет того, как и где им отливать. Револьвер Тадакацу (хотя это вряд ли имело значение, но это был смит-вессон под патроны «магнум» .357 калибра) был направлен прямо в грудь Мицуко.

— Тадакацу! Прекрати! — вскричал Юитиро. Голос его дрожал от неожиданности и от того, что Мицуко прямо у него на глазах могут убить. Тадакацу в любую секунду, похоже, готов был спустить курок, но палец его замер в доле миллиметра от спускового крючка.

По-прежнему целясь в Мицуко, Тадакацу глянул на Юитиро.

— Почему?! Она же просто пыталась меня убить! Смотри! Серп! У нее в руках серп!

— Н-нет, — сумела прохрипеть Мицуко, хотя слова застревали у нее в глотке. Понятное дело, она позаботилась о том, чтобы ее голос был тоненьким и дрожащим, а также не забыла всем телом вздрогнуть и отпрянуть. У блестящей актрисы опять появилась возможность проявить свои таланты. А ну-ка, смотрите, как я это делаю!

— Я... я...

Мицуко подумала было бросить серп, но решила этого не делать. Пока она его держала, все выглядело более естественно.

— Я просто пыталась тебя позвать. А потом... потом я поняла, что ты писаешь... и я... я... — Мицуко опустила глаза и заставила себя покраснеть. — В общем, я...

Тадакацу и не подумал опустить револьвер.

— Лжешь! Ты пыталась меня убить! — Рука Тадакацу с оружием дрожала. Он удерживался от выстрела, потому что еще никогда ни в кого не стрелял. В тот момент, как он увидел Мицуко, Тадакацу наверняка бы машинально выстрелил, но вмешался Юитиро, и у него появилось время подумать и заколебаться.

«А это значит... — заключила Мицуко, — что он проиграет!»

— Прекрати, Тадакацу, — взмолился к нему Юитиро. — Разве я не говорил, что мы должны объединяться с другими?..

— Да ты, видно, шутишь. — Тадакацу покачал головой. — С этой сукой я объединяться не собираюсь. Ты хоть знаешь, с кем мы имеем дело? Да ведь она вполне могла... убить Юмико и Юкико.

— Н-нет... я бы никогда... — Глаза Мицуко наполнились слезами.

— У Мицуко нет автомата, — возмущенно сказал Юитиро. — У нее даже пистолета нет.

— Откуда нам знать?! Она могла бросить их, когда у нее кончились патроны!!!

Юитиро немного помолчал, но затем продолжил:

— Знаешь, Тадакацу, повышать голос тоже не дело. — Голос его звучал теперь по-другому. Явно захваченный врасплох, Тадакацу разинул рот.

Мицуко тоже немного удивилась. Юитиро Такигути, вообще-то, безумно увлекался мультиками. У них в классе он считался придурковатым фанатом, но теперь в голосе его звучало благородство.

Юитиро покачал головой.

— Не следует тебе быть таким подозрительным, — продолжил он, словно укоряя Тадакацу. — Подумай хорошенько.

Мицуко могла искать тебя, потому что она по-настоящему тебе доверяет.

— Но тогда... — Тадакацу хмуро сдвинул брови. Пистолет его был по-прежнему нацелен в Мицуко, но палец на спусковом крючке уже не был так напряжен. — Что ты тогда предлагаешь?

— Если ты так уверен, что ей нельзя доверять, тогда мы сможем по очереди за ней присматривать. Я хочу сказать, даже если бы мы ее прогнали, тебя бы тревожило то, что она сможет позднее на тебя напасть, если у нее будет шанс.

«Да-а, — подумала Мицуко. — Должна сказать, я просто поражена. Он говорит так разумно и внятно. Если, конечно, за этим благим пожеланием не стоит намерение меня застрелить».

Тут Тадакацу провел языком по пересохшим губам.

— Послушай, — настаивал Юитиро, — надо, чтобы на нашей стороне было как можно больше народу. Тогда мы сможем придумать способ отсюда сбежать. Если мы какое-то время с ней проведем, мы сможем решить, стоит ли ей доверять, верно? — Наконец Тадакацу кивнул, все еще с подозрением глаза на Мицуко.

— Ладно, — усталым голосом отозвался он.

Тут Мицуко сделала вид, что испытывает облегчение и позволила себе расслабиться. Левой рукой она потерла глаза, полные лживых слез. Юитиро тоже вздохнул с облегчением.

— Брось серп, — приказал Тадакацу, и Мицуко немедленно швырнула оружие на землю.

— Обыщи ее, Юитиро, — велел Тадакацу. Мицуко в ответ сделала большие глаза, словно не понимала, о чем идет речь. Затем взглянула на изумленного Юитиро, который стоял столбом. Тадакацу опять повторил свое требование и снова в нее прицелился. — В темпе. Не будь так застенчив. Сам знаешь — это вопрос жизни и смерти.

— Ладно... хорошо... — Юитиро отложил свою битую и неохотно пошел вперед. Наконец он встал рядом с Мицуко.

— Давай, — настаивал Тадакацу. — Нечего телиться.

— Хорошо.

Все благородные манеры Юитиро напрочь исчезли. Он теперь вел себя как обычно.

— Но Тадакацу...

— Живо!

— Послушай, Мицуко, — сказал Юитиро. — Мне правда очень жаль, и я не хочу этого делать, но я должен... — И он слегка пробежал руками по ее телу. Даже в смутном свете зари Мицуко заметила, каким пунцовым стало его лицо. Ах, как мило! Разумеется, сама Мицуко тоже не замедлила изобразить смущение.

Закончив обыск, Юитиро поднял руки.

— Под юбкой тоже поищи, — сказал Тадакацу.

— Послушай, Тадакацу... — запротестовал Юитиро, но тот лишь покачал головой.

— Я не пытаюсь закидать ее камнями. Я просто не хочу умирать.

Тут Юитиро еще пуще зарделся.

— Гм, Мицуко, я тут подумал, не могла бы ты немного юбку приподнять?

«Ну-ну, валяй, малыш, — подумала Мицуко. — Только чтобы тебя прямо здесь инфаркт не хватил».

Но Мицуко лишь скромно ответила «хорошо», после чего застенчиво приподняла юбку до того места, где стали заметны ее трусики. «Проклятье! — подумала она. Все это уже превращается в один из тех фильмов под рубрикой „Специально для фетишистов! В главных ролях — настоящие школьницы!“». Хотя я ведь и правда в таких снималась».

Наконец Юитиро убедился, что она ничего там не прячет.

— Я... я закончил, — сказал он.

Тадакацу кивнул:

— Хорошо, Юитиро, а теперь свяжи ей руки своим ремнем.

Юитиро бросил на Тадакацу еще один недоуменный взгляд, но Тадакацу все еще целился в Мицуко из пистолета.

— Таковы мои условия. Если ты не можешь их принять, я сейчас ее пристрелю.

Юитиро взглянул на Мицуко, но затем вытащил ремень и связал ей руки.

— Извини, Мицуко, — сказал он.

Все еще целясь в Мицуко из пистолета, Тадакацу сказал:

— Тебе вовсе не нужно быть с ней вежливым. — Но Юитиро, похоже, не обратил внимания на его слова, нежно обматывая кисти Мицуко и ни слова при этом не говоря.

"Какая же я счастливица, — думала Мицуко, протягивая Юитиро свои руки, — ведь меня застали в тот самый момент, когда я серп занесла. И к счастью, я кровь с него вытерла. Какая удача!

Итак, каким же будет мой следующий ход?"

Осталось 16 учеников

— В общем, я все время думал, что мы должны поискать других

одноклассников, — сказал Юитиро и взглянул на Мицуко. Рассвет уже наступил, и теперь ей стало видно его запыленное лицо.

Они сидели рядом друг с другом в кустах. Конечно, руки Мицуко были связаны ремнем, а ее серп Юитиро засунул себе за пояс. Тадакацу Хатагами тем временем погрузился в глубокий сон. Парень не выпускал из рук пистолет, который он для верности даже привязал носовым платком к ладони.

После того как Мицуко судьба свела с этим дуэтом, Тадакацу настоял на том, чтобы спать по очереди.

— Согласен, что мы должны кого-то найти, но давай сперва немного поспим. Иначе мы вообще потеряем способность принимать здравые решения. — Как только Юитиро согласился, Тадакацу сказал: — Сперва спать должен ты, Юитиро, или я. Затем сможет поспать Мицуко.

— Я могу поспать позже, — откликнулся Юитиро, и очередность была установлена.

Держа в руке свой пистолет (который ему вообще-то следовало отдать стоящему на страже Юитиро, но Тадакацу об этом ничего не сказал, а Юитиро не протестовал), Тадакацу поудобнее устроился на земле и через считанные секунды заснул.

Мицуко смутно себе представляла, почему они объединились. Тадакацу наверняка вообще не спал до того, как встретил Юитиро, да и после, скорее всего, тоже. Почему? Потому что Тадакацу, вероятно, считал, что Юитиро может на него напасть. И даже теперь, во сне, он держался за свой пистолет и оставался настороже. И все же ему удалось немного поспать. (Разумеется, Мицуко тоже совсем не спала, но чувствовала себя бодрой. Она была куда выносливей прыщавого парнишки из средней школы.)

Какое-то время Юитиро и Мицуко сидели молча, но затем Юитиро все-таки рассказал ей, как он в конце концов объединился с Тадакацу.

Выяснилось, что Юитиро в течение дня вообще не двигался. Он решил, что ночью ему будет безопаснее («Конечно, — подумала Мицуко, — вполне логично. Ночью тебя было сложнее заметить, но это также значило, что и тебе сложнее заметить противника. Хотя, разумеется, если ты окажешься в беде, ночью легче убежать»). В общем, Юитиро осторожно начал перемещаться и встретился с Тадакацу. Вдвоем они решили обдумать план спасения, но так ничего и не придумали... и тогда Тадакацу остановился отлить. Отливал он так долго, что Юитиро забеспокоился и решил проверить, как и что. Именно так он и обнаружил Мицуку.

— Я поначалу так испугался — я думал, что никому не смогу доверять. Но затем я понял, что большинство из нас, скорее всего, просто хочет спастись.

Юитиро умолк и взглянул на Мицуку. Юитиро Такигути почти никогда не смотрел в глаза. Он всегда смотрел вниз. И все же, судя по его поведению, Юитиро уже не испытывал прежнего недоверия в отношении Мицуко. По какой-то непонятной причине.

Умело притворившись, что испытывает заметное облегчение, Мицуко спросила мальчика:

— Значит, тот револьвер был у Тадакацу?

— Да, верно, — кивнул Юитиро.

— А ты не боялся Тадакацу? — «Так-так, — подумала Мицуко, — а теперь чуть более непринужденно и интимно». — И даже сейчас не боишься? Он ведь тебе револьвер не отдаст.

Юитиро улыбнулся.

— Ну, во-первых, Тадакацу в меня не стрелял. Хотя, правду сказать, прицелился. Мы ведь еще в начальной школе были одноклассниками. И я очень хорошо его знаю.

— Но... — Тут Мицуко заставила свое лицо слегка побледнеть. — Ты же знаешь, как Юмико... как погибли Юмико Кусака и Юкико Китано. Некоторые одноклассники решили участвовать в игре. Как ты можешь быть уверен, что Тадакацу — не один из них? — Она кивнула, а затем добавила: — Ведь он даже меня подозревает.

Юитиро сжал губы и несколько раз кивнул.

— Это правда. Но если мы просто будем сидеть на месте, то наверняка погибнем. Лучше попытаться. Я не хочу последовать примеру Юмико и Юкико, но думаю о том, как нам постепенно собрать остальных.

На секунду Юитиро взглянул Мицуко в глаза, но сразу опустил взгляд. Видимо, ему стало еще больше не по себе, чем обычно, потому что Юитиро не привык смотреть девочке прямо в лицо. (Мицуко была точно в цель, ведь Юитиро теперь общался с самой красивой девочкой в классе.)

— Но ты не можешь винить Тадакацу за то, что он держится за пистолет. Он до смерти напуган.

Мицуко слегка наклонила голову и нацепила на лицо милую улыбку.

— Ты такой хороший.

По-прежнему не снимая с лица улыбки, Мицуко продолжила:

— Ты должен быть очень смелым, чтобы так действовать, так сочувствовать другим.

Юитиро снова застенчиво опустил глаза и пробежал правой рукой по волосам.

— Я так не думаю, — сказал он. Затем, не глядя на нее, добавил: — Значит... ты можешь отнестись к нему немного снисходительно за то, что он тебя подозревает? По-моему, он очень сильно напуган. Он никому не доверяет.

«Никому не доверяет». Эта фраза буквально ее щекотала, и Мицуко улыбнулась. А затем вздохнула.

— Думаю, он ничего с этим поделать не может, — сказала она. — У меня есть определенная репутация. Вероятно, ты мне тоже не доверяешь.

Юитиро немного помолчал, а затем повернулся к Мицуко. На сей раз он уже дольше на нее смотрел.

— Нет, — сказал он, опустил взгляд в землю и продолжил: — Вернее, я хочу сказать, раз уж на то пошло, то я подозреваю даже Тадакацу. То есть... — Он выдернул какую-то мелкую травинку у своих ног, затем порвал эту травинку, влажную от утренней росы, на мелкие волоконца. — Я хочу сказать, что лестных слов я о тебе не слышал. Но в ситуации, в которой мы оказались, это не так существенно. То есть порой именно уважаемые люди ломаются под натиском обстоятельств. — Юитиро

бросил порванную травинку себе под ноги. Затем взглянул на Мицуко. — Не думаю, что ты такая уж скверная.

Мицуко озадаченно наклонила голову.

— Почему?

Возможно, это было из-за ее взгляда, но Юитиро нервно отвернулся.

— Это... это все твои глаза, — сказал он.

— Глаза?

Не поднимая взгляда, Юитиро принялся вырывать еще травинку.

— У тебя в глазах всегда такой испуг.

Мицуко изобразила еще одну улыбку. Затем хотела развести руками, но ничего не вышло: кисти ее рук все еще были связаны ремнем.

— Наверное.

— И все же... — Травинка была порвана на четвертинки, затем на восьмушки. — И все же порой твои глаза по-настоящему грустные и добрые.

Мицуко молча разглядывала его профиль.

— Так что, — Юитиро снова бросил травинку и продолжил, — я всегда думал, что ты совсем не такая скверная, как говорят. Уверен, если ты делала скверные вещи, то лишь потому, что иначе не могла. За всем этим стояла какая-то причина, в которой ты не виновата.

Юитиро говорил запинаясь, стыдливо, голос его стал невероятно напряженным, словно он признавался девочке в любви.

Внутренне Мицуко вздохнула. «Ах, мальчик, — думала она, — как же ты наивен!» Но затем...

...затем она тепло ему улыбнулась и сказала: «Спасибо». Причем даже саму Мицуко удивила прозвучавшая в ее голосе теплота. Конечно, это тоже было притворство, и все же из-за малой толики подлинного чувства голос ее звучал так искренне.

Но тем не менее... очень малой толики.

— А ты, Мицуко? — спросил затем Юитиро. — Что ты все это время делала?

— Ну-у... — начала Мицуко, чуть-чуть отодвигаясь в сторону и чувствуя, как влажная от росы трава мочит ей юбку. — Я бегала. Знаешь, подальше от перестрелок... вот почему я так испугалась, когда увидела Тадакацу... но я к тому же очень устала и боялась одиночества, а потому решила его позвать... Я подумала, может, он поймет... но я никак не могла решиться, не знала, правильно это будет или нет... просто не знала...

Юитиро снова кивнул. Затем опять на нее взглянул и опустил взгляд.

— Думаю, ты поступила правильно.

Мицуко улыбнулась.

— Я тоже, — сказала она. Глаза их встретились, и они опять улыбнулись друг другу.

— Это правда, — сказал Юитиро. — Извини. Совсем забыл. Должно быть, ты хочешь пить. Ты ведь потеряла рюкзак, правда? Наверняка у тебя уже давно не было воды.

Свой рюкзак Мицуко бросила, когда сражалась с Хироки Сугимурой. Она действительно испытывала сильную жажду. И кивнула.

— Можно... можно мне немного воды?

Не глядя на нее, Юитиро кивнул, протянул руку к своему рюкзаку и достал оттуда две бутылки воды. Сравнив их, он выбрал закупоренную, сунул початую обратно и сломал пломбу на новой бутылке.

Мицуко протянула к нему связанные руки. Юитиро собрался было передать девочке бутылку... но затем передумал. Бросив взгляд на Тадакацу, который по-прежнему вроде бы глубоко спал, он затем посмотрел на пластиковую бутылку у себя в руке.

Наконец Юитиро поставил бутылку к своей ноге.

«Эй, приятель, — подумала Мицуко, — ты что, мне даже попить не дашь? Что, решил пленницу особо не баловать?»

Вместо этого Юитиро аккуратно взял ее за руки, приподнял стянутые ремнем кисти и принялся их развязывать.

— Юитиро... — словно бы удивленно сказала Мицуко (вообще-то, она и впрямь удивилась), — а ты уверен, что это хорошо? Тадакацу может по-настоящему взбеситься.

Юитиро продолжал сосредоточенно развязывать веревку.

— Все в порядке, — ответил он. — Твое оружие у меня. А кроме того, как ты сможешь пить со связанными руками? — Юитиро снова взглянул на Мицуко.

Девочка тепло улыбнулась, поблагодарила Юитиро и сумела даже покраснеть и опустить глаза.

Наконец ее кисти освободились. Мицуко потеряла каждую из них. Поскольку ремень был затянут неплотно, все было отлично.

Юитиро протянул Мицуко бутылку. Та схватила ее, сделала два деликатных глотка, а затем вернула.

— Больше не хочешь? — спросил Юитиро, вставляя ремень обратно себе в брюки. — Можешь попить еще. Если вода кончится, мы запросто сможем добыть ее из какого-нибудь дома с колодцем.

Мицуко помотала головой.

— Нет-нет, мне уже хватит.

— Ладно.

Юитиро взял бутылку. Положив ее обратно в рюкзак, он застегнул ремень у себя на поясе.

— Юитиро... — обратилась к нему Мицуко.

Мальчик поднял глаза.

Мицуко быстро протянула обе руки и нежно сжала его правую ладонь. Он напрягся — но не от того, что искал этому объяснение, а просто потому, что девочка держала его за руку.

— Ч-что?

Мицуко тепло улыбнулась. Затем раскрыла свои прелестные губки и нежно заговорила:

— Я так рада, что я теперь с таким мальчиком, как ты. Я была очень напугана и почти все время тряслась... но теперь я в безопасности.

Юитиро широко улыбнулся. Его плотно сжатые губы задрожали, и он наконец смог выпалить: «Ты в безопасности». Казалось, он хотел вернуть себе правую руку, но Мицуко крепко вцепилась в нее и не отпускала. Слова давались Юитиро с явным трудом, а голос звучал нервно, и все же он сумел выговорить:

— Я стану защищать тебя, Мицуко. — Затем мальчик добавил: — Мы и Тадакацу уговорим. Сейчас он очень устал и разнервничался, но как только он немного успокоится, то сразу же увидит, что ты не можешь быть нашим врагом. Затем мы вдвоем попробуем как-то найти остальных наших одноклассников. А уже тогда непременно придумаем какой-нибудь способ спасения.

Мицуко изобразила на лице теплую улыбку.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Так мне гораздо легче.

И девочка еще крепче ухватилась за руку Юитиро. А тот еще пуще зарделся и отвел глаза в сторону.

— Знаешь, Мицуко, — сказал Юитиро, — а ты по-настоящему красивая.

Мицуко удивленно подняла брови.

— Нет... правда?

Юитиро энергично закивал. Или даже не столько закивал, сколько задрожал от невыносимого напряжения. Улыбнувшись, Мицуко вдруг поняла, что никакого скрытого мотива эта ее улыбка не несет.

Осталось 16 учеников

Утреннее шестичасовое объявление Сакамоти разбудило Тадакацу. Он не проспал и двух часов, но настаивал на том, что этого вполне достаточно, после чего развязал носовой платок на своей кисти, чтобы удобнее было держать пистолет. Затем Тадакацу сел рядом с Мицуко и Юитиро. Юитиро стал настаивать на том, чтобы Мицуко поспала раньше него, но Мицуко наотрез отказалась, и Юитиро в конце концов улегся первым. (К тому времени они уже узнали, что погибли еще четыре ученика — Кэйта Иидзима, Тосинори Ода, Ютака Сэто и Синдзи Мимура. Новых запретных зон

поблизости от них не было.)

Увидев, что ремня на кистях Мицуко уже нет, Тадакацу был недоволен, однако Юитиро сумел убедить его, что все будет в порядке. Разумеется, даже если бы Юитиро не развязал ремня, Мицуко все равно планировала от него избавиться... с помощью Тадакацу.

«Итак, что же дальше?» — подумала девочка.

На самом деле Мицуко не могла позволить себе тратить время. Если Хироки вдруг здесь появится, ее легенда развалится. (Еще Мицуко думала о том, что ищет Хироки, бродя по всей округе? Быть может, он, подобно Юитиро и Тадакацу, пытается найти других и с ними объединиться?) Да, и был там еще... тот автоматчик.

Хотя Юитиро с улыбкой сказал Мицуко, что вряд ли сможет заснуть, через пять минут он уже вырубился как миленький. Вряд ли такой дохляк обладал большой выносливостью. Он и должен был сильно устать. В отличие от Тадакацу, который всю ночь храпел, Юитиро едва-едва посапывал, точно маленький мальчик.

Тадакацу поддерживал между собой и Мицуко дистанцию в три метра. Он сидел, привалившись к дереву. У мальчика были коротко стриженные волосы, на лбу немного прыщиков. А глаза его под хмурыми бровями... настороженно наблюдали за Мицуко. Револьвер в правой руке Тадакацу уже не был направлен на девочку, но палец он по-прежнему держал на спусковом крючке, словно предупреждая, что в любой момент может ее пристрелить.

Мицуко выждала еще полчаса... а затем, убедившись, что Юитиро, улегшийся к ним спиной, крепко спит, повернулась к Тадакацу и сказала:

— Не надо так на меня смотреть. Я тебе не враг.

Тадакацу скорчил недовольную физиономию.

— Этого никогда не знаешь заранее.

Словно откликаясь на резкий ответ Тадакацу, Юитиро слегка зашевелился во сне. Какое-то время и Мицуко, и Тадакацу молча смотрели на Юитиро. Впрочем, тщедушный парнишка очень скоро ровно задышал.

Не глядя на Тадакацу, Мицуко глубоко вздохнула, демонстрируя свою усталость. Затем она передвинула ноги, правое колено опуская на землю, а левое поднимая вверх.

Плиссированная юбка плавно соскользнула, обнажая ее белые ляжки чуть ли не до трусиков, но Мицуко сделала вид, что просто огляделась по сторонам, хотя заметила, как Тадакацу весь напрягся.

«Ага! — подумала она. — Может, ты и мои трусики видишь? Они очень классные, розового шелка!» — и осталась сидеть в том же положении. А затем медленно подняла глаза на Тадакацу.

Тадакацу тут же нервно вскинул голову. Конечно... до той поры он не мог оторвать взгляда от ляжек Мицуко.

Однако Мицуко продолжала вести себя так, как будто ничего такого не замечает.

— Послушай, Тадакацу, — обратилась она.

— Что?

Казалось, Тадакацу все еще хочет сохранять грозный вид, но у него это получалось не очень, и теперь его голос слегка дрожал.

— Я так боюсь.

Мицуко подумала, что Тадакацу опять скажет что-то гадкое, но он никак не откликнулся и просто на нее смотрел.

— А ты не боишься?

Тадакацу слегка нахмурил брови.

— Конечно, боюсь, — сказал он затем. — Как раз поэтому я так с тобой и осторожен.

Мицуко грустно отвернулась от Тадакацу.

— Значит, ты по-прежнему мне не доверяешь?

— Не держи на меня зла, — сказал Тадакацу, но в тоне его не было уже и половины прежней враждебности. — Я знаю, что повторяюсь, но я просто не хочу умирать.

Мицуко бросила быстрый взгляд на Тадакацу.

— Я в той же самой лодке, — с легким сочувствием сказала она. — Я тоже не хочу умирать. Но если ты мне не доверяешь, мы никогда не сможем объединиться, чтобы вместе найти способ спастись.

— Гм... — кивнул Такамацу, словно бы колеблясь. — Ну да, я это знаю, но...

Мицуко радушно улыбнулась. Она заглянула в глаза своему противнику, и ее прелестно оформленные алые губы разошлись в теплой улыбке... Улыбка эта совершенно отличалась от той, которой она то и дело награждала Юитиро во время их идилического разговора. Теперь это был «фирменный знак» Мицуко Сомы, улыбка падшего ангела. Глаза очарованного Тадакацу остекленели.

— Послушай, Тадакацу, — продолжила Мицуко, вновь изображая напуганную девочку. Как же классно у нее получалось это постоянное переключение: то девственница, то блудница, то день, то ночь! Ну и ну! Звучит как название фильма.

— Ч-что?

— Я знаю, что уже не раз об этом говорила, но я так боюсь.

— Гм.

— Так как насчет... — Мицуко снова в упор на него взглянула.

— Что насчет?

В глазах и голосе Тадакацу не было даже следа враждебности и подозрительности.

Мицуко слегка наклонила голову.

— Можем мы немного поговорить? — спросила она.

— ...Поговорить? — Тадакацу недоуменно сдвинул брови. — Но разве мы прямо сейчас не разговариваем?

— Не будь таким дурачком, — прошептала Мицуко. — Неужели мне нужно вслух об этом сказать? — Не сводя глаз с Тадакацу, она указала подбородком на Юитиро. — Не здесь, ага? Я хочу с тобой поговорить, но только не рядом с Юитиро.

Рот Тадакацу от изумления слегка раскрылся. Он взглянул на Юитиро... затем снова на Мицуко.

— Ладно? — спросила Мицуко. Затем она встала, огляделась и решила, что в кустах будет лучше всего. Девочка слегка наклонила голову, подошла к Тадакацу, а затем, помедлив, прошла еще немного вперед. Мицуко не была уверена, заглоти ли Тадакацу наживку... но уже через считанные секунды поняла, что все в порядке.

Мицуко остановилась метрах в двадцати от того места, где спал Юитиро. Там была небольшая прогалина в кустах.

Повернувшись, Мицуко увидела, как Тадакацу бредет к ней через кусты. Глаза его стали совсем стеклянными. Но, скорее всего, подсознательно мальчик по-прежнему крепко держался за свой пистолет.

Тогда Мицуко немедленно расстегнула боковую молнию юбки. Плиссированная юбка мигом упала на землю, обнажая бедра девочки. Мицуко почувствовала, как Тадакацу затаил дыхание.

Затем она сняла галстучек и разделась. В отличие от других девочек, куда более отсталых, Мицуко никогда не приходило в голову носить нижнюю юбку, а потому на ней теперь были только лифчик и трусики. Да, и конечно, ей также пришлось снять туфли. После того как она их сняла, Мицуко вновь одарила Тадакацу улыбкой падшего ангела.

— М-мицуко... — с трудом смог вымолвить Тадакацу.

Мицуко решила обрести еще большую уверенность.

— Я так боюсь, Тадакацу. Так боюсь...

Тадакацу неловко приблизился к Мицуко.

Тогда Мицуко невзначай посмотрела на его правую руку и как бы внезапно заметила пистолет.

— Отложи эту штуку куда-нибудь, — попросила она.

Тадакацу поднял руку и тупо уставился на пистолет. Наконец отложил его в сторону. И снова приблизился к Мицуко.

Та опять мило улыбнулась и обвила руками шею мальчика, заключая его в объятия. Тело Тадакацу задрожало, но, когда Мицуко предложила ему губы, он тут же принялся страстно их целовать. Тяжело дыша, Мицуко отвечала на поцелуи.

Вскоре губы их разделились.

Мицуко посмотрела Тадакацу прямо в глаза.

— Это у тебя в первый раз, да? — спросила она.

— А какая разница? — дрожащим голосом отозвался Тадакацу.

Они упали на траву, и Мицуко оказалась снизу.

Тадакацу сразу же принялся сжимать ее груди.

«Идиот, — подумала Мицуко, — тебе бы сперва лучше было малость в курс дела войти». Но вместо этого она страстно простонала. Грубые руки Тадакацу сдержали ее

лифчик и ухватились за прекрасно развитые груди девочки, теперь совсем обнаженные. Затем губы мальчика потянулись к розовым сосками.

Мицуко продолжала стонать, притворяясь возбужденной (как в порнофильме), а ее правая рука тем временем потянулась к розовым трусикам...

Кончики ее пальцев коснулись твердого, тонкого предмета.

Настоящие бандитки вряд ли использовали столь дешевое, грубое оружие. Однако Мицуко давно уже отдавала ему предпочтение. И сейчас самым эффективным для нее оружием было то, которое можно было легко спрятать в трусиках.

Тадакацу страстно целовал груди Мицуко, левая его рука потянулась к ней между ног... Тут Мицуко испустила стон... Взгляд Тадакацу был прикован к ее грудям.

Мицуко медленно передвинула правую руку к его шее.

«Извини, Тадакацу, — подумала девочка. — По крайней мере, ты загнешься с самыми что ни на есть приятными воспоминаниями. А значит, простишь меня, ага? Какая жалость, однако, что всех удовольствий мы с тобой так и не получим».

Безымянный палец Мицуко коснулся шеи Тадакацу. Тонкий предмет был зажат между ее средним и указательным пальцами.

И вдруг справа от Мицуко громко каркнула какая-то птица. Как некстати!

Тадакацу вскинул голову. И был потрясен, но не птичий крик вызвал такую реакцию. А что заставило его изумленно раскрыть глаза...

...так это лезвие бритвы, которое держала Мицуко у его шеи.

«Проклятье!» — мысленно воскликнула девочка, машинально замахиваясь лезвием и собираясь всадить его в горло Тадакацу.

Тот застонал и резко оттолкнулся от Мицуко. Лезвие чиркнуло его по шее, но порез оказался совсем неглубоким и явно не смертельным. «Вот черт, — подумала Мицуко, — хорошая реакция. Ну да — ты же в бейсбол играл».

Широко распахнув глаза, Тадакацу привстал, не сводя глаз с Мицуко. Похоже, он собирался что-то сказать, но просто не находил слов.

Впрочем, Мицуко состояние Тадакацу меньше всего волновало. Она тут же вскочила и метнулась к лежащему справа от него револьверу.

Однако Тадакацу тоже метнулся к пистолету и успел ухватить его раньше. Подобрал с земли оружие, он сделал кувырок и встал на колени. «Что ж, — подумала Мицуко, — хорошо хоть, что ты штанов не снял. А то голый ты бы чертовски жалко смотрелся».

Эти ее мысли, впрочем, отношения к делу не имели. Стоило только Мицуко осознать, что Тадакацу раньше ее заполучил пистолет, как она тут же сменила тактику.

Мицуко живо нырнула в кусты. Первые выстрелы Тадакацу не попали в цель.

Мицуко слышала, что Тадакацу ее преследует. Он должен был ее догнать. Это она знала наверняка.

Наконец Мицуко выбралась из кустов. Там стоял Юитиро Такигути. Он, услышав выстрелы, вскочил, а затем, поняв, что Мицуко и Тадакацу куда-то делись, стал

озираться по сторонам. Заметив Мицуко, Юитиро широко распахнул глаза. (Еще бы! Ведь на ней были одни трусики! Какой плюс! «Шоу одной ночи Мицуко Сомы»! Хотя нет-нет, погодите, ведь сейчас утро.)

— Юитиро! — жалобно воскликнула Мицуко, подбегая к мальчику.

— Ч-что случилось, Мицуко?

К тому времени, как Тадакацу Хатагами выбрался из кустов, Мицуко уже спряталась за спиной Юитиро. Правда, он был всего на пару-другую сантиметров выше нее, и за ним не так легко было спрятаться, но тем не менее.

— Юитиро! — прорычал Тадакацу, останавливаясь и сжимая пистолет. — Прочь с дороги!

— П-погоди! — Все еще толком не проснувшийся, Юитиро не вполне улавливал ситуацию. Мицуко схватила его сзади за плечи и прижалась почти голым телом к его спине.

— Что случилось? — спросил Юитиро.

— Мицуко попыталась меня убить! Говорю тебе, приятель!

Все еще прячась позади Юитиро, Мицуко слабым голосом выговорила:

— Эт-то неправда. Тадакацу попытался принудить меня к... он угрожал мне пистолетом. Пожалуйста, Юитиро, помоги мне!

Лицо Тадакацу исказилось от негодования.

— Эт-то неправда, Юитиро! В-вот, смотри! — Тадакацу пальцами левой руки указал на свою шею. — Она на меня с лезвием бритвы набросилась!

Юитиро повернулся и краем глаза взглянул на Мицуко. Та жеманно помотала головой (ведь она теперь снова играла девственницу).

— Я была в таком отчаянии... и мне пришлось пустить в ход ногти. А потом... потом Тадакацу совсем взбесился... и попытался меня застрелить...

От бритвенного лезвия Мицуко уже благоразумно избавилась, выбросив в кусты. Даже если ей для досконального обыска пришлось бы снять с себя всю одежду (а она и так уже была в одних трусиках), никаких доказательств они бы не нашли.

Теперь лицо Тадакацу залилось краской гнева.

— Прочь, Юитиро! — крикнул он. — Я ее застрелю!

— Погоди, — отозвался Юитиро, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие. — Я... да, все верно... я не могу понять, кто из вас говорит правду.

— Что?! — возмущенно воскликнул Тадакацу, но Юитиро не испугался и протянул к нему правую руку.

— Отдай мне твой пистолет. Тогда мы и увидим, кто говорит правду.

Лицо Тадакацу как-то странно исказилось, словно он собирался вот-вот расплакаться, и он закричал Юитиро:

— Пойми, мы теперь не можем позволить себе терять время! Ты тоже будешь убит, если мы немедленно от нее не избавимся!

— Это ужасно! — воскликнула Мицуко. — Я бы никогда такого не сделала. Помоги мне, Юитиро. — И она еще сильнее прижалась к нему.

Юитиро все так же терпеливо протягивал руку.

— Отдай мне пистолет, Тадакацу, если ты говоришь правду.

Тадакацу горестно вздохнул и наконец опустил пистолет. Затем Тадакацу развернул пистолет рукояткой вперед и протянул его Юитиро, всем своим видом показывая, что другого выхода у него просто не оставалось.

Конечно, заплаканное лицо Мицуко оставалось скорбным... но теперь глаза ее слегка замерцали. Ключевой момент наступит в ту секунду, когда пистолет окажется в руках у Юитиро. Будет достаточно легко забрать у него оружие. Вопрос был только, как именно...

Юитиро кивнул и сделал шаг вперед.

Но затем...

Примерно такой же фокус сыграл с Мицуко и Хироки Сугимура. Пистолет магическим образом снова перевернулся и оказался у Тадакацу в руке. Одновременно мальчик опустился на правое колено и наклонился чуть вбок. Теперь пистолет был нацелен точно на Мицуко, и, поскольку Юитиро сделал шаг вперед, Мицуко теперь оказалась совершенно открыта.

Юитиро быстро обернулся к Мицуко.

Глаза девочки широко распахнулись.

«Все, теперь мне конец...» — обреченно подумала она.

Тадакацу без малейших колебаний нажал на спусковой крючок.

Один выстрел. Другой.

Словно в замедленной съемке, тело Юитиро вяло осело вниз, прямо перед Мицуко. Она видела напуганное лицо Тадакацу.

Но к тому времени Мицуко уже схватила серп, который Юитиро положил рядом с собой, устраиваясь поспать, и швырнула его. Оружие закрутилось в воздухе. Лезвие в форме банана вошло точно в правое плечо Тадакацу. Он застонал и выронил пистолет.

Мицуко не стала терять ни секунды. Подобрав бейсбольную биту, она метнулась вперед. Затем, перепрыгнув через лежащего ничком Юитиро, девочка подбежала к Тадакацу и со всего размаху ударила его по голове.

«Эй, приятель, — подумала Мицуко. — Вот тебе кое-что знакомое. Бейсбольная бита. Надеюсь, она тебе понравится».

БУММ! Конец биты угодил Тадакацу по лицу, врезался прямо в его носовой хрящ и челюсти, выбивая зубы.

Тадакацу лишился сознания. Мицуко тут же ударила по лбу. ХРЯСЬ! И образовалась хорошая вмятина. Глаза мальчика полезли на лоб, а руки сжались в кулаки. Мицуко не стала тратить время даром. Еще один замах — теперь уже точно в переносицу! Ура!

Кровь хлынула из ноздрей Тадакацу.

Наконец Мицуко опустила биту. Все лицо Тадакацу было обагрено кровью. Он уже был мертвее мертвого. Обильные струи лились из ушей и обезображенного носа мальчика.

Тогда Мицуко отшвырнула биту и подобрала лежащий рядом пистолет.

Затем подошла к лежащему ничком Юитиро.

Кровавое пятно расплывалось под ним на траве.

Этот мальчик защитил Мицуко. В то единственное мгновение.

Девочка медленно опустилась на колени рядом с Юитиро. Нагнувшись, она поняла, что он все еще дышит.

После некоторых размышлений Мицуко так передвинулась, чтобы Юитиро не был виден труп Такигути. А затем схватила его за плечи и перевернула.

Юитиро застонал и потрясенно раскрыл глаза. В его школьном пиджаке зияли две дыры — одна слева в груди и другая в боку. Кровь быстро впитывалась черной тканью. Мицуко приподняла Юитиро.

Немного поведив глазами по сторонам, Юитиро перевел взгляд на Мицуко.

— М-мицуко... — выдохнул Юитиро, — как там Тадакацу?

Мицуко покачала головой.

— После того как он тебя застрелил, он запаниковал и просто убежал.

Вообще-то, Тадакацу пытался убить Мицуко, а вовсе не Юитиро, но теперь это не имело значения. Мицуко решила, что этому мальчику теперь не до размышлений. Юитиро едва заметно кивнул.

— П-правда... — Глаза Юитиро были не в фокусе, и Мицуко он теперь видел только частично. — А ты... тебя не ранило... я надеюсь?

— Со мной все хорошо. — Мицуко кивнула, а затем добавила: — Ты меня спас.

На лице у Юитиро показалось подобие слабой улыбки.

— П-прости. Н-не думаю, что смогу и д-дальше тебя защищать. М-мне даже не д-двинуться...

В уголках рта Юитиро появилась кровавая пена. Должно быть, у него были пробиты легкие.

— Я знаю. — Мицуко наклонилась и нежно его обняла. Длинные черные волосы девочки упали Юитиро на грудь, и их кончики окрасились его кровью. Прежде чем Мицуко прижалась своими губами к его губам, глаза Юитиро слегка дрогнули, а затем закрылись.

Этот поцелуй совершенно отличался от того поцелуя проститутки, которым Мицуко всего лишь несколько минут тому назад наградила Тадакацу. Пусть к нему и примешивался вкус крови, он был мягкий, теплый и добрый.

Когда их губы разделились, Юитиро снова ошалело открыл глаза.

— П-прости, — выговорил он, — но я... кажется...

Мицуко улыбнулась.

— Я знаю, — сказала она.

БУХ! БУХ! БУХ! Откликаясь на три глухих выстрела, глаза Юитиро широко распахнулись.

Вот так, глядя прямо в глаза Мицуко и, скорее всего, понятия не имея о случившемся, Юитиро Такигути погиб.

Мицуко медленно отняла дымящийся револьвер от Юитиро и снова сжала его в объятиях. Потом заглянула в его теперь уже не видящие глаза.

— Ты был очень славный. Ты даже сделал меня немножко счастливой. Я никогда тебя не забуду.

Мицуко закрыла глаза. Почти с сожалением она снова прижала свои губы к губам Юитиро. Губы мальчика все еще были теплыми.

На западном склоне северной горы наконец-то появилось солнце. А рядом с Мицуко, загораживающей этот свет, стремительно гасли глаза мертвого Юитиро.

Осталось 14 учеников

58

Сюя Нанахара (ученик номер 15) внезапно открыл глаза и увидел голубое небо, зеленую траву.

Он поднялся. Чуть поодаль в приятном солнечном свете виднелось знакомое здание средней школы города Сироивы.

Несколько учеников в спортивной одежде бегали по школьному полю. Наверное, там шел урок физкультуры, и они играли в софтбол. Он слышал их радостные крики.

Сюя находился в школьном саду. Над ним покачивались листья фениксового дерева. Здесь он порой дремал — либо во время большой перемены, либо когда прогуливал уроки.

Наконец он встал и ощупал свое тело. Совсем никаких ран. К школьному пиджаку пристали травинки. Сюя их смахнул.

Сон...

Сюя ошеломленно покачал головой. А затем до него наконец-то все дошло.

Значит, все это был сон. Все-все.

Сюя вытер влажную от пота шею. Да, он был весь в поту, словно увидел кошмарный сон.

Кошмарный сон... но какой же кошмарный! Игра в убийство! Мы были выбраны для Программы?

Затем до Сюи дошло кое-что еще. Те ученики на поле... шел урок физкультуры?

Сюя взглянул на часы. Дневные занятия уже начались. Значит, он проспал!

Быстро выйдя из садика, Сюя трусцой побежал к зданию школы. Сегодня... сегодня был... на бегу сверившись с часами, Сюя увидел, что сегодня четверг.

Первым уроком в четверг была литература. Сюя почувствовал облегчение. Он очень любил литературу, этот предмет хорошо ему давался. Плюс к тому учительница, госпожа Кацзуко Окадзаки, относилась к нему с симпатией. А значит, все, что от него потребуется, это с виноватым видом поклониться.

Литература. Любимый предмет. Оценки. Госпожа Окадзаки.

Сюе действительно нравилась литература. Пусть даже в рассказах и очерках, напечатанных в учебниках были лозунги во славу Республики или другие идеологические штучки, Сюя умел находить и там слова, которые любил. Слова для него были так же важны, как музыка. Потому что в роке важны тексты.

Кстати, о словах... лучшая ученица по литературе, Норико Накагава, писала прекрасные стихи. По сравнению с теми текстами для песен, которые удавалось выдать из себя Сюе, те слова, что подбирала Норико, были гораздо более выразительными и блестящими... они могли быть с одной стороны нежными, а с другой — резкими и сильными... Сюя даже думал, что лирика Норико отражает природу девочек в целом. Конечно, Ёситоки Кунинобу был в Норико, влюблен, но Сюю больше всего поражала именно эта ее сторона...

И тут Сюя понял, как же важно для него, что Ёситоки на самом деле жив. Сознывая страшную нелепость этого испытания, он готов был плакать от радости, трюся к зданию школы.

«Как глупо, — думал Сюя. — Просто поверить не могу, что мне приснилось, как Ёситоки умрет. И кстати — почему я в конце концов оказался вместе с Норико?.. Эй, погоди, и с каких это пор я перестал звать ее Норико-сан? Какая бесцеремонность... — подумал он. — Неужели то, что мы были в этом сне связаны, означает, что я испытываю к ней еще какие-то чувства кроме восхищения ее поэзией? Как скверно, ведь это значит, что мне придется в итоге столкнуться с Ёситоки. Просто беда...»

И все же эта праздная мысль заставила Сюю ухмыльнуться.

Наконец Сюя вошел в здание школы, теперь притихшее, поскольку все ученики были на занятиях. Он побежал вверх по лестнице. Третий класс "Б" находился на третьем этаже. Сюя легко перепрыгивал сразу через две-три ступеньки.

Ненадолго остановившись у двери, Сюя попытался придумать какое-то оправдание для госпожи Окадзаки. И так, он почувствовал тошноту... да и голова закружилась. Тогда Сюя решил прилечь и отдохнуть. Поверит ли госпожа Окадзаки такому объяснению, учитывая, что у него отменное здоровье? Ёситоки может подчеркнуто пожать плечами, а кто-то вроде Ютаки Сэто обязательно скажет: «Ручаюсь, ты просто спал». Синдзи Ми-мура засмеется, а Хироки Сугимура сложит руки на груди и изобразит на лице легкую улыбку. Норико тоже улыбнется, когда Сюя примется ожесточенно скрести у себя в затылке. «Ладно, — подумал он, — с этим я и войду, хотя поставлю себя в неловкое положение».

Сюя взялся за ручку двери, напустил на себя самый что ни на есть виноватый вид и аккуратно отодвинул дверь в сторону.

Стоило только Сюе поднять голову из формального поклона, как в нос ему ударила жуткая вонь.

Он быстро оглядел класс и изо всех сил толкнул дверь, и она отъехала в сторону.

Первое, что Сюя заметил, — это что у кафедры кто-то лежит.

Госпожа Окадзаки...

Нет, это была не госпожа Окадзаки. Это был их классный руководитель, господин Хаясида. И... и...

...у него не было головы. На том месте, где должна быть голова, он увидел лужу крови. Рядом с этой лужей лежала половина оправы очков господина Хаясиды.

Сюя с трудом оторвал глаза от трупа классного руководителя и осмотрел остальную часть класса.

Столы и стулья были расставлены как обычно.

Странным было то, что все одноклассники валялись на своих столах. И еще...

Пол был буквально залит кровью. Сильный запах распространялся по классу.

Какое-то мгновение постояв в неподвижности, Сюя протянул руку к Маюми Тэндо — и вдруг понял, что у нее в спине торчит серебристая стрела вроде антенны. Кончик этой стрелы выходил из живота Маюми. Кровь капала ей на юбку и дальше на пол.

Тогда Сюя двинулся вперед и потряс тело Кадзуси Нииды. Голова Кадзуси резко запрокинулась, открывая его лицо.

По спине у Сюи тут же побежали ледяные мурашки. На месте глаз у Кадзуси были теперь две темно-красные дыры. Кровь и какая-то липкая жидкость вроде яичного белка сочились оттуда... А еще... еще ему в рот был воткнут какой-то предмет, похожий на буравчик с толстой ручкой.

Вскрикнув, Сюя подбежал к стулу Ёситоки Кунинобу. В спине его друга было три дыры. Когда Сюя приподнял Ёситоки, голова его свесилась ему на плечо.

— Ёситоки!.. — воскликнул Сюя и лихорадочно огляделся.

Все либо горбились на стульях, либо валялись на полу.

Горло Мэгуми Это было перерезано, напоминая спелый арбуз. Из затылка Ёдзи Курамото торчал серп. Голова Сакуры Огавы лопнула как перезревший фрукт. От головы Ёсими Яхаги осталась лишь половина. Солидный топорик торчал из расколотой напололам головы Тацумити Оки, отчего она походила на две половинки арахиса. Живот Кёити Мотобути напоминал мусорный бачок на сосисочной фабрике. Лицо Тадакацу Хатагами было совсем смято и заляпано кровью. Из уголка разинутого рта на распушем, почти черном лице Хироно Симидзу торчал язык величиной с крупного морского слизняка. Тело Синдзи Мимуры, Третьего, было буквально изрешечено пулями.

В общем... все они были мертвы.

Однако внимание Сюи привлекло кое-что еще. Сёго Кавада — тот необщительный переведенный ученик с плохой репутацией. У него были глубокие колотые раны по всей груди. Его открытые глаза смотрели вниз, на пол... но глаза эти уже ничего не видели.

Наконец Сюя сделал глубокий вздох и взглянул на стул Норико Накагавы. Ее место было как раз за стулом Ёситоки, и казалось, он бы уже давно мог ее заметить. Однако

невесть почему стулья с трупами его одноклассников словно бы медленно кружились. И Сюя с трудом сумел разыскать Норико.

Она сидела развалясь на своем стуле.

Сюя тут же подбежал к Норико и поднял ее.

БУММ. Голова девочки отвалилась, с глухим стуком упала на пол и закатилась в лужу крови... а потом посмотрела на Сюю. Причем в глазах Норико застыло возмущение. «Я думала, ты спасешь меня, Сюя, — словно бы говорила она. — Но ты меня не спас. И я все-таки умерла. Но я все равно очень тебя любила. По-настоящему».

Не в силах отвести глаз от лица Норико, Сюя схватился за голову и раскрыл рот. Ему показалось, он сейчас сойдет с ума.

Но внезапно Сюя заметил что-то белое.

Стоило ему только физически осознать, что его тело на самом деле находится в горизонтальном положении, как он наконец понял, что это потолок. С левой стороны от него висела лампа дневного света.

Кто-то нежно коснулся его груди.

Тут Сюя вдруг понял, что он тяжело дышит. Глаза его пробежались от ладони к локтю, от локтя к плечу и наконец различили фигуру с косичками в матроске и плиссированной юбке — старосту девочек класса Юкиэ Уцуми (ученицу номер 2). Юкиэ тепло ему улыбалась.

— Наконец-то ты пришел в себя, — сказала она. — Какая радость!

Осталось 14 учеников

59

Сюя попытался встать, но страшная боль разошлась по всему телу, и он упал на спину. Тут Сюя понял, что лежит на мягкой постели со свежими простынями.

Юкиэ снова нежно коснулась груди Сюи, затем подтянула пуховое одеяло к самому его подбородку.

— Не трать зря силы. У тебя скверная рана... Похоже, тебе снился кошмарный сон. Как ты себя чувствуешь?

Сюя не мог связно ответить на этот вопрос и стал пока осматривать маленькую комнатку. Она была оклеена дешевыми типовыми обоями, за спиной у Юкиэ стояла еще одна кровать, но больше Сюя ничего такого особенного не разглядел. Похоже, над головой у Сюи находилось окно, через которое просачивался слабый свет, освещающий помещение. Но все-таки... где же он все-таки был?

— Не понимаю, — сказал Сюя и вдруг сообразил, что может говорить. — Не помню, чтобы я со старостой класса в гостиницу вписывался.

Он все еще не вполне пришел в себя, но Юкиэ облегченно вздохнула. Затем ее полные губы разошлись в улыбке, и девочка весело хихикнула.

— Можно и так сказать. И все же мне теперь настолько легче, когда все с тобой хорошо. — Глядя на Сюю, Юкиэ добавила: — Ты довольно долго был без сознания. Так-так... — она взглянула на часы, — всего примерно тринадцать часов.

«Тринадцать часов? — подумал Сюя. — Тринадцать часов. Тринадцать часов тому назад я был...»

Глаза его широко раскрылись. А воспоминания и настоящее кое-как склеились воедино. Теперь Сюя полностью пришел в себя.

Но ему необходимо было кое-что выяснить. Причем прямо сейчас.

— А как там Норико, Норико Накагава? И Сёго Кавада?

Задав вопрос, Сюя затаил дыхание, гадая: «Живы ли они еще?»

Юкиэ окинула его странным взглядом.

— Думаю, Норико... — сказала она, — и Сёго еще живы. Мы только что выслушали полуденное объявление, и их имена упомянуты не были.

Сюя глубоко вздохнул. «Значит, Норико и Сёго сумели спастись, — подумал он. — Кадзуо преследовал меня, а их потерял из вида. Кадзуо был...»

Тут Сюя взглянул на Юкиэ.

— Кадзуо. Это Кадзуо! — В голосе его была слышна паника. — Где мы? Ты тут одна? Мы должны быть осторожны!

Юкиэ нежно тронула правую руку Сюи, высунувшуюся из-под одеяла.

— Успокойся. — Затем она спросила: — Это Кадзуо с тобой сделал?

Сюя кивнул.

— Он как раз на нас и напал. Кадзуо точно играет в игру.

— Надо же... — Юкиэ кивнула и продолжила: — Ничего, мы здесь в безопасности. Нас тут шестеро, не считая тебя. Все остальные стоят на вахте, так что не волнуйся. Все они мои близкие подруги.

Сюя удивленно поднял брови.

— Шестеро? Кто?

— Юка Накагава. — Юкиэ упомянула веселую девочку, однофамилицу Норико. Затем она продолжила: — Еще Сатоми Нода и Тисато Мацуи. Харука Танидзава. И Юко Сакаки.

Сюя провел языком по пересохшим губам. Заметив выражение его лица, Юкиэ спросила:

— Что такое? Ты не можешь им доверять? Которой? Всем сразу?

— Да нет... — Сюя покачал головой. — Раз они твои подруги, я всем им доверяю.

«Но как смогли шесть девочек, все добрые подруги, собраться вместе?» — подумал он.

Юкиэ улыбнулась и сжала его ладонь.

— Вот и хорошо. Рада слышать это от тебя, Сюя.

Сюя тоже улыбнулся, но лишь на мгновение. Ему необходимо было узнать кое-что еще. Он уже пропустил три объявления — полуночное, в 6 утра и полуденное.

— Кто... кто еще погиб? — спросил Сюя. — Я... я хочу сказать, в полночь, в шесть утра и в полдень было три объявления, верно? Кто-нибудь еще умер?

Юкиэ сжала губы. Затем взяла какую-то бумагу с соседнего бокового столика. Оказалось — это карта и список учеников. Сюя понял, что это та самая карта, которую он держал в кармане школьного пиджака.

Просмотрев список, Юкиэ сказала:

— Хироно Симидзу. А потом Кэйта Иидзима, Тосинори Ода, Ютака Сэто, Юитиро Такигути, Тадакацу Хатагами и Синдзи Мимура.

Сюя онемел. Конечно, игра шла своим чередом, но его потрясло, что в живых осталось чуть больше дюжины учеников. Он же был в одной команде с Тадакацу Хатагами. Но что его просто убило, так это...

— Синдзи...

Синдзи Мимура, Третий, погиб. В это трудно было поверить. Сюя думал, что если кто-то и уцелеет, так это Синдзи.

Юкиэ молча кивнула.

В то же самое время Сюя был поражен тем, что все-таки реагирует недостаточно эмоционально. По-видимому, он уже ко всему привык. Да, наверняка именно так. Но тут он вспомнил совершенно особенную улыбку Синдзи, а затем то серьезное выражение лица, которое было у Синдзи, когда он делал ему знак успокоиться, когда они еще были в здании школы.

«Никогда нам больше не увидать потрясающую игру звездного Третьего», — подумал Сюя и почувствовал скорбь.

— Когда было объявлено имя Синдзи?

— Утром, — ответила Юкиэ. — Кэйта Иидзима и Ютака Сэто тоже попали в утреннее сообщение. Они могли быть вместе. Они были такими добрыми друзьями.

— Понимаю...

В полночь Синдзи был все еще жив. И, как сказала Юкиэ, он мог держаться вместе с Ютакой Сэто и Кэйтой Иидзимой.

— Прошлой ночью произошел невероятный взрыв, — добавила Юкиэ. — И еще было очень много выстрелов. Должно быть, тогда все и случилось.

— Взрыв?

Сюя вспомнил ручную гранату, брошенную в них Кадзуо.

— А это не было... вообще-то, Кадзуо бросил в нас ручную гранату. Возможно, именно это вы и услышали.

Юкиэ подняла брови.

— Значит... тогда взорвалась ручная граната. Вскоре после одиннадцати, верно? Нет, тот взрыв, о котором я говорю, на самом деле произошел уже после того, как тебя сюда принесли. И был гораздо громче того, что случился в одиннадцать. Та девочка,

которая в тот момент стояла на страже, сказала, что весь центр острова озарился пламенем.

Сюя сжал губы, но затем вспомнил, что все еще не спросил о том, где они находятся.

Однако прежде чем он об этом спросил, Юкиэ вручила ему карту и список учеников.

— Вот, возьми. Это твое. Я сделала отметки на твоей карте.

Разложив карту, Сюя тут же заметил, что там стало больше запретных зон.

— Вот место, где мы разговаривали о роке.

То место находилось в секторе В=3, который был перечеркнут карандашом наряду с несколькими другими секторами. Небольшая приписка: «23-е, 11 утра» — означала, что этот сектор стал запретным сегодня утром в одиннадцать, когда Сюя еще спал.

Сюя стиснул зубы. Норико и Сёго там уже не было — мысли его окончательно прояснились, — если только они не погибли за время, прошедшее от полудня до нынешнего часа. Конечно, они все еще были живы... но тут Сюя вспомнил, что он видел Сёго и Норико мертвыми, как и Ёситоки и Синдзи, в своем сне. И мурашки побежали у него по спине.

Но в любом случае они должны были остаться в живых. Проклятье, теперь ему оставалось только и верить, что с ними все хорошо. Но как он, черт побери, сможет их найти?

Сюя положил карту себе на грудь. В таких обстоятельствах он не мог себе позволить тратить время на лишние раздумья. Самое главное — это информация. А раз он был здесь не один, мог найтись способ.

Сюя взглянул на Юкиэ.

— А где мы все-таки? И как я оказался в этой постели?

Юкиэ взглянула в сторону окна.

— Это маяк, — ответила она.

— Маяк?

— Ну да. На северо-восточной оконечности острова. Он отмечен на карте. Мы с самого начала игры здесь находимся.

Сюя снова взглянул на карту. Как и сказала Юкиэ, маяк находился в секторе В=10, выдаваясь вперед на северо-востоке. Запретных зон поблизости почти не было.

— А теперь, Сюя, про вчерашнюю ночь. Передней частью маяка является утес, и как раз с этого утеса ты упал. Девочка, которая в тот раз стояла на страже, нашла тебя... и принесла сюда. Ты был очень сильно изранен. Весь покрыт кровью. Я думала, ты умрешь.

Сюя наконец заметил, что обнажен по пояс, а пульсирующее болью левое плечо замотано повязкой. (Проанализировав свои ощущения, он решил, что пуля раздробила ему левую лопатку и по-прежнему там сидит.) Еще Сюя чувствовал жжение над самым ошейником, куда также была наложена повязка (впоследствии, однако, выяснилось, что эта рана просто царапина). У него также была рана над левым локтем.

(Хотя пуля, скорее всего, прошла навывлет, она задела то ли кость, то ли сухожилие, и на этом участке рука онемела.) И еще левый бок. (Пуля пробила его, но, похоже, никаких жизненно важных органов не задела.) Неловко двигая невредимой правой рукой, Сюя приподнял одеяло и убедился, что он весь в повязках.

Тогда он натянул одеяло и спросил:

— Значит, вы меня лечили?

— Да, — кивнула Юкиэ. — Мы нашли аптечку скорой помощи в маяке. И немного заштопали твои раны. Конечно, не слишком классная работа, потому что мы толком не знали, как это делается, и могли использовать только нитку с иглой из швейного набора. Кажется, пуля у тебя в плече... так там и осталась. Очень многого мы сделать не смогли. Я подумала, что на самом деле тебе требовалось переливание крови. Ты буквально истекал кровью.

— Спасибо вам большое.

— Не за что, — по-доброму улыбнулась Юкиэ. — Никогда бы не поверила, что буду вынуждена вот так парня трогать! Ведь мне тебя даже раздеть пришлось!

Сюя прыснул. Да, хотя Юкиэ была и умна, и тактична, она порой могла говорить такие вот смелые вещи. Все верно, эта девочка была именно такой. Сюя познакомился с ней в один из дождливых дней в физкультурном зале начальной школы. Он пришел туда, чтобы ознакомиться с местом, отведенным для занятий Лиги юниоров по бейсболу и женскому волейболу. И Сюя потом сказал Ёситоки: «Есть еще Уцуми, та, что в волейбольной команде. Она очень славная. В моем вкусе. Знаешь, такая общительная».

Конечно, в данный момент Сюе не следовало предаваться воспоминаниям. Юкиэ предложила ему попить, и он одобрительно присвистнул. Вообще-то, Сюя очень хотел пить, а чашка уже стояла на столике.

«Вот это да, вот так староста, — подумал Сюя. — В один прекрасный день ты станешь замечательной женой, нет, просто чудесной женщиной. Но честно говоря, ты уже сейчас чудесная женщина».

Сюя взял чашку, приподнял голову и попил. Рана у него на шее болела, когда он глотал, и поэтому Сюя морщился. Но он выпил всю чашку, до конца.

— Может, я слишком многого прошу, — сказал Сюя, возвращая Юкиэ чашку, — но думаю, мне следует как можно больше пить. И еще... нет ли у вас какого-нибудь болеутоляющего? Чего угодно. Оно мне поможет.

Юкиэ кивнула:

— Конечно. Я сейчас принесу.

Сюя вытер губы.

— Поразительно, — сказал он, помедлив, — что твои подруги меня приняли. Ведь я мог оказаться врагом.

Юкиэ помотала головой.

— Мы просто не могли позволить кому-то из одноклассников умереть. А кроме того... — Тут она заглянула Сюе в глаза и игриво улыбнулась. — Это был не просто

какой-то одноклассник. Это был ты, Сюя. Я в нашей группе главная, а потому я заставила всех согласиться.

Означало ли это, что... что Юкиэ тоже заметила в Сюе нечто особенное еще во время их знакомства в физкультурном зале начальной школы?

Сюя стал выяснять дальше:

— Но отсюда следует... что не все сильно этого желали. Я так и знал.

— В общем, да. Учитывая все обстоятельства. — Юкиэ опустила глаза. — Пойми их правильно. Все очень взволнованы.

— Ага, — кивнул Сюя. — Я понимаю.

— Но я их убедила. — Юкиэ подняла глаза и снова улыбнулась. — Так что ты должен быть мне благодарен.

Сюя стал благодарно кивать — и вдруг заметил, что Юкиэ, которая только что улыбалась, теперь почему-то готова была залиться слезами.

Взглянув на него, девочка сказала:

— Знаешь, Сюя, я страшно волновалась. Я думала, ты умрешь.

Захваченный врасплох таким проявлением чувств, Сюя молча на нее смотрел.

— Я просто не знала, что мне делать, если ты умрешь, — продолжила Юкиэ.

В голосе ее теперь слышались рыдания.

— ...Понимаешь, о чем я говорю? Теперь ты видишь, почему я любой ценой должна была тебя спасти?

Сюя посмотрел в полные слез глаза Юкиэ и медленно кивнул. «Просто поверить не могу, насколько я популярен», — подумал он.

Конечно... все это могло быть психологической реакцией на ситуацию на острове. При таких условиях они, вероятнее всего, должны были умереть. (Нет, согласно правилам, они совершенно определенно должны были умереть. Сюя еще никогда не слышал, чтобы кто-то, кроме победителя, выжил в этой дьявольской Программе.) И теперь, когда уцелевших становилось все меньше и меньше, могло получиться так, что парень, который просто немного тебе нравился после разговора в углу физкультурного зала начальной школы, превращался в человека, за которого ты бы с радостью умерла.

Хотя нет — все наверняка обстояло иначе. Юкиэ никогда не смогла бы противостоять своим подругам, если бы Сюя по-настоящему ее не интересовал. Да и как иначе она могла бы так ему доверять?

— Я понимаю, — сказал Сюя. — Спасибо.

Ладонью правой руки Юкиэ вытерла слезы.

— Скажи мне одну вещь, — продолжила она. — Ты спросил про Норико и Сёго. И сказал «мы». Значит, ты был с ними?

Сюя кивнул.

Юкиэ хмуро сдвинула брови.

— Про Норико я понимаю... но не говори мне, что ты действительно был в одной компании с Сёго.

Сюя понял, на что она намекает.

— Сёго совсем не плохой парень, — сказал Сюя. — Он меня спас. Мы с Норико выжили благодаря ему. Уверен, что сейчас Сёго защищает Норико... Да, послушай. Есть кое-что гораздо более важное, — с энтузиазмом продолжил он. — Совсем забыл. Знаешь, Юкиэ, мы можем спастись.

— Спастишь?

Сюя энергично кивнул.

— Сёго собирается нас спасти. Он знает выход отсюда.

Глаза Юкиэ широко распахнулись.

— Правда? В самом деле? И какой?

Тут Сюя внезапно умолк. Ведь Сёго сказал ему, что до самого конца не сможет об этом рассказать.

И, если вдуматься... Сюя не мог предъявить никаких доказательств. Он доверял Сёго, но сомневался, что сумеет убедить Юкиэ, которая не знала Сёго так хорошо. Как сам Сёго постоянно ему напоминал, Юкиэ может заподозрить, что Сёго просто использует Сюю и остальных.

Тогда Сюя решил объяснить ей все с самого начала.

Он рассказал Юкиэ о том, как на него сразу же после выхода из школы напал Ёсио Акамацу, как он с тех пор оставался с Норико, как он сражался с Тацумити Оки, и как, когда Кёити Мотобути стал в него целиться, Сёго его спас, и как они с тех пор боролись за жизнь вместе. Сюя рассказал Юкиэ о плане спасения, о том, как у Норико начался жар и как они перебрались в медпункт. Ну да, а потом насчет Хироки Сугимур. И как Хироки сообщил им, что Мицуко Сомы опасна. А потом как во время перехода из медпункта на них напал Кадзуо Кирияма.

— Значит, с Тацумити... — После того как Сюя закончил, Юкиэ почему-то вытасила на свет прежде всего Тацумити Оки. — Значит, это была случайность?

— Ну да. Все вышло так, как я описал, — ответил Сюя и хмуро сдвинул брови, глядя на девочку. — А что такое?

Юкиэ покачала головой.

— Ничего, — сказала она и тут же сменила тему. — Извини, что я так откровенна, но я не могу вот так с бухты-барахты поверить Сёго. В смысле, что отсюда можно спастись.

Сюя не понимал, почему Юкиэ спросила про Тацумити, но подумал, что это может быть связано с чем-то важным. Кроме того, его не удивляло скептическое отношение Юкиэ к Сёго.

— Я тебя понимаю. И все же я думаю, что мы можем доверять Сёго. Это сложно объяснить, но поверь — он правда хороший парень. — Сюя нетерпеливо махнул неповрежденной правой рукой. — Если бы ты с ним пообщалась, ты бы поняла.

Юкиэ в задумчивости прижала пальцы правой ладони к губам.

— Хорошо, — сказала она. — Получается, нам в любом случае следует его выслушать. Если уж на то пошло, вряд ли у нас есть еще какой-то выход.

Сюя внимательно на нее посмотрел.

— А ты что планировала сделать?

Юкиэ пожала плечами.

— Ничего я не планировала. Мне казалось, все безнадежно. Мы с девочками просто обсуждали, не лучше ли нам попытаться сбежать или еще на какое-то время остаться здесь. Но так ни к какому решению и не пришли.

Тут Сюя понял, что забыл спросить кое о чем еще.

— Как же вы собрались здесь вместе? Все шестеро?

— Ах, да, — кивнула Юкиэ. — Я еще не рассказала. Я просто вернулась к школе и всех созвала.

Сюя удивился.

— Когда?

— Должно быть, это произошло сразу же после того, как вы с Норико убежали. На самом деле я увидела, как убегает Кадзуси Ниида... вообще-то, я хотела вернуться вовремя, чтобы встретиться с тобой, но увидела я только Кадзуси... и еще те два трупа прямо у выхода из школы.

Сюя удивленно поднял брови.

— Ёсио тогда был только без сознания, да?

Юкиэ покачала головой.

— Мне не удалось посмотреть повнимательнее... но в тот момент он определенно казался мертвым. Из его шеи... торчала стрела...

— Значит, Кадзуси...

Юкиэ кивнула.

— Думаю, да.

— А ты не боялась, что другие будут как Ёсио? — спросил затем Сюя.

— Конечно, эта мысль приходила мне в голову, но я просто не могла придумать другого варианта, кроме как образовать группу. Тогда я прошла некоторое расстояние по лесу. Я прикинула, что если я там спрячусь, меня не будет видно. Если бы меня заметили, вышло бы очень скверно.

Сюя был глубоко тронут. Да, он должен был заботиться о раненой Норико, и все-таки он махнул рукой на всех остальных. Хироки Сугимура сказал, что он ждал Такако Тигусу, но он все-таки был парнем, а кроме того, занимался боевыми искусствами.

— Ну и ну, староста. Ты меня поражаешь.

Юкиэ улыбнулась:

— Норико ты по имени называешь, а я для тебя просто «староста», да?

Сюя даже не знал, что сказать.

— Ну, я просто...

— Не волнуйся, все хорошо.

Улыбка промелькнула на лице Юкиэ.

— Затем вышла Юка Накагава... — продолжила она, — и я ее позвала.

— И тебе удалось прямо там ее убедить? Пойми меня правильно — я очень высоко ценю твою репутацию, но...

— Ну да, — кивнула Юкиэ. — Кроме того, я вернулась не одна. Сначала я была страшно потрясена, но я просто должна была вернуться. И по пути назад мне сказочно повезло — я нашла Харуку. Ты же знаешь, мы с Харукой лучшие подруги.

Сюя кивнул. Юкиэ и Харука Танидзава вместе играли в волейбольной команде.

— Я поговорила с Харукой. Когда я ей сказала, что мы должны вернуться, она сперва заартачилась, но потом согласилась — в конце концов, у нас было оружие. У меня в рюкзаке нашелся пистолет. Когда Юка Накагава услышала, что мы обе ее зовем, она решила нам довериться.

После некоторых размышлений Сюя упомянул одно «правило»:

— Но... ведь в этой игре совсем не обязательно доверять кому-то, кто в паре с другим.

Юкиэ кивнула:

— Да, в каком-то смысле так и получилось.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы решили не брать мальчиков... извини... но мы это обсудили и решили, что от мальчиков могут быть неприятности. Так что мальчиков мы пропускали, а потом была еще очередь Фумиё. — Тут Юкиэ помолчала. Фумиё Фудзиёси (ученица номер 18) погибла еще до их выхода из школы. — После нее вышла Тисато. Так нас стало пятеро (я еще не упомянула Сатоми). Мы также позвали Каори Минами, но...

— Она убежала, — закончил за нее Сюя.

— Да, убежала.

Сюя вдруг вспомнил, что так и не рассказал Юкиэ, как погибла Каори. И собрался было рассказать — но решил, что не стоит. Теперь, когда убийца Каори Хироно Симидзу тоже была мертва, это казалось не слишком уместным, а кроме того, ему не очень приятно было об этом вспоминать. И, как бы ужасно это ни звучало, он не мог позволить себе тратить время на разговоры о мертвецах.

— Значит, Ёсими отреагировала так же, как Каори? — Упомянув имя последней ученицы в списке, Сюя вдруг почувствовал, что по спине к него побежали мурашки. Имена мертвых девочек. Ёсими и Каори. Обе уже были мертвы. Боже. Улыбающееся лицо мужчины в черном костюме опять вдруг всплыло перед глазами у Сюи. «Привет, Сюя. Давненько не виделись. Как там дела? Все еще жив? Ну, да ты просто герой...»

— Нет... — Отвернувшись от Сюи, Юкиэ поджала губы и прищурилась. — Ёсими совсем другое дело.

— Почему?

Юкиэ глубоко вздохнула:

— Вообще-то, я предложила ее позвать. Но некоторые из девочек наотрез отказались. Ты же знаешь — Ёсими дружила с Мицуко. Они не могли ей доверять.

Сюя погрузился в молчание.

— Теперь Ёсими мертва, — отворачиваясь, добавила Юкиэ. — Мы позволили ей погибнуть.

— Нет, ты неправа, — возразил Сюя.

Юкиэ снова на него посмотрела.

— Это от вас не зависело. Ничьей вины здесь нет.

Сюя понимал, что это звучит не слишком убедительно, но больше ему нечего было сказать.

Юкиэ лукаво улыбнулась и вздохнула:

— Ты добрый, Сюя. Ты всегда был такой славный.

Она снова погрузилась в молчание, но Сюя решил сказать кое-что еще:

— Вам следовало позвать Синдзи. — Да, группа Юкиэ вполне могла позвать Синдзи Мимуру, который находился в почти самом хвосте списка учеников. — Ему можно было доверять.

Юкиэ опять вздохнула:

— Я тоже так подумала... но у Синдзи была не очень хорошая репутация... среди девочек. Знаешь, его считали кем-то вроде плейбоя. И Синдзи был так умен, что это порой даже пугало. Помнишь, как он вмешался, когда Норико ранило? Одна из девочек сказала, что это мог быть рассчитанный ход, чтобы вызвать к себе доверие.

Такое же объяснение дал Сюе и Сёго, упомянув о том, что видел Синдзи.

— Прежде чем мы успели что-то решить, Синдзи уже ушел. — Юкиэ пожала плечами. — В любом случае мы решили не приглашать мальчиков. Поэтому мы и Кадзухико не позвали.

Да, все верно. Кадзухико Ямамото встречался с Сакурой Огавой и был не только привлекателен, но и очень добр. Следовательно, Кадзухико, должно быть, был популярен среди девочек. Однако группа Юкиэ Уцуми решила и его не включать в группу. Учитывая такую политику, вполне понятно, что у них возникли какие-то трения по поводу того, взять ли сюда Сюю.

Тут Сюя понял, что Юкиэ назвала только пятерых. Она ничего не сказала про Юко Сакаки (ученицу номер 9).

— А как насчет Юко? Ты ее не упомянула.

Юкиэ кивнула и посмотрела на Сюю в ответ.

— Тут тоже счастливая случайность. Мы пришли сюда вчера утром... Славная крепость, да? А вчера вечером, где-то около восьми, Юко просто брела мимо. Она была до смерти напугана.

Юкиэ умолкла, но у Сюи возникло ощущение, будто она хотела сказать что-то еще. Он уже как раз собирался спросить ее, в чем дело, но тут девочка сама продолжила:

— ...Так или иначе, Юко все знают. Здесь никаких проблем не было.

Теперь все сходилось. Сюя подумал было расспросить больше про Юко Сакаки, но решил этого не делать. Если Юко до прошлого вечера ходила одна, то вполне могла столкнуться с чем-то ужасным. Пережила ли она чье-то нападение, увидела ли, как ученики убивают друг друга, или наткнулась на растерзанный после боя труп?..

Сюя несколько раз кивнул:

— Теперь понимаю.

— А вот я одного не понимаю, — сказала Юкиэ. — Правда, это не так уж и важно, и все же... Хироки сказал, что ему нужно увидеться с Каёко Котохики, верно? И именно поэтому он не присоединился к вашей группе.

Сюя беспокоился о Хироки. Однако Хироки был еще жив, и Каёко Котохики тоже. Сумел он ее найти или нет?

— Значит, он должен был ее увидеть. Интересно, зачем.

Сюя покачал головой.

— Мы не спрашивали. Он очень спешил. Мы тоже недоумевали...

Объясняя все это Юкиэ, Сюя в очередной раз задал себе вопрос, сумел ли Хироки найти Каёко Котохики. Если он это сделал, тогда... Внезапно в голове у него прозвучал голос Сёго: «Этот звук — твой билет сюда. Если соберешься, сможешь подсесть на наш поезд».

Тут глаза Сюи широко распахнулись.

— Манок!

— Что?

Сюя взглянул на Юкиэ.

— Я знаю, как мы сможем объединиться с Сёго и Норико.

— Правда?

Сюя кивнул и попытался хоть немного привстать. Объяснить можно было позднее.

— Подожди, — остановила его Юкиэ. — Тебе нужно отдохнуть.

— Не могу. Чем дольше я тут лежу...

— Я сказала — погоди. Может, ты все-таки захочешь прислушаться к девочке, которая в тебя влюблена. — Юкиэ сумела сказать это с игривой улыбкой, хотя и немного зарделась. — Мы взяли тебя сюда потому, что, даже если бы ты очнулся, то какое-то время не смог бы двигаться. Твой внезапный выплеск энергии может кое-кого из девочек напугать.

Глаза Сюи широко раскрылись. Надо полагать, именно поэтому другие девочки и позволили Юкиэ остаться здесь с ним наедине.

— В любом случае просто какое-то время не двигайся с места. Я расскажу им все, что ты мне рассказал. Я стану настаивать на том, что и тебе, и Сёго можно доверять, и

постараюсь их в этом убедить. Что же до того, чтобы связаться с Сёго и Норико, то я не могу допустить, чтобы это сделал ты один. Это просто опасно. Я и об этом с ними поговорю. Так что просто останься здесь. — Затем она спросила: — Ты сможешь поесть?

— Ага.

На самом деле Сюя изрядно проголодался. Он очень тревожился о Норико и Сёго, но подумал, что сперва лучше бы поесть. Еда поможет его иммунной системе бороться с ранениями.

— Если у вас тут есть лишняя еда, я бы не отказался. Я действительно очень ослаб.

Юкиэ улыбнулась.

— Мы прямо сейчас готовим обед. Я немного тебе принесу. По-моему, там что-то вроде тушеного мяса с овощами. Ничего?

— Тушеного мяса с овощами?

— Ага. На маяке полно продуктов, хотя в основном это консервы и сушеные овощи и фрукты. Но мы нашли воду и твердое топливо, так что смогли кое-что приготовить.

— Колоссально. Просто потрясающе.

Юкиэ убрала руку с края кровати. Пройдя к двери, она сказала:

— Мне правда очень жаль, но дверь я собираюсь запереть.

— Что?

— Извини. Там кое-кто тебя боится. Так что, пожалуйста, просто подожди, — сказала Юкиэ и ласково улыбаясь, открыла дверь и вышла. Две ее косички закачались, точно хвостики какого-то загадочного животного. А еще Сюя заметил, что сзади под юбкой у девочки спрятан пистолет.

С обратной стороны двери послышался лязг. С трудом приподнявшись на правом локте, Сюя выглянул в окно над головой. Оно было забрано досками, и свет едва просачивался сквозь щели. Все это было проделано, чтобы не пустить незваных гостей — но сейчас служило идеальной камерой одиночного заключения.

Пальцы его полупарализованной левой руки машинально взяли под одеялом несколько аккордов. Сюя бессознательно наигрывал тот самый мотив, с которым его познакомил мужчина из сиротского приюта, отдавший ему свою гитару перед тем, как отправиться в исправительно-трудовой лагерь. Песенка называлась «Тюремный рок».

Глубоко вздохнув, Сюя лег на кровать. Легкого движения было достаточно, чтобы он ощутил в боку нестерпимую боль.

Осталось 14 учеников

Маяк острова Окисима был старенький, но вполне сносный. Его семнадцатиметровая башня была обращена фасадом к северу, а пристройка — одноэтажное кирпичное здание находилось с ее южной стороны. Одна из комнат

использовалась как столовая, кухня и гостиная, за ней находились кладовка и туалет. Еще дальше располагались две спальни, одна большая, другая маленькая, еще одна кладовка находилась рядом со входом. (Сюя отдыхал в маленькой спальне.)

В углу кухни-гостиной, размерами никак не меньше классной комнаты, стоял небольшой столик. На одном из стульев, расставленных вокруг стола, сидела Юко Сакаки (ученица номер 9). Она склонилась над белой столешницей и, казалось, дремала. В отличие от пяти других девочек, Юко многие часы перед этим бродила по острову, а потому одна ночь вряд ли помогла ей снять усталость. Ничего удивительного. Мало того, у Юко была причина вообще всю прошлую ночь не спать.

Команда Юкиэ Уцуми использовала это помещение и как гостиную, и как спальню. Одной девочке приходилось дежурить наверху башни, а всем остальным, как решила Юкиэ, лучше быть вместе.

Недалеко от Юко Сакаки Харука Танидзава (ученица номер 12) и Тисато Мацуи (ученица номер 19) деловито готовили что-то из консервированных продуктов, разложив на плите кучки твердого топлива, так как газ к горелкам не поступал. Высокая, ростом 172 сантиметра, Харука была нападающей в волейбольной команде, и вместе с Юкиэ Уцуми, пасующей, они составляли отличный дуэт. Волосы у Харуки были короткие, и рядом с миниатюрной, длинноволосой Тисато они порой были похожи на жениха и невесту. Готовили они консервированное тушеное мясо с консервированными овощами. Над их головами висели доски, найденные ими в кладовке и приколотенные к окну с матовыми стеклами, которое теперь едва пропускало тусклый свет. Доски также могли быть использованы, чтобы отвести незваных гостей. Как только девочки сюда прибыли, они немедленно задраили все до единого входы в здание. (Передняя дверь, через которую они проникли, служила им аварийным выходом, и именно через нее девочки привели Юко, но теперь она была надежно забаррикадирована столами и шкафчиками.)

С того места, где сидела Юко, была видна другая половина комнаты, где находился письменный стол с факсом и компьютером. Слева от стола на диване сидела Сатоми Нода (ученица номер 17), а небольшой столик, стоявший перед диваном, использовали, чтобы забаррикадировать переднюю дверь. Как и Юкиэ, Сатоми была прилежной ученицей, но всегда казалась немного холодной. Сейчас она была страшно измотана, то и дело приподнимала свои очки в проволочной оправе и растирала сонные глаза.

Боковая дверь кухни слева от дивана выходила в коридор, который вел к парадной двери. Другая дверь, справа от Юко, выходила к башне, откуда по нескольким стальным ступенькам можно было попасть в световую камеру. Юко еще не приходилось дежурить, но Юкиэ сказала ей, что, поскольку маяк стоит лицом к океану и от бухты ведет сюда одна тропинка, а весь остальной район окружен горами, наблюдение вести не так сложно. Юкиэ сейчас находилась в комнате, где содержался Сюя Нанахара.

Сюя Нанахара.

Тут Юко почувствовала, как страх и сопутствующая ему дрожь возвращаются к ней. Эта картина врезалась в ее память. Расколота голова. Из нее вынимают окровавленный топор. И мальчик, который этот топор держит.

Жуткое воспоминание. И этот мальчик — Сюя Нанахара — был теперь в маяке, в том же здании, что и Юко. Так ужасно...

Нет-нет, все нормально. Все хорошо.

Стараясь унять дрожь, Юко уперлась взглядом в белую столешницу и напонила себе, что Сюя Нанахара умирает, что он не может очнуться после стольких ранений и такой потери крови.

Кто-то похлопал ее по плечу, и Юко подняла взгляд.

— Ну как, поспала? — спросила Харука Танидзава, усаживаясь рядом с Юко и внимательно на нее глядя. Похоже, она решила ненадолго оторваться от приготовления пищи. А Тисато Мацуи тем временем проверяла инструкции по приготовлению, разглядывая упаковку с консервированными продуктами. (Вообще-то, Тисато сегодня утром по-тихому всплакнула. Харука Танидзава шепнула Юко, что это из-за объявления о смерти Синдзи Мимуры. До сих пор Юко и понятия не имела, что Тисато была влюблена в Синдзи Мимуру. Глаза девочки все еще были красными от слез.)

— Да, спасибо, — выдавливая из себя улыбку, ответила Юко. Все было хорошо. Пока она будет оставаться здесь с пятью подругами, все будет хорошо. Здесь она в безопасности. Пусть даже это чувство безопасности развеется как дым, когда придет время. И все же...

Тут Харука решила затронуть болезненную тему.

— Так что ты сказала насчет вчерашнего?

— А, ничего... — Юко улыбнулась. — Сейчас все хорошо.

Да, все верно. Сейчас все было хорошо. Юко даже думать об этом не хотелось. От одних лишь воспоминаний мурашки бежали по спине. Но... но... в любом случае...

Сюя Нанахара не должен был снова очнуться. Тогда все будет хорошо. Просто отлично.

Харука с сомнением улыбнулась:

— Тогда ладно.

Да, все верно. Когда потерявшего сознание Сюю Нанахару вчера обнаружили перед маяком, Юко воспротивилась тому, чтобы его принять. Она объясняла (вернее, она скорее кричала, чем объясняла), как она видела расколотый череп Тацумити Оки, как Сюя Нанахара вынул оттуда топор, что он опасен и попытается всех их убить, если они только оставят его в живых.

Юко и Юкиэ чуть было не подрались, но затем Харука и остальные девочки настояли на том, что не могут позволить кому-то вот так умереть, не оказав помощи, и притащили Сюю сюда. Держа приличную дистанцию, Юко с пепельно-серым лицом смотрела, как девочки вносили окровавленного Сюю. Она воспринимала это так, будто к ней в дом притащили жуткое чешуйчатое чудовище, преследовавшее ее в детских ночных кошмарах. Да, именно так все и выглядело.

Но... пока шло время, Юко убедила себя в том, что Сюя умирает. В конце концов, он просто не мог оправиться от таких ран. Сознание того, что он умирает, не утешало,

но так Юко, по крайней мере, как-то сумела взять себя в руки. Она лишь настояла на одном — комната Сюи должна всегда быть заперта.

Харука продолжила. Тот же самый вопрос девочки несколько раз задавали Юко вчера.

Да, действительно. Юко пряталась в кустах, когда услышала звук глухого удара. Когда же она подошла ближе, то стала лишь свидетельницей того, как Сюя вынимает топор из головы Тацумити. Затем она сразу же убежала.

Основываясь на рассказе самой Юко, Харука сказала, что она видела только последствия. Было вполне возможно, что Сюя сделал это из самозащиты. И все же...

...сколько бы Харука и Юкиэ ей об этом ни говорили, Юко никак не удавалось увидеть все произошедшее в таком свете. Нет, она просто отвергала эту мысль.

«Что ты имеешь в виду под этим „вполне возможно“? — думала Юко. — Я видела расколотый череп. Я видела, как Сюя Нанахара держит в руках топор. Окровавленный топор. С которого капает кровь!»

Теперь все мысли девочки крутились вокруг этой сцены. Юко больше не могла объективно судить о Сюе Нанахаре. Это было как природная катастрофа, как наводнение или смерч. В тот самый миг, как она начинала думать о Сюе, ужас той сцены начисто уничтожал все разумные доводы. Оставалось лишь инстинктивное чувство: Сюя Нанахара опасен.

Можно было объяснить почему Юко так твердо держится за это убеждение: ее отталкивало насилие. Она просто не могла его выносить. Услышав дружескую болтовню о фильме ужасов в классе "Б" (обычно больше всех старалась Юка Накагава: «Да, конечно, было очень забавно. Но в общем-то ничего особенного, крови могло быть и побольше, ха-ха-ха!»), Юко чувствовала такую слабость, что ее приходилось отводить к школьной медсестре.

Вероятно, все это было как-то связано с воспоминанием о ее отце. Даже хотя он был родным отцом, не отчимом, но сильно пил и обижал ее мать, ее старшего брата и саму Юко. Она тогда была слишком мала... и не понимала, в чем тут дело. Юко так ни разу и не набралась смелости спросить свою мать, почему отец был таким. Она даже не хотела об этом вспоминать. Во всяком случае, когда отец был заколот во время азартной игры членом якудзы — Юко тогда была еще в первом классе, — она испытала скорее облегчение, нежели боль утраты. С тех самых пор они с матерью и братом жили спокойно. Отныне они даже могли позволить себе приглашать в гости друзей. После гибели отца все трое наконец-то почувствовали себя в безопасности.

И все же порой он ей снился. Юко снилась ее окровавленная мать, избитая клюшкой для гольфа (они были очень бедны, и это был единственный дорогой предмет у них дома). Ее брат, которому отец заехал пепельницей, чуть не лишился зрения. И... сама Юко, страдающая от ожогов сигаретой, парализованная страхом (ее мать, попытавшаяся вмешаться, была снова избита).

Возможно, все это было как-то связано, а может, и нет. В любом случае, Юко была совершенно убеждена в том, что Сюя Нанахара опасен.

— Верно? — Она слышала, как Харука с энтузиазмом что-то говорит, но слова просто до нее не доходили. По телу Юко снова пробежал озноб — в ее воображении

возникло еще одно жуткое видение. Все, включая ее, все шестеро девочек лежали на полу, их черепа были расколоты, а Сюя Нанахара стоял с топором в руке и кровожадно ухмылялся...

Нет-нет. Это должно закончиться. Сюя Нанахара до этого не доживет.

— Да. — Юко подняла взгляд и кивнула. На самом деле она понятия не имела, о чем говорила Харука. Но в любом случае, пока Сюя не очнулся, не стоило вносить в команду разлад. Харука, казалось, искала еще каких-то подтверждений тому, что она ее убедила.

— Да-да, — сказала Юко. — Я просто ошиблась. К тому же я так устала.

От этого Харуке явно полегчало.

— Сюя — славный парень, — заверила она Юко. — Таких, как он, очень мало.

Юко так посмотрела на Харуку, словно та была мумией, выставленной в музее. До недавних пор она тоже так думала. Сюя казался немного странным, но в целом в нем было что-то очень располагающее. Юко даже считала его вроде как отличным парнем.

Но все это было в прошлом. Или, более точно, та сцена с расколотым черепом вытеснила прочие воспоминания.

«Что? — думала Юко. — Что ты говоришь, Харука? Что он славный? О ком ты говоришь?»

Харука с сомнением заглянула Юко в глаза.

— Так что даже если он встанет, — добавила она, — не провоцируй его, ладно?

Юко пришла в ужас. Сюя Нанахара никогда не должен был очнуться. Если... если только это случится...

Однако ее рассудок еще работал, и Юко кивнула и сказала:

— Все отлично. Нет проблем.

— Вот и хорошо. Мне очень полегчало.

Харука кивнула Юко в ответ и повернулась к Тисато.

— Пахнет чудесно, — не вставая, сказала она.

От кастрюли на плите вместе с паром плыл аппетитный запах тушеного мяса.

Тисато повернула голову и тонким, очень тихим голоском отозвалась:

— Да, и на вид тоже очень хорошо. Может, получится лучше, чем вчерашний суп.

Тисато долго плакала над Синдзи Мимурой, но сейчас казалась почти в полном порядке. Даже Юко это видела.

Как раз тогда дверь в коридор открылась, и там появилась Юкиэ Уцуми. Как всегда, у нее была идеальная осанка, и она уверенно шла вперед. После прибытия Юко Юкиэ по-прежнему прекрасно справлялась с руководством группой, хотя и казалась немного усталой. А с тех пор как они приняли Сюю, она выглядела к тому же и расстроенной. (На самом деле причина заключалась в том, что, с одной стороны, Юкиэ счастлива была видеть Сюю, а с другой — тревожилась, что его раны могут стать смертельными.) Теперь же Юко показалось, что она уже давно не видела Юкиэ такой бодрой и энергичной. Лицо девочки буквально лучилось радостью.

Одновременно Юко показалось, будто по спине у нее поползла гусеница. Ничего хорошего она, видя Юкиэ в таком настроении, не ожидала.

Юкиэ остановилась, уперла руки в бока и оглядела всех девочек. Затем комически сложила ладони у рта в форме рупора.

— Сюя Нанахара очнулся! — объявила она.

Харука и Тисато вскрикнули от радости, Сатоми встала со своего дивана. А Юко Сааки...

...побелела как полотно.

Осталось 14 учеников

61

— Правда? А он может говорить? — спросила Харука.

— Угу. И, в частности, говорит, что проголодался. — Юкиэ кивнула, а затем взглянула на Юко и сказала: — Все в порядке. Я заперла дверь в его комнату, так что можешь не беспокоиться.

Никакой насмешки в этом заявлении не прозвучало. Скорее Юкиэ просто сообщала о том, что она должна была сделать как лидер группы.

«Но запертая дверь не поможет», — подумала Юко. На самом деле она прошлой ночью снова и снова об этом думала. Хотя тогда она почти не сомневалась, что Сюя не оправится, но что, если он все-таки оправился бы? Как она тогда смогла бы с этим жить? И тут... она почувствовала аппетитный запах.

«Какое удачное совпадение по времени, — подумала Юко. — Мы как раз собираемся поесть. А кроме того... ничего странного, если парень, который в критическом состоянии, внезапно умрет, верно?»

Юко выдавила из себя почти безупречную улыбку и покачала головой.

— Я и не беспокоюсь, — отозвалась она. — Извини, Юкиэ, я вчера так запуталась. Я больше ничего не буду иметь против Сюи.

Похоже, при этих ее словах Юкиэ испытала облегчение и глубоко вздохнула.

— Тогда, я думаю, мне вовсе не требовалось запирать дверь. — Улыбнувшись Юко, она добавила: — То, что случилось, просто несчастный случай. Так сказал Сюя.

При упоминании имени Тацумити в голове у Юко тут же всплыло воспоминание об ужасной сцене, а по спине опять побежали мурашки, но она все же сумела сохранить на лице улыбку и кивнуть. «Да, — подумала Юко, — несчастный случай. Да-да. Конечно. Наверное, для Тацумити Оки это был особенно несчастный случай».

Затем Юкиэ обратилась к Харуке:

— Послушай, Харука, ты за Юкой не сходишь? Нам тут нужно кое-что обсудить.

— Разве ей не следует стоять на страже? — спросила в ответ Харука.

— Все в порядке, — кивнула Юкиэ. — Мы забаррикадировались, так что ничего страшного с нами не случится. К тому же это очень ненадолго.

Харука кивнула и вышла. Было слышно, как ее туфли стучат по стальной лестнице.

Пока Сатоми и Тисато по очереди спрашивали: «Как он?» и «Может ли он поесть то же, что и мы?», Юко тихо встала и прошла к раковине.

Рядом с дымящейся кастрюлей было расставлено несколько глубоких тарелок. Тисато и Харука достали их из буфета.

Погрузив ладонь в карман юбки, Юко нащупала лежащий там предмет. В качестве оружия она нашла в своем рюкзаке выдвижную дубинку на пружине, но то, что она сейчас держала в руке, было помечено как «особая премия». Поначалу эта самая «премия» показалась Юко бесполезной. Даже после того, как ее здесь приняли, не видела особого смысла в том, чтобы о ней упоминать. Но когда появился Сюя Нанахара, у Юко возникла кое-какая идея, и она приняла решение держать «премию» в секрете.

В прошлом... насилие ее отца, страх, в котором жила семья, внезапно закончились. Именно так ее семья в конце концов обрела покой.

Теперь здесь возникла другая угроза. Юко должна ее остановить. Как только она это сделает... она снова будет в безопасности.

Юко не колебалась. Как ни странно, она была совершенно спокойна.

Одной рукой девочка вынула пробку из маленького пузырька у себя в кармане.

Осталось 14 учеников

62

— Послушай, Юкиэ, — крикнула Юко.

Юкиэ, которая в тот момент разговаривала с Сатоми и Тисато, повернула к ней голову.

— Может, нам сперва лучше отнести еду Сюе? — предложила Юко.

Юкиэ буквально засияла улыбкой.

— Отличная мысль. Давай так и сделаем.

Затем Юко очень небрежно добавила:

— Тушеное мясо на вид готово. Как насчет того, чтобы я начала его раскладывать?

И она взяла тарелку. Ту самую.

— Конечно... ах да, вот еще что, — сказала Юкиэ, внезапно что-то припомнив. — Знаешь, в ящичке стола есть аптечка.

По-моему, там должны быть какие-то болеутоляющие. Я отнесу их Сюе вместе с едой.

— ...Конечно. — Юко поспешно опустила тарелку. — Хорошо. Я сейчас.

Письменный стол, оборудованный компьютером и факсом, находился напротив раковины, в углу комнаты. Юко обошла вокруг кухонного стола, чтобы туда добраться.

Послышался стук шагов на лестнице. Почти сразу же в комнату вошли Харука Танидзава и Юка Накагава. На плече у Юки Накагавы висела штуковина, напоминающая большой пистолет с удлиненным магазином. (Это был пистолет-пулемет «Узи» калибра 9 мм. Это оружие получила в игре Сатоми Нода, но поскольку оно казалось наиболее мощным из всего, чем располагали девочки, его брала та, которая заступала на вахту.)

— Я слышала, Сюя пришел в себя! — своим обычным радостным голосом сказала Юка, кладя оружие на стол. Немного полненькая и, благодаря тренировкам в теннисной команде, хорошо загорелая, Юка даже в этих обстоятельствах умудрялась оставаться такой же веселой.

— Да, — радостно кивнула Юкиэ.

— Тогда тебе должно сильно полегчать, староста, — поддразнила ее Юка.

Юкиэ слегка покраснела:

— Ты о чем?

— Да брось. Ты прямо вся сияешь.

Юкиэ нахмурилась, а затем покачала головой. Внезапно кое-что поняв, Юка посмотрела на Тисато и погрузилась в молчание. Тисато, потерявшая Синдзи Мимуру, мальчика, которого она любила, теперь удрученно смотрела в пол.

Юко едва прислушивалась к этому разговору, доставая аптечку, которую она нашла в ящичке стола. Она положила ее на стол и раскрыла. Там оказалась уйма всяких медикаментов, тампонов и прочего. Недоставало там только повязок, поскольку все они до единой были использованы для лечения Сюи Нанахары.

«Болеутоляющие... — задумалась Юко, — которые же тут болеутоляющие. Хотя какая разница? Это совершенно неважно. Потому что...»

— Ух ты, какой запах аппетитный! — услышала она голос Юки, которая опять пыталась поднять всем настроение. Но Юко никак не отреагировала на это восклицание.

«Болеутоляющие... — соображала она, — ага, вот они. Здесь. От головной боли, менструальных спазмов, зубной боли... ох... вообще-то у меня болит живот. Я потом немного приму. Когда все малость успокоится. Да-да, когда все малость осядет».

— Так что ты хотела обсудить? — своим слегка хриловатым голосом спросила Сатоми у Юкиэ.

— Ага, верно, — поддержала ее Харука. — Что случилось?

— Да, конечно, — отозвалась Юкиэ. — Дайте мне только прикинуть, с чего начать.

Только когда Юка сказала: «Давайте же наконец попробуем», Юко внезапно подняла взгляд.

Она повернулась... и увидела, как Юка поднимает тарелку и подносит ложку ко рту. Если она хотела попробовать, ей следовало бы воспользоваться поварешкой. Но

вместо этого держала в руках именно ту, в которую Юко насыпала полупрозрачный порошок.

Юко побледнела как смерть. Она уже собиралась подать голос, попросить Юку этого не делать... но все произошло мгновенно.

Юка выронила тарелку, и тушеное мясо с овощами оказалось на полу. Все дружно посмотрели на девочку.

А в следующее мгновение Юка схватилась за горло и ее вырвало тем, что она проглотила. Затем девочка зашлась от кашля. Она выкашливала что-то ярко-красное. Красный кружок образовался на белом столе, над которым она склонилась, а затем девочка рухнула на пол.

— Юка!

Все — исключая Юко, которая не могла двинуться или сказать хоть слово, — с криками бросились к Юке.

А та перекадилась на бок и снова стала харкать кровью. Загорелое лицо девочки все больше бледнело. Красная пена стекала из уголков ее рта.

— Юка! Юка! Что случилось?!

Юкиэ вовсю ее трясла, но темно-красная пена все продолжала течь изо рта девочки. Глаза Юки, казалось, вот-вот выскочат из глазниц, и теперь даже белки глаз становились красными. То ли по причине воспаления, то ли из-за лопнувших капилляров темно-красные пятна стали распространяться по всему посиневшему лицу девочки, превращая его в маску какого-то монстра.

Юка перестала дышать.

Все погрузилось в молчание. Дрожащей рукой Юкиэ коснулась горла Юки.

— Она мертва... — сказала староста.

Позади Юкиэ, склонившейся над Юкой, и Харуки совершенно неподвижно стояла мертвенно-бледная Юко. Она вся дрожала. (Хотя было вполне возможно, что остальные четыре девочки находились в том же состоянии.)

«Ох, как же так... — лихорадочно думала Юко, — как это могло... все это ошибка... как же так... ты ведь только отхлебнула... неужели такой сильный яд... я не... это ошибка... я ее убила... по ошибке... это была ошибка... я не хотела... я только хотела избавиться от...»

— Ведь пищевым отравлением это быть не могло... верно? — дрожащим голосом спросила Юкиэ.

— Я... я только что пробовала, — откликнулась Тисато. — Ничего не случилось... это... это... должно быть...

— ...Яд? — закончила Харука.

Это слово проскочила словно искра. Все девочки (точнее, все, кроме Юко, но остальные четверо этого не понимали) уставились друг на друга.

Внезапно раздался стук. Сатоми Нода схватила узи и прицелилась в сидящих девочек. Остальные четыре девочки (на сей раз включая Юко) машинально стали пятиться, стараясь оказаться подальше от трупа Юки.

Сатоми дико заверещала. Глаза ее за очками расширились от страха.

— Кто?! Кто это сделал?! Кто отравил еду?! Кто здесь пытается нас убить?!

— Прекрати! — крикнула Юкиэ.

Юко заметила, как рука старосты тянется к пистолету, спрятанному под юбкой (браунингу «Хай Пауэр» калибра 9 мм. Это было оружие Юкиэ, и, как лидер группы, она его всегда носила при себе). Юкиэ уже собралась было двинуться вперед, но остановилась и отступила.

— Положи оружие, — велела она Сатоми. — Так нельзя.

— Очень даже можно. — Сатоми бешено замотала головой. Юко не верила своим глазам. Сатоми, которая всегда казалась такой спокойной, теперь потеряла самообладание. — В последнем объявлении было сказано, что нас осталось только четырнадцать. Игра подходит к концу. Так что наш враг наконец поднимает голову. — Затем Сатоми взглянула на Харуку и сказала: — Ведь это ты еду готовила.

Харука неистово замотала головой.

— Не я одна. Тисато тоже...

— Это ужасно! — воскликнула Тисато. — Я бы никогда ничего такого не сделала! А кроме того... — Она, похоже, немного поколебалась, но затем все же сказала: — У Сатоми и Юкиэ тоже была масса возможностей отравить пищу.

— ...Это верно, — согласилась Харука и, повернувшись к Сатоми, зашипела на нее: — Или ты уже слишком дергаться начинаешь?

— Харука! — попыталась остановить ее Юкиэ, но было уже слишком поздно. Сатоми совсем разнервничалась.

— Ты о чем?

— Да-да, все верно, — продолжила Харука. — Во-первых, ты всю ночь не спала. Я точно знаю. Когда я в середине ночи проснулась, ты была на ногах. Разве это не значит, что ты нам не доверяешь? Вот тебе доказательство!

— Пожалуйста, Харука, прекрати! — взмолилась Юкиэ, которая теперь тоже почти кричала. — Сатоми! Положи оружие!

— Ага, сейчас, размечталась. — Теперь Сатоми нацелила узи на Юкиэ. — Прекрати великого вождя из себя корчить. Вот, значит, какую сцену ты тут разыгрываешь, когда твой план всех отравить провалился? Так?

— Сатоми... — в отчаянии вымолвила Юкиэ.

Юко поднесла ладони ко рту и отступила. Она, казалось, была парализована от ужаса. Но она... хотела все рассказать... хотела выложить правду... иначе... иначе... могло случиться что-то ужасное.

Внезапно Тисато двинулась к боковому столику у стены справа от раковины. Там лежал пистолет чешской модели ЧЗ-75 (это оружие было в рюкзаке у Юки).

Раздался треск очереди. Тисато получила три пули в спину, ухватилась за край бокового столика, соскользнула и ничком упала на пол. Не имело смысла проверять... она была мертва.

— Сатоми! Что ты делаешь?! — хрипло закричала Юкиэ.

— Ничего такого! — Держа в руках дымящийся узи, Сатоми кричала на Юкиэ. — Она бросилась за пистолетом. Потому что была виновна.

— Ты все-таки это сделала! — воскликнула Харука. — Юкиэ! Стреляй! Стреляй в Сатоми!

Сатоми прицелилась в Харуку. Лицо ее потемнело. Казалось, она в любую секунду готова застрелить недавнюю подругу.

Но в этот момент Юкиэ все-таки положила руку на браунинг у себя под юбкой. После колебаний она, вероятно, решила прострелить Сатоми руку.

Тогда Сатоми быстро перевела узи и выстрелила в Юкиэ.

Девочку отбросило назад. Кровь хлынула из ее груди, и она упала навзничь.

Харука лишь мгновение стояла неподвижно, а потом метнулась к браунингу, который при падении выронила Юкиэ. Оружие Сатоми настигло Харуку, разворотив ей чуть ли не целый бок вместе со школьной формой. Харука соскользнула на пол.

Теперь Сатоми прицелилась в Юко.

— А ты? — спросила она. — Ты ведь другая, правда?

Юко лишь молча дрожала и не сводила глаз с лица Сатоми.

Внезапно раздался хлопок. В левом виске Сатоми появилась дыра. Девочка раскрыла рот... и опустила взгляд на свою левую руку. Из дыры в виске хлынула кровь, заливая стекла ее очков в проволочной оправе и стекая дальше по лицу.

Шея Юко, точно какое-то механическое устройство, скованно повернулась, проследила за глазами Сатоми, и она увидела, что окровавленная Харука, собрав последние силы приподнялась с пола, держит браунинг.

Узи в руках у Сатоми выдал трескучую очередь. Неясно было, нажала она на спусковой крючок намеренно или сработал рефлекс. Пули пронзили тело Харуки, опрокидывая ее и отбрасывая назад.

Тело Сатоми медленно наклонилось и с глухим стуком упало на пол рядом с трупом Юки Накагавы.

Оставшись одна в комнате, Юко просто стояла и продолжала трястись. Тело ее почти онемело. С видом ребенка, случайно забредшего на выставку уродов, она все продолжала смотреть на пол, усеянный трупами пяти ее одноклассниц.

Осталось 9 учеников

Услышав, как что-то разбилось, Сюя подумал, что одна из неловких девочек, должно быть, уронила тарелку. Но когда разразился ожесточенный спор, он сел на кровати и тут же почувствовал острую боль в левом боку. Сюя застонал, но, пользуясь правой рукой, все же сумел выбраться из постели и босыми ногами встать на пол. Из всей школьной формы на нем теперь были только брюки. Жаркий спор продолжался.

Сюе показалось, что он услышал крик Юкиэ.

Тогда Сюя подошел к двери и положил ладонь на дверную ручку. Ручка повернулась, но когда он толкнул... дверь не поддавалась. Сквозь сантиметровую щель Сюе удалось разглядеть деревянную доску, диагонально приставленную к двери. Как Юкиэ его и предупредила, они соорудили импровизированный запор.

Снова ухватившись за дверную ручку, Сюя несколько раз энергично ее потряс, но дверь опять не поддавалась. Тогда он просунул пальцы в щель, но доска, приставленная к двери, не сдвигалась.

Уже готовый сдаться, Сюя глубоко вздохнул — но тут вдруг услышал из щели слишком знакомый треск. Раздались крики.

Сюя побледнел. На них там напали... но даже если нет... все равно там было что-то не так!

Напрягая израненное тело и стараясь не шататься, Сюя поднял правую ногу и пнул дверь голый пяткой. Технике пинка его научил Хироки Сугимура. Однако дверь выдержала пинок, а Сюя потерял равновесие, рухнул на спину и застонал от жгучей боли в боку. Еще Сюя понял, что ему бы не мешало отлить, но с этим можно было подождать.

ТРА-ТА-ТА. Еще треск. А затем еще — ТРА-ТА-ТА.

Сюя повернулся к кровати, ухватился за нее и встал. Затем подтащил кровать к двери и повернул ее так, чтобы одна ее спинка упиралась в дверь, а сам, собрав все силы, толкнул ее. Дверь громко затрещала. Отлично. Еще толчок.

Бум. Выстрел. На сей раз единственный.

Кровать снова врезалась в деревянную дверь, и та с треском раскрылась в коридор. Правой рукой Сюя выдернул кровать из дверного прохода.

Теперь был ясно слышен напоминавший работу пишущей машинки треск автомата.

Сюя выбрался в коридор. Окна были наглухо заколочены досками, шторы опущены, а потому в неосвещенном коридоре царил полумрак. Слева находилась входная дверь, справа Сюя увидел еще три двери. Самая дальняя была слегка приоткрыта, и из нее в коридор просачивался свет.

Сюя подобрал доску около метра длиной и направил свое ноющее, израненное тело по коридору. Теперь в здании было совсем тихо. Что там за чертовщина случилась? Кто-то напал... или...

Сюя осторожно приблизился к двери. Заглянув в щель, он увидел комнату с кухонным оборудованием, рядом со столом в центре лежали Юкиэ Уцуми и Харука Танидзава. Дальше лежала Юка Накагава (Боже, что у нее было с лицом!). К стене справа привалилась Тисато Мацуи. Еще кто-то лежал ничком в тени стола. Наверняка Сатоми Нода. А худощавая девушка, неподвижно стоявшая к нему спиной, с шелковистыми, прямыми волосами до плеч безусловно была Юко Сакаки.

Возле мертвых девушек группы Юкиэ валялось огнестрельное оружие. В нос Сюе ударил резкий запах крови, обильно залившей пол.

Сюя в шоке застыл. Эта непреодолимая немота напоминала состояние, в котором он находился, когда увидел прямо перед школой труп Маюми Тэндо.

Что здесь случилось? Как такое могло случиться? Юкиэ, которая совсем недавно сказала ему: «Может, ты все-таки захочешь прислушаться к девочке, которая в тебя влюблена», теперь лежала вон там, у стола. Четыре другие девочки тоже валялись как попало. Они были мертвы? Они погибли?

У Юко, стоящей спиной к Сюе, оружия в руках не было. Она просто стояла столбом, точно инопланетянка.

Сюя все еще находился в шоке, пока медленно, держась за дверную ручку, открывал дверь и входил в комнату.

Юко резко развернулась. Налитыми кровью глазами взглянув на Сюю, она бросилась к пистолету, лежащему на полу между трупами Юкиэ и Харуки.

Сюя тоже вышел из оцепенения. Неповрежденной рукой он швырнул доску примерно в той же манере, как когда он делал идеальный бросок в Лиге юниоров. (Впрочем, он уже не был уверен, существует ли на свете такая игра, как бейсбол. Все происходило словно на далекой планете в туманности Андромеды, где аборигены играли во что-то подобное, пользуясь лишь тремя руками из пяти, хотя в финальном иннинге допускалось также использование хвоста.)

Все его тело пронзила боль, и Сюя сморщился. Доска ударилась об пол прямо перед Юко и отскочила. Юко резко остановилась, прикрывая ладонью лицо, и упала на окровавленный пол.

Сюя бросился к пистолету. Он понимал, что, если в этой ситуации Юко возьмет в руки пистолет, станет совсем плохо.

Юко, взвизгнув, немного отползла, затем вскочила, развернулась и бросилась в другой конец комнаты. Обогнув стол, она скрылась за открытой дверью. Послышался стук ее туфель по металлу. Там была лестница?

Сюя глазел на дверь еще какое-то мгновение после того, как Юко исчезла. А потом подбежал к Юкиэ и опустился рядом с ней на колени.

Он увидел, что ее грудь изрешечена пулями, под ней лужа крови, но глаза Юкиэ были закрыты, словно она мирно спала. Рот ее был слегка приоткрыт...

Девочка уже не дышала.

— Боже! — воскликнул Сюя. Правую, поврежденную руку он протянул к мирному лицу Юкиэ. В первый раз с момента, когда началась игра, на глаза ему навернулись слезы. Не потому ли, что они всего лишь несколько минут тому назад разговаривали? Или из-за того, что Юкиэ сказала:

«Я просто не знала, что мне делать, если ты умрешь... Понимаешь, о чем я говорю? Понимаешь?»

На ее заплаканном лице тогда читалось облегчение. И легкая грусть. А теперь это лицо было таким мирным...

Сюя огляделся. Даже не имело смысла проверять. Лицо Юки Накагавы было жуткого цвета. Кровавая пена продолжала капать у нее изо рта. Сатоми Нода лежала ничком, и лужица крови скопилась у нее под головой. В спине Тисато Мацуи виднелись несколько дырок от пуль, а Харука Танидзава... ее голова была почти оторвана от туловища.

Как... как такое могло случиться...

Сюя снова посмотрел на Юкиэ. Израненной левой рукой он взял девочку за правую руку и сумел ее приподнять. Это могло показаться бессмысленным. Но Сюя должен был его сделать.

Держа тела Юкиэ в своих руках, Сюя слышал, как кровь из ран в ее груди капает на пол. Голова девочки запрокинулась, и заплетенные в косички волосы коснулись его руки.

«Понимаешь, о чем я говорю?»

Сюя залился слезами, и они стали капать на простреленную матроску.

— Боже. — Сюя прикусил нижнюю губу и нежно опустил тело Юкиэ на пол. Затем подобрал браунинг, который попыталась схватить Юко Сакаки. Наконец пошел к двери, за которой исчезла Юко. Собственное тело казалось Сюе страшно тяжелым. И не только от ранений. Правой рукой, в которой он также держал браунинг, Сюя вытер глаза.

Он вошел в цилиндрическое пространство из голого бетона. Башня. Здесь был маяк. В центре высилась толстая стальная колонна, а вокруг нее вилась винтовая лестница. Окон там не было, и лишь капелька света проникала сверху.

— Юко! — крикнул Сюя. Начиная взбираться по лестнице, он заорал: — Юко, что случилось?

Юко на лестнице не появилась, но он услышал ее панический крик. Тогда Сюя сдвинул брови... и стал быстро подниматься по лестнице. Рана у него в боку совсем разболелась. Наверняка она опять стала кровоточить, потому что повязки казались Сюе сырыми.

Осталось 9 учеников

64

Юко Сакаки совсем запыхалась, поднимаясь по винтовой лестнице на самый верх маяка. В центре площадки находилась похожая на циклопа линза Френеля. За стеклом световой камеры Юко увидела облачное небо. Низкая дверка справа вела на узкий балкон, девочка ее распахнула и вышла.

Вероятно, из-за высоты, но ветер здесь дул сильнее, чем ожидала Юко.

Перед девочкой лежал океан. Отражая облачное небо, вода была тускло-голубой, а белые волны вышивали на нем узоры, как по какой-то ткани. Юко двинулась направо. Прямо перед ней была северная гора. Слева к подножию горы тянулась проселочная дорога, а у ворот в начале проселка, чисто декоративных, стоял белый грузовик.

Юко вцепилась в стальную поручень, опоясывающий балкон. Комната, где она считанные мгновения тому назад была, теперь находилась далеко внизу. Девочка видела крышу одноэтажного здания пристройки. Двигаясь вдоль поручня, она стала обходить световую камеру по кругу, но не могла найти там того, что искала, — стальной лесенки, ведущей вниз. На вахте стоять Юко еще не доводилось, а потому,

как устроен маяк, она не знала. Пути вниз с наружной стороны не существовало. Поняв, что оказалась в ловушке, девочка обратила лицо к небу. Уже готовая запаниковать, она все-таки стиснула зубы и постаралась собраться с духом. Если там не было лестницы... она должна прыгать.

Юко задыхалась. Она снова посмотрела вниз.

«Да, высоко, — подумала девочка. — Конечно, не все так скверно, но все равно высоко. На самом деле с такой высоты вообще невозможно прыгнуть...» Но прежде чем Юко успела что-то решить, в мозгу у нее возникла жуткая картина: на сей раз это была ее голова, расколота на две половинки, и лужа крови. Она должна сбежать. Любой ценой. Ей надо спастись. И времени уже не оставалось.

Тогда Юко пригнулась и проскользнула между прутьев на скорую руку смонтированного стального ограждения. Снова держась за поручень, но уже снаружи, она встала на краешек балкона всего десяти сантиметров шириной, но тут...

...от вида панорамы у нее под ногами голова девочки закружилась. Слишком высоко... не может быть и речи о том, чтобы отсюда прыгнуть... нет, слишком высоко...

Голова Юко вдруг совсем закружилась, и ноги ее соскользнули с краешка балкона. Лодыжкой ударившись о бетонный край, Юко пронзительно взвизгнула. И все же сумела руками удержаться за тонкий стальной поручень. Тело девочки повисло.

Отчаянно цепляясь за поручень, Юко задыхалась. Она... она чуть было не погибла.

И все же девочка сделала глубокий вдох и сосредоточилась на своих руках. Все верно, теперь нужно подтянуться и снова забраться на балкон. А потом она сможет придумать какой-то способ отбиться от Сюи Нанахары. Это был единственный вариант... Сильный порыв ветра качнул ее тело. Юко снова заверещала, но это не очень помогло. Руки, цеплявшиеся за стальной поручень, соскользнули, но теперь девочка сумела ухватиться за край балкона.

Юко с ужасом чувствовала, как потеют ее ладони. Панический страх буквально ее душил. Как, как, как она теперь может потеть? Ее ладони... ее ладони... они соскальзывали...

Правый мизинец уже не держался за край балкона.

— Нет! — пронзительно взвизгнула Юко. Тут ее подвел безымянный палец. А затем и вся правая ладонь оторвалась от края (ноготь указательного пальца зацепился, но тут же сломался). Тело девочки покачивалось, и только ее левая ладонь теперь служила точкой опоры. Но вот и левая ладонь...

Пока Юко дико визжала, у нее было ощущение, что она падает.

Но вдруг она почувствовала что-то похожее на удар, что-то дернуло ее вверх. Девочка не пролетела и полуметра.

Качаясь как маятник, Юко подняла голову... и увидела, как Сюя Нанахара выпрямляется по ту сторону ограды, правой рукой держа ее за кисть.

Какое-то мгновение Юко смотрела Сюе прямо в глаза, но в следующий миг воскликнула:

— Нет!..

Конечно, вырви Юко руку, она бы погибла, но ведь за руку ее держал не кто иной, как Сюя Нанахара!

— Нет! Нет!

Юко продолжала вопить, но в голове крутилось: «Почему? Почему ты пытаешься меня спасти? Потому что хочешь использовать меня, чтобы выжить самому? Хотя нет, я поняла. Ты хочешь собственными руками меня убить!»

— Нет! Отпусти меня! — заверещала Юко. Она могла мыслить здраво. — Нет! Я лучше умру здесь, чем позволю тебе меня убить! Отпусти! Отпусти!

Что бы Сюя ни подумал по этому поводу (или, может статься, он вовсе ничего не подумал), выражение его лица никак не изменилось, и он заорал:

— Держись!

Юко снова уставилась на Сюю... и вдруг поняла, что из-под повязки, закрывающей рану у него на шее, вниз по его голому плечу сочится кровь.

Кровь стекала дальше по его руке к левой ладони девочки.

— Мм, — стиснув зубы, простонал Сюя и еще крепче ухватил ладонь Юко. Лицо его было покрыто потом. Да, все верно, не только шея, но и все его тело было покрыто серьезными ранами. Учитывая, что теперь он не просто удерживал Юко, но и пытался ее вытащить, он, должно быть, испытывал нестерпимую боль.

Юко изумленно раскрыла рот. «Почему? — опять подумала она. — Почему, когда тебе так больно, ты все равно пытаешься меня спасти? Ведь это же...»

И тут до нее все дошло. Черный туман в голове девочки внезапно развеялся, словно его сдул морской бриз, обдувавший тело. Образ Сюи, с окровавленным топором в руке глядящего на труп Тацумити Оки, внезапно исчез, а все прошлые (пусть и всего лишь двухдневной давности) воспоминания о третьем классе "Б" вернулись. Вспомнилось радостное выражение лица Сюи Нанахары, как он шутил со своими друзьями Ёситоки Кунино-бу и Синдзи Мимурой и каким выглядел серьезным, повторяя сложный ряд аккордов на занятии в музыкальном кружке, как он победно позировал на второй базе после выполнения идеального удара на уроке физкультуры (эту его позу Юко видела из окна физкультурного зала, где девочки играли в волейбол). А потом, однажды, когда она была бледна из-за месячных, Сюя нежно спросил: «Что с тобой, Юко? Ты такая бледная», подзывая помощницу медсестры Фумиё Фудзийёси. Каким же он тогда выглядел заботливым!

Господи, нет. До Юко наконец дошла вся ситуация. «Это же Сюя, — подумала она. — Сюя пытается меня спасти. А я... почему? Почему я вбила себе в голову, будто я должна убить Сюю? Почему я так считала? Ведь это Сюя. И я всегда считала его отличным парнем... по-настоящему милым... но нет...»

И тут в голову Юко пришла другая мысль. Все, что она сделала, и последствия этого поступка. Девочка снова побледнела.

«Я... все мои мысли совсем перепутались... и... вот что у меня в конце концов получилось...»

Юко залилась слезами. Сюя, который это заметил, выглядел озадаченным.

— Сюя! — закричала девочка. — Ведь это... ведь это была я! Я пыталась тебя убить!

Сюя еще больше удивился, а Юко смотрела на него со слезами.

— Я... — продолжила девочка, — я подумала, ты убил Тацумити... я увидела вас обоих... и испугалась. Я страшно испугалась. Тогда я попыталась отравить твою еду... но вышло так... что Юка ее попробовала... а потом все... все...

Сюя мгновенно все понял. Прячась в ближайших кустах, Юко увидела, как он после схватки с Тацумити Оки вынимает топорик из его головы. Она не видела, как потом появились Кёити Мотобути и Сёго. Юко видела один только этот момент. Она могла бы истолковать его как акт самозащиты со стороны Сюи или как несчастный случай, но была слишком напугана, чтобы доверять Сюе. Тогда Юко отравила пищу, чтобы его убить, но ту пищу по ошибке съела Юка... и все девочки запаниковали, подозревая друг друга. А уцелела в конечном итоге только сама преступница, Юко...

— Это ничего! — крикнул Сюя. — Все хорошо, только не шевелись! Я тебя вытащу!

Сюя почти распластался на балконе. Поскольку его левая рука почти не действовала, он не мог ухватиться за поручень. И все же он изогнулся и в конце концов сумел так подтянуть правое колено к туловищу, что смог упереться спиной о стенку. Сюя изо всех сил старался удержать руку Юко. Боль в его израненном теле, особенно в боку, в левом плече и в шее, все нарастала.

Юко обратила к нему заплаканное лицо и помотала головой.

— Нет. Нет. Это я виновата, что все... все... — вымолвила она и внезапно стала расцеплять пальцы. Сюя попытался ухватить ее покрепче, но...

...ладонь Юко выскользнула из руки Сюи. Нагрузка на его тело внезапно исчезла.

Обращенное вверх лицо Юко смотрело на удаляющегося Сюю...

С глухим стуком Юко упала спиной на крышу одноэтажного здания вниз.

Тело девочки в матроске и плиссированной юбке раскинулось... шея так вывернулась, что казалось, ее голова отделена от туловища. Выплеснувшаяся из правого виска красная влага разлилась по крыше, образовав пятно в форме сморщенного кленового листа.

Сюя смотрел на девочку сверху вниз, а его правая рука все ещё свисала с балкона.

Осталось 8 учеников

Хироки Сугимура (ученик номер 11) глубоко вздохнул.

Минут десять тому назад он слышал яростную перестрелку. Он тогда бродил вокруг северной горы, и сразу же бросился туда, откуда раздавались выстрелы. А потом... к тому времени, как он добрался до маяка, там уже было тихо. Хироки, изучивший карту, знал, что там маяк, но считал, что Каёко Котохики никогда не стала бы прятаться в таком сомнительном месте, а потому до сих пор не брал его в расчет.

Он не был уверен, что перестрелка произошла именно на маяке. Посмотрев с утеса вниз, Хироки увидел девочку, лежащую на крыше одноэтажной кирпичной пристройки. Даже с этого расстояния он смог различить красное пятно... и понять, что девочка мертва. Короткими волосами и миниатюрным телом девочка напоминала и Каёко Котохики, и Мэгуми Это, труп которой он уже обнаружил.

Хироки аккуратно соскользнул с края утеса. При спуске труп на крыше исчез из его поля зрения. Наконец Хироки добрался до входа в маяк. За открытой дверью оказалась груда стульев и столов. Кто-то явно возвел здесь баррикаду, но по неясной причине эта баррикада затем была разрушена. Взглянув на зашитое досками окно, Хироки осторожно пошел по коридору. (У самого входа находилась маленькая комнатка с кроватью, но опять-таки по неясной причине дверь этой комнатки была выломана.) Затем откликнулся его детектор: шесть учеников. Хироки пошел было дальше... и остолбенел, увидя залитую кровью комнату.

Тела пяти девочек были разбросаны по кухне. В центре комнаты на спине лежала староста девочек класса Юкиэ Уцуми, справа от нее — Харука Танидзава (ее голова была почти оторвана!). Дальше он увидел Юку Накагаву с почти черным и дико распухшим лицом. У меньшего стола справа от Хироки на боку лежала Тисато Мацуи, и ее бледное до голубизны лицо было обращено к нему. Еще одна девочка лежала ничком по ту сторону стола, залитого кровью.

Четыре девочки, включая Юкиэ, явно были мертвы. А вот пятая девочка, чье лицо Хироки было не видно...

Хироки снова осторожно осмотрел помещение и прислушался. Нет, похоже, там больше никто не прятался.

Тогда Хироки сунул пистолет, который держал в левой руке, за пояс, прошел между телами Юкиэ Уцуми и Харуки Танидзавы, миновал тело Юки Накагавы и обошел вокруг стола. Подошвы его кроссовок скользили в расплесканной по всему полу крови. Присев на корточки рядом с девочкой, лежащей лицом вниз, Хироки отложил зажатую в правой руке палку и приподнял ее тело. Тут же острая боль пронзила его правое плечо, куда угодил нож Мицуко Сомы, зато пулевое ранение, которое Тосинори Ода нанес Хироки, оказалось, к счастью, лишь царапиной — ни особой крови, ни боли. На боль Хироки в любом случае старался не обращать внимания. Он перевернул тело.

Это оказалась Сатоми Нода. В ее левом виске зияла красная дыра, зато ее очки в проволочной оправе невесть как удержались на носу. Правое стекло, вероятно, разбилось, когда она упала. Конечно, девочка была мертва.

Хироки положил Сатоми обратно и посмотрел на открытую дверь в другой стороне комнаты, которая вела в башню.

Еще один объект, указанный детектором, — та девочка на крыше. Она несомненно была мертва, но Хироки необходимо это проверить и убедиться... потому что она очень напоминала Каёко Котохики.

Хироки снова вытащил из-за пояса пистолет, прошел в дверь и увидел стальную винтовую лестницу. Он быстро и неслышно по ней поднялся. Там мог кто-то быть. Радар, как и палку, Хироки держал в правой руке, сверяясь с ним по мере подъема.

Когда он вышел в световую камеру, никаких новых сигналов на радаре не появилось. Тогда Хироки положил устройство в карман, снова сунул пистолет за пояс и вышел на балкон, окружавший световую камеру.

Опершись ладонью о стальной поручень, Хироки перевел дух, а затем перегнулся через ограду и посмотрел вниз.

Там лежал труп в матроске и плиссированной юбке. Шея девочки была очень странно изогнута, вокруг ее головы кровь, но все же этот труп... нет, не Каёко Котохики. Это была Юко Сакаки.

И тем не менее...

Хироки посмотрел на море. Дул сильный бриз. Шесть девочек погибли здесь почти мгновенно. Никакого огнестрельного оружия в той комнате не было, но, учитывая их ранения и множество дыр от пуль в стенах и полу, Хироки не сомневался, что перестрелка, которую он слышал, произошла именно здесь. Самым логичным казался такой сценарий: девочки как-то сумели объединиться и собраться здесь, но затем кто-то на них напал. Сначала были застрелены пять девочек внизу, после чего Юко Сакаки, спасаясь от нападавшего, сумела забраться на самый верх и разбилась насмерть. Нападавший успел уйти, прежде чем Хироки сюда добрался...

Однако, если вспомнить, как девочки забаррикадировались — заколоченные окна, перекрытые входы и выходы — зачем им понадобилось эту баррикаду разрушать? Да и как он вообще смог сюда проникнуть? Не могло ли... их тут быть семь? И одна внезапно предана остальных — нет, скорее раскрыла свои подлинные намерения? Нет, такого не может быть... Вот еще что странно: Юка Накагава не умерла от пулевых ранений. Ее скорее... задушили. Кровь кругом. Откуда столько крови? Было и кое-что еще. Дверь в комнатку рядом с выходом. Почему она была выломана?

Бессмысленно было пытаться все это разгадать. Хироки лишь покачал головой, осмотрел крышу и вернулся в световую камеру.

Спускаясь по стальной винтовой лестнице в сумрачной башне и глядя на внутренние стены маяка, Хироки почувствовал легкое головокружение, вероятно, он очень устал. Но все же...

Итак, теперь на шесть учеников стало меньше. В полдень Сакамоти объявил, что осталось четырнадцать учеников. Теперь же их осталось от силы восемь.

Была ли Каёко Котохики еще жива? Разве не могла она погибнуть уже после полудня в зоне, о которой он ничего не знал?

«Нет, — подумал Хироки, — она должна быть жива».

Хотя у него не было этому никаких подтверждений, Хироки был почти уверен, что Каёко Котохики жива. "Да, — думал Хироки, — осталось восемь учеников или даже меньше. Но я жив, и Котохики тоже должна быть жива. Поиск занимает слишком много времени. Прошло уже более полутора суток со времени начала игры, а я по-прежнему не могу найти Котохики. Но... в конце концов я обязательно ее найду". В этом он был почти уверен.

Затем Хироки вспомнил о группе Сюи. Ни одно из их имен объявлено не было. Сёго Кавада тогда сказал: «Если соберешься, можешь подсесть на наш поезд».

...Но правда ли узнает выход? И даже если так, сможет ли он действительно достичь конечной станции с Котохики? Хироки не был уверен. Но он, по крайней мере, хотел, чтобы Каёко на этот поезд села.

«Не предложить ли вам руку, мадемуазель?» — с грустной иронией подумал Хироки.

Эта фраза напоминала что-то из репертуара Синдзи Мимуры. Теперь Хироки понимал, почему Синдзи был близким другом Ютаки Сэто. Синдзи нравилось шутить. Конечно, его саркастичные, временами даже едкие шутки отличались от беззлобного юмора Ютаки. Синдзи, похоже, считал важным уметь ко всему подходить с юмором. На торжественной церемонии перед Новым Годом, когда они были во втором классе младшей средней школы, во время бесцветной речи какого-то там регионального представителя по образованию Синдзи заявил: «Моя дядя как-то сказал, что смех совершенно необходим для поддержания гармонии и что порой он может стать для нас единственным выходом. Ты понимаешь, Хироки, о чем он говорил? Лично я так и не понял».

Теперь и Синдзи Мимура, и Ютака Сэто были мертвы. Хироки уже не мог ответить Синдзи.

Погруженный в такие раздумья, очень скоро он вернулся на кухню и еще раз внимательно оглядел залитую кровью комнату.

Из-за сильного запаха крови он поначалу этого не заметил, но теперь увидел кастрюлю на газовой плите и уловил аппетитный запах. Разумеется, никакой газ из конфорок не шел, так что девочки, вероятно, готовили пищу. Хироки подошел посмотреть. Огонь под кастрюлей не горел, но от тушеного мяса с овощами еще поднимался пар.

С самого начала игры Хироки ел только выданные правительством булочки (когда у него кончилась вода, он наполнил бутылки из колодца у дома). Разумеется, он страшно изголодался, но тем не менее покачал головой и оторвал глаза от кастрюли. Хироки просто не мог заставить себя есть это варево. По крайней мере, не в этой жуткой комнате. Кроме того, он должен был поспешить... и найти Котохики. Поспешить... и уйти отсюда.

Пошатываясь, Хироки вышел в коридор. Все это время он вообще не спал и испытывал головокружение.

Кто-то стоял у входа в дальнем конце коридора. Поскольку в коридоре было темно, этот человек казался просто черным силуэтом, подсвеченным сзади.

Прежде чем глаза его успели широко раскрыться от удивления, Хироки прыгнул вбок и понесся обратно к кухне. В то же самое время из рук силуэта посыпались вспышки пламени. Несколько пуль пронеслись совсем рядом от стремительно вылетающих из коридора на кухню пяток Хироки.

Хироки невольно скривился от неприятного сюрприза. Он встал, пригнулся, а затем закрыл дверь и запер ее.

Выстрелы казались знакомыми. Именно этот звук Хироки слышал до и после того невероятного взрыва. После того как он сбежал от Тосинори Оды, он услышал такой же треск у себя за спиной... другими словами, именно это оружие убило Тосинори

Оду. Мало того, те же самые выстрелы Хироки слышал, когда были убиты Юмико Кусака и Юкико Китано. И еще несколько раз он их слышат. Все они, вероятно, исходили от «того самого одноклассника». Подобно Хироки, противник, скорее всего, пришел сюда, услышав перестрелку. Или, возможно, этот ученик был здесь, чтобы убить того, кто напал на группу Юкиэ Уцуми и убил ее. Или, возможно, вернулся сам тот нападавший.

Опустившись на колени, Хироки левой рукой потянулся себе за спину и выхватил из-за пояса пистолет. Пули он нашел в брошенном Мицуко рюкзаке, так что теперь пистолет был полностью заряжен. Вот только Хироки не смог найти запасной магазин. Возможно, Мицуко положила его себе в карман. Кольт «Гавернмент модель» простого действия, калибра .45. Семь патронов в магазине плюс один в патроннике. Хироки не мог позволить себе дозаряжать пули по отдельности. В тот момент, когда патронник кольта опустеет, его прикончит автомат противника или его пистолет.

Прижавшись спиной к стене, Хироки оглядел кухню, где кругом лежали трупы девочек. К несчастью, окна были забраны досками изнутри. Уйдет слишком много времени, чтобы оторвать их и сбежать. Тогда Хироки посмотрел на дверь, ведущую в башню. Нет, невозможно. Чистое безумие. В конечном итоге он устроится загорать рядом с Юко Сакаки. Нет-нет, стоп... а что этот «кто-то» собирается делать? Подкрадывается ли он на цыпочках к двери, неуклонно приближаясь — или он никуда не торопится, дожидаясь, пока Хироки сам отсюда выйдет? Нет, он тоже должен спешить. Он должен избавиться от Хироки раньше, чем его застрелит в спину кто-то еще, прибывший на звуки перестрелки...

Хироки оказался прав. Дровесина вокруг дверной ручки разлетелась на куски. (Заодно несколько пуль, пробивших дверь, оторвали плечо и бок Тисато Мацуи, которая лежала как раз напротив входа на кухню.)

Дверь мгновенно была выломана.

Темная фигура впрыгнула в комнату.

Как только фигура сделала кувырок и встала на ноги, Хироки понял, что это Кадзуо Кирияма (ученик номер 6). Не обращая никакого внимания на трупы в комнате, Кадзуо направил пистолет-пулемет в сторону от двери, в зону, и мгновенно начал стрелять.

После того как пять-шесть пуль пробили стену... огонь прекратился... Кадзуо понял, что там никого нет.

Теперь пришла очередь Хироки. Он взмахнул палкой и спрыгнул на Кадзуо сверху. В последнее мгновение он решил забраться на верх полки, смонтированной у двери. Непривычный к пистолету, он решил пока его не использовать и засунул обратно за пояс. Важно было остановить противника — Кадзуо Кирияму, сделать так, чтобы он больше не стрелял.

Кадзуо мгновенно вскинул голову и поднял оружие, но ручка от швабры в руке у Хироки обрушилась на кисть Кадзуо. «Ингрэм М10» калибра 9 мм грохнулся на пол, заскользил и остановился рядом с трупом Сатоми Нода.

Тогда Кадзуо попытался выхватить другое оружие, но Хироки, который уже приземлился и обрел равновесие, быстро взмахнув палкой, выбил из руки Кадзуо и этот пистолет.

«Стремительная атака! — подумал Хироки. — Я его одолею!»

Палка снова резко опустилась, но Кадзуо быстро выгнулся и выполнил кувырок назад. С изяществом мастера кунг-фу он перепрыгнул через труп Юкиэ Уцуми, а после кувырка снова принял стойку, и в руках у него уже был револьвер, прежде принадлежавший Тосинори Оде.

Но даже Кадзуо не мог ожидать такого проворства от Хироки. Тот прыгнул, на мгновение оказавшись на расстоянии менее метра от Кадзуо, с боевым кличем Хироки взмахнул палкой и в третий раз выбил оружие из руки Кадзуо Кириямы. Револьвер взлетел в воздух. Не успел он упасть на пол, как Хироки другим концом палки сделал попытку ударить Кадзуо по лицу. Позади Кадзуо был стол. Отступить ему было некуда.

Но раздался треск, и Хироки услышал, как палка ломается. Кадзуо перерубил ее ребром левой ладони.

А в следующее мгновение кулаком правой руки попытался в свою очередь ударить Хироки в лицо. Он целил ему в глаза.

Было просто чудом, что Хироки удалось пригнуться и уклониться от удара: так быстр был кулак Кадзуо.

И все же Хироки сумел увернуться. Причем, извернувшись, он перехватил кисть Кадзуо той рукой, в которой только что держал палку. А в следующий миг Хироки вывернул эту кисть и изо всех сил ударил Кадзуо коленом в живот. Кадзуо, не теряя самообладания, лишь слегка охнул.

Левой рукой удерживая кисть Кадзуо, Хироки вытащил пистолет и взвел курок. А потом прижал оружие к животу Кадзуо и нажал на спусковой крючок.

Хироки продолжал нажимать на спусковой крючок, пока не использовал все пули в кольте. При каждом выстреле тело Кадзуо дергалось.

Восьмая гильза со стуком упала на пол, покатилась и лязгнула о другую гильзу.

Хироки чувствовал, как правая рука и все тело Кадзуо постепенно обмякают. Голова с залезшими волосами стала клониться вперед. Хироки решил, что, если он его отпустит, тело Кадзуо соскользнет по краю стола и рухнет на пол.

Но сейчас Хироки по-прежнему стоял лицом к лицу с Кадзуо, словно исполняя странный танец. Он тяжело дышал, грудь его вздымалась.

«Я победил», — думал Хироки.

Он победил Кадзуо Кирияму. Того самого Кадзуо Кирияму, с чьей ловкостью и атлетичностью, скорее всего, не могли сравниться даже Синдзи Мимура и Сюя Нанахара. Того самого Кадзуо Кирияму, который, насколько знал Хироки, еще никогда не проигрывал в драке. Он его победил.

«Я нанес поражение...»

Внезапно правый бок Хироки пронзила острая боль. Он охнул, застонал... а потом широко раскрыл глаза.

Кадзуо пристально смотрел на Хироки. В левой руке у него был нож. И этот нож он медленно вонзал в живот Хироки.

Хироки медленно перевел взгляд с левой руки на лицо Кадзуо. Глаза Кадзуо были, как всегда, красивы и холодны.

«Как... — лихорадочно подумал Хироки, — как он может быть все еще жив?»

Разумеется, Кадзуо был все еще жив, потому что носил бронежилет Тосинори Оды, но Хироки не мог об этом знать, и сейчас это было уже неважно.

Кадзуо повернул нож, и Хироки застонал. Его левая рука, перехватившая кисть Кадзуо, все слабела.

«Проклятье, — подумал он, — сейчас я его отпущу».

И все же Хироки сумел найти резервные силы. Он резко опустил вниз правую руку, в которой все еще был зажат пустой пистолет, и согнутым локтем ударил Кадзуо точно в подбородок.

Кадзуо откинулся назад и заскользил по столу, залитому кровью. Кровавое пятно, которое было похоже на национальный флаг Народной Республики Дальневосточная Азия, теперь скорее напоминало полосатый американский флаг. Одновременно нож вышел из живота Хироки вместе с тридцатью граммами его плоти. Кровь хлынула наружу. Хироки охнул, но мгновенно развернулся и побежал к двери, ведущей в коридор.

В тот самый миг, когда он туда выскочил, послышался выстрел, и от косяка двери полетели щепки. У Кадзуо наверняка не было времени собирать раскиданное по полу оружие. Так что, вероятно, был еще и четвертый пистолет (спрятанный у него под брюками, привязанный к лодыжке или еще к чему-то).

Не обращая внимания на выстрелы, Хироки бежал дальше.

Наконец он перепрыгнул через беспорядочную груду столов и стульев. И перед тем как выбраться наружу, Хироки услышал уже знакомую автоматную очередь, но он пригнулся, и пули просвистели мимо.

Небо затянули дождевые тучи, но Хироки оно почему-то показалось необыкновенно ярким.

Он, как только мог быстро, бежал к роще за воротами, у которых стоял грузовик. Позади него на белом песке оставался след из красных пятен.

Хироки бежал и не мог позволить себе сделать передышку.

Осталось 8 учеников

Заморосил дождь. Капли воды стекали по деревьям, и мутная пелена постепенно опускалась на остров.

Сюя медленно пробирался через кусты. Справа от него была ровная местность, которая открывала ему вид на море, тускло-серое под белой завесой дождя.

Теперь на Сюе кроме брюк были рубашка, школьный пиджак и кеды — все это он нашел в комнате, где погибла группа Юкиэ. Капли дождя беспрестанно падали с

ветвей деревьев ему на пиджак. На плече у Сюи висел узи, причем правую руку он постоянно держал на прикладе. Спереди за пояс засунут пистолет ЧЗ-75. Браунинг и все пули, которые Сюя только смог собрать, лежали в рюкзаке у него за плечом.

Сюя спешно покинул маяк — и, как он и ожидал, уже через пятнадцать минут, как раз когда он собирал хворост на утесе у северной оконечности острова, оттуда донеслась стрельба. Сюя резонно предположил, что по меньше мере два ученика явились туда, услышав выстрелы, а в итоге стали разбираться между собой.

После некоторых колебаний Сюя повернул назад к маяку. Там звучали слишком уж знакомые автоматные очереди Кадзуо Кириямы. Конечно, он сильно сомневался, что Норико и Сёго свернут с намеченного пути, чтобы направиться туда, где стреляют, но слишком уж мало теперь оставалось учеников. Будучи почти уверен, что один из них — Кадзуо, Сюя предположим, что вторым вполне мог быть Хироки. Хотя, конечно, это также могла быть Мицуко Сома.

Но перестрелка вскоре прекратилась. Сюя остановился. И решил все-таки не возвращаться к маяку. Даже если он вернется, то, вероятно, никого там не найдет. Или, в крайнем случае, найдет еще один труп вдобавок к погибшим девочкам группы Юкиэ.

Дождь пошел, когда Сюя как раз закончил раскладывать два костра на утесе. На маяке он нашел зажигалку, но костер трудно было разжечь из-за дождя.

А дождь становился все сильнее, так что Сюя сдался и покинул этот район. Норико и Сёго, скорее всего, далеко от того места, где он их оставил. Сектор В=3 был запретной зоной, зато соседние Г=4 и В=4 по-прежнему оставались безопасными. Вероятно, Норико и Сёго были где-то в том районе, а потому Сюя смог бы разжечь еще один костер, когда оказался бы поблизости.

С таким намерением Сюя и отправлялся в путь. И когда около половины третьего повернул к северному берегу острова, услышал далекое птичье чириканье. Сюя внимательно прислушался... а затем быстро опустил взгляд на часы. Секундная стрелка отсчитала семь делений, и чириканье прекратилось. Сёго сказал — пятнадцать секунд. Учитывая время, которое Сюе потребовалось, чтобы догадаться взглянуть на часы, продолжительность птичьего пения примерно соответствовала заданному интервалу. Кроме того, он сильно сомневался, что настоящие птички станут особо чирикать под дождем. И действительно, сейчас не было слышно ни одной из тех мелких птах, что щебетали целыми днями с самого начала игры.

Сюя продолжил путь вдоль северо-западного берега острова — и снова услышал чириканье. На сей раз оно звучало гораздо яснее. Ровно пятнадцать минут прошло со времени последнего — и это длилось ровно пятнадцать секунд. Точно, это был Сёго. Необходимость в новом дымовом сигнале отпала. Сёго использовал свой манок.

Третье чириканье Сюя услышал три минуты назад. Сверяясь с картой, он перемещался из сектора Б=5 в Б=6.

Сюя немного передохнул. Стрелки часов, едва различимые под каплями дождя на стекле, показывали 3.05.

Чириканье слышалось ближе к горе, чем к морю. Сюя взглянул на море, затем, пройдя по равнине, стал подниматься вверх по покатому склону.

Еще немного. Сюя едва ли покрыл даже полтора километра, однако из-за потери крови испытывал страшную слабость. Все тело так сильно болело, что Сюю стало тошнить. Конечно, ему следовало бы останавливаться и отдыхать. Но он уже почти был на месте. Почти.

Сюя пробирался через рощу, и усталость совсем его одолела. Кроме того... на него в любой момент могли напасть из кустов. Но Сюя не мог себе позволить об этом тревожиться. Если такое случится... тогда ему просто придется нажать на спусковой крючок узи.

Низкорослые кусты встречались все реже, а затем и вовсе перестали попадаться. Сюя застыл в неподвижности. Он почувствовал, что на этой прогалине что-то не так.

Поначалу Сюе показалось, что на земле лежат два серых кома и они вроде бы шевелятся. Он внимательно пригляделся: из этих комов торчали черные брюки и кроссовки.

Тут Сюя понял, что это трупы. Здесь погибли два мальчика.

Какая-то красная птица внезапно взлетела с серого кома и громко крикнула. Она была крупная, размером с цаплю. Голова ее была в крови. Птицы кормились трупами!

Сюя машинально поднял узи. Он даже положил палец на спусковой крючок — но все же решил не стрелять, а просто туда подошел. Недовольно хлопая крыльями, птицы разлетелись.

Сюя постоял рядом с трупами двух своих одноклассников под дождем... а потом поднес правую руку ко рту. Его страшно тошнило.

Зрелище было ужасное. Птицы расклевали беззащитные лица. Из-под лоскутьев кожи торчало красное мясо. Лица были залиты кровью. Сдержав тошноту, Сюя все-таки смог на них посмотреть и с трудом понял, что это Тадакацу Хатагами и Юитиро Такигути. Кроме того, он заметил, что лицо Тадакацу в худшем состоянии, чем у Юитиро. За его деформированный череп птицы явно ответственности не несли: его нос, не тронутый птицами, также был сломан.

Оглядевшись, Сюя увидел лежащую на траве бейсбольную битую. Хотя она была уже омыта дождем, кончик оставался красным. Учитывая состояние лица Тадакацу, его, должно быть, забили насмерть, причем любимым спортивным снарядом (между прочим, не только его, но и Сюи тоже) — бейсбольной битой.

По сравнению с лицом Тадакацу лицо Юитиро было в относительно хорошем состоянии. Хотя... у Сюи было ощущение, что губ и глазных яблок Юитиро теперь лишился.

Одна из птиц села на лицо Тадакацу. Затем подлетело еще несколько птиц. Видя, как неподвижен оставался Сюя, они, должно быть, почувствовали себя в безопасности.

«В безопасности? — гневно подумал Сюя. — Вы что тут, ребята, шутки шутите?»

Он снова положил палец на спусковой крючок узи... и опять сдержался. Самым важным для Сюи было вернуться к Сёго и Норико.

Появились еще птицы.

Кормились ли они другими трупами, разбросанными по всему острову? Или только этими, лежащими у самого моря?

С трудом оторвав глаза от двух трупов, Сюя, пошатываясь, обогнул их и вошел в кусты.

Двигаясь дальше, Сюя снова ощутил рвотные позывы. Казалось, он уже стал привыкать к тому, что люди умирают, но мысль об этих птицах, этих небесных крысах... «Я больше никогда не смогу сидеть на берегу и мирно смотреть на чаек, — думал Сюя. — Даже если мне еще доведется написать собственные песни, о птицах я уже никогда не спою. Даже курятину я теперь наверняка очень долго не смогу есть. Черт, ведь эти птицы... сосут кровь».

Но тут Сюя снова услышал то чириканье. И поднял голову. Крупные капли ударили его по лицу.

«Ага, — подумал Сюя, — чайки сосут кровь, но, думаю, с той птичкой все нормально».

Прошло еще пятнадцать секунд, и чириканье прекратилось. На сей раз оно прозвучало где-то совсем рядом.

Сюя огляделся. Кусты тянулись дальше по покатому склону. Это должно было быть... где-то здесь. Где-то рядом. Но... где?

Он не смог больше об этом думать, тошнота, которую Сюя так долго сдерживал, стала вконец нестерпимой. Два трупа с обезображенными лицами. Их мягкая плоть стала обеденной закуской для птиц. Самой вкуснятиной.

«Нет, — подумал Сюя, — нельзя, чтобы меня рвало. Я и так слишком слаб... но...»

Он опустился на колени, и его вырвало. Поскольку Сюя в последнее время ничего не ел, вышел один желудочный сок. От рвотных масс шел резкий кислый запах.

Сюю еще раз вырвало. Теперь к желтоватой влаге, точно мазки краски, добавились красные капельки. Наверняка его желудок был испорчен.

— Сюя.

Он поднял голову. И машинально направил туда узи. Но ствол тут же опустился.

Из кустов торчала бандитская физиономия. Сёго, никаких сомнений. В левой руке Сёго держал явно самодельный лук, а правой готов был вложить в этот лук стрелу. Как раз в этот момент Сюя понял, что, скорее всего, влез ногой в «сигнализацию» Сёго.

— Что, тяжело с похмельюги? — осведомился Сёго. В юморном замечании слышалась явная доля сочувствия.

Послышалось шуршание. За спиной у Сёго появилась Норико. Отбросив назад мокрые волосы она смотрела на Сюю, и ее полные губы дрожали.

А затем, оттолкнув Сёго в сторону, Норико, волоча ногу, подбежала к нему.

Сюя вытер рот и заковылял навстречу девочке. Снимая правую руку с узи, он протянул ее вперед и обнял Норико. Когда они прижались друг к другу, у Сюи страшно кольнуло в боку, но ему было наплевать. Теплое тело девочки тянулось к нему под холодным дождем.

Норико подняла глаза.

— Сюя... Сюя... я так рада... так рада... — Слезы, выкатывавшиеся из уголков ее глаз, смешивались с каплями дождя, падающими ей на лицо.

Сюя нежно улыбнулся. А затем понял, что тоже готов вот-вот заплакать. Слишком много людей погибло... слишком много людей уже погибло в этой игре... но как же чудесно, как невысказанно чудесно было то, что они с Норико по-прежнему оставались живы.

Сёго подошел к ним и протянул правую руку. На какую-то секунду Сюю озадачил этот жест... но затем он понял. Протянув руку через плечо Норико, он обменялся с Сёго крепким рукопожатием. Как и всегда, Сюя ощутил силу этой ладони.

— С возвращением, — тепло сказал Сёго.

Осталось 8 учеников

67

Голые скалы появлялись там, где лес направлялся к морю. Лицом к воде стояла невысокая каменная стена. Стена эта казалась такой гладкой, словно Сёго обработал ее ножом. В скалистую стену были воткнуты две крупные ветви, а уложенные на них ветки с листвой служили как крыша от дождя. С кончиков веток стекали дождевые струйки.

Приняв сильное болеутоляющее, которые Сёго забрал из медпункта, Сюя рассказал им про маяк. Сёго кипятил воду в банке на кучке древесного угля, и бульканье воды сливалось с шумом дождя.

Когда Сюя закончил, Сёго лишь понимающе кивнул. Затем он глубоко вздохнул и закурил еще одну «дикую семерку». На коленях Сёго держал узи. Они решили, что пистолет-пулемет лучше всего доверить Сёго. Сюя взял себе ЧЗ-75, а Норико — браунинг.

Сюя слабо и горестно покачал головой.

— Да, понимаю. — Сёго опустил взгляд. — Это очень тяжело. — Некоторое время он в задумчивости курил. А потом сказал: — В любом случае я рад, что ты все-таки до нас добрался.

Сюя снова вспомнил лицо Юкиэ. Он жив. Он уцелел благодаря группе Юкиэ, а вот они погибли.

Затем Сюя взглянул на сидящую слева от него Норико. Для нее, должно быть, особенно тяжело было слышать о гибели ее подруг Юкиэ Уцуми и Харуки Танидзавы. Как только Норико увидела, что вода кипит, она взяла два бульонных кубика, которые, надо полагать, где-то нашел Сёго, и бросила в банку. К ним тут же поплыл аромат бульона.

— Сможешь поесть, Сюя? — спросила Норико.

Взглянув на девочку, Сюя с сомнением покачал головой. Да, он понимал, что должен поесть, но ведь его только что вырвало — да и трупы Тадакацу Хатагами и Юитиро Такигути все еще стояли у него перед глазами. (Сюя не рассказал, что над телами трудились птицы в какой-то сотне метров от них... Он лишь сказал, что его тошнило из-за боли.) Аппетита у Сюи не было и в помине.

— Поешь, Сюя. Мы с Норико уже позавтракали, — сказал Сёго, не вынимая сигареты изо рта. Его щетина стала еще гуще. Обернув край банки носовым платком, он налил бульон в пластиковую чашку и предложил ее Сюе.

Сюя взял чашку и медленно поднес ее к губам. Приятный вкус бульона распространился во рту, затем теплая жидкость быстро соскользнула в желудок. Все оказалось не так скверно, как он ожидал.

Норико предложила ему булочку. Сюя немного отщипнул. А как только начал жевать, то с удивлением обнаружил, что может есть. В конце концов он все съел почти мгновенно. Что бы ни творилось у Сюи в душе... его тело страшно проголодалось.

— Хочешь еще? — спросила Норико, и Сюя кивнул.

— Еще немного бульона. — Он поднял пустую чашку, и Норико снова ее наполнила.

— Послушай, Норико, — сказал Сюя, беря чашку.

Девочка на него взглянула:

— Что?

— Ты сейчас хорошо себя чувствуешь?

— Да. — Норико улыбнулась. — Я принимаю лекарства от простуды. Все отлично.

Тогда Сюя взглянул на Сёго, изо рта которого торчала очередная сигарета. Сёго кивнул: он взял из медпункта еще один шприц с антибиотиком, но тот не понадобился.

Сюя снова повернулся к Норико и тепло ей улыбнулся:

— Вот замечательно.

Тут она опять задала ему вопрос, который то и дело повторяла:

— Скажи, Сюя, с тобой правда все хорошо?

Сюя кивнул:

— Все отлично.

Но по правде говоря, с ним совсем не все было отлично, но что он еще мог сказать? Сюя ясно видел, как побелела его левая рука по сравнению с правой. Он не мог понять причины, было это из-за раны в плече или все дело в локте. А может, просто повязка на локте была слишком тугой. Так или иначе, левая рука немела все больше.

Еще раз глотнув бульона, Сюя поставил чашку у ног. Затем обратился к Сёго.

Сёго, который как раз проверял узи, вопросительно поднял брови и взглянул на Сюю.

— Что такое?

— Это насчет Кадзуо.

Да, все верно. Пока Сюя рассказывал о событиях, произошедших со вчерашнего дня, он снова задал себе вопрос, который занимал его как раз перед тем, как он расстался с Сёго и Норико. Перестрелка на маяке, возникшая после того, как он его покинул, Сюе об этом напомнила. Он был, по сути, сформулирован в его же

собственном гневном выкрике: «Что он такое творит?!» Иными словами — что на самом деле представлял собой Кадзуо Кирияма?

Насколько понимал Сюя, Кадзуо был не единственным, кто хотел принять участие в игре. Тацумити Оки, с которым Сюя сражался, возможно, Ёсио Акамацу, и, если Хироки был прав, Мицуко Сома — все они, казалось, относились к той же категории. И все же... Кадзуо был абсолютно безжалостен. Вспомнить хотя бы его ледяное спокойствие. Странное впечатление, которое Кадзуо всегда производил на Сюю, в этой игре обернулось дикостью, когда этот парень словно бы взорвался и стал нападать на всех без разбора. Сюя снова вспомнил вспышки пламени из ингрэма и ледяные глаза стрелявшего. По спине у него побежали мурашки.

Сёго молчал, а потому Сюе пришлось продолжить:

— Что... что с ним такое? Я просто не понимаю.

Сёго опустил взгляд и стая возиться с предохранителем узи.

Не означает ли его молчание, что здесь просто нечего понимать.

Однако Сёго на сей раз ответил.

Он поднял взгляд и посмотрел на Сюю.

— Я уже видел людей вроде него.

— В предыдущей игре?

— Нет. — Сёго покачал головой. — Не там. Вовсе не в той игре. Просто если ты сын врача, работающего в трущобах, тебе приходится видеть всякое. — Сёго взял еще сигарету и закурил. — Пустой человек, — сказал он.

— Пустой? — переспросил Сюя.

— Ага, — кивнул Сёго. — В его сердце нет места ни логике, ни любви. У него нет никаких ценностей. Такие люди бывают. А самое главное... нет никакой причины, которая объясняла бы, почему он такой.

«Нет причины? — задумался Сюя. — Или он просто имел в виду, что Кадзуо таким родился? Но ведь это...»

Сёго сделал затяжку и выдохнул струйку дыма.

— Хироки предупредил нас насчет Мицуко Сомы, верно?

Сюя и Норико кивнули.

— Сами мы пока что не знаем, играет Мицуко в игру или нет. Но из того, что я видел в школе, я думаю, Мицуко и Кадзуо похожи. Единственное различие в том, что Мицуко добровольно отвергла и любовь, и логику. Скорее всего, за этим что-то стоит. Понятия не имею что. Но у Кадзуо никакой причины нет. В этом главное различие. Поведение Кадзуо ничем нельзя объяснить.

Сюя внимательно посмотрел на Сёго.

— Звучит страшно, — пробормотал он.

— Да, страшно, — согласился Сёго. — Стоит только об этом задуматься. Пожалуй, это даже не его вина. Впрочем, так можно сказать обо всех. Но Кадзуо, скорее всего,

даже не смог бы понять, что значит «неведомое будущее». Ничего нет страшнее, чем таким родиться.

Сёго немного помолчал.

— Я вот что хочу сказать, — продолжил он затем. — Даже такой безмозглый дебил, как я, может считать бессмысленным все на свете. Зачем я встаю по утрам и завтракаю? Все равно в итоге все становится дерьмом. Зачем я хожу в школу и учусь? Даже если мне повезет добиться успеха, я все равно в итоге умру. Ты носишь модную одежду, добиваешься уважения, зарабатываешь кучу денег, но в чем смысл? Все это бесцельно. Конечно, такая бессмыслица вполне может устраивать нашу дерьмовую нацию. Но... вот ведь в чем штука. Мы все еще способны на такие переживания, как радость и счастье, верно? Да, они могут не так много значить. Но они заполняют нашу пустоту. Это единственное объяснение, какое у меня есть. А вот у Кадзуо эти переживания, скорее всего, отсутствуют. У него нет фундамента для системы ценностей. И, не имея твердого фундамента, он просто выбирает. Выбирает по мере поступления... Что касается этой игры, он с таким же успехом мог бы выбрать не участвовать в ней. Но Кадзуо решил иначе. Вот вам моя маленькая теория. — Сёго разом все это выложил, а затем подвел итог: — Да, это страшно, что кто-то может так жить... и что мы можем с кем-то таким столкнуться прямо сейчас.

Они погрузились в молчание. Сёго еще раз затянулся, а затем загасил сигарету о землю. Сюя сделал глоток бульона, глядя на сумрачное небо над лиственной крышей, оборудованной Сёго.

— Интересно, все ли хорошо с Хироки.

Сюя вспомнил о выстрелах, которые он слышал, когда уже покинул маяк. Его это по-прежнему тревожило.

— Уверена, с Хироки все хорошо, — сказала Норико.

Сюя взглянул на Сёго:

— Интересно, сможем мы отсюда увидеть дым.

Сёго кивнул:

— Не волнуйся. Мы сможем увидеть дым, поднимающийся из любой точки этого острова. Я время от времени проверяю.

Затем Сюя вспомнил про манок. Этот манок привел его к ним. Но откуда у Сёго вообще взялась такая странная вещь? Сюя как раз собирался об этом спросить, но вмешалась Норико:

— Интересно, встретился ли Хироки с Каёко Котохики.

— Если он это сделал, мы увидим дым, — отозвался Сёго.

Норико кивнула.

— Еще интересно, — пробормотала она затем, — почему ему так нужно было увидеться с Котохики?

Этот вопрос уже обсуждался, когда они находились в медпункте. Отклик Сюи был точно таким же:

— Понятия не имею.

— Они не казались настолько близкими, — согласилась Норико, но затем вдруг ахнула, словно бы что-то поняла.

Сюя поднял голову:

— Что такое?

— Наверняка я не знаю. — Норико покачала головой. — Но, быть может... — Она подчеркнула последнюю фразу.

Сюя хмуро сдвинул брови:

— Что «быть может»?

— Бросьте, — перебил их Сёго. Сюя раздосадованно на него глянул. Вскрывая новый блок сигарет, Сёго продолжил, не отрывая глаз от пачки «дикой семерки»: — В этой проклятой игре... такое слишком уж отдает сентиментальщиной.

— Но ведь это... — настаивала Норико, — но ведь это Хироки, а значит...

Сюя в полном недоумении переводил глазами с одного на другую.

Осталось 8 учеников

68

Каёко Котохики (ученица номер 8) сидела в кустах, обнимая свои колени. Девочка находилась на южном склоне северной горы, в секторе Д=7.

Уже близился вечер, но свет, проникавший сквозь кусты, особо не менялся. Здесь просто было довольно темно. Ко второй половине дня весь район затянули густые тучи, но только часа два тому назад наконец пошел дождь.

Защищаясь от дождя, Каёко прикрыла голову носовым платком. Кустарник был густым, поэтому частично укрывал ее от дождя, но плечи девочки сильно вымокли. Но, что куда более важно... девочка была страшно напугана.

Вначале Каёко пряталась на восточном склоне северной горы, в секторе В=8. И поэтому получилось так, что Юмико Кусака и Юкико Китано были убиты прямо у нее на глазах. Каёко знала, что убийца был близко, но инстинктивно решила, что двигаться рискованнее, чем остаться. Она сидела тихо как мышка. Миновал полдень, затем полночь, и все это время девочке удавалось избегать нападения.

Каёко дважды меняла место в соответствии с объявлениями о запретных зонах. Во второй раз она сменила свое укрытие сегодня сразу же после полудня, потому что южная сторона северной горы, сектор Г=7, должен был в час дня стать запретной зоной. Таким образом, вокруг вершины северной горы теперь образовались три запретные зоны. Территория, где Каёко могла укрыться, уменьшалась.

Она еще ни разу ни с кем не встретилась. Каёко слышала множество выстрелов, порой вдалеке, порой совсем близко. Она даже слышала страшный взрыв, но продолжала сидеть тихо и неподвижно. Объявление через каждые шесть часов все проясняло: число ее одноклассников неуклонно уменьшалось.

В полдень оставались в живых еще четырнадцать учеников. Но после этого еще стреляли. Может, теперь их осталось только двенадцать? Или десять?

Каёко положила тяжелый пистолет («Смит-вессон М-59» автоматический, инструкция прилагается — хотя девочку, разумеется, название пистолета совершенно не интересовало) и помассировала левой рукой пальцы правой. Все это время ей приходилось держать пистолет, отчего мышцы совсем занемели. Ладонь налилась краской, и на ней отпечатался узор от рукоятки.

Каёко была совершенно измотана — как от недосыпа, так и от постоянной угрозы нападения. Поскольку девочка боялась войти в дом, который мог оказаться кем-то занятым, ела она все это время только скверные булочки и пила воду из бутылок, которые нашлись в выданном ей рюкзаке, поэтому Каёко была голодна и испытывала жажду. Если в дожде и было что-то хорошее, так это то, что девочка могла подставлять недавно опорожненную бутылку под струйку воды с ветки, хотя так бутылка даже на треть не наполнялась. Время от времени она снимала с головы носовой платок и смачивала им пересохшие губы, но это, конечно, плохо помогало ей справляться с обезвоживанием.

Каёко устало вздохнула, зачесала назад свои короткие волосы и снова взяла в правую руку М-59. Она была глубоко потрясена.

Сейчас девочка снова вспомнила то лицо. Она с самого начала игры не переставала думать об этом человеке. Он не был так близок Каёко, как родители или старшая сестра, о которых она также думала, но он был для нее очень важен.

Каёко только начала изучать чайную церемонию, когда впервые увидела «его» на празднике в специальной школе, где она посещала класс чайной церемонии. Тогда шла осень ее первого года учебы в младшей средней школе.

Организованная государственным парком чайная церемония проводилась на открытом воздухе специально для туристов. В тот день проводили церемонию только взрослые, так что Каёко и другие ученицы ее возраста выполняли разные второстепенные поручения вроде приготовления печенья. «Он» же был одним из мастеров чайной церемонии.

И прибыл в тот день гораздо позже, уже около полудня. Очень симпатичный, он выглядел несколько по-мальчишески, как будто все еще учился в средней школе. Каёко тогда подумала: «Ах, какой молодой человек. Должно быть, он тоже будет помогать церемониймейстерам». Он обратился к наставнице Каёко, извинился за опоздание, занял ее место и приготовил чай.

Процесс приготовления им чая производил сильное впечатление. Он с невероятным изяществом обращался с чашей и чайной метелкой, сохраняя при этом безупречную позу. Несмотря на свой молодой возраст, выглядел он в традиционной одежде вполне естественно.

Каёко отложила все свои дела и всю на него глазела, когда кто-то похлопал ее по плечу. Обернувшись, она увидела свою старшую подругу по кружку чайной церемонии, ту самую девочку, которая и предложила ей посещать специальную школу чайной церемонии.

— Вот красавчик, ага? Он внук директора школы. Ну, если точнее, он внук любовницы директора. Я тоже горячая его поклонница. Собственно говоря, я затем в эту школу и пошла, чтобы с ним познакомиться.

Старшая подруга сообщила Каёко, что ему девятнадцать лет и что после окончания школы он уже получил ранг «инструктора» и имел множество учениц и учеников. Каёко в то время лишь подумала: «Ах, он совсем из другого мира. Бывают же такие люди!» Тогда так все и закончилось, но затем...

Каёко стала проводить больше времени перед зеркалом всякий раз, как в школе проводился праздник с чайной церемонией или когда она знала, что он появится в ее классе в качестве гостя. Как подобало ее возрасту, Каёко не пользовалась косметикой, зато она безупречно носила традиционное кимоно и гребень в волосах, а также аккуратно вставляла туда свою любимую темно-синюю заколку. У девочки были изящно изогнутые брови, пусть не слишком большие, зато прекрасной формы глаза, пусть коротковатый, зато очень аккуратный носик, полные губы, превосходно очерченные... «Конечно, — думала Каёко, — ослепительной меня не назовешь, зато я выгляжу вполне взрослой...»

Причина, почему она так выкаблучивалась ради этого человека, обожаемого всеми от девочек-подростков до женщин средних лет, была, пожалуй, очень проста. В конце концов он был красив и умен, весел и тактичен — словом, он, казалось, являл собой идеал мужчины, в существование которого трудно было поверить. А самое главное — у него даже не было подружки.

У Каёко состоялись еще две важные встречи с этим человеком (хотя сторонний наблюдатель ничего такого важного вполне мог в них и не увидеть).

Первая встреча произошла на школьной демонстрации чайной церемонии той весной, когда Каёко стала ученицей второго класса младшей средней школы. Церемония проводилась в доме директора школы в Сидо-тё неподалеку от Сироива-тё. Почти сразу после начала демонстрации возникла проблема. Специальный гость, местный представитель центрального правительства, внезапно начал высказывать в связи с чайной церемонией какие-то жалобы. Такое было не в первый раз. Эти государственные чиновники заявляли о своей «полной лояльности в плане сохранения абсолютной национальной святыни», однако многие из них на деле злоупотребляли своей властью. Некоторые даже требовали взятки за содействие в увеличении финансирования традиционных искусств, давать которые директор школы вежливо отказывался. Создать проблему — вот способ расквитаться за подобные отказы.

Беда была в том, что директор школы тогда лежал в больнице и на демонстрации не присутствовал. Завуч, который заменял директора, и его заместитель так перепугались, что их некомпетентность могла привести к закрытию школы. Но девятнадцатилетний церемониймейстер спас положение. Он отвел воинственно настроенного чиновника в соседнее помещение, а затем вернулся оттуда один и сказал:

— Чиновник ушел. Судя по всему, он полностью удовлетворен. Никому нет нужды беспокоиться.

Больше он ничего не сказал, а присутствующие официальные представители школы от дальнейших расспросов воздержались. Тем не менее Каёко была

встревожена. Зная этого человека, разумно было предположить, что он мог взять на себя полную ответственность, сказав что-то вроде: «Я отвечаю за проведение сегодняшней демонстрации». И если все было так, то чиновник мог в ответ, используя свое положение, обрушиться на него, сострять донос и организовать его арест за оказание тлетворного влияния на граждан (а в результате отправить его в один из исправительно-трудовых лагерей).

После того как церемония закончилась, пройдя без сучка и задоринки, они стали прибирать помещение, и Каёко дождалась, пока церемониймейстер останется один. Когда он стал убирать подушки для гостей, она решила обратиться к нему.

— Господин...

Он остановился с подушками в руках и повернулся к Каёко. Его грустные глаза заставили сердце девочки учащенно забиться, и все же она продолжила:

— Все хорошо, господин?

Судя по всему, мужчина понял, на что она намекает, и тепло улыбнулся.

— Ценю ваше участие, — сказал он затем. — Тем не менее все хорошо.

Каёко испытывала эйфорию, впервые говоря с ним.

— Но этот государственный чиновник казался таким подлым, — продолжила она. — Что, если он?..

Однако церемониймейстер остановил ее, подняв руку, и произнес некую замысловатую речь, словно укоряя ее:

— Этот чиновник вовсе не обязательно получает удовольствие от исполнения своих обязанностей. Думаю, нечто подобное происходит по всему миру... но такова уж наша страна... что она действительно корежит людей... Предполагается, что мы стремимся к гармонии, а ведь именно достижению гармонии служит чайная церемония... но в нашей стране этого очень-очень трудно достичь. — Ближе к концу речи стало казаться, что мужчина разговаривает с самим собой. Однако затем он взглянул на Каёко и продолжил: — На самом деле чайная церемония бессильна. Но она не так уж плоха. Вам следует наслаждаться ею, пока вы можете. — Он по-доброму улыбнулся девочке и пошел к выходу.

Каёко была просто ошарашена и какое-то время стояла в полной неподвижности. Непринужденность, с которой он говорил, позволила ей в свою очередь почувствовать себя непринужденно... и пусть даже девочка не вполне поняла, о чем этот мужчина говорил, все это произвело на нее сильное впечатление. «Надо же, какой он взрослый», — подумала Каёко.

Так или иначе, она, судя по всему, произвела на него впечатление, и со времени того разговора церемониймейстер при каждой встрече одаривал девочку теплой улыбкой.

Решающая встреча произошла зимой ее второго года обучения в младшей средней школе. После очередной чайной церемонии Каёко вышла в храмовый сад и стала любоваться там цветками камелии. (На самом же деле она снова думала о нем.) Внезапно девочка услышала, как кто-то у нее за спиной произносит: «Да, они поистине прекрасны». Этот чистый и ясный голос был ей теперь слишком хорошо

знаком. Поначалу Каёко подумала, что ей послышалось, но когда она обернулась, то просто не поверила, что он рядом... и что он ей улыбается.

И у них состоялся разговор.

— Значит, чайная церемония все-таки вас интересует?

— Да, я ее обожаю. Но я еще не очень хорошо ею владею.

— В самом деле? Меня поразила ваша превосходная поза во время приготовления чая. И дело не просто в вашей блестящей осанке. Во всем этом есть некая глубина.

— Ах, нет, я вовсе не так хороша...

Засунув руки в карманы, церемониймейстер по-прежнему улыбался и смотрел на цветок камелии.

— Нет, я серьезно. Да... некая глубина... как в этих цветах. В них присутствует определенная напряженность... но в этом-то и вся красота. Та же красота есть и в вас. Что-то вроде того.

Конечно, она была еще ребенком, и он мог просто делать комплимент дилетантке, весьма поверхностно изучающей в школе все тонкости чайной церемонии. Но Каёко чрезвычайно разволновалась. «Вот так!» — подумала она и щелкнула пальцами (разумеется, уже потом, в ванной комнате).

После того разговора Каёко стала заниматься чайной церемонией с полной серьезностью. «Я могу этого добиться, — подумала она. — Конечно, я всего лишь ребенок, но когда мне стукнет восемнадцать, ему будет двадцать четыре. И все у нас прекрасно получится...»

Вот о чем вспомнила сейчас Каёко.

Девочка зарылась лицом во влажную юбку. Теплая влага, но вовсе не дождевые капли, намочила ткань, обтянувшую ее колени. Каёко поняла, что она горько плачет. Пистолет у нее в руке дрожал. Как же все могло так глупо получиться?

Каёко ужасно хотела сейчас увидеть того человека. Конечно, она все еще была ребенком. Но по-своему, как подросток, она по-настоящему его любила. И такое серьезное чувство Каёко испытывала впервые. Ей хотелось побыть с ним хотя бы одно мгновение, чтобы об этом сказать. Каёко всего лишь хотела сказать этому человеку, достаточно доброму, чтобы назвать ее «красивой», пусть даже это относилось лишь к тому, как она проводит чайную церемонию: «Я все еще ребенок, и я могу не знать точно, что значит любить. Но я думаю, что я вас люблю. Я правда вас люблю». Что-то вроде того.

Каёко внезапно услышала шорох в кустах и подняла голову. Лево́й рукой она вытерла глаза и встала. Машинально девочка сделала шаг назад от источника звука.

Из кустов появился мальчик в школьном пиджаке — Хироки Сугимура (ученик номер 11). Правый рукав его пиджака был оторван, обнажая руку. Белая ткань, обернутая вокруг его плеча, была запятнана кровью и — возможно, из-за дождя — сочилась розовым. А в руке мальчик держал... пистолет.

Рот Хироки изумленно раскрылся, но что действительно привлекло внимание Каёко, когда она взглянула на его Лицо, так это глаза. Они просто сверкали.

Каёко ощутила внезапный приступ страха. Как же она раньше не заметила, что он подобрался так близко. Как же она...

— Котохики...

Каёко пронзительно закричала и резко развернулась. А потом со всех ног побежала через кусты. Девочку уже не волновало, что ветки хлещут ее по лицу и по волосам, что на нее льет дождь. Она просто хотела сбежать подальше. «Если я не убегу... — думала Каёко, — меня убьют!»

Девочка выбежала из кустов. Там была петляющая тропа метра два в ширину. Каёко инстинктивно решила бежать по этой тропе. Конечно, если она побежит в гору, страшный Сугимура точно ее догонит, но если она побежит под гору, тогда, быть может...

Позади слышалось шуршание:

— Котохики!

Это был голос Хироки.

«Он меня преследует!» — запаниковала Каёко.

Девочка собрала все силы своего усталого тела и побежала во весь дух. «Просто не могу поверить, — думала она. — Знала бы я, что со мной такое случится, я бегала бы трусцой, а не чайной церемонией овладевала».

— Котохики! Остановись! Котохики!

Будь Каёко хоть чуточку поспокойнее — скажем, если бы это была сцена из фильма, которую она наблюдала бы из уютного кресла в кинотеатре, жуя попкорн, — ей бы стало очевидно, что Хироки ее умоляет. Но сейчас, в процессе игры, девочке казалось, будто он говорит ей: «Котохики! Лучше остановись! Все равно я тебя убью!»

Нет, Каёко не собиралась останавливаться. Тропа разветвлялась. Она свернула влево.

Дальше, в тусклом свете, сквозь угрюмый дождь виднелись ряды мандариновых деревьев. Если бы ей только до них добраться...

«Нет, невозможно, — подумала Каёко. — Туда еще по меньшей мере метров пятьдесят. Безнадёжно. Пока я буду бежать по неровным рядам мандариновых деревьев, Хироки Сугимура догонит меня и застрелит из пистолета».

Тут девочка сжала зубы. Она этого не хотела, но выхода не оставалось. В конце концов, он пытался ее убить.

Каёко остановилась и резко развернулась влево, пистолет уже был у нее в руках. Та штука, которая называлась предохранителем, была снята еще с того самого времени, как девочка прочла инструкцию. Еще там говорилось, что курок взводить вовсе не требуется, а нужно только нажать на спусковой крючок. Все остальное... зависело только от нее самой.

Менее чем в десяти метрах от нее на склоне стоял Хироки Сугимура. Глаза его были широко раскрыты.

«Слишком поздно, — подумала Каёко. — Думаешь, я не выстрелю?»

Девочка вытянула руки и нажала на спусковой крючок. Раздался хлопок, из дула вырвалось пламя, а ее руки дернулись к груди.

Крупное тело Хироки пошатнулось. Пуля явно в него попала. Он упал на спину.

Каёко быстро подбежала к нему. Она должна была его прикончить, прикончить! Так, чтобы он больше никогда ее не преследовал!

Каёко остановилась примерно в двух метрах от мальчика. В левой стороне его груди была небольшая дыра (хотя на самом деле Каёко целилась ему в живот), и ткань вокруг нее потемнела от крови. Но в откинувшейся в сторону правой руке Хироки по-прежнему был зажат пистолет. Он все еще мог его поднять. «Я должна целиться в голову», — подумала девочка.

Хироки повернул голову и посмотрел на Каёко. Та нацелила пистолет и готова была нажать на спусковой крючок...

...но вдруг остановилась. Хироки отбросил свой пистолет в сторону. «Если у него было столько силы, — подумала Каёко, — он вполне мог бы нажать на спусковой крючок. Что происходит?»

Пистолет лишь раз крутанулся и упал на землю.

Теперь Каёко стояла неподвижно, держа в руках пистолет. Ее короткие волосы совсем вымокли.

— Слушай внимательно. — Хироки лежал на грязной тропе, среди луж, и, не сводя глаз с Каёко, мучительно выговаривал слова: — Тебе нужно... поджечь немного хвороста. Сделай... два костра. Зажигалка... у меня в кармане. Сделай это... а потом слушай птичий манок.

Каёко его слышала, но понятия не имела, о чем он говорит. До нее вообще не доходило, что происходит.

— Следуй... на звук этого манка. Так ты найдешь... Сюю Нанахару... Норико Накагаву и Сёго Каваду. Они тебе помогут. Поняла?

Каёко показалось, что Хироки улыбнулся.

— Разведи два костра, — терпеливо повторил он. — Потом иди на звук манка.

Неловко двинув правой рукой, Хироки вытащил из кармана школьного пиджака небольшую зажигалку и бросил ее Каёко. Затем страдальчески закрыл глаза.

— Все, теперь иди.

— Что-о?

Хироки вдруг снова раскрыл глаза.

— Иди же! — из последних сил закричал он. — Кто-то мог слышать выстрел! Иди!

Теперь, словно соединив части сложной составной картинки, Каёко сумела понять. На сей раз она поняла все правильно.

— Ах... ах...

Бросив пистолет, девочка упала на колени рядом с Хироки. Она оцарапала колени, но ей было все равно.

— Хироки! Хироки! Я... я не могу поверить... не могу поверить... что же я наделала!

Каёко залилась слезами. Конечно, в Хироки Сугимуре было что-то пугающее. Он казался суровым, говорил мало и всегда имел хмурый вид. Когда он общался с другими мальчиками вроде Синдзи Мимурэ или Сюи Нанахары, он улыбался, но со всеми остальными был мрачен. Каёко также слышала, что он встречается с Такако Тигусой, и казалось, что они так близки. По этому поводу Каёко думала только одно: «Не понимаю Такако. Не понимаю, как ее, такую красивую, привлекает такой мрачный тип». В любом случае... у нее сложилось о нем такое впечатление. И в этой ситуации, когда одноклассников Каёко одного за другим убивали, Хироки Сугимура страшно ее пугал. Но вдруг... выяснилось...

Хироки снова закрыл глаза.

— Все хорошо, — сказал он и улыбнулся. Вид у него был почти довольный. — Я все равно скоро должен был умереть.

И тут Каёко наконец заметила, что у него в боку была еще одна рана, мокрая вовсе не от дождя.

— Так что... теперь иди. Пожалуйста.

Каёко судорожно зарыдала и нежно коснулась его шеи.

— Давай пойдем вместе. Ладно? Давай.

Хироки открыл глаза и посмотрел на девочку. Похоже, он опять улыбался.

— Забудь про меня, — сказал он. — Я просто рад, что мне все-таки удалось тебя повидать.

— Что? — Каёко широко раскрыла полные слез глаза. — Что? Что ты только что сказал? Что... что ты имеешь в виду? — Голос ее дрожал.

Хироки сделал глубокий вдох, словно преодолевал боль. Или, быть может, это был долгий вздох.

— Если я скажу, ты уйдешь?

— Что? Я не понимаю? О чем ты говоришь?

— Я люблю тебя, Котохики, — без колебаний признался Хироки. — Я уже очень давно тебя люблю.

Каёко опять его не поняла. О чем он говорил?

Хироки смотрел в небо, обрушившееся на них дождем.

— Это все, что я хотел тебе сказать, — вымолвил он. — А теперь иди.

— Но я думала... — пробормотала Каёко, — ты с Такако...

Хироки снова заглянул ей в глаза.

— Нет, — сказал он. — Ты единственная.

Каёко наконец поняла. И ее словно бы ударило громадным ядром, которым разрушают здания.

«Любишь? — ошалело подумала девочка. — Меня? Ты хотел мне сказать... нет, только не говори мне, что ты пытался меня найти. Это правда? Если это правда... тогда что же... что же я наделала?»

Дыхание Каёко стало хриплым. Она несколько секунд продолжала задыхаться, а потом все-таки сумела выкрикнуть:

— Хироки... Хироки!

— Поспеши, — сказал Хироки и выкашлял целое облако мелких кровавых капелек, забрызгав лицо Каёко. Затем он снова открыл глаза.

— Хироки... я... я... я...

— Все хорошо, — ласково сказал Хироки и медленно закрыл глаза. — Каёко... — позвал он ее по имени так, словно оно было бесценным сокровищем. Скорее всего, он впервые обратился к ней по имени. — Это ничего... что я умираю из-за тебя. Я не против. Только иди. Пожалуйста, иди. Иначе...

Каёко продолжала плакать, дожидаясь, пока Хироки продолжит.

— Что «иначе»?

Хироки ничего не сказал. Каёко медленно протянула к нему руки. Она схватила его за плечи и потрясла.

— Хироки! Хироки!

В телевизионной драме, когда кто-нибудь умирает, последние слова обычно не договаривают. Скажем: «Ина...» Однако Хироки сумел измученным, но ясным голосом произнести: «Иначе». Значит, там должно было быть что-то еще. Иначе? Что еще?

Каёко снова потрясла его за плечи и наконец поняла, что Хироки мертв.

И как только девочка это поняла, плотина, сдерживавшая поток чувств, внезапно рухнула.

Каёко пронзительно вскрикнула, упала на тело Хироки и горько зарыдала.

«Он меня любил... — крутилось у нее в голове. — Он так сильно меня любил, что искал меня... рискуя, что на него нападут. Любая встреча могла привести к нападению. И вот... рана в его боку... рана в плече... результат того, что он меня искал».

Нет... было кое-что еще. Каёко даже на мгновение перестала рыдать.

«Ведь это я на него напала, — поняла она. — В самом конце, когда Хироки все-таки сумел достичь своей цели».

Каёко закрыла глаза и снова зарыдала.

«Он меня любил... — опять пришли мысли. — Совсем как я „того человека“, Хироки, чувствуя то же самое ко мне, меня искал. Надо же, мальчик из моего класса был так в меня влюблен! И все же... все же...»

Внезапно Каёко вспомнила еще одну сцену. В тот раз они вместе с Хироки убрали класс после занятий. Каёко вытирала классную доску влажной тряпкой, а когда она не смогла дотянуться до верха, Хироки, который в тот момент бил баклуши — просто стоял, положив подбородок на конец швабры, словно на тросточку, — сказал: «Ты

слишком маленькая, Котохики». А потом взял у нее тряпку и вытер ту полоску, до которой ей было никак не дотянуться.

Та сцена сейчас живо Каёко припомнилась.

«Как... — недоумевала она, — как же я не видела, какой он добрый? Как я могла не заметить, что он так сильно меня любил? Стоило мне только об этом задуматься, и я бы поняла: если бы Хироки хотел меня убить, он бы сразу же застрелил меня из пистолета. Но я вообще ничего не понимала, просто неспособна была понять. Я такая дура. Я...»

Вспыхнуло еще одно воспоминание. Когда Каёко рассказывала кому-то из своих подруг-одноклассниц про «того человека», Хироки, который стоял рядом, вроде бы просто глаза из окна, вдруг буркнул: «Ты просто дурочка, что так по нему сохнешь». Тогда Каёко буквально взбесилась, но на самом деле Хироки сказал истинную правду — она была просто дурочка. И все же... все же Хироки признался ей, что эту дурочку он обожал.

Каёко просто не могла перестать плакать. Прижавшись щекой к еще теплой щеке Хироки, она продолжала рыдать. Хироки велел ей уйти, но она не могла заставить себя это сделать. «Я буду продолжать плакать, — думала Каёко. — Буду оплакивать редкостную преданность этого мальчика, который любил меня, и мою глупость. (Как же глупо с моей стороны было думать, будто у меня есть какие-то шансы с „тем человеком“!) Я все равно буду продолжать плакать. Даже если в этой игре это равносильно самоубийству».

— Ты собираешься умереть вместе с ним, — прошептал чей-то голос словно бы у нее в голове.

— Да, это правда, — вслух ответила этому голосу Каёко. — Я собираюсь умереть вместе с ним. Я намерена умереть во имя любви Хироки ко мне и к моей глупости.

Внезапно девочка задрожала и обернулась. Она увидела длинные и роскошные, насквозь мокрые от дождя волосы Мицуко Сомы (ученицы номер 11). Держа в руке пистолет, Мицуко пристально смотрела на Каёко.

А потом последовали два сухих хлопка, и в правом виске Каёко появились две дырки. Тело девочки упало как раз на тело Хироки Сугимур.

Кровь медленно потекла из пулевых отверстий, постепенно смываемая дождем.

Мицуко опустила смит-вессон М-19 .357 комбат магнум.

— А ты и правда была дура, — холодно сказала она. — Ты могла бы его понять.

Затем Мицуко посмотрела на лицо Хироки.

— Привет, Хироки, давненько не виделись. Ну как, рад, что тебе удалось умереть вместе с твоей возлюбленной?

Затем она презрительно покачала головой и пошла дальше, чтобы подобрать смит-вессон М-59, который выронила Каёко, и кольт «Гавернмент модель» калибра .45 (раньше принадлежавший Мицуко), который Хироки отбросил в сторону.

Взглянув на слившиеся воедино тела Каёко и Хироки, Мицуко задумчиво потерла указательным пальцем нижнюю губу.

— А что там было... насчет разжигания костра?

Затем она недоуменно покачала головой, отбросила ногой край юбки Каёко, прикрывающий М-59, и нагнулась к синеватому пистолету. Но тут Мицуко внезапно услышала треск, очень похожий на работающую пишущую машинку.

Осталось 6 учеников

69

Словно отбойный молоток заколотил по спине Мицуко. Грудь ее буквально взорвалась фонтаном крови. Она заковыляла вперед... ей казалось, что внутри расползаются горящие уголья.

Впрочем, Мицуко испытывала не столько болевой шок, сколько раздражение и досаду. Какого черта она не услышала, как кто-то подкрадывается к ней сзади по этой липкой грязи?

Несмотря на ранение, невесть как, но Мицуко сумела повернуться. Она увидела мальчика в школьном пиджаке. Идеально зачесанные назад волосы, прекрасный овал лица и сверкающие ледяные глаза. Кадзуо Кирияма (ученик номер 6).

Мицуко сжала правую руку, в которой был М-19. Мышцы едва повиновались девочке, но она собрала все оставшиеся силы и попыталась поднять пистолет.

Но совершенно внезапно мысли Мицуко — несмотря на тот факт, что она находилась в процессе борьбы не на жизнь, а на смерть — скользнули в некое иное измерение. Все это продлилось лишь считанные доли секунды.

«В разговоре с Хироки Сугимурой, — подумала Мицуко, — я сказала: „Я просто решила брать вместо того, чтобы меня брали“. Вот что я тогда сказала. Но когда... когда я стала такой? После того раза, про который я рассказала Хироки, когда меня изнасиловали трое мужчин? Когда меня по очереди брали три мужика с видеокамерой в жалкой квартирке в паршивом предместье городка? Или, быть может, в тот момент, когда моя пьяная мать (отца я вообще не помню) вышла из комнаты, получив толстый конверт (хотя не такой уж и толстый) за то, что привела меня в то место, где „это“ случилось? В тот самый момент? Или... или это было после того, как учитель начальной школы, единственный человек, которому, как мне казалось, я могла доверять, ласково обратился ко мне, еще почти окаменевшей от дикой травмы, а я ему рассказала, и все повторилось снова? С того раза? В том темном читальном зальчике после школы? Или после того, как моя лучшая подруга все это увидела (или, по крайней мере, какую-то часть) и, вместо того чтобы предложить мне утешение, донесла на нас (в результате тому учителю пришлось уйти из школы)? Или это случилось три месяца спустя, когда я отказала моей матери, которая снова пыталась принудить меня заняться тем же самым, и ссора кончилась тем, что я случайно ее убила? Избавившись от улик и устроив все так, чтобы это выглядело как ограбление, я просто стала качаться на качелях в парке. В тот момент? Или после того, как меня приняли к себе дальние родственники, и меня без конца доставала их дочь, а потом та девочка случайно упала с крыши, и ее мать обвинила меня, потому что я в тот момент

была с ней? С того раза? Отец девочки вмешался и меня защитил, но очень скоро этот самый отец бесцеремонно начал ко мне подъезжать. Тогда? Или...»

Мало-помалу, хотя чаще большими кусками, но все брали у Мицуко. И при этом никто ничего ей не давал. Вот так Мицуко и превратилась в итоге в пустую оболочку, стреляную гильзу в человеческом облике. Однако...

...это не имело значения.

«Я права, — твердо подумала девочка. — И я не проиграю».

Мицуко почувствовала прилив сил и подняла пистолет. Сухожилия в запястьях напряглись, точно струны скрипки. Затем она нажала на...

Тарахтящий ингрэм в руках Кадзуо Кириямы пропахал целый ряд черных дырок в теле девочки почти до самого лба. Из рта Мицуко хлынула кровь. Верхняя губа разошлась надвое. Девочка упала навзничь.

И все же Мицуко сумела улыбнуться. Она напряглась что было сил и стала нажимать на спусковой крючок. Снова и снова.

Четыре пули из патронника М-19 ударили в грудь Кадзуо Кириямы.

Но... Кадзуо остался спокоен и лишь слегка покачнулся. Мицуко не знала, как такое может быть. А затем ингрэм Кадзуо снова затарахтел.

Лицо Мицуко, совсем недавно столь красивое, было порвано в клочья, как будто в него швырнули клубничный пирог. На сей раз ее резко отбросило назад — и в следующее мгновение девочка упала спиной на сырую землю. К моменту своего падения она была мертва. Хотя на самом деле Мицуко могла быть мертва уже очень давно. Физически она погибла всего лишь несколько секунд тому назад, а душевно — давным-давно.

Кадзуо Кирияма медленно подошел к Мицуко, нагнулся и вынул у нее из руки пистолет. Еще он подобрал кольт «Гавернмент модель» калибра .45, лежащий рядом с рукой Хироки Сугимур, а также М-59, который уронила Каёко Котохики. Кадзуо даже не стал смотреть на три мокрых от дождя труп.

Осталось 5 учеников

70

Мидзуо Инада (ученица номер 1) осторожно выглянула из кустов. Под непрерывным дождем ее аккуратно подстриженная челка липла ко лбу.

За кустами было узкое фермерское поле, и сквозь легкую пелену дождя Мидзуо разглядела в середине этого поля мальчика в школьной форме. Мальчик стоял к ней спиной. Его зачесанные назад волосы тоже промокли от дождя. Это был Кадзуо Кирияма (ученик номер 6).

Кадзуо Кирияма свалил рядом две груды веток. Теперь он аккуратно укладывал одну из груд.

Мидзуо затаила дыхание. Она страшно замерзла и устала, но это не имело значения. В конце концов она собиралась исполнить самое свое важное задание...

...в качестве космической воительницы.

«Готова ли ты, о воительница Прексия Дикианна Мидзуо?»

Спросил девочку бог света Ахумарадза. Очевидно, этот голос доносился из веретенообразного магического кристалла, который она носила на груди (заказав эту стекляшку по почте, Мидзуо верила, что она из горного хрусталя).

«Конечно, — откликнулась Мидзуо. — Я видела, как этот демон уходил после убийства Юмико Кусаки и Юкико Китано. Тогда я потеряла его след, но теперь снова нашла. И увидела, как он прикончил другого демона, который убил Каёко Котохики. Я должна победить этого врага. Я так долго его преследовала».

«Очень хорошо. Значит, ты понимаешь свое задание?»

«Конечно, господин. Местная гадалка передала мне твою весть о том, что я стану воительницей, которой предстоит сражаться со злом. В то время я не понимала, что это значит. Но теперь... теперь я все-все понимаю».

«Очень хорошо. Ты не боишься?»

«Нет, господин. Под твоим благим руководством мне нечего бояться».

«Очень хорошо. Ты единственная уцелевшая представительница клана святой Дикианны. Ты избранная воительница. Свет победы вскоре воссияет над тобой. Что? Ты сомневаешься?»

«Нет-нет, господин. Дело, о великий Ахурамазда, просто в том, что моя сестра-воительница Лорела Лаусасси Каори уже была убита (в их классной комнате Каори Минами, которая какое-то время болталась вместе с Мидзуо Инадой, обычно с трудом удерживалась от зевка, как только Мидзуо опять заводила речь о том, что она, Каори, на самом деле воительница Лорела. Но тем не менее). Она...»

«Она сражалась до конца, Мидзуо».

«Ах. О да, господин, я не сомневаюсь. Но она была побеждена злыми силами».

«Да, это так. В любом случае так вышло только потому, что она мещанка по происхождению. А ты другая. Впрочем, не будем вдаваться в детали. Важно лишь то, что ты должна сражаться в ее честь. И ты должна победить. Понятно?»

«Так точно, господин».

«Тогда хорошо. Свет. Ты должна неколебимо верить в космический свет. В тот свет, что тебя окутает».

Свет рос внутри Мидзуо. Колоссальная, теплая космическая энергия, что заполняла весь мир.

Мидзуо несколько раз кратко кивнула. Да. Да. Да.

Затем девочка вытащила из ножен обоюдоострый нож (обнаружив его у себя в рюкзаке, она подумала, что это самое подходящее оружие для космической воительницы), подняла его к своему лицу и взглянула на Кадзуо.

Мидзуо увидела его спину. Совершенно незащищенную.

«Теперь иди. Ты должна срубить врага».

Да!

Двигаясь как можно тише, Мидзуо наконец вырвалась из кустов и бросилась к Кадзуо. Короткий клинок, едва ли пятнадцати сантиметров длиной, внезапно превратился в клинок легендарный, по меньшей мере метровый меч. Этот меч с одного удара пронзил злого монстра насквозь.

Левой рукой раскладывая ветки, Кадзуо Кирияма спокойно вытащил правой рукой из-за пояса беретту М-92Ф. Даже не оборачиваясь, он направил пистолет себе за плечо и дважды нажал на спусковой крючок.

Первая пуля попала Мидзуо в грудь, сразу остановив ее, а вторая пробила девочке голову.

Мидзуо упала навзничь, а из ее ран вверх взмыли изящно изогнутые красные линии. Дождь тут же принялся усердно смывать кровь. А затем душа воительницы Прексии Дикианны Мидзуо переселилась в Страну Света.

Так и не повернувшись к ней, Кадзуо Кирияма снова сунул пистолет за пояс и принялся дальше складывать аккуратный костер.

Осталось 4 ученика

71

Дождь лил не переставая. Привалившись к влажной скале, Сюя наблюдал за тем, как струйки дождя бегут с лиственной крыши. Какое-то время назад он слышал стремительную перестрелку. Затем, минут пять тому назад, снова раздались выстрелы, но на сей раз всего два. Оба раза выстрелы звучали не слишком близко, но и не так, чтобы очень далеко. Скорее всего, стреляли где-то на северной горе, где они раньше вставали лагерем.

Большая капля соскользнула с лиственной крыши и упала совсем рядом с вытянутыми ногами Сюи, обутыми в кеды. Каплю тут же поглотила мутная лужа.

— Быть может, Хироки любит Котохики.

Вот что тогда сказала Норико.

— На его месте... — добавила она, — я бы сделала то же самое. Я бы стала искать любимого человека.

Так ли все было? Действительно ли Хироки был влюблен в Каёко Котохики? Почему, когда он был так близок с самой красивой девочкой их класса, его могла увлечь такая невзрачная простушка, как Каёко?

Хотя, может статься, так оно все и было. В конце концов, как пел Билли Джоэл: «Не смущайся, что ты мне слишком знакома... я приму тебя такой, какая ты есть».

И далее... кто участвовал в недавней перестрелке (два одиночных выстрела прозвучали одинаково — видимо, стрелял только один противник)? Если включить туда еще и перестрелку, которую услышал Сюя вскоре после того, как покинул маяк, получалось, что после полудня оружие пускали в дело трижды. (Это еще не говоря о том, что случилось с группой Юкиэ Уцу-ми.) Разумно было предположить, что погибли по меньшей мере три ученика. Значит, их осталось только пять? Но кто были

эти трое убитых? Или, быть может, вообще никто не погиб. Быть может, там произошли только стычки, и все сумели спастись. Тогда, включая группу Сюи, еще оставалось восемь учеников.

— Что, Сюя, устал? — спросил Сёго, сидевший с другой стороны от Норико. — Может, тебе немного поспать?

Сюя посмотрел на Сёго и Норико.

— Нет. — Он улыбнулся. — Я много спал до полудня. Ручаюсь, вы столько не спали.

Сёго пожал плечами.

— Я отлично спал. А вот Норико... Она вообще не спала. Все тебя дожидалась.

Сюя посмотрел на Норико, но девочка лишь замахала на него руками и улыбнулась.

— Нет, не совсем так. Я время от времени немного дремала. Это как раз Сёго из-за меня не спал.

Сёго прыснул и развел руками. А затем картинно приложил руку к сердцу и объявил:

— Клянусь всегда охранять вас, Ваше Высочество!

Норико улыбнулась и тронула его за руку.

— Эта честь за мной, Сёго, — сказала она.

Удивленно подняв брови, Сюя наблюдал, как они общаются. Странно было видеть, как близки теперь стали Сёго и Норико. В начале игры Норико в основном обращалась к Сёго через Сюю, но теперь все стало иначе. Теперь они уже казались славной парочкой. Хотя, поскольку они целых полдня провели без Сюи, это было вполне естественно.

Внезапно Сёго указал пальцем на Сюю.

— Ты смотри, — сказал он. — Сюя уже ревновать начинает.

Широко раскрыв глаза, Норико посмотрела на Сюю. Затем улыбнулась.

— Да нет... — сказала она.

Сюя немного покраснел.

— Я не ревную. О чем речь?

Сёго пожал плечами. А затем поднял брови и с деланным раздражением обратился к Норико:

— Он говорит, что доверяет тебе. Потому что любит.

Сюя только рот раскрыл.

Ему хотелось что-то такое сказать в ответ, но он потерял дар речи. И тут Сёго рассмеялся. По-настоящему, он только что пополам не согнулся от смеха. Сюя в конце концов не удержался и прыснул. Норико тоже заулыбалась.

Это был всего лишь момент. Краткий, но просто чудесный. Такой разговор ты обычно ведешь с давнишними друзьями, смеешься вместе с ними, сидя после школы в

любимом кафе. Хотя, конечно, было чувство, будто все они собрались здесь после похорон близкого друга...

Сёго, улыбаясь, взглянул на часы и вышел проверить, нет ли сигнала от Хироки.

Норико улыбнулась и посмотрела на Сюю.

— Сёго такой шутник, — сказала она.

Сюя тоже улыбнулся.

— Да, но... — Он, прищурившись, посмотрел туда, где только что стоял Сёго, и подумал: «Возможно, я и правда ревновал».

Сюя снова посмотрел на Норико. Он уже собрался было шутливо сказать ей: «Возможно, я и правда ревновал». Тогда Норико, скорее всего, отвернулась бы от него и ответила: «Да, наверняка».

Но тут вернулся под крышу Сёго. Его заросшее щетиной лицо блестело от водяных капелек.

— Там дым, — кратко сказал он и тут же вышел обратно.

Сюя быстро встал. Неповрежденной правой рукой он помог подняться Норико. Вместо они прошли туда, где стоял Сёго.

Дождь теперь уменьшился, и Сюя смог различить в небе дым. А проследив за взглядом Сёго... он увидел целый столб белого дыма на противоположной стороне северной горы. Вернее, два столба.

— Вот они!

Без лишних раздумий Сюя напел фрагмент песни «Дым над водой». Глаза его встретились с глазами Норико. Девочка, пылая не меньшим энтузиазмом, радостно улыбнулась.

— Значит, Хироки в безопасности, — заключила она.

Сёго достал из кармана манок и принялся наигрывать на нем, наблюдая за дымом. Радостное чириканье маленькой птички полетело сквозь дождь. Продолжая наигрывать, Сёго смотрел на часы. Ровно через пятнадцать секунд он остановился.

Затем Сёго взглянул на Сюю с Норико.

— Давайте еще немного здесь подождем, — сказал он. — Наверняка он не услышит этот звук, пока не подойдет поближе. Это займет время.

Они вернулись под крышу.

— Должно быть, Хироки нашел Каёко, — сказала Норико. Сюя уже собрался было кивнуть, но вдруг увидел плотно сжатые губы Сёго. Норико тоже перестала улыбаться.

Сёго поднял взгляд. Затем он покачал головой.

— Да нет, ничего, — сказал он. — Я просто подумал, что все может быть не так, как кажется.

— Да? Но... — Сюя поднял раскрытую правую ладонь. — Все-таки Хироки никогда бы не сдался.

Сёго кивнул:

— Очень может быть. — Он помолчал, а затем отвернулся. — Он просто мог найти Каёко Котохики уже мертвой.

Сюя стиснул зубы. Сёго был прав. До полудня Котохики точно была жива... но потом произошла вся эта стрельба. Совсем недавно они слышали два одиночных выстрела. Проискав двое суток, Хироки вполне мог в конечном итоге обнаружить, что Каёко Котохики погибла.

— Или, — продолжил Сёго, — результат мог быть совсем иным.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Норико.

Сёго достал новую пачку сигарет.

— В любом случае, — кратко ответил он, — давайте просто надеяться, что Хироки сумеет сюда вернуться. Тогда мы и посмотрим, с Каёко он или нет.

Сюя надеялся, что Хироки вернется с Каёко Котохики. Тогда... тогда их будет пятеро. Впятером они смогут спастись.

Лишь впятером.

Тут Сюя вспомнил, что Мидзуо Инада тоже все еще была жива — по крайней мере, до полудня.

— Послушай, Сёго, — сказал он.

Сёго на него взглянул.

— Инада все еще жива. Интересно, сможем ли мы с ней связаться.

Сёго пожал плечами.

— Я тебе уже много раз говорил. Самое лучшее в этой игре — не слишком доверять другим. Если честно, я не имею ничего против Хироки, но совсем не обязан доверять Котохики.

Сюя прикусил губу.

— Да, я знаю, но...

— Короче, если мы сможем себе это позволить, тогда я придумаю какой-то способ связаться с Мидзуо, но... — тут Сёго выпустил струйку дыма, — не забывайте, возможно, не только мы хотим это сделать.

Да, все верно. Сёго тогда сказал: «В самом конце. Только когда все остальные погибнут, для нас троих может найтись выход». Это значило, что, помимо всего прочего, им еще предстояло столкнуться с Кадзуо, а также разобраться с Мицуко Сомой. Сюя не был уверен насчет Мицуко, но вот боя с Кадзуо им точно было не избежать. Кадзуо так просто умирать явно не собирался. А это означало... что и Сёго, и Норико, и сам Сюя боя с ним вполне могут не пережить.

Сёго затянулся сильно укоротившейся сигаретой.

— Хочу снова спросить тебя, Сюя. — Он выдохнул струю дыма, продолжая внимательно на него смотреть. — Даже если мы снова сумеем объединиться с Хироки, нам, скорее всего, придется сражаться с Кадзуо и с Мицуко... Ты готов быть безжалостным?

Вот, значит, до чего все дошло. Они могли позволить себе связаться с Мидзуо Инадой только после победы над Кадзуо и Мицуко. Хотя, невзирая на предельно отчаянные обстоятельства, Сюе сложно было свыкнуться с мыслью об убийстве своих одноклассников...

...он кивнул и откликнулся:

— Да, я готов.

Осталось 4 ученика

72

Сёго снова поиграл на манке. Уже в третий раз. Дождь стал заметно слабее, и с лиственной крыши падали лишь редкие капли. Шел шестой час вечера.

Прослушав такое же птичье чириканье четырежды, Сюя сумел объединиться с Сёго и Норико, но благодаря тому, что он примерно представлял себе их местоположение. Поскольку у Хироки этой информации не имелось, ему могло потребоваться куда больше времени, чтобы их найти.

Сёго вернулся под крышу и закурил очередную «дикую семерку».

Выдув струю дыма, он вдруг ни с того ни с сего спросил:

— А куда бы вам хотелось отправиться?

Сюя взглянул на Сёго, сидящего рядом с Норико. Тот повернул к нему голову.

— Забыл об этом упомянуть, но у меня есть один человек, — сказал Сёго. — Как только мы отсюда выберемся, мы сможем на какое-то время остаться у него.

— А кто это? — спросил Сюя, и Сёго кивнул.

— Один друг моего отца, — пояснил он. — Он позаботится о том, чтобы вы выбрались из этой страны... если вы, разумеется, захотите это сделать. Если вы здесь останетесь, вас просто убьют. На вас будут охотиться, как на крыс.

— Сбежать из страны... — удивленно сказала Норико. — Мы правда можем это сделать?

— А кто этот друг твоего отца? — спросил Сюя.

Сёго посмотрел на них, словно бы что-то обдумывая, левой рукой придерживая сигарету. Затем он вынул сигарету изо рта и сказал:

— Сейчас не время вам об этом рассказывать. — Затем Сёго продолжил: — В том случае, если нас поймают во время нашего бегства и мы в итоге расколемся, будет очень скверно, если власти узнают о наших планах. Не то чтобы я вам не доверял. Но когда вас станут пытаться, вы в конечном итоге все выложите. Так что я буду ответственным за то, чтобы доставить вас куда надо.

Сюя немного подумал, затем кивнул. Казалось, Сёго опять делал правильный выбор.

— Хотя... погодите-ка, — продолжил Сёго. Прикусив сигарету, он вытащил из кармана клочок бумаги.

Эта бумажка очень напоминала ту, на которой все они писали: «Мы будем убивать друг друга». Сёго разорвал ее на две половинки, после чего на каждой из них что-то накарябал. Затем аккуратно сложил обе половинки и отдал одну Сюе, а другую Норико.

— Что это? — спросил Сюя и начал было разворачивать свою бумажку.

Но Сёго его остановил.

— Погоди, — сказал он. — Не надо пока смотреть. Это наш способ войти в контакт. Просто на всякий случай. Там написаны время и место. Каждый день в указанное время ходите в указанное место. Я тоже постараюсь туда прибыть.

— А сейчас нельзя посмотреть? — спросила Норико.

— Не-а, — сказал Сёго. — Посмотрите только в том случае, если нам придется расстаться. Другими словами, в твоей записке и в записке Сюи разная информация. Лучше пусть каждый из вас не знает, что в записке у другого. Это просто на случай, если одного из нас поймают.

Сюя и Норико переглянулись. Затем Сюя повернулся к Сёго.

— Я собираюсь оставаться с Норико. Что бы ни случилось.

— Да знаю я, знаю. — Сёго криво усмехнулся. — Но мы все равно не можем исключить вероятности того, что вы снова разделитесь. Как получилось, когда на нас напал Кадзуо.

Сюя сжал губы и посмотрел на Сёго... но в конце концов кивнул. Обменявшись взглядом с Норико, он убрал записку.

Действительно. Все могло случиться. Прежде всего, побег с этого острова наверняка будет невероятно трудным. Но если дело обстояло так, разве им с Норико не следовало тоже придумать свое место для встречи? Не говоря о нем Сёго? С другой стороны, если власти все-таки поймают Сёго, их положение в любом случае станет безнадежным.

— Так... куда бы вам хотелось отправиться? — спросил Сёго.

Тут Сюя вспомнил, как Сёго хотел узнать, куда они с большей охотой сбежали бы из страны. Сложив руки на груди, он хорошенько об этом подумал.

— Наверняка в Америку, — наконец сказал он. — Ведь именно оттуда пришел рок. Я всегда мечтал там побывать, хотя бы один разок. — «Хотя я всегда сильно сомневался, — подумал Сюя, — что мне удастся туда сбежать».

— Понятно, — кивнул Сёго. — А ты, Норико?

— Честно говоря, мне в голову ничего не приходит, но я... — Тут она взглянула на Сюю.

Сюя кивнул в ответ.

— Давай вместе. Ладно?

— Ах... — Глаза Норико широко раскрылись. Затем она улыбнулась и кивнула. — Конечно, если тебе так хочется.

Сёго улыбнулся. И снова затянулся сигаретой.

— А что ты будешь делать, когда туда доберешься? — спросил он.

Сюя еще немного подумал. А затем ответил.

— Стану на улице на гитаре бренчать. Так, по крайней мере, можно какую-то мелочь наскрести.

Сёго усмехнулся.

— Тебе лучше стать рокером, — сказал он затем. — Ты талантлив. Насколько я слышал, в той стране талантливому человеку не так уж трудно пробиться, даже если он эмигрант или беженец.

Сюя глубоко вздохнул и скептически усмехнулся.

— Я не настолько талантлив. У меня нет того, что требуется, чтобы стать настоящим профи.

— Ну, не знаю, не знаю.

Сёго улыбнулся и покачал головой. Затем он взглянул на Норико.

— А ты, Норико? Чем бы ты хотела заняться?

Норико поджала губы.

— Я всегда хотела стать учительницей, — сказала она, помедлив.

Такой ответ застал Сюю врасплох. Ничего подобного он даже себе не представлял.

— Правда? — воскликнул он.

Повернувшись к Сюе, Норико кивнула.

— И ты, — продолжил Сюя, — хотела стать учительницей в нашей вшивой стране?

Норико недовольно поморщилась.

— Хорошие учителя есть везде. Я... — Тут она опустила глаза и продолжила: — Я думаю, господин Хаясида был хорошим учителем.

Сюя уже давно не вспоминал о трупe господина Хаясиды, у которого было снесено полголовы. Да, Стрекоза погиб ради них.

— ...Ты права, — согласился Сюя.

— Беженке, вероятно, сложно сразу стать учительницей, — заметил Сёго. — Но ты могла бы заниматься исследованиями в каком-нибудь университете. Это какая-то ирония, но весь остальной мир, похоже, очень заинтересован в нашей стране. В дальнейшем ты наверняка сможешь и преподавать. — Продолжая смотреть вперед, он бросил окурок в лужу у себя перед ногами. Затем вставил себе в рот еще одну сигарету, закурил ее и продолжил: — Так что вам обоим следует туда отправиться. Быть там теми, кем вы хотите быть. Следовать велению сердца и отдать своему делу все силы.

Сказанное Сёго Сюю порядком потрясло. Следовать велению сердца. Отдать все силы. Примерно так мог бы выразиться покойный Синдзи Мимура.

Затем Сюя подумал еще кое о чем.

— А ты? — тревожно спросил он. — Что ты собираешься делать?

Сёго пожал плечами:

— Я уже тебе сказал. Для этого режима настало время расплаты. Хотя нет... дело не в этом. Эти люди мне кое-что задолжали, и они должны передо мной расплатиться. Что бы там ни было. Так что к вам, ребята, я присоединиться не могу.

— Нет... — с болью выговорила Норико.

Отклик Сюи, однако, оказался неожиданным.

— Позволь мне к тебе присоединиться, — сказал он, стиснув зубы.

Сёго глянул на Сюю... а потом опустил глаза и пренебрежительно махнул рукой:

— Брось валять дурака.

— Но почему?

— Ты не единственный, кто затаил злобу на этот проклятый режим, — убедительно сказал Сёго.

— Это правда, — решительно вмешалась Норико, удивляя Сюю такой реакцией. Взглянув на Сёго, Норико продолжила: — Мы сделаем это вместе.

Сёго взглянул поочередно на каждого из них и глубоко вздохнул.

— Послушай, — сказал он, обращаясь к Сюе. — По-моему, я уже тебе говорил, что наша страна может быть до предела взбаламучена, но ею отлично управляют. Свалить этот режим почти невозможно. Больше того. Я бы сказал, что прямо сейчас свалить его абсолютно невозможно. И все же я.. — Сёго повернулся и снова посмотрел на небо, светлеющее по мере уменьшения дождя. — Если пользоваться метафорами, то я просто хочу его уколоть. Я отплачу кое-кому из этих людей. И то, что я делаю это только ради себя, совсем не так плохо. — Сёго немного помолчал, затем добавил: — Нет, это совсем не так плохо.

— Но тогда... — начал было Сюя, однако Сёго, подняв руку, его остановил.

— Я еще не закончил.

Сюя умолк, позволяя ему говорить.

— Я говорю о том, что ты погибнешь, если ко мне присоединишься. Ты только что сказал, что собираешься быть с Норико. А это значит... — Сёго посмотрел на Норико. Затем снова на Сюю. — У тебя все еще есть Норико. Так защищай ее, Сюя. Если она окажется в опасности, сражайся за нее. Неважно, кто будет ей угрожать — грабитель, проклятая Народная Республика Дальневосточная Азия или пришелец со звезд. — Затем он повернулся к Норико и ласково сказал: — Ты тоже, Норико. У тебя все еще есть Сюя. Так защищай его. Глупо умирать без толку. — Сёго снова посмотрел на Сюю. — Понимаешь, о чем я? У меня уже ничего не осталось. Так что я просто делаю это ради себя самого. Но с вами, ребята, дело обстоит совсем иначе. — Последнее заявление прозвучало чертовски категорично. Сёго взглянул на часы и швырнул в лужу очередной окурочок. Затем встал и вышел из-под крыши. Послышалось щебетание манка.

Слушая Сёго, Сюя вспомнил песню одного китайского рокера с материка: «Ты говоришь, что любишь / Пусть даже у меня совсем ничего нет».

Но что имел в виду Сёго, когда сказал, что у него уже ничего не осталось?..

После того как манок прощепетал ровно пятнадцать секунд, Сёго вернулся под крышу и сел.

— Разве тебе совсем не о ком заботиться? — нежно спросила у него Норико.

Да, все верно. Сюя тоже хотел об этом спросить.

Сёго удивленно раскрыл глаза, а затем усмехнулся.

— Вообще-то я не собирался вам рассказывать, но раз уж так получилось... — сказал он и глубоко вздохнул. — Нет, пожалуй, я просто не хотел вам рассказывать. — Сунув руку в задний карман брюк, Сёго достал оттуда бумажник и вынул из него фотографию с обтрепанными краями.

Норико взяла у него фотографию. Они с Сюей на нее посмотрели.

На фотографии был запечатлен Сёго. Школьная форма, волосы длинные, как у Сюи. Такой застенчивой улыбки у него теперь невозможно было себе не представить. А рядом с Сёго стояла девочка в матроске и плиссированной юбке. Ее черные волосы были небрежно заброшены за правое плечо. Девочка выглядела удивительно уверенной в себе, однако ее улыбка была совершенно чарующей. Они стояли на фоне дерева гинкго и щита с рекламой виски.

— Какая красивая! — воскликнула Норико.

Сёго потер кончик носа.

— Правда? Вообще-то, образчиком красоты она мне не казалась, но я всегда считал ее симпатичной.

Норико покачала головой:

— По-моему, она очень симпатичная и очень... очень взрослая на вид. Вы с ней одного возраста?

Сёго вдруг расплылся такой же застенчивой улыбкой, как на фотографии:

— Ага. Спасибо.

Глядя на два улыбающихся лица на фотографии, Сюя думал: «Черт, что ты имеешь в виду, когда говоришь, что у тебя уже ничего не осталось?» Но Сюя упустил из вида кое-что предельно существенное.

— Значит, она сейчас в Кобе? — спросил Сюя.

Сёго поморщился. Затем покачал головой.

— Разве ты забыл? — спросил он. — Я уже один раз играл в эту проклятую игру. И стал «победителем».

Только тут до Сюи дошло. И до Норико, судя по всему, тоже. Лицо девочки застыло.

— Мы учились в одном классе, — продолжил Сёго. — Я не смог спасти Кэйко.

На какое-то время все погрузились в молчание. Наконец-то Сюя почувствовал, что может по-настоящему понять весь гнев Сёго, всю глубину этого гнева.

— Теперь ты понимаешь, — сказал Сёго, — что у меня действительно ничего не осталось. И для этого режима настало время расплаты, потому что он убил Кэйко. — Сёго сунул в рот еще одну сигарету и закурил. Дым поплыл в сторону.

— Значит, ее звали Кэйко, — наконец сказал Сюя.

— Угу. — Сёго несколько раз кивнул. — Иероглиф «кэй» означает радость.

Тут Сюя понял, что тот же самый иероглиф стоял первым и в имени Еситоки.

— И ты... — нежно спросила Норико, — был с ней до самого конца?

Сёго молча курил. Заговорил он нескоро.

— На это сложно ответить. — Он опять помолчал. — Фамилия Кэйко была Онуки. В той игре ученики начали выходить с номера семнадцатого. Так уж получилось. В любом случае номер Кэйко шел раньше моего, и между нами были еще три номера.

Сюя и Норико молча слушали.

— Я подумал... подумал, она станет ждать меня где-то неподалеку от выхода. Она вполне могла бы меня ждать. Но ее там не было. Я хочу сказать, ничего тут было не поделать. Как и в этой игре. Болтаться у выхода было очень опасно. — Сёго затянулся сигаретой и выдохнул струю дыма. — Но в конце концов я ее нашел. Та игра происходила на острове вроде этого, но я все-таки ее нашел. — Он еще раз затянулся и выдохнул. А потом сказал: — Но она от меня убежала.

Сюя был в шоке. Он посмотрел на Сёго. Заросшее щетиной лицо парня оставалось спокойным. Однако похоже было, что он изо всех сил старался сдерживать свои чувства.

— Я попытался ее догнать... но на меня напали. Я убил того ученика... но опять потерял ее из вида.

Сёго сделал еще затяжку, а затем выдохнул.

— Кэйко не смогла мне довериться.

Лицо его по-прежнему оставалось невозмутимым, но в глазах было видно большое напряжение.

— И все же я продолжал ее искать, — сказал Сёго. — Когда я в следующий раз ее нашел... Кэйко была мертва.

Сюя кое-что понял. Снова оказавшись с Сёго и Норико, он рассказал им про группу Юкиэ Уцуми и заметил: «Так трудно... кому-то доверять». На это Сёго откликнулся с необычными для его речи запинками: «Да, это правда... доверять... очень трудно». Теперь Сюя понял, почему Сёго тогда испытывал такую неловкость. Еще он понял, почему Сёго сказал, что Хироки вполне мог найти Котохики уже мертвой или что она совсем не обязательно стала бы ему доверять.

— Ты, Сюя, кое о чем меня спросил, — вдруг сказал Сёго. Сюя поднял взгляд. — Почему я стал доверять вам, ребята, когда мы впервые встретились, верно?

— Да, — кивнул Сюя. — Спросил.

— А я, по-моему, сказал, что из вас двоих такая славная парочка получается, — продолжил Сёго, глядя на импровизированную крышу. К тому времени, как он опустил глаза, напряжение уже ушло из них. — Это суцая правда. Именно так вы смотрелись. И тогда я решил, что помогу вам отсюда выбраться — несмотря ни на что.

— Угу, — кивнул Сюя.

Они еще немного помолчали.

— Уверена... — начала Норико, и Сюя на нее взглянул. — Кэйко просто была напугана... и сбита с толку.

— Нет. — Сёго покачал головой. — Я... я правда любил Кэйко. Но что-то не то, по-видимому, было в манере... в том, как я обращался с ней, когда мы встречались. Вот к чему, по-моему, все сводилось.

— Это неправда, — уверенно возразил Сюя.

Сёго внимательно на него посмотрел. Руки его были сложены на подтянутых к груди коленях. От сигареты в его руке поднимался нежный, будто шелковый, дым.

— Уверен, возникло простое недопонимание. Совсем маленькое недопонимание. Особенно если вспомнить, как эта игра все запутывает. Здесь все против тебя. Ведь именно к этому все сводится, разве не так?

Сёго криво усмехнулся.

— Не знаю, — ответил он. — И уже никогда не узнаю. — Затем Сёго снова достал из кармана манок. — Вот эта штукавина, — сказал он, — досталась мне от нее. В отличие от большинства городских девочек, Кэйко любила походы в горы. В воскресенье, через неделю после начала той проклятой игры, мы должны были вместе пойти понаблюдать за птицами. — Ухватив манок большим и указательным пальцами правой руки и подняв его к самым глазам, Сёго стал изучать его, точно самоцвет. — Она дала мне этот манок... — Он с улыбкой посмотрел на Сюю и Норико. — Больше у меня от нее ничего не осталось. Пожалуй, это мой талисман... хотя особого счастья он мне не приносит.

Когда Сёго убрал манок в карман, Норико вернула ему фотографию. Положив снимок на место, Сёго снова сунул бумажник в задний карман брюк.

— Послушай, Сёго... — вдруг сказала Норико. Сёго повернулся к ней. — Не знаю, как Кэйко тогда себя чувствовала. Но... — Девочке пришлось провести языком по вдруг пересохшим губам. — Но я думаю, по-своему Кэйко тебя любила. Она просто была вынуждена... я хочу сказать... на этой фотографии она выглядит такой счастливой. Ты так не думаешь?

— Правда?

— Конечно, — кивнула Норико. — Она именно так выглядит. И на месте Кэйко... я бы хотела, чтобы ты жил. Я бы не захотела, чтобы ты за меня умер.

Сёго усмехнулся и покачал головой:

— Ну, это просто различие во взглядах.

— И все-таки, — настаивала Норико, — пожалуйста, учитывай и мой взгляд. Хорошо? Пожалуйста.

Губы Сёго слегка шевельнулись, словно он собирался что-то сказать, но затем он просто пожал плечами и улыбнулся. Очень-очень грустно.

Сверившись с часами, Сёго вышел из-под лиственной крыши, чтобы еще раз прочирикать.

Осталось 4 ученика

Когда Сёго в шестой раз прощебетал по-птичьи, дождь совсем перестал. Было уже почти шесть вечера, но на острове все было светло, по крайней мере, по сравнению с предыдущими часами.

Посидев еще немного у скалистой стены, Норико сказала:

— Небо чистое.

Сюя и Сёго дружно кивнули.

Сёго сунул в рот еще одну сигарету и закурил.

Глядя на профиль Сёго, Сюя сомневался, стоит ему поднимать этот вопрос или нет. Наконец он решился:

— Послушай, Сёго.

Не вынимая изо рта сигареты, Сёго на него глянул.

— А как насчет тебя? Кем бы ты хотел стать?

Сёго рассмеялся, выдыхая целое облако дыма.

— Я бы хотел стать врачом. Вроде моего старика. Да, правда, я думал, что врач хотя бы может помогать людям — даже в нашей проклятой стране.

Сюя испытал облегчение.

— Тогда почему бы тебе им не стать? Ты очень даже талантлив.

Сёго стряхнул пепел с сигареты и покачал головой, словно кладя конец этой дискуссии.

— Послушай, Сёго, — подключилась Норико, и Сёго на нее взглянул. — Я знаю, что повторяюсь. Но я должна это сказать. — Она посмотрела в небо и продолжила: — Пожалуйста, живи. Говори, думай, действуй. Иногда слушай музыку... — Девочка немного помолчала, затем продолжила: — Иногда наслаждайся живописью, чтобы она тебя тронула. Много смейся, а иногда плачь. И если ты найдешь чудесную девочку, тогда иди к ней и люби ее.

Все это было очень поэтично. Чистая поэзия.

«Ведь это слова Норико, — подумал Сюя. — А слова, как и музыка, обладают невероятной, просто магической силой».

Сёго молча слушал.

— Потому что именно таков Сёго, которого я по-настоящему любила, — продолжила Норико, глядя на Сёго. Затем она слегка смутилась и добавила: — Это я бы сказала на месте Кэйко.

Столбик пепла на сигарете Сёго становился все длиннее.

— Брось, Сёго, — сказал Сюя. — Разве нет способов порвать этот проклятый режим на куски и при этом не погибнуть? Может быть, получится какой-то окружной путь, но все же... — Помолчав, он продолжил: — Я хочу сказать, мы стали такими

добрыми друзьями. Мы будем страшно по тебе скучать. Давай поедem в Америку — все трое.

Сёго погрузился в молчание. Затем, поняв, что его сигарета догорела до фильтра, отшвырнул ее в сторону. Взглянув на Сюю и Норико, Сёго вроде бы собрался что-то сказать.

«Все верно, — подумал Сюя, — давай с нами, Сёго. Мы будем вместе. Мы одна команда».

— Привет, ребяташки...

Раздался до боли знакомый голос Сакамоти. Сюя быстро поднял раненую левую руку правой и взглянул на часы. Под мутным от воды стеклом циферки показывали ровно шесть вечера плюс пять секунд.

— Вы меня слышите? Что ж, полагаю, теперь тех, кто может меня слышать, осталось не так много. Итак, я приступаю к перечислению погибших. Начнем с мальчиков...

Сюя уже лихорадочно напрягал мозги. Оставалось в живых только четыре мальчика: Сюя, Сёго, Хироки и Кадзуо Кирияма. (Конечно, то же самое было верно и для девочек: Норико, Каёко Котохики, Мицуко Сома и Мидзуо Инада). Кадзуо так просто не умрет. А Хироки послал сигнал. Значит, никто из мальчиков не погиб. И тем не менее...

— ...тут мы имеем только одного. Номер 11 — Хироки Сугимура.

Глаза Сюи широко распахнулись.

Осталось 4 ученика

Часть 4

Финиш

Осталось 4 ученика

74

— Далее, что касается девочек, то список чертовски длинный. Итак, приступим: номер 1 — Мидзуо Инада, номер 2 — Юкиэ Уцуми, номер 8 — Каёко Котохики, номер 9 — Юко Сакаки, номер 11 — Мицуко Сома, номер 12 — Харука Танидзава, номер 16 — Юка Накагава, номер 17 — Сатоми Нода и номер 19 — Тисато Мацуи.

Глаза Сюи встретились с глазами Норико. Губы девочки подрагивали. Они были уже готовы услышать про группу Юкиэ, но Хироки и Каёко — тоже? И Мицуко Сома... и Мидзуо Инада? В итоге... разве это не означало, что теперь остались только они и Кадзуо?

— Не может быть... — выдохнул Сюя. Со времени появления дымового сигнала они не слышали никаких выстрелов. Или Хироки был заколот ножом? Или...

правильно ли Сюя расслышал объявление Сакамоти? Может, слух невесть как ему изменил?

Нет, не изменил. Сакамоти продолжил:

— Ну вот, просто отлично. Теперь осталось только четыре ученика. Эй, Кирияма, Кавада, Нанахара и Накагава, вы меня слышите? Отличная работа. Я по-настоящему вами горжусь. А теперь послушайте про новые запретные зоны.

Прежде чем Сюя успел разметить свою карту, Сёго сказал:

— Собирай манатки.

— Что? — недоуменно спросил Сюя, но Сёго жестом велел ему вставать.

— С 7 вечера... — продолжал Сакамоти.

— Вставай. Это Кадзуо. Судя по всему, он каким-то образом узнал про способ Хироки с нами связаться. Все это время мы посылали сигнал Кадзуо.

Сюя немедленно встал. Рюкзак Норико был уже у нее на плечах. Как раз перед тем, как Сакамоти закончил свое объявление словами о том, что осталось еще совсем чуть-чуть и чтобы все старались как могли, Сюя вдруг заметил, как глаза Сёго метнулись на тонкую проволоку, обернутую вокруг зарубки на тонком деревце, — на их тревожную сигнализацию.

А затем он увидел, как эта проволока срывается с мокрого от дождя ствола деревца.

— Ложись! — крикнул Сёго. И тут же раздался треск автомата. От скалистой стенки прямо над головами у Сюи и Норико полетели искры и посыпались мелкие каменные осколки.

Сёго, пригнувшись, стрелял из узи по кустам.

Возможно получив попадание, а возможно, и нет, Кадзуо (кто еще это теперь мог быть?) не ответил новым огнем.

— Сюда! Скорее! — позвал Сёго.

Они побежали вдоль стенки к югу — прочь от Кадзуо.

Они успели только добежать до того места за скалистой стенкой, где Сёго наигрывал на манке, как снова послышался треск автомата Кадзуо. Пули летели мимо. Все трое дружно нырнули в кусты.

В скале шла расселина по пояс глубиной и менее метра в ширину. Покрытая грязью и листьями. Она тянулась на юг. Сюя о ее существовании ничего не знал, но Сёго, надо думать, выбрал место стоянки с учетом такого варианта отхода. Расселина могла быть использована как естественным образом сформированная траншея. Сёго погнал их туда. Сюя и Норико спрыгнули на дно расселины. Тонкое деревце на самом краю впадины с треском разлетелось в щепки у Сюи над головой.

— Бегите! — крикнул Сёго, и они побежали по расселине. Сюя споткнулся о сухую ветвь, лежащую на земле, но каким-то чудом сумел сохранить равновесие и последовать за Норико. Два автомата позади них обменивались очередями.

Внезапно Норико так резко остановилось, как будто ее что-то ударило. Сюя, который повернулся было к Сёго, тут же подбежал к девочке. Может, она тоже обо что-то споткнулась?

Нет. Норико взглянула на Сюю. Под левым глазом у нее тянулся длинный порез, и кровь текла по щеке. Ее окровавленная ладонь, похоже, тоже была порезана. Норико выронила браунинг, и теперь он лежал у ее ног.

Сюя положил ей руку на плечо, а потом поднял глаза... и обнаружил тонкую проволоку, натянутую поперек расселины примерно на уровне его горла. Не имело значения, где Кадзуо ее раздобыл (надо полагать, он отмотал какой-то крепеж в одном из зданий). Главным было то, что он уже предвидел их бегство именно по этому маршруту. Беги Сюя первым, проволока перерезала бы ему горло. С Норико этого, по крайней мере, не случилось — но зрение она вполне могла потерять.

Сюя пришел в ярость. «Не знаю, — гневно думал он, — что Кадзуо за тварь. Сёго тогда сказал: „Он просто выбирает по мере поступления...“ Не знаю, псих он или нормальный, гений или debil, но так ранить Норико... это непростительно! Я должен убить этого сукиного сына!»

Сюя сунул ЧЗ-75 спереди за пояс, чтобы помочь Норико встать, подобрал браунинг, затем обнял девочку за плечи, по-прежнему держа в руке пистолет. Норико пошатывало, но она все же сумела встать.

Постоянно отстреливаясь, Сёго их догнал. Он оглянулся, посмотрел на обоих, а затем — возможно, заметив проволоку, — стиснул зубы. Снова развернувшись в ту сторону, Сюя заметил, как Кадзуо Кирияма, хорошо заметный по черному школьному пиджаку, спрыгивает в расселину.

— Вперед! — крикнул Сёго, отстреливаясь. Сжимая в руках ингрэм, Кадзуо быстро нырнул за изгиб расселины. Выстрелы Сёго рвали в клочья скалу вдоль изгиба.

— Бегите! — повторил Сёго. Сюя обнял Норико и провел ее под проволокой. Но теперь они бежали помедленней — на случай, если встретится новая проволочная ловушка.

Сюя страшно досадовал. Будь у него свободны обе руки, он бы изрешетил Кадзуо пулями. Но ему приходилось поддерживать Норико.

Сёго продолжал стрелять, приближаясь к ним по расселине. Кадзуо тоже отвечал огнем, подбираясь все ближе.

Наконец расселина, которая тянулась метров на пятьдесят — шестьдесят, закончилась. Сюя выскочил из нее раньше Норико. Ухватив неповрежденной левой рукой руку девочки, он вытащил ее наверх. Норико держалась отважно, отчаянно напрягаясь, чтобы скрыть боль. Однако вся ее левая щека была теперь залита кровью.

— Не стоять! — заорал Сёго, заглушая выстрелы. Сюя потянул Норико за руку, и они скрылись в кустах.

Как только они выбрались из кустов, то оказались в переднем дворе жилого дома, выстроенного как раз у склона горы. Это было белое одноэтажное здание. У подъездной дороги к дому стоял белый грузовик. Почему-то в кузов были погружены холодильник и стиральная машина. Оба бытовых устройства лежали на боку. Интересно, их что, собирались на свалку везти?

— За грузовик! — снова крикнул Сёго.

Держась за руки, Сюя и Норико пробежали по влажной почве и нырнули за грузовик.

К тому времени, как Сёго тоже туда проскользнул, Сюя уже усадил Норико пониже. Заприметив движущуюся в кустах фигуру, он несколько раз выстрелил в нее из браунинга. И тут же ощутил жгучую боль в плече от сидевшей там пули, но на нее нельзя было обращать внимания.

Сёго перезарядил узи и отдал его Сюе.

— Отстреливайся, — сказал он. — Нельзя его подпускать.

Сюя положил к ногам браунинг, взял узи и принялся прочесывать очередями тот участок, где видел Кадзуо.

Оружие Кадзуо молчало. Пока Сюя вглядывался из-за кузова грузовика, пытаясь обнаружить врага, Норико подобралась к нему поближе. В руке у нее был браунинг, который Сюя положил на землю.

— Ты как, Норико? — спросил Сюя, следя за перемещениями Кадзуо в кустах.

— Ничего, — отозвалась девочка.

Через голову Норико Сюя бросил взгляд на Сёго. Тот открыл дверцу грузовика, заполз на сиденье водителя и принялся там что-то такое делать.

Внезапно грузовик, к которому прислонялись Сюя с Норико, затарахтел и завибрировал.

Тарахтение вскоре сменилось басовым гудением, и невысохшие капли дождя на корпусе грузовика начали с него стекать.

Сёго высунул голову из кабины.

— Сюда! Смываемся! Норико, скорее!

Предложив девочке руку, Сюя помог ей забраться в грузовик.

— Сюя! Переднее сиденье!

Сёго вывернул руль, давая задний ход в сторону Кадзуо, а затем развернул грузовик. Дверца переднего пассажирского сиденья оказалась как раз перед Сюей, и Норико ее открыла.

Ингрэм затрещал, стоило только Сюе предпринять попытку залезть в грузовик. На сей раз, правда, треск сопровождался стуком. В потолке кабины спереди образовалась дыра, а на выходе пуля пробила ветровое стекло справа, как раз перед Сёго. Сюя прижался к грузовику. Зная теперь, где Кадзуо, он нацелил туда узи и дал очередь. Тень скользнула в кусты, окружавшие дома выше по склону горы.

Не теряя ни секунды, Сюя запрыгнул на пассажирское сиденье. Сёго бросил машину вперед. Грузовик вывернул на незаасфальтированную подъездную дорогу. Ингрэм затрещал, разрывая в клочья мочный шланг на кузове. Шланг забился в воздухе, точно змея, упал с машины и исчез.

Огонь прекратился.

— Ну как, Норико, ничего? — спросил Сюя.

Сидящая между Сюей и Сёго Норико, кивая, наклонила залитое кровью лицо. Но все тело ее было напряжено. В руках девочка держала браунинг. Сюя взял узи правой рукой, пристроил его между колен, достал из кармана бандану и вытер девочке лицо.

Кровь обильно лилась из раны, и под ней виднелась розовая плоть. Чтобы убрать шрам от этой раны, простой операции было бы недостаточно. «Черт, — подумал Сюя, — сделать такое с девочкой...»

— Проклятье, — сказал он вслух, глядя на Сёго, который всюду рулил. — Он уже давно знал, что мы там. И прикинул маршрут нашего отхода.

Но Сёго помотал головой, словно бы говоря «нет». В темпе переключая передачи, чтобы стремительно двигаться по извилистой и ухабистой дороге, он сказал:

— Наверняка он знать не мог. Он только в самом конце это прикинул. Иначе появился бы до объявления Сакамоти. Мы бы вышли ему навстречу, думая, что это Хироки, и он бы очень легко всех нас прикончил. Он толком не знал, где мы, а потому во время перерывов между чириканьем натянул эту проволоку просто на всякий случай. Чтобы чем-то себя занять. Наверняка он такую же проволоку и в других местах натянул.

Сюя понял мысль. Что ж, все вполне могло быть и так. Просто чтобы чем-то себя занять. Но это занятие кончилось тяжелым ранением Норико.

— Послушай, Норико, — сказал Сюя, — покажи-ка мне твою правую руку.

Норико наконец отпустила свой пистолет (его рукоятка также была залита кровью) и показала Сюе правую руку. Вся ладонь была в крови. Сюя подумал, что проволока должна была сначала порезать девочке лицо, а потом, когда она падала, выставив вперед руку, то и ладонь. Не будь у Норико в руке пистолета, рана могла быть куда серьезнее.

Сюя хотел обвязать ей руку банданой, но вдруг понял, что не может пользоваться левой рукой.

— Ничего, — сказала Норико. — Я сама. — Она взяла у Сюи бандану, развернула ее, аккуратно разложила, а затем замотала ею правую руку. Сложив края, девочка их завязала. А затем снова взяла в руку браунинг.

За пробитым пулей ветровым стеклом внезапно открылась широкая панорама. Грузовик спускался по горе. Под закатным солнцем меж горами, покрытыми лесом, простиралось ровное поле.

Тут Сюя вдруг кое-что сообразил.

— Послушай, Сёго. Мы направляемся в запретную зону.

— Не волнуйся. Я знаю, что делаю, — ответил Сёго, глядя прямо перед собой. — Разве ты не слышал? Новые запретные зоны — Б=9 после 7 вечера, Д=10 — после 9 и Е=4 — после 11. Отметь их на карте.

Сюя тоже вспомнил. Достав из кармана истрепанную карту, он разложил ее на коленях и, стараясь не обращать внимания на тряску, отметил зоны.

Грузовик спустился с горы и помчался среди домов. Сёго вывернул на такую же широкую дорогу, но на сей раз асфальтированную. По ту сторону полей виднелась южная гора. Справа находился небольшой холм. Слева, метрах в двухстах, был жилой дом (похоже, он располагался в запретной зоне). Впереди чуть слева были еще два дома. Еще дальше группа домов, они тянулись до жилого района на восточном берегу

острова, от которого их отделяло поле, теперь скрытое холмом, где они впервые столкнулись с Кадзуо.

Сёго чуть притормозил и снова рванул вперед. Теперь уже была видна дорога, идущая по всему острову.

Миновав поля, они выехали на дорогу. Сёго резко крутанул руль и остановил грузовик прямо посреди дороги, оставив мотор работать на холостом ходу. Затем Сёго ударил по треснувшему ветровому стеклу кулаком и с шумом вышиб его на капот.

— Проверь карту, — сказал Сёго, снова кладя руку на руль. Сюя опять достал карту. — Если я правильно помню, мы сможем проехать по этой дороге на восток до самого конца. Я прав?

Сюя вместе с Норико проверили карту.

— Да, верно. Но сектор E=4 — тот, что впереди, — должен стать запретной зоной в 11 вечера.

— Это неважно, — отозвался Сёго, устремляя горящий взгляд вперед. Черный, мокрый от дождя асфальт тянулся почти по прямой. — Значит, эта дорога должна быть в полном порядке до восточного жилого района?

— Все верно. Да поворота все чисто.

Сёго в ответ кивнул.

Сюя высунул голову из окна и стал оглядываться.

— А что Кадзуо?

Сёго взглянул на Сюю.

— Он прибудет. Как он может не прибыть? Если вдуматься... — начал было он — и как раз в этот момент из-за поворота горной дороги, по которой они только что спустились, внезапно появился выдавший виды мини-фургон светло-оливкового цвета. Сюя тут же вспомнил, что эта машина стояла перед домом, мимо которого они недавно проезжали.

Сёго подрегулировал зеркало заднего вида и глянул туда.

— Видите? — спросил он.

Мини-фургон быстро к ним приближался, и в тот самый момент, когда Сюя убедился, что за рулем действительно сидит Кадзуо, раздалась автоматная очередь. Сюя вжал голову в плечи. Пули с лязгом ударили по грузовику. Сёго переключил передачу, и грузовик выехал на широкую дорогу, направляясь на восток.

Когда Сюя снова высунулся из окна и оглянулся, мини-фургон Кадзуо уже тоже выбрался на широкую дорогу. Сюя дал очередь из узи. Мини-фургон Кадзуо плавно вильнул вправо и уклонился от выстрелов.

— Целься лучше, Сюя.

К тому времени мини-фургон увеличил скорость и стал их догонять.

— Сёго! — воскликнул Сюя. — А ты побыстрее не можешь?!

— Остынь, — отозвался Сёго и принялся медленно крутить руль влево-вправо — вероятно, чтобы Кадзуо не смог прицелиться в шины. Кадзуо опять начал стрелять, и

Сюя снова вжал голову в плечи. Похоже, Кадзуо тоже высадил свое ветровое стекло, чтобы удобнее было палить из ингрэма. Сюя опять высунулся и выстрелил в туловище Кадзуо. Тот крутанул руль и увернулся от выстрелов. Он даже почти не пригнулся.

Цепочка гильз, выскакивающих из узи, внезапно оборвалась, и спусковой механизм защелкнулся. Сюя понял, что у него кончились пули.

Сёго потянулся к Сюе поверх Норико и дал ему запасной магазин. Но прежде чем Сюя успел его вставить, их догнал мини-фургон Кадзуо. Тогда Сюя выхватил ЧЗ-75 и начал отстреливаться. Кадзуо неуклонно на них накатывал.

— Проклятье, — сказал Сёго, расплываясь в легкой ухмылке. — Ты чертовски неправ, Кадзуо, если думаешь, что можешь обставить меня в искусстве вождения.

Внезапно Сёго сделал крутой поворот, одновременно левой рукой выжав ручной тормоз. Сюю швырнуло вбок. Грузовик развернулся, точно в кино в сцене погони.

Когда грузовик разворачивался, мини-фургон Кадзуо несся прямо на него. Послышался знакомый треск. Зеркало заднего вида разлетелось над головой у Норико.

— Пригнись! — крикнул Сёго. Но Сюя был занят тем, что отстреливался от Кадзуо из ЧЗ-75. Каким-то чудом пули из ингрэма Кадзуо в Сюю не попали. Но и Сюя в итоге не попал в Кадзуо. Пока передний бампер грузовика скользил по левому переднему борту мини-фургона, перед Сюей мелькнули крупным планом вечно холодные глаза Кадзуо Кириямы.

Шины завизжали на влажном асфальте. К тому времени, как кручение наконец прекратилось, выяснилось, что охотник и добыча поменялись местами. Сёго удалось увернуться от переднего бампера мини-фургона Кадзуо, завершая полный разворот. Теперь мини-фургон Кадзуо оказался впереди. Сёго тут же рванул дальше. Мотор отчаянно загудел, и грузовик буквально метнулся к мини-фургону. Кадзуо разворачивался.

— Стреляй, Сюя! — выкрикнул Сёго. — Сажай в него все, что есть!

Сюе дважды повторять не пришлось. Что было силы нажимая на спусковой крючок перезаряженного узи, он палил из него на полной автоматике. Сюя понимал, что раскаленные гильзы выскакивают прямо на Норико, но сейчас не мог особенно об этом тревожиться. Заднее ветровое стекло мини-фургона разлетелось вдребезги, и одновременно распахнулась задняя дверца. Пули у Сюи кончились, но мини-фургон теперь сползал на обочину.

Сёго выжал газ. Подкатив к левому борту мини-фургона, он резко крутанул руль и правым бортом грузовика врезался в машину Кадзуо.

Для них удар тоже оказался тяжел, но он не шел ни в какое сравнение с уроном, причиненным мини-фургону Кадзуо. Для начала мини-фургон потерял управление, а затем соскользнул к правой обочине и повалился за край. В следующее мгновение машина приземлилась на капустное поле и зарылась носом в землю. Во все стороны полетели капустные листья.

Наконец мини-фургон неподвижно застыл.

Сёго остановил грузовик параллельно мини-фургону и выжал экстренный тормоз. Затем он глянул.

— Дай-ка мне это оружие, Сюя, — сказал Сёго. Сюя отдал ему узи. Сёго сменил магазин, высунул руку в окно, нацелил пистолет-пулемет на мини-фургон и принялся давить на спусковой крючок. Рука Сёго бешено затряслась. Даже с переднего пассажирского сиденья Сюе было видно, как мини-фургон буквально изрешечивается пулями.

Сёго зарядил еще один магазин и отстрелял его. Затем вставил еще один и тоже его опустошил. Тем временем Норико раненой рукой вставляла в опустошенный магазин отдельные пули. Как только она закончила, Сёго взял этот магазин и тоже его отстрелял. Норико зарядила еще магазины. Слегка подавшись вперед, Сюя посмотрел на руки Норико, затем на руки Сёго, затем на мини-фургон.

Они прошли этот круг один раз, затем другой. Поскольку в узи использовались патроны калибра 9 мм, они в конце концов израсходовали такие же пули от ЧЗ-75 и браунинга Норико.

Спусковое устройство узи щелчком дало понять, что магазин пуст. Пули кончились. От короткоствольного узи плыл голубой дымок. В узкой кабине грузовика висел густой запах пороха. «Интересно, сколько пуль отстрелял Сёго?» — задумался Сюя. Узи, доставшийся Сюе от группы Юкиэ, поступил к ним на вооружение вместе с пятью магазинами и множеством отдельных пуль. Но если включить сюда к тому же пули от ЧЗ-75 и браунинга, не выросло бы их число до двухсот пятидесяти? Или до трехсот?

Обращенный к ним левым бортом мини-фургон был буквально изрешечен. Он теперь скорее напоминал странный пчелиный улей в форме машины.

А небо уже стало оранжевым. Сюя не мог отвлекаться, чтобы лучше его рассмотреть, но, судя по свету, прикинул, что здесь, чудесные закаты.

— Ты его достал? — спросил Сюя. Сёго уже собрался было ответить — но тут...

Мини-фургон вдруг пришел в движение. Он давал задний ход по краю поля к обочине дороги. Опять приближаясь к их грузовику сзади.

Сюя аж дара речи лишился. Мало того, что мотор мини-фургона все еще работал, так Кадзуо был жив и управлял машиной. Сёго поставил на кон все вплоть до последней пули, и тем не менее... Кадзуо по-прежнему был жив!

По ту сторону сплошь простреленной пулями машины вдруг, точно чертик из табакерки, показалось туловище Кадзуо. В руках у него был ингрэм. Раздался треск, и окошечко над головой Норико разлетелось вдребезги. А рядом с окошечком в стальной панели появились две дыры. Их грузовик был отечественной модели, сработанной из паршивой стали, так что Сюю скорее удивляло то, что машина все еще фурычила. Пожалуй, им услугу оказали лежащие в кузове стиральная машина и холодильник. Может статься, Сёго, предвидя такую ситуацию, сам их туда погрузил.

— Проклятье! — Сёго переключил передачу и двинул машину вперед. — Стреляй, Сюя! Прикрой меня!

Сюя выстрелил в мини-фургон из своего ЧЗ-75. Кадзуо выдал очередь в ответ. Пули, высекая снопы искр, попадали в стальную раму грузовика у самого лица Сюи.

Сюя почти мгновенно расстрелял обойму. Сменив обойму, он снова выстрелил. А затем понял: «Как только я расстреляю эту обойму, у меня кончатся пули. У нас останется только браунинг Норико и ее запасная обойма. Такие дела».

Пока он колебался, Кадзуо опять выдал очередь. Сюя услышал треск, затем лязг. На сей раз искры полетели от холодильника в кузове. Дверца холодильника распахнулась и отвалилась.

— Сёго! У меня пули кончились!

Сёго продолжал спокойно рулить.

— От его ингрэма тоже сейчас будет мало толку. У него нет времени его перезарядить.

Стоило ему только это сказать, как в них полетели отдельные пули. ТРАХ! БАХ! Сиденье у самого плеча Норико буквально взорвалось.

— Норико! Ложись! — крикнул Сюя, высунул руку из окна, прицелился в Кадзуо, который теперь держал в руке пистолет, и выстрелил. Тут пули в ЧЗ-75 кончились. Тогда Сюя взял у Норико браунинг. И снова принялся стрелять.

Слева от грузовика, между домами и полем, находился сожженный дотла склад. Должно быть, именно его имел в виду Сёго, рассказывая про здание, что загорелось после жуткого взрыва прошлой ночью. Теперь они были менее чем в двухстах метрах от поворота, который вел к жилому району на восточном берегу острова.

— Эй, Сёго, это же...

— Сам знаю! — рывкнул Сёго и выкрутил руль вправо. Левый борт грузовика иод Сюей буквально взлетел. Но стоило только грузовику вновь обрести равновесие, как он перескочил на проселок. Этот проселок вился по полям, к северной горе. Кадзуо по-прежнему преследовал их в мини-фургоне.

Сюя прицелился и выстрелил. Кадзуо пригнулся и выстрелил в ответ. На сей раз стальная панель над головой у Сюи оказалась пробита.

— Эй, Сюя! Просто продолжай стрелять, пока пули не кончатся! Не позволяй ему стрелять! — крикнул Сёго, сгибаясь над рулем. Тут Сюя заметил, что левое плечо школьного пиджака Сёго порвано, и оттуда течет кровь. Значит, Кадзуо все-таки в него попал.

Сюя хотел было возразить, но затем снова высунулся из окна и выстрелил. Сёго, возможно, планировал опять скрыться на горе. Если так, то самое главное было позаботиться о том, чтобы Кадзуо не мог стрелять. «Или мне повезет, — подумал Сюя, — и я все-таки в него попаду».

Он выстрелил.

Теперь уже и браунинг опустел, затвор его раскрылся. У Сюи кончились все пули.

Они приближались к горе. Знакомый пейзаж. Довольно странно, но там был фермерский дом, окруженный бетонной стеной. И поле. И трактор.

Тут Сюя сообразил, что у этого дома они впервые сражались с Кадзуо. Только теперь они находились с противоположной его стороны.

— Сёго, у меня кончились пули! Мы что, спасаемся на горе?!

Сёго усмехнулся.

— Ничего, у нас еще есть пули, — ответил он.

Сюя озадаченно сдвинул брови.

Грузовик съехал с подъездной дороги к фермерскому дому и по гребню перебрался на дорогу. Дальше дорога уже становилась слишком узка для грузовика.

Однако Сёго, похоже, не слишком тревожился и уверенно вел грузовик вперед. Кадзуо ехал следом, поддерживая одну и ту же дистанцию — метров двадцать. Временами он стрелял с сиденья водителя.

Наконец грузовик подкатил к фермерскому полю и остановился.

Сёго пинком распахнул дверцу со своей стороны.

— Скорее, сюда! — крикнул он и выскочил из машины.

Сюя подтолкнул Норико, пригнулся и собрался выскочить следом за ними. Он даже успел оглянуться. Мини-фургон Кадзуо летел прямо на них!

Раздался взрыв.

Левая передняя шина мини-фургона Кадзуо рванула. Он уже был всего лишь в десяти метрах.

Мини-фургон закачался... и соскользнул в сторону. Передняя часть машины поднялась в воздух, точно доска для серфинга на большой волне.

За мгновение перед тем, как мини-фургон наконец замер, оттуда выпрыгнул Кадзуо. Он сделал кувырок и опустился на одно колено. Из его рук летели огненные искры. Затем прозвучал еще один взрыв.

Сюя все еще находился внутри грузовика, когда в окно увидел, как тело Кадзуо Кириямы стремительно отлетает назад.

Кадзуо с глухим стуком упал на землю. И остался совершенно неподвижен. Сюя внезапно вспомнил, как погиб Кёити Мотобути. Его живот, похожий на мусорный бачок с сосисочной фабрики. Конечно, Кадзуо был слишком далеко, чтобы проверять состояние его живота. И все же, учитывая, как его изрешетило дробью из охотничьего ружья, он никак не мог быть все еще жив.

В этот момент Сюя наконец-то вылез из грузовика. Он заметил, что Сёго, выходя из-за кузова, держит в руках дробовик — тот самый, который Сюя бросил на поле, убегая от Кадзуо.

— Вот так-то — патроны у нас все еще есть. — Сёго успел подобрать брошенный Сюей вчера дробовик, зарядил его еще оставшимися у него охотничьими патронами (должно быть, в спешке он успел зарядить только два патрона)... и застрелил Кадзуо.

— Еще в самом начале... — медленно сказал Сёго, — с этой своей внезапной атакой он упустил нас. Потому и проиграл. Ведь тогда ему пришлось взять на себя всех троих.

Сёго глубоко вздохнул, с глухим стуком положил дробовик на холодильник в кузове и вынул из кармана пачку «дикий семерки». Достав оттуда одну сигарету, он ее закурил.

— Ты ранен, Сёго, — сказала Норико, указывая на его кровоточащее левое плечо.

— Угу. — Сёго взглянул на рану и ухмыльнулся. — Это ничего. — Он выдохнул дым.

Бах! Сёго согнулся. «Дикая семерка» выпала у него изо рта, оставляя в воздухе дымный след. Заросшее щетиной лицо исказилось. Сёго смотрел куда-то под ноги Сюе.

И тут Сюя увидел, что Кадзуо Кирияма приподнялся. В правой руке у него был пистолет. Он все еще был жив! Но ведь его живот должно было разнести залпом из дробовика!

Тело Сёго медленно оседало. Кадзуо быстро навел свой пистолет на Сюю. Тот вдруг понял, что он, как и Сёго, уже не находится под прикрытием грузовика. И что пистолета у него уже не было. Вернее, он был, но без пуль. Лежащий в кузове фургона дробовик перезаряжать было слишком поздно.

Дуло небольшого пистолета Кадзуо в добрых десяти метрах казалось гигантским тоннелем, черной дырой, способной поглотить все на свете.

Бах! Сюя мгновенно закрыл глаза. Ощувив, как острая боль пробегает по его груди, он подумал: «Вот проклятье, я умираю».

Затем Сюя открыл глаза.

Он был жив.

В оранжевом свете заходящего солнца Сюя увидел Кадзуо Кирияму. На месте носа у Кадзуо было красное пятно. Пистолет выпал из его руки. И Кадзуо упал навзничь.

Сюя медленно повернул голову влево. Норико стояла, обеими руками сжимая револьвер смит-вессон калибра .38.

«Ух ты, — подумал Сюя. — Вот, значит, как». Пока Сёго заряжал дробовик, Норико тоже зарядила револьвер, брошенный здесь вчера Сюей, оставшимися у нее пулями 38-го калибра.

Руки Норико дрожали.

— Ну и ну. — Сёго встал раньше, чем Сюя успел предложить помочь ему подняться.

— Ты как? — нервно спросил Сюя.

Сёго не отозвался. Он взял дробовик и, заряжая его патронами из кармана, подошел к Кадзуо. Когда между ними осталось не более двух метров, он прицелился в голову Кадзуо и нажал на спусковой крючок. Голова Кадзуо лишь раз дернулась.

Резко развернувшись, Сёго пошел назад.

— Ты в порядке? — снова спросил у него Сюя.

— Да. Все отлично.

Сёго подошел к Норико, нежно взял ее за ладони, все еще сжимающие смит-вессон и опустил их.

— Он мертв, — тихо сказал он. — Я его убил, не ты. — Затем он взглянул на Кадзуо и добавил: — Значит, он бронезилет носил.

Только тут до Сюи дошло. Получалось, Кадзуо Кирияма носил пуленепробиваемый бронежилет.

— Сёго, — слегка дрожащим голосом спросила Норико, — ты уверен, что с тобой все хорошо?

Сёго ласково улыбнулся и кивнул.

— Со мной все хорошо. Спасибо, Норико. — Затем он снова достал пачку сигарет. Пачка оказалась пустой, и тогда Сёго огляделся и поднял уже закуренную сигарету, которая выпала у него изо рта.

Сюя оглянулся и посмотрел на солнце, садящееся за островом. Все закончилось. По крайней мере, эта замечательная игра. И теперь, включая лежащего неподалеку Кадзуо Кирияму, тридцать девять его мертвых одноклассников были разбросаны по всему острову.

Сюя снова испытал головокружение. В голове была пустота. Что же за дьявольщина здесь происходила?

Лица вспыхивали одно за другим. Лицо Ёситоки Кунинобу, кричащего Сакамоти: «Я тебя убью!» Легкая улыбка на лице Синдзи Мимуры, когда Сюя уходил из класса. Лицо Тацумити Оки, когда он с налитыми кровью глазами взмахнул топориком. Лицо Хироки Сугимуры, исчезающего за дверью медпункта со словами: «Я должен увидаться с Каёко Котохики». Лицо Хироно Симидзу, когда она убежала от Сюи, застрелив Каори Минами. Полные слез глаза Юкиэ Уцуми, когда она говорила: «Я просто не знала, что мне делать, если ты умрешь». Лицо Юко Сакаки, когда она разжала пальцы и рухнула с маяка. И наконец холодные глаза Кадзуо Кириямы, который постоянно загонял их в тупик.

Теперь все они ушли. Не только их жизни, но и многие другие вещи оказались разрушены.

Но еще не все закончилось.

— Послушай, Сёго, — сказал Сюя. Тот перевел на него взгляд, не выпуская из руки окурка сигареты. — Мы должны тебя вылечить.

Сёго улыбнулся.

— Со мной все хорошо. Это суцая ерунда. Лучше позаботься о ранах Норико. Хочу собрать оружие Кадзуо, — добавил он затем и пошел к перевернутому мини-фургону.

Осталось 3 ученика

Сёго вел их вверх по горе. Оружие, выбранное им из арсенала Кадзуо, было закинута в рюкзак у него за плечами. Ни Сюе, ни Норико Сёго оружия не предложил. В данный момент оно им уже не требовалось.

Сюя следовал за Сёго, поддерживая Норико правой рукой. Для начала они промыли рану на щеке Норико водой и заклеили ее сразу четырьмя кусками пластыря.

Сёго сказал, что им лучше ее не зашивать. Сюя также промыл рану на ладони девочки и снова обернул ее банданой. Сёго быстро позаботился и о своих ранах.

Они покрыли уже немалое расстояние с тех пор, как Сёго объявил, что они должны подняться на гору, и пошел вперед.

— Сёго, — позвал его Сюя. Тот обернулся. — Куда мы идем?

Сёго ухмыльнулся:

— Осталось совсем немного. Просто следуйте за мной.

Сюя поудобней обнял Норико и пошел дальше.

Пик с обзорной площадкой, где были убиты Юкико Китано и Юмико Кусака, и его южная сторона давно стали запретной зоной. Сёго остановился как раз у границы этого района. "Если вдуматься, — припомнил Сюя, — то чуть ниже я видел, как Хироно Симидзу убила Каори Минами.

— Пожалуй, достаточно, — сказал Сёго.

Лесистый склон здесь кончался, и с этого места был превосходный обзор. Отсюда можно было увидеть весь остров, где произошла яростная битва между учениками третьего класса "Б" средней школы города Сироивы. Однако школу, где таился их последний враг, негодяй Сакамоти, скрывали холмы.

Сюя глубоко вздохнул.

— А что здесь наверху такого хорошего? — спросил он затем. — Как мы собираемся отсюда сбежать?

Не глядя на Сюю, Сёго улыбнулся.

— Расслабьтесь, — сказал он затем. — Посмотрите вон туда.

Сюя и Норико посмотрели, куда указывал Сёго.

Это место было за южной горой. Хотя уже смеркалось, они смогли разглядеть океан, несколько небольших островов, а еще дальше — крупный остров. Сюя видел гроздь огней, рассеянных по тому острову. Будь они ближе, можно было бы даже различить, какие из этих огней — неоновая реклама, а какие — фонари, тянущиеся вдоль прибрежного шоссе.

Теперь Сюя также знал, что они находятся на острове Окисима в заливе Такамацуси. Значит, маленький остров за южной горой — Мэгидзима, за ним лежал Огидзима, а еще дальше — большой остров Сикоку, где располагалась префектура Кагава.

— Вообще-то мне эти окрестности не очень знакомы, — сказал Сёго, — но вон там ваш дом. Сироива-тё должен быть где-то там. Больше вы его не увидите. А потому присмотритесь хорошенько.

Сёго имел в виду то, что они больше никогда его не увидят, потому что сбегут из страны? И все же...

Сюя взглянул на Сёго.

— Только не говори мне, что мы весь этот путь ради этой панорамы проделали.

Сёго рассмеялся.

— Эй, а что за спешка? — Затем он обратился к Норико: — Дай-ка мне твой револьвер. Мне нужно там кое-что проверить.

Норико отдала Сёго свой смит-вессон. Сёго вскрыл барабан и проверил его. Сюя подумал, что Норико перезарядила его после того единственного выстрела в Кадзуо.

Сёго не вернул Норико револьвер, а вместо этого крепко сжал его в ладони. Затем он глубоко вздохнул и сказал:

— Помните, я все время вам говорил, что могу использовать вас просто как группу? И что, может быть, намерен в самом конце вас убить?

Сюя недоуменно поднял брови. «Да, ты это говорил, — подумал он, — но?..»

— Да, но?..

— В общем, — сказал Сёго, — вы оба проиграли.

И он навел на них смит-вессон.

Осталось 3 ученика

76

На лице Сюи появилось странное выражение, как будто он одновременно усмехнулся и был предельно озадачен. Норико, судя по всему, испытывала то же самое.

— Что это значит? — спросил Сюя. — Сейчас не лучшее время для шуток.

— А я серьезно, — отозвался Сёго и взвел курок.

Усмешка мигом слетела с лица Сюи, и он почувствовал, как оцепенела Норико.

— Можете еще немного насладиться зрелищем, — продолжил Сёго. — Я же сказал — больше вы его никогда не увидите. — Его заросшее щетиной лицо разошлось в легкой ухмылке. Такой зловещей ухмылки Сюя еще никогда у него не видел.

Каркнула ворона в темнеющем вечернем небе.

Наконец Сюя заговорил. Его чувства никак не могли принять ситуацию, и он сумел лишь жалобно прохрипеть:

— Что? О чем ты говоришь?

— Ну ты и тупица, — откликнулся Сёго, пожимая плечами. — Я намерен убить вас обоих. И стать победителем. Второй раз подряд.

Губы Сюи задрожали. «Нет, — подумал он, — этого не может быть».

— Брось... — с запинкой выговорил он. — Значит... значит, все это время ты просто играл? Но ведь ты... ты о нас заботился. Ты столько раз нам помог.

— Это вы мне помогали, — спокойно ответил Сёго. — Вряд ли без вашей помощи я смог бы убить Кадзуо.

— Значит... значит, та история про Кэйко тоже была ложью? — Губы Сюи отчаянно дрожали. Чем больше он пытался овладеть своим голосом, тем громче говорил.

— Угу, — кратко ответил Сёго. — Я действительно участвовал в прошлогодней Программе в префектуре Хиого, и это правда, что там была девочка по имени Кэйко Онуки. Но между нами ничего не было. Девушка на фотографии — моя подруга, но ее зовут Кёка Симадзаки, и это совершенно другой человек. Она по-прежнему живет в Кобе. И она сумасшедшая... В общем, так или иначе, она попросила меня сохранить это фото. Но, должен вам сказать, подстилка она была славная...

Сюя опять глубоко вздохнул. Легкий ветерок раннего лета обдувал ему кожу, но теперь этот ветерок почему-то казался холодным.

— А как насчет того манка?.. — осторожно спросил он затем. У Сёго нашелся еще один краткий ответ.

— Я случайно нашел его в универмаге. И прикинул, что он может оказаться полезным. Так в конце концов и получилось.

Постепенно темнело.

— Вы проиграли в тот момент, — продолжил Сёго, — когда мне доверились.

Но Сюя по-прежнему не мог в это поверить. «Этого не может быть, — думал он. — Этого просто... не может быть. — Но тут ему в голову пришла другая мысль: — Это... это должно быть...»

Однако Сюю опередила Норико.

— Послушай, Сёго... это какая-то проверка, чтобы убедиться, что ты можешь нам доверять? Это потому что Кэйко не смогла тебе довериться?

Сёго пожал плечами.

— Просто невероятно, — сказал он, — как вы до сих пор в эту сказочку верите.

Это были его последние слова. Сёго поднял револьвер и медленно нажал на спусковой крючок.

Прогрели два выстрела. На остров опустился вечер.

Остался 1 ученик — ИГРА ОКОНЧЕНА — согласно докладу штаба систем слежения Программы третьего класса "Б" младшей средней школы города Сироивы

Сёго Кавада (ученик номер 5) вальяжно развалился на мягком диване каюты. Корабль слегка покачивался на волнах.

Для маленького сторожевого судна помещение было весьма просторным, правда, потолок был низковат. В центре каюты стоял низкий столик, а по обе стороны от него располагались два мягких дивана. Сёго сидел на дальнем от двери.

Поскольку каюта находилась под палубой, там не было иллюминаторов, и Сёго ничего не мог видеть снаружи, но сейчас уже должно было быть за 8.30 вечера. Желтый свет ламп в потолке играл на странной пепельнице. Впрочем, сигарет у Сёго больше не осталось.

Как только после окончания игры все запретные зоны были открыты, Сёго, как и требовалось, пробрался к школе. Трупы Ёсио Акамацу и Маюми Тэндо у школы, а также Ёситоки Кунинобу и Фумиё Фудзиёси внутри нее так и оставались нетронутыми.

Серебристый ошейник с Сёго наконец сняли, и, после съемки для выпуска новостей, солдаты препроводили его в гавань. Там стояли на причале два корабля. Один для победителя... а другой — транспортное судно, предназначенное для возвращения солдат, обратно на базу. Большинство солдат село именно на этот корабль. Только те трое, что находились в классной комнате, когда Сакамоти выдавал инструкции, присоединились к Сакамоти и Сёго на борту корабля для победителя. И завтра бригада наемных уборщиков должна была позаботиться об оставшихся на острове трупах учеников. Динамики и компьютеры в здании школы также предстояло демонтировать в ближайшие дни. Разумеется, программа и информация об игре уже были удалены из компьютера.

И теперь Сёго ждал здесь. Они находились к югу от Окисимы. Сторожевой корабль возвращался напрямиком в бухту Такамацу, но транспортное судно с солдатами, судя по всему, должно было изменить курс и направиться на запад к военной базе.

Дверная ручка со щелчком повернулась. Солдат, стоявший на страже у двери, заглянул внутрь, затем отступил в сторону. Появился Кинпацу Сакамоти. Он нес с собой поднос с двумя чашками.

— Что, Сёго, заждался? — спросил Сакамоти, входя в каюту. Номура закрыл дверь.

Ковыляя на своих коротких ногах, Сакамоти подошел к столу и поставил туда поднос.

— Вот чай, — сказал он. — Пей сколько хочешь. — Затем Сакамоти достал из левого нагрудного кармана плоский конверт с письмом и бросил его на край стола. Наконец сел и зачесал за уши свои длинные волосы.

Сёго безразлично взглянул на конверт, затем воззрился на Сакамоти.

— Что тебе нужно? — осведомился он. — Мне бы хотелось, чтобы ты наконец оставил меня в покое. Я устал.

— Вот, значит, как... — Сакамоти поднес чашку ко рту. — Тебе следует быть более вежливым с взрослыми. Вот был у меня один ученик по фамилии Като. Вечно, знаешь ли, всякие неприятности мне устраивал. Но теперь, когда вырос, вполне уважительно ко мне относится.

— Я не из твоих свиней.

Сакамоти широко раскрыл глаза, словно бы захваченный врасплох, но затем снова улыбнулся.

— Ладно, брось, Сёго, брось. Я просто хотел с тобой мило поболтать.

Сёго откинулся на спинку дивана и закинул ногу на ногу. Он упорно молчал.

— Итак, с чего бы мне начать? — Сакамоти поставил чашку на стол и потер ладони. — Да, все верно, пожалуй, с тотализатора. — Глаза его заблестели. — Ты ведь знал, Сёго, что на победителя Программы заключаются пари?

Сёго прищурился, словно глядя на кусок дерьма.

— Меня бы это не удивило, — сказал он. — Для вас, подонки, совсем ничего святого нет.

Сакамоти улыбнулся.

— Я поставил деньги на Кадзуо. Двадцать тысяч иен. Если учесть мое скромное жалование, это очень много. Но из-за тебя я проиграл.

— Какая неудача, — без малейшего сочувствия отозвался Сёго.

Сакамоти опять улыбнулся.

— Я уже объяснил, — продолжил он, — как я мог по тем ошейникам понять, где вы все находитесь. Верно?

Сёго не отозвался. Ответ был очевиден.

Сакамоти пристально посмотрел на Сёго.

— Ты всю игру был с Сюей и Норико, верно? А в самом конце ты их предал. Вот к чему все сводилось, так?

— А что такое? — отозвался Сёго. — В этой славной игре нет никаких ограничений. Так что не надо песен. Ты не можешь меня за это винить.

По физиономии Сакамоти расплзлась широкая ухмылка. Он снова заправил за уши длинные волосы, глотнул чая и потер ладони. А затем заговорщическим тоном заговорил, словно делясь неким секретом:

— Послушай, Сёго. Вообще-то мне не положено никому этого разглашать, но тебе я скажу правду. В эти ошейники встроены микрофоны, так что мы можем слышать все, что ученики говорят во время игры. Ручаюсь, ты наверняка этого не знал.

Сёго, остававшийся до этого момента вполне равнодушным, наконец-то заинтересовался. Он хмуро сдвинул брови и сжал губы.

— Какого черта... откуда мне было об этом знать? — сказал он. — Значит, ты слышал, как я их дурачил?

— Угу, все верно. — Сакамоти кивнул. — Но, знаешь ли, Сёго, ты был не очень-то любезен. Сам посуди. «Даже если мы сможем захватить Сакамоти, не сомневаюсь, с точки зрения правительства, он расходный материал. Мелкая сошка». Ты это сказал. Пойми, инструктор Программы — очень уважаемая должность. Не каждому по плечу.

Сёго не обратил никакого внимания на жалобу Сакамоти.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — спросил он.

— Ах, даже не знаю, — отозвался Сакамоти. — После твоей столь замечательной игры я просто не смог удержаться.

— Врешь.

Сёго отвернулся от Сакамоти, но тот продолжал настаивать:

— Да, действительно замечательная игра, однако... — Сёго снова на него взглянул. Сакамоти продолжил: — Есть кое-что, чего я не понимаю.

— Чего ты не понимаешь?

— Почему ты не пристрелил этих двоих сразу же после того, как убил Кадзуо? Ведь ты сразу же мог это сделать, верно? Вот единственное, чего я не понимаю.

— Все было так, как я им сказал, — без колебаний ответил Сёго. — Я просто подумал, что позволю им в последний раз взглянуть на дом. Небольшой подарок перед погружением в ад. Можешь, конечно, не верить, но порой я способен на настоящую преданность. В конце концов, благодаря им я выиграл.

Сакамоти хмыкнул, затем поднес чашку ко рту. Откинувшись на спинку дивана с чашкой в руках, он снова заговорил:

— Послушай, Сёго, я получил данные по Программе младшей средней школы второго района города Кобе. — Тут Сакамоти пристально посмотрел на Сёго. Сёго уставился на него в ответ. — Насколько я могу понять из этих данных, ничто не указывает на то, что у тебя были какие-то особые отношения с Кэйко Онуки.

— С Онуки? Как я уже сказал, я все это выдумал, — перебил его Сёго, однако Сакамоти упорно продолжил:

— Как ты сказал Сюе Нанахаре и Норико Накагаве, ты дважды виделся с Онуки — первый раз лишь ненадолго и второй раз перед тем, как ты победил, когда она уже была мертва. Даже если поднять все записи разговоров, ты ни разу не упоминал ее имени. Ни разу. Ты это помнишь?

— Да чего ради мне было его упоминать? Как я уже сказал — ничего у меня с ней не было. Ты ведь меня слышал, верно?

— Но вся штука в том, Сёго, что во второй раз ты оставался с ней целых два часа.

— Вышло простое совпадение. Там было удачное место, чтобы спрятаться и отдохнуть. Именно потому я так хорошо и запомнил ее имя. Говорю тебе — она умерла страшной смертью.

Ухмылка словно приклеилась к физиономии Сакамоти. Он кивнул, словно бы говоря «ну-ну».

— Еще одна штука в том... что за все восемнадцать часов, что были потрачены на ту игру (на самом деле очень короткий срок — пожалуй, выбранный район оказался слишком мал), ты не обменялся ни с кем ни единым словом. То есть, не считая чего-то вроде «стой» или «я не враг».

— Это тоже была такая тактика, — перебил его Сёго. — Ведь это так очевидно.

Игнорируя замечание Сёго, Сакамоти улыбнулся:

— Таким образом, у меня нет никакого представления о том, как ты подошел к этой игре. Ты много двигался по округе, но...

— Тогда была моя первая игра. Я еще толком не знал, как в нее играть.

Тут Сакамоти снова кивнул, словно бы говоря «ну-ну». Отхлебнув чая, он поставил чашку на стол. Затем поднял взгляд.

— А кстати... — сказал Сакамоти, — как насчет того фото? Если ты не против, я бы хотел на него взглянуть.

— Фото?

— Ну да. Насчет той фотографии, которую ты показывал Нанахаре и Накагаве. Ты сказал, что на том фото запечатлена Онуки, верно? Позволь мне на нее посмотреть. Ведь на самом деле на той фотографии должна быть девочка по фамилии Симадзаки, верно?

Сёго надменно скривил губы.

— Почему я должен тебе ее показывать?

— Уж пожалуйста, покажи ее мне. Ведь я твой инструктор. Пожалуйста. Покажи. — Сакамоти подался вперед.

Сёго неохотно пошарил в заднем кармане брюк. Затем удивленно поднял брови и вынул из кармана пустую руку.

— Фотография пропала, — сказал Сёго. — Должно быть, я где-то ее обронил, пока сражался с Кадзуо.

— Обронил?

— Ну да. Верно. Я потерял бумажник. Хотя он мне все равно больше не нужен.

Внезапно Сакамоти разразился смехом.

— Понятно, — с трудом вымолвил он, держась за живот, хлопая себя по ляжкам и продолжая ржать.

Сёго выглядел несколько озадаченным... но затем он вдруг, сузив глаза, взглянул на потолок каюте.

Несмотря на изоляцию стен грузового корабля, Сёго расслышал слабое, но отчетливое гудение. И это определенно не был звук работы судовых моторов.

Звук становился все громче и громче... а затем, достигнув определенной точки, стал удаляться. Наконец он почти пропал.

Сакамоти скорчил гримасу.

— Что, Сёго, забеспокоился? — Он перестал смеяться. На физиономии у него, однако, оставалась все та же подлая улыбочка. — Это был вертолет. — Сакамоти снова протянул руку к чашке чая и допил ее. Затем поставил пустую чашку на стол. — Этот вертолет направляется к острову, где вы все сражались.

Сёго опять хмуро сдвинул брови, но на сей раз, похоже, по другому поводу. Однако Сакамоти было все равно. Самодовольно откинувшись на спинку дивана, он сменил тему.

— Послушай, Сёго. Давай еще немного поговорим об этих ошейниках. Если ты не в курсе, они на самом деле называются «Гвадалканал номер 22». Впрочем, это неважно. Так или иначе, разве ты не рассказал Сюе про то, как их можно демонтировать?

Видя, что Сёго не откликается, Сакамоти продолжил:

— На самом деле твоя теория была совершенно верна. Каждый блок снабжен тремя разными системами, а потому, даже если одна система имеет однопроцентный рубеж ошибки, с тремя системами только один из миллиона ошейников может сломаться. Впрочем, в реальности шансы еще более дохлые. Да-да, все именно так, как ты ему рассказал. Никому эти ошейники не дадут спастись. Любая попытка снять ошейник приведет в действие бомбу и убьет его носителя. Впрочем, крайне редко кто-то нечто подобное пробует сделать.

Сёго по-прежнему молчал как рыба.

— Но штука в том... — тут Сакамоти опять подался вперед, — что на сей раз я подумал, что мне полезно будет связаться с оружейной лабораторией Оборонительных Сил. И догадываешься почему? — Он впился глазами в Сёго. — Там сказали, что ошейник может размонтировать любой, кто обладает базовыми понятиями об электронике. При этом ему не понадобится ничего кроме простых транзисторов, используемых в обычном радиоприемнике. Но это, разумеется, если ты знаешь принципиальную схему устройства.

Сёго по-прежнему молчал. А затем, совершенно внезапно, как будто эта мысль только-только пришла к нему в голову, он до странности равнодушным тоном сказал:

— Не понимаю. Кто может обладать такой информацией?

Сакамоти улыбнулся и кивнул.

— Да, конечно. И все же, если мы допустим, что ошейник обезврежен, тогда он, очевидно, будет передавать сигнал, информирующий нас о смерти носителя, так? Другими словами, если бы нашелся ученик, которому удалось бы снять ошейник, он бы без особых проблем смог выжить. Ему просто пришлось бы переждать, пока по окончании игры военные покинули бы округу и он без излишней спешки смог бы спастись. Все верно — именно так, как ты сказал Сюе Нанахаре. Ты сказал, что, если игра заканчивается днем, то бригада наемных уборщиков прибывает на следующий день. А в промежутке остается уйма времени. И вода в это время года совсем не такая холодная. По морю можно далеко уплыть.

Сёго лишь хмыкнул. Сакамоти снова откинулся на спинку дивана.

— Чушь собачья, — наконец отозвался Сёго. — Схемы ошейников должны быть совершенно секретными, разве не так? Как ученик средней школы смог бы что-то про них узнать?

— И тем не менее он смог, — отозвался Сакамоти. Сёго недоуменно на него взглянул. — Видишь ли, при обычных обстоятельствах, имея всю эту информацию включая твое личное дело и данные об устройстве «Гвадалканал», мне бы не пришлось просматривать больше никакого материала. Я бы просто сидел здесь на диване, поражаясь твоему разуму и хитроумию. Но так уж получилось, что еще до начала игры со мной связался штаб Диктатора и сил особого назначения. Я хочу сказать, еще двадцатого числа.

Сёго молча смотрел на Сакамоти.

— Там сказали, — продолжил Сакамоти, — что в марте кто-то вломился в государственную центральную операционную систему. — Он немного помолчал. Затем добавил: — Конечно, хакер подумал, что ему удалось не оставить следов.

Следует признать, он был невероятно искусен, и, хотя администратору удалось засечь его взлом, ловкач сумел перед тем, как сбежать, стереть регистрацию своего доступа. Однако...

Сакамоти снова сделал паузу. Сёго молчал.

— ...государственная система имеет очень солидную защиту. Существует другая тайная система регистрации, которая записывает каждую проведенную операцию. Разумеется, обычно эту тайную систему не отслеживают, и администратор в то время не подумал, что там имеется какая-то аномалия. Вот почему спецам потребовалось столько времени, чтобы все это обнаружить. Но они тем не менее это обнаружили. Да, им все-таки это удалось.

Сёго сжал губы и внимательно посмотрел на Сакамоти. Однако его кадык слегка дернулся. Едва различимое движение от инструктора не ускользнуло.

— Послушай, — сказал Сёго. — Один наемный уборщик действительно рассказал мне про сбор трупов. Я с ним тогда в баре выпивал. Тема всплыла сама собой. А инструктор предыдущей игры сообщил нам, что Программа почти никогда не заканчивается ввиду истечения времени. Можешь сам его спросить.

Сакамоти задумчиво потер правой рукой кончик носа и в упор посмотрел на Сёго.

— Зачем ты мне про это рассказываешь? Ведь я тебя даже не спрашивал.

Кадык Сёго опять дернулся. Сакамоти усмехнулся.

— Таким образом очевидно, — продолжил он, — что некоторые из взломанных содержали информацию о Программе. Другими словами, технические условия на ошейник «Гвадалканал». Зачем кому-то понадобилась столь бесполезная информация? Я хочу сказать — в чем тут смысл? Даже если хакер собирался предать ее огласке, власти тут же разработали бы новый ошейник, и на этом дело бы и закончилось. Зато, может статься, нам следует предположить такой вариант: взломщик желал любой ценой получить эту информацию для своего личного пользования. Тебе так не кажется?

Сёго не откликнулся. Тогда Сакамоти вздохнул и подобрал брошенный им на стол конверт. Одной рукой его вскрыв, он вынул оттуда содержимое. И разложил его перед Сёго.

Там были две фотографии. Обе черно-белые, отпечатанные на бумаге В5. Один снимок был совсем расплывчатым, и сложно было понять, что там изображено. Зато на другой достаточно четко виднелся грузовик и три рассеянные вокруг него черные точки. Учитывая, что грузовик снимали сверху, три точки явно были головами.

— Видишь, ага? — спросил Сакамоти. — Это вы трое совсем недавно. Сразу же после того, как вы убили Кадзуо. Эти снимки сделаны со спутника. Обычно мы таких мер не предпринимаем. Но я бы хотел, чтобы ты попристальней пригляделся вот к этой, другой фотографии. Видишь? Вообще-то здесь ничего не различить, верно? Но на самом деле это фотография горы. Она была сделана в тот момент, когда ты расстреливал тех двоих. Света там было явно недостаточно, и фотография получилась совсем расплывчатой, потому что вас всех скрывал лес. Все верно, на ней ты ничего не разглядишь.

Сакамоти погрузился в молчание. Корабль немного покачивало, но Сёго и Сакамоти сохраняли неподвижность и не спускали друг с друга глаз.

Затем Сакамоти глубоко вздохнул и снова заправил за уши свои длинные волосы. Опять расплывшись в улыбке, он заговорил до странности доверительным тоном:

— Скажи, Сёго. Ведь я с самого начала отслеживал эту игру. Верно? После того как ты застрелил Сюю Нанахару и Норико Накагаву, Нанахаре потребовалось пятьдесят четыре секунды, чтобы умереть, тогда как Накагава скончалась через одну минуту и тридцать секунд. Если ты стрелял в них в упор, они должны были бы погибнуть мгновенно. Откуда же такая задержка во времени?

Сёго молчал, однако — признавал он того или нет — лицо его вдруг застыло.

— Так могло получиться, — сумел выговорить он. — Я подумал, что они погибли мгновенно, но...

— Хватит, — резко оборвал его Сакамоти и твердым голосом продолжил: — Давай положим всему этому конец. — Заглянув Сёго в глаза, он кивнул, словно бы его укоряя. — Сюя Нанахара и Норико Накагава по-прежнему на том острове. Они все еще живы, верно? Они прячутся на горе. А ты — тот самый ловкач, которому удалось взломать центральную операционную систему. Или этот ловкач — один из твоих друзей. Ты знал, как размонтировать ошейник. Ты также знал, что мы прослушиваем все разговоры, а потому разыграл представление в духе радиодрамы о том, как ты этих двоих застрелил. Затем ты снял с них ошейники. Я прав? Я не сказал, что это замечательное представление закончилось. Нет, сейчас только самая его середина.

Стиснув зубы, Сёго пристально смотрел на Сакамоти.

А Сакамоти по-прежнему улыбался.

— Разве ты не раздал им какие-то записки о местах встречи? — продолжил он. — И позднее вы должны были объединиться, верно? Ну так можно об этом забыть. Вертолет, который только что пролетел над кораблем, собирается обработать весь остров отравляющим газом. Этот ядовитый горчичный газ разработан совсем недавно и называется «Великая Победа Народной Республики Дальневосточная Азия номер 2». Сторожевые суда по-прежнему остаются на своих местах. Так что с Нанахарой и Накагавой покончено.

Пристально глядя на Сакамоти, Сёго погрузил пальцы в подлокотники из синтетической кожи. Сакамоти еще раз глубоко вздохнул и осел на диване. А потом опять зачесал длинные волосы за уши.

— Прецедента для чего-то подобного у нас пока еще не имелось. Строго говоря, ты вообще никакой не победитель. Однако один из чиновников комитета по образованию, на которого я работаю, поставил на тебя уйму денег. Поэтому я решил, что вся эта история внутреннее дело. Если я помогу тому чиновнику, он поспособствует моей карьере... а значит, официально ты победитель. Согласно всем официальным записям, ты убил тех двоих... Ну как, Сёго, теперь ты доволен?

Сёго теперь вряд ли был доволен. Мало того, он был так напряжен, что казалось, его в любую секунду могло начать трясти. Но когда Сакамоти вопросительно поднял брови, Сёго отвернулся от него и уставился в пол.

— Не знаю, о чем ты толкуешь... — сказал он, несколько раз нервно сжимая и разжимая кулаки. Снова взглянув на Сакамоти, Сёго тревожно спросил: — А к чему пускаться во все тяжкие, распыляя газ? Так ты только народные деньги транжиришь.

Сакамоти заржал.

— А вот мы скоро выясним, транжирю я народные деньги или нет. Да, вот еще что, — сказал он, вытаскивая из-под пиджака маленький автоматический пистолет и направляя его на Сёго. Тот широко раскрыл глаза от удивления. — Я решил позаботиться и о тебе как о внутреннем деле. У тебя в голове бродят опасные идеи. Думаю, что не в интересах нашей страны, оставить жизнь такому диссиденту, как ты. Надо выбросить гнилое яблоко из корзины. И чем раньше, чем лучше. Ты прибудешь в армейский госпиталь после ранений, полученных в этой игре.

Как тебе такой вариант? Ах, нет, не волнуйся. Если тебе случится завести там друзей, мы и их выследим. Нам даже не придется тебя допрашивать.

Сёго медленно оторвал глаза от пистолета и взглянул на Сакамоти.

— Ты, тварь... — процедил он сквозь зубы. Сакамоти только еще шире ухмыльнулся. — Ублюдок! — проревел Сёго голосом, полным возмущения и отчаяния. Чего Сёго сейчас больше всего хотелось, так это схватить Сакамоти за горло. Но пистолет ему такой возможности не давал. Он мог лишь сжимать кулаки у себя на коленях.

— Послушай, гад, а у тебя... у тебя дети есть? Как ты можешь мириться с этой проклятой игрой?

— Конечно, у меня есть дети, — небрежным тоном ответил Сакамоти. — И знаешь, я люблю весело проводить время, так что мы с женой собираемся завести еще и третьего.

Сёго не стал откликаться на шутку.

— Тогда... — вместо этого заорал он, — тогда как ты можешь со всем этим мириться? Один из твоих детей может в будущем оказаться в этой игре! Или... или все устроено так... что дети высокопоставленных чиновников вроде тебя от нее освобождаются?

Сакамоти с оскорбленным видом покачал головой:

— Это просто нелепо. Как ты, Кавада, мог такое подумать? Ведь ты читал требования Программы, разве не так? Нет никаких исключений. Конечно, мне приходилось идти на кое-какие подлости. К примеру, я использовал связи, чтобы устроить своего ребенка в престижную школу. Да, я тоже человек. Но быть человеком также означает подчиняться определенным правилам... хотя, конечно, эту информацию ты так и не смог стырить, угу? Совершенно секретные файлы также содержали в себе информацию о Программе. Говорю тебе — Программа жизненно необходима для нашей страны. Суть в том, что это вовсе никакой не эксперимент. Как по-твоему, зачем мы заставляем местные телеканалы транслировать изображение победителя? Конечно, телезрители могут почувствовать к нему жалость. Станут думать: вот бедный ученик, конечно же, он не хотел участвовать в игре, просто у него не было другого выбора, кроме как сражаться с остальными. Другими словами, в итоге все приходят к заключению, что никому нельзя доверять, верно? А это устраняет

всякую надежду на объединение и организацию заговора против правительства, разве не так? Тогда выходит, что Народная Республика Дальневосточная Азия и ее идеалы бессмертны. Естественно, ради столь благородной цели все должны быть готовы умереть. Я передал эту мудрость моим детям. Моя старшая дочка сейчас учится во втором классе, и она всегда говорит, что пожертвует своей жизнью на благо Республики.

У Сёго на щеках заиграли желваки.

— Ты псих, — процедил он. — Ты просто из ума выжил! Как можно быть таким уродом? — Сёго почти вышел из себя. — Правительство должно служить людям, а не наоборот. Если ты думаешь, что эта страна имеет будущее, то ты... ты безумен!

Сакамоти позволил ему закончить.

— Послушай, Кавада, — сказал он затем. — Ты еще ребенок. Похоже, вы, ребята, уже что-то там между собой обсуждали, но я хочу, чтобы ты подумал еще. Наша страна — самая лучшая в мире. Это самая процветающая страна. Да, верно, у тебя нет особых возможностей много путешествовать за границу, но наш промышленный экспорт никому не превзойти. Однако все дело в том, что это процветание является результатом единения всего населения с мощным правительством в центре. Определенная степень контроля всегда необходима. Иначе... иначе мы обречены деградировать до какой-нибудь третьестепенной страны вроде Американской империи. Ведь ты немало знаешь про это жалкое государство, верно? Это страна, откуда идут всевозможные проблемы вроде наркотиков, насилия и гомосексуализма. Американская империя существует только за счет прошлой славы, но она распадается — это только вопрос времени.

Сёго какое-то время молчал. И крепко сжимал зубы.

— Позволь, я тебе кое-что скажу, — процедил он затем.

Сакамоти удивленно поднял брови:

— Что? Говори.

— Ты, конечно, можешь называть это процветанием, но... — Голос Сёго звучал устало, но был полон достоинства. — Это все равно останется сплошным враньем. Правда не изменится — даже если ты сейчас меня убьешь. Ты обречен быть лжецом и пустозвоном. Никогда этого не забывай.

Сакамоти пожал плечами.

— Ты уже закончил со своей речугой? — Он поднял пистолет. Сёго сжал губы и гневно взглянул на Сакамоти, не обращая ни малейшего внимания на оружие. Казалось, он готов был встретить смерть лицом к лицу.

— Тогда пока, Кавада. — Сакамоти кивнул, словно прощаясь. Но только его палец стал жать на спусковой крючок, как вдруг...

ТРАХ-ТАХ-ТАХ... Треск, напоминающий работающую пишущую машинку буквально расколол кабину.

Палец Сакамоти на мгновение замер. Он на долю секунды взглянул на дверь — достаточно недолго. К тому времени, как он снова повернулся к Сёго, тот уже стоял прямо перед ним. Сёго двинулся мгновенно, точно телепортирующийся волшебник.

Снаружи каюты продолжал слышаться треск. Левая рука Сёго придержала пистолет в правой ладони Сакамоти. Сакамоти замер и посмотрел Сёго прямо в лицо, покачивая длинными грязными волосами. Он не попытался вырвать руку, а просто в упор смотрел на противника.

Снова раздался треск.

Дверь распахнулась.

— Нападение... — Осмыслив ситуацию, Номура мгновенно умолк и попытался вскинуть винтовку.

Все еще держа левой рукой правую ладонь Сакамоти, Сёго развернул тело инструктора, словно они танцевали танго. Одновременно, разворачиваясь, он прижал указательный палец Сакамоти к спусковому крючку и начал стрелять. Три пули вошли Номуре в грудь как раз над сердцем. Теперь, когда дверь была открыта, треск стал громче.

Сёго снова посмотрел Сакамоти прямо в глаза. Не отпуская инструктора, Сёго двинул ему правой рукой снизу по подбородку.

Сакамоти тут же закашлялся кровью. Кровь стекала из его рта на подбородок, а затем падала на пол.

— Я же сказал тебе, что ты просто народные деньги транжиришь. — Сёго еще дальше всадил свой кулак под подбородок Сакамоти. Глаза инструктора закатились. А затем запрокинулась его голова.

Сёго отодвинулся от Сакамоти, и тот рухнул на диван. Теперь стала видна его шея. Коричневая палочка торчала из дыхательного горла инструктора, точно странное украшение. Вблизи, на самом конце палочки, можно было разглядеть золотистый логотип фирмы-изготовителя. На самом деле палочка представляла собой один из тех карандашей, которыми все, включая Сёго и Сюю, писали на листках бумаги: «Мы будем убивать друг друга». Но Сакамоти, надо думать, понятия об этом не имел.

Взглянув на Сакамоти, Сёго засунул пистолет себе за пояс. Затем он бросился к лежащему на спине Номуре и схватил его винтовку. Забрав у солдата дополнительные магазины, Сёго вышел из каюты. Он распахнул две двери направо по коридору, но там оказались только ряды коек. Внутри никого не было.

Треск становился все ближе. Вниз по лестнице в конце узкого коридора закувыркался солдат. Не считая пистолета в его руке, солдат был не вооружен — возможно, теперь, когда игра закончилась, он считал себя в безопасности. Когда мертвый солдат рухнул на пол, Сёго узнал в нем Кондо.

Перешагнув через его труп, Сёго подошел к лестнице и поднял взгляд.

Наверху лестницы рядом друг с другом стояли Сюя Нанахара (ученик номер 15) с ингрэмом М-10 в руках и Норико Накагава (ученица номер 15). Оба были насквозь мокрые.

— Сёго!

Видя, что Сёго в безопасности, Сюя испустил крик радости. Он слышал выстрелы помимо треска своего ингрэма, и опасался, что они могли прибыть слишком поздно. Сёго побежал вверх по лестнице с винтовкой, изъятой им у Номуры.

— Значит, у тебя все хорошо?

— Ага. — Сёго кивнул. — Сакамоти мертв. А вы там со всеми разобрались?

— На палубе мы всех убрали. Мы только не смогли найти того парня по фамилии Номура...

— Тогда полный порядок. С Номурой я разобрался, — сказал Сёго, пробегая мимо них на капитанский мостик, где располагалась рулевая рубка.

В коридоре, ведущем к рулевой рубке, лежал еще один труп, затем еще два в комнате инструктажа под рулевой рубкой. Это были солдат Тахара, а остальные — члены команды судна, причем только Тахара был вооружен, да и то всего-навсего пистолетом. Сюя со своим ингрэмом в темпе их всех разметал. На палубе лежали еще двое членов команды, убитые Сюей.

Взглянув на труп Тахары, Сёго схватился за поручень, ведущий к рулевой рубке.

— Да, Сюя, ты был безжалостен, — заметил он.

— Ага, — кивнул Сюя. — Как ты и сказал.

Как только Сёго оказался в рулевой рубке, он нашел там еще две жертвы Сюи, развалившиеся в углу. В темном окне виднелось несколько дыр, то ли пробитых случайными пулями, то ли теми, что прошили членов команды.

Корабль как раз проходил мимо острова, освещенного огнями жилых домов (скорее всего, Мэгидзимы). Сюя задумался, не могли ли там или где-то еще дальше в море услышать пальбу на корабле. Впрочем, у них в стране люди нередко слышали выстрелы, так что он особенно не беспокоился.

Сёго смотрел прямо перед собой. Сюя и Норико посмотрели туда же и увидели что-то вроде перевозчика гравия, приближающегося к ним справа. Сёго взялся за штурвал и принялся методично тянуть на себя рычаг рядом с рулем.

— Надеюсь, вы не простудились, — сказал Сёго.

— Я — нет.

— А ты, Норико?

— Со мной тоже все хорошо, — кивнула Норико.

Сёго, прищурившись смотрел в сторону встречного судна.

— Извиняюсь, — сказал он. — На сей раз простая работа досталась мне.

Перевозчик гравия все приближался.

— Нет, неправда, — возразил Сюя. — Я бы никогда с Сакамоти не справился. Он был вооружен. Это мог сделать только ты.

Перевозчик все больше и больше над ними нависал. И все же... они сумели разойтись. Огни корабля стали удаляться.

— Уф-ф. — Сёго перевел дух, а затем отпустил штурвал и принялся нажимать кнопки навигационных приборов. Некоторое время он изучал панель, и увидел как один из диодов отключается, затем взял радиопередатчик. Оттуда донесся голос. Звучало все примерно так:

— Говорит Центральная служба транспортных перевозок Внутреннего Японского моря, что в Бидзэне.

— Говорит оборонительный сторожевой корабль ДМ-245-3568, — откликнулся Сёго. — Нам требуется подтвердить наше местоположение.

— ДМ-245-3568, мы не можем этого сделать. У вас проблемы?

— Навигационная система нашего ООК, похоже, вышла из строя. Нам придется остановить судно примерно на час, чтобы исправить поломку. Можете вы оповестить другие корабли?

— Да. Нам нужно ваше текущее местоположение.

Сёго зачитал информацию с дисплея навигационного прибора. Затем он прервал связь.

На самом деле Сёго просто старался выиграть время, чтобы увести корабль куда-нибудь подальше. Теперь он быстро крутил штурвал, выполняя крутой левый поворот. Сюя почувствовал, как от резкого движения судно закачалось.

Затем Сёго стал управлять штурвалом более осторожно.

— Этот ублюдок Сакамоти понял, что происходит, — сказал он. — А потому я рад, что вы, ребята, вовремя подросли.

Сюя кивнул. С его челки все еще капала вода.

Сёго был прав. Дважды выстрелив в воздух тогда на горе, он тут же прижал палец к губам, давая знак вздрогнувшим Сюе и Норико хранить молчание. Затем Сёго достал из кармана карту и принялся что-то писать на обратной ее стороне. В слабом свете запись разобрать было нелегко, но все же они сумели ее прочесть. Затем Сёго снял с них ошейники. Использовал он для этого всего-навсего провод, подсоединенный к транзисторному радиоприемнику нож и небольшую отверточку. Дальше Сёго вынул из рюкзака примитивную лесенку из бамбуковых палочек и веревки, после чего нацарапал на карте еще одну записку: «Заберитесь на корабль, на который меня посадят. Дело будет ночью, так что выйдет полный порядок. Пробежитесь в гавань по пляжу. К якорю прикреплена цепь. Привяжите к ней лесенку и подождите. Как только якорь поднимется, и корабль начнет двигаться, поднимитесь на палубу и спрячьтесь за спасательными поясами на корме. А когда время придет, нападайте».

Конечно... непросто было держаться за эту жалкую веревочную лесенку, когда корабль стал набирать скорость, бороздя волны и волоча Сюю с Норико по морю. Еще труднее стало добраться до палубы, пусть она и была всего-навсего в полуметре над верхом лесенки. Не имея возможности пользоваться раненой левой рукой, Сюя просто не смог бы выполнить это. Однако Норико, несмотря на свою раненую ладонь, сумела туда подтянуться и протянула руку Сюе. Сила Норико невероятно Сюю удивила. В любом случае... они сумели выполнить задуманное.

— И все-таки... — буркнул Сюя, — лучше бы ты нам раньше обо всем рассказал.

Сёго крутанул штурвал вправо и с напускной скромностью пожал плечами.

— Так наши действия стали бы менее естественными. Впрочем, извините.

Сёго отпустил штурвал. Перед ними простиралось черное море. Никаких признаков приближающихся судов на данный момент не прослеживалось. Тогда Сёго взялся проверять несколько судовых приборов.

— Просто поразительно, — сказала Норико. — Ты сумел вломиться в государственную компьютерную систему.

— Да, действительно, — согласился Сюя. — И еще врал насчет своей компьютерной неграмотности.

Внимательно глядя вперед, Сёго усмехнулся.

— Вообще-то, они все равно про это узнали. Хотя в итоге все, похоже, сработало.

Судя по всему, удовлетворенный показаниями приборов, Сёго направился к одному из лежащих на полу солдат. Недоумевая, что он такое делает, Сюя и Норико молча смотрели, как он шарит у солдата в карманах.

— Проклятье, — выругался Сёго. — Выходит, в оборонительных силах теперь сплошь некурящие.

Оказалось, он искал сигареты.

И все же из нагрудного кармана другого солдата Сёго удалось извлечь пачку «бастера». Пачка была залита кровью, но Сёго это нимало не смутило. Он небрежно вытащил сигареты, вставил одну из них в рот и закурил. Затем прислонился сбоку к штурвалу и прищурился, сосредоточенно затягиваясь.

Норико внимательно за ним наблюдала.

— Будь наша группа более крупной, — сказала она, — у нас вряд ли бы что-то получилось.

Сёго кивнул.

— Это правда. И все должно было произойти ночью. Хотя, по-моему, нет смысла снова все это проходить. Мы живы. Разве этого недостаточно?

— Достаточно, — кивнул Сюя.

— Почему бы вам двоим не принять душ? — сказал Сёго. — Он как раз перед лестницей. Совсем крошечный, но горячая вода там должна быть. Одежду можете позаимствовать у солдат.

Сюя кивнул и положил ингрэм на низкий стол у стены. Затем тронул Норико за плечо.

— Давай, Норико. Иди первой. Ты же не хочешь опять заболеть.

Норико кивнула. Они уже собрались было направиться к лестнице, но тут Сёго их остановил.

— погоди, Сюя, — сказал он. — Останься. — потушив сигарету о край штурвала, он добавил: — Сперва я покажу тебе, как управлять этим кораблем.

Сюя недоуменно поднял брови. Он рассчитывал, что управление судном Сёго возьмет на себя. Хотя, если вдуматься, Сёго тоже наверняка хотелось принять душ. Тогда управлять кораблем пришлось бы Сюе и Норико.

Сюя кивнул и вместе с Норико вернулся к рулю.

Сёго еще раз глубоко вздохнул и слегка похлопал по штурвалу.

— Сейчас я управляю кораблем вручную. В целом так меньше заморочек, чем если поставить его на автопилот. Итак, начнем вот с этой штуковины... — Сёго указал на рычаг рядом с рулем. — Это вроде акселератора и тормоза. Если подавать его вперед, скорость увеличивается, а если назад — уменьшается. Проще пареной репы, ага? А вот эта ерундовина... — Сёго указал на круглый прибор, смонтированный как раз над штурвалом. Тонкая стрелка прибора была наклонена вправо. Ее окружали буквы и цифры, указывающие направление. — Это гирокомпас. Он задает направление. Видите карту океана?

Сёго указал на маршрут, которым они пробирались меж мелких островов, направляясь к большому острову Хонсю из их текущего положения к востоку от острова Мэгидзима. Лучше всего, объяснил Сёго, причалить на какой-нибудь пустынный пляж в префектуре Окаяма. После чего выдал Сюе и Норико несколько простых инструкций касательно радара и мареографа.

Затем Сёго задумчиво коснулся подбородка.

— Что касается интенсивного курса обучения, то это примерно все. Таких знаний вполне достаточно, чтобы этой штуковиной управлять. Кроме того, всегда следует держаться вправо от встречного корабля. И еще одно — остановиться немедленно невозможно. Когда приближаешься к берегу, ты должен заранее хорошенько притормозить. Понял?

Сюя опять недоуменно поднял брови. Он не понимал, зачем Сёго дает ему советы еще и насчет причаливания. Впрочем, Сюя продолжил кивать.

— А записки, которые я вам дал? — добавил Сёго. — Они все еще при вас? Там действительно ваша информация для контакта.

— Ну да... они у нас. Но... но ведь ты идешь с нами, верно? Да, Сёго?

Тот не сразу откликнулся на вопрос Сюи. Достав одну из сигарет, которые он сунул в карман, Сёго вложил ее в рот и щелкнул зажигалкой. Сигарета зажглась как полагается... но тут Сюя подметил кое-что странное. Рука Сёго, в которой он держал зажигалку, заметно дрожала.

Норико тоже, судя по всему, это заметила. Глаза ее расширились.

— Сёго...

— Вы, ребята, просили меня... — перебил Сёго Сюю, не вынимая изо рта сигареты. Дрожащей рукой он бросил зажигалку рядом с рулем. Затем продолжил: — Вы просили меня отправиться вместе с вами в США. — Дрожащей рукой Сёго вынул сигарету изо рта и выдохнул дым. — Я об этом подумал. Но... — Тут он умолк и снова вставил в рот сигарету. Затем опять вынул ее и выдохнул дым. — Похоже, на этот вопрос мне уже отвечать ни к чему.

Внезапно Сёго осел на пол. Он опустился на колени, и голова его свесилась вперед.

— Сёго!

Сюя подбежал к Сёго, схватил его за правую руку и поддержал. Норико тоже подбежала к Сёго и взяла его за левую руку.

Обессилевший Сёго казался страшно тяжелым. Только тут Сюя наконец понял, что спина Сёго мокра. Чуть ниже его шеи виднелась крошечная дырка. Выстрел Кадзуо. Та последняя пуля, которую Кадзуо в него выпустил. Сёго тогда заявил, что это ничего. Почему... почему же он сразу не стал лечить эту рану?! Или он знал, что она смертельна? Или... или он оттягивал лечение, чтобы Сюя и Норико успели сесть на борт?

Сёго медленно подался у них в руках и сел на пол.

— Хочу спать, — сказал Сёго. — Дайте мне немного поспать.

— Нет, нет, нет! — закричал Сюя. — Мы довезем тебя до ближайшего госпиталя.

— Не валяй дурака, — ухмыльнулся Сёго и, подобно двум солдатам, развалившимся в углу помещения, лег на бок.

— Пожалуйста. — Сюя опустился на колени и тронул Сёго за плечо. — Пожалуйста, вставай.

— Сёго... — Норико плакала.

— Норико! — укорил ее Сюя. Та сквозь слезы на него взглянула. — Не смей плакать! Сёго не может умереть!

— Брось, Сюя, — по-доброму пожурил его Сёго. — Не злись на нее из-за ерунды. Ты должен быть добр с этой девочкой. — Затем он добавил: — А кроме того, извини, но я отчаливаю.

Лицо Сёго все больше бледнело. По контрасту шрам над его левой бровью стал теперь темно-красным, напоминая сороконожку.

— Сёго...

— Я все еще не уверен... — сказал Сёго. Голова его дрожала, но он продолжал двигать губами. — Собираюсь ли я к вам, ребята, присоединиться. Н-но я х-хотел бы з-за в-все вас п-по-благодарить.

Сюя снова и снова качал головой. Он просто смотрел на Сёго. И не мог ничего сказать.

Сёго поднял дрожащую правую руку:

— П-прощай.

Сюя сжал его ладонь.

— Н-норико, ты тоже.

С трудом сдерживая слезы, Норико сжала левую руку Сёго.

Теперь Сюя понял, что Сёго действительно умирает. Нет, он уже это знал, просто теперь смирился. Что еще он мог сделать? Сюя попытался придумать, что бы еще сказать. И придумал.

— Послушай, Сёго.

Затуманенные глаза Сёго переместились с Норико на Сюю.

— Я порву за тебя этот проклятый режим. Я порву его на куски, будь он трижды проклят!

Сёго ухмыльнулся. Рука его выпала из ладоней Норико ему на грудь. Норико потянулась и снова ее сжала.

Сёго закрыл глаза. Казалось, он опять ухмыляется.

— Я... я говорил тебе, Сюя, — сказал он затем. — Т-тебе не н-нужно этого д-делать. Б-брось, забудь. В-вы д-двое должны п-просто попытаться п-пожить. П-пожалуйста. К-как мы д-де-лали здесь — п-просто доверяйте д-друг другу. Х-хорошо?

Сказав все это, Сёго сделал долгий, глубокий вдох. Глаза его оставались закрыты.

— В-вот чего я х-хочу, — с трудом вымолвил он.

И это было все. Сёго перестал дышать. Тускло-желтый свет с потолка рулевой рубки освещал его бледное лицо. Тело Сёго казалось совершенно расслабленным.

— Сёго! — воскликнул Сюя, по-прежнему желая хоть что-то сказать. — Ты увидишься с Кэйко! Ты будешь с ней счастлив! Ты...

Было уже слишком поздно. Сёго его не слышал. Но его лицо выглядело удивительно мирным.

— Проклятье. — Губы Сюи задрожали. — Проклятье.

Держа Сёго за руки, Норико плакала.

Сюя тоже взялся за крепкую ладонь Сёго. И вдруг в голову ему пришла одна мысль. Он обшарил карманы Сёго и наконец нашел то, что искал, — красный манок. Вложив манок в правую ладонь Сёго, он покрепче ее сжал. А потом Сюя наконец залился слезами.

Эпилог

Умэда-Осака

В суетливой толпе на вокзале Умэда-Осака, где каждый пешеход был занят каким-то своим делом, Сюя Нанахара (ученик номер 15 третьего класса "Б" средней школы города Сироивы), ступая на один из эскалаторов, что бежали вдоль широких вокзальных лестниц, внезапно услышал объявление: «Нами получено срочное сообщение о недавнем убийстве инструктора Программы в префектуре Кагава». Нежно сжав правой рукой плечо Норико Накагавы (ученицы номер 15 той же школы), Сюя остановился.

На гигантском телеэкране, высотой с эскалатор, показывали крупным планом диктора лет пятидесяти с небольшим, чьи волосы были аккуратно расчесаны на пробор.

Сюя и Норико вместе подошли к экрану. Был понедельник, седьмой час вечера, а потому здесь стояли ученики и чиновники в деловых костюмах. Сюя и Норико уже школьную форму не носили. На Сюе были джинсы, ситцевая рубашка и джинсовая куртка. Норико тоже надела джинсы, а также темно-зеленую тенниску и светло-серую ветровку. (Свою спортивную обувь они, однако, сохранили, тщательно помыв ее после игры.) На шее у Сюи была повязка, но ее скрывал воротник джинсовой куртки. На левой щеке Норико также имелась большая повязка, частично скрытая черной бейсбольной кепочкой, которую девочка натягивала на самые глаза. Норико все еще волочила правую ногу, но это уже не выглядело подозрительно. Поскольку его левая рука по-прежнему почти не работала, Сюя правой рукой поправлял спортивную сумку у себя на левом плече.

В записках Сёго указывалось имя врача и его адрес в городе Кобе. Сюе и Норико не составило труда найти на окраине города небольшую клинику, вероятно схожую с той, которой руководил отец Сёго. Врач, которому вряд ли было больше тридцати, тепло встретил молодых людей и обработал их раны.

— Отец Сёго был наставником моего отца в медицинском училище. Впрочем, я тоже очень многим этому человеку обязан, — объяснил врач. Похоже, он располагал хорошими связями и на следующий день, то есть вчера, организовал их бегство из страны. — Сёго оставил мне немного денег, — пояснил он, — просто на случай крайней необходимости. Вот мы их и используем. — Сперва Сюя и Норико должны были выйти на рыболовецком судне из маленькой рыбацкой деревушки в префектуре Вакаяма в Тихий океан, а затем пересесть на другой корабль в Демократическом Государстве Корейского Полуострова. — С тем, чтобы добраться из Кореи в Америку, у вас никаких проблем не будет. Сложной станет лишь пересадка с того первого судна на другое. — В голосе доктора ясно прозвучала тревога, но у Сюи с Норико на самом деле другого выхода не оставалось.

Прежде чем они покинули дом доктора, Норико позвонила домой. Вернее, сперва она позвонила близкой подруге из другого класса и дала ей поручение позвонить в дом доктора из телефона-автомата. Это была предосторожность, связанная с прослушиванием телефонных разговоров. Сюя ненадолго оставил Норико одну, но ему было слышно, как она плачет в коридоре, где стоял телефон. Сам Сюя не стал звонить в «Дом милосердия». Он лишь мысленно поблагодарил госпожу Анно и навсегда с нею попрощался. То же самое — с Кадзуми Синтани.

— Ввиду того, — продолжал диктор, — что вертолет оборонительных сил расплыл отравляющий газ на острове Окисима, что в префектуре Кагава, где проводилась Программа, осмотр этого места пришлось отложить. Однако сегодня утром, через двое суток после инцидента, инспекция была, наконец, проведена. Теперь мы знаем, что два ученика, находившихся там, пропали.

Физиономия диктора исчезла с экрана. Камера теперь давала картинку того, как полицейские чиновники и солдаты осматривают остров, где Сюя и остальные бились за свою жизнь. За какую-то долю секунды Сюя успел разглядеть два трупа: трупы Юкиэ Уцуми и Ёситоки Кунинобу, которые лежали у самого края груды школьных

пиджаков и матросок лицом к камере. Несмотря на действие отравляющего газа, их лица остались неповрежденными, поскольку оба они лежали внутри домов. Сюя изо всех сил сжал правый кулак.

— Пропадшими учениками являются Сюя Нанахара и Норико Накагава, ученики третьего класса "Б" средней школы города Сироивы, что в префектуре Кагава. — Экран теперь демонстрировал две крупные фотографии, бок о бок. Те же самые фотографии имелись в их ученических билетах. Сюя поводит глазами по сторонам, но никто в толпе, глазевшей на экран, похоже, их не заметил.

Появилось изображение пустынного берега рядом с горой. Пока камера делала наезд, к берегу причалил маленький сторожевой корабль защитной окраски, и теперь его осматривали полицейские чиновники и солдаты, скопившиеся на пляже. Этот фрагмент был отнят сразу же после того, как об инциденте стало известно — а стало быть, не так уж и недавно.

— Ранним утром двадцать четвертого числа сторожевой корабль инструктора Программы в префектуре Кагава был обнаружен у берега Усимада-тё, что в префектуре Окаяма. Инструктор Сакамоти и девять солдат оборонительных сил особого назначения включая рядового Токихико Тахару были обнаружены вместе с победителем Программы Сёго Кавадой. — Снова дали крупный план Сакамоти. Длинные волосы инструктора были аккуратно зачесаны за уши. — Заподозрив, что произошел некий конфликт, полиция и чиновники оборонительных сил приступили к расследованию. На данный момент власти считают, что два пропавших ученика из сегодняшнего сообщения могли сыграть решающую роль в инциденте. В настоящее время ведется их усиленный розыск...

Диктор продолжал о чем-то трепаться, но Сюя был слишком занят картинкой, чтобы его слушать.

Пошел короткий клип под названием «Победитель Сёго Кавада — найден мертвым». При обычных обстоятельствах прошло бы только общее название «Ученик-победитель», а в местных новостях в префектуре Кагава показали был лишь короткий фрагмент. Сюя и Норико несколько раз смотрели выпуски новостей в доме доктора в Кобе, но там показывали только фотографии Сёго. Этот клип они увидели в первый раз.

Зажатый между парой здоровенных солдат, Сёго смотрел в камеру. А потом...

В самом конце клипа, продлившегося десять с лишним секунд, Сёго ухмыльнулся и поднял руку с выставленным вверх большим пальцем.

Толпу, глазевшую на экран, похоже, охватила тревога. Судя по всему, они решили, что Сёго был упоен своей победой.

«Конечно, все было совсем не так», — подумал Сюя, наблюдая за тем, как на экране снова появляется физиономия диктора.

Было это его посланием ему и Норико? Неужели Сёго уже знал, что должен умереть, когда стоял перед государственной телекамерой? Или это была очередная демонстрация его уникального чувства юмора?

«Никогда мне этого не узнать, — подумал Сюя. — Как Сёго однажды и сказал».

Затем снова показали крупные фотографии Сюи и Норико.

— Все свидетели должны немедленно докладывать в...

— Идем, Норико. Надо спешить, — прошептал Сюя, правой рукой сжимая левую ладонь девочки. Они отвернулись от экрана и пошли дальше.

— Сёго сказал мне... — прошептала Норико, пока они, держась за руки, уходили от экрана, — когда ты был с группой Юкиэ... прежде чем ты вернулся, он кое-что мне сказал.

Наклонив голову, Сюя посмотрел на Норико.

Девочка взглянула на Сюю. Глаза ее под козырьком бейсбольной кепочки были влажными.

— Он сказал, что рад был иметь таких добрых друзей.

Сюя поднял взгляд и кивнул. Просто кивнул.

Они остановились, пропуская мимо группу из семи-восьми школьников, а потом снова пошли дальше.

— Знаешь, Норико, — сказал Сюя. — Мы всегда будем вместе. Я обещал Сёго.

Норико слегка кивнула.

— Сейчас мы сбежим... но в один прекрасный день я непременно собираюсь порвать этот проклятый режим на куски. Я выполню данное Сёго обещание. Я хочу сделать это ради Сёго, ради тебя, ради Ёситоки, ради всех. Ты поможешь мне, когда придет время?

Норико сжала руку Сюи и кивнула.

— Конечно, помогу.

Они вышли из толпы и встали перед автоматической билетной кассой. Норико взглянула на дисплей над билетным автоматом, достала из кармана немного мелочи и пересчитала ее. Затем она встала в очередь к автомату, чтобы купить им билеты.

Сюя стоял на месте, ожидая, пока подойдет очередь Норико. Очередь подошла очень скоро. Норико вставила монетки в щель.

Сюя небрежно глянул влево.

И мгновенно прищурился. Там был вход в зал ожидания, а дальше улица, на которой машины и такси обгоняли друг друга. За этой улицей виднелся многоэтажный район Кобе. На фоне многоэтажек появился высокий мужчина в форме и устремился напрямик к ним. Умело маневрируя в потоке пешеходов, он направлялся к Сюе.

На мужчине была полицейская форма. И в центре его фуражки сиял золотистый значок персика.

Правой рукой Сюя медленно потянулся к беретте М-92Ф, засунутой сзади за пояс, одновременно прикидывая возможный маршрут бегства. У входа, противоположного от полицейского, тоже была улица. Если они туда доберутся, то смогут поймать такси...

Тут как раз Норико вернулась с билетами.

— Забудь про поезд, Норико, — быстро прошептал ей Сюя.

Норико все поняла. Она быстро повернулась и, увидев полицейского, широко раскрыла глаза.

— Сюда, — шепнул ей Сюя.

Полицейский уже бежал к ним.

— Мы должны бежать, Норико! — добавил Сюя. — Как можно скорее! — «Как-то знакомо это звучит», — подумал он, пока они с Норико неслись прочь.

Затем Сюя оглянулся. Полицейский доставал пистолет. Сюя выхватил беретту. Полицейский тут же выстрелил. ПИФ-ПАФ. Прозвучали два стремительных выстрела, но, к счастью, никто в толпе, включая Сюю и Норико, не был ранен. Однако тут же раздались крики, а некоторые люди упали на землю, ища укрытия, тогда как другие, понятия не имея, откуда стреляют, стали разбегаться кто куда. Полицейский, опустив пистолет, снова побежал к Сюе с Норико, но по дороге врезался прямоком в жирную женщину, несущую сумку с продуктами, и неловко упал. Женщина тоже упала, и овощи из ее сумки рассыпались по полу.

Больше Сюя не оглядывался. Дальше он смотрел только вперед.

Пока он бежал бок о бок с Норико, в голову ему вдруг пришла одна мысль. Крики, торопливые шаги, визгливые крики полицейского — все это отошло в сторону.

Да, мысль могла быть крайне неподходящей. И потом... он с этим порвал. Вот проклятье!

Но все же Сюя об этом подумал:

«Вместе, Норико, мы одолеем грусть. Всей моей безумной душой я любить тебя стану. Однажды мы обязательно доберемся, куда хотим. И под солнцем пойдем... Но до тех пор — мы бродяги, любимая... мы рождены беглецами».

Крики и вопли позади нарастали, отзываясь тяжелым дыханием Норико и стуком его сердца.

Мы все еще бежим. Это точно.

Сейчас. Прямо сейчас мы должны бежать.

Но мы не остановимся, пока не победим.

* * *

И опять: «Осталось 2 ученика».

Но теперь они уже, конечно, среди нас.